

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская

ЭВОЛЮЦИЯ
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
СРЕДНЕГО УРАЛА В XX ВЕКЕ

Опыт динамического анализа

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2006

УДК 911.63(470.5)
ББК У03(2Р36)
М139

Научный редактор Г. Е. К о р н и л о в, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Уральского государственного педагогического университета

Рецензенты

Отдел отечественной истории XX века Института истории и археологии УрО РАН (заведующий отделом доктор исторических наук, профессор А. В. С п е р а н с к и й);

Н. В. П и о т у х, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Мазур Л. Н.

М139 Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 564 с.

ISBN 5-7996-0238-2

Книга представляет собой первый опыт комплексного анализа системы сельского расселения в крупном регионе в условиях становления индустриального общества и урбанизации. Рассмотрены теоретические аспекты изучения расселения, проанализированы основные факторы, определяющие развитие сельской местности в XX в. Выявлены и описаны динамические типы сельских поселений. Значительное внимание уделено анализу причин и вариантов закрытия и исчезновения населенных пунктов, а также функционированию временных поселений.

Исследование построено на основе обширного исторического, статистического и картографического материала с использованием компьютерных технологий и представляет интерес для историков, географов, краеведов, а также всех, кто интересуется проблемами эволюции поселенческой сети.

УДК 911.63(470.5)
ББК У03(2Р36)

*Публикуется в рамках исследования,
финансируемого Российским фондом фундаментальных исследований
(проект № 03-06-80436) и Российским гуманитарным научным фондом
(проект № 04-01-00138а)*

© Мазур Л. Н., введение, гл. 1–3, 5–12, заключение, 2006
© Бродская Л. И., гл. 4, 2006
© Уральский государственный университет, 2006

ISBN 5-7996-0238-2

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX в. Россия пережила множество потрясений, среди которых по значимости последствий особо выделяется так называемый **урбанизационный переход** — важнейшая составная часть модернизационных преобразований. По мнению А. С. Сенявского, переход от сельского к городскому обществу стал магистральным направлением, предопределившим специфику и результаты исторического пути России в XX в.¹ Будучи сложным социально-экономическим явлением, урбанизация не ограничивается только преобразованием пространственных структур организации общества, но влияет на все стороны его жизнедеятельности, формируя принципиально новую среду обитания и образ жизни. Урбанизация многолика: с одной стороны, этот процесс непосредственно связан с развитием городов и городской системы расселения. С другой стороны, она находит отклик в сельской местности, затрагивая ее количественные и качественные характеристики.

Поселенческая сеть региона — результат длительного процесса освоения территории, на который оказывает влияние целый ряд факторов, таких как природно-географические условия, хозяйственное развитие, демографические процессы, политика государства. Будучи итогом целенаправленной деятельности людей, система расселения отражает уровень развития общества, особенности его жизнедеятельности и меняется вместе с изменением социально-экономической ситуации.

Сложный характер взаимодействия расселения с другими подсистемами общества — производством, населением, государством — определяет диалектику его развития, неоднозначность тенденций. Чтобы понять и оценить те изменения, которые происходят

¹ Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

в расселении, необходимо учесть не только процессы, протекающие на макроуровне, но и тщательно изучить тенденции развития, характерные для микроструктур поселенческой сети — населенных пунктов. Сочетание макро- и микроанализа позволяет получить наиболее полное представление о динамике расселения.

Расселение обладает рядом системных свойств: устойчивостью, динамичностью, саморегулированием и управляемостью. Устойчивость система получает за счет относительной стабильности исторически сложившегося каркаса поселенческой сети, включающего наиболее крупные и значимые с точки зрения выполняемых функций селения. Кроме того, она связана с такими структурными элементами сельской местности, как материальные объекты (постройки), и тяготением людей к пригодным для жизни местам. Это также обуславливает и относительную стабильность системы расселения.

Вместе с тем в поселенческой сети происходят постоянные изменения: появляются новые населенные пункты и исчезают старые, меняется их статус, размеры, хозяйственные и административные функции, т. е. ей присуща динамичность, которая отличается неравномерным характером. Изменения постепенно накапливаются в системе, и в определенный момент времени происходит качественный скачок, связанный с трансформацией всего расселения, приобретением им новых качеств.

В XX в. происходит коренная перестройка как городской, так и сельской местности, меняется характер их взаимодействия. Анализ этих изменений приобретает особое значение с точки зрения прогнозирования, определения перспектив развития расселения.

В своей эволюции система расселения опирается на собственные внутренние ресурсы, среди которых большое значение приобретает демографический потенциал территории. Именно демографические процессы во многом предопределяют и направленность, и интенсивность изменений, происходящих в сельской местности. Кроме того, система расселения испытывает на себе влияние внешних факторов, к числу которых относятся производство, условия географической среды, политические и административные решения государственной власти. Они способны

внести существенные поправки в естественные процессы развития расселения, придавая им специфические черты. Каждый из факторов влияния нуждается в тщательном анализе и оценке, но этого недостаточно, необходимо учитывать также эффект их взаимодействия. Факторы могут дополнять друг друга или, напротив, оказывать противодействующее влияние. Только на основе комплексного анализа всех влияний, воздействующих на макро- и микроуровне, появляется возможность составить полную картину изменений поселенческой сети, которые произошли, и охарактеризовать их механизмы.

Эти перемены очевидны. Не секрет, что существенно сократилось число поселений. С карты страны исчезли тысячи сел и деревень, опустели некогда многолюдные селения. Если в 1939 г. в России насчитывалось 406 958 сельских населенных пунктов, то к 1989 г. их число сократилось до 152 922, т. е. уменьшилось почти в 2,7 раза². Общеизвестным стал тезис об отмирании деревни как формы поселения.

На Среднем Урале эти процессы проходили даже более интенсивно, чем в других регионах страны, в связи с ориентацией на промышленное производство и высокими темпами урбанизации региона. Так, например, в северных районах Среднего Урала уже в 1970—1980-е гг. деградирующие поселения, где наблюдалось сокращение населения, составляли 65 %, прогрессивно развивающиеся — только 21 %. В южных районах доля растущих поселений составляла 43 %, а нерастущих — 44 %³.

Что ждет в дальнейшем деревню? Ответ на этот вопрос во многом связан с изучением общих закономерностей развития расселения, его комплексной оценкой. Существенную помощь в этом могут оказать методы динамического анализа сельских поселений. Характеристика эволюции поселенческих структур, в том числе выявление ее типичных вариантов, даст уникальную возможность

² См. об этом: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2; Сельские населенные пункты РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 2.

³ См.: Мичурина Ф. З. Сельское расселение: теория и практика регионально-го анализа: (На материалах Урала): Дис. ... докт. геогр. наук. М., 1998. С. 31.

проследить процессы и модели урбанизации сельской местности на микроуровне. Собственно, эта задача и стала основной при проведении нашего исследования.

Нужно отметить, что задачи динамического анализа сельских поселений неоднократно рассматривались в научной литературе, прежде всего в рамках экономико-географических исследований. Однако их решение, как правило, не шло далее статистического описания. Ведущее место отводилось таким приемам статистической обработки данных, как группировка, средние и относительные величины (плотность размещения)⁴. Собственно говоря, это приемы, ориентированные в большей степени на изучение статики (морфологии), а не динамики (физиологии), которые были в свое время использованы В. П. Семеновым-Тянь-Шанским. В рамках таких исследований реализуется наиболее доступный способ анализа локальных или региональных систем. Он позволяет получить общее представление об изучаемом объекте и динамике его развития, но не дает возможности заглянуть вглубь явления, провести оценку всех модификаций⁵.

Более сложный, но вместе с тем и более интересный вариант исследования дает анализ динамических характеристик конкретных объектов — сельских населенных пунктов — и построение на их основе типологии. Цель такой типологии состоит в выделении групп объектов (поселений), характеризующихся сходными моделями поведения (развития). Однако здесь возникает целый спектр методологических вопросов, прежде всего выбор наиболее адекватных приемов статистической обработки. Простейшие методы

⁴ См., например: *Бочаров М. К.* Методы математической статистики в географии. М., 1971; *Архинов Ю. Р., Блажко Н. И. и др.* Математические методы в географии. Казань, 1976; и др.

⁵ См. об этом: *География населения в условиях НТР: Основные факторы и изменения расселения.* М., 1988; *Крупко А. Э.* Территориальная организация сельского населения и расселение Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 1998; *Быкова Н. В.* Экономико-демографические проблемы расселения в областном регионе: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1990; *Уставщиков С. В., Уставщиков В. В.* Демографическая ситуация и сельское расселение на рубеже веков. Саратов, 2004; и др.

описательной статистики не дают нужного эффекта. Так, например, на основе данных статистики за 1959—1970 гг. выделяются только четыре варианта поведения населенных пунктов: для 35 % сельских поселений СССР было характерно регрессивное развитие, для 28 % — неустойчивое равновесие с предпосылками к регрессу, для 26 % — неустойчивое равновесие с предпосылками к прогрессивному развитию и для 4 % — положительная динамика⁶. В 1971—1973 гг. регрессивная форма развития наблюдалась уже у 60 % поселений, и еще 11 % имели предрасположенность к регрессивному развитию.

Имея эту обобщенную информацию, мы вместе с тем не можем оценить специфику изменений отдельных объектов в пределах одного и того же типа. Для решения этой задачи требуется использование более сложных методов, ориентированных на выявление трендов и построение математических моделей динамики.

В 1970—1980-е гг. исследователи впервые обращаются к возможностям моделирования, отмечая эффективность моделей как инструмента изучения расселения, прежде всего городского⁷. Сельское расселение в меньшей мере было охвачено этими инновациями, но все же интересные опыты были. В конце 1970-х гг. новосибирские ученые под руководством Т. Н. Заславской, используя материалы социологического обследования сельских поселений Западной Сибири, предложили свой вариант моделирования и типологии поведения сельских населенных пунктов⁸. Построение типологии основывалось на применении методов автоматической классификации. Для этой цели были специально организованы массивы данных, в которых представлены характеристики сельских поселений на начало и конец изучаемого периода. Такой подход позволил ис-

⁶ См.: Проблемы расселения в СССР (социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). М., 1980. С. 206.

⁷ См., например: Гусейн-Заде С. М. Модели размещения населения и населенных пунктов. М., 1988; Важенин А. А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997; и др.

⁸ См.: Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов). М., 1977.

следователям проанализировать наиболее распространенные типы динамики, изучить зависимость динамики от исходного статуса поселений. Если изучаемый объект в начале и в конце изучаемого периода принадлежал к одному и тому же классу, то это свидетельствовало о стабильности его статуса. Если же происходило перемещение поселений из одного класса в другой, это отражало нестабильное положение. Новосибирскими исследователями была прослежена динамика сельских поселений по ряду факторов: экономическому, демографическому, социальному, а также уровню урбанизации. С учетом их были выявлены три динамические модели: «упадок», характерный для 17 % поселений; «функционирование» — 45,2 %; «развитие» — 37,6 %⁹.

Не довольствуясь приведенной классификацией, ученые сделали попытку построения более обобщенной типологии поселений с учетом их социального статуса и характера динамики. В итоге была предложена схема, в которой были представлены результаты анализа как статистики, так и динамики социального и демографического развития поселений. В качестве отдельных типов были выделены: свертываемые или самоликвидирующиеся поселения (16,6 %); неразвивающиеся периферийные аграрные поселения (29,3 %); неразвивающиеся периферийные пригородно-индустриальные поселения (5,7 %); развивающиеся периферийные аграрные поселения (24,2 %); неразвивающиеся (стабильно функционирующие) аграрные центры (9,5 %); развивающиеся аграрные центры (10,2 %); наиболее развитые пригородно-индустриальные поселки (4,5 %)¹⁰. Предложенная схема вплоть до настоящего дня остается одной из наиболее интересных попыток применения многомерной типологии. Вместе с тем проблемы динамического моделирования здесь были решены весьма упрощенно, что неудивительно, т. к. оценка динамики велась всего по двум показателям и за очень незначительный период времени — с 1967 по 1972 г. Эти ограничения не дают возможности выйти на уровень построения динамических моделей, основанных на методах анализа временных рядов и ори-

⁹ См.: Развитие сельских поселений... С. 280.

¹⁰ См.: Там же. С. 283.

ентированных на описание тренда. Здесь требуется более обширный статистический материал, охватывающий достаточно продолжительный период времени.

Опыт изучения динамики сельских поселений, накопленный исследователями, имеет неоценимое значение для разработки методологических подходов и приемов анализа поселенческой сети. Тем не менее в каждом конкретном случае возникает необходимость корректировки использованных ранее методик с учетом специфики исходных данных, а также тех новых возможностей, которые предоставляет технический прогресс. Появление мощных программных пакетов статистической обработки значительно упрощает процесс построения сложных математических моделей.

Естественно, что динамический анализ эволюции сельских поселений — очень непростая задача, решение которой требует обоснования теоретических подходов, методических приемов. Кроме того, немаловажную роль играет наличие необходимого информационного массива первичных данных, обеспечивающего возможность проведения моделирования. Применительно к оценке долговременных процессов решение этой задачи связано с выявлением и анализом целого комплекса исторических источников, в которых представлена нужная информация.

Эти вопросы предопределили структуру нашей книги, в рамках которой рассматриваются и методологические, и конкретно-исторические вопросы эволюции сельского расселения Среднего Урала.

Объектом исследования выступает сельская поселенческая сеть Среднего Урала в XX в. Средний Урал как географическое понятие — это территория, которая располагается между 59-м и 56-м градусами северной широты¹¹ и занимает площадь 236 тысяч квадратных километров¹². Средний Урал — самая пониженная, суженная часть Уральских гор. Климат здесь более умеренный и влажный, чем на Северном Урале. Вместе с тем по своим природно-географическим

¹¹ См.: Материалы для изучения Пермского края // Сборник Пермского земства. № 2. Пермь, 1904. С. 33.

¹² Комар И. В. Урал: Экономико-географическая характеристика. М., 1959. С. 156.

условиям он неоднороден. Средний Урал делится на Предуралье, горную часть и Зауралье, которые отличаются климатическими условиями, почвами, природными ресурсами, формируя свой вариант хозяйственного освоения территории. Все это, в свою очередь, отражается в структуре поселенческой сети, ее характеристиках.

Территориально Средний Урал охватывает основную часть Свердловской области за исключением ее северных районов, а также частично Пермскую и Челябинскую области. Исторический анализ развития этой территории осложнен тем, что все статистические данные и материалы учета поселенческой сети привязаны к административным единицам. Поэтому возникает необходимость ограничить объект исследования территориями административных образований. В центре внимания нашего исследования находится Свердловская область, которая образовалась в 1934 г., выделившись из Уральской области, в последующие годы ее границы претерпели ряд изменений. В частности, в 1938 г. из нее была выделена Пермская область. В 1939 г. Свердловская область занимала огромную территорию — 191,4 тыс. кв. км с населением 2 511 309 человек (в т. ч. сельское население составило 1 007 721 чел.)¹³. К 1987 г. площадь области увеличилась до 194,3 тыс. кв. км, а численность населения достигла 4 703 000 человек (сельское население — 637 600)¹⁴. Соответственно областная поселенческая сеть включала в 1939 г. 21 город, 56 рабочих поселков, 5 282 сельских населенных пункта, 40 районов, а к 1987 г. здесь насчитывается 44 города, 97 рабочих поселков и 1 914 сельских поселений, 30 районов¹⁵. Изменения в административно-территориальной структуре области и ее границах сказываются на сопоставимости используемых сведений, в том числе при анализе экономико-географических зон внутри об-

¹³ См.: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион / Сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 288.

¹⁴ См.: Свердловская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987.

¹⁵ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2, 17; Административное деление Свердловской области. Свердловск, 1939; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987.

ласти. Но, несмотря на возникающие погрешности, охарактеризовать основные тенденции развития расселения можно.

Что касается показателей более раннего периода — начала XX в., то при анализе поселенческой сети из территории Пермской губернии и Уральской области были выделены те административные единицы (уезды и районы), которые затем вошли в состав Свердловской области. Эта задача решалась как на основе картографических приемов, так и с использованием возможностей технологии баз данных, что позволило обеспечить необходимую для динамического анализа сопоставимость информации.

Изучение системы расселения Свердловской области интересно также и тем, что она относится к категории одной из наиболее урбанизированных территорий Российской Федерации. Это позволяет более выпукло проследить трансформацию расселения в условиях ускоренной урбанизации. С другой стороны, неоднородность Свердловской области с точки зрения природно-географических условий и хозяйственной специализации непосредственно отражается на специфических особенностях структуры и динамики поселенческой сети. В частности, немаловажное значение для ее характеристики имеют пространственное расположение населенных пунктов, особенности их концентрации. Для территорий Среднего Урала, особенно для его северных районов, характерной чертой остается рассредоточенность сельского расселения. Более 4/5 жителей области проживают в наиболее урбанизированных горно-заводских районах и территориях, примыкающих к ним с запада и востока. В центральной и южной частях Свердловской области плотность населения на порядок выше, чем в северных районах¹⁶. Чем дальше в югу, тем плотнее и устойчивее становится поселенческая сеть. В зависимости от типа расселения наблюдается различная динамика поселенческих структур. Соответственно появляется возможность выявления территориальных моделей развития расселения.

Все эти моменты в совокупности позволяют рассматривать Свердловскую область в качестве интересного объекта исследования, ре-

¹⁶ См.: *Уральская Е. М.* Расселение Свердловской области и его районирование: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1968. С. 7.

зультаты которого вполне реально экстраполировать в допустимых границах на другие территории Урала и России.

Структурно книга делится на три части: в первой раскрываются методологические проблемы изучения сельского расселения (теоретические аспекты, источники, методы анализа), во второй рассматриваются динамические модели сельских поселений Свердловской области и анализируются факторы, влияющие на их динамику, в третьей дается анализ становления и трансформации территориальных моделей расселения с учетом влияния экономико-географических условий.

Особенностью представленной работы является то, что она была выполнена с использованием возможностей современных компьютерных технологий, в частности технологии баз данных, а также обработки первичных данных с привлечением пакетов статистического анализа. Составление баз данных и динамических рядов людности поселений в программе Excel по сельским поселениям проводилось Л. Н. Мазур, расчеты показателей, группировки, построение графиков трендов — Л. И. Бродской. Карты по Свердловской области и экономико-географическим районам составлены С. И. Цеменковой. Главы 1—3, 5—12 написаны Л. Н. Мазур; глава 4 — Л. И. Бродской.

ЧАСТЬ 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Основные понятия теории расселения

Проблемы эволюции сельского расселения относятся к категории междисциплинарных, что неизбежно накладывает отпечаток на методологию, источниковую базу исследования и на его понятийный аппарат. Изначально расселение рассматривалось как объект изучения географии. В системе координат именно этой науки формируются основные понятия и методологические подходы.

В 1910 г. В. П. Семеновым-Тянь-Шанским была опубликована работа, ставшая классической и положившая начало новому направлению географии — изучению расселения¹. В дальнейшем свой вклад в разработку этой дисциплины внесли этнографы, историки, архитекторы, экономисты, для многих из них система расселения и ее первичный элемент — населенный пункт — стали основным объектом исследования. При этом каждая наука выработала свои приемы анализа расселения, свою систему категорий. Так, например, в рамках географии в первую очередь изучается размещение населения по территории, в том числе такие аспекты расселения, как численность и плотность поселенческой сети, людность поселений; социальная инфраструктура, типология и пространственное расположение поселений; генезис, районирование и классификация

¹ См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910.

систем расселения в целом. Экономисты акцентируют внимание на анализе взаимосвязи двух основных материальных подсистем — расселения и способа производства. Их исследования связаны с попытками прогнозирования расселения и созданием его оптимальных моделей, соответствующих потребностям экономики. Историческая наука в большей степени ориентирована на последовательную реконструкцию процессов распространения людей по территории страны или региона и освоения исторического пространства. В задачи этнографии входит выявление этнокультурной специфики поселенческой среды и ее обусловленность традицией. Градостроительство в свою очередь изучает планировку и застройку населенных пунктов, а социология рассматривает расселение как пространственную форму организации общества. Такое многообразие подходов неизбежно отражается на теории расселения, которая начинает складываться в начале XX в. и достигает некоторого уровня определенности к 1960—1970-м гг., обрстая теоретическими схемами и построениями.

Междисциплинарный характер изучаемого объекта приводит к определенным трудностям, т. к. приходится координировать систему знаний, созданных в различных областях науки, подгоняя их к единой шкале оценки. Это не всегда удается. Но есть и свои преимущества — возможность посмотреть по-новому на казалось бы хорошо известные явления и, используя синтез научных знаний, подняться на новый уровень обобщения и анализа.

Уже само понятие «расселение», которое выступает в качестве базового, имеет множество толкований. Длительное время при характеристике данного термина определяющим был производственный подход, в соответствии с которым расселение рассматривалось как элемент инфраструктуры экономики. По мнению В. Г. Давидовича, А. Марксоо, С. Ныммика, расселение — это размещение сети населенных пунктов различной величины, выполняющих те или иные народно-хозяйственные функции по отношению к местам производства, линиям транспорта, природной среде и по отношению друг к другу². Другой подход к определению рас-

² См.: Расселение: вопросы теории и развития (на примере Украинской ССР). Киев, 1985.

сматриваемого понятия связан с выдвиганием на первый план демографического аспекта (С. А. Ковалев, В. В. Покшишевский, О. А. Кибальнич). С этих позиций расселение интерпретируется как размещение населения в местах его проживания³. В 1980-е гг. при характеристике данного понятия все чаще стали учитывать его историко-культурные и природно-географические аспекты. Так, например, в работе Д. Д. Мангатаевой расселение определяется как исторически сложившаяся, динамическая, целостная система, включающая территориальный комплекс взаимосвязанных упорядоченных элементов, образующих особое единство с окружающей средой⁴.

Все вариации рассматриваемого понятия, по сути, сводятся к двум основным смыслам, в рамках которых расселение предстает либо как процесс освоения территории, либо как результат этого процесса, реализованный в форме сложившейся системы населенных мест⁵. Учитывая существующие подходы и принимая во внимание историко-культурную обусловленность изучаемого явления, дадим следующее определение расселению.

Р а с с е л е н и е — это исторически сложившаяся территориально организованная сеть поселений, между которыми существуют устойчивые связи (производственные, социальные, бытовые, административные и проч.), а также присутствует распределение функций в соответствии с местом и ролью населенных пунктов в системе. Принципиально важным для характеристики расселения в этом случае является не только анализ важнейших системообразующих факторов — природно-географического, экономического и демографического, которые формируют определенный тип и рисунок поселенческой сети, но и учет тех конкретно-исторических условий, в которых протекает эволюция системы расселения и которые предопределяют ее стадийные свойства.

³ См.: Ковалев С. А. Сельское расселение: (Географическое исследование). М., 1963. С. 6.

⁴ См.: Мангатаева Д. Д. Система расселения населения: Региональный аспект. Новосибирск, 1988. С. 5.

⁵ См.: Покшишевский В. В. Население и география: Теоретические очерки. М., 1978. С. 38.

При анализе расселения его обычно подразделяют на городское и сельское. Это не всегда правомерно, т. к. оценка стадийных параметров поселенческой сети должна строиться на комплексном изучении городской и сельской местности, находящихся в тесном взаимодействии. Вместе с тем в большинстве работ каждая из этих подсистем рассматривается в качестве самостоятельного объекта. И это обусловлено как спецификой их структуры и выполняемых функций, так и особенностями административного учета.

Деление расселения на две подсистемы нашло отражение в структуре научного знания, где урбанистика — наука о развитии городов — приобрела самостоятельное значение и выделилась в отдельную отрасль знания со своим понятийным, методическим и методологическим аппаратом. С другой стороны, в 1960—1970-е гг. оформилась в самостоятельное научное направление наука о сельской местности и закономерностях ее развития — **руралистика**.

Дискуссия о комплексном или сегментном подходе к анализу расселения продолжается, и однозначного решения здесь быть не может. В конечном итоге конкретный вариант исследования определяется поставленными целями и задачами. Комплексный анализ городского и сельского расселения во всем многообразии и сложности их взаимодействия необходим для понимания и реконструкции общих закономерностей развития расселения. Конкретно-географические и исторические исследования требуют более четких представлений о функционировании каждой из подсистем, неизбежно сужая объект исследования.

Расселение характеризуется системностью, ему свойственна сложная иерархическая структура, включающая несколько уровней организации. Верхний уровень представлен **национальной системой расселения**, формирующейся в рамках государственных образований и отражающей особенности его административно-территориального устройства. Региональный уровень соответствует в большей степени крупным экономическим районам, объективно сложившимся в ходе хозяйственного освоения территории. В этом смысле мы можем говорить о системе расселения Севера, Урала, Дальнего Востока, Западной и Восточной Сибири,

Поволжья и т. д. Областной уровень организации системы расселения формируется в рамках крупных административно-территориальных единиц, которые, в свою очередь, состоят из локальных систем, включающих совокупность населенных мест в пределах административного района (районный уровень), а также внутрихозяйственное расселение.

Иерархичность расселения нашла отражение в разработке научных представлений о локальных и региональных системах как своеобразных типах, различающихся характером внутренних связей и взаимодействием элементов системы.

Локальные системы расселения отличаются от региональных прежде всего более высокой интенсивностью и разнообразием связей (производственных, бытовых, информационных, управленческих и пр.), а также компактностью. В локальных системах нижнего уровня принято выделять центры и периферийные населенные пункты. Центральное поселение характеризуется тем, что его функции распространяются на окружающую территорию. «Периферийные» поселения подчиняются центральному и расположены в сфере его влияния. Кроме того, встречаются отдельные поселения, практически не включенные в систему расселения. Они получили название изолированных (автономных) поселений. Одним из критериев выделения локальной системы расселения выступает временная доступность центральных поселений для жителей периферии.

Региональные системы расселения отличаются большими масштабами, охватывая в том числе и неконтактную территорию, в результате в их пределах отсутствуют условия для постоянного общения населения. Структура региональных систем складывается под влиянием административно-территориального деления и распределения функций управления.

Помимо указанной выше типологии, основанной на оценке масштабов и иерархичности расселения, принято выделять его хозяйственные типы: сельскохозяйственное, охотопромысловое, аграрно-индустриальное, несельскохозяйственное и др. В данной схеме отражена тесная связь расселения и производства, их взаимное влияние. Характер хозяйственной деятельности неизбежно на-

кладывает отпечаток на поселенческую сеть, определяя ее системные параметры и рисунок (форму) территориальной организации.

В зависимости от пространственной формы расселения выделяют следующие его виды⁶:

— дисперсное расселение, которое представлено одиночными поселениями, нередко однодворками, территориально рассредоточенными и достаточно автономными. Такая форма характерна, например, для охотопромыслового типа расселения;

— ленточное расселение складывается вдоль основных транспортных коммуникаций — рек, железных дорог, трактов — и свойственно ранним стадиям сельскохозяйственного и промышленного освоения территории;

— очаговое расселение формируется на территориях частично сельского хозяйственного или промышленного освоения, обусловленного в том числе природно-географическими факторами. Такая форма складывается, например, в местах добычи минерального, лесного и другого сырья;

— сплошное (равномерное) расселение наблюдается там, где сельскохозяйственное и промышленное освоение территории завершилось, способствуя созданию достаточно плотной поселенческой сети и высокому уровню концентрации населения.

Основными элементами расселения выступают: 1) территория, 2) проживающие на ней люди (население), 3) природная, материальная, производственно-экономическая, социальная и культурная среда обитания этих людей. Территориальные общности разного уровня связаны между собой, образуя логическую цепочку: поселение — локальная система расселения — региональные системы области (края), экономического региона, страны. Поселение представляет собой низовое звено этой системы, первичную ячейку.

⁶ Проблемами типологии расселения занимались многие исследователи. Наиболее полную схему предложил М. В. Витов, систематизируя классификации, разработанные в рамках различных наук. Он выделил следующие типы расселения: гнездовое; равномерное (сплошное); разбросанное (дисперсное) (см.: *Витов М. В. О классификации поселений // Совет. этнография. 1953. № 3. С. 27—37*). В дальнейшем эта схема была уточнена С. А. Ковалевым (см.: *Ковалев С. А. Сельское расселение: географическое исследование. М., 1963*).

Нередко поселение воспринимают как нечленимый далее объект. Но вместе с тем оно имеет внутреннюю структуру, делится на части, в том числе пространственные — микрорайон, квартал, концы, дворы и т. п., которые, в свою очередь, могут рассматриваться как ячейки более низкого уровня деления, чем само поселение. Такая степень детализации населенных пунктов в некоторых случаях имеет смысл, т. к. отражает особенности формирования и развития селения, его структурной и пространственной организации. Неотъемлемой характеристикой поселений выступает природная среда, в которой оно расположено.

Само понятие «поселение» также имеет неоднозначное толкование. В обыденном восприятии поселение рассматривается как населенный пункт — место, где кто-нибудь живет. На первый взгляд все ясно, но когда возникает потребность выделить конкретный поселенческий объект, его идентифицировать, то возникает потребность в более четких критериях. Например, насколько правомерно отнести к категории населенных пунктов такие образования, как лесной кордон, железнодорожный барак, прииск? В 1930-е гг. их, например, рассматривали как поселение, а в 1960-е гг. — уже нет.

Вообще вплоть до 1960-х гг. это понятие не получило четкой дефиниции и его уточнением занимались главным образом статистики. Так, в инструктивных материалах к переписи 1926 г. зафиксирована точка зрения на поселение, которая использовалась при статистическом учете в первой половине XX в. В них к населенному пункту относили группу строений или отдельно стоящие строения с временно или постоянно проживающим в них населением. Следовательно, как населенный пункт воспринимались и крупное село, и небольшая деревня или однодворный хутор, а также кордоны, железнодорожные будки, бараки, нередко заселенные временно. При проведении переписи 1939 и 1959 гг. как поселение рассматривалось то, что воспринималось местными жителями и органами власти в качестве населенного пункта.

Во второй половине XX в. в управленческих кругах меняются представления о критериях населенного пункта, что во многом было связано с разработкой и реализацией социальных программ, а также укрупнением, охватившим как производственную (предприятия,

колхозы, совхозы), так и поселенческую сферы. В этих условиях при дефиниции рассматриваемого понятия акцент несколько сместился: поселение стало восприниматься как пространственный объект, имеющий закрепленную территорию и постоянно проживающее население⁷. Временные населенные пункты, а также поселения с непостоянным населением (лесные кордоны, полевые станы и пр.) в 1960-е гг. перестали регистрироваться. Сотни населенных пунктов исчезли из списков, с географических карт, они стали невидимы для управленческих структур и учета, в результате появилась скрытая поселенческая сеть. В нее вошли не только временные и малые селения, но и многочисленные служебные поселки, связанные с транспортом, лесным хозяйством, отдыхом и т. д. Сюда можно отнести также появившиеся в 1960—1970-е гг. коллективные сады, раскинувшиеся на многие десятки километров вокруг городов, дачи и базы отдыха.

В научной литературе только в 1960-е гг. впервые предпринимаются попытки дать определение, что есть поселение или населенный пункт. В рамках каждой науки, занимающейся расселением, было сформулировано свое видение данного объекта. Так, например, в статистическом справочнике 1965 г. поселение определяется как «группа жилых строений, объединенных названием (село, хутор и пр.) и присвоенным ему наименованием»⁸. С точки зрения экономической географии поселение определялось как «территориально целостный и компактный ареал концентрации населения со всеми необходимыми условиями и оборудованием для жизни, труда и отдыха»⁹. В некоторых случаях это понятие еще более сужается и сводится к пониманию его в качестве места приложения труда. Так, например, С. Г. Смидович характеризует поселение как «территориально концентрированные элементы производительных сил, места соединения производства и населения»¹⁰.

⁷ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 22. С. 300.

⁸ Статистический словарь. М., 1965. С. 331.

⁹ См.: Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С. 179.

¹⁰ Смидович С. Г. Особенности политики расселения в СССР на современном этапе. Йошкар-Ола, 1987.

Для градостроителей и архитекторов поселение — это прежде всего комплекс жилых и нежилых зданий, соответствующих определенному образу жизни. Социологи рассматривают данное понятие и как элемент социально-поселенческой структуры региона, и как первичную территориальную общность¹¹. В рамках исторической науки данное понятие приобретает конкретно-историческую направленность и непосредственно связано с общественными представлениями о данном явлении, которые неизбежно менялись, конкретизировались и уточнялись на разных этапах развития общества. Поэтому историки не стремились выработать общее определение для категории «поселение», а пытались лишь уточнить его исторические варианты: «село», «сельцо», «погост» и т. д., в том числе в их развитии¹².

Учитывая общепринятые критерии и известные определения, дадим свое определение этому понятию.

Поселение можно охарактеризовать как совокупность следующих элементов: население (постоянное или временное), территория, жилые, хозяйственные и производственные постройки и необходимая для жизнеобеспечения инфраструктура (транспорт, сфера обслуживания, сфера приложения труда). Приведенный вариант перекликается с определением, предложенным С. А. Ковалевым, который рассматривает населенный пункт или поселение не только как группу жителей, но и как совокупность материальных форм (построек), территории, в той или иной степени измененной человеком, где расположены материальные элементы поселения¹³. Близики к этому толкованию Б. С. Хорев, А. И. Алексеев и другие исследователи, внесшие значительный вклад в изучение расселения¹⁴.

¹¹ См.: Развитие сельских поселений: (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов). М., 1977. С. 15.

¹² См., например: *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; *Веселовский С. Б.* Село и деревня Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936; *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. Л., 1965; и др.

¹³ См.: *Ковалев С. А.* Сельское расселение: (Географическое исследование). С. 9.

¹⁴ См., например: *Хорев Б. С.* Планирование поселений: предпосылки и возможности. Йошкар-Ола, 1987. С. 1; *Алексеев А. И.* Сельское расселение как фактор образа жизни // Динамика расселения в СССР: Вопросы географии. Сб. 129. М., 1986. С. 185.

Таким образом, в науке получило распространение расширенное толкование этого явления, отличное от практики статистического и административного учета. В целом, это оправданно, т. к. позволяет охватить все существовавшие в историческом процессе вариации.

Один из центральных вопросов теории расселения — вопрос о классификации населенных пунктов. В научной литературе нашли отражение как одномерные, так и многомерные классификации сельских поселений. Еще в конце XIX в. Б. Заборский разработал свою классификацию, основанную на оценке планировок сельских поселений, которая вплоть до настоящего времени широко используется этнографами. Анализируя польские поселения, он выделил такие варианты, как кучевая деревня, уличная, рядовая, однодворная и т. п. Б. Заборский назвал эту классификацию геометрически-генетической.

Свой вариант классификации сельских поселений, основанный на численности населения, предложил в 1909 г. А. И. Воейков¹⁵. В советское время к этим проблемам обратился также Н. Н. Воронин¹⁶. Рассматривая поселение как явление социальное, постоянно меняющееся под воздействием внутренних и внешних факторов, он выделил исторически сложившиеся типы поселений: погост, слобода, село, деревня, починок и пр., определил их как стадии развития населенного пункта. В дальнейшем проблемы типологии и классификации населенных пунктов рассматривались в работах географов (С. А. Ковалев, Р. М. Кабо, Ю. Г. Саушкин, В. В. Покшишевский, Б. С. Хорев и др.)¹⁷, историков (В. М. Витов), архитекторов (В. М. Богданов), статистиков (В. Д. Миркин) и других исследователей. В результате утвердилось несколько классификационных схем (табл. 1.1).

¹⁵ См.: *Воейков А. И.* Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. Рос. геогр. о-ва. Т. 45, вып. 1—3. СПб., 1909.

¹⁶ См.: *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.

¹⁷ См., например: *Давидович В. Г., Ковалев С. А., Покшишевский В. В.* Об основах классификации населенных пунктов СССР (в связи с задачами экономической географии) // Изв. АН СССР. Сер. География. 1959. № 4; *Ковалев С. А.* Типы сельских поселений СССР // Вопр. географии. М.; Л., 1956; и др.

Таблица 1.1

*Классификация сельских поселений**

№ п/п	Основание классификации	Классификация видов поселений
1	Хозяйственная направленность	Сельскохозяйственные, несельскохозяйственные, агроиндустриальные
2	Оседлость населения	Постоянные, временные, сезоннообитаемые, подвижные
3	Людность	Мельчайшие (до 50 чел.), малые (до 200 чел.), средние (200—500 чел.), крупные (свыше 1 тыс. чел.), крупнейшие (свыше 10 тыс. чел.)
4	Планировка и застройка	Рядовая, кучевая, беспорядочная, уличная, участковая, квартальная, замкнутая и др.
5	Расположение на местности	Речное, долинное, овражное, моренное, водораздельное и пр.
6	Историческая (генетическая) типология	Погост, слобода, село, деревня, починок, хутор, поселок, выселок, становище, станица, околица, завод и пр.
7	Региональная типология	Северный, центрально-черноземный, северо-уральский, южно-уральский, горно-заводской и пр.
8	Наличие административных функций	Центральные, рядовые

* Составлено по: *Ковалев С. А.* Сельское расселение: (Географическое исследование). М., 1963. С. 23—26

Представленные классификации широко используются в рамках различных наук, обеспечивая совместимость и сопоставимость исследований, проведенных статистиками, социологами, географами, историками. Они наглядны и удобны для анализа. Но вместе с тем не позволяют выйти за пределы описательного уровня исследования. Чаще всего как в экономико-географических, так и в исторических трудах используются первые три классификации. Классификации, основанные на особенностях планировки, застройки, а также учитывающие расположение поселений на местности, разрабатывались преимущественно этнографами и архитекторами и именно в этих исследованиях применяются наиболее интенсивно.

Концептуальные подходы к изучению расселения

Рассмотренный выше понятийный аппарат и видовые классификации расселения и поселений представляют собой важнейшую составную часть теории расселения. Наряду с разработкой понятийного аппарата научное знание включает также теоретические концепции, ориентированные на объяснение закономерностей и путей развития изучаемого явления. Оформление концептуальных идей происходит постепенно, на основе накопления и систематизации эмпирических данных и их обобщения. Для этого необходимы предпосылки, формирование которых относится ко второй половине XIX в. — времени активного развития естественно-научных дисциплин, в т. ч. и практической географии.

Становление теории расселения включает несколько этапов.

- **Н а ч а л ь н ы й (э м п и р и ч е с к и й) э т а п** (начало XX в. — конец 1950-х) связан с накоплением эмпирического материала, формированием понятийного аппарата и классификаций. Этот период неоднороден, внутри него можно выделить несколько подэтапов, характеризующихся интенсивностью и направленностью исследований проблем расселения: 1) начало XX в.; 2) 1920-е гг., которые интересны тем, что в это время в среде архитекторов шла дискуссия о путях развития города, наложившая свой отпечаток на развитие архитектуры, а также тех наук, которые стали разрабатывать проблемы урбанизации (география, экономика); 3) 1930—1950-е гг. — период, когда проблемы расселения практически не изучались.

- **Этап формирования первичных теорий расселения** (1960—1970-е) ознаменовался всплеском исследований проблем городского и сельского расселения и активной разработкой концепций, ориентированных на прогнозирование и управление процессами расселения.

- **Этап разработки эволюционных (стадиальных) теорий расселения** (1980—1990-е) связан с использованием новых системных методологических подходов, рассматривающих расселение не только как объект управления, но и как саморазвивающуюся систему.

Становление теории расселения заслуженно связывают с именем В. П. Семенова-Тян-Шанского и его фундаментальным трудом «Город и деревня в Европейской России», опубликованным в Записках Русского географического общества (1910). Работа, по признанию самого автора, была написана под влиянием изданных ранее статей А. И. Воейкова, посвященных проблемам классификации населенных пунктов. Очерк В. П. Семенова-Тян-Шанского интересен не только собранными и систематизированными данными по системе сельского и городского расселения Европейской России начала века, но и теми методологическими подходами, которые были использованы. Ученый провел комплексный анализ существующей системы расселения с учетом ее генезиса и влияния природно-географического фактора. Пространственная картина заселения и особенности хозяйственного использования территории были положены в основу типологии расселения. Он выделил три зональных типа заселения (Центральный нечерноземный и Северо-Западный земледельческий водораздельный; Северный промысловый долинный — по течению рек и берегам озер; Южный черноземный земледельческий долинный) и 5 аazonальных (южный садоводческий; рыболовный; горно-заводский; тракторный; железнодорожный; курортный), характерных для Русской равнины¹⁸. Подчеркивая роль географического фактора, он указал, что каждому основному зональному типу соответствует свой природный ландшафт и определенные показатели заселенности: средняя частота селений, средняя людность и т. п.

Но все же основное внимание В. П. Семенов-Тян-Шанский уделил генезису и характеристике русского города, а также критериям «истинного» города. Таким образом, им была заложена методологическая основа анализа городской сети и системы расселения в целом, выделены признаки города как особого типа поселений, а также предложена классификация городов с учетом численности их жителей: столичные, крупные, большие, средние, малые, городки. Весьма интересны наблюдения В. П. Семенова-Тян-Шанского,

¹⁸ См.: Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России... С. 13, 27.

связанные с начальным этапом урбанизации. Анализируя «торгово-промысловую бойкость» по типам заселения и уездам Европейской России, он выделил те территории, где «отмечены способности к городской жизни», а также факторы, влияющие на рост городов и экономическую активность¹⁹.

В целом, исследование В. П. Семенова-Тян-Шанского, основанное на обширном статистическом материале и отличающееся высоким уровнем теоретического осмысления изучаемого вопроса, стало своего рода эталоном для последующих поколений исследователей. В том числе и в плане использования междисциплинарных подходов. Без изучения исторических аспектов заселения, по мнению В. П. Семенова-Тян-Шанского, невозможно в полной мере понять и оценить существующую поселенческую сеть. Наиболее ярко это прослеживается при выделении исторических типов городов (военный, юридический, административный, торгово-промышленный), каждый из которых связан с определенной исторической эпохой.

Подчеркивая вклад В. П. Семенова-Тян-Шанского в развитие теории расселения, необходимо отметить необыкновенную интуицию и проницательность ученого, который сумел разглядеть те ростки нового, которые в начале XX в. только проклюнулись. В частности, выделение им азональных типов, которые отличались от традиционного земледельческого расселения, свойственного аграрному обществу, предвосхитило выводы исследователей конца XX в. о причинах и характере кардинальной перестройки поселенческой сети в прошедшем столетии. Отметив своеобразие заселения в зоне влияния железнодорожных линий и горно-заводского производства, В. П. Семенов-Тян-Шанский тем самым высветил основные точки бифуркаций, вокруг которых развернется дальнейшая трансформация поселенческой сети.

К сожалению, теоретические наработки начала XX в. не получили развития. Изучением вопросов структуры и генезиса поселенческой сети в дальнейшем занимались разные науки: структура стала предметом исследования географии, а историко-генетические аспекты получили развитие в рамках исторических исследований.

¹⁹ Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России... С. 72.

Мировая война, революция, Гражданская война на некоторое время прервали изучение этих вопросов. Только в 1920-е гг., в условиях развертывания социалистического строительства, проблемы расселения, и прежде всего городов, вновь попадают в поле зрения обществоведов, географов, архитекторов. Естественно, что их обсуждение проходило под влиянием господствующей идеологии.

С точки зрения марксизма город рассматривался как результат общественного разделения труда. При этом каждая общественно-экономическая формация придавала городу своеобразие, что позволяло говорить, например, о феодальном городе, городе-полисе и т. д. Социалистическому обществу должен был также соответствовать особый тип города — социалистический. Вокруг понятия «социалистический город», или «город будущего», и разгорелись основные споры. Одним из постулатов марксизма-ленинизма стала констатация противоположности города и деревни, их антагонистического противоречия, которое с переходом к социалистическому и коммунистическому обществу должно сглаживаться, а различия между ними исчезнуть. Эти умозрительные представления о будущем не могли не повлиять на направленность и характер обсуждения вопросов развития поселенческой сети. В рамках дискуссии, которая разгорелась в среде архитекторов-проектировщиков, сложились две точки зрения о перспективах расселения: 1) урбанистическая и 2) дезурбанистическая.

Урбанисты (Л. Сабсович) рассматривали город как наиболее оптимальную форму функционирования общества, поэтому процесс преодоления различий между городом и деревней воспринимался ими как одностороннее преобразование сельских поселений в города. Другое направление — дезурбанизм, — представленное трудами М. Охитовича, выступало с позиций признания неперспективности развития городов, которые стали средоточием множества проблем. Сторонники этой концепции высказывались за необходимость возврата к природе путем разукрупнения городов. Конечно, представления и урбанистов, и дезурбанистов были во многом утопичными и отражали недостаточный уровень научной разработанности проблем расселения. Тем не менее людей волновало то, каким будет город или деревня будущего, соответственно

среда обитания рассматривалась как один из важнейших аспектов строительства коммунизма.

В 1930-е гг., с изменением общественно-политической ситуации, плюрализм мнений сменяется единой точкой зрения, в рамках которой город воспринимался как место концентрации рабочей силы и экономических, интеллектуальных, материальных ресурсов. Город становится важнейшим объектом регулирования и управления. Планирование развития городов было направлено на преодоление тех недостатков городской жизни, которые рассматривались как порождение «капиталистического прошлого», и создание «гармоничных» отношений.

Города ассоциировались прежде всего с индустриальными центрами и фактически становились приложением к предприятиям, которые все активнее стали принимать на себя градообразующие функции. На их плечи перекладываются постепенно проблемы формирования инфраструктуры городов, организации социально-культурных и бытовых условий. Ведомственная зависимость постепенно становится все более очевидной, особенно для провинциальных моноотраслевых городов. Все средства вкладывались в развитие производственной базы, а формирование городской среды осуществлялось по остаточному принципу. Таким образом, в 1930-е гг. сложились определенные представления о путях развития города, которые, с небольшими коррективами, просуществовали вплоть до 1990-х гг., определяя при этом и направленность научных разработок.

Новый всплеск интереса к вопросам градостроительства и расселения наблюдается в 1950-е гг. Урбанизация к этому времени стала одним из важнейших факторов, определявших жизнь общества, и изучение ее закономерностей стало первоочередной задачей. В результате в 1960—1970-е гг. в отечественной науке сформировалось несколько точек зрения на перспективы эволюции городской поселенческой сети. Так, например, в работах В. Г. Давидовича, В. В. Покшишевского основное внимание уделялось приоритетному развитию производственной базы больших городов. Г. М. Лаппо связывал перспективы урбанизации с формированием крупных агломераций и их расширением. В трудах Ю. Л. Пивоварова, Г. М. Фе-

дорова нашли отражение идеи о складывании урбанизированных районов и мегаполисов.

В целом, все прогнозы о развитии урбанизации, которые высказывались в эти годы, можно свести к двум вариантам: 1) урбанизация завершается деконцентрацией, а вместе с ней дезурбанизацией; 2) происходит территориальное расширение процесса урбанизации и переход ее на качественно новый уровень. Соответственно разделились и мнения по поводу будущего села. В рамках дезурбанистической концепции прогнозировалась гибель города и «сельское возрождение». Такая точка зрения получила особое развитие в зарубежной науке. Урбанисты предсказывали, напротив, поглощение городом села и утрату им своих специфических черт.

В конечном итоге в советской науке господствующей стала позиция, ориентированная на постепенное слияние города и деревни. Урбанизация сельской местности рассматривалась как процесс, суть которого заключается в развитии сельской среды до уровня городских стандартов, а также включении в нее городских элементов — промышленности, инфраструктуры, образа жизни²⁰.

Все концепции расселения, сложившиеся в 1960—1980-е гг., были ориентированы на практику управления и нацелены на поиск оптимальных вариантов системы расселения и инструментов ее регулирования. Среди них наиболее значимую роль сыграли три концепции:

- теория групповых систем населенных мест (ГСНМ);
- концепция единой системы расселения (ЕСР);
- теория опорного каркаса расселения (ОКР).

В определенном смысле они носили промежуточный характер и отражали сложившиеся в науке к определенному моменту времени представления о расселении. Для данных концепций характерно линейное представление о развитии поселенческих структур: от «простых» к более «сложным» городским формам — агломерациям, урбанизированным районам, групповым системам расселения.

²⁰ См.: Бельский В. Р. Проблема агроиндустриальных поселений: Расселение в районах размещения территориальных аграрно-промышленных комплексов. М., 1979. С. 20.

Особенностью теоретических построений этого периода стал тезис о полной управляемости процессов расселения, возможности их регулирования административными и политическими средствами. В качестве важнейших задач государственного управления выдвигались следующие: 1) ограничение роста агломераций, 2) ликвидация мелкоселенности и 3) устранение различий в образе жизни городского и сельского населения.

Система научных воззрений на проблемы расселения в 1960—1970-е гг. складывалась под влиянием господствовавшей в науке парадигмы. В этом русле, в частности, формулируется «основной закон расселения», согласно которому расселение должно соответствовать способу общественного производства, уровню развития производительных сил и особенностям их размещения²¹. Закономерным стал вывод, на долгие годы закрепившийся в научной литературе, что «унаследованное от дореволюционного периода мелкопоселенное сельское расселение противоречит социалистической форме ведения крупного сельскохозяйственного производства и создает трудности для рационального использования земли, трудовых и материальных ресурсов»²². В этом же ключе еще в начале 1960-х гг. С. А. Ковалевым были сформулированы основные задачи совершенствования сельского расселения: 1) необходимость укрупнения населенных пунктов; 2) сведение до минимума малых населенных мест, концентрация селитбы и ликвидация мелкоселенности; 3) создание агроиндустриальных поселений; 4) изменение облика сельских поселений²³. Такая установка предопределяла направленность и характер конкретно-географических исследований, проводимых в эти годы. Они были нацелены не столько на познание сущности тех изменений, которые происходили в расселении, сколько на иллюстрацию сложившихся в науке теоретических построений.

Одной из первых появилась теория групповых систем населенных мест, предложенная в конце 1950-х гг. В. Г. Давидови-

²¹ См.: География населения СССР в условиях НТР: Основные факторы и изменение расселения. М., 1988. С. 9.

²² Расселение: вопросы теории и развития... С. 19.

²³ См.: Ковалев С. А. Сельское расселение... С. 188.

чем. Он выделил в качестве магистрального направления развития поселенческой среды формирование групповых систем как закономерного результата концентрации производства. В качестве групповых систем рассматривались взаимосвязанные городские и сельские поселения разной величины и профиля, объединенные территориально-производственными связями и общей инфраструктурой. В. Г. Давидович выделил несколько типичных форм расселения:

- город с прилегающей округой (централизованная);
- два города или городских поселения;
- линейная группа городов и поселков;
- сгусток городов и поселков (агломерация)²⁴.

Формирование групповых форм было изучено на примере угольных бассейнов, горно-заводского Урала, Московской, Ленинградской областей, Крайнего Севера и Дальнего Востока, т. е. районов бурного индустриального роста. Этот опыт пытались экстраполировать и на другие регионы страны. В пользу групповых систем расселения высказывались также А. В. Кочетков, Ф. М. Листенгурт, А. Г. Вишневский, Ю. Л. Пивоваров и др., которые считали этот процесс неизбежным и необратимым²⁵.

В 1960-е гг. складывается другое теоретическое направление, получившее название концепции Единой системы расселения (ЕСР). Она была разработана в Центре по изучению проблем народонаселения в МГУ и наиболее полно отражена в работах Б. С. Хорева. Он считал, что диалектика урбанизации связана не со сверхурбанизацией, а с созданием единой системы городского и сельского расселения, их слиянием²⁶. В основе этой концепции

²⁴ См.: Давидович В. Г. Расселение в промышленных узлах СССР. М., 1960. С. 3.

²⁵ См. об этом: Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация. М., 1976; Вишневский А. Г. Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972; Кочетков А. В., Листенгурт Ф. М. Расселение в СССР. М., 1981.

²⁶ См., например: Хорев Б. С. Территориальная организация общества: Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР. М., 1981. С. 238—239; Белоусов В. Н., Листенгурт Ф. М., Ходжаев Д. Г. и др. Единая система расселения: теория, методология, практическое использование в Генеральной схеме расселения на территории СССР и в проектных документах // Научно-практические задачи советской географии. Л., 1985; и др.

лежало представление о системе расселения как об иерархически организованной соподчиненной сети «опорных центров расселения» и так называемых «кустовых центров» (райцентров), расположенных в сельской местности. Основная идея состояла в том, что в условиях централизованного планирования государство может сформировать такую систему расселения, где будут обеспечены равные условия и возможности для развития сельских и городских поселений, рационального размещения населения. В результате, по мнению авторов, должна быть создана «принципиально новая форма человеческого общежития». При разработке теории основное внимание уделялось производственной сфере, а система расселения воспринималась как «территориальная организация хозяйства».

В методическом плане концепция ЕСР опиралась на теорию центральных мест В. Кристаллера²⁷, который сформулировал закон оптимального пространственного размещения населенных пунктов. Эти же идеи получили развитие в 1970-е гг. в концепции опорного каркаса расселения (ОКР), где в качестве одного из разработчиков выступил Г. М. Лаппо²⁸. Теория ОКР представляла собой очередную попытку прогнозирования процессов урбанизации. Впервые понятие «каркас» было введено Н. Н. Баранским, который рассматривал его как «основной рисунок» страны или района, образуемый дорогами и городами. Г. М. Лаппо выдвинул и раскрыл понятие опорного каркаса расселения как еще одной разновидности территориальной структуры и наиболее эффективной формы организации расселения и производства. Опорный каркас расселения рассматривался как наиболее жесткий устойчивый элемент системы расселения, включающий прежде всего города вместе с соединяющими их магистралями, а также наиболее важные в эко-

²⁷ См.: *Christaller W. Central place in Southern Germany*. Englewood. Cliffs. N.Y., 1966.

²⁸ См.: *Лаппо Г. М. Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства // Территориальная организация производительных сил СССР*. М., 1978. С. 3—25.

номическом, культурно-историческом и административном отношении сельские населенные пункты²⁹.

Основная идея теории ОКР состояла в необходимости выделения и преимущественного развития в качестве опорных узлов городов, агломераций и связывающих их магистралей. Особенно важную роль, по мнению Г. М. Лаппо, играют агломерации, выступающие ядром региональных систем расселения и территориальной организации хозяйства³⁰.

Дальнейшая разработка данной концепции принадлежит П. М. Поляну, который предложил методику выделения городских агломераций, обосновал критерии города-ядра и способы определения границ спутниковой зоны³¹.

Все рассмотренные выше теоретические схемы исходили из того, что расселение подлежит совершенствованию и развитию с помощью планирования. Их базовые идеи были положены в основу Генеральной схемы расселения СССР, которая на долгое время стала инструментом преобразования поселенческой сети и теоретической основой изучения проблем расселения.

Первая версия Генеральной схемы расселения, разработанная ЦНИИПградоостроительства (Москва) в 1975 г. с опорой на Генеральную схему размещения производительных сил СССР, предусматривала:

- сдерживание роста крупнейших городов;
- рост уровня благоустройства средних и малых городов и поселков городского типа;
- повышение пространственно-временной доступности научно-образовательных и культурных ценностей для населения;
- пропорциональное, сбалансированное развитие сети населенных пунктов с преодолением различий между городом и селом в уровне культурно-бытового обслуживания;

²⁹ См. об этом: *Лаппо Г. М.* Становление и развитие исследований проблем городских агломераций в СССР // *Динамика расселения в СССР: Вопросы географии.* Сб. 129. М., 1986. С. 125.

³⁰ См.: Там же.

³¹ См.: *Полян П. М.* Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М., 1988. С. 77.

- развитие форм расселения, благоприятствовавших условиям концентрации промышленности и сельскохозяйственного производства.

Центральная идея Генеральной схемы заключалась в формировании на территории СССР единой системы расселения и развитии групповых систем населенных мест как основы поселенческой структуры. С этой целью было выделено 62 крупных групповых системы расселения, 169 средних и 323 малых³². Однако изначально принципы регулирования, положенные в основу схемы, оказались не вполне эффективными. Несмотря на принимаемые решения по ограничению роста городов, процесс концентрации населения в крупных и крупнейших городах усиливался. Экстенсивная урбанизация привела к диспропорциям в расселении, низкому качеству городской среды. Для Генеральной схемы, кроме того, были характерны ошибки в прогнозировании численности населения для центров групповых систем. В целом, попытка использования Генеральной схемы в качестве инструмента регулирования системы расселения показала ее неэффективность. При прогнозировании следовало исходить не из умозрительных представлений о перспективах урбанизации, а изучать и учитывать те внутренние закономерности и тенденции, которые ей свойственны. А наука, к сожалению, не успевала за требованиями практики. Требовались новые теоретические подходы, основанные на принципах системного, а не линейного анализа расселения.

В середине 1980-х гг. появляется новый вариант Генеральной схемы расселения, в котором нашли отражение как итоги дискуссии между сторонниками равномерного расселения и урбанистами, так и новые представления о закономерностях эволюции систем расселения. В частности, в этот период в отечественной науке появляются исследования, в которых поселенческая сеть рассматривается как саморазвивающийся объект, обладающий собственными источниками развития³³. Исследователи обратили внимание

³² См. об этом: *Браде И., Перчик Е. Н., Питерский А. С.* Районная планировка и разработка схем расселения: Опыт и перспективы. М., 2000. С. 44.

³³ См., в частности: *Гольц Г. А.* Урбанизация как феномен культуры: закономерности социально-информационного разнообразия // Изв. РАН. Сер. География. 1994. № 3. С. 24—37.

на то, что урбанизации присущи универсальные стадии, через которые проходят все страны независимо от социально-экономической ориентации. В развитых капиталистических странах эти процессы уже достаточно четко проявились, в нашей стране накапливалось все больше наблюдений, подтверждающих общемировые тенденции.

Впервые на циклический (стадиальный) характер эволюции расселения еще в 1963 г. обратил внимание Дж. Джиббс. Он выделил пять основных стадий развития урбанизации. На первой стадии, по его мнению, наблюдается преимущественное развитие сельской местности, а следовательно, города, вписанные в сельские ареалы, отстают в росте. Следующая (вторая) стадия урбанизации связана с усилением темпов роста городов при замедлении развития сельской местности. На третьей стадии определяющим становится процесс оттока сельских жителей в города. Четвертая стадия развития урбанизации соотносится Дж. Джиббсом с кульминацией стягивания населения в большие города и агломерации при одновременной потере населения малыми городами. Заключительная (пятая) стадия цикла характеризуется деконцентрацией населения, ростом людности малых поселений, в т. ч. вне агломераций.

Приведенная выше схема подчеркивает фундаментальную закономерность динамики расселения, которая нередко обозначается как пульсация. За каждой стадией концентрации расселения следует деконцентрация. Для каждой ступени характерны свои процессы. Так, например, на третьей стадии в сельской местности закрываются маленькие школы, сокращается число автобусных рейсов и т. д. Это закономерность, и нет силы, которая смогла бы ей противостоять, чтобы избежать этого этапа.

Стадиальная теория Дж. Джиббса дает нам возможность подойти к характеристике урбанизации комплексно, начиная с ранних ее шагов и заканчивая анализом явлений, свидетелем которых в начале 1960-х гг. стал исследователь, — процессом деконцентрации населения.

Идеи Дж. Джиббса стали толчком к разработке других стадиальных теорий расселения. В 1960-е гг. складывается так называемая лундская школа, внесшая значительный вклад в развитие теории расселения. Она интересна прежде всего тем, что в работах

представителей этой школы наблюдается переход от структурного анализа, изучения анатомии системы к характеристике процессов (физиологии). При этом в структуре расселения выделяется два множества элементов: 1) люди, составляющие территориальную общность, и 2) пространственные точки (ячейки), в пределах которых протекает жизненный цикл населения. Комплексный анализ этих двух совокупностей приводит к трехмерной проекции пространства-времени. Таким образом, на смену структурному анализу расселения, ориентированному на характеристику распределения людей в пространстве (точечная локализация) в соответствии с местом их жительства, приходит структурно-динамический анализ (ареальная локализация), нацеленный на пространственное изучение циклов их жизнедеятельности. Этот метод позволил изучить расселение на микроуровне³⁴.

В отечественной науке системные подходы получают распространение в 1980-е гг. В частности, идеи пульсации расселения были поддержаны Б. Б. Родоманом³⁵, который, исследуя маятниковую миграцию населения, пришел к аналогичным выводам. Он предложил применить это понятие к характеристике не только региональных, но и локальных систем и собственно первичных элементов поселенческой сети — населенных пунктов. В результате в литературе утверждаются представления о «низкочастотных» и «высокочастотных» пульсациях: первые определяют направление развития системы в целом, вторые (суточные, недельные, годовые) просматриваются на уровне микроструктур и определяют жизненные циклы отдельных поселений³⁶.

Идеи стадийного развития поселенческой сети в контексте модернизационных теорий получили дальнейшее развитие в рабо-

³⁴ См.: Петров Н. В. Пространственно-временной анализ систем расселения: методические аспекты (на примере Москвы) // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 56.

³⁵ См.: Родоман Б. Б. Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исследования методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докл. Таллин, 1987. С. 75—82.

³⁶ См. об этом: Камель Т. Стадийная концепция урбанизации: Методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 86.

тах Ж. А. Зайончковской³⁷. В соответствии со стадиями модернизации общества (аграрная, индустриальная и постиндустриальная) она выделила три этапа развития расселения. Направленность эволюции поселенческой сети определяется урбанизацией, которая рассматривается как процесс активного градообразования и роста, трансформации расселения из преимущественно сельского в преимущественно городское — как переходный этап, связанный с территориальной концентрацией жизнедеятельности.

- Аграрное расселение, по мнению Ж. А. Зайончковской, представляет собой относительно густую сеть маленьких поселений, дополненную редкой сетью городов, сосредоточивающих 10—15 % населения. Для данной стадии характерно параллельное и достаточно автономное развитие городской и сельской местности. Сельское расселение развивается в целом быстрее и стремится к равномерному охвату сельскохозяйственных земель. На завершающем этапе аграрной стадии ускоряются темпы роста городской сети, которая впитывает избыточное сельское население. Параллельный рост городской и сельской поселенческой сети может продолжаться довольно долго, пока демографические ресурсы сельской местности достаточны, чтобы обеспечить рост городов, не нарушая при этом сельского расселения. Появление дефицита демографических ресурсов, по мнению Ж. А. Зайончковской, можно считать переломной точкой в развитии расселения, связанной с переходом к новой ступени развития.

- Урбанизированное расселение характеризуется тем, что в городах концентрируется наибольшая часть населения, как следствие — численность сельских жителей резко сокращается. В этот период происходит трансформация сельского расселения в соответствии со сложившейся системой городов. Процесс концентрации протекает сначала в ограниченных ареалах, затем постепенно охватывает не только городскую, но и сельскую местность, дифференцируя сельские поселения. Подобная трансформация сельского расселения в российском обществе началась давно и проходила особенно интенсивно в послевоенный период.

³⁷ См.: Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.

• Интегрированное расселение отличается тем, что сельская и городская поселенческие сети сливаются, обеспечивая более интенсивные и короткие связи для хозяйства и доступность всех видов деятельности и набор услуг для населения. Новый тип расселения первоначально формируется на относительно небольшой и плотно заселенной территории. В результате расселение из относительно равномерного превращается в «пятнистое»: плотно заселенные территории разделяются слабозаселенными пространствами. Интегрированное расселение формируется в агломерациях и мегаполисах. По мере развития концентрации и интеграции все труднее становится разделить город и село как территориально, так и по существу.

Важнейшей заслугой Ж. А. Зайончковской является попытка комплексного анализа расселения с учетом взаимодействия городской и сельской поселенческой сети.

Стадиальные подходы к изучению поселенческой сети нашли отражение в работах других исследователей. В частности, Г. В. Иоффе, много внимания уделявший проблемам управления расселением, пришел к аналогичным выводам о цикличности развития поселенческих систем³⁸. Им были выделены следующие стадии эволюции расселения с учетом его форм: равномерное, очаговое, агломерационное. Агломерационные структуры также, по его мнению, проходят определенные стадии: рост ядер за счет депопуляции межагломерационных пространств; территориальное расширение агломераций при ускоренном росте населения в периферийной зоне; деконцентрация населения, связанная с ускоренным развитием малых населенных пунктов и стагнацией ядер³⁹. Для концепции Г. В. Иоффе присуще стремление соединить теоретические наработки прошлых лет с новым видением динамики систем расселения.

Таким образом, 1980-е гг. привносят в теорию расселения новые веяния и взгляды, ориентированные на восприятие расселения

³⁸ См.: Иоффе Г. В. Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987.

³⁹ См.: Там же. С. 181.

как саморазвивающейся системы, для которой характерны универсальные стадии эволюции. Стадиальные концепции принципиально отличаются от более ранних линейных (традиционных) теорий расселения по целому ряду методологических параметров⁴⁰:

Стадиальные концепции

- Развитие урбанизации идет поэтапно путем саморегуляции.
- Для управления городами нужно знать стадию развития урбанизации и учитывать эти закономерности.
- Изучение урбанизации должно быть ориентировано на анализ закономерностей, а не факторов.

Традиционные концепции

- Развитие системы расселения осуществляется линейно, саморегуляция отсутствует.
- Урбанизация — полностью управляемый процесс.
- Доминирует изучение факторов, стремление найти главный детерминант.

В стадиальных теориях смещаются акценты: в частности, наблюдается переход от статического изучения систем расселения к оценке их динамики, от анализа факторов к изучению закономерностей. И только на основе познания этих внутренних закономерностей появляется возможность управления процессами расселения.

В 1990-е гг. в зарубежной литературе эволюционные идеи получили дальнейшее развитие. В частности, появляется теория дифференциальной урбанизации (Ричардсон, Филдинг и др.), в которой уточняются стадии развития расселения с учетом взаимодействия разных категорий городов. Процессы урбанизации рассматриваются в виде пульсаций, стадии концентрации и деконцентрации населения чередуют друг друга, дифференцируя миграционные потоки и рост поселений⁴¹. Авторами были выделены шесть стадий эволюции расселения, которые объединяются в определенные «эпохи»: урбанизация, поляризационный разворот, реверсия, контрурбанизация. Начальная крупногородская стадия урбанизации характеризуется ускоренным ростом главных городов за счет мелких и средних. Затем следует зрелая крупногородская стадия, которая отмечена дальнейшим ростом главных городов

⁴⁰ Впервые их принципиальную сравнительную оценку дал Т. Комель — см.: Комель Т. Стадиальная концепция урбанизации... С. 86.

⁴¹ См.: Город и деревня в Европейкой России: сто лет перемен. М., 2001. С. 172.

и потерями населения малыми. Показатели миграции при этом достигают апогея, но средние тоже начинают расти, привлекая мигрантов. Далее начинается поляризационная реверсия: по темпам роста лидируют средние поселения, главные стремительно теряют свою аттрактивность, а малые — ее наращивают. На зрелой стадии средних городов вперед рвутся уже малые города, хотя еще и не могут обойти средние, миграционное сальдо главных городов становится отрицательным. Пятая получила название стадии роста малых городов. С этого начинается контрурбанизация. Малые города растут быстрее всех, средние центры теряют аттрактивность, крупные города переживают некоторый подъем, сближаясь по динамике со средними городами. На последней стадии большого цикла средние города отстают от малых и крупных, хотя уже не очень сильно и не надолго.

Данная концепция была апробирована на европейском материале, дав достаточно интересные результаты. Однако попытки использовать ее для изучения российской урбанизации оказались не столь успешными⁴². Сравнительно разреженная сеть городов в России и их низкая плотность не могли не отразиться на ходе урбанизации, придав ей специфические черты, не вполне вписывающиеся в европейскую модель.

Методически теория Дж. Джиббса и концепции дифференциальной урбанизации не противоречат, а, напротив, дополняют друг друга: последняя позволяет более подробно описать высшую стадию урбанизации — урбанизационный переход.

Подводя итог почти вековому развитию теории расселения, следует отметить, что для нее характерны те же этапы, что и для любого другого теоретического знания. Вплоть до 1960-х гг. ведется накопление эмпирического материала, складывается основной понятийный аппарат, особенностью которого является его междисциплинарный характер. Это, с одной стороны, затрудняет накопление, систематизацию и координацию фактов и знаний, а с другой стороны — создает предпосылки для более глубокого осмысления изучаемого

⁴² См.: Город и деревня в Европейской России... С. 172.

объекта во всем многообразии его проявлений. Длительность эмпирического этапа определялась не только междисциплинарностью, но и относительно низким уровнем динамичности расселенческих процессов, где изменения накапливаются и происходят относительно медленно. Требуется время, чтобы осознать природу и направленность тех или иных перемен. Это предопределило разработку методов исследования расселения, ориентированных прежде всего на статический структурно-пространственный анализ, а также приоритетное изучение влияния на систему расселения отдельных факторов — природно-климатических, экономических, политических, исторических.

Появление в 1960-х гг. теоретических концепций, осмысливающих процессы расселения, было непосредственно связано с практикой управления. После XXII съезда страна начинает «строить коммунизм», и одним из направлений программы строительства было преодоление противоречий между городом и деревней. Насущные практические потребности подтолкнули процесс формирования ранних концепций, которые носили в целом прикладной характер, направленный на прогнозирование и регулирование расселения. Любая теоретическая схема этого периода находилась в определенном противоречии с реальными процессами и не давала полностью адекватной картины. Здесь сказались заидеологизированность и слабая изученность объекта. Ранние теории отличались линейностью и преимущественно строились на результатах анализа городской поселенческой сети, сельское расселение рассматривалось как второстепенное, зависимое от динамики и направленности развития городского расселения.

Упрощенное понимание закономерностей развития расселения было положено в основу государственной политики в отношении городов и сельской местности, негативные результаты которой проявились в 1980-е гг.

К достижениям раннего этапа становления теории расселения относится тщательный факторный анализ всей совокупности условий внешнего и внутреннего порядка, влияющих на систему расселения. Внешние факторы обуславливают ход его развития, к ним относятся производство, транспорт, естественные условия,

ресурсы, общественные отношения. Их принято подразделять на три группы: 1) социально-экономические; 2) природные; 3) демографические. Внутренние факторы связаны с надстроечными элементами, в том числе с общественной психологией и идеологией, деятельностью общественных институтов, прежде всего государства, регулирующего посредством законодательства и проводимой социально-экономической политики процессы расселения. К факторам внутреннего порядка относятся также этнокультурные аспекты населения: традиции, привычки, представления.

Сложилось так, что в рамках географической науки в большей степени обращалось внимание на экономические параметры и факторы расселения, историки не могли не учитывать политический аспект, демографы в первую очередь анализировали факторы, связанные с народонаселением как важнейшим элементом системы расселения. Сложный характер взаимодействия факторов расселенческой среды нашел отражение в формулировке закономерностей. В частности, в зависимости от господствующей в науке парадигмы на первый план выделялись различные факторы: сначала природно-географический, позднее — производственный. В рамках марксистской теории в качестве объективного базиса и основы формирования системы рассматривались производительные силы и производственные отношения. Эту точку зрения поддерживали К. Н. Мисевич, В. П. Чуднова, В. Г. Давидович и др. А в основу изучения расселения была положена схема «производство — расселение»⁴³. Вместе с тем неоднократно подчеркивалась и обратная связь: не только производство влияет на расселение, но и наоборот. В этом случае необходимо учитывать и природно-географические условия, которые нередко предопределяют процессы расселения, особенно в доиндустриальную эпоху. В частности, В. В. Покшишевский указывал, что наряду с конечной обусловленностью размещения населения географией производства присутствует и обратная связь: расселение способно влиять на размещение производства. Природные условия, по его мнению, влияют на пространственное распределение

⁴³ См.: Расселение: вопросы теории и развития... С. 18.

населения опосредованно, через производственное звено⁴⁴. Напротив, О. А. Кибальчич, Г. М. Лаппо, Е. Е. Лейзерович отмечают, что если расселение выступает как результат, то оно во многом определяет процесс размещения производства.

Таким образом, изучение факторов развития расселения расширило представления о поселенческой сети, однако не учитывало внутренние закономерности ее эволюции. Этот уровень теоретического осмысления стал возможен только в условиях изменения методологических подходов к изучению расселения, которые проявились в стадияльных теориях. Период 1980—1990-х гг. ознаменовался новым этапом развития теории расселения, характерной чертой которого стало стремление уйти от линейного восприятия расселенческих процессов к реализации принципов системного анализа. Стадияльные концепции позволяют более глубоко осознать внутренние механизмы развития расселения, а также изменчивость факторной нагрузки внутренних и внешних условий на разных стадиях развития расселения.

Глава 2

ЭВОЛЮЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Научное познание исторических явлений и процессов основано на некоторых общих принципах и правилах, которые позволяют приблизить наши знания и представления об изучаемых явлениях к некоторому объективному уровню. Научное познание является одновременно и объективным, и субъективным процессом. Здесь многое зависит от позиции самого исследователя, от того, рассматривает ли он научное исследование только как разновидность творческого поиска, ориентированного в большей степени на интуицию

⁴⁴ См.: *Покшишевский В. В.* Население и география... С. 75.

и внутреннее озарение. В этом случае историческое исследование приобретает черты, более свойственные художественному творчеству. Это не отрицает познавательные возможности данного подхода, но неизбежно способствует созданию более субъективной, авторской картины. Восприятие истории как разновидности художественного творчества, где большую роль играет воображение и интуиция историка, достаточно широко распространено и рассматривается рядом исследователей как неотъемлемая черта гуманитарного знания в отличие от точных и естественных наук.

Распространение эмпиризма в исторических исследованиях нередко связывают с кризисом науки, характерным для периода коренных общественных ломок. Исследователи зачастую начинают считать, что описательный подход обеспечивает наиболее высокий научный результат, фактографическое изложение подменяет концептуальный анализ, который, в свою очередь, начинает рассматриваться как вымысел, измышления историка, не имеющие реальной основы. Фактически в этом случае начинает преобладать агностицизм, отрицающий возможность познания объективной действительности и ее закономерностей.

Другая позиция ориентирована на признание объективности научного познания, которое стремится к сглаживанию субъективизма, выявлению тех характеристик процессов и явлений, которые несут наиболее достоверную и объективную информацию. Для получения объективной картины мира необходимо осознание исследователем того инструментария и методологических принципов, которыми он оперирует. Методологическая рефлексия, попытка найти свое место в кругу используемых научным сообществом парадигм являются обязательным моментом, который и позволяет в конечном счете достигнуть некоторых значимых результатов.

Поиск своего методологического подхода осуществляется по-разному. В недалеком прошлом у советского исследователя, по сути дела, не было выбора: все работали в рамках марксистско-ленинского учения, задававшего для любой сферы науки определенный набор аксиом. Сегодня, в условиях методологического плюрализма, обоснование базовой концепции, на которой базируется процесс исследования, — обязательный элемент. Выбор методологи-

ческого подхода связан в первую очередь с объектом исследования, его спецификой, временными характеристиками и особенностями изучаемых явлений и определяется в зависимости от того, насколько теоретическая модель позволяет осознать и адекватно оценить его развитие.

Объект исследования, таким образом, определяет как общие, так и специальные методы познания. При этом наивно считать, что какая-либо из общепринятых методологических теорий может дать ответы на все вопросы. В одних случаях цивилизационный подход позволяет получить наиболее адекватную картину изучаемого явления и всесторонне оценить его, в других — неизбежным является обращение к основным положениям формационной теории, в третьих — к поискам других теорий. Возникают вопросы, что первично: эмпирический или теоретический этап исследования? С чего начинать? Каждый в этом случае выбирает свой путь. Но наиболее приемлемым, на наш взгляд, выступает комбинированный вариант, при котором исследователь сначала на основе эмпирических приемов должен составить первичное представление об изучаемом объекте, особенностях его структуры, динамики, факторах развития. Создание такой чувственной, пусть и неполной, картины принципиально важно для получения внутренних ориентиров и представлений о путях дальнейшего изучения проблемы. И вот здесь возникает настоятельная необходимость определиться с методологическим инструментарием. И чем сложнее объект исторического исследования, тем менее приемлемыми являются общие методологические подходы. В ход могут пойти концепции второго и даже третьего уровня, как это происходит в демографических, историко-психологических или историко-социологических исследованиях. Важно, что без выбора методологического инструментария изучение проблемы, связанное с получением не только новых фактов, но и новых знаний, становится невозможным. Определенность методологической базы позволяет «выстроить» исследование, придать ему цельность и достичь необходимого исследовательского эффекта.

Примерно так и происходило, когда началась разработка темы, связанной с изучением сельского расселения на уральском материале. Сразу нужно отметить, что подавляющее большинство работ,

посвященных проблемам расселения, создавалось в рамках формационной парадигмы, господствовавшей в советский период. В соответствии с этим вводились понятия феодального, капиталистического, социалистического города и соответственно — деревни. Зависимость характера населенного пункта и всей системы расселения от общественно-экономической формации не подвергалась сомнению, по-разному выделялись и перспективы их развития. Активно разрабатывались концепции социалистического расселения, которые были ориентированы на расплывчато сформулированный классиками тезис о необходимости преодоления различий между городом и деревней в коммунистическом обществе¹. Формационная концепция, будучи излишне заидеологизированной, мешала рассмотреть достаточно очевидную вещь, что, несмотря на различия в политическом строе, расселение в разных странах развивается по некоторым общим принципам и закономерностям, отнюдь не связанным с производственными отношениями. Это нередко приводило к появлению утопичных проектов преобразования поселенческой сети.

Цивилизационный подход, получивший распространение в 1990-е гг., позволил выявить некоторые особенности, свойственные сельскому расселению, российской урбанизации, но не дает возможности в полной степени оценить их генезис и векторы развития². Хотя задача динамического анализа в этом случае, как правило, и не ставится.

В 1990-е гг., несмотря на снижение интенсивности научных работ в области расселения, появляется целый ряд работ, имею-

¹ См., например: *Алексеев А. И.* Сельское расселение: концепции и реальность // *Вопр. географии.* М., 1988. С. 144—182; *Ковалев С. А.* Географическое изучение сельского расселения. М., 1960; *Он же.* Сельское расселение (географическое исследование). М., 1963; *Спектор М. Д.* Вопросы сельского расселения. М., 1977; *Покишишевский В. В.* Население и география. М., 1978; *Полян П. М.* Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М., 1988.; *Стронгина М. Л.* Социально развитие села: поселенческий аспект. М., 1986; *Кочетков А. В., Листенгурт Ф. М.* Расселение в СССР. М., 1981; *Проблемы расселения в СССР: (Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления)* М., 1980; и др.

² См. об этом: *Сельские поселения в России: исторический и социокультурный анализ.* М., 1995.

щих принципиальное значение для развития данного направления, в которых прослеживается стремление отойти от сложившихся стереотипов, по-новому взглянуть на расселенческие процессы с учетом цикличности их развития, цивилизационных особенностей и общих закономерностей³. Для оценки эволюции расселения в XIX—XX вв. все чаще исследователи начинают привлекать модернизационную концепцию. Появившаяся еще в 1950-е гг., теория модернизаций была использована для изучения новой и новейшей российской истории сравнительно недавно, но вполне плодотворно, т. к. позволяет избежать, с одной стороны, излишней заидеологизованности, а с другой, дает достаточно четкий ориентир для постановки и решения задач в области расселения и оценки направлений его развития.

По мнению ряда исследователей, модернизационная концепция обладает высокими потенциальными возможностями при «изучении той коренной общественно-политической и экономической трансформации», которую переживает российское общество в XVIII—XX вв.⁴ В частности, В. В. Согрин считает, что теория модернизации является более «прагматичной» и «осязаемой» при соотнесении ее с российскими реалиями, чем другие известные мегатеории⁵. Для нас принципиально важно, что данная концепция дает ключ к пониманию многих процессов, развивающихся в переходные эпохи, и охватывает фактически все области социальной практики, в том числе и расселение.

Вместе с тем абсолютизация основных положений модернизационной парадигмы также неправомерна. По ряду параметров ее можно отнести к теориям второго уровня, она имеет достаточно жесткие временные ограничения и удобна только для изучения об-

³ См., например: *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен*. М., 2000; *Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение*. М., 1991; *Сенявский А. С. Российский город в 1960—1980-е гг.* М., 1995 и др.

⁴ См.: *Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье*. Екатеринбург, 2001. С. 217.

⁵ См.: *Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX в. // Обществ. науки и современность*. 1998. № 4.

ществ, находящихся на стадии перехода от традиционных к индустриальным. Таким образом, для получения статуса мегатеории концепции модернизаций не хватает такого качества, как всеобщность охвата исторического процесса не только в территориальном, но и во временном срезе. Для ученых, занимающихся проблемами традиционных обществ на ранних стадиях их развития и в период расцвета, модернизационная парадигма будет не только бесполезной, но и вредной, т. к. может возникнуть соблазн осовременить некоторые явления или понятия, вырывая их из сложившейся системы.

Нередко возникают опасения, что концепция модернизации несет в себе определенные смыслы, придающие ей облик политизированного учения. Тот общественный идеал, который рисуется теоретиками модернизации (индустриальное и постиндустриальное общество), непосредственно соотносится с современным западным обществом и вызывает на подсознательном уровне недоверие, выглядит порой как пропагандистский ход. Как и любой другой социальной концепции, модернизации неизбежно присущ идеологический налет. Не стоит отказываться от возможностей применения модернизационной парадигмы как инструмента познания, но нельзя и абсолютизировать ее постулаты. Только тщательная проверка теоретических положений конкретной исторической практикой, опора на реальные факты и процессы позволят оценить уровень работоспособности теории и подкорректировать ее. Что, собственно, и происходит: теория модернизаций в 1980-е гг. пережила существенную корректировку своих основных положений, избавилась от линейности и однозначности толкований ряда положений, что существенно расширило ее методологический потенциал.

Исторический анализ строится на использовании как конкретных методов, связанных со сбором и систематизацией исторических данных и фактов, изучением источников и артефактов, так и общетеоретических подходах, которые позволяют осмыслить и объяснить исторические коллизии, построить на основе первичных данных целостную картину, модель прошлого. И это неизбежно подталкивает к использованию историософских разработок. Важно, чтобы собственно исторические методы и теоретические концепты гармонично взаимодействовали, не подавляя друг друга.

Методологический потенциал концепции модернизаций

Концепция модернизации складывается в середине XX в. как социологическая теория, призванная объяснить суть тех перемен, которые происходили в западном обществе в этом столетии. Первичным материалом для разработки ранних вариантов теории послужил опыт новой и новейшей истории европейских государств и Северной Америки. Изначально в ней переплетаются положения как цивилизационного, так и формационного подходов. Разработчики теории постарались применительно к объекту своего исследования отобрать «лучшее», или, вернее, «наиболее адекватное» для изучения опыта переходного периода из обеих научных теорий и на основе их интеграции создать новую концепцию. По мнению О. Л. Лейбовича, включение в процесс исторического познания новых для него социологических методов представляет главное методологическое достоинство теории модернизаций⁶.

Модернизация толкуется как процесс перехода общества из одной качественной стадии в другую, из средневекового, традиционного общества в государство всеобщего благосостояния, соответствующего понятию постиндустриального общества⁷. Как и другие общественно-исторические концепции, теория модернизации представляет собой некоторую теоретическую схему (модель), разработанную за пределами истории. Историк прибегает к ней для объяснения и систематизации исторических фактов. Чтобы избежать механистического восприятия основных положений модернизации, необходимо отчетливо понимать все возможности и ограничения данной схемы. В частности, необходимо четко определить сам термин «модернизация» и то смысловое наполнение, которое закладывается в него разными школами.

В рамках сложившейся теории присутствует несколько определений основного понятия, основанных на разных подходах — ис-

⁶ См.: Лейбович О. Л. Историко-методологические проблемы концепции модернизации // Урал. ист. вестн. № 7. Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: итоги и перспективы. Екатеринбург, 2001. С. 138.

⁷ См.: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 4.

торическом, дихотомическом, технологическом, психологическом. В рамках исторических толкований для характеристики модернизации применяются такие словоформы, которые описывают ее как процесс качественного перехода из одного состояния в другое: революция, трансформация, эволюция и пр. Например, по выражению С. Блэка, «модернизация может быть определена как процесс, посредством которого исторически эволюционировавшие институты адаптируются к быстро меняющимся функциям»⁸.

При дихотомическом построении понятия усиливается аспект противопоставления одного состояния общества другому: традиционного — индустриальному, т. е. реализуется сравнительный контекст этих двух стадий. Технологический подход к определению понятия акцентирует внимание на инструментах и способах освоения окружающей среды, таких как индустриализация, научно-техническая революция и т. д. Значение индустриализации в ходе модернизации отмечали многие исследователи, в частности Р. Уорд, Д. Растоу, Д. Эптер. Согласно психологическим подходам модернизация воспринимается как ментальная трансформация, своего рода сдвиг, конечной целью которого становится утверждение принципов рациональности в мыслительной и поведенческой практике. Культурологические определения ставят акцент на особенностях социально-культурной практики, присущей процессу модернизации. При оценке этого понятия нередко используются и цивилизационные концепты, что свойственно, например, исследованиям Ш. Эйзенштадт⁹.

Для нужд конкретно-исторических исследований наиболее приемлемым является «широкое» толкование термина, в рамках которого модернизация воспринимается как процесс перехода общества из одного состояния в другое. Он обычно рассматривается в рамках определенной схемы, где выделяются абстрактные стадии-состояния общества, причем начальной точкой отсчета служит аграрное (традиционное) общество, которое, трансформируясь, переходит в индустриальное, а то, в свою очередь, перерастает в государство

⁸ Цит. по: Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв. М., 2000. С. 11.

⁹ См.: Там же. С. 13—14.

всеобщего благосостояния (постиндустриальное общество). Схематизм деления очевиден. Нельзя в чистом виде выделить индустриальную или постиндустриальную стадии. В аграрных обществах можно наблюдать многое, что характерно для более поздних ступеней развития, напротив, в современном обществе сохраняется немало традиционных черт. Тем не менее с учетом всех сфер жизнедеятельности общества для каждой стадии характерен свой набор параметров, кардинально отличающих ее от других стадий.

Разработка таких критериев является одной из наиболее значимых теоретических проблем изучения модернизационных процессов, они позволяют отделить традиционное общество от индустриального, охарактеризовать, на какой стадии находится изучаемый социум. В частности, М. Вебер в качестве критериев предложил выделить следующие показатели: 1) развитие индустриального способа производства; 2) создание рациональных форм власти и управления; 3) формирование развитого гражданского общества; 4) рост индивидуализма и ценности конкретного человека. Другие исследователи при характеристике индустриального общества делают упор на технологических характеристиках или человеческом факторе. Согласно М. Леви, общество является модернизированным в том случае, если в нем применяются неодушевленные источники энергии и машины. А. Инкелес подчеркивает, что в результате модернизационной перестройки происходит трансформация установок, целей и образа жизни человека. «Современный» человек, согласно его учению, не зависит от авторитетов, готов к новым видам деятельности и экспериментированию, верит в науку и разум, он мобилен, активен с общественной точки зрения и планирует свою жизнь заранее¹⁰.

Учитывая, что любое общество — это сложная структура согласованных элементов, тесно взаимодействующих друг с другом, к разработке критериев индустриального общества нужно подойти системно. Не один или два фактора определяют процесс модернизации — он охватывает все сферы жизни общества и находит свое отражение в каждой из них — экономической, технологической,

¹⁰ См. об этом: Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв. С. 16.

социально-политической, культурной, организационно-пространственной. Соответственно структурно модернизация будет включать ряд подпроцессов: 1) политическая централизация и либерализация, 2) социальная дифференциация общества, 3) индустриализация, 4) урбанизация, 5) профессионализация, 6) рационализация и т. д. Опираясь на системный анализ всех этих подсистем, появляется возможность охарактеризовать отличительные черты каждой из основных стадий модернизационного процесса (табл. 2.1).

• Аграрное (традиционное) общество в контексте теории модернизации отличается наличием тесной связи между экономическими ресурсами и численностью населения, где семья составляет основную производственную единицу. Для аграрной стадии присущ определенный тип демографического поведения. Он отличается высоким уровнем рождаемости и смертности, небольшой продолжительностью жизни, связанной с ранней смертностью в результате болезней, голода, эпидемий. Интересно, что показатели смертности и рождаемости непосредственно соотносятся с типом поселений. В городе оба показателя были выше, чем в сельской местности. Центральной характеристикой аграрного общества является преобладание населения, занятого в сельском хозяйстве и проживающего в сельской местности. Причем доходы отдельных граждан и благосостояние страны в целом зависят от уровня развития аграрной сферы. Таким образом, в традиционном обществе сельское хозяйство выступает как ведущая отрасль экономики, формирующая национальный доход. В других сферах — торговле, ремесле — занята незначительная часть населения. Процессы специализации находятся в зачаточном состоянии. Сельское хозяйство отличается низкой эффективностью, имеет экстенсивный характер и основано на использовании ручного труда. Социально-экономическая структура традиционного общества основана на общинных принципах.

Городское население на аграрной стадии развития составляет незначительную часть от общей численности населения, а значит, городской образ жизни представляет собой скорее исключительное, чем типичное явление. Города развиваются как центры сосредото-

Таблица 2.1

Отличительные особенности основных стадий модернизации

Параметры	Аграрное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Тип демографического поведения	Традиционный тип воспроизводства, отличающийся высоким уровнем рождаемости и смертности и незначительной средней продолжительностью жизни (25—30 лет). Демографическое поведение контролируется традицией. Семья выступает как основная социальная и экономическая ячейка общества	Демографическая революция, резкий рост численности населения. Снижение уровня смертности, увеличение средней продолжительности жизни (до 60—70 лет) при сохранении высоких показателей рождаемости с элементами ее регулирования. Растет уровень разводимости и происходит снижение показателей брачности. Семья утрачивает функции основной экономической ячейки общества	Окончательно формируется новый тип демографического поведения, который характеризуется низким уровнем смертности и рождаемости при постепенном увеличении средней продолжительности жизни (60—80 лет). Формирование тенденции депопуляции населения и увеличение доли пожилых людей. Важнейшей функцией семьи становится репродуктивная и воспитательная
Соотношение сельского и городского населения	Сельское население составляет подавляющее большинство, городское население не превышает 30 %	Пронсходит резкий рост численности городского населения, которое начинает превышать сельское, преодолевая 50%-й барьер	Городское население составляет подавляющее большинство, достигая отметки 70—75 % и выше. В сельской местности проживает менее 1/3 населения. Образ жизни сельских жителей диктуется городскими стандартами

Продолжение табл. 2.1

Параметры	Аграрное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Расселение	Основная часть населения проживает в небольших сельских населенных пунктах, которые определяют рисунок и тип расселения, аграрного по своему характеру. Расселение стремится к равномерному охвату сельскохозяйственных территорий. Численность городов незначительна, основная их часть возникает естественным образом в ходе общественного разделения труда как экономические и административные центры сельскохозяйственной округи	Расселение характеризуется ускоренным ростом числа городов и урбанизацией. Городская поселенческая сеть выполняет функции опорного каркаса расселения. В результате концентрации расселения и стягивания населенных пунктов в зону влияния крупных городов и транспортных линий происходит изменение характера расселения: оно становится очаговым. Для развития городов характерны процессы поляризации, т. е. гиперрост крупных городов и снижение численности населения мелких и частично средних. В сельской местности происходит сокращение и укрупнение поселенческой сети	Картину расселения начинают определять агломерации — новый тип интегрированного расселения, для которого характерен повышенный уровень плотности населения, рост интенсивности связей между городом и селом и стирание различий между ними. Расселение приобретает «пятнистую» фактуру, где плотно заселенные территории вокруг крупных городов окружены территориями, уровень заселенности которых резко падает. Одной из особенностей интегрированного расселения выступает процесс дезурбанизации, связанный с оттоком городских жителей в пригороды и сельскую местность
Экономика	Имеет натуральный характер с элементами товарно-денежных отношений. Сельское хозяйство является основной	Формируется рынок, регулирующий развитие экономики, усиливаются процессы специализации и концентрации производства. Мелкий производитель вытесняется крупными предприятиями.	Складывается информационное общество, отличительной чертой которого является сосредоточение основных сил и средств на создании и использовании информации и разработке новых информа-

Продолжение табл. 2.1

Параметры	Аграрное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Промышленность	отраслю, определяющей национальный доход, в которой задействована большая часть самодеятельного населения. Основу экономики составляет мелкое производство	Промышленность становится основной отраслью экономики, определяющей структуру доходов государства и структуру занятости населения	ционных технологий. Информация становится основным товаром. Решается задача регулирования рынка. Ведущую роль в отраслевой структуре экономики играет сфера услуг, где занята основная часть трудоспособного населения
	Мелкое производство, основанное на ручном труде. Характерной чертой промышленного производства является низкий уровень специализации и разделения труда и, как следствие, невысокая производительность труда. Ассортимент товаров незначителен. Производство ориентировано на индивидуальный заказ	Важнейшим процессом становится индустриализация, которая охватывает в первую очередь промышленность. Промышленный переворот создает условия для перехода от ручного труда к машинному и внедрения интенсивных технологий. Возрастает роль науки в производстве и управлении. В результате происходит резкий рост производительности труда. Усиливается концентрация и специализация промышленного производства	В результате внедрения в производство и управление достижений НТР кардинально меняются технологии и техническая база всех отраслей промышленности. Важнейшей чертой становится автоматизация производственных процессов, что приводит к сокращению потребности в низкоквалифицированном труде. Меняется структура занятости в промышленности, где начинают преобладать специалисты, имеющие высокий уровень квалификации
Сельское хозяйство	Имеет экстенсивный характер, основано на ручном труде мелких про-	Создание крупных товарных сельскохозяйственных предприятий, которые становятся основой аграр-	Завершение индустриализации сельского хозяйства, превращение сельскохозяйственно-

Продолжение табл. 2.1

Параметры	Аграрное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Культура	изводителей. Основной ячейкой аграрного сектора выступает крестьянское хозяйство. Низкий уровень производительности труда не устраняет угрозы голода	ного производства. Развиваются процессы концентрации, специализации и интенсификации сельскохозяйственного производства. В результате механизации в основных отраслях сельского хозяйства — земледелии и животноводстве — происходит замена ручного труда машинным	го труда в разновидности индустриального на базе комплексной механизации, химизации, внедрения интенсивных технологий и достижений науки, в частности генной инженерии, биондустрии. Развитие агропромышленной интеграции
	Грамотность выступает привилегией элиты, что предопределяет специфику культурных коммуникаций, в частности господство устной традиции	Достижение уровня всеобщей грамотности населения, что приводит к господству письменных технологий в культурных коммуникациях. Развитие средств массовой информации и формирование феномена массовой культуры. Повышение роли науки в жизни общества. Сохраняются социально-экономические ограничения в пользовании достижениями культуры. Культура сохраняет свой национальный характер	На основе развития систем коммуникаций формируется новая информационная среда, расширяющая возможности доступа к информации и достижениям культуры всех членов общества. Глобализация процессов культурного развития приводит к стиранию национальных черт и региональных особенностей культуры
Социальное устройство	Сословное общество, регулируемое традицией	Формирование гражданского общества, основанного на равенстве	Формирование «государства всеобщего благоденствия», предоставляющего

Окончание табл. 2.1

Параметры	Аграрное общество	Индустриальное общество	Постиндустриальное общество
Политическое устройство	<p>Дикцией и обычным правом</p> <p>Базируется на личной власти, которая осуществляется на основе традиций и освещена религией. Пресобладает традиционный тип правления, для которого характерна неограниченная власть монарха. Принцип личной власти распространяется на все уровни организации общества — от семьи до государства</p>	<p>Разрушение сословных и половозрастных ограничений, предоставление гражданам основных прав и свобод</p> <p>Получает распространение рациональный тип правления, основанный на договоре власти и народа, отраженном в законах и конституции. Формируется правовое государство. Политическая власть становится представительной и управляет от имени народа. Складывается развернутая политическая система, включающая политические институты и партии. Возрастает влияние бюрократии (бюрократизация)</p>	<p>Ющего гражданам дополнительные социальные гарантии и защиту. Достижение не только гражданского равноправия, но и ликвидация половозрастной дискриминации</p> <p>Развитие политического устройства идет по пути формирования общенародного государства и характеризуется двумя тенденциями: 1) ужесточение контроля граждан со стороны государства и манипулирование общественным сознанием; 2) усиление критических настроений по отношению к власти, возникновение внесоциальных структур, оказывающих влияние на властные органы, — общественные организации и движения. Происходит дальнейшее усложнение политической структуры общества и рост влияния на власть средств массовой информации</p>

чения торговли, промышленности, административного управления и обладают определенными привилегиями, создавая отмеченное марксистами «коренное отличие города от деревни». Социально-политическое устройство основано, как правило, на личной власти, передаваемой по наследству, и обладает четкой иерархией и сословной структурой. Причем власть и владение землей в традиционном обществе неразделимы. Политическое управление ориентировано на так называемый традиционный вариант, который опирается, согласно М. Веберу, на повседневную практику и традицию.

Для аграрного общества характерен общий низкий культурный уровень, который проявляется в неграмотности подавляющей части населения. Лишь немногочисленная группа людей, относящихся к наиболее привилегированным слоям общества, умела читать и писать, соответственно и культура традиционного общества базировалась в первую очередь на устной традиции передачи и хранения знаний.

С точки зрения рассматриваемой темы для нас важно подчеркнуть расселенческий аспект, характерный для аграрного общества. Повседневная жизнь подавляющего большинства населения протекала в деревенских общинах. Деревня представляла собой не просто населенный пункт, а хорошо отлаженный социально-экономический механизм, где различные виды экономической деятельности очень точно согласовывались друг с другом. Пахотные и внутридеревенские земли представляли собой единый массив. Рядом со своим домом каждый крестьянин имел небольшой участок земли. Вокруг жилой части деревни, занятой усадьбами, располагались пашни, по большей части обрабатываемые по принципу трехпольной или двухпольной системы и порождающие чересполосицу. Соответственно карта земельных владений и землепользования в деревенской общине напоминала мозаику. При такой форме пользования землей крестьянину трудно было вести хозяйство по своему усмотрению, все производственные операции санкционировались деревенским сообществом. Кроме пашни, в деревне имелись также общинные пастбища. Наконец, общине принадлежали пустоши и леса.

Традиционная деревенская община начинает исчезать в России в начале XX в. с проведением столыпинских преобразований, однако в большинстве регионов, в том числе на Урале, общинная деревня сохранилась вплоть до конца 1920-х гг. Развитие товарно-денежных отношений объективно влекло за собой разрушение традиционной деревенской общины, этому же содействовало появление деревенской промышленности.

• Индустриальное общество в отличие от аграрного характеризуется небывалым ростом населения в связи с началом демографического перехода, суть которого состоит в кардинальной смене демографического поведения: происходит снижение смертности, снижение рождаемости, увеличение продолжительности жизни. Первоначально снижение смертности не вело к изменению рождаемости, она сохранялась высокой, что и способствовало демографическому взрыву. Значительная часть самостоятельного населения в индустриальном обществе занята в промышленности и сфере экономических и общественных услуг. Сельское хозяйство на этом этапе переживает стадию интенсификации и выходит на новый уровень производительности труда, связанный с его механизацией, химизацией и специализацией. Для индустриальной стадии характерно укрупнение и концентрация как производства, так и форм общежития. В экономике господствуют крупные предприятия, что, в свою очередь, способствует концентрации в городах большей части населения страны. По мнению исследователей, если степень урбанизации достигает 50 %, т. е. половина населения проживает в городах, то можно говорить о складывании индустриального общества. Расселенческая структура индустриального общества характеризуется бурным развитием городской поселенческой сети, сельские населенные пункты в результате миграции теряют свое население, а мелкие нередко самоликвидируются. Происходит резкое сокращение сельской поселенческой сети, ее укрупнение и стягивание в зону влияния крупных городов.

Натуральное хозяйство и стремление к самообеспечению, характерное для традиционной экономики, в новых условиях заменяются рынком и системой товарно-денежных отношений, модификацией этих форм является создание плано-распредел-

тельного варианта экономики. Социально-политическое устройство индустриального общества базируется на принципах правового государства. Политическая власть тяготеет к рациональным вариантам и только в исключительных случаях покорится на харизматических или традиционалистских началах. Бюрократия играет важнейшую роль в обеспечении повседневной практики функционирования власти. Сословная структура общества заменяется гражданской, основанной на равенстве всех членов общества перед законом. Растет культурный уровень населения, что связано с распространением грамотности и внедрением принципов доступности и всеобщности образования. Огромную роль в жизни общества начинают играть пресса, радио, телевидение, кино и другие средства коммуникаций, способствующие формированию феномена массовой культуры. Важнейшей чертой индустриального общества является промышленная революция. Под влиянием совокупности факторов меняется ритм жизни общества, происходит его ускорение. В частности, это проявляется и в том, что исчезают долговременные тренды и глубокие кризисы, характерные для традиционного общества и ранней стадии индустриализации. Их место занимают длинные волны, т. е. кратковременные колебания (7—10 лет) в росте валового национального продукта, и волны Кондратьева (цикличность 50—60 лет).

• Постиндустриальное общество (государство всеобщего благоденствия) отличается от предыдущих стадий тем, что на данном этапе завершается демографический переход и формируется новый тип демографического поведения. Наряду со снижением смертности снижается и рождаемость при сохранении высокой средней продолжительности жизни. Поворотным моментом в демографическом развитии выступает середина 1960-х гг., когда в западных странах стали затухать темпы роста населения, а затем отчетливо проявилась тенденция депопуляции: уровень смертности становится выше рождаемости. Другим новым моментом стало уменьшение числа браков и рост разводов. Демографические процессы в этот период находятся под влиянием целого ряда факторов, среди которых следует выделить прежде всего изменение роли и места женщины в обществе, кардинальные перемены

в структуре и функциях семьи. Для частной жизни в этот период характерна тенденция индивидуализации.

Более половины всего самостоятельного населения в условиях постиндустриального общества занято в сфере экономических и общественных услуг. Резко возрастает квалификационный и образовательный уровень населения. Сельское хозяйство, где задействована незначительная часть населения (до 10 %), является в высокой степени механизированным и индустриализированным. Ускоренный рост городов сменяется новой стадией развития расселения — *дезурбанизацией*, которая связана с рассредоточением жителей городов в пригородах. На этом этапе рекреационная привлекательность сельской местности выходит на первый план, и благодаря развитию системы коммуникаций и благоустройству сельских поселений вектор миграции приобретает другую направленность: начинается отток городских жителей из крупных городов.

Меняется и динамика городской сети. Западно-европейский опыт отражает следующую тенденцию: быстрый рост крупных городов сохраняется вплоть до конца 1960-х гг. Потом в больших городах начинается сокращение численности населения. Многие покидают города, селятся в поселках недалеко от города, где они работают. Наряду с этим происходит *субурбанизация*, т. е. рост новых районов на окраинах старых городов. Равномерное расселение, характерное для традиционного общества, сменяется «пятнистым» и определяется динамикой агломерационных процессов.

Социально-политические аспекты постиндустриального общества характеризуются тем, что в системе правового государства вводятся дополнительные права и гарантии граждан — социальное страхование по старости, болезни и т. д. Государство берет на себя функции по социальной защите населения. С одной стороны, это способствует расширению бюрократического аппарата, с другой стороны, дает возможность государству контролировать население.

Одной из значимых характеристик постиндустриального общества становится *информатизация*, которая связана с преодолением информационного кризиса путем внедрения новых технологий. Информатизация накладывает свой отпечаток на экономическую,

политическую, культурную среду, формируя новый тип общественных отношений.

Невозможно абсолютно точно указать хронологические границы модернизационных преобразований: они различны для каждой страны, тем более для каждого региона. Изменения исподволь накапливаются в обществе, создавая предпосылки для качественного скачка. И сказать, когда точно началась модернизация невообразимо сложно. В некоторых случаях в качестве стартовой точки модернизационной перестройки исследователи рассматривают период, когда развитие общества резко ускоряется. Другие связывают ее начало с развертыванием индустриализации или развитием торгового капитализма. Применительно к странам Западной Европы исследователи пытаются проследить эти трансформации начиная с конца XV в. и вплоть до конца XX в.¹¹ Невозможность однозначно определить хронологические границы модернизации связаны еще и с тем, что она протекает неравномерно, ранее всего затрагивая экономическую и политическую сферы и только затем постепенно распространяясь на другие стороны жизни общества, в частности образ жизни, культуру, быт.

Спорным остается вопрос о начале модернизационных преобразований в России. По мнению Б. Миронова, его можно отнести к последней трети XVIII в., когда начинает формироваться гражданское общество¹². Другие связывают точку отсчета с петровскими преобразованиями. Третьи считают, что модернизация в России началась в XIX в. и связана с промышленным переворотом и либерализацией общественной жизни.

Уральские историки выделяют три этапа модернизации в России.

- Первый этап — XVIII в., для которого характерна попытка protoиндустриализации, предпринятая Петром I, а также начало формирования гражданского общества.

- Второй этап — первая половина XIX в., время начала промышленного переворота и значительных перемен в общественной жизни и социальной структуре.

¹¹ См.: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. С. 7.

¹² См. об этом: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.): В 2 т. СПб., 2000.

• Третий этап — пореформенный период российской истории, связанный с созданием раннеиндустриального общества. В этот период завершается промышленный переворот. В социальном плане происходит коренная перестройка структуры общества, появляются новые социальные группы, оформляются политические течения и партии. Индустриализация способствовала распространению просвещения, повышению роли науки.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, российская модернизация не носила такой комплексный характер, как на Западе. Сельское хозяйство в России вплоть до конца XIX в. оставалось вне сферы действия рынка, в деревне свои позиции прочно удерживала община, а основным производителем сельскохозяйственной продукции оставался мелкий крестьянин-общинник, который сам обеспечивал себя всем необходимым.

• Четвертым этапом, на наш взгляд, является социалистическая модернизация, основное содержание которой — создание индустриально развитого общества. Данный этап весьма неоднороден и имеет свою внутреннюю периодизацию.

1. Период социалистической индустриализации и коллективизации (1920—1930-е). В рамках этого периода решались те же задачи создания раннеиндустриального общества, что и в пореформенный период, но на новой социально-экономической и политической основе. Большевики поставили цель создать мощное индустриальное государство, в котором будут устранены все «антагонистические» противоречия, раздиравшие капиталистическое общество, ликвидирована эксплуатация и социальная несправедливость.

Разрушив капиталистический уклад и тем самым нарушив естественный ход модернизационного процесса, Советское государство выбрало путь форсированной индустриализации, протекающей в условиях планово-распорядительной экономической системы. Это неизбежно вносило свои коррективы, усилив роль субъективного (политического) фактора в социально-экономических трансформациях.

Итог индустриализации неоднозначен. По основным своим параметрам российское общество конца 1930-х гг. можно вполне от-

нести к категории раннеиндустриальных. Так, например, в 1937 г. на промышленность приходилось 77,4 % общей стоимости народно-хозяйственной продукции, а уровень промышленного производства превысил показатели 1913-го г. в 8,2 раза. Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6 % населения страны, а к 1939 г. — уже 50,2 %. Индустриализация изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18 % населения СССР, то к началу 1938 г. — уже 30 %¹³.

Модернизационные преобразования в 1930-е гг. носили вполне комплексный характер, охватив не только социально-экономическую сторону, но и политику, культуру, образ жизни, они были направлены на строительство социализма в стране и формирование нового «советского» человека. В то же время нарушение естественных основ модернизационной перестройки и фактическое разрушение ее внутренних механизмов привели к возрождению многих традиционных черт, в частности общинности, иерархичности общества, к ущемлению гражданских прав и свобод советских граждан и пр. Успехи экономического развития достигались за счет отставания социальной сферы, низкого уровня жизни населения.

Таким образом, модернизация в условиях советского строя приобретает специфические черты, когда гипертрофированное развитие тяжелой индустрии базируется на отсталом сельском хозяйстве, слабой социальной сфере, ограничении прав трудящихся. Кроме того, фактически была ликвидирована прежняя социальная база модернизации, т. е. классы и социальные группы, владевшие капиталом, которые были экономически заинтересованы в развитии промышленности и сферы услуг. В этих условиях инициатором и движущей силой модернизации в стране становятся государство и власть, чьи интересы представляют определенные бюрократические слои (номенклатура). Социальный базис модернизации существенно сокращается, и это в дальнейшем негативно скажется на темпах экономического роста страны. В качестве основных инструментов развития экономики страны использовались административные и силовые методы.

¹³ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв. С. 68.

2. Период формирования развитого индустриального общества (1940—1980-е). Этот период связан с развертыванием научно-технической революции, что придает определенное ускорение экономическим и социальным процессам. Несмотря на то, что СССР к 1950 г. становится ядерной державой, способной производить собственными силами любой вид промышленной продукции, тем не менее отставание его от развитых индустриальных государств мира сохраняется. Это проявляется в наличии высокого удельного веса ручного труда не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, в значительном разрыве показателей уровня жизни населения. Критических значений к 1959 г. достигает показатель соотношения городского и сельского населения: удельный вес городского населения приблизился к 50%-му рубежу, а по отдельным регионам, в частности Уралу, преодолел его. Сельскохозяйственный труд благодаря развитию механизации, химизации и специализации все более становится разновидностью индустриального труда, однако неразвитость социальной сферы села и непродуманная социально-экономическая политика в отношении деревни привели к кризису аграрной сферы: советское сельское хозяйство так и не смогло удовлетворить потребности населения в продовольствии. Уровень потребления товаров и услуг на душу населения в СССР к началу 1980-х гг. составил только 34 % от аналогичного уровня в США¹⁴.

В 1970—1980-е гг. по ряду параметров можно судить о начале новой стадии — переходе к постиндустриальному обществу, который все же остался незавершенным в силу обострения внутренних и внешних противоречий.

Особую роль здесь сыграла Великая Отечественная война, которая, с одной стороны, существенно затормозила модернизационные процессы и способствовала откату на прежние рубежи по определенным параметрам, а с другой — подтолкнула и ускорила развитие других: в частности, в послевоенный период высокие темпы набирает концентрация производства, начинается внедрение наукоемких технологий и т. п.

¹⁴ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв.. С. 71.

Говорить о завершенности модернизационного перехода применительно к российскому обществу было бы преждевременно. Неравномерность включения разных подсистем общества в модернизационный процесс выступает как одна из специфических черт российского опыта. И если по определенным показателям, в т. ч. уровню урбанизации и социальной структуре общества, Россия приближается к характеристикам постиндустриального общества, то в других областях — сельском хозяйстве, сфере социальных гарантий граждан, уровне жизни — она остается на раннеиндустриальной стадии. Во многом такая неравномерность стала отражением затратного характера российской модернизации, на который обращают внимание многие исследователи. Успехи, которые были достигнуты в промышленности, науке, развитии системы коммуникаций, достигались очень большими жертвами. Недаром Советский Союз в этот период нередко называют «колоссом на глиняных ногах», т. к. мощный экономический потенциал страны не был обеспечен социальной поддержкой¹⁵.

Урбанизация расселения как составная часть модернизации

Чаще всего при анализе социально-экономических изменений основное внимание исследователей притягивают три направления модернизации: демографическое, социально-экономическое и социально-ментальное. Кроме того, возникает потребность в изучении вторичных изменений, охватывающих другие подсистемы общества, которые также выступают отражением модернизационной перестройки. Так, индустриализация тесно переплетается с урбанизацией. Но это взаимодействие тоже неоднозначно, процессы градообразования имеют свои закономерности, и далеко не всегда урбанизация выступает как следствие индустриализации.

¹⁵ См. об этом: Лейбович О. Л. Реформы 1950—1960-х гг. в контексте отечественной модернизации // Урал. ист. вестн. № 5—6. Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. Екатеринбург, 2000. С. 362.

Отражая очень сложные социальные, экономико-географические процессы, урбанизация по-разному понимается исследователями. Существующие подходы к категоризации термина акцентируют внимание либо на демографической, либо на экистической (поселенческой) стороне явления. В первом случае урбанизация рассматривается как процесс передвижения сельского населения в города и концентрации экономической активности на урбанизированных территориях¹⁶. Рассматриваемое понятие нередко дополняется и конкретизируется с использованием критериев расселения. Так, например, Э. Б. Алаев при характеристике урбанизации определяет ее как процесс роста численности городских поселений, концентрации в них, особенно в крупных городах, населения, сопровождающийся распространением городского образа жизни на всю сеть поселений¹⁷. В качестве важнейших показателей урбанизационного процесса выделяются рост численности горожан, расширение сети городских поселений, влияние последних на деревню в техническом, технологическом и культурном отношении. Основные черты урбанизации — территориальная концентрация городского и сельского населения, рост крупных городов, образование агломераций — рассматриваются исследователями как универсальная тенденция, связанная с формированием индустриального общества.

Являясь пространственным отражением модернизационной перестройки общества, урбанизация, со своей стороны, определяет ее темпы и характер. Для урбанизации характерны те же свойства, что и для модернизации, в частности радикальность трансформации городской сети. В эпоху индустриального общества роль и характеристики города кардинально отличаются от присущих более раннему периоду характеристик традиционного общества. Комплексный характер урбанизации проявляется в том, что она охватывает не только собственно городские поселения, преобразуя все стороны их жизни — экономическую, социальную, демографическую, бытовую, культурную и т. д., но и сельскую местность.

¹⁶ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв. С. 15.

¹⁷ См. об этом: Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977. С. 205.

Урбанизация приобретает черты глобального процесса, охватывая все уровни пространственной организации общества — от локальных до региональных и общегосударственных систем. Характерно и то, что урбанизация становится одним из каналов гомогенизации общества, способствуя стиранию социальных, культурных и национальных различий.

Урбанизация поселенческой сети соотносится с определенной стадией исторического развития — переходом общества от аграрной к индустриальной стадии — и не совпадает с представлением об историческом развитии городов. Городская поселенческая сеть начинает складываться намного раньше, вместе с формированием государства и общественным разделением труда. Однако лишь в условиях урбанизации города становятся основными точками роста, и их роль в жизни общества выходит на первый план. Этот процесс не является линейным. Урбанизации свойственны цикличность и стадийность, наряду с прогрессивными изменениями возможны регрессивные, связанные с возвращением системы к более ранней ступени развития. Эти откаты урбанизации нередко являются следствием социальных катастроф, таких как война, революция и пр.

Эти закономерности пространственной эволюции, основанные на эффекте пульсации и цикличности развития расселения, отражены в концепции Дж. Джиббса и стадийных теориях. Урбанизация представляется как процесс последовательной смены стадий, причем в каждой конкретной стране время наступления и скорость их протекания могут отличаться и достаточно существенно. В то время как в одних государствах явственно могут проявляться черты последней стадии урбанизации, в других процессы концентрации населения только-только набирают скорость, и это неизбежно приводит к эффекту асинхронности урбанизации в разных странах и даже территорий в рамках одного государства. Эти теории вполне приложимы в качестве инструмента познания к характеристике российского опыта урбанизации.

С учетом стадийных параметров на материалах России можно выделить следующие этапы эволюции системы расселения.

• Начальный этап урбанизации в России относится к XVII — первой половине XIX в., когда была заложена основа современной сети городских поселений и сформировались определенные традиции городской жизни, отличные от сельской. В этот период удельный вес горожан в России не выходил за пределы 10—12 %, а редкая сеть городов не меняла сельского характера российского общества¹⁸. Таким образом, мы можем наблюдать картину расселения, свойственную традиционному аграрному обществу, хотя присутствуют и определенные сдвиги, позволяющие нам сделать вывод о начале подспудных процессов урбанизации. В этот период происходит расширение функций городских поселений, которые становятся экономическими, торговыми, административными центрами территорий; заметно ускоряется динамика экономических и демографических характеристик городов, но в целом их влияние на жизнь российской деревни остается очень незначительным.

В городах в этот период складываются своя культура и особенности быта. Городские поселения приобретают регулярную планировку, зональное деление, уличную застройку. Для удовлетворения бытовых нужд населения в городах активно начинает развиваться обслуживающая сфера. В результате формируется ситуация экономического и культурного противостояния городской и сельской местности, которая в России ужесточается петровскими преобразованиями. Российский город становится проводником западной культуры, и это способствует углублению культурных различий между городом и деревней, которые сохранилось вплоть до XX в.

• Начало второму этапу российской урбанизации положили промышленная революция и реформы 1860—1870-х гг., прежде всего отмена крепостного права. Собственно говоря, именно с этого времени урбанизация набирает обороты, что отражается как в ее количественных, так и качественных показателях. Начинается бурный рост городов, и усиливается их значение в жизни общества.

¹⁸ См.: *Сенявский А. С.* Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов // Урал. ист. вестн. № 5—6. С. 140.

Они действительно становятся средоточием инноваций, центрами политической, культурной и экономической жизни страны. Город не только преобразуется сам, но и начинает воздействовать на сельскую округу, постепенно меняя образ жизни, стандарты и условия существования сельского населения.

К началу XX в. города начинают заметно влиять не только на демографические и экономические процессы, но и на всю историю страны. По мнению А. С. Сеньявского, форсированный характер урбанизационного перехода, его специфические черты и конфликтность предопределили трагическое звучание российской истории, способствуя созданию в российских городах центров социальной напряженности. Именно города становятся проводниками революционных настроений и новых идей социального переустройства общества. Здесь концентрируется не просто население, а наиболее социально и политически активная его часть, влияние которой существенно возрастает в условиях маргинализации городского сообщества и обострения социально-экономических и политических противоречий. С этого времени эволюция расселения характеризуется встречными процессами — дальнейшим ростом городов и замедлением темпов развития сельской местности. Этот этап продолжается в России вплоть до конца 1920-х гг., знаменуя собой процесс постепенного накопления количественных изменений. В качественно новое состояние, соотносимое с понятием развитого индустриального общества, они перерастают в 1930—1950-е гг.

• Третий этап урбанизации приходится на 1930—1980-е гг., когда завершается переход российского общества из преимущественно сельского состояния в городское. Этот период соотносится с высшей стадией урбанизации — урбанизационным переходом, который, по определению А. С. Сеньявского, ведет к радикальному преобразованию всего общества на городских началах¹⁹. Это сложный процесс, который, с одной стороны, связан с резким расширением городской сети и вытеснение городом деревни, а с другой — с преобразованием самой деревни в вариант городского

¹⁹ См.: *Сеньявский А. С. Российский путь к городскому обществу...* С. 139.

поселения. Города становятся ведущими звеньями системы расселения. Переход к городскому обществу сопровождается концентрацией в городе большей части населения и массовым оттоком в города трудоспособных жителей деревни.

Урбанизационный переход протекал в очень сжатые сроки, заняв менее 100 лет. В СССР к 1989 г. насчитывалось более 1 300 городов (почти 2/3 из них получили статус городов после революции). Характерной особенностью советского этапа урбанизации стало возрастание роли государства в развитии городской системы. Административные решения предопределяли судьбу того или иного города, его перспективы. Подход к городским поселениям как к месту сосредоточения промышленности влиял на их развитие по образцу города-завода.

Урбанизация определяла вектор развития российского общества в XX в., но не исключала колебаний и попятных движений. Более того, Первая мировая война, а затем революция и гражданская война привели к своеобразному откату урбанизации к уровню начала века, т. е. более ранней стадии развития городской сети. В годы гражданской войны наблюдается значительный отток населения из города в деревню в связи с голодом и разрухой. Лишь в период НЭПа происходит оживление городской жизни, восстанавливается численность городского населения, которое достигает довоенных показателей к концу 1920-х гг.

В последующие годы (1930—1940-е) мы можем наблюдать стремительный рост городской поселенческой сети, ставшей следствием форсированной индустриализации. Миллионы крестьян переселяются в города, усиливая маргинальные черты городской среды. Население городов этого времени нередко характеризовалось специалистами как «полугородское», отражая проникновение в городскую жизнь элементов сельского мировоззрения, психологии, стандартов поведения. Конечно, со временем влияние города на традиционное сознание усиливалось и меняло его, тем не менее в течение достаточно длительного времени ускоренный рост числа городских жителей за счет притока селян не мог не отразиться на характере и образе жизни российских городов. Это, в частности, позволило

ряду исследователей усомниться в «полноценности российской модели урбанизации»²⁰.

В этот же период окончательно складывается так называемый образ советского города, который рассматривался прежде всего как крупный промышленный центр, где экономическая сфера является определяющей и приоритетной, а все остальные (социальная, бытовая, культурная) — вторичными. В советском городе развивали в первую очередь промышленность, все средства вкладывались в строительство производственных объектов в ущерб жилищным и культурно-бытовым. Тогда же закладывались экологические проблемы крупных городов, связанные с водоснабжением, воздухом, утилизацией отходов.

Кульминация процесса стягивания населения в крупные города приходится в России на 1960—1980-е гг. Наиболее «городскими» регионами в этот период стали, в частности, Центральный и Уральский экономические районы. Но не только это определяет специфику данного этапа урбанизации. Развитие процессов концентрации населения приводит к появлению новых форм городского расселения, таких как группы территориально сближенных поселений (ГТСП). Под этим термином понималась система поселений, состоящая не менее чем из двух городов либо города и поселка городского типа, расположенных на расстоянии 20—25 км друг от друга, т. е. в пределах, доступных для маятниковой миграции.

Если период 1930—1950-х гг. проходил под знаком возведения городов, то в 1960—1980-е гг. началось массовое формирование агломераций. Они создаются на базе крупных и крупнейших городов и определяют территориальный каркас единого народно-хозяйственного комплекса. Агломерирование рассматривают как естественный процесс, который протекает вопреки многочисленным правительственным постановлениям, ориентированным на ограничение роста крупных городов, охватывая постепенно сначала Центр и Северо-Запад России, а затем и другие регионы.

²⁰ См., в частности: Глазычев В. Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984.

Раньше всего, в 1920—1930-е гг., складывается московская агломерация. Число поселений и размер территории, находящихся в сфере влияния Москвы, постоянно росли. Московская агломерация создавалась по типу моноцентричной, в которой город-центр превосходит по своему потенциалу другие города и подчиняет своему влиянию не только поселения, находящие в пригородной зоне, но и на периферии. Несколько позднее формируется ленинградская агломерация. По данным переписи 1939 г. на территории СССР по приближенным оценкам насчитывается от 15 до 20 агломераций, среди них свердловская и челябинская. Следующая перепись позволила выявить уже 63 городские агломерации. С 1959 по 1979 г. общее количество агломераций увеличилось почти вдвое²¹.

Так же как города, агломерации имеют свои особенности и различаются по структуре (моноцентричные, полицентричные), по величине, механизмам и времени формирования, а также особенностям развития. Вместе с тем значительная часть малых и средних городов России так и осталась за рамками агломераций, и для большинства из них перспектива войти в агломерации отсутствует, что связано с особенностями географического положения и выполнением специфических функций: это центры добывающей промышленности, курортные и туристические города, центры сельскохозяйственных районов и т. п.

Формирование агломераций привело к существенным сдвигам в расселении, его центростремительному сжатию. Одновременно в развитых странах к концу XX в. начинают прослеживаться процессы субурбанизации, в рамках которых концентрация населения сменяется новой тенденцией — его рассредоточением, переселением в пригороды и т. д. Переход к информационному обществу усиливает эту тенденцию. Данная стадия и была отмечена Дж. Джиббсом как завершающая ступень урбанизации, хотя временем это положение еще не доказано окончательно. Тем не менее для многих стран Запада, особенно европейских государств, стран Северной Америки, дезурбанизация, сочетаемая с рурализацией — политикой, направленной на сдерживание урбанизации путем комплекс-

²¹ См. об этом: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 140.

ного развития сельской местности и модернизации сельского расселения, стала достаточно характерным явлением. Большой город теряет свою привлекательность в глазах горожан, они стремятся улучшить свои условия жизни за счет переезда в пригороды, скрыться от городского шума и суеты. Пригороды и сельская местность приобретают черты городской, обеспечивая сходные с крупным городом условия жизни и быта. Развитие коммуникаций ускоряют процессы деконцентрации и дезурбанизации, создавая реальные предпосылки для общедоступности социальных благ. Однако, учитывая нелинейность процессов расселения, следует признать, что стадия деконцентрации расселения должна иметь свое продолжение, и вектор развития может снова смениться. Новый этап концентрации, вероятно, будет иметь свои особенности, не связанные с ростом только крупных городов.

Характеристику стадий урбанизационного перехода можно дополнить, используя данные о направлении и динамике миграций (табл. 2.2). В этом отношении нередко выделяют две стадии урбанизационного перехода: экстенсивную и интенсивную. Для интенсивной стадии характерно превалирование маятниковых перемещений над миграцией из села в город, формирование зон высокоурбанизированной среды в рамках агломераций и мегаполисов, где сельские и малые поселения интегрируются в единое целое на основе тесных хозяйственных связей, единой инфраструктуры. Важен и еще один аспект интенсивной стадии урбанизации — сельские поселения по уровню благоустройства, интенсивности связей с городскими центрами, образу жизни мало отличаются от малых и средних городов. В городских поселениях сосредоточивается свыше 75 % населения страны, и эти пропорции сохраняются. Ряд западных европейских стран приблизились к этой стадии в 1980—1990-е гг.²²

Урбанизация, являясь объективным процессом, подчиняется некоторым общим закономерностям — это жесткая связь с индустриальным развитием; преобразование всего общества, в том числе и деревни через внедрение городских институтов, стандарта пове-

²² См. об этом: *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX в.: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 42.

Таблица 2.2

Соотношение стадий модернизации и урбанизации в историческом процессе

Стадия развития общества	Стадии урбанизации (по схеме Джиббса)	Стадии эволюции расселения (по схеме Ж. А. Зайончковской)	Вектор развития расселения	Характер миграции
Аграрное (традиционное) общество	1. Городское расселение вписано в сельское, города отстают в своем росте	1. Аграрная стадия. Сельское и городское расселение развиваются параллельно, автономно. Рост городской сети идет при одновременном расширении сельской поселенческой сети. Пополнение численности горожан осуществляется за счет естественного прироста и частично за счет демографических ресурсов сельской местности	Деконцентрация населения, рассредоточение его по мелким населенным пунктам	Низкий естественный уровень миграции в основном в рамках локальных систем: между селом и городом, между селом и селом
	2. Ускорение роста городов и замедление роста села		Начальная стадия концентрации населения	Усиление миграции сельского населения в более крупные поселения, в т. ч. городские центры
Индустриальное общество	3. Потеря сельской местностью населения и рост городов	2. Индустриальная стадия. Активное развитие городской поселенческой сети, и прежде всего крупных городов, за счет сокращения численности и плотности сельских поселений. Сокращение плотности малых городов	Наращивание процессов концентрации, формирование групповых систем расселения	Преобладание направления миграции «деревня — город»
	4. Кульминация стягивания населения в крупных городах и формирование агломерации		Достижение максимально возможного уровня концентрации населения. Возникновение новых форм концентрации	Смена миграции из деревни в город миграционными потоками «малый город — большой город»

Окончание табл. 2.2

Стадия развития общества	Стадии урбанизации (по схеме Джизбса)	Стадии эволюции расселения (по схеме Ж. А. Зайончковской)	Вектор развития расселения	Характер миграции
Постиндустриальное общество	5. Дезурбанизация	3. Интегрированная стадия. Формирование новых форм интегрированного расселения — агломераций и метрополисов	центрации населения, связанных с развитием агломераций и метрополисов	
			Деконцентрация населения	Усиление обратных миграционных потоков по направлению «крупный город — пригород — сельская местность». Преобладание маятниковой миграции над постоянной
			Перемещение центров концентрации в мелкие города и пригороды, формирование вариантов мобильной концентрации населения	Преобладающая форма миграции — маятниковая

дения, образа жизни, культурных ценностей. Причем преобразование деревни не предполагает ее полное исчезновение и замену всех поселений только городскими типами. Сельское поселение сохраняется, т. к. сохраняется целый ряд его специфических функций, например рекреационная, но условия жизни, уровень благоустройства и доступности материальных и культурных благ резко изменяются. Вместе с тем в каждой стране и в каждом регионе процессы урбанизации неизбежно будут иметь специфические черты.

Особенностью развития российской урбанизации было то, что формирование и развитие городской сети протекало в условиях постоянной внешней угрозы, города создавались в первую очередь как стратегические центры, выполняющие оборонные, военные функции. Огромные территории предопределили особую роль государства как инструмента сохранения целостности страны, ее развития, создания жесткой централизованной системы управления. Низкая плотность населения, слабое развитие транспортных путей влияли на формирование очагового типа расселения. Значительная роль государства в процессах градообразования наложила свой отпечаток на функции городов, среди которых преобладающее значение всегда имела административная функция, которая, собственно, и определяла статус города.

Свои отличия имел советский вариант урбанизации: высокие темпы и распространение монофункциональных городов, в частности поселений, ориентированных на одну отрасль, — горно-добывающих, энергетических, металлургических, химических центров и пр. Монофункциональность является особенностью многих средних и малых городов, их отличает жесткая привязанность к породившему их предприятию. Это придает городу черты поселковости, делая его приложением к фабрике или заводу. Планировочная структура таких городов предельно проста, преобладание усадебной застройки сближает их с сельскими поселениями. Нередко поселковость ощущается даже в крупном городе: в большинстве случаев они представляют собой сумму поселков, возникших достаточно обособленно при разных промышленных предприятиях. Это хорошо прослеживается на примере уральских городов. Так,

например, город Копейск в Челябинской области состоит из 22 поселков, вытянувшихся полосой в 55 км.

Сельские черты российской урбанизации весьма устойчивы и постоянно воспроизводятся за счет целого комплекса факторов, в частности постоянного расширения городской черты за счет включения сельских поселений. Сельский характер урбанизации выражается не только в наличии «сельских городов» и «деревень в городах». Им пронизана вся городская среда: пополнение численности горожан за счет миграции сельских жителей неизбежно влияет на ментальность, образ жизни. Дополнительным фактором сохранения сельских черт урбанизации является привязанность горожан к садово-огородным вариантам жизнедеятельности.

Особенностью урбанизации в России стало также и то, что в течение длительного времени свобода передвижений населения была существенно ограничена, что приводило к деформациям как процессов концентрации, так и процессов дезурбанизации. В итоге урбанизация заняла почти полтора столетия и приобрела очаговый, дисперсный характер. Рост крупных городов с помощью административных решений искусственно ограничивался. Позднее, чем в западных странах, в России наступает и стадия дезурбанизации, которая нашла свое специфическое отражение в развитии дачно-огородных устремлений горожан. Объективные условия для этого начинают складываться в России только в 1990-е гг., но социально-экономические потрясения привели к формированию возвратной тенденции. О переходе к дезурбанизации в классическом варианте можно будет говорить только тогда, когда за город на основное место жительства потянется средний класс. Таким образом, делать вывод о завершенности урбанизационного перехода в России пока преждевременно.

Урал имеет свои особенности развития городской сети. Территория Урала стала осваиваться сравнительно поздно, и первые русские поселения появляются здесь только в XV в., но, несмотря на это, к концу XX в. Урал стал одним из наиболее урбанизированных регионов России. Опыт Урала интересен и тем, что здесь реализуются разные модели урбанизации: выделяются территории с ранним, средним и поздним урбанизационными переходами.

Конкретная модель целиком и полностью зависела от местных условий, экономического потенциала и специализации территории, состояния демографических ресурсов.

При изучении процессов градообразования в историческом контексте всегда возникает проблема оценки уровня урбанизации конкретного района или страны, для этого необходимо иметь четкие критерии, позволяющие оценить его состояние и динамику. Они должны отражать не только количественные, но и качественные стороны процесса, учитывать соотношение городского и сельского населения, уровень концентрации населения (доля населения, сосредоточенного в агломерациях, а также в крупных городах), степень урбанизации сельской местности.

В зависимости от времени вступления в фазу урбанизационного перехода в России выделяются следующие типы регионов²³ :

1. Регионы с ранним урбанизационным переходом (до 1941) — это наиболее урбанизированные регионы России, где городское население превысило сельское еще до Великой Отечественной войны. На Урале к этому типу относятся Свердловская и Челябинская области, где урбанизационный переход начинается не позднее 1939 г. Для них характерен и наиболее высокий итоговый уровень урбанизации: к концу 1980-х гг. удельный вес горожан здесь превысил 80 %. Причем в Свердловской области — самой урбанизированной — этот показатель достиг 87,0 %.

2. Регионы с относительно ранним урбанизационным переходом (1941—1960). Показатели этого типа близки к средним показателям по России. Урбанизационный переход состоялся в 1940—1950-е гг., но благодаря высоким темпам урбанизации они вышли на высокие итоговые показатели — 75—80 %. В основном это индустриальные регионы Севера, Центра, Поволжья. На Урале к этому типу относится Пермская область, которая по своему тренду является эталонной и копирует среднюю траекторию, характерную для всей европейской части России. Стабилизация доли сельского населения в Пермской области произошла только к началу 1990-х гг.

²³ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 161—170.

3. Регионы со средним урбанизационным переходом (1961—1970). Этому типу соответствует динамика развития городского расселения в Удмуртии и Оренбургской области, где позднее наступила и стагнация: к началу 1990-х гг. удельный вес городского населения застыл на уровне 70 % (несколько нетипична Оренбургская область, в которой уровень урбанизованности не поднялся выше 65 %).

4. Регионы с поздним урбанизационным переходом (не раньше 1971) — это в основном сельскохозяйственные регионы, отставшие по развитию городов от своих соседей. Помимо позднего урбанизационного перехода для них характерны высокие темпы урбанизации — максимальные среди всех типов. Стартуя с уровня урбанизованности в 25 % в конце 1940-х гг., они к 1990-м достигли уровня 55—65 %. В эту группу входят Башкирия и Курганская область.

5. Регионы с неровным урбанизационным переходом расположены на территории Северо-Кавказского региона. Для них характерны резкие колебания доли горожан в структуре населения. Это во многом связано с динамикой развития сельской местности. На протяжении всего изучаемого периода сельское население либо держалось примерно на одном уровне, либо росло.

6. Регионы, не осуществившие урбанизационный переход. Здесь сельское население по-прежнему остается преобладающим. Это территории республик Карачаево-Черкесской, Дагестана, Чеченской, Ингушской и Калмыкской.

По мнению специалистов, старопромышленный и полицентричный Урал демонстрирует усредненную урбанистическую траекторию, весьма близкую к общенациональной²⁴. Здесь не отмечено преждевременной контрурбанизации, как в Центральном и Северо-Западном регионах, — оттока населения из крупных городов и рост сельского населения в первой половине 1990-х гг. Главные города Урала не имели отрицательного баланса. Все это подтверждает выводы о незавершенности процессов урбанизационного перехода и нахождении России и Урала на стадии концентрации населения в городах, т. е. на стадии зрелой урбанизации.

²⁴ См.: Город и деревня в Европейской России... С. 183.

Сельское расселение в условиях урбанизационного перехода

Нередко изучение урбанизации замыкается лишь на основном объекте своего исследования — городе, не затрагивая сельскую местность. Что же происходит в этом случае с деревней? Каковы перспективы и закономерности эволюции сельской поселенческой сети? Влияние урбанизации на село исследователи отслеживают в двух направлениях: 1) изменение сознания сельских жителей (урбанизация образа жизни), 2) усиление контактов между городом и деревней главным образом через миграционные потоки²⁵. При этом трансформация деревенской среды и традиционных черт одними воспринимается как потеря определенных культурных ценностей, которые нередко идеализируются, другими — как закономерный процесс поглощения городом деревни. Вместе с тем влияние урбанизации следует рассматривать в более широком контексте: она охватывает все уровни организации жизнедеятельности общества и все ее формы, приводя к коренным изменениям в системе расселения.

Системный подход предполагает комплексный анализ системы расселения без разделения ее на городское и сельское, иначе невозможно понять их динамику. Урбанизация оказывает определяющее влияние на село, формируя новый урбанизированный вариант сельской местности, кардинально отличающийся от традиционной модели. Взаимосвязь процессов «модернизация — урбанизация — развитие сельского расселения» очевидна, она отражает основной вектор эволюции сельской местности и ее существенные характеристики, в том числе проявляется в хронологическом соответствии основных этапов структурной перестройки сельской поселенческой сети.

Вместе с тем развитие сельского расселения в условиях модернизации общества неизбежно приобретает догоняющий характер.

²⁵ См., например: Горбачев О. В. На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946—1985) и советская модель урбанизации. М., 2002; Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение; Сенявский А. С. Урбанизация России в XX в.; и др.

Из всех подсистем общества сельская местность является наиболее инертной, устойчивой, ей свойственны внутренние механизмы, тормозящие внедрение инноваций. В первую очередь перемены затрагивают города, и только потом, через определенный промежуток времени, они проявляются в деревенской среде. Все это приводит к тому, что урбанизационные процессы охватывают сельскую местность позднее, чем городскую поселенческую сеть. Следовательно, возникает необходимость корректировки этапов урбанизации применительно к сельскому расселению.

По мнению Ж. А. Зайончковской, основным симптомом перехода от традиционной (аграрной) стадии расселения к индустриальной является появление дефицита демографических ресурсов в сельской местности²⁶. В России этот момент наступает в 1930—1940-е гг. и наиболее ярко проявляется в послевоенный период, т. е., с учетом демографического фактора, аграрное расселение начинает эволюционировать в новое качество сравнительно поздно.

Принимая во внимание эту точку зрения, все же хотелось бы отметить, что демографические характеристики не являются единственным критерием урбанизации сельской местности. Сельская миграция становится заметным явлением в России уже во второй половине XIX в., превратившись в один из основных источников роста городов. Вплоть до 1930-х гг. эти потери населения компенсировались благодаря сохранению в деревенской среде высокого уровня рождаемости и увеличению средней продолжительности жизни. Но сельская миграция, помимо своей количественной стороны — интенсивности потока мигрантов, имеет и другие механизмы влияния, способствуя интеграции сельского населения в новую среду, заимствованию определенных форм и видов деятельности.

С учетом всех факторов преобразования сельской поселенческой сети, не только количественных, но и качественных, начальный этап ее модернизации следует отнести к более раннему периоду истории. В России начало модернизации системы сельского расселения приходится на пореформенный период — вторую половину XIX в.

²⁶ См.: Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. С. 3.

В это время сельская поселенческая сеть приобретает новые черты: меняются функции, характер и даже внешний облик сельских поселений. Деревня начинает рассматриваться как административная единица. Характерной чертой сельского поселения становится наличие границы, четкое определение размеров закрепленной за ним территории и количества населения. Складывается поселенческая инфраструктура, ориентированная на выполнение таких дополнительных социальных функций, как образование, здравоохранение, получает развитие транспортная сеть и связь, т. е. то, что не было свойственно традиционной деревне. Кроме того, в 1861 г. появляется новая форма административно-территориального управления и самоуправления — сельское общество. Оно являлось отражением крестьянской общины и опиралось на традиционные институты, но вместе с тем стало носителем определенных инноваций. Наряду с выполнением прежних функций сельское общество отвечало также за деятельность ссудо-сберегательных касс, сохранность амбаров, исправность дорог, больниц и богаделен, ему придаются функции местной власти, т. е. появление сельского общества можно рассматривать как новый этап в развитии социальной организации крестьян.

Характерной чертой, отражающей изменения, связанные с урбанизацией, становится миграция из деревни в город, которая приобретает серьезный размах и возрастает к 1870-м гг. по сравнению с началом 1860-х гг. почти в 2 раза²⁷. Одновременно с ростом городов во второй половине XIX в. наблюдается увеличение численности сельского населения, поднимается уровень его грамотности.

Тем не менее основной симптом перехода расселения к новой стадии развития, на наш взгляд, — это не столько рост сельской миграции, сколько перемены в деревне, связанные с приобретением новых элементов инфраструктуры и деятельностью земств по ее благоустройству, внедрением регулярной планировки. Показательны и структурные изменения поселенческой сети, характерные для данного этапа, — усиление роли и ускоренный рост наиболее круп-

²⁷ См.: Кучумова Л. И. Община в системе поселений России // Сельские поселения России: Исторический и социокультурный анализ. М., 1995. С. 12.

ных и удачно расположенных сел, обычно волостных центров. Наряду с традиционными типами сельских поселений (села, деревни, выселки, починки и пр.) появляются новые — пристанционные, фабричные, торговые поселки, связанные с формированием сети несельскохозяйственных населенных пунктов.

Вместе с тем необходимо признать, что новые черты, свойственные индустриальному расселению, накапливаются постепенно, сначала в виде единичных явлений, затрагивая в первую очередь промышленные регионы, и только с течением времени приводят к заметным переменам.

К началу Первой мировой войны в столичных губерниях и регионах, которых коснулась индустриализация, новые черты урбанизированной модели расселения начинают проявляться достаточно явно. Вокруг Москвы и Петербурга появляются дачные поселки, растет удельный вес несельскохозяйственных поселений, благодаря деятельности земств медленно, но верно происходит преобразование условий жизни на селе.

Однако мировая война, а затем революция и гражданская война не только затормозили эти процессы, но и привели к восстановлению традиционной схемы расселения. Разруха на транспорте и в промышленности способствовала деградации городов, миграции части горожан в сельскую местность. Сельскохозяйственное производство вновь возвратилось к модели натурального хозяйства. В результате массовых переселений крестьян из «непроизводящих» губерний, особенно северных, в производящие — на юг России происходит обезлюдение наиболее неблагоприятных с сельскохозяйственной точки зрения территорий. В южных регионах, напротив, появляются новые гнезда сельскохозяйственных поселений. Таким образом, в сельском расселении, так же как и в городской среде, в этот период наблюдается откат к предшествующей стадии развития — традиционному (аграрному) расселению, возрождению его архаических черт.

В годы НЭПа в условиях восстановления хозяйства сельское расселение реставрируется на традиционной основе, стремясь к равномерному охвату сельскохозяйственных территорий. Этому способствовала политика государства в области землеустройства.

В стране повсеместно проводится расселение крупных сел, образование хуторов и выселок. Свой вклад в освоение пустующих земель внесла переселенческая политика государства, в ходе которой тысячи крестьян из центральных районов России переместились в восточные районы — на Урал и в Сибирь. Традиционные варианты развития сельского расселения в этот период начинают дополнять новые: в конце 1920-х гг. на неосвоенных землях возникают совхозы, формируется система лесохозяйственных поселений, в сельской местности возводятся объекты санаторно-курортного назначения и т. д. В результате в течение 1920-х гг. происходит активный рост численности сельских поселений как сельскохозяйственного, так и несельскохозяйственного типа. Расширение сельской поселенческой сети продолжалось вплоть до конца 1930-х гг. Если в 1926 г. в РСФСР насчитывалось 404 808 сельских населенных пунктов, то в 1939 г. — 406 958²⁸. Одновременно с развитием традиционных форм и типов расселения закладываются предпосылки кардинальной перестройки сельской местности.

В 1930-е гг. в расселении происходят глобальные перемены, которые были связаны с началом вторичной урбанизации поселенческой сети. Основными факторами, в наибольшей степени повлиявшими на изменение структуры, рисунка и функциональных характеристик сельского расселения, в этот период, были: 1) индустриализация страны; 2) коллективизация и создание совхозов, сопровождавшиеся изменением технологической основы сельскохозяйственного производства; 3) политика государства, ориентированная на радикальную реконструкцию деревни в соответствии с идеями ее социалистического преобразования. Транспортное и промышленное строительство способствовало формированию и развитию сети несельскохозяйственных поселений. Новое транспортное, гидротехническое, промышленное, сельскохозяйственное строительство формирует новый рисунок сельского расселения — более устойчивый и четкий, ориентированный на промышленные узлы и транспортные линии.

²⁸ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2.

Индустриальное (урбанизированное) расселение, которое формируется в России в 1930—1980-е гг., отличается тем, что в городах сосредоточивается преобладающая часть населения, а численность сельского населения, в свою очередь, резко сокращается. В результате в сельской местности происходят сокращение и измельчание поселенческой сети, стягивание ее в пригородные зоны. Сельское расселение из равномерного трансформируется в очаговое, совпадающее по своей конфигурации с городской сетью.

Процесс концентрации охватывает не только городскую, но и сельскую местность, дифференцируя сельские поселения по темпам роста и хозяйственному развитию. Начальный этап концентрации, приходящийся на конец 1930-х — 1950-е гг., был связан с ростом наиболее крупных поселений — центральных мест разного ранга — независимо от удаленности от города. По мере истощения демографических ресурсов местоположение поселения по отношению к городу становится определяющим фактором. Все удаленные деревни, независимо от их размеров и выполняемых функций, начинают терять население. Подобная трансформация сельского расселения особенно интенсивно протекала в послевоенный период.

Военные потери и снижение естественного прироста в 1960-е гг., а также укрупнение сельскохозяйственного производства ускорили процессы концентрации расселения. Одновременно на этом этапе происходит постепенная смена жизненных ориентиров и условий жизни сельского населения. Урбанистические стандарты все активнее проникают в культуру и быт жителей села, вытесняя традиционные ценности.

Таким образом, урбанизацию нужно рассматривать не только как процесс городской концентрации и распространение городского образа жизни. Речь должна идти о концентрации всех видов жизнедеятельности, включая сельскую местность.

В 1960-е гг. в сельской местности начинают проявляться признаки новой стадии расселения, особенно в зонах формирования агломераций. По мере концентрации и интеграции все труднее становится разделить город и село как территориально, так и по существу. Это находит свое отражение в развитии сельского строительства, проведении благоустройства населенных пунктов, которое

охватывает прежде всего пригородные зоны. Обратной стороной формирования агломераций становится обезлюдение и запустение значительных территорий, удаленных от городских центров и транспортных линий.

За период 1959—1989 гг. в России сельское население сократилось почти на четверть, а количество сельских поселений на 40—45 %. В целом, уменьшение количества деревень за 30 лет сопровождалось изменением не только степени заселенности территории, но и существенной трансформацией структуры и форм расселения. Произошло то, что называют концентрацией и поляризацией сельского расселения, т. е. сосредоточение населения в относительно немногочисленных, как правило — крупных, поселениях. Соответственно растет их доля в структуре расселения. Поляризация связана с параллельным увеличением доли мельчайших поселений и сокращением числа средних.

Таким образом, развитие процессов модернизации в России на протяжении XX в. приводит сначала к постепенной, а затем, под влиянием субъективных моментов (политика государства), к ускоренной перестройке системы расселения, которая охватывает всю сельскую поселенческую сеть в целом, все уровни ее организации (поселенческая сеть — деревня — сельский двор), приводя к необратимым изменениям и формируя новый облик села. В первую очередь меняются структурные характеристики сельского расселения — соотношение числа мелких, средних и крупных населенных пунктов; происходит упрощение типологической структуры — сведение всего многообразия поселений к трем основным типам: поселок, село, деревня. Важнейшей составной частью перестройки системы сельского расселения выступает появление новых вариантов населенных пунктов, отличных от традиционных сел и деревень (совхозные поселки, усадьбы МТС и подсобных хозяйств и т. д.), а также увеличение удельного веса несельскохозяйственных поселений.

Одновременно с изменением структурных характеристик системы расселения происходит преобразование сельских поселений в соответствии с новыми стандартами жизни, приближенными к городским эталонам. Традиционная деревня, основанная на под-

ворном принципе организации территории с максимальным использованием особенностей ландшафта и характерной усадебной застройкой, постепенно уступает место новой деревне. Ее отличительными чертами стали регулярная планировка (уличная или квартальная) и возведение многоквартирных домов. Территория «новой» деревни организуется в соответствии с четким делением ее на жилую, производственную и общественную зоны. Меняется не только архитектурный облик сельских поселений, но и само представление о деревне. В рамках традиционного общества деревня функционировала как особый хозяйственный комплекс. Согласно С. Б. Веселовскому, «деревня означала не само поселение, а комплекс угодий, составлявший деревенское хозяйство»²⁹. В новых условиях д е р е в н я — это только поселение, которое имеет административную границу, охватывающую земли, занятые застройкой с приусадебным фондом. Хотя при проведении учета сельских поселений в 1930—1980-е гг. сохраняются их традиционные обозначения: село, деревня, выселки, хутор, — однако они не имеют четких критериев и используются скорее по привычке. К 1960-е гг. эти обозначения постепенно вытесняются другим, более универсальным названием — п о с е л о к.

В условиях урбанизационного перехода кардинально меняется крестьянское подворье, выступавшее в качестве первичной ячейки сельского поселения и материальной основы сельского образа жизни. Мир крестьянской усадьбы отражал тот строй жизни, ту систему ценностей, которая была свойственна традиционному обществу и которая теряет свою жизненность в новых условиях. Разрушение традиционного уклада и распространение на сельскую местность городских стандартов жизни, дополненные непродуманной государственной политикой в отношении крестьянства, неизбежно вели к тому, что крестьянский двор преобразуется в новое явление — приусадебное (приквартирное) хозяйство. И характер организации производственной деятельности, и место последнего

²⁹ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.: Историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М., 1936. С. 12.

в формировании бюджета семьи — принципиально другие. Отличительной чертой приусадебного хозяйства становится урезанная отраслевая структура, свертывание наиболее трудоемкой отрасли — животноводства, сокращение земельных наделов и переориентация сельскохозяйственного производства с хозяйственных нужд на личное потребление.

Таким образом, модернизация российской деревни представляет собой сложный многогранный процесс кардинальной перестройки как всей системы сельского расселения в целом, так и внутрипоселенческого устройства, приведшего к формированию нового образа села.

Особенности российской урбанизации непосредственно отразились в сельском расселении, но в перевернутом виде. Форсированное развитие городской системы и сосредоточенность всех усилий и средств на формировании городской сети оказали негативное влияние на сельскую местность, замедляя естественные процессы эволюции сельского расселения. Российская деревня, ставшая основным источником средств и ресурсов для индустриализации и роста городов, в результате утратила внутренний потенциал и силы для развития. Это отразилось в консервации низкого уровня жизни сельских жителей, сохранении вплоть до настоящего времени условий быта, характерных для традиционного общества. И этот результат не случаен: ускоренный рост городов тормозил развитие социальной сферы деревни и на долгие годы, вплоть до 1960-х гг., удерживал ее на примитивном уровне.

Характерно и то, что в силу разнообразия природно-географических и экономических условий регионы страны в разное время включаются в модернизационные процессы, что в конечном счете приводит к их дифференциации по уровню урбанизации села. Наиболее высокий уровень характерен для промышленных регионов, более низкий уровень — для регионов со смешанной экономикой, а также сельскохозяйственных областей, где традиционные черты обладают большей устойчивостью. Несомненное влияние на степень урбанизации деревни оказывает национальный фактор и включенность сельской местности в агломерации.

Глава 3

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В XX в.: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

Изучение проблем сельского расселения в XX в. велось в основном в русле географических исследований, а также таких направлений, как градостроительство и архитектура. Эта ситуация во многом предопределила методы и подходы к изучению сельского расселения, а также ту фактографическую базу, на которой строились научные разработки. Для экономико-географических исследований было характерно широкое использование статистических данных и формальных методов. Однако возможности применяемых технологий были ограничены достаточно узкой информационной базой. Основу ее составляли опубликованные итоги переписей населения (группировки населенных мест), а также результаты социологических исследований. Это неизбежно отражалось на возможностях ретроспективного анализа. Как правило, выводы о тенденциях развития сельского расселения в основном ограничивались хронологическими рамками 1960—1980-х гг. В результате имевшаяся в распоряжении ученых информация о состоянии поселенческой сети позволяла проследить и охарактеризовать процессы концентрации расселения и формирования групповых систем, но не отражала всей сложности и вариативности ситуации. В частности, изменения, связанные с сокращением и измельчением поселенческой сети, рассматривались длительное время как необратимые.

Изучение такого сложного объекта, каким является система расселения, предполагает выявление, анализ и систематизацию всех источников, которые содержат необходимые сведения о сельской поселенческой сети. Используя принятые в источниковедении классификации, письменные источники по истории сельского расселения на Урале в XX в. можно подразделить в зависимости от формы представления на опубликованные и неопубликованные. К первой категории относятся прежде всего учетно-справочные издания, в которых представлены списки населенных мест с дополнительными сведениями. Кроме того, к ним принадлежат статис-

тические издания, подготовленные по итогам всеобщих переписей населения, а также краеведческие материалы, опубликованные в периодической печати или в форме отдельных изданий. В эту же категорию мы включили законодательные документы, посвященные вопросам регулирования административно-территориальных отношений. Категория неопубликованных источников охватывает архивные материалы учетного, статистического и делопроизводственного характера (рис. 1).

Рис. 1. Схема классификации исторических источников по сельскому расселению

Выделение категорий опубликованных и неопубликованных документов актуально для оценки уровня их включенности в научный оборот. Опубликованные источники, как правило, более широко используются в исследовательской практике в силу своей доступности, а в некоторых случаях выступают в качестве единственных носителей информации. Именно они наиболее востребованы представителями неисторических наук. Неопубликованные документы интересны тем, что потенциально содержат новую информацию.

В нашем случае именно архивные материалы оказались наиболее интересным комплексом источников по сельскому расселению Урала, позволяя существенно расширить и дополнить содержание опубликованных документов.

Представленное выше деление источников необходимо дополнить видовой классификацией, в соответствии с которой выделяются:

- документы административного учета;
- статистические источники;
- законодательно-нормативные источники;
- ведомственные делопроизводственные материалы.

Немаловажным для анализа представляется такое свойство исторических документов, как массовость. В зависимости от характера представления информации принято выделять 1) массовые и 2) уникальные источники. Наибольшее значение для изучения системы сельского расселения имеют документы массового характера, они позволяют наиболее полно отразить количественные и качественные характеристики поселенческой сети в целом, а также отдельных ее элементов, что не исключает возможности привлечения уникальных материалов — описаний отдельных сел и деревень, составленных краоведами. Они предоставляют неоценимую возможность для иллюстрации количественных показателей и тех закономерностей, которые просматриваются в массовых данных.

Источниковая база должна соответствовать принципам комплексности, системности и динамичности, т. е. отражать изучаемый объект во всем многообразии его структурных элементов и взаимосвязей, а также с учетом тех изменений во времени, которые переживает система расселения. Наиболее полно этим требованиям соответствуют документы административного и статистического учета, в которых фиксировалось состояние поселенческой сети и ее характеристики на определенные моменты времени. Учетные документы выступают как продукт функционирования системы учета и непосредственно отражают те методы и принципы учета, которые реализовывались на практике.

Документы административного и статистического учета поселенческой сети Среднего Урала

Учет поселенческой сети имеет давнюю историю, т. к. его цели были непосредственно связаны с задачами управления. Одной из наиболее ранних форм учета выступали писцовые и переписные книги XVI—XVIII вв. Именно они позволяют нам воспроизвести основные черты и особенности расселения региона на этапе его раннего освоения. Наиболее ранним источником по истории заселения Приуралья является писцовая книга И. Яхонтова, составленная по Чердынскому уезду в 1579 г., более поздние сведения о поселенческой сети представлены в писцовой книге М. Кайсарова 1624 г., в конце XVII в. подобный документ был составлен Ф. Бельским¹. Вместе с тем говорить о какой-либо сложившейся системе учета в этот период еще не приходится. Составление писцовых книг было вызвано чисто практическими задачами и не преследовало своей целью регистрацию поселенческой сети. Эти вопросы актуализируются в условиях проведения реформ административно-территориального деления в XVIII в., и особенно в пореформенный период. Во второй половине XIX в. составление учетных списков населенных мест приобретает более организованный и систематический характер, их подготовка становится одной из функций земств. Статистическое наблюдение поселенческой сети начинает практиковаться земствами во второй половине XIX в. и вплоть до середины 1920-х гг. выступает фактически единственным способом проведения учета поселенческой сети, обеспечивая управленческие структуры необходимой информацией. Целью статистического наблюдения было не просто составление перечня населенных мест и регистрация их административной принадлежности, а сбор разнообразной социально-экономической информации, которая использовалась для различных управленческих и исследовательских нужд. В задачи статистического наблюдения входила характеристика поселений

¹ См. об этом: *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XVIII в. Пермь, 1995. С. 27—29.

по численности и составу населения, хозяйственным занятиям, водоснабжению, наличию культурно-бытовых и медицинских объектов, административных учреждений и другим вопросам.

Основной формой статистического учета поселений длительное время служили Списки населенных мест, составляемые по губерниям. Они относятся к категории опубликованных документов справочного характера, которые по своему информационному потенциалу, полноте и уровню достоверности информации остаются по сей день непревзойденными. В зависимости от авторства и целей создания списки населенных мест относятся к статистическим документам.

Первое общероссийское издание Списков населенных мест Пермской губернии относится к 1875 г.² Они были подготовлены Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел и составлены на основе данных, собранных губернскими статистиками и сверенных с материалами волостных управлений. Справочник имеет сложную структуру и включает карту, общие статистические сведения по губернии, а также описания поселений. Сведения по населенным пунктам представлены в виде таблиц, первая из них включает перечень городов Пермской губернии. Описание городов дополняется характеристикой их положения, данными о численности жителей, количестве учебных заведений, церквей, почтовых станций и прочих объектов. Вторая таблица содержит список сельских населенных пунктов, систематизированных по номеру квартального стана и по территориальному положению относительно транспортного пути. По каждому населенному пункту представлены следующие данные: наименование поселения; водный источник; расстояние для города до Москвы и Санкт-Петербурга, для сельских поселений — до уездного города; число дворов в селении и домов в городе; число жителей (мужчин и женщин); наличие культовых заведений, учебных и благотворительных учреждений, почтовой станции; местоположение относительно транспортного пути. Всего в издании учтено 12 городов и 9 420 сель-

² См.: Списки населенных мест Российской империи. Пермская губерния. Т. 31. СПб., 1875.

ских поселений. В заключительной части справочника приведен алфавитный указатель. Важнейшим достоинством издания 1875 г. является возможность охарактеризовать не только людность, тип, но и инфраструктуру населенного пункта, его транспортные связи.

Следующая публикация Списков населенных мест Пермской губернии была предпринята в 1904 г. непосредственно губернским земством. В справочнике приведены сведения, полученные от волостных правлений к 1 января 1904 г. и предварительно сверенные с материалами, хранящимися в земской управе. Вся работа была проведена отделением сельскохозяйственной статистики губернской управы под непосредственным наблюдением заведующего отделением.

Сведения по населенным пунктам в этом справочнике систематизированы по территориально-административному признаку с указанием уезда, волости, сельского общества. По своему информационному потенциалу он уступает предыдущему. Здесь отражены такие сведения, как наименование населенного пункта; тип; число дворов (по категориям: крестьяне, разночинцы, не приписанные к сельскому обществу, не занимающиеся земледелием); численность населения по полу и принадлежности к сельскому обществу; народность и разряд крестьян. Перечень населенных мест замыкает таблица со сводными данными по уездам, в которой отражены общее число обществ, селений, а также распределение селений по национальности и типу. Всего в 1904 г. в Пермской губернии зарегистрировано 14 113 сельских поселений и 3 308 сельских обществ³. Справочник представляет особый интерес для изучения крестьянской общины.

Издание 1909 г. содержит наиболее обширные и разнообразные сведения о населенных пунктах губернии. Публикация была подготовлена отделом по распланированию селений губернской земской управы на основе данных, полученных от волостных правлений за 1908 г. По каждому уезду была выпущена отдельная брошюра в целях более удобного использования местными органами. Всего в справочнике учтено 14 137 сельских поселений⁴.

³ См.: Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1904.

⁴ См.: Список населенных мест Пермской губернии. Т. 1—12. Пермь, 1909.

Список населенных мест 1909 г. предваряет экономико-географическое описание уезда. Сведения о поселениях оформлены в виде таблицы и распределены по волостям в алфавитном порядке, что обеспечивает удобный и быстрый поиск. Описание селений дано по следующей схеме: наименование; тип поселения (деревня, село, завод, зимовье, выселок, поселок, поселочный участок, переселенческий участок, прииск, станция); наличие культовых заведений, органов местного управления, учебных и медицинских учреждений, торговых заведений, пунктов связи, промыслов; источник воды и планировка селения (распланировано или нет); количество дворов; количество жителей (мужчин и женщин); разряд крестьян; вероисповедание; народность (национальность); расстояние до ближайшей церкви, школы, библиотеки, уездного города, волостного управления, железнодорожной станции, больницы, почты, ярмарки, и др. Издание замыкает алфавитный указатель. По объему представленной информации справочник 1909 г. не имеет себе равных, поражая полнотой и точностью сведений.

Помимо справочных изданий, в начале XX в. выходят в свет статистические сборники, в которых представлены обобщенные сведения по поселенческой сети региона. В 1904 г. была опубликована работа П. А. Голубева, включающая историко-географическую справку, информацию о поселенческой сети региона, его населении и хозяйстве⁵. Всего по его данным в 1893 г. в Пермской губернии насчитывалось 12 759 селений.

В 1910 г. по результатам разработки Списков населенных мест Пермской губернии за 1909 г. был опубликован Свод, в котором были помещены обобщенные сведения по поселенческой сети губернии и группировка селений по типу, людности, водообеспеченности и т. п.⁶

Анализируя комплекс земских источников по системе расселения конца XIX — начала XX в., следует отметить, что качество со-

⁵ См.: Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73.

⁶ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изд. в 1908—1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910.

ставления и объем представленной информации позволяет отнести их к разряду уникальных документов, позволяющих достаточно полно смоделировать и охарактеризовать систему расселения Пермской губернии. Пристальный интерес к сельским поселениям в этот период был связан с потребностью администрации в проверенных данных, а также с функциями земств, среди которых выделялась задача благоустройства сельской местности. Практическая значимость этих изданий повлияла на полноту и достоверность представленной в них информации. При подготовке публикации сведения неоднократно перепроверялись, обеспечивая высокий уровень точности материалов. Каждый последующий сборник отражает более полную и совершенную систему учета, фиксируя новые факты и явления. Так, например, в списках 1909 г. были зарегистрированы переселенческие участки, появившиеся в ходе реализации реформ П. Столыпина.

События Первой мировой войны и 1917 г. приостановили подготовку подобных справочников. Первое послереволюционное издание Списков населенных мест на Урале было осуществлено Екатеринбургским губернским статистическим бюро в 1923 г.⁷ Весь статистический материал, помещенный в справочнике, был основан на итогах переписи 1920 г., дополнен и проверен сведениями волостных и уездных статистических отделений.

Интересна история публикации этого справочника. Его подготовка началась в 1920 г., но продолжавшееся административное переустройство губернии вело к необходимости постоянных переделок и быстрому устареванию информации. В 1923 г. Статистическое бюро приняло решение выпустить в свет справочник, не дожидаясь завершения административно-территориальной реформы, пока он окончательно не утратил своей актуальности.

Основной целью издания было обеспечение местных учреждений статистики сведениями о численности населения. Первоначально издатели хотели поместить в справочник более обширный цифровой материал по каждому населенному пункту, в т. ч. данные

⁷ Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.

о посевных площадях, структуре посевов, состоянии животноводства, промыслов и т. д. Но трудности со сбором информации, а также затянувшаяся подготовка издания вынудили авторов отказаться от первоначальных замыслов и выпустить справочник в урезанном виде.

На момент описания губерния включала 7 уездов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Нижнетагильский, Шадринский. В справочнике учтено 3 875 населенных пунктов. Сведения о поселениях губернии были систематизированы по административно-территориальному принципу, а внутри уездов — по алфавиту. По каждому селению указаны расстояние в верстах до губернского, уездного городов, волостного центра, ближайшей железнодорожной станции, почтово-телеграфного отделения, ссыпного пункта, больницы или фельдшерского пункта, школы первой ступени; число хозяйств по переписи 1920 г.; численность населения (мужчин и женщин) по переписи 1920 г.; состав населения по национальности; источники воды. Это издание интересно еще и тем, что наряду с традиционными типами населенных пунктов (села, деревни, починки, выселки), в нем нашли отражение новообразования и те основные направления, по которым в 1920-е гг. шла перестройка поселенческой сети. В Списке населенных мест Екатеринбургской губернии, в частности, были зарегистрированы коммуны и трудовые артели, совхозы, переселенческие участки и др. Очевидно, что подготовка этого издания велась в русле традиции земской статистики, что видно по методике сбора данных, а также составу и структуре приводимой информации. Вместе с тем цель издания — обеспечение статистическими данными местных отделений статистики — повлияла на качество поискового аппарата справочника.

Таким образом, вплоть до середины 1920-х гг. учет поселенческой сети осуществлялся статистическими органами в форме Списков населенных мест. Деятельность земств заложила основы учета поселенческой сети, но он не был нормативно и организационно оформлен. В новых условиях формирования планово-распределительной экономики особое значение приобретает создание системы административного учета поселенческой сети.

Начало было положено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г., которое утвердило Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках⁸. В положении были сформулированы основные принципы упорядочения и регистрации поселенческой сети, в частности критерии отнесения населенных пунктов к городам или сельским поселениям.

В соответствии с принятым постановлением были пересмотрены и объявлены новые списки городов. В дальнейшем Общее положение было дополнено рядом других распорядительных документов, уточняющих критерии городских поселений, — постановлениями ВЦИК и СНК РСФСР «О рабочих поселках» (1926); «О курортных поселках» (1927); «О дачных поселках» (1928).

Городские поселения согласно новым правилам учета делились на 2 категории: города и городские поселки (рабочие, курортные, дачные). К городам относились населенные пункты, являющиеся культурными и промышленными центрами, с населением свыше 10 тысяч человек при условии, что рабочие и служащие должны составлять не менее 75 %. К городским поселкам причислялись населенные пункты, имеющие население от 2 тысяч человек, 75 % которых заняты в несельскохозяйственной сфере. Все остальные населенные пункты, не отвечающие указанным выше критериям, считались сельскими поселениями.

Отсутствие четких критериев сельского поселения нашло отражение в практике их регистрации и учета. В 1920—1950-е гг. к сельским поселениям фактически относили все населенные места с постоянным или временным населением, в том числе такие, как контрольные посты, железнодорожные будки, полевые станы, лесные участки и пр. О путанице, возникающей в этом случае в практике учета, неоднократно упоминалось в документах того времени⁹.

Кроме того, не было определено, какие населенные пункты следует считать селом, а какие — деревней или поселком. В 1920—1930-е гг. к традиционным обозначениям сельских населенных

⁸ См.: Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках // СУ РСФСР. 1924 г. № 73. С. 726.

⁹ См., в частности: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 75. Д. 307. Л. 21.

пунктов добавились новые, отражающие своеобразие времени. Населенные пункты нередко стали обозначать по их отношению к производственным объектам: коммуна, артель, колхоз, совхоз, мельница, завод, будка, казарма, ферма, пристань, прииск и др.

Согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. регистрация вновь возникающих поселений и их учет были возложены на административные отделы областных и губернских исполнительных комитетов и народные комиссариаты внутренних дел автономных республик¹⁰. Наименования поселений утверждались в исполкомах областей, краев и республик по представлению соответствующих административных органов и доводились до сведения Комиссариата внутренних дел РСФСР, в обязанности которого входила публикация этих сведений в бюллетенях.

Административной комиссией ВЦИК 30 декабря 1926 г. была утверждена инструкция «О порядке регистрации, наименования и учета населенных пунктов», которая стала основным документом, регламентирующим на практике учет поселенческой сети.

Параллельно с административными органами учетом поселенческой сети в этот период продолжали заниматься статистические службы. Именно в их ведении вплоть до конца 1920-х гг. находилось издание Списков населенных мест. В частности, в 1928 г. был опубликован Список населенных пунктов Уралобласти в 16 томах, составленный Статуправлением по заказу президиума областного исполнительного комитета¹¹. Каждый том был посвящен отдельному округу: 1-й — Верхнекамскому, 2-й — Златоустовскому, 3-й — Ирбитскому и т. д. Издание было ориентировано прежде всего на управленческие потребности. Авторы справочника ставили своей целью «дать исчерпывающий список населенных пунктов области» и тщательно выполнили ее. В справочнике нашли отражение не только постоянные поселения, но и временные населенные пункты, в том числе кордоны, железнодорожные будки, переселен-

¹⁰ См.: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования вновь возникших поселений» // СУ РСФСР. 1926 г. № 60. Ст. 460.

¹¹ См.: Список населенных пунктов Уральской области: В 16 т. Свердловск, 1929.

ческие участки, детские дома, дачи и т. д. Очевидно, что поселенческая сеть в конце 1920-х гг. переживала стадию бурного развития: численность населенных мест по сравнению с предыдущим периодом существенно выросла.

Структура каждого тома построена по общей схеме и включает три раздела: 1) информационные материалы по округу и районам; 2) перечень населенных мест; 3) алфавитный указатель. Первый раздел открывается статьей, в которой изложены основные принципы сбора и систематизации справочной информации. Затем следует экономико-географическая справка по округу, таблица с основными районными показателями (территория, число советов, поселений, численность населения, культурно-просветительских заведений, количество посева, скота и т. д.). И завершает раздел экономико-географическое описание каждого района с выделением его специфики и особенностей расселения. Вторая, самая объемная, часть справочника посвящена характеристике городских и сельских поселений округа. Записи систематизированы по административным районам. В начале списка стоит описание административного центра района — города или села, а затем в алфавитном порядке указаны сельсоветы, а внутри каждого сельсовета — сельские поселения. Описание населенного пункта включает: наименование, тип, число хозяйств, численность населения, национальность, водный источник, а также расстояние в километрах до центра сельсовета, района, округа, ближайшей железнодорожной станции, школы, медицинских учреждений, ветеринарного пункта, телефона, телеграфа, почты и т. д. Заключительный (третий) раздел справочника выполняет поисковую функцию и состоит из алфавитного указателя населенных мест округа.

Основным источником для составления Списков населенных мест Уральской области послужили материалы специально организованного статистическими органами и орготделом облсовета обследования, в ходе которого на каждое поселение заполнялся так называемый поселенный бланк. Оно проводилось в 1927 г. корреспондентским способом, т. е. бланки рассылались на места, где заполнялись представителями местных органов власти. Это способствовало появлению неточностей в записях, особенно по вопросам

характеристики расстояний. После заполнения бланки направлялись в Уралстатуправление, где они перепроверялись с привлечением других источников. В частности, для проверки числа сельсоветов, населенных пунктов в районе, количества дворов, национального состава населения, численности лиц в трудоспособном возрасте и грамотных были привлечены итоги всесоюзной переписи населения 1926 г. и поселенный бланк оформления низового районирования Урала 1925 г. Число школ, библиотек и прочих культурно-просветительных учреждений было взято по данным учета на 1 декабря 1926 г., т. е. практически на ту же дату, на которую было показано население. Сельскохозяйственные показатели по округу и району приведены по данным весеннего опроса 1927 г. Число торговых учреждений по округу и районам — по результатам учета 1926 г. с уточнением по поселенному бланку.

Такой подход к составлению Списков населенных мест, основанный на использовании комплекса источников и тщательной их перепроверке, обеспечил высокий уровень достоверности справочника, что позволяет считать его одним из наиболее успешных проектов статистических органов.

Изданием Списков населенных пунктов 1928 г. прерывается традиция публикации органами статистики сведений о поселенческой сети. Статистика была полностью переориентирована на народно-хозяйственный учет. В новых условиях внимание было сосредоточено на городах и городском хозяйстве. В частности, с целью изучения процессов урбанизации и информационной поддержки планирования развития городов проводились единовременные статистические обследования. В конце 1950-х гг. начинается составление паспортов городов, отражающих основные демографические, производственные, транспортные, жилищные и прочие аспекты городской жизни. Сельское поселение в 1930-е гг. практически полностью выпадает из зоны внимания статистики. Первичной ячейкой статистического учета в сельской местности с этого времени становятся сельскохозяйственные предприятия — колхозы и совхозы. Статистика образования, здравоохранения, культуры была привязана к другой учетной единице — административному району, а статистика народонаселения — к сельсовету.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. наблюдается разделение функций регистрации и учета между административными и статистическими органами. Это нашло отражение в составе и структуре учетных документов.

В 1930-е гг. административный учет сельской местности приобрел полностью самостоятельное значение, ориентируясь в первую очередь на информационные потребности органов власти, а также организационно-инструкторских отделов областного и районного уровня, в функции которых входила организация выборов в Советы и составление списков выборщиков. Значение этих задач особенно возросло после введения всеобщего избирательного права в 1936 г. Первичной ячейкой административного учета в сельской местности считался сельсовет, а состояние учета и регистрации поселений было исключительно плохим.

Ситуация осложнялась тем, что в конце 1920-х—1930-е гг. система сельского расселения переживала достаточно бурный период: на неосвоенных территориях строились совхозы, создавались колхозы и МТС, вместе с ними возникали сотни новых населенных пунктов. В условиях, когда отсутствовала сложившаяся система учета, многие поселения оказывались незарегистрированными и, наоборот, нередко в списки населенных пунктов попадали новообразования, которые весьма условно можно было отнести к поселению: бараки лесорубов или углежогов, транспортные будки, мельницы и т. д. В документах того времени неоднократно отмечалось, что облисполкомы не проводят своевременной регистрации вновь возникших населенных пунктов и, как следствие, не имеют полной информации о поселенческой сети и ее характеристиках¹².

В начале 1930-х гг. в связи с очередной административно-территориальной реорганизацией задачи учета и регистрации существующих и вновь возникших поселений, а также подготовка и публикация материалов по вопросам административно-территориального деления были переданы в административные комиссии при облисполкомах и президиумах Верховных Советов автономных респуб-

¹² См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 78. Д. 634. Л. 10.

лик. При отсутствии административных комиссий эти вопросы возлагались на организационные отделы. С принятием Конституции 1936 г. образование административных комиссий не предусматривалось, и административно-территориальные вопросы были полностью переданы в организационно-инструкторские отделы облисполкомов. В результате многочисленных административных перестроек местные органы власти областного уровня практически перестали заниматься регистрацией вновь возникающих населенных пунктов и присвоением им наименований. Новые поселения получали названия произвольно, часто по тем производственным объектам, которые были расположены на их территории. Так, например, в Свердловской области в списке населенных мест 1939 г. Встречаются такие названия поселений как барак Авиавышка (Ачитский район), пос. База Туристов (Билимбаевский район), пос. Животноводческий Совхоз (Висимский район), барак На реке Бобровка (Полевской район) и др.¹³.

Попытки навести порядок в организации учета поселенческой сети предпринимались неоднократно, в частности перед войной. Этим вопросам был посвящен доклад по вопросам классификации населенных пунктов, направленный в Президиум Верховного Совета РСФСР. В нем было отмечено отсутствие налаженной системы учета и слабая разработанность нормативной базы, указывалось на необходимость создания единого порядка учета поселений. В докладе содержались предложения по совершенствованию системы учета и особо подчеркивалось, что необходимо провести упорядочение существующей сети населенных пунктов ко времени всесоюзной переписи населения. «Регистраторы при проведении переписи уже не должны будут самостоятельно устанавливать отдельные поселения, а будут руководствоваться утвержденными списками»¹⁴. Подобная практика привязки административного учета поселений к переписям населения сохранилась и в последующий период.

Новая попытка упорядочить систему учета и регистрации сельских населенных пунктов была предпринята в конце 1950-х гг. Как

¹³ См.: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 205. Л. 26.

показала всеобщая перепись населения 1959 г., административные органы не имели достоверной картины о поселенческой сети. Данные статистического и административного учетов существенно различались. В отдельных областях расхождение достигало сотен единиц. Так, например, в Псковской области данные административного и статистического учетов не совпадали на 124 единицы. Большинство из этих поселений прекратили свое существование еще в годы войны, но продолжали значиться в учетных данных¹⁵.

В конце 1950-х гг. был разработан ряд законодательных актов, посвященных вопросам регистрации и учета, а также переименования населенных мест. В 1957 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором были регламентированы вопросы наименования населенных пунктов¹⁶. Изданный в целях борьбы с последствиями культа личности, он тем не менее внес определенную упорядоченность в вопросы учета поселенческой сети. В частности, в указе были определены полномочия органов власти в присвоении имени. Была предусмотрена процедура именования и переименования, включавшая несколько этапов: решение общестественности, согласование его с районными, областными органами власти, а затем представление необходимых документов с обоснованием выбора имени в Президиум Верховного Совета республики. В 1968 г. были приняты дополнения к данному постановлению, несколько упрощавшие процедуру присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов¹⁷.

В том же 1957 г. был подписан указ «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных по-

¹⁵ См. об этом: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 78. Д. 702. Л. 37.

¹⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10. С. 494.

¹⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5. С. 191.

селков», в котором были уточнены критерии и порядок отнесения населенных пунктов к городским поселениям. В частности, были повышены количественные показатели, необходимые для получения статуса городских поселений. Численность населения городов должна была быть не менее 12 тысяч человек с удельным весом рабочих и служащих 85 %. К рабочим поселкам относились населенные пункты с численностью населения не менее 3 тысяч человек¹⁸.

Среди принятых в этот период законодательных актов наиболее значимым является указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР»¹⁹. В нем впервые была сделана попытка определить, что такое поселение. Населенным пунктом считалось то поселение, в котором проживало постоянное население, а также имелась закрепленная территория, т. е. сельское поселение, как и город, приобретает границу — официально установленную черту, охватывающую поселковые земли. Регистрации не подлежали поселения, имеющие временное значение или непостоянный состав населения, а также служебное значение в системе какой-либо отрасли хозяйства (например, железнодорожные будки, контрольные посты и другие поселения, связанные с обслуживанием путей сообщения).

С целью упорядочения обозначения сельских населенных пунктов было предложено при регистрации населенных пунктов относить их к категории поселков, если они возникали при промышленных объектах, стройках или при организации совхозов. Как село обозначался крупный населенный пункт сельскохозяйственного профиля, если в нем располагался колхоз или колхозная бригада. Деревней назывались более мелкие населенные пункты, в которых все население было занято сельским хозяйством. Для суще-

¹⁸ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 1. С. 3.

¹⁹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР» // Там же. 1962. № 22. С. 300.

ствующих селений были сохранены традиционные обозначения, однако такие варианты, как хутор, выселки, починки, ферма, железнодорожный разъезд, практически исчезли из учетных списков. В целом же выделение видов сельских населенных пунктов не получило нормативного оформления и осталось незавершенным. Новые правила существенно ограничили перечень населенных мест, подлежащих регистрации и учету. По приблизительным оценкам численность поселенческой сети в результате изменения практики учета сократилась примерно на 20—30 %²⁰.

В 1965 г. в дополнение к указу 1962 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета РСФСР, регламентирующее порядок наименования и переименования административно-территориальных единиц, что ускорило процессы переименования населенных пунктов. В этот период сотни поселений стали изменять свои имена на более «благозвучные»²¹.

Результатом введения новых правил регистрации и учета сельских населенных пунктов стало создание новой пространственной и топонимической картины сельского расселения. Основная нагрузка по перерегистрации сельской поселенческой сети в 1960-е гг. легла на областные органы власти, которым необходимо было не только провести перерегистрацию, но и проверить все сведения о населенных пунктах области, а также создать соответствующую нормативную базу, обеспечивающую стабильное функционирование системы учета.

За 1960-е гг. сотни деревень исчезли из регистрационных списков. При этом исключение из учетных данных далеко не всегда свидетельствовало о том, что населенный пункт действительно прекратил существование. Он мог продолжать функционировать, а его население автоматически приписывалось к близлежащим крупным

²⁰ Подсчитано на основе распределения населенных мест по типам согласно данным 1939 г.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

²¹ См.: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5. С. 114.

поселениям. Фактически это вело к формированию скрытой поселенческой сети, которая в дальнейшем стала дополняться другими новообразованиями — коллективными садами, ведомственными поселениями и т. п., в новой системе учета они не рассматривались как населенный пункт, подлежащий регистрации. Эта новая картина сельского расселения, отраженная в учетных документах, как и в более ранний период, не дает нам адекватного представления о поселенческой сети, не позволяет получить исчерпывающую информацию о системе расселения и ее структуре. А использование учетных данных для анализа динамики поселений требует приведения их к сопоставимому виду, в противном случае темпы свертывания поселенческой сети в 1950—1970-е гг. выглядят преувеличенными. Эти выводы принципиально важны для оценки полноты и достоверности учетных документов. Они отражают официально зарегистрированную поселенческую сеть, но не дают полной, реальной картины сельского расселения.

В 1982 г. был принят очередной указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства». Одновременно было утверждено новое Положение об учете и регистрации населенных пунктов. В нем была расширена компетенция областных властей, получивших право решать вопросы по отнесению населенных пунктов к категории поселков городского типа, курортных и дачных поселков. Кроме того, появилась возможность на областном уровне определять территориальные границы районов и сельсоветов. Ранее они рассматривались Президиумом Верховного Совета РСФСР.

Порядок учета и регистрации населенных пунктов серьезных изменений не претерпел. По-прежнему регистрации подлежали только поселения, имеющие закрепленную за ними территорию и постоянное население. Небольшие населенные пункты, имеющие временное значение и непостоянный состав населения или являющиеся объектами служебного назначения, а также одиночные дома не рассматривались как самостоятельный населенный пункт и причислялись к тем поселениям, с которыми они были связаны в административном и территориальном отношении²².

²² См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 136. Д. 598. Л. 7—9, 53.

В результате функционирования системы административного учета и регистрации населенных мест был сформирован комплекс документов, включающий справочники по административно-территориальному делению, картотеки, оперативные списки населенных мест и прочие документы делопроизводственного характера.

Основной формой административного учета в 1930—1980-е гг. были справочники по административно-территориальному делению. Их можно разделить на три группы в зависимости от уровня описания: 1) справочники по СССР; 2) по союзным республикам; 3) по краям, областям, автономным республикам.

Указатели по административно-территориальному делению СССР стали публиковать с 1935 г. с периодичностью один раз в три года (за исключением военных лет), подготовкой справочника занимался Информационно-статистический отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета СССР, позднее — Отдел по вопросам работы Советов. В справочниках приводятся сводные статистические данные по союзным республикам, областям, краям, автономным республикам (территория, население, число городов, поселков городского типа и др.), а также характеризуется их административно-территориальное деление (перечень наименований районов) и расстояние до железнодорожных станций. В конце справочника имеется алфавитный указатель наименований городов и районов²³.

Ко второй группе относятся справочники по союзным республикам, среди которых для нас особый интерес представляют указатели по РСФСР²⁴. Эти издания появились позднее, в конце 1930-х гг., их подготовкой занимался Информационно-статистический отдел при Секретариате Президиума Верховного Совета РСФСР, а затем Отдел по вопросам работы Советов. Периодичность публикации справочника составляла примерно один раз в четыре года. Структура указателя включала: сводные данные по краям, областям, респуб-

²³ См., например: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1.09.1935 г. М., 1935; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1.01.1951 г. М., 1951; и др.

²⁴ См., например: РСФСР. Административно-территориальное деление на 1.07.45 г. М., 1945; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1.07.68 г. М., 1968; и др.

ликам РСФСР с указанием административных центров, количества районов, городов, рабочих поселков, сельсоветов; далее следуют сведения по каждой области и краю по алфавиту, приводятся общие данные, затем сведения по районам, городам, перечень сельсоветов; завершает справочник алфавитный указатель наименований районов и городов. В целом, справочники по СССР и республикам дают нам общее представление об административно-территориальном делении и его изменениях, а также о городском расселении, не затрагивая уровень сельских населенных пунктов. Информационный потенциал источника достаточно ограничен.

Более обширные данные по системе сельского расселения содержатся в справочных изданиях регионального уровня. Начиная с конца 1930-х гг. в отдельных областях, краях и автономных республиках РСФСР появляются в печати соответствующие указатели. Так, например, один из первых справочников по Свердловской области был опубликован в 1939 г.²⁵ Он включал карту области, сводные данные о численности населения, площади территории области в целом и по районам, таблицы по городам и рабочим поселкам с основными статистическими данными, таблицу переименований, а также перечень сельсоветов по каждому району, расположенных в алфавитном порядке с указанием центра сельсовета. Кроме того, справочник содержал алфавитный указатель сельсоветов, состав городов Свердловской области и список МТС. Это, пожалуй, первый опыт подобного издания, имеющего карманный формат и довольно значительный тираж — 10 тысяч экземпляров.

В дальнейшем структура региональных справочников подверглась уточнению, в них стали включать списки зарегистрированных сельских населенных пунктов, что и позволяет получить представление об официально признанной поселенческой сети, зафиксированное на определенные моменты времени. Систематическое издание региональных справочников началось лишь в послевоенный период. Периодичность подготовки справочников не была регламентирована и обуславливалась местными условиями и потребностями. В Свердловской области подобные материалы издавались в 1956,

²⁵ См.: Административное деление Свердловской области. Свердловск, 1939.

1968, 1978, 1987 гг.²⁶ Ситуация по областям Уральского региона отличается кардинально, наиболее хорошо работа по вопросам учета была поставлена в Башкирии, Удмуртии, Свердловской области. Реже указатели публиковались в Курганской, Оренбургской, Пермской областях.

С одной стороны, издание справочников характеризует состояние системы учета поселенческой сети. Справочники по административно-территориальному делению выступали как основная форма учета в этот период, но далеко не везде эта работа была организована должным образом. К началу 1960-х гг. справочники были изданы в Краснодарском крае, 17 областях и 12 автономных республиках Российской Федерации, охватывая незначительную часть административных единиц, т. к. по состоянию на середину 1959 г. в РСФСР насчитывалось 15 автономных республик, 55 краев и областей²⁷. В остальных областях и краях РСФСР учет поселенческой сети фактически отсутствовал²⁸.

С другой стороны, частота публикаций является опосредованным отражением интенсивности перемен, происходящих в административно-территориальном делении. Так, наибольшее число изданий по всем территориям Уральского региона приходится на период 1950—1960-х гг., который известен своими многочисленными экспериментами в области административного деления. В конце 1950-х гг. повсеместно проводилось укрупнение, которое затронуло все уровни административно-территориальной организации общества — сельсоветы, районы и области. Только в 1960 г. в СССР было упразднено 4 области, 112 районов и 2 494 сельсовета²⁹. Свой вклад в административно-территориальную перестройку внесла

²⁶ См., например: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г. Свердловск, 1956; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г. Свердловск, 1978; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987.

²⁷ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962. С. 15.

²⁸ См. об этом: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 78. Д. 702. Л. 37.

²⁹ См.: Там же. Д. 700. Л. 78.

реформа 1962 г., связанная с реализацией указа от 26 декабря 1962 г. «О реорганизации краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся РСФСР», в результате которой стали образовываться промышленные и сельскохозяйственные советы, что неизбежно влекло за собой административно-территориальную перестройку³⁰.

Во второй половине 1960-х гг. начинается обратный процесс — разукрупнение административных единиц. Это не могло не отразиться на карте региона и вызвало необходимость обновления быстро устаревающих справочников.

В 1970-е гг. ситуация несколько стабилизируется, границы и число административных единиц практически не меняются, основные изменения в этот период связаны с населенными пунктами — снятием с учета и регистрацией новых, но отслеживание этих процессов в цели изучаемых справочных изданий не входило. Поэтому увеличение сроков подготовки новых справочников управленческими структурами рассматривалось как вполне оправданное.

Подготовка изданий по административно-территориальному делению осуществлялась организационно-инструкторскими отделами исполкомов областных советов на основе данных, представленных исполкомами районных советов. Структура региональных справочников достаточно однотипна: везде приведены сводные данные по области на момент публикации: время образования области или республики, территория, численность населения, число городов, рабочих поселков, населенных пунктов (в некоторых случаях полнота приведенных данных нарушается, особенно это касается первых изданий указателя).

Первый раздел региональных справочников содержит информацию по городам области с указанием года образования, численности населения, числа приписанных населенных пунктов. В отдельную таблицу выделены сведения о рабочих поселках. Нередко приводятся сводные данные по сельским районам: год образования, численность населения и количество сельсоветов. Иногда эти сведения дополняются информацией об административном центре, железнодорожной станции и т. д.

³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 83. Д. 527.

Основной объем справочников отводился списку сельских населенных пунктов. Поселения систематизировались по районам и сельсоветам. В списке были приведены наименование селения, тип (деревня, село, поселок, починок, выселки, хутор, отделение, ферма, железнодорожная станция, кордон, барак и др.); расстояние до центра сельсовета или района. Все справочники имеют раздел с алфавитным указателем населенных пунктов, который выполнял поисковую функцию.

Вместе с тем необходимо отметить, что региональные справочники рассматриваемого периода имеют определенные отличия по содержанию и структуре информации. Например, издания по Свердловской области, кроме основных данных, содержат также сведения о наименовании почтового отделения и почтовый индекс населенного пункта, название ближайшей железнодорожной станции с указанием расстояния до нее. Еще более обширная информация представлена в справочниках по Пермской области, где указывалась численность населения, проживающего в данном месте. В дополнение к основному списку населенных мест справочники нередко включали дополнительные сведения.

В целом, в справочниках по административно-территориальному делению содержится минимум необходимой информации о сельских населенных пунктах, и это было оправдано целями издания: они предназначались для работников партийных, хозяйственных и советских органов, отделений связи и тех должностных лиц, которым по роду работы необходимо было знание населенных пунктов и их административной подчиненности. Таким образом, справочник выполнял только информационно-поисковую функцию и практически не нес информационно-справочной нагрузки. Это нашло отражение в тираже, который не превышал 3—5 тыс. экземпляров, т. е. не был рассчитан на массовое использование.

Важной проблемой при анализе справочников данного вида выступает полнота охвата имеющихся в регионе населенных пунктов. Во всех изданиях указано, что в них представлены сведения о селениях, состоящих на учете, т. е. официально зарегистрированных. Однако отсутствие до 1960-х гг. четких критериев и классификаций сельских населенных пунктов осложняло проблемы уче-

та и вело к несопоставимости зарегистрированной информации. Практика учета поселенческой сети в 1930—1950-е гг. ориентировалась на обыденное восприятие пространства. Любое отдельно стоящее строение с постоянным или непостоянным населением, имеющее свое наименование, используемое окружающим населением, рассматривалось регистраторами как поселение, усиливая путаницу в учетных документах. В докладных записках в Президиум Верховного Совета РСФСР, составленных в 1939 г., отмечалось: «Имеются районы с крайне разбросанным хуторским или отрубным расселением, в которых мелкие поселения, расположенные неподалеку друг от друга, объединяются в одно селение под одним названием. В других случаях давно уже слившиеся в один населенный пункт поселения продолжают числиться отдельными населенными пунктами и сохраняют свои названия. Имеются временные поселки (лесозаготовительные пункты, рыбалки, полевые станы и пр.) или поселения, перемещающиеся с места на место (кочевья), которые или считаются за отдельные населенные пункты или не считаются ими... Понятие “сплошной застройки” и понятие “вблизи” не является сколько-нибудь корректным: один регистратор сочтет группу усадеб, расположенных в 50—100 саженях друг от друга, сплошной застройкой и признает их одним поселением, другой — каждую усадьбу посчитает за одно поселение. Точно так же мелкие выселки, мельницы, кирпичные заводы часто располагаются возле крупных селений и могут быть признанными “вблизи” этих селений и посчитаны заодно»³¹.

Ситуация изменилась в связи с принятием Указа 1962 г. Число сельских населенных пунктов, подлежащих регистрации, было резко сокращено, что опять же не дает полной картины системы расселения. Таким образом, полнота информации официальных справочников по административно-территориальному делению весьма условна, и их желательно дополнять другими — неофициальными — источниками информации для получения более полной картины.

Помимо справочников по административно-территориальному делению ценную информацию по сельскому расселению несут

³¹ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 205. Л. 26.

неопубликованные учетные документы, сохранившиеся в архивах. Они позволяют проверить опубликованные данные, а также восполнить недостающую информацию по тем периодам, которые не нашли отражения в опубликованных источниках, тем самым расширив их потенциал.

Прежде всего привлекают внимание оперативные учетные материалы — списки населенных мест, сохранившиеся в фондах областных исполнительных комитетов. Списки представляют собой порайонный перечень поселений, составленный вручную разными регистраторами, в котором, кроме названия населенного пункта, его типа (деревня, село, выселок и пр.), нередко указывалась численность населения. Этот информационный элемент, как правило, отсутствует в опубликованных справочниках. Списки составлялись на уровне районных советов и затем пересылались в организационно-инструкторский отдел облисполкома, где использовались для оперативных целей.

В фонде Свердловской областной Совета народных депутатов были обнаружены списки населенных пунктов области за 1939, 1948, 1949—1954, 1956, 1961, 1962, 1967 гг.³² Они представляют собой рукописный или машинописный вариант, в котором указаны название, тип населенного пункта, а также нередко численность населения. Списки систематизированы по административным единицам (районам и сельсоветам) и дают нам представление о структуре поселенческой сети.

Цели составления списков связаны с оперативным учетом, ориентированным на организацию выборных кампаний. Нередко списки составлялись для нужд статистических органов в ходе подготовки и проведения переписей населения. В 1960-е гг. оперативные списки по учету поселенческой сети использовались также для разработки проектов районной планировки.

Процедура формирования списков включала два этапа: районные советы, используя сведения сельсоветов, создавали первичный перечень населенных мест. Он направлялся в органы областного

³² См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811, 5890, 6036—6099; Оп. 2. Д. 124, 348, 457, 871—872.

и республиканского уровня, где составлялся сводный документ. В 1930—1950-е гг. сводка носила механический характер, т. е. районные списки, заверенные районными органами, систематизировались по алфавиту без дополнительного контроля и проверки исходных данных. В 1960-е гг. они перерабатываются в виде общего списка и приобретают более систематизированный характер, становясь первоосновой для публикации.

Особый интерес оперативные учетные материалы представляют для сравнения их с опубликованными сведениями, что позволяет оценить полноту официальных данных. В частности, сопоставление сведений справочника по Свердловской области за 1956 г. с оперативными учетными данными за это же время, указывает на существенное расхождение: более 165 населенных пунктов не нашли отражения на страницах справочника. В целом для оперативной системы учета были свойственны все те недостатки, о которых говорилось выше, прежде всего разное толкование понятия «населенный пункт». Нередко в перечень включались в качестве самостоятельных поселений части населенных пунктов, входившие в черту городов и поселков городского типа. Так, например, в списке поселений Свердловской области 1939 г. в подчинении г. Нижнего Тагила указаны пос. Вагонзавода, пос. Высокогорского рудника и ряд других, фактически расположенных в черте города.

В 1960—1970-е гг. в связи с реорганизацией практики учета поселенческой сети, помимо списков населенных мест и подготовки справочных изданий, стали достаточно широко практиковать другие формы административного учета и регистрации поселений. В частности, для этого стали использовать журналы регистрации, в которых в алфавитном порядке был представлен перечень населенных пунктов. Однако наиболее эффективным инструментом учета были признаны картотеки. Эта форма позволяла избежать недостатков справочных изданий и журналов, в которых был отражен временной срез поселенческой сети, без характеристики тех изменений, которые произошли за установленное время. Картотека давала возможность вести не только регистрацию, но и накопление информации по каждому населенному пункту, отслеживать те изменения в названиях и хозяйственном статусе, которые

произошли. При составлении картотеки на каждый населенный пункт заводилась карточка со следующими сведениями: название, административная принадлежность (район, сельсовет); расстояние до центра района и сельсовета; ближайшая железнодорожная станция и расстояние до нее, производственные объекты, расположенные в селении; время возникновения, дата и причины снятия с учета. Вводилась графа «особые отметки», где обозначалась историческая или другая ценная для характеристики поселения информация (например, кто из известных людей здесь проживал, какие историко-культурные и природные памятники здесь находятся и т. д.). В карточке отводилось место для характеристики культурно-бытовой сферы поселения, указывалось количество домов, школ, учреждений, клубов, библиотек, магазинов, бань и пр. Проект такой карточки рассматривался в 1968 г. Президиумом Верховного Совета РСФСР и был рекомендован для использования на местах³³.

Картотеки достаточно прочно вошли в практику работы административных органов, представляя собой удобный информационно-поисковый инструмент, позволяющий удовлетворять основные информационные потребности управленческих структур. Картотеки по сельским населенным пунктам создавались в Челябинской, Свердловской, Пермской и других областях Уральского региона. В фонде архива Свердловской области были обнаружены черновики картотеки³⁴. Представленные в двух вариантах — формате А5 и формате А4, карточки заполнены по ряду районов Свердловской области по состоянию на конец 1960-х — начало 1970-х гг. Они содержат в основном рукописный текст. Иногда поля заполнялись карандашом, в карточках имеется много исправлений и уточнений, встречаются повторы заполненных карточек по ряду районов области. Состояние учетных картотек на сегодняшний день оценить трудно, т. к. исследователям они недоступны и на хранение в архив после ликвидации облисполкомов переданы не были.

Помимо документов, отражающих общую картину поселенческой сети, в фондах архивов встречаются другие виды учетных

³³ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 101. Д. 777.

³⁴ См. об этом: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 499, 500, 1527—1528, 1667—1674, 1989, 2209.

документов, составление которых также было связано с оперативными управленческими потребностями. К их числу относятся Дополнительные сведения о населенных пунктах³⁵, в которых дана развернутая информация по ряду селений, выступающих в качестве центров сельсоветов. В документах содержатся следующие сведения: название, расстояние до железнодорожной станции, территория, занимаемая поселением (в т. ч. селитебная зона и сельхозугодия), количество жилых построек, торговых точек, столовых. В документах нашли отражение и характеристики благоустройства: электроосвещение, водоснабжение, наличие школьных и дошкольных учреждений, клуба, библиотеки, больницы, почты, телеграфа и телефона. К сожалению, такие справки составлялись избирательно, прежде всего на поселения, выполнявшие административные функции с населением свыше 1 тыс. человек. Это, как правило, населенные пункты, которые имели перспективы перерасти в поселки городского типа. Так, в архиве сохранились справки по селам Бутка, Гари, Лопатково, Покровское, Махнево, Криулино и другим³⁶.

В фондах Верховного Совета СССР и РСФСР сосредоточены документы, отражающие результаты административно-территориального учета на республиканском и союзном уровнях. Это Справки о количестве административно-территориальных единиц, составление которых начинается в 1950-е гг. Документы имеют сводный характер, они создавались отделами по вопросам административно-территориального деления, а позднее информационно-статистическими отделами в аппарате Верховного Совета РСФСР. Сводки представляют собой формализованные таблицы с числом сельских районов, городов, поселков городского типа и сельсоветов по республике в целом, а также по отдельным областям, краям и автономным республикам. Периодичность составления сводки — 4 раза в год (на начало квартала). Подсчеты проводились на основе обобщения указов по административно-территориальным вопросам, а также сведений с мест. Кроме того, формировались по-

³⁵ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5150, 5723, 5874, 6026.

³⁶ См.: Там же. Д. 5150.

луговые и годовые сводки, характеризующие изменения за эти промежутки времени³⁷.

Кроме количественных данных, в справках нередко присутствует анализ ситуации за полгода или за год. Так, например, в одной из Справок, составленной за 1975 г., значится: «В 1975 г. в стране были образованы 21 сельский район, 16 городов, 52 поселка городского типа, 309 сельсоветов. Создание новых районов было вызвано необходимостью разукрупнения ряда существующих районов в интересах оперативного руководства. Большинство вновь образованных районов существовали раньше почти в тех же границах. В 1975 г. 14 поселков городского типа преобразованы в города, 7 переведены в категорию сельских поселений, т. к. они утратили прежнее экономическое значение... Образование сельсоветов вызвано упорядочением сельсоветов, а также преобразованием некоторых центров сельсоветов в поселки городского типа. Всего за год было упразднено 294 сельсовета. В 1975 г. в РСФСР, Украинской ССР, Азербайджанской ССР взято на учет 122 вновь образованных сельских населенных пункта. Одновременно в союзных республиках более 600 деревень были объединены с более крупными поселениями, а около 3 000 мелких населенных пунктов были исключены из учетных данных ввиду переселения из них жителей во вновь построенные и существующие поселки»³⁸. Таким образом, Справки позволяют охарактеризовать основные направления политики государства в области административно-территориального деления, а также ее результаты.

Проанализированный комплекс опубликованных и неопубликованных документов административного учета содержит официальную картину поселенческой сети региона и в количественном, и в качественном аспекте. Анализ совокупности этих документов позволяет сделать вывод о том, что в официальных данных присутствует существенное искажение и несопоставимость сведений за разные периоды времени, прежде всего в силу отсутствия разра-

³⁷ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 58. Д. 1011, 1205; Оп. 75. Д. 309; Оп. 78. Д. 576, 577, 632, 700, 747; Оп. 83. Д. 542, 543, 663 и др.

³⁸ Там же. Оп. 117. Д. 707. Л. 334—337.

ботанной нормативной базы и четких критериев понятия «сельский населенный пункт». Один из способов проверки достоверности сведений административного учета предполагает сравнение его с данными других источников. Для этих целей могут быть использованы статистические источники.

Статистические источники — один из наиболее информативных видов документов по истории расселения. Они содержат многоуровневую информацию по отдельным географическим объектам (поселениям) и системе в целом. В совокупности с документами административного учета статистические источники позволяют создать развернутую картину сельского расселения. Сведения административного учета отражают официальные представления о сельской местности региона, ее административно-территориальном делении, составе и функциях отдельных поселений. Статистика, в свою очередь, дает нам свое видение изучаемого объекта как первичной социально-экономической и территориальной ячейки общества. Кроме того, материалы административного учета без статистических данных немы, статистические источники придают официальным сведениям фактуру и информационную насыщенность.

Статистические документы принято выделять в самостоятельную категорию источников, что обосновано целями их создания и теми технологиями, которые применялись для получения статистической информации. Происхождение статистических данных связано с проведением наблюдения — особой формы целенаправленного, систематического, организованного сбора и обработки количественных сведений.

Как уже отмечалось выше, учет поселенческой сети первоначально осуществлялся статистическими органами, и вплоть до конца 1920-х гг. административный и статистический учет очень тесно взаимодействовали и переплетались. В 1930-е гг. произошло их разделение, и статистические органы были отстранены от составления официальных справочников. Вместе с тем потребность в информации о поселенческой сети все же сохранялась, и она была связана прежде всего с подготовкой и проведением всеобщих пере-

писей населения. Опираясь на данные административного учета, статистические органы в 1930—1980-е гг. готовили свои списки населенных пунктов, а по итогам переписи составляли таблицы, включавшие перечень сельских населенных мест по областям, краям и республикам с основными статистическими данными. Сохранившиеся списки и разработочные материалы по населенным пунктам относятся к категории неопубликованных документов и находятся на хранении в архиве. Рабочие (черновые) списки можно обнаружить в региональных архивах. Так, например, в фонде Статистического управления Свердловской области хранятся списки сельских населенных пунктов за 1956, 1963, 1964, 1968 гг.³⁹ В последующие годы периодичность составления таких списков была нарушена, что могло явиться следствием ряда причин. С одной стороны, 1960-е гг. отличаются наиболее интенсивными административно-территориальными преобразованиями, что вынуждало периодически обновлять имеющуюся информацию по населенным пунктам, а с другой стороны, внедрение ЭВМ в статистическую практику также влияло на методику учета поселений. Машинописные списки стали постепенно вытесняться базами данных.

Списки представляют собой, как правило, рукописный или машинописный документ, в котором сельские поселения области упорядочены по районам и сельсоветам. Помимо названия населенного пункта, его административного статуса, в списке указывается также численность населения (постоянного и наличного). Они составлялись на основе материалов административного учета поселенческой сети и документов сельсоветского учета движения населения, т. е. являются вторичным документом. По итогам проведения переписей списки корректировались и оформлялись статистическими органами в форме таблицы в соответствии с программой разработки материалов переписи.

По переписи 1939 г. по Свердловской области в архиве сохранились только сводные и группировочные таблицы, в которых представлена общая численность населенных пунктов по регионам —

³⁹ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 14. Д. 88, 354, 412.

итог статистического учета, а также распределение поселений по числу жителей, типу и административно-хозяйственному статусу⁴⁰. Первичные материалы результатов переписи не обнаружены.

Начиная с переписи 1959 г. органами статистики проводится составление таблиц по ф о р м е 2 «Численность наличного и постоянного населения по каждому сельскому населенному пункту». Таблица включает перечень поселений края или области с указанием названия и типа (село, деревня, поселок и т. д.), административно-хозяйственного назначения (центральная усадьба, отделение, бригада, ферма и т. д.), преобладающей национальности, численности постоянного и наличного населения с выделением по каждой категории количества мужчин и женщин. Фактически в ней отражены результаты сводки первичных данных переписи населения на уровне населенного пункта. И по объему информации, и по достоверности сведений форма 2 существенно превосходит материалы административного учета, позволяя их уточнить и существенно расширить. Разработка итогов переписи 1970 г. и последующих лет осуществлялась с помощью ЭВМ. Один из экземпляров такой таблицы находится на архивном хранении в фонде 1562 Российского государственного архива экономики⁴¹.

Статистический учет поселенческой сети в 1939—1989 гг. проводился по общим правилам и принципам, хотя некоторые отличия присутствовали. Например, во время переписи 1959 г. часть населенных мест не попала в итоговые списки: это были поселения, находившиеся в административном подчинении горсоветов. В соответствии с инструкцией жители, проживающие в них, считались горожанами, а сами поселения относились к городской местности. При проведении переписи 1970 г. это правило было изменено: как городское население учитывались только жители городов и поселков городского типа. Те, кто проживал в сельских поселениях, независимо от их административной принадлежности относились к сельскому населению. Это нашло отражение в формулярных списках. Перечень поселений стал более полным.

⁴⁰ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 129, 132, 133.

⁴¹ См.: Там же. Д. 3885, 3894, 3897, 3906, 3914, 3918, 3931, 5991, 6005, 6012, 6020, 6024, 6036 и др.

Степень полноты статистического учета является достаточно высокой, хотя и он не избежал ошибок регистрации. Так, например, при сравнении справочников административно-территориального деления по Свердловской области с результатами статистического учета за 1970, 1979 и 1989 гг. отмечены факты, когда поселения, зарегистрированные официально, по какой-то причине (скорее всего из-за ошибки ввода в ЭВМ) отсутствуют в статистических таблицах. Но погрешности такого рода носят единичный характер, принципиально не влияя на итоговую картину.

Помимо формы 2, составленной по итогам переписей, значительный интерес представляют разработочные материалы, подготовленные центральными и местными органами статистики. По результатам переписи 1959 г. были составлены таблицы со сводными данными численности населения и населенных пунктов в разрезе областей и районов, а также группировки сельсоветов по количеству населения. Они сохранились в архиве и доступны исследователям⁴². Разработка итогов переписи осуществлялась и на местном уровне. Так, например, Свердловский областной комитет статистики провел группировку населенных пунктов области по людности и типу, что позволяет провести структурный анализ поселенческой сети⁴³.

В ходе проведения переписей 1970, 1979, 1989 гг. на основе сведений формы 2 практиковалась более сложная программа разработки данных. Статистическими органами рассчитывались сводные показатели по административным районам (население, число сельсоветов и сельских населенных пунктов), а также составлялись комбинированные таблицы распределения населенных мест по численности населения и административно-хозяйственному статусу (форма 4). Представленные в них сведения имеют три уровня агрегирования: 1) по области (краю), 2) экономическому району и 3) союзной республике⁴⁴. Кроме того, в таблице сведены два вида информации: сведения о численности населения, проживающего

⁴² См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3776, 3778, 3780, 3783, 3785, 3786, 3788.

⁴³ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 62.

⁴⁴ См. об этом: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3996, 6012, 6121 и др.

в соответствующей категории сельских населенных пунктов, и данные о числе поселений. С одной стороны, это усиливает информационную насыщенность табличных материалов, с другой — затрудняет их восприятие вследствие громоздкой формы.

Программа статистической разработки сведений о населенных пунктах в 1970—1980-е гг. менялась незначительно. Так, например, в таблицы, составленные по итогам переписи 1979 г., были добавлены новые строки. В них наряду с привычными категориями сельских населенных пунктов — центры районов, центры сельсоветов, поселения с преимущественно сельскохозяйственным и несельскохозяйственным населением и пр. — были указаны поселения, связанные с агропромышленным комплексом⁴⁵.

Архивные материалы статистического учета сельской поселенческой сети несомненно выступают как один из наиболее информативных и интересных комплексов документов и позволяют провести анализ поселенческой сети на микроуровне, обладая к тому же высокой степенью достоверности, т. к. в них отражена первичная информация.

Вместе с тем нельзя обойти вниманием и тот массив опубликованных данных по системе сельского расселения, который представлен в статистических сборниках, составленных в ходе разработки материалов переписей 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. В частности, в Итогах переписи населения 1959 г. в сводных томах по СССР и РСФСР опубликованы группировки городов и поселков городского типа по численности населения, а также сельских населенных мест по типу и численности населения (в абсолютных показателях и в процентах к итогу)⁴⁶. Они позволяют получить общее представление о поселенческой сети и ее структуре. Для изучения региональных процессов более подробную информацию содержит сборник по РСФСР, в котором приведены общие статистические данные по территории, плотности населения, а также по административно-территориальному делению областей, краев и республик РСФСР.

⁴⁵ См. об этом: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6121.

⁴⁶ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. Сводный том. М., 1962. С. 36, 38—47.

Сельские населенные пункты РСФСР сгруппированы по двум признакам: 1) тип поселения и 2) число жителей⁴⁷.

В итогах Всесоюзной переписи населения 1970 г. достаточно полно представлена характеристика городской поселенческой сети. Сельским поселениям посвящена только одна таблица (табл. 8), в которой приведена группировка населенных пунктов СССР, РСФСР и областей по численности населения, что представляется явно недостаточным для углубленного анализа расселенческих процессов⁴⁸. Публикация по итогам переписи 1979 г. несколько обширнее⁴⁹. Она включает несколько таблиц по сельским населенным пунктам: аналитическую группировку поселений по типам и численности постоянного населения в разрезе союзных республик и СССР, а кроме того, структурную группировку сельских населенных пунктов областей, краев и автономных республик по численности населения.

Аналогичные издания предпринимались и в итогах переписи населения последующих лет. Основным недостатком опубликованных материалов выступает уровень обобщения первичных материалов, не позволяющий провести региональный анализ процессов расселения. Кроме того, к разработке привлекались лишь два признака: численность населения и тип поселений, отсутствовала другая информация — содержащаяся в первичных учетных материалах.

Тот незначительный объем сведений о поселенческой сети, который представлен в итогах переписи 1979 и 1989 гг., удачно дополняется тематическими статистическими сборниками, посвященными сельским поселениям⁵⁰. Сборники содержат раз-

⁴⁷ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 40—41, 48—51.

⁴⁸ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972.

⁴⁹ См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1989.

⁵⁰ См., например: Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М., 1980; Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991.

нообразный статистический материал, позволяющий оценить размеры и структуру поселенческой сети не только на общереспубликанском, но и на региональном уровне. В них приведены группировки населенных пунктов по числу жителей, численность населения по территориальным единицам, административная характеристика районов, сельсоветов и среднее число жителей сельских населенных пунктов, входящих в состав РСФСР, а также аналитические группировки сельских поселений по типу и числу жителей, составленные по областям, краям и автономным республикам. Ценно и то, что сведения даны в сравнительном варианте, с указанием итогов прошедшей и предшествующей ей переписи населения (например, 1979 и 1989 гг.). Подобные издания являются наиболее интересным из общедоступных источников информации по истории сельского расселения. Хотя и для них характерны те же общие проблемы: не все содержащиеся в первичных документах признаки поселений были проанализированы. Важно указать, что тематические сборники наиболее активно использовались исследователями для анализа процессов сельского расселения в 1970—1990-е гг. в сравнении с другими категориями источников.

Опыт анализа сельской поселенческой сети имелся не только у центральных статистических органов. Местные управления статистики также предпринимали шаги к созданию статистических сборников по итогам переписи. В Государственном архиве Свердловской области сохранилась рукопись такого сборника, подготовленного по материалам переписи 1970 г. Это «Статсборник о составе населенных пунктов области и распределении их по наличию культурно-бытовых предприятий в 1970 г.»⁵¹. Сборник относился к малотиражным изданиям и предназначался для ограниченного использования. Всего было опубликовано 257 экз. Структура его отличается информационной насыщенностью и состоит из трех основных разделов. В первом представлены данные о распределении сельского населения по полу и возрасту, уровню образования, национальности и источникам средств существования, а также о распределении сельских населенных пунктов в зависимости от наличия

⁵¹ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 12. Д. 433.

культурно-бытовых предприятий. Во втором разделе приведены данные о численности населения по состоянию на 15 января 1970 г. по районам, сельсоветам и сельским населенным пунктам. Это наиболее объемный раздел, т. к. в нем представлен полный список населенных мест, учтенных в ходе проведения переписи, с указанием типа, преобладающей национальности и численности наличного и постоянного населения. В третьем разделе приводятся данные о распределении сельских поселений по наличию культурно-бытовых предприятий в разрезе административных районов. Само содержание сборника свидетельствует о том, что он был ориентирован прежде всего на управленческие структуры и связан с разработкой политики реконструкции деревни.

Кроме того, органами статистики проводились единовременные обследования сельских населенных пунктов. В 1974 г. было принято статистическое наблюдение с целью изучения обеспеченности сельской местности домами культуры и просветительскими учреждениями⁵². Результаты исследования представлены первичными формами, которые достаточно полно сохранились в региональных архивах, и нуждаются в дополнительной обработке для получения обобщенных данных. Вместе с тем они содержат ценный материал, позволяющий существенно дополнить представления об уровне развития инфраструктуры села.

Анализируя статистические источники по истории сельского расселения, можно констатировать, что к 1980-м гг. состав документов расширяется, возрастает их информативность. В это время вновь возрождается традиция публикации статистических материалов по населенным пунктам. Попытка регулировать процессы расселения, придать им планомерный характер нуждалась в соответствующей информационной поддержке: управленческим структурам была необходима полная и развернутая информация, отражающая состояние поселенческой сети.

Таким образом, в результате проведения статистического учета сельского расселения были сформированы два комплекса источников — первичные и вторичные. Первичные документы

⁵² См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 696, 697.

представлены в виде рабочих списков и таблиц, составленных по форме 2. Они отличаются наиболее значительным информационным потенциалом, уровнем достоверности и нуждаются в тщательном изучении. Вторичные документы статистического учета являются результатом обобщения первичных данных с привлечением методов описательной статистики (сводки и группировки). Они содержат агрегированную информацию и позволяют осветить основные тенденции и характеристики поселенческой сети, но не обеспечивают возможности углубленного системного анализа на микроуровне. Кроме того, вторичные документы, как правило, опубликованы и поэтому наиболее полно вовлечены в научный оборот.

Между административным и статистическим учетом прослеживается достаточно тесная связь, но говорить о прямом дублировании не приходится. Обе системы в 1930—1980-е гг. были вполне самостоятельными, опираясь на собственную нормативно-методическую базу. Административный учет руководствовался законодательством по административно-территориальным вопросам, которое было выработано в 1920-е гг., а позднее, в 1950—1970-е гг., уточнено и упорядочено. Статистические органы использовали свои способы, инструменты и критерии учета поселенческой сети, основанные на проведении статистического наблюдения.

В 1930—1950-е гг. административный и статистический учет осуществлялся параллельно, практически не пересекаясь. При этом это нашло отражение в различном толковании учетной единицы — сельского поселения. Административный учет ориентировался на обыденное толкование этого термина. В статистике присутствуют попытки выделения критериев. В инструкциях ЦУНХУ по проведению всеобщей переписи населения 1926 г. значилось: «Поселением считается обитаемое строение или усадьба либо группа таких строений или усадеб, объединяющихся сплошной застройкой, хотя бы различные части поселения носили различные названия. При этом реки, овраги и т. п. не считаются нарушающими сплошную застройку. Если несколько групп строений разбросаны вблизи друг друга и имеют одно название, то все они считаются поселени-

ем»⁵³. При подготовке к переписи 1939 г. был предложен новый вариант толкования термина: «селение можно считать единым, если его селитебная черта, ограничивающая дворы и усадьбы жителей, не подходит ближе чем на 100 метров к населенной черте другого поселения»⁵⁴. Таким образом, вводится представление о территориальной границе населенного пункта.

Ситуация несколько изменилась в связи с принятием указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР». Новое толкование понятия «поселение» становится обязательным и для статистических органов. Хотя определенные отличия в практике административного и статистического учета все же продолжали существовать, что неизбежно приводило к расхождению результатов. Так, например, при проведении переписи 1959 г. в списках, составленных статистическими органами, нашли отражение такие населенные пункты, как кордоны, кварталы, железнодорожные будки и казармы, контрольные пункты и прочие поселения, которые, как правило, уже отсутствовали в справочниках по административно-территориальному делению. С другой стороны, ориентируясь на свой основной критерий населенного места — наличие населения, — статистики не брали во внимание те поселения, которые на момент проведения переписи были заброшены или не обжиты.

Сравнения результатов статистического и административного учета по Свердловской области нашли отражение в табл. 3.1. Значительные расхождения наблюдаются в итогах учета за 1939 и 1959 г., что связано с отсутствием четких критериев сельского населенного пункта в структуре расселения. Субъективность восприятия регистраторов нашла отражение в результатах административного учета и, в меньшей степени, — статистического.

Для периода 1960—1980-х гг. характерна интеграция статистического и административного учета, они развиваются в более тесном взаимодействии, дополняя и контролируя друг друга. Это отража-

⁵³ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 10. Д. 205. Л. 26.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 28.

Таблица 3.1

*Сведения о сельской поселенческой сети Свердловской области**

Источник информации	Сведения по годам учета				
	1939	1959	1970	1979	1989
Данные статистического учета	5282	3549	2928	2051	1782
Данные административного учета**	6625	4362	(3063)	(2127)	(1914)

* Составлено по: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 17; Д. 3996. Л. 50, 64—70; Д. 6121. Л. 68—114; Оп. 27. Д. 195. Л. 85—87; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г. Свердловск, 1956; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г. Свердловск, 1978; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987; Сельские населенные пункты РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 78.

** Сведения по административному учету приведены по состоянию на 1968, 1978, 1987 гг., т. е. они не являются в полной мере сопоставимыми со статистическими показателями.

ется и на сопоставимости результатов учета: расхождения между ними уже не носят столь принципиального характера, как в 1930—1950-е гг., и связаны, видимо, с текущими изменениями в поселенческой сети, которые произошли между подготовкой справочника и проведением переписи населения.

Анализируя источниковую базу по проблеме расселения на Урале в XX в., следует отметить, что имеющиеся справочные и архивные статистические материалы дают достаточно полное представление о поселенческой сети Уральского региона и позволяют охарактеризовать ее с географической, демографической, социальной, культурно-бытовой стороны. В сравнении с другими комплексами источников по истории расселения, статистические документы отличаются наибольшей полнотой, точностью и, что немаловажно, системностью информации о сельской местности региона. Как следствие, основу источниковой базы исследований по истории расселения должны составлять именно эти документы, дополненные материалами административного учета, нормативными и законодательными документами, трудами краеведов и другими источниками.

Краеведческие исследования как исторический источник

В изучении сельской поселенческой сети исторически сложились два основных методологических подхода: краеведческий и историко-географический, отличающиеся предметом и методами исследования. Основная цель исторического краеведения состоит в сборе и систематизации сведений и фактов по отдельным населенным пунктам и историко-географическим памятникам, событиям и людям. Историческая география ориентирована на выявление общих закономерностей развития поселенческой сети, типологии расселения, видов поселений и других аспектов пространственного анализа. В результате формируются определенные пласты историко-географической информации, которые, как правило, редко соприкасаются и используются изолированно. И это в целом негативно отражается на уровне изученности объекта исследования — сельского расселения, т. к. история отдельных населенных мест позволяет не только проиллюстрировать какие-то общие выводы, основанные на сводных статистических данных, но и понять «механизм» жизнедеятельности поселений, увидеть и осознать в событиях местной истории многомерность изучаемых процессов. Анализируя историю конкретных сел, мы можем наблюдать, как на первый взгляд незначительный факт, например открытие целебного источника, вдруг приобретает судьбоносное значение, кардинально изменяя судьбу населенного пункта. Краеведение, давая уникальный материал по истории сел и городов, наполняет историко-географические исследования жизнью, дыханием времени.

Вместе с тем краеведческие работы имеют свои ограничения, присущие им изначально. Основой краеведения выступает монографическое наблюдение, задача которого — как можно подробнее и полнее описать становление и развитие конкретного населенного пункта, собрать информацию о людях, событиях, составить своеобразную летопись. Внимание к деталям, использование их для воспроизведения колорита изучаемого периода — все это важная составная часть краеведческого исследования. Вместе с тем оно не позволяет делать каких-либо широких обобщений, это не его задача. Поэтому, как правило, работы такого рода отличаются оби-

лием фактов и отсутствием их аналитического осмысления, т. е. не могут претендовать на исчерпывающее освещение исторических процессов.

Специфика краеведческой деятельности нередко порождала споры о том, является ли краеведение наукой или нет. При том разнообразии объектов, которые изучаются в рамках краеведения, особенностях методов сбора информации, характере исследовательских практик его трудно назвать собственно наукой. Скорее это совокупность приемов и методов работы, направленных на поиск и удостоверение фактов, их систематизацию и оформление в виде очерков, газетных заметок, материалов, справочников и т. д.

На Урале краеведение зарождается в середине XVIII в., но массовый характер приобретает во второй половине XIX в. благодаря деятельности появившихся в это время краеведческих обществ — Оренбургского отделения Российского географического общества (1867), Уральского общества любителей естествознания (1870). УОЛЕ в течение длительного времени выполняло функции научного центра, в рамках которого были сосредоточены исследования природы, экономики, истории края. Оно способствовало созданию краеведческих музеев, архивных комиссий. В «Записках» УОЛЕ печатались материалы Н. К. Чупина, П. М. Вологодского, Н. Булычева и других исследователей по этнографии, истории, экономике, географии Урала, ставшие важнейшим источником информации для последующих поколений ученых.

Одним из направлений краеведческой деятельности стало изучение сельских поселений. У истоков этой работы стояли сельские священники, многие из которых составляли летопись сел, записывая текущие события. В 1870—1880-е гг. в печатных изданиях Пермской губернии публиковались статьи краеведов-священников — И. Удинцева («Киргинская слобода»), А. Оглобина («Аятская слобода»), С. Гущина («Село Куштума») и др. Известный врач и краевед Д. П. Никольский опубликовал в трех номерах «Екатеринбургской недели» очерк «Село Белоярское»⁵⁵. Но наиболее

⁵⁵ См. об этом: *Коровин А. Ф.* Старейшая нить краеведения на Урале (к истории церковного краеведения на Урале) // *Уральский краевед*. Вып. 3. Свердловск, 1990. С. 97—102.

важным достижением этого периода стало издание статистико-географических справочников по Пермской губернии. К их числу относятся труды Н. К. Чупина и И. Я. Кривошекова⁵⁶. Достаточно сказать, что в последующие годы XX в. аналогичных изданий не было подготовлено. На сегодняшний день одной из актуальных задач в изучении края является создание историко-географических справочников по сельским населенным пунктам Среднего Урала, которые бы позволили обобщить материал, накопленный краеведами за предшествующие десятилетия. А сделано было действительно немало.

После революции краеведческое движение не утратило своей динамики. В 1922 г. в Москве создается Центральное бюро краеведения, которое стало организационным и научно-методическим центром. В 1924 г. было образовано Уральское областное бюро краеведения, а к 1928 г. на Урале действовало уже 115 краеведческих организаций: в Нижнем Тагиле, Перми, Чердыни, Шадринске и других городах. Краеведческие общества, объединявшие преподавателей, ученых, библиотечных работников и других энтузиастов, вели активную исследовательскую работу, результаты которой публиковались в краеведческих альманахах и периодических изданиях.

В 1920-е гг. появляется ряд интересных работ, посвященных истории и экономике уральской деревни. Крупнейший уральский краевед В. П. Бирюков провел обследование нескольких сельскохозяйственных коммун Далматовского района и отдельных деревень Шадринского округа⁵⁷. В 1926 г. М. Д. Голубых составил монографическое описание поселка Тимофеевского Челябинского округа, которое затем вышло отдельным изданием⁵⁸. Результатом изысканий школьников стало описание деревни Нелоба, проведенное под руководством учителя семилетней школы И. А. Рудакова⁵⁹.

⁵⁶ См.: *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910; *Он же.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914; *Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1875—1878.

⁵⁷ См. об этом: Шадринское научное хранилище. 1924. № 1. С. 25.

⁵⁸ См.: *Голубых М. Д.* Казачья деревня. М.; Л., 1930.

⁵⁹ См.: *Деревня Нелоба.* Н. Тагил, 1928.

Характерной особенностью этого периода было не только расширение краеведческого поиска, но и разработка методологических принципов изучения сельских населенных мест. В этом отношении особую ценность имеет работа В. П. Бирюкова «Краеведческий вопросник», в котором нашел отражение комплексный подход к изучению уральского села в совокупности его природно-климатических, хозяйственных, культурно-бытовых характеристик⁶⁰.

Однако расцвет краеведения был непродолжительным. В конце 1920-х гг. меняется отношение властей к краеведческому движению, труды краеведов подвергаются резкой критике, и особенно работы, связанные с крестьянской, сельской тематикой: их наблюдения не всегда соответствовали ожиданиям властей, лозунгам об успехах советской деревни. Краеведов ругали за «чаяновщину». Многие из них оказались в числе репрессированных.

К 1937 г. краеведческие общества были полностью ликвидированы, а само движение попадает под полный контроль государства, замкнувшись в официально утвержденных границах. На смену общественным организациям пришли Советы краеведов, которые создавались при областных исполнительных комитетах, а вся краеведческая деятельность сосредоточилась в основном в краеведческих музеях и отделах библиотек. В этот период складываются три основных направления краеведения, которые определяли ситуацию вплоть до конца 1980-х гг.:

1. Научное краеведение, в рамках которого изучение края осуществлялось через деятельность музеев, библиотек и научно-исследовательских учреждений.

2. Общественное краеведение, в основном связанное с деятельностью ряда общественных организаций, таких как, например, Общество по охране памятников истории и культуры.

3. Школьное краеведение, приобретшее наибольший размах в этот период, особенно после войны. Изучение края силами учащихся под руководством учителей стало одним из направлений воспитательной работы. Большую роль в его развитии сыграла пионерская организация. В 1956/57 г. стартовала первая Всесоюз-

⁶⁰ См.: Бирюков В. П. Краеведческий вопросник. Пермь, 1929.

ная экспедиция пионеров и школьников в честь 40-летия победы Великой Октябрьской социалистической революции. Затем было еще 9 экспедиций, все они были приурочены к историческим юбилейным датам. Так, например, в 1973—1975 гг. вся пионерская работа строилась в рамках Всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР»: школьники исследовали свой край, знакомились с его памятниками, интересными людьми, природой. Основными методами краеведческой работы школьников были экскурсии, наблюдения, а также создание школьных музеев.

Определенное оживление краеведение переживает в 1950-е гг. В местных газетах и журналах в этот период растет число публикаций, посвященных родному краю⁶¹. В 1965 г. «Уральский рабочий» предложил вести раздел «Краеведческие страницы», эта инициатива была одобрена Свердловским областным советом краеведения⁶². Авторами материалов по истории сел и деревень, как правило, были сельские учителя, накопившие в ходе школьных экспедиций и архивных изысканий значительный материал. Стараниями Свердловского областного отдела народного образования и детской экскурсионно-туристской станции для нужд школьной поисковой работы в начале 1960-х гг. были подготовлены «Материалы к историко-географическому словарю», куда вошли описания городов и наиболее крупных сел Свердловской области⁶³. За годы советской власти это было первое издание подобного рода, которое целиком и полностью опиралось на опыт школьного краеведения.

Однако в целом в довоенный и послевоенный период уровень краеведческой работы существенно упал. Оказались позабытыми многие методологические подходы к сбору и систематизации информации. Поисковая экспедиционная работа была отдана на откуп

⁶¹ См., например: *Григорьев Г.* О поселке манси [Суеват-Пауль] // Урал. рабочий. 1958. 13 марта; *Гершнев А.* Край природных даров: Путевые заметки [пос. Сольва на севере Урала] // Правда Севера. 1962. 2 сент.; Есть на Уфе поселок [о пос. Сарана] // Урал. рабочий. 1967. 16 апр.; *Смирных А.* Край сосновый, солнце встает... [о пос. Сарана] // Там же. 1968. 1 авг.; *Касьянов А., Щербаков А.* Письма из Романовского [о поселке Романовском] // Там же. 1972. 26, 27 дек.; и др.

⁶² См.: Урал. рабочий, 1965. 19 марта.

⁶³ См.: Свердловская область: Материалы к историко-географическому словарю. Свердловск, 1962.

школьным краеведческим кружкам, которые с увлечением брались за изучение родных мест, но качество собранных таким образом материалов было невысоким. Часто поиск замыкался вокруг стандартных сюжетов: история школы, история колхоза, выдающиеся жители села и т. д. Собранные школьниками материалы оформлялись в виде экспозиций школьных музеев и использовались в учебной деятельности. В рамках научного краеведения история сельских населенных пунктов не изучалась.

Ситуация в краеведческом движении принципиально меняется во второй половине 1980-х гг., когда благодаря перестройке на волне повышения общественной активности начинают повсеместно возрождаться общества краеведов. В 1989 г. организуется Ассоциация краеведов Урала. Подъем переживает не только общественное, но и научное краеведение. На принципиально новый уровень в организационном и методологическом плане поднимается школьное краеведение. Так, например, Свердловская областная детская станция туристов в 1991 г. выступила с идеей проведения экспедиции «Летопись уральских деревень». Программа «Летописи» вбирала в себя буквально все стороны жизни уральских деревень — ее историю, культуру, традиции и быт. В экспедиционной работе приняли участие более 40 территорий Среднего Урала. Ее итоги подводились на ежегодных фестивалях. И самое важное: были опубликованы некоторые результаты экспедиции⁶⁴. В изданиях были представлены наблюдения школьников, воспоминания старожилов, зарисовки сельской жизни — словом, получен уникальный материал по местной истории, основанный на устной традиции.

Одной из организационных форм краеведения в 1990-е гг. становится проведение чтений — особого вида научно-практических конференций, в рамках которых обсуждались научные проблемы изучения края, опыт экспедиционной работы школьных кружков и клубов, технологии краеведческой деятельности. В Свердловской

⁶⁴ См., например: Человек пришел на Урал: Мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами в уральских селах и деревнях. Екатеринбург, 1998; Летопись уральских деревень. Вып. 1. Сысертский район. Сысерть, 1992; Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. Сысерть, 1995; Летопись уральских деревень: Ревдинский район. Ревда, 1997.

области силами Института истории и археологии УрО РАН, Свердловского областного краеведческого музея, Общества уральских краеведов с конца 1990-х гг. проводятся Татищевские чтения, ставшие одним из заметных событий в научной жизни региона. Наряду с ними предпринимаются шаги по проведению чтений не только на областном, но и на местном уровне. Уже традиционными стали Шайтанские чтения, впервые состоявшиеся в Первоуральске в 1995 г. Ежегодно они собирают местных краеведов и школьников, представителей науки⁶⁵. В 1999 г. по инициативе Института истории и археологии УрО РАН и администрации г. Невьянска были проведены Первые Невьянские Демидовские чтения, посвященные 300-летию со дня основания города⁶⁶. В 2001 г. по инициативе Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского и Института истории и археологии УрО РАН в Екатеринбурге состоялись Первые Чупинские чтения, к сожалению, не получившие продолжения⁶⁷. В Верхотурье было положено начало Походяшинским чтениям — это была первая конференция, посвященная изучению Уральского Севера, которая состоялась в 2003 г.

Множественность вариантов чтений выступает отражением того потенциала, который был накоплен за истекшие десятилетия в краеведении, и потребности обобщения этого опыта. Чтения выступают как наиболее эффективная форма интеграции научной и общественной краеведческой работы, канал обмена информацией по истории и культуре края, полученной разными путями.

Важным направлением краеведческой работы в 1990-е гг. стала подготовка альманахов — продолжающихся изданий, где публикуются работы ученых-историков, краеведов. В Курганской области к их числу относится «Земля Курганская: прошлое и настоящее»⁶⁸.

⁶⁵ См.: Культура и быт горнозаводского населения Урала: Сб. материалов I—VI гор. краевед. конф. «Шайтанские чтения». Первоуральск, 2002.

⁶⁶ См.: Первые Невьянские Демидовские чтения, г. Невьянск, 7—8 декабря 1999 г. Екатеринбург, 2000.

⁶⁷ См.: Первые Чупинские краевед. чтения: Тез. докл. и сообщ., 7—8 февраля 2001 г. Екатеринбург, 2001.

⁶⁸ См.: Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краевед. сб. Вып. 1—6. Курган, 1989—1997.

В Шадринске в 1990-е гг. выходит краеведческий альманах «Шадринская старина»⁶⁹. В Пермской области в 1990 г. вышел в свет сборник «Пермский край», а с 1993 г. начинается выпуск «Осинского ежегодника»⁷⁰. В Екатеринбурге издается историко-литературный альманах «Уральское краеведение»⁷¹. Как и чтения, альманахи стали одним из эффективных вариантов сотрудничества ученых-историков, занимающихся изучением края, и энтузиастов-краеведов, способствующим взаимному обогащению и получению более полного знания по истории и культуре региона.

Продолжающиеся издания дополняют публикации краеведческих материалов, подготовленные отдельными авторами или авторскими коллективами. Это десятки изданий монографического или очеркового характера, в которых нашли отражение судьбы как отдельных населенных пунктов, так и целых районов⁷². Особо хочется выделить книжную серию «Урал: история в ликах городов», подготовленную в рамках губернаторской программы «Возрождение уральских городов». Прекрасно оформленное и богато иллюстрированное издание, включающее на сегодняшний день 9 книг, относится к жанру культурно-исторических очерков и представляет собой удачный вариант литературного описания истории городов и сельских поселений Среднего Урала⁷³.

⁶⁹ См., в частности: Шадринская старина: Краевед. альманах. Шадринск, 1993—1996.

⁷⁰ См., например: Осинский ежегодник: Краевед. сб. Оса, 1993—1996; Пермский край: Краевед. сб. Пермь, 1990.

⁷¹ См.: Уральское краеведение: историко-литературный альманах. Екатеринбург, 1996.

⁷² См., например: Аленцев Ю. М., Дегтярева А. Г. Анненское: История и современность. Магнитогорск, 1994; Мы живем в глубине России: (История села Черемисского. Реж, 1997; Ермолаев В. Тавдинское местописание. Екатеринбург, 1999; и др.

⁷³ См., например: Смирных А. и др. Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002; Новопашин М. и др. Крестьянский сарафан малахитницы: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2003; Слюкин В. и др. Демидовские гнезда: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001; Горбунов Ю. и др. На государственной дороге: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2000; Чуманов А., Кожевников А. Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001; и др.

В последнее десятилетие все более очевидной становится тенденция, ориентированная на подготовку материалов справочного характера, в которых история края выступает в наиболее систематизированном и организованном виде. Институтом истории и археологии УрО РАН были опубликованы «Уральская историческая энциклопедия», «Энциклопедия по уральским заводам», в которых наряду с профессиональными историками приняли участие и краеведы. Появляется ряд местных справочных изданий⁷⁴. Все это свидетельствует о достижении нового качественного уровня в изучении истории края, связанного с необходимостью систематизации и обобщения собранных материалов.

Рост числа конференций и публикаций по краеведческой тематике, активизация экспедиционной работы — все это является отражением потребностей современного общества, одной из важнейших черт которого стало стремление к самоидентификации и самопознанию как на общероссийском, так и на региональном уровне. Краеведение в этом отношении является оптимальной формой деятельности, способствующей приобщению широкого круга людей к истории и культуре края и в то же время формированию активной жизненной позиции, развитию творческого потенциала личности.

Таким образом, в результате многолетней краеведческой деятельности в каждом регионе России, в т. ч. на Урале, был сформирован колоссальный информационный ресурс, представленный как опубликованными трудами краеведов, так и их рукописями, хранящимися в архивах, музеях, библиотеках. Но особенности краеведческой работы обусловили и другой момент — разпыленность, рассеянность этой информации по отдельным изданиям, ее фрагментарный, описательный характер. Эти сведения принципиально важны для изучения сельской поселенческой сети региона, поэтому их необходимо интегрировать в систему научного знания.

⁷⁴ См., в частности: Дунаев Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска. Первоуральск, 1992; Брылин А. И., Коверда П. Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998; Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990; Гаев И. М. и др. Шадринские села. Шадринск, 1997; Златоустовская энциклопедия. Т. 1—2. Златоуст, 1994—1997; Энциклопедия Каменского района: (Слов.-справ. по истории сел и деревень). Каменск-Уральский, 1993.

Перед исследователем, работающим с краеведческим материалом, неизбежно встает вопрос: являются ли труды краеведов историческим или историографическим источником? Ответ на него предопределяет методологические подходы к изучению этих текстов. Исходя из характера и формы представления исторической информации, на наш взгляд, труды краеведов следует отнести к категории исторических источников. Попробуем это доказать.

Само понятие «исторический источник» достаточно многогранно, его формулировка и сущность тесно связаны с развитием источниковедения как науки. Свой вклад в разработку данного понятия внесли такие выдающиеся ученые, как В. О. Ключевский, Э. Бернгейм, А. С. Лаппо-Данилевский, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. О. Шмидт, Л. Н. Пушкарев и др.⁷⁵ Однако вплоть до настоящего времени единства мнений нет. Разброс подходов к определению понятия достаточно широк: от расширенного толкования «исторического источника» как источника информации о развитии общества, в том числе включая природные явления, до характеристики его как результата целенаправленной деятельности человека и общества, продукта культуры, который представляет собой материальный носитель информации о реальной жизни общества. В результате осмысления этого понятия на абстрактном уровне большинство исследователей сходится во мнении, что основная функция исторического источника, в какой бы ипостаси он ни выступал — письменной, устной, иконографической, — нести информацию об обществе и его прошлом.

В зависимости от приближенности к историческим событиям и процессам источники принято подразделять на «остатки» и «традиции»⁷⁶. К о с т а т к а м относят те документы, которые были созданы непосредственно в процессе исторического действия: законодательные акты, делопроизводственная документация, договоры, переписка и пр. Т р а д и ц и я включает документы, возникшие

⁷⁵ Подробнее об этом см.: Русина Ю. А. История и теория источниковедения: Курс лекций. Екатеринбург, 2001. С. 75—87.

⁷⁶ Данная классификация была предложена в конце XIX в. Э. Бернгеймом, а затем уточнена в работах В. П. Данилова и С. И. Якубовской (см.: Русина Ю. А. История и теория источниковедения. С. 100).

позднее и отражающие историческое явление или процесс опосредованно. К ним принадлежат: пресса, мемуары, хронографы, летописи, к этому же виду могут быть отнесены и труды краеведов по истории края. Как правило, последние содержат изложение событий местной истории, жизнеописания и родословия местных жителей, основанные на семейных преданиях, местных легендах, воспоминаниях и архивных документах, т. е. являются вторичными документами.

Для краеведческих исторических работ присущи некоторые черты, которые обуславливают их дальнейшее использование в исследованиях в качестве источника. Этим они отличаются от собственно научного исследования. Последнее ориентировано на изучение научной проблемы, опирается на понятийный и научно-справочный аппарат, а также содержит определенный научный результат: обобщенные выводы, сравнения, оценки и т. д. Краеведческие исследования практически никогда не связаны с обобщениями, их основная задача — тщательный и скрупулезный сбор и систематизация фактографической информации по изучаемому объекту, например сельскому населенному пункту.

Описательный подход — одна из отличительных особенностей краеведческих трудов. И в этом их основное достоинство. Опираясь на личные наблюдения, факты устной истории, документальные свидетельства, краевед нацелен на отбор фактического материала, позволяющего воспроизвести «жизнь» исследуемого объекта. Описательность предопределяется и монографическим характером исследования. Чаще всего в качестве объекта исследования выступает конкретное историческое явление: населенный пункт, предприятие, человек, событие. Краевед в этом случае не ставит своей целью сравнительный анализ, выявление типических и специфических его черт. Каждый изучаемый объект, каждое событие или факт для него самоценно и уникально, и задача исследователя — описать его как можно подробнее.

Другой особенностью краеведческих работ, особенно отражающих историческую ретроспективу, является стремление к систематизации фактографической информации по хронологическому принципу, как это свойственно летописям или

хронографам. Характерно, что нередко краеведы сами себя называли летописцами. Так, например, Н. К. Чупин — один из выдающихся уральских исследователей XIX в., знаток архивов — писал, формулируя принципы своей работы: «Я желаю, чтобы в моих статьях не было недовольства и увлечений, а чтобы факты, беспристрастно поставленные, говорили сами за себя... Стараюсь и буду стараться по мере сил достигнуть этой объективности летописца...»⁷⁷.

Восстановление последовательности событий в их взаимосвязи, является важным ориентиром для исследователя, т. к. нередко ему приходится увязывать достаточно разнородный материал, использовать различные первоисточники. В этом случае не рассматриваемая проблема выступает в качестве стержня для организации текстового материала, а более простой и вместе с тем более универсальный принцип — х р о н о л о г и ч е с к и й. Отклонение от хронологической схемы встречается, но скорее как исключение, к которому краеведы прибегают в крайних случаях, если это обусловлено используемым источниковым материалом. Полнота фактографии определяет динамику перемещения во времени, ритм повествования, в краеведческих работах он, как правило, неровный.

Датировка событий имеет принципиальное значение, именно эта группа фактов нередко вызывает наибольшие затруднения при составлении описаний, особенно если речь идет о событиях отдаленного прошлого. Методы датировки в серьезных краеведческих работах базируются на сопоставлении ряда источников — устных, письменных, опубликованных и архивных, сравнении прямых и косвенных данных, но и это не всегда гарантирует достоверность результата. Свидетельства разных источников могут принципиально расходиться, это, в частности, нередко касается времени возникновения населенных пунктов. Ошибки, закравшиеся в более ранние исследования, часто переходят «по наследству» следующим поколениям краеведов. В этом отношении использование хронологических принципов систематизации фактографических материалов

⁷⁷ Цит. по: *Дудырев Ф. Ф.* Н. К. Чупин: фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1998. С. 58.

выступает как дополнительный контрольный прием, гарантирующий точность и историческую обусловленность приведенных данных.

Основная цель и сверхзадача краеведческой работы — это получение исторического факта, достоверно отражающего описываемый объект, что предопределяет ее фактографический характер. На это ориентированы все методические и методологические аспекты исследования. Перед краеведом не стоит проблема отбора фактов, для него важен любой самый мелкий сюжет, самое незначительное событие. Такой подход часто усложняет текст краеведческих трудов, делает его избыточным, а подчас и трудно воспринимаемым. Но эта избыточность необходима, она позволяет в дальнейшем обеспечить многоцелевое использование краеведческих материалов в научных разработках. Труды краеведов в этом отношении, как любой другой исторический источник, имеют многослойную структуру информации, добыть и оценить которую возможно только с использованием приемов источникововедческого анализа.

Фактология — трудоемкий и сложный процесс. Даже самый квалифицированный ученый не может быть гарантирован от ошибок и неточностей. Ошибки, как правило, являются результатом неполноты исходной информации. Но в ряде случаев они могут быть связаны с нарушением строгости процедур сбора информации, отсутствием навыков научной критики первоисточников. Недостаток навыков научной работы у значительной части краеведов проявляется в том, что в их трудах, как правило, отсутствует научно-справочный аппарат, позволяющий перепроверить приводимую информацию. Описание факта часто не сопровождается ссылками на первоисточник, попытками его интерпретации, оценкой достоверности. Нередко в работах присутствуют только косвенные ссылки: «по воспоминаниям старожилов», «как свидетельствуют документы». Приводятся даже цитаты документов, но без указания их места хранения и легенды. В результате приведенный в тексте факт «зависает» неподкрепленным конкретными ссылками на источник информации.

Отсутствие научно-справочного аппарата, характерное для подавляющего большинства работ краеведов, выступает как отражением уровня их научно-методологической подготовки.

Правильно оформленные труды сегодня встречаются крайне редко. К ним можно отнести, например, работу И. К. Черданцева «На земле Талицкой. Записки краеведа», в которой присутствуют ссылки как на архивные документы, так и на историографические источники, используемые в работе, приведен список литературы⁷⁸. Данный труд, посвященный освоению Зауралья в XVII в., относится скорее к конкретно-историческим работам и включает элементы аналитического исследования, используя не только конкретику, но и определенные обобщения, связанные с характеристикой отдельных категорий населения, быта и нравов той эпохи. Вместе с тем автор в подзаголовке работы осознанно относит ее к краеведческим запискам, т. к. этот жанр, в котором преобладает описательность и внимание к деталям, наиболее подходит для изложения собранного материала.

Отличительной чертой краеведческих трудов выступает их специфическая источниковая база. Они опираются на свидетельства первоисточников, среди которых основное место занимают воспоминания, легенды, мифы, сказания, были, т. е. тексты, являющиеся отражением устной истории, а также архивные или опубликованные документы. Причем, в зависимости от направления краеведческого движения, приоритеты использования первоисточников могут меняться. Для научного направления в большей степени характерна опора на архивные документы и свидетельства, а также информацию, полученную в ходе личных наблюдений (экспедиционные материалы). Школьное краеведение ориентируется прежде всего на устную традицию, имея непосредственную возможность собирать материалы на местах. Вместе с тем устная история — один из сложнейших видов исследовательской практики, которая предполагает не только владение навыками сбора устной информации, но и умение ее интерпретации. Для адекватной оценки полученных таким образом сведений нужно учитывать психологические и физиологические свойства памяти, ее избирательность и субъективность, т. е. информация должна пройти жесткий контроль критики. На деле же мы видим обратное: собранные в ходе школьных

⁷⁸ См.: Черданцев И. К. На земле Талицкой: Записки краеведа. Екатеринбург, 1999.

экспедиций воспоминания воспринимаются «линейно», некритически, что нередко приводит к ошибкам и искажениям. Для деятельности краеведов-общественников в большей степени характерен комбинированный подход к сбору и анализу первоисточников, в рамках которого используются как элементы устной истории, так и архивные документы. Привлечение различных комплексов источников позволяет уточнить полученную информацию и перепроверить ее. Это повышает надежность установленных фактов, однако не снимает проблемы оценки их достоверности.

Чем разнообразнее источниковая база и строже процедуры критики полученных фактов, тем достовернее информация. В этом смысле труды краеведов XIX в. выгодно отличаются от исследований советского и постсоветского периодов. Примером тщательной работы с первоисточниками, в том числе с документами архивов, остаются работы Н. К. Чупина. Он считал своим долгом провести перепроверку любого исторического факта, о котором писал. Та скрупулезность, с которой он выяснял время открытия уральских заводов и ярмарок, уточнял географические названия, боролся с вольными или невольными ошибками, закравшимися в работы по истории Урала, позволяет рассматривать его труды как эталон фактологического исследования. Указание на источники информации он считал обязательным элементом исследования.

Итак, подытожим сказанное.

Все особенности трудов краеведов: их описательный характер, фактографическая направленность, хронологический подход к систематизации исторических сведений, широкое использование архивных документов и элементов устной истории, — все это является отражением специфики краеведческого исследования. Результатом ее выступает создание документа — краеведческого труда, предназначенного для дальнейшего использования в научной и общественной практике.

В зависимости от характера оформления краеведческой информации и целевого назначения можно выделить следующие разновидности краеведческих трудов по истории расселения:

- статьи и заметки в периодической печати;
- «летописи»;
- культурно-исторические очерки;

- материалы;
- справочники и энциклопедии.

Краеведы всегда использовали страницы газет и журналов для популяризации собранных ими сведений. Газетные материалы краеведов по истории заселения края, отдельных сел и деревень, их современным проблемам выполняют двойную функцию. С одной стороны, в них излагаются некоторые результаты краеведческого поиска, а с другой стороны — они выступали откликом на сложившуюся проблемную ситуацию. Так, например, в 1980—1990-е гг. в условиях ускоренного свертывания сельской поселенческой сети газетные очерки часто посвящались исчезающим деревням. Сохранение их истории осознавалось краеведами как гражданский долг: «От имени тех, кто родился в этом прекрасном уголке, я и решился написать несколько строк о маленькой, уже не существующей деревеньке», — писал в своей статье Н. Плотников⁷⁹. Газетные материалы по истории сел и деревень нередко публиковались к юбилейным датам.

Сам жанр газетной статьи предопределял подход авторов к отбору наиболее яркого «оригинального» фактографического материала. Как правило, описание истории деревни строилось по хронологическому принципу: от первых поселенцев — до современности. В центре повествования всегда находились люди — жители села. Из газетных материалов можно почерпнуть интересную информацию о прошлом и настоящем уральских деревень, однако она требует осторожного отношения, т. к. основана прежде всего на личных наблюдениях, беседах со старожилами, хотя нередко авторы приводят цитаты из документов и справочников.

Особенностью газетных материалов является то, что они проникнуты лиризмом, художественными образами, в повествовании присутствует определенный эмоциональный настрой, что придает им убедительность и оказывает воздействие на читателя, воспитывая чувства патриотизма и любви к малой родине. Таким образом, газетные материалы ставят перед собой в первую очередь просветительные и воспитательные цели. В соответствии с этим при от-

⁷⁹ Плотников Н. Деревенька моя Несенцева... // Пышминские вести. 1994. № 91.

боре информации упор делается на эмоциональность, а не на научную достоверность.

Использование газетных публикаций в исследовательской практике осложняется тем, что чаще всего эти материалы публиковались в районных печатных изданиях и сохранились фрагментарно. Наиболее доступными остаются областные издания. Ситуация с поиском и изучением газетных материалов облегчается, если на их основе авторы делают дайджест, как, например, это произошло со сборником «Шадринские села»⁸⁰. В 1990-е г. в Шадринской газете «Исеть» регулярно печатались материалы по истории наиболее значительных и крупных сел района. В 1997 г. эти материалы были отредактированы и увидели свет в качестве самостоятельного издания.

В качестве своеобразного вида краеведческой литературы можно выделить «л е т о п и с и». Традиция составления летописей была характерна для ранних этапов краеведческого движения. В качестве примера можно привести работы И. Я. Кривошекова, посвященные истории Кудымкара⁸¹. Летопись села начал составлять еще его отец. Она включала разнообразную информацию о межевании территории, движении населения, о происхождении Кудымкара, его природе, экономике, истории, причем описание было доведено до 1894 г. Такой подход к составлению истории «места» утвердился в краеведческой практике достаточно прочно. В годы советской власти жанр летописей получил особенно активное развитие в рамках школьного и общественного краеведения.

Важной особенностью «летописей» является то, что они обладают разветвленной сложной структурой текста, включающей разные сюжетные линии, такие как история, экономика, география, этнография, биографии людей. Основным стержнем для организации текста выступает хронологический принцип. Значительную роль в составлении летописных описаний играют личные наблюдения автора и устная традиция.

⁸⁰ См.: Шадринские села. Шадринск, 1997.

⁸¹ См., например: *Кривошеков И. Я.* Материалы по истории села Кудымкара Соликамского уезда Пермской губернии. Пермь, 1894; *Он же.* Справка о прошлом Иньвенского района // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. Т. 15, вып. 1. Екатеринбург, 1894. С. 69.

Как правило, авторами «летописей» выступают местные жители — учителя, агрономы и др., т. е. представители сельской интеллигенции, искренне любящие свою малую родину. Это помогает им создать очень интересные работы, изобилующие уникальными фактами и свидетельствами. В качестве примера подобного описания можно привести историю села Черемисского Режевского района, составленную заслуженным учителем России В. М. Бесовой⁸². В течение 25 лет школьники под руководством учителей собирали по крупицам историю села: находили старинные вещи, встречались со старожилами, записывая их рассказы о войне и коллективизации, работали в архивах. Летопись села, дополненная живыми голосами прошлого — воспоминаниями, биографиями сельчан, — знакомит читателя с основными вехами его истории.

Вместе с тем у авторов «летописей», как правило, отсутствуют навыки научной обработки информации. Это проявляется в том, что не проводится критическая оценка используемых фактов, отсутствует научно-справочный аппарат, что снижает надежность приведенных данных. Сложность использования летописей в научном исследовании состоит также в том, что только некоторые из них опубликованы, в большинстве случаев это рукописные труды, нередко оформленные в виде альбомов с фотографиями, планами, т. к. создавались для музейных экспозиций.

К этой же разновидности краеведческих документов можно отнести такие материалы, как «Летописи уральских деревень», собранные школьниками в ходе областной краеведческой экспедиции и опубликованные в ряде изданий. Это очерки по истории населенных пунктов Среднего Урала, записи наблюдений школьников, их бесед со старожилами, а также тексты местных мифов, легенд, былей⁸³. Представленные в «Летописи уральских деревень» материалы являются наиболее концентрированным выражением технологий устной истории.

⁸² См.: Мы живем в глубине России: (История села Черемисского). Реж, 1997.

⁸³ См., в частности: Человек пришел на Урал: Мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами в уральских селах и деревнях; Летопись уральских деревень. Вып. 1; Летопись уральских деревень. Вып. 2; Летопись уральских деревень. Ревдинский район.

Культурно-исторические очерки — один из популярных вариантов литературной обработки краеведческой информации. Они публикуются в журналах (например, «Уральский следопыт», «Урал»), историко-литературных альманахах или в форме отдельных изданий⁸⁴. Общий объем такого рода публикаций возрастает в 1990-е гг., что связано с деятельностью краеведческих обществ. Отличительной чертой культурно-исторических очерков выступает отказ от научного подхода в изложении материала и широкое использование литературных приемов. В результате текст приобретает определенную интригу, сюжетность, т. е. изложение строится по законам литературного жанра. Фактография выступает в качестве фона и, как правило, не подтверждена научно-справочным аппаратом. Безусловно, эти материалы интересны и занимательны, но чаще всего малоинформативны, т. к. вторичны и основаны на ранее опубликованных документах. Авторами очерков выступают журналисты, литераторы, которые, используя журнальные и газетные заметки, рукописи и материалы краеведов, а также научные статьи, готовят литературный вариант. Очерки рассчитаны на широкий круг читателей и выполняют прежде всего просветительские и воспитательные функции, не ставя задачей систематизацию и обобщение фактографии. Наиболее ярким примером материалов подобного рода выступает серия, опубликованная в рамках издательского проекта «Урал: история в лицах городов».

Как разновидность культурно-исторических очерков можно рассматривать записки краеведов: с очерками их сближает стремление авторов к литературной обработке исторической информации. Но записки отличаются более серьезным подходом к сбору и организации информации. В частности, записки чаще снабжены научно-справочным аппаратом и ссылками на источники информации⁸⁵. Авторы записок непосредственно занимались изучением

⁸⁴ См., например: *Захаров Н.* Село на старом тракте: Ист. очерк // Урал. 1962. № 12. С. 144—166; *Сажин В. Ф.* К истории основания Белоярской слободы: В помощь краеведу. Свердловск, 1966; *Сухоложье.* Сухой Лог, 1993; и др.

⁸⁵ См., например: *Герштейн Я. Л.* Ирбит и его окрестности. Екатеринбург, 1995; *Черданцев И. К.* На земле Талицкой: Записки краеведа. Екатеринбург, 1999; *Кожевников А. Н.* О Полевском и полевчанах: Записки краеведа. Свердловск, 1991; *Чирков Ю.* Позвала Бабиновская дорога: Путевой очерк. Соликамск, 1997; и др.

истории своего края, сами собирали данные, работали с архивными документами, своими глазами видели те места, о которых пишут. В этом плане сведения, представленные в записках, более надежны. Структурно записки представляют собой очерки, посвященные различным историческим сюжетам — событиям, людям, описанию мест. Каждый очерк имеет логическую завершенность и самостоятельность, но их расположение подчинено хронологическому принципу. Основная цель записок — популяризация истории края.

К наиболее серьезным с научной точки зрения трудам краеведов следует отнести *м а т е р и а л ы* — своеобразный жанр вторичных документов, связанных с обработкой первичных сведений, как правило содержащихся в архивных документах. Материалы появляются как особый вид научных трудов в XIX в. Их возникновение было связано с усложнением теории и методики исторического исследования, расширением круга используемых источников. В этот период складывается три основных варианта представления исторической информации: 1) публикация источников (археографическая обработка); 2) подготовка материалов (выборка и систематизация фактов по теме); 3) представление в виде концептуальных текстов. Среди них подготовка материалов занимала промежуточное положение. Они представляли собой результат научного поиска, но вместе с тем не были нацелены на концептуальные обобщения.

Создание материалов предполагает отбор сведений из первичных документов, их систематизацию, группировку, оценку достоверности. Основной целью авторов материалов было создание «информационного сырья», которое затем могло быть использовано для разработки научных концепций или каких-то практических задач. Отбор и первоначальная обработка материалов, таким образом, изначально отделялась от его обобщения и концептуального осмысления.

Одним из наиболее ярких представителей данного направления является Н. К. Чупин. Обладая энциклопедическими знаниями и поразительной трудоспособностью, он сознательно ограничивал сферу своих научных интересов фактографической работой — изучением документов, поиском и проверкой исторических фактов. Подготовка материалов стала одним из основных направлений в деятельности

не только Н. К. Чупина, но и других исследователей того времени. В частности, И. Я. Кривошековым были подготовлены «Материалы для изучения Пермского края», в которых дана характеристика климатических поясов Урала, полезных ископаемых и минеральных источников. Приведена интересная сводка землетрясений на Урале за 100 лет, описание почв, гидроресурсов, животного мира и растительности. Примерно треть очерка посвящена населению, в нем содержатся данные о численности населения губернии, его национальном составе. Описаны основные занятия: сельское хозяйство, промышленность, кустарные промыслы по отдельным уездам губернии. В конце очерка дана справка о торговле и ярмарках, дорожном деле, почте, больницах и учебных заведениях⁸⁶.

В большинстве случаев материалы представляют собой набор фактов по той или иной тематике. Они могут излагаться по-разному: документы могут быть дословно приведены, частично процитированы или даны в вольном авторском пересказе. Представленные в материалах факты, как правило, сгруппированы, а их достоверность предварительно установлена. Система авторских комментариев и примечаний позволяет восстановить исходный смысл исторических источников. Отличается и лексическая сторона материалов: они тяжеловесны, сложны в прочтении, изобилуют архаизмами. Перегруженное фактами повествование развивается медленно, в нем отсутствует динамизм, занимательность, интрига.

В центре внимания материалов находится описание и анализ фактов. В этом проявляется авторство и аналитичность такого рода работы, т. е. в них обязательно содержится авторское суждение о фактах, являющееся результатом логического вывода. Для достижения этого историк необходимо преодолеть целый ряд трудностей: найти необходимые источники, осмыслить их и правильно проинтерпретировать. В материалах решаются по преимуществу все эти задачи.

Традиция создания материалов в советский период оказалась прерванной, во многом это было связано с изменением характера

⁸⁶ См.: *Кривошеков И.* Материалы для изучения Пермского края // Сб. Пермского земства. 1904. Кн. 2. Пермь, 1904.

краеведческой работы, которая в 1930-е гг. постепенно теряет научную направленность и преобразуется в разновидность познавательной деятельности, ориентированной на воспитание и просвещение. В результате среди краеведов в массе своей была утрачена та культура научного поиска, которая была свойственна деятелям второй половины XIX — начала XX в. Были забыты и потеряны навыки подготовки материалов, которые можно рассматривать как один из наиболее сложных в методическом и методологическом плане видов исследований, требующих от краеведа умений и знаний работы с первоисточниками, их критического и фактографического анализа. Среди профессиональных историков в это же время начинает складываться упрощенное представление о подготовительных этапах исторического исследования, в рамках которого приоритет получают концептуальные и методологические аспекты, а фактография воспринимается только в качестве иллюстративного материала. В результате работа с источниками среди профессиональных историков ограничивается подготовкой публикаций исторических документов.

К наиболее сложным видам научных трудов, которые представляют собой своего рода концентрат исторических фактов и знаний и одновременно выступают в качестве ценнейшего источника информации, относятся словари и энциклопедии. По своей природе словари и энциклопедии — это справочные издания, созданные для выполнения информационно-поисковых функций и удовлетворения потребностей в исторической информации как профессиональных историков, так и широкого круга читателей. Само по себе появление изданий подобного рода является отражением уровня исторической науки, связанного с накоплением достаточно больших объемов исторической информации и необходимостью их систематизации и вовлечения в научный оборот. Особую популярность справочники приобретают в XIX в., и в последующий период их роль продолжает возрастать.

Во второй половине XIX в., благодаря активной деятельности научных обществ и земских статистиков, накапливаются огромные массивы фактографической информации по истории, географии, экономике России, а также отдельных ее регионов. Отражением

этого процесса стало, например, появление справочных книг, посвященных географическим описаниям. Среди них заметное место занимает многотомное издание, подготовленное В. П. Семеновым-Тянь-Шанским «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», пятый том которого посвящен Уралу и Приуралью⁸⁷. В справочнике был реализован комплексный подход к описанию регионов: в частности, приводится развернутая информация не только о природе, климате, природных ресурсах, почвах, но и о населении, экономике, истории заселения и освоения края, его культуре и этнографии.

Вслед за всероссийскими проектами на местах также начинается создание справочников. Формат словаря оказался особенно удобным для краеведческого движения. Наиболее заметными работами справочного характера, в которых нашла отражение информация о поселенческой сети Урала, стали статистико-географические словари, подготовленные И. Я. Кривошековым и Н. К. Чупиным.

«Географический и статистический словарь Пермской губернии» Н. К. Чупина появился во многом благодаря тому, что его автора в декабре 1859 г. привлекли к сбору сведений и составлению статистических описаний округов Уральских казенных горных заводов. А в начале 1860-х гг. А. И. Артемьев (член Статистического комитета МВД) предложил ему принять участие в создании энциклопедического словаря. Но большая часть материалов, собранных Н. К. Чупиным, оказалась невостребованной. Тогда он и принимает решение создать свой словарь⁸⁸. В 1873 г. в «Сборнике Пермского земства» выходит его первый выпуск (буквы А — Б), а затем, в 1875 г., — второй (буквы Б — Г). Отдельными приложениями к сборнику были изданы в 1876 г. том 1, выпуск 3, содержащий буквы Г — I; в 1878 г. — том 2, выпуск 4 (буква К). В 1880 г. вышел том 2, выпуск 5, включающий буквы Л — М. В связи со смертью автора на некоторое время печатание словаря было приостанов-

⁸⁷ См.: Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914.

⁸⁸ См.: Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. Пермь, 1876; *Он же*. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Пермь, 1878; Т. 6. Пермь, 1886.

лено. Затем в 1886 г. был опубликован том 6 (буква Н), и позднее в материалах «Сборника Пермского земства» были размещены статьи на буквы Ф, Х, Ц, Щ, Ю, Я. Таким образом, словарь остался незавершенным и как единое издание так и не увидел свет. Опубликованный отдельными частями, словарь Н. К. Чупина быстро стал библиографической редкостью. Его ценность обуславливалась тем, что в нем содержалась самая обширная на тот период времени и тщательно проверенная информация о географии Урала, народонаселении, округах, заводах, приисках, трактах, станциях, городах и т. п.

Первый том «Географического словаря» открывается предисловием автора, в котором дана характеристика источников и пособий, использованных для его составления: это различные статьи, напечатанные в «Пермских губернских ведомостях», в «журнале Министерства внутренних дел» и т. д.; геологические и статистические описания разных местностей, помещенные в «Горном журнале»; медикотопографические и лесохозяйственные описания, записки путешественников старого и нового времени, в т. ч. Палласа, Лепихина, Рычкова, Георги и др.; описания Пермской губернии Попова и Мозеля, топографические карты. Кроме того, исследователь широко использовал официальные данные и устные рассказы о разных местностях. Характеризуя принципы отбора поселений для включения их в словарь, Н. К. Чупин писал: «Относительно населенных пунктов считаю нужным сделать оговорку, что из них упоминаются в Словаре лишь важные по числу жителей, по промышленности своей, по торговле, по естественным примечательностям либо по историческим воспоминаниям»⁸⁹. Привлечение и критическая обработка широкого круга источников позволяет назвать «Словарь» уникальным научным трудом. «Произведение глубокое по содержанию, точное по источникам и единственное в своем роде», — охарактеризовал его В. Я. Кривоногов⁹⁰.

⁸⁹ Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. Пермь, 1876. С. 4.

⁹⁰ Кривоногов В. Я. История Урала в историко-географических сочинениях Н. К. Чупина // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 1. Свердловск, 1974. С. 84.

Структура справочника построена по алфавитному принципу. Значительная часть статей была посвящена сельским населенным пунктам. Размеры статьи могли различаться в зависимости от того объема информации, которым владел автор: она могла занимать один абзац или несколько страниц. Словарная статья обычно начинается с описания географического положения поселения:

А л м а з, село и станция на Бирском тракте, в самой юго-западной части Красноуфимского уезда, на небольшой речке того же имени, при впадении ее в Атер, который вливается в р. Тую (приток Уфы). Станция эта находится в 30 верстах от лежащей севернее Енапаевской и в 27 верстах от станции Гординой, лежащей южнее, уже в пределах Уфимской губернии. По сведениям 1873 г. в этом селе жителей крестьян: 198 муж. и 229 женского пола; дворов 81⁹¹.

Географическая и статистическая информация выступают как обязательные элементы статьи, в некоторых случаях в дополнение к ним приводится историческая справка, указывается время создания населенного пункта, внутреннее устройство, занятия населения. Крупным селам отводятся отдельные статьи (см., например, о селе Арамашково, селе Арамильском). Небольшие поселения нередко упоминаются при описании заводов и заводских дач. Так, например, описание Артинских заводов включает характеристику 10 деревень, приписанных к этим заводам⁹². В описании отмечалось наличие в населенном пункте учреждений местного управления, культуры, здравоохранения и торговли, в т. ч. указывались день и месяц проведения ярмарок, торжков, базаров.

Ряд статей (например, посвященные г. Благодати и Благодатным рудникам, вогулам) отличаются не только большим объемом, но и содержат библиографические ссылки. Когда позволяет имеющийся материал, географо-статистическое описание деревень перерастает в развернутый этнографический или исторический очерк, как это происходит, например, с описанием деревни Копчик Кунгурского уезда, которая интересна тем, что здесь проживали обрусевшие вогулы. В статье Н. К. Чупин приводит выдержки из записок

⁹¹ Чупин Н. К. Географический и статистический словарь... С. 22.

⁹² См.: Там же. С. 36.

Георги о религии, нравах, обычаях и праздниках вогул в XVIII в. Значительное внимание уделяет описанию жертвоприношений. Особый интерес представляют размышления Н. К. Чупина о современном состоянии населения, в результате которых он делает вывод, что все жители — христиане, а о жертвоприношениях, описанных Георги, нет и помина. Это очень характерный момент: все сведения, которые содержались в «Словаре», автор старался проверить путем сопоставления разных источников. Если достоверность факта не удавалось установить, то на это указывалось в тексте:

...Денежкины Юрты... по всей вероятности (выделено нами. — *Авт.*) именно тут было некогда жилище вогула Андрея Денежкина, владельца окрестной местности⁹³.

Описание поселений нередко сопровождается развернутым рассказом о тех исторических событиях, которые были с ним связаны. Так, в статье о с. Закамышловское приведено подробное описание картофельного бунта 1842 г., которое заканчивалось следующими словами:

А ведь будь тогда в этом крае между стариками крестьянами побольше грамотных, будь побольше хороших сельских школ с толковыми и истинно доброжелательными к народу учителями, подобный нелепый бунт был бы немыслим!⁹⁴

Географический словарь Н. К. Чупина стал одним из первых и наиболее масштабных опытов подготовки справочного издания, в котором нашли отражение научные принципы сбора и обработки фактографической информации. В некотором роде этот труд стал образцом для последующих работ в этом направлении, которые были продолжены И. Я. Кривошековым.

И. Я. Кривошеков — географ и картограф, историк и археолог, этнограф и экономист, родом из коми-пермяков. Он проявил себя как крупный знаток Урала. Им написаны работы по истории, гео-

⁹³ Чупин Н. К. Географический и статистический словарь... Т. 2. Пермь, 1878. С. 23.

⁹⁴ Там же. С. 492—495.

графии, статистике Пермской губернии⁹⁵. Но наибольшую известность он приобрел в связи с подготовкой и изданием географических словарей, составленных по материалам Верхотурского и Чердынско-го уездов Пермской губернии⁹⁶. Причем по объему представленного материала, уровню систематизации данных и их структурированию справочники И. Я. Кривошекова превосходят аналогичные издания XIX в., отражая новый уровень научного знания об Урале.

Составление «Словаря Верхотурского уезда» заняло у исследователя несколько лет. Основные материалы он собрал в ходе личных наблюдений, которые проводил, будучи помощником земского агронома в Верхотурье. По поручению председателя Верхотурской земской управы он ездил по уезду и собирал информацию о населенных пунктах, причем по заранее разработанной программе. И. Я. Кривошеков отмечал топографические условия населенного пункта, расстояние от железнодорожной станции, волостного правления. Описывал административные и общественные учреждения, школы, больницы, приюты, лавки. Обращал внимание на занятия населения, бытовые и этнографические особенности населения, его предания и песни. При составлении статистико-географического словаря автором были использованы собранные по волостям агрономические сведения. В 1910 г. «Словарь Верхотурского уезда» вышел в свет, к нему прилагалась географическая карта.

Словарь открывается обширным историко-экономическим очерком, в котором значительное внимание уделено природным и климатическим условиям края. По каждой волости уезда приведено

⁹⁵ См., например: *Кривошеков И. Я.* Географический очерк Пермской губернии. Пермь, 1904; Историко-статистическая справка о горных заводах, возникших с 1623 по 1910 г. в бассейне реки Камы и ее сближениях с рекой Двиной... // Материалы по изучению Пермского края. Вып. 5. Пермь, 1915. С. 89—109; *Он же.* Древние Пермь, Югра, Печора в их историческом прошлом: (Краткий хронологический перечень событий). Пермь, 1917.

⁹⁶ См.: *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-географическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910; *Он же.* Словарь географическо-статистический Чердынско-го уезда Пермской губернии с приложениями карты бассейна реки Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914.

описание почв. Подробно рассматривается горное дело, промыслы и торговля, образование. В заключении к первому разделу книги даны биографии выдающихся людей — уроженцев Верхотурского уезда.

Вторая часть географического словаря — наиболее объемная — посвящена описанию географических объектов, причем примерно две трети статей отведены под характеристику поселенческой сети. Эта часть справочника организована по алфавитному принципу. Перечень географических объектов дополняет алфавитный указатель, облегчающий поиск нужной информации. В сравнении с «Географическим словарем Пермской губернии», составленным Н. К. Чупиным, в справочнике И. Я. Кривошекова статья имеет более четкую и формализованную структуру. Описание населенного пункта начинается с указания его типа, характеристики географического положения и административной принадлежности, расстояния до волостного и уездного центра. При наличии информации приводится краткая историческая справка, численность населения и его занятия. В заключительной части статьи обязательно указываются источники информации:

Абрамовичи, или Прянишникова на р. Туре. Меркушинской волости, от уездного города в 43 верстах. Деревня Прянишникова при ревизии 1834 г. значится с 2 дворами и 5 жителями обоего пола в составе Кишкинской волости. Селение принадлежит к приходу с. Меркушинского. Средства к существованию население извлекает от земледелия и частью от заготовки и сплава лесов по Туре и мочально-рогожного промысла. Дворов в селении — 15, в них жителей обоего пола 88 человек по сведениям Пермского губернского земства 1909 г. Сведения получены путем расспросов и частью из архива Верхотурского казначейства⁹⁷.

В словаре представлены описания не только наиболее крупных и значимых населенных пунктов, но и однодворок, переселенческих участков, т. е. недавно возникших, небольших поселений:

Подгарничный поселок или однодворок на р. Туре вблизи устья реки Гарничной Туринской волости, от уездного города в 159 вер-

⁹⁷ Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. С. 241.

стах. В селении всего один двор. Средства к существованию жителем извлекаются от окарауливания покосов, принадлежащих жителям Туринских рудников и поставкой и вывозкой им сена. Сообщение М. И. Опокина⁹⁸.

Такой подход, ориентированный на сплошное описание поселенческой сети, позволил автору создать исключительно полную картину расселения, основанную на официальных данных и дополненную личными наблюдениями и архивными материалами.

Через четыре года после выхода этого словаря был напечатан капитальный труд И. Я. Кривошекова — «Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии» с приложением карты бассейна реки Камы⁹⁹. В предисловии автор отмечал, что «Словарь» стал итогом 26-летнего труда. Собирая информацию, он неоднократно объездил весь уезд.

Издание состоит из четырех частей. В первой дан исторический очерк заселения и освоения края. Причем текст снабжен ссылками и примечаниями и имеет самостоятельное научное значение. Вторая часть представляет список селений и урочищ уезда с указанием местонахождения предметов материальной культуры и остатков старины:

Болото, д. вблизи д. Антипиной и р. Язьвы, притока Вишеры Верх-Язьвинской волости. В окрестностях селения находятся чудские ямы и встречаются находки чудских изделий. Личные наблюдения автора в 1910 г.¹⁰⁰

Данный раздел представляет интерес с точки зрения изучения истории археологии и сохраняет актуальность для современных археологических изысканий.

Далее приведен хронологический перечень событий жизни Прикамского края. Начальная запись датируется 1096-м г. — сведениями Лаврентьевской и Никоновской летописей о первом зна-

⁹⁸ См.: *Кривошеков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. С. 651.

⁹⁹ См.: *Кривошеков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынско-го уезда.

¹⁰⁰ Там же. С. 88.

комстве новгородцев с Печорой и Югрой. Описание событий в хронике сопровождается ссылками.

Четвертая часть справочника — географическо-статистический словарь с алфавитным указателем. Относительно каждого населенного пункта указывалось время его возникновения, национальность жителей, их численность по последним данным. При описании выселков отмечалось, откуда пришли жители и когда. Для подтверждения даты образования поселений автором нередко использовались исповедные росписи, ссылки на которые приводятся в статьях. Значительное внимание уделялось характеристике основных занятий жителей, описанию подсобных промыслов. В завершение статьи обязательно приводятся сведения об источнике информации. В сравнении с предыдущим словарем тексты статей здесь более структурированы и формализованы. Учитывая полноту охвата географических объектов, отраженных в словаре, а также уровень систематизации и подтверждения информации, эти справочные издания И. Я. Кривошекова по Верхотурскому и Чердынскому уездам можно рассматривать как уникальные источники, отличающиеся высоким уровнем полноты и достоверности информации.

После октябрьских событий и в условиях разгорающейся Гражданской войны вопросы, связанные с подготовкой справочных изданий по истории и географии края, отошли на второй план. А в дальнейшем развитие краеведения было ориентировано на другие задачи, связанные, в частности, с изучением и пропагандой достижений социалистического строительства. На десятилетия, вплоть до конца 1980-х гг., направление, связанное с созданием подобных энциклопедических, справочных материалов, в силу объективных и субъективных причин, было забыто, и отнюдь не случайно: традиции научного краеведения, которые получили развитие в дореволюционный период, были утеряны, а кроме того, значительно снизился методологический уровень краеведческих исследований. Чтобы уничтожить, разрушить научную школу не нужно прилагать много усилий — достаточно убрать людей, носителей этих знаний, что и произошло в 1930-е гг. Следующее поколение краеведов вынуждено было начинать с начала, набирая опыт и развивая

формы краеведческой деятельности. И понадобились десятилетия, пока вновь был достигнут такой уровень, который обеспечил возможность создания справочных материалов.

Первый опыт такого рода на Урале в советский период был принят в начале 1960-х гг., когда были опубликованы материалы для словаря-справочника по Свердловской области. Сведения о Свердловской области были систематизированы в нем по географическому принципу: структура издания состояла из описаний районов Свердловской области, а внутри разделов приводилась информация по городам и отдельным населенным пунктам. В целом, и полнота, и достоверность приводимой информации вызывают сомнение и требуют тщательной проверки.

В 1990-е гг. наблюдается определенный прорыв в области создания справочников и энциклопедий. В первую очередь необходимо отметить энциклопедии, подготовленные Институтом истории и археологии УрО РАН, — «Уральская историческая энциклопедия» и энциклопедический словарь «Металлургические заводы Урала. XVII—XX вв.», выпущенный к 300-летию российской металлургии¹⁰¹. Будучи академическими изданиями, они стали тем не менее результатом коллективных усилий не только профессиональных историков, но и краеведов, которые были привлечены к написанию ряда статей. В этих энциклопедиях приведена информация по заводам и отдельным сельским населенным пунктам. Тематика и характер энциклопедических изданий предопределили принципы отбора и представления исторической информации. В частности, в «Уральскую историческую энциклопедию» вошли статьи, посвященные городам и наиболее значимым с исторической точки зрения сельским поселениям, что сужает возможность ее использования для изучения сельской поселенческой сети. Кроме того, ограниченность размеров энциклопедической статьи обусловили краткость и сжатость приведенной информации. Большой интерес для изучения

¹⁰¹ См.: Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд. Екатеринбург, 2000; Металлургические заводы Урала, XVII—XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001.

поселенческой сети Урала представляет энциклопедия по уральским заводам, тем более что с ними связано появление специфического типа уральских поселений — заводских поселков, ставших визитной карточкой Урала.

В 1990-е гг. предпринимается ряд шагов к изданию «местных» энциклопедий, посвященных отдельным городам и районам. Так, например, в 1993 г. в г. Каменске-Уральском выходит «Энциклопедия Каменского района», составленная местным краеведом А. Ф. Коровиным¹⁰². В справочнике приводятся сведения по всем деревням и селам Каменского района, упорядоченные в алфавитном порядке. Справочник основан на архивных материалах, которые автор изучал в течение 45 лет, а также на его личных наблюдениях. Однако научно-справочный аппарат в издании отсутствует. Подобные описания сельских поселений были составлены по Тавдинскому, Артемовскому районам, окрестностям г. Первоуральска¹⁰³.

Рост числа публикаций справочного характера, с одной стороны, отражает имеющийся в обществе интерес к истории и природе края, а с другой — выступает как определенный итог краеведческой работы. Вместе с тем анализ структуры и содержания краеведческих справочников позволяет сделать вывод о необходимости серьезных методологических разработок в этом направлении. Составление справочников и энциклопедий должно осуществляться с соблюдением определенных базовых принципов, обеспечивающих достоверность и полноту информации. Кроме того, любой справочник ориентирован на удовлетворение потребностей в информации и должен быть обеспечен справочно-поисковым аппаратом.

Подводя итог классификации краеведческих трудов, необходимо отметить, что в зависимости от вида краеведческих работ различается уровень достоверности приведенной в них исторической информации. Наиболее надежными и проверенными можно счи-

¹⁰² См.: Коровин А. Ф. Энциклопедия Каменского района: (Словарь-справочник по истории сел и деревень). Каменск-Уральский, 1993.

¹⁰³ См.: Ермолаев В. Тавдинское местописание. Екатеринбург, 1999; Дунаев Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска, Первоуральск, 1992; Брылин А. И., Коверда П. Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998.

тать сведения, приведенные в материалах и справочных изданиях. При создании этих документов использовались элементы контроля достоверности информации. Однако, несмотря на их более высокий методологический уровень, вероятность появления ошибок полностью исключить нельзя. Работа с фактографией тем и сложна, что здесь всегда может иметь место искажение — в виде опечатки или неправильного истолкования факта, как результат ретрансляции ошибки из других источников информации, и т. д. От ошибок не застрахованы самые уважаемые издания. Так, например, в справочнике В. П. Семенова-Тян-Шанского указано, что в Пермской губернии по материалам переписи 1897 г. насчитывалось 15 городов и 6 974 сельских поселения¹⁰⁴. По сведениям И. Я. Кривошекова, приведенным на ту же дату, численность сельских населенных пунктов по Пермской губернии составила 18 288 (!)¹⁰⁵. Причем и тот и другой автор дополняют итоговый показатель группировкой сельских населенных мест по численности жителей, что позволяет его пересчитать. Однако расхождение приведенных данных слишком велико, оно не может быть результатом опечатки или использования различных методик подсчета, т. к. оба автора ссылаются на один и тот же источник — перепись населения. Тщательное изучение вопроса, и в том числе оценка динамики поселенческой сети за вторую половину XIX в., приводят к выводу, что оба свидетельства некорректны. Наиболее достоверным показателем численности поселенческой сети в Пермской губернии на указанный период следует считать число, приведенное в «Адрес-календаре Пермской губернии», — 12 759¹⁰⁶. Рассмотренный пример еще раз убеждает в том, что оценку работ краеведов необходимо строить исходя из принципов прежде всего источниковедческого анализа. В результате краеведческого поиска формируется исторический источник, достоверность и полнота которого требует уточнения.

¹⁰⁴ См. об этом: Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. С. 165.

¹⁰⁵ См.: Кривошеков И. Материалы для изучения Пермского края. С. 59.

¹⁰⁶ См.: Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. Пермь, 1896. Отд. III. С. 18—19.

Специфика краеведческих трудов всегда вызывала затруднения в оценках исследователей. Это, в частности, касается анализа творчества Н. К. Чупина, оставившего заметный след не только в уральской, но и общероссийской историографии. Несмотря на общепризнанность его заслуг в изучении истории горно-заводского Урала, биографии В. Татищева, нередко в адрес исследователя звучали обвинения в узости исследовательских тем, отсутствии научной проблемы и обобщений, при этом не учитывалась цель и специфика проведенной им фактографической работы. Указывая на содержательное богатство и самобытность трудов Н. К. Чупина, исследователи его творчества долгое время так и не могли определиться с его комплексной оценкой. Что это: переписывание документов? компиляция? или что-то другое? Все становится на свои места, если подойти к анализу работ краеведа с источниковедческой точки зрения. Первый шаг в этом направлении сделал В. Я. Кривоногов, который трактовал труды Н. К. Чупина как «материалы», представляющие собой тщательно выверенную фактографическую подборку по той или иной тематике¹⁰⁷. Признавая их огромную ценность, он тем не менее отрицал самостоятельное значение этой работы. Следующий шаг был сделан Ф. Ф. Дударевым: на основе тщательного изучения всего комплекса трудов знаменитого уральского краеведа, его методов работы с архивной информацией, характера изложения материалов он пришел к выводу о формировании в XIX в. особого направления научной работы — фактологии, представителем которого выступает Н. К. Чупин. Принципиально важным является понимание фактологических работ как процесса создания вторичного документа (подготовительного материала), предназначенного для дальнейшего научного использования¹⁰⁸. Достоверно установленный факт признается в качестве самостоятельного результата научного поиска наряду с постановкой проблемы и обоснованием концепций.

¹⁰⁷ См.: Кривоногов В. Я. Материалы по истории горнозаводского Урала в личном фонде Н. К. Чупина. С. 103.

¹⁰⁸ Подробнее об этом см.: Дударев Ф. Ф. Н. К. Чупин: фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1998.

Краеведческие труды представляют собой сложное и неоднозначное явление. С одной стороны, они являются результатом научной работы, связанной с установлением и удостоверением фактов по изучаемому объекту, их систематизацией и описанием. А с другой — представляют собой сырье, материал для последующих исторических разработок, в рамках которых проводится обобщение и анализ этих фактов, т. е. играют роль исторического источника и, следовательно, требуют источниковедческой оценки.

Таким образом, анализируя источниковую базу по проблеме расселения на Урале в XX в., следует отметить, что имеющиеся справочные и архивные материалы позволяют составить достаточно полную картину поселенческой сети, охарактеризовать ее с географической, демографической, социальной, культурно-бытовой стороны. Однако часть информации представлена в виде учетных данных, т. е. мы имеем своеобразные временные срезы состояния поселенческой сети. Хорошим дополнением к учетным административных и статистическим документам служат сведения, накопленные в ходе краеведческих исследований. Они позволяют проиллюстрировать статистические показатели, на уровне местной истории проследить влияние тех или иных факторов на судьбу населенного пункта.

Сведения о населенных пунктах региона являются достаточно распыленными. Широко практиковалось переименование селений, изменение их административной принадлежности. В этих условиях исключительно сложно отследить судьбу конкретного населенного пункта по множеству источников. А если их тысячи, то системный анализ поселенческой сети превращается в трудноразрешимую проблему. Поэтому первоочередной задачей исследования стало не просто изучение всего комплекса исторических источников, а их систематизация, структурирование и обобщение, с тем чтобы сделать возможным комплексный ретроспективный анализ поселенческой сети региона на разных уровнях ее организации.

Глава 4

**МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ**

Анализ таких сложных систем, как расселение, предполагает тщательную разработку методологических вопросов исследования, отбор методов, наиболее адекватных поставленным задачам. Методологические основы исследования динамики поселенческой сети Среднего Урала в XX в. определяются следующими принципами.

- Изучение сельского расселения предполагает реализацию принципов системного подхода и комплексного анализа объекта исследования в совокупности географических, исторических, экономических, социально-культурных аспектов на основе широкого использования массовых исторических источников.

- Не менее важен принцип историчности, который ориентирует нас на изучение конкретно-исторических условий эволюции расселения с учетом всех объективных и субъективных факторов, определяющих направленность и интенсивность изменений сельской поселенческой сети. К числу этих факторов необходимо отнести демографические процессы, государственную политику в области расселения, изменения в экономической и политической сфере общества.

- Основываясь на методах историко-сравнительного анализа (компаративный подход), мы получаем возможность выявить то общее и особенное, что свойственно объекту исследования — сельскому расселению Среднего Урала и его отдельным экономико-географическим районам. Все изменения, протекавшие в российском обществе в прошлом веке, связаны с модернизацией, ознаменовавшей переход от аграрного общества к индустриальному. Они носят объективный и закономерный характер, но вместе с тем обладают своей спецификой: освоение территорий протекает по-разному и в разные сроки, природно-географические и экономические факторы влияют на складывание определенного рисунка поселенческой сети.

- Изучение сельского расселения предполагает применение методов количественного анализа, ориентированных на построение

динамических моделей локальных систем сельского расселения и поселенческих микроструктур. Количественный анализ опирается на опыт экономико-географических исследований, где методы описательной и многомерной статистики применяются давно и успешно. Вместе с тем использование нового информационного ресурса — первичных данных по динамике населенных пунктов региона — позволяет поставить и решить принципиально новые задачи, связанные с построением моделей, описывающих типичные варианты развития поселений.

Историческая направленность проведенного исследования обуславливает приоритет общеисторических методов — историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического, но специфика объекта предполагает применение методов, ориентированных на обобщение и анализ массового материала. Среди них особое место отводится моделированию.

Моделирование — не простая процедура, в исторических исследованиях она применяется пока ограниченно, и прежде всего потому, что исторические процессы и явления достаточно сложны для построения моделей в силу их многомерности и многофакторности. Любая модель по сути своей представляет изучаемый объект или процесс в несколько упрощенной форме, т. е. предполагает формализацию всего многообразия исторической информации и приведение ее к нескольким базовым категориям и характеристикам, которые составляют основу модели. В этом случае принципиально важным является обоснование надежности этих категорий, т. е. насколько точно они соответствуют задачам моделирования. Кроме того, существующие методы и технологии не всегда позволяют адекватно отразить специфику объекта моделирования. При проведении подобных исследований всегда встает проблема корректности использования методов количественного анализа.

Применимость методов, в свою очередь, определяется объектом исследования и его информационными аспектами. Причем информационные предпосылки моделирования необходимо выделить особо, т. к. для построения исторической модели нужна достаточная с точки зрения моделирования и надежная первичная информация. Создание такого массива (ресурса) составляет особую методичес-

кую проблему и связано с систематизацией, формализацией и использованием сведений массовых источников.

Таким образом, для проведения моделирования исторического объекта или процесса необходимо иметь три основных условия:

- 1) объект исследования, поведение которого мы можем описать с помощью математических моделей;
- 2) корректные методы моделирования;
- 3) соответствующий информационный массив.

Обзор источников по истории сельского расселения, приведенный в предыдущей главе, свидетельствует об их многообразии как в видовом, так и в информационном плане. Причем, изучая их, пытаясь использовать в конкретно-исторической практике, мы сталкиваемся с эффектом рассеивания информации. Чтобы проследить судьбу отдельного населенного пункта, нам нужно привлечь архивные материалы, справочники, публикации краеведов, статистические материалы. А если речь идет обо всех поселениях региона, численность которых достигает нескольких тысяч? Как систематизировать эти материалы, привести их к приемлемому для анализа виду? Наиболее рациональным и эффективным вариантом решения этой задачи выступает создание проблемно-ориентированной базы данных о сельских населенных пунктах региона с ее последующей математико-статистической обработкой.

Информационно-справочная система «Города и села Среднего Урала в XX веке»

Разработка базы данных по населенным пунктам Свердловской области началась на историческом факультете Уральского государственного университета в 2000 г. и заняла несколько лет, в результате была создана информационно-справочная система (ИСС) «Города и села Среднего Урала в XX веке». Авторы и разработчики системы — кандидат исторических наук, доцент Л. Н. Мазур (руководитель проекта) и старший преподаватель Л. И. Бродская — авторы этой книги, а также ассистент кафедры Е. В. Макарова и студенты исторического факультета Д. А. Рожков, М. А. Кривокрытова, О. И. Валитова.

Основная цель ИСС — предоставление пользователю справочной и аналитической информации по населенным пунктам Среднего Урала. Система рассматривалась как инструмент хранения и накопления сведений по населенным пунктам региона, позволяющий в любой момент времени быстро найти необходимую справочную информацию. В ИСС были реализованы варианты получения краткой и развернутой справок. В краткой справке приведена основная информация о населенном пункте: дата создания и ликвидации, название, тип, расстояние до административного центра, источник воды, основные природные, исторические, культурные памятники. Развернутая справка содержит статистические данные по населенному пункту по годам: число жителей, хозяйственный статус, преобладающая национальность, наличие промышленных предприятий, образовательных, культурных и медицинских учреждений и т. д. Система дает возможность пользователю получить справку не только по любому интересующему его сельскому поселению, но и по другим административным единицам — району, городу, рабочему поселку, которые располагаются в пределах современных границ Свердловской области.

Но информационная задача не является единственной. Другая, не менее значимая цель системы — аналитическая — предполагает возможность дополнительной обработки и обобщения первичных сведений, введенных в систему, с использованием количественных методов. Необходимо отметить, что реализация этих двух целей вызывает известные противоречия. В частности, для выполнения справочной функции необходима как можно более подробная информация, близкая к первоисточнику. Постановка второй задачи, напротив, предполагает формализацию и унификацию первичных данных, приведение их к форме, приспособленной для количественной обработки. Это вызвало определенные сложности при проектировании информационного массива системы. Вместе с тем проведение статистической обработки первичных данных позволило получить новую информацию в форме сводок, группировок, средних показателей и способствовало формированию предпосылок для постановки и решения исследовательских задач принципиально нового уровня.

Информационную основу ИСС составили массовые источники по истории сельского расселения на Среднем Урале — опубликованные и архивные списки населенных пунктов за 1909, 1928, 1939, 1956, 1970, 1979 и 1989 гг. с основными статистическими данными¹. В информационном массиве представлены все упоминаемые городские и сельские поселения, расположенные на территории Свердловской области, что дает возможность провести сплошное исследование и получить вполне надежную информацию о поведении поселенческих микроструктур.

В качестве технологической основы созданной информационно-справочной системы выбрана технология баз данных как наиболее адекватная для решения справочных и аналитических задач. Традиционно все системы управления базами данных (СУБД) классифицируются в зависимости от модели данных, которая лежит в их основе. Принято выделять иерархическую, сетевую и реляционную модели данных, соответственно говорят об иерархических, сетевых, реляционных СУБД. Иерархические и сетевые модели данных стали применяться в системах управления базами данных в начале 1960-х гг. В 1970-е гг. была предложена реляционная модель. Эти три модели отличаются в основном способами организации связей между объектами.

В нашем случае исходный материал представлен в виде набора таблиц, где сосредоточены данные о поселениях за различные годы, поэтому наиболее подходящей для решения поставленных целей стала реляционная СУБД.

Важную роль при создании базы данных играет выбор программного обеспечения. В настоящее время существует большое количество СУБД (таких, как, например, Visual FoxPro, Microsoft Access и др.), выполняющих сходные функции. Выбор конкретной СУБД обуславливается характером организации данных и потребностями работы с ней.

Для создания справочной системы «Города и села Среднего Урала в XX веке» была использована одна из реляционных СУБД —

¹ Подробнее см.: Бродская Л. И., Мазур Л. Н. Информационно-справочная система «Села и города Среднего Урала в XX веке» // Информ. бюл. ассоциации «История и компьютер». № 29. М., 2002. С. 80—104.

Microsoft Access. Изначально Microsoft Access рассматривалась как пакет, пользователями которого являются непрограммирующие специалисты. Их привлекает легкость изучения программы, возможность решить большое количество задач без программирования. Кроме того, Microsoft Access является частью пакета Microsoft Office, что, во-первых, упрощает работу с ним непрофессионала, так как очень многие вещи здесь решаются так же, как и в пакетах Word и Excel, а во-вторых, и это главное, пользователи заинтересованы в тесной интеграции с пакетами Microsoft Office (возможность статистической обработки, построение диаграмм, создание сводных таблиц и т. д.). Access удобна и тем, что предоставляет возможность работы в Интернете и в локальной сети. В пакет Microsoft Access встроен язык программирования Visual Basic for Application (VBA), который позволяет создавать вполне профессиональные приложения и связывать различные части пакета Microsoft Office, а также и другие программы.

Таким образом, Microsoft Access является достаточной для целей исследования программой, в которой разумно сбалансированы все средства и возможности, типичные для современных СУБД. Определенным недостатком пакета Microsoft Access является малая скорость работы базы по сравнению, например, с Visual FoxPro. В нашем случае использование Access было оправдано еще и тем, что в создании информационной системы принимали участие студенты исторического факультета, поэтому доступность программного пакета была принципиально важной.

Информационный массив системы «Города и села Среднего Урала в XX веке» представлен совокупностью таблиц, проектирование каждой из них велось с учетом следующих требований: ориентированность на базовый источник информации и сопоставимость сведений различных таблиц (рис. 2). Конкретный набор полей таблиц различается. Это зависит от объема имеющихся сведений и объема таблицы. ИСС включает таблицы о сельских поселениях, хранящих статистическую информацию за 1909, 1928, 1939, 1956, 1970, 1979, 1989 гг., а также таблицы «Общие сведения о населенных пунктах», «Районы Свердловской области», «Рабочие поселки» и «Города».

Рис. 2. Структурная схема (таблицы) информационного массива ИСС «Города и села Среднего Урала в XX веке»

• Таблица «Города Свердловской области» (46 записей, в т. ч. закрытые города) содержит справочную описательную информацию, которая позволяет получить общее представление об основных характеристиках городов, в том числе дате их возникновения, дате получения статуса города, расстоянии до административного центра, географическом расположении, динамике численности населения с 1926 по 1989 г.²

• Таблица «Рабочие поселки Свердловской области» (137 записей) хранит сведения о поселениях городского типа, существовавших на территории Свердловской области, в т. ч. и тех, которые изменили свой статус. Ряд поселений был преобразован в города, а некоторые, особенно в начале XXI в., вновь получили статус сельского населенного пункта. В базе представлена достаточно обширная информация: название, административная принадлежность, дата

² Источник информации: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

преобразования в рабочий поселок, расстояние до железнодорожной станции и центра района. Несомненный интерес представляют сведения об истории населенного пункта, динамике численности населения с 1926 по 1989 г. Приводятся сведения о хозяйственной специализации, промышленных предприятиях, наличии учреждений культуры и быта и др. Поисковые возможности системы позволяют познакомиться с картой, на которой указано расположение населенного пункта³.

Кроме того, для сбора сведений об экономике и историко-культурных памятниках были привлечены публикации, посвященные истории рабочих поселков.

- Таблица «Районы Свердловской области» включает перечень всех административно-территориальных единиц районного уровня, которые создавались на территории современной Свердловской области в 1924—1987 гг. Таблица содержит сведения о дате создания района, дате его ликвидации или реорганизации, наименовании районного центра, расстоянии до областного центра, а также основные статистические данные о территории, численности населения, количестве рабочих поселков, сельсоветов и населенных пунктов по состоянию на 1939, 1959, 1970, 1979 и 1987 гг.⁴

- Таблица «Основные сведения о населенных пунктах Свердловской области» выполняет принципиально важную роль в системе.

³ Источники информации: Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г. Свердловск, 1939; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г. Свердловск, 1956; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г. Свердловск, 1978; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.: Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики; Уральская историческая энциклопедия.

⁴ Источники информации: Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Она является эталонной и предназначена для справочного обслуживания, а кроме того, содержит постоянную информацию по всем сельским населенным пунктам, выделенным в результате анализа источников. В таблицу не вошли мелкие поселения, связанные с выполнением определенных производственных функций в отдельных отраслях народного хозяйства (например, железнодорожные будки, казармы и полуказармы, контрольные пункты, полевые станы, временные поселки, функционирование которых было связано с проведением лесозаготовок и пр.). В таблице представлены: название селения (в том числе второе название, если было проведено переименование), административная принадлежность по последней дате упоминания, тип, хозяйственная направленность, расстояние до железнодорожной станции и административного центра, водный источник, дата создания (или дата первого упоминания), условия создания, дата и условия ликвидации. Отдельные поля отведены для информации о природных, культурных памятниках и прочей интересной с точки зрения истории населенного пункта информации. Структура таблицы формировалась как проблемно-ориентированная, ее сведения участвуют в формировании как краткой, так и развернутой справки.

Заполнение полей эталонной таблицы представляло особую проблему, т. к. информация о поселениях содержится в различных изданиях справочного типа, работах краеведов и других нарративных источниках. Работа с эталонной таблицей осуществлялась в три этапа: 1) сначала были созданы и заполнены таблицы по годам на основе списков населенных мест, 2) затем на их основе была сформирована промежуточная таблица-матрица, и 3) путем логического сопоставления и экспертной оценки был выделен тот набор записей, который и составил основной объем эталонной таблицы (10 620 записей). Работа с матрицей оказалась полезной еще в одном отношении: появилась возможность наглядно сравнить и сопоставить информацию справочников за разные годы. В частности, обнаружилось, что достаточно часто в справочниках 1939, 1956 и 1968 гг. пропущены сведения о некоторых населенных пунктах, что позволило сделать выводы об уровне их полноты и достоверности. Завершающий этап работы с эталонной таблицей ориентирован

на заполнение полей, касающихся времени и условий возникновения и ликвидации поселений, историко-культурных памятников, а также прочих сведений. Эта работа связана с привлечением справочников, архивных документов, трудов краеведов, посвященных истории заселения Среднего Урала⁵.

Остальные таблицы, представленные в системе, содержат переменную информацию о населенных пунктах по состоянию на 1909, 1928, 1939, 1956, 1970, 1979 и 1989 гг. Структура таблиц проектировалась с учетом информации, которая отражена в базовых источниках.

• Таблица «Сельские поселения в 1909 г.» включает сведения о сельских населенных пунктах по Екатеринбургскому, Ирбитскому, Камышловскому, Красноуфимскому, Шадринскому, Верхотурскому уездам губернии (2 447 записей). Выбор уездов строился с учетом современных границ Свердловской области. Поля таблицы (более 40) выделены в соответствии со структурой Списков населенных мест Пермской губернии и содержат следующую информацию: наименование селения; административная принадлежность; тип (деревня, село, завод, зимовье, выселок, поселок, поселочный участок, переселенческий участок, прииск, станция); наличие культовых заведений, органов местного управления, учебных и медицинских учреждений, торговых заведений, пунктов связи, промыслов; источник воды и планировка селения (распланировано или нет);

⁵ Источники информации: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ. Свердловск, 1928; Списки населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1909. Кроме того, использовались карточки учета населенных пунктов Свердловской области — см.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 499, 500, 1527, 1528, 1989, 1667—1674, 2209. Список использованной литературы включал десятки исследований — см., например: *Белявский Ф. Н.* Замечательные населенные места Западной Сибири в конце XIX в. М., 1937; *Календарь-справочник по истории Тугулымского района. Тугулым, 1991; Кривошеиков И. Я.* Словарь географическо-статистический Черданского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914; *Кривошеиков И. Я.* Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии. Пермь, 1910; *Матвеев А. К.* Географические названия Свердловской области: Толпинимический словарь. Екатеринбург, 2000; и др.

количество дворов; количество жителей (мужчин и женщин); разряд крестьян; вероисповедание; народность (национальность); расстояние до ближайшей церкви, школы, библиотеки, уездного города, волостного управления, железнодорожной станции, больницы, почты, ярмарки и др. Это одна из наиболее развернутых таблиц базы данных⁶.

• Таблица «Сельские поселения в 1928 г.» создана на основе Списков населенных мест Уралобласти по Тагильскому, Ирбитскому, Свердловскому, Кунгурскому, Шадринскому округам. Из состава Кунгурского и Шадринского округа были выделены только те районы, которые позднее вошли в границы Свердловской области. Поля таблицы соответствуют информационной структуре источника и включают основные статистические сведения о населенном пункте; кроме наименования и административной принадлежности, указывается тип, число хозяйств, численность населения, преобладающая национальность, наличие образовательных, медицинских, культурно-просветительных учреждений, а также учреждений связи⁷.

• Таблица «Сельские поселения в 1939 г.» отражает поселенческую сеть, оформившуюся к концу 1930-х гг. (6 625 записей). Структура данной таблицы, как и таблиц за последующие годы, формализована и включает сведения о наименовании, административной принадлежности населенных пунктов, их типе, производственной направленности, преобладающей национальности, численности населения, наличии железнодорожной станции и сельсовета, а также медицинских, культурно-просветительных, торговых учреждений и примечание.

Сложность заполнения этой таблицы состояла в том, что официальные опубликованные данные по поселениям за этот период отсутствуют. Таблица основана на комплексе архивных источников: это текущие учетные списки, сохранившиеся в ГАСО в фонде областного исполнительного комитета Свердловской области.

⁶ Источник информации: Список населенных мест Пермской губернии. Т. 12. Пермь, 1909.

⁷ Источники информации: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ; Т. 11. Тагильский округ; Т. 3. Ирбитский округ; Т. 6. Кунгурский округ; Т. 16. Шадринский округ. Свердловск, 1928.

В деле представлены порайонные списки населенных пунктов с указанием типа поселения и численности населения. Необходимо отметить, что полнота списков вызывает сомнение и требует уточнения путем сравнения со списками за другие годы. Сведения по социальной сфере сел заполнялись с использованием дополнительных источников — списков сельских клубов, изб-читален и библиотек, которые сохранились в фонде Статистического управления Свердловской области⁸.

• Таблица «Сельские поселения в 1956 г.» (4 864 записи) сформирована с использованием официального источника информации — Справочника административно-территориального деления, дополненного архивными материалами. В издании приведена достаточно скудная информация — перечень населенных пунктов с указанием типа и ближайшей железнодорожной станции. Для получения информации по хозяйственному статусу, численности населения, преобладающей национальности были использованы учетные списки населенных мест, подготовленные статистическим управлением Свердловской области и хранящиеся в фонде Статуправления в ГАСО, а также форма 2 «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1959 г.», обнаруженная в фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Сведения о наличии культурно-просветительных учреждений — библиотек, клубов — заполнялись на основании материалов статистического учета, сохранившихся в ГАСО. Сопоставление архивных данных и сведений официального справочника позволяет сделать вывод о неполноте информации последнего. В частности, из официального учета были исключены монофункциональные поселения, обслуживающие определенные отрасли — железнодорожные, лесные и пр.⁹

⁸ Источник информации: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811, 5150; Ф. 1813. Оп. 1. Д. 1056, 1147, 1152.

⁹ Источники информации: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г.; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 6. Д. 1520, 2373, Оп. 11. Д. 88, 107; см. также таблицу «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1959 г.» (форма 2) — РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3783.

• Таблица «Сельские поселения в 1970 г.» (3 477 записей) так же, как и предыдущая, составлена на основе данных административно-территориального справочника и учетных материалов статистических органов, хранящихся в архивах. Сведения по образовательным, медицинским и культурно-просветительным учреждениям требуют уточнения по архивным источникам. Как и в предыдущем случае, наблюдается некоторое расхождение между сведениями официального и статистического учета¹⁰.

• Таблица «Сельские поселения в 1979 г.» (2 134 записи) ориентирована на данные официальных справочников и архивные статистические источники: это сведения таблицы 2 «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1979 г.», хранящейся в фондах РГАЭ. Расхождение между различными формами учета в этот период сведены к минимуму и связаны главным образом с текущими изменениями, происходящими в поселенческой сети¹¹.

• Таблица «Сельские поселения в 1989 г.» (1 925 записей) включает сведения последнего официального справочника, опубликованного в Свердловской области в 1987 г., и данные табл. 1 и 2 «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1989 г.», хранящихся в архиве Госкомстата Свердловской области. Как и предыдущие таблицы (1956, 1970, 1979 гг.), она нуждается в дополнительных источниках для заполнения полей по социальной сфере¹².

¹⁰ Источники информации: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г.; ГАСО. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 523; указ. табл. «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1970 г.» — РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3906.

¹¹ Источники информации: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г.; табл. «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1979 г.» — РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6012.

¹² Источники информации: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.; табл. «Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1989 г.» (форма 2) — текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики.

На сегодняшний день все таблицы содержат основную статистическую информацию по населенным пунктам, что позволило провести их статистическую обработку и анализ.

Таким образом, все учетные данные размещены в отдельных таблицах, различие по числу полей зависит от объема сведений первичного источника. Так, таблица по 1909-му г. включает около 40 полей, позволяя всесторонне охарактеризовать селение. Таблицы по 1928, 1939, 1956-му и последующим годам содержат 15 полей. Они стандартизированы и построены таким образом, чтобы можно было провести сопоставительный анализ по годам. Статистические таблицы выполняют в системе функции формирования расширенной справки по населенному пункту, а также используются для статистической обработки сведений.

При проектировании и разработке системы большое внимание уделялось вопросам организации удобного доступа к информации. В главном меню ИСС выделены четыре основных функции, обеспечивающих возможность работы с определенными таблицами (рис. 3).

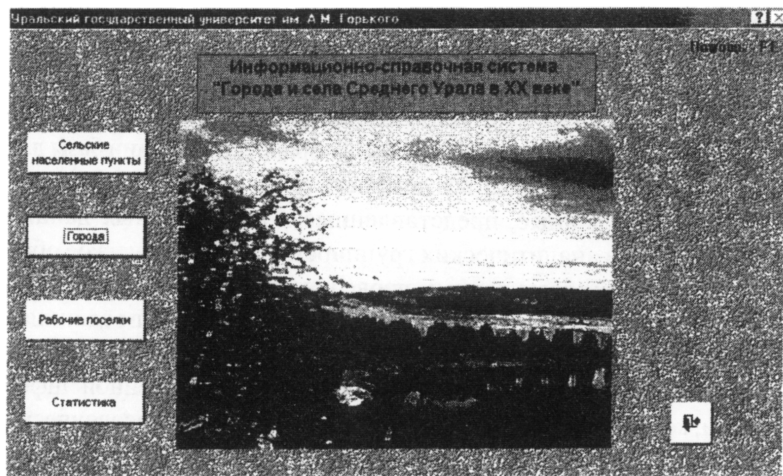

Рис. 3. Меню информационно-справочной системы
«Города и села Среднего Урала в XX веке»

- **Города Свердловской области.** Функция открывает доступ к справочной информации соответствующей таблицы. Пользователь может выбрать из открывающегося списка нужный ему город. Общая историческая справка по населенному пункту дополняется картой, на которой указано его местоположение.

- **Рабочие поселки.** Так же как и предыдущая, функция работает в режиме справки и предоставляет пользователю возможность получить статистико-географические сведения обо всех поселках городского типа, расположенных на территории Свердловской области, и увидеть их на карте.

- **Сельские населенные пункты.** Функция позволяет осуществлять поиск информации в соответствующих таблицах по таким реквизитам, как наименование населенного пункта и наименование района. В поле можно ввести как полное название поселения, так и его часть. В результате поиска формируется список, отвечающий заданным условиям, из которого пользователь может путем выбора перейти к конкретной исторической и статистической информации по населенному пункту. Дополнительные возможности данной функции связаны с кнопкой «Выбор района», позволяющей познакомиться с основными показателями (территория, население, число сельсоветов и населенных пунктов) по административным районам. Карта иллюстрирует информацию этой формы.

- **Статистика.** Функция работает с текстовым массивом, содержащим результаты статистической обработки сведений базы данных. Пользователь имеет возможность просмотреть и распечатать обобщающие данные, представленные в виде сводных данных, структурных и аналитических группировок. Статистическое обобщение сведений базы данных проведено как по области в целом, так и по отдельным административно-территориальным единицам. Поиск информации в системе организован в виде гиперссылок. Эта часть массива ориентирована на получение количественной информации, которая необходима для системного анализа поселенческой сети.

Созданная ИСС предназначена для решения достаточно сложных и разнообразных задач, что непосредственно отразилось в структуре информационного массива и необходимости создания развернуто-

го, удобного интерфейса и поисковой системы. ИСС имеет открытую структуру, которая позволяет наращивать информационный массив и расширять ее функции. На сегодняшний день система выступает как необходимый этап исследования проблем истории расселения в XX в., т. е. ориентирована в большей степени на научно-исследовательскую практику. Однако нельзя исключать и варианты использования системы в учебной деятельности, справочной работе библиотек, архивов региона, управленческих структурах. Одним из возможных результатов функционирования системы рассматривается вариант подготовки данных для публикации историко-статистического справочника «Села Свердловской области».

Актуальной проблемой создания и использования баз данных является оценка формируемых информационных ресурсов с точки зрения достоверности и полноты представленной информации. Базы данных, как и первичные письменные источники, подлежат тщательной источниковедческой критике. К сожалению, хотим мы того или нет, создание электронных массивов вносит дополнительные искажения. Причины погрешностей можно подразделить на две группы: 1) с е м а н т и ч е с к и е, возникающие в результате формализации и кодирования первичной информации, и 2) ф и з и ч е с к и е, обусловленные ошибками регистрации. В первом случае мы постарались свести к минимуму потери информации, заполняя поля лишь частично формализованными данными, стараясь сохранять без изменений сведения первоисточника. Однако для математической обработки пришлось создавать специальные массивы данных, в которых сведения были формализованы в большей степени.

Основной причиной искажения данных выступают ошибки регистрации в ходе заполнения полей базы. Поэтому была разработана система мероприятий по контролю достоверности ввода данных. При работе с базами данных применялись контрольные мероприятия двух видов: 1) частичный выборочный контроль массивов, который охватывал не менее 25 % записей, и если выявлялся высокий уровень ошибок регистрации, как это было, например, с таблицей за 1928 г., то осуществлялся сплошной контроль и перепроверка записей; 2) проверка реализовывалась через работу с матрицей записей всех таблиц по сельским населенным пунктам, что позволило

уточнить и проверить их наименования, а также административную принадлежность и хозяйственную направленность поселений. Тем не менее, оглядываясь на проведенную работу, приходится констатировать, что первоначальная задача проекта — выявить и систематизировать сведения обо всех населенных пунктах региона, существовавших в XX в., — осталась невыполненной. Потери информации стали следствием несовершенства системы учета поселенческой сети преимущественно в 1930—1950-е гг. и неполноты первоисточников.

Несмотря на это потенциальные возможности системы гораздо шире, чем было обозначено в ее технических характеристиках. При составлении расширенной справки по сельским населенным пунктам Среднего Урала мы получаем динамический ряд основных характеристик населенного пункта, которые можно использовать для изучения динамики поселений и моделирования. Составление такой расширенной справки осуществлялось частично с использованием возможностей компьютерного поиска, частично вручную — на основе экспертной оценки. Автоматизированный вариант установления связей, как правило, не дает нужного результата, т. к. основной атрибут, по которому устанавливались связи между записями в таблицах (наименование населенного пункта), не всегда соответствует требованиям машинного поиска. Препятствием выступает не только переименование населенных пунктов, которые встречаются достаточно часто, но и повторяемость названий, изменения в написаниях их и т. д. В этом случае соединить записи таблиц возможно только на основе комплексной оценки ряда параметров, в т. ч. наименования, административной принадлежности, типа поселения. Приходится учитывать все факты переименований, которые зарегистрированы в решениях облисполкомов. Но и их учет не гарантирует полной идентичности динамической информации, поэтому по ряду поселений работа так и осталась незавершенной.

Исходя из возможностей поисковой системы и с учетом задач моделирования был создан новый информационный ресурс, переведенный в конечном итоге в формат Excel для удобства дальнейшей обработки. Электронная таблица включает набор сведений по населенным пунктам: наименование, название района, тип поселения,

хозяйственная направленность, преобладающая национальность, наличие железнодорожной станции и сельсовета, а также численность населения по годам. Она проектировалась таким образом, чтобы обеспечить возможность многоаспектной статистической обработки с помощью стандартных программных приложений. Все записи были разделены на два массива: 1) постоянные и 2) временные населенные пункты. К постоянным относились те, которые включали показатели численности населения не менее чем по трем временным точкам. Остальные были отправлены в массив временных поселений.

Созданный новый информационный ресурс (электронная таблица) содержит в общей сложности 3 164 записи по постоянным поселениям и 4 970 записей по временным. Эта информация стала основой для построения динамических моделей поселений, которые с помощью коэффициента регрессии и графически описывают их «поведение» в условиях модернизационных преобразований.

Современные условия развития исторической науки принципиально меняются, и эти перемены связаны с необходимостью создания новых информационных ресурсов на основе традиционных источников. Базы данных выступают, с одной стороны, как одна из форм информационного обеспечения исторических исследований, с другой стороны, они имеют самостоятельное значение, т. к. могут использоваться и для решения других задач, прямо не связанных с научными исследованиями, — управленческих, образовательных, информационных и т. д. Возможность многоцелевого и многоаспектного применения исторических баз данных оправдывает достаточно трудоемкую работу по их созданию и формирует принципиально новые возможности анализа этой информации по сравнению с традиционными носителями.

Математический анализ сельского расселения

Наличие необходимого информационного ресурса, организованного таким образом, чтобы обеспечить возможность многоаспектной математической обработки, является необходимым условием полноценного историко-географического исследования. Но не ме-

нее важным моментом остается отбор корректных инструментов математического анализа, позволяющих получить достоверную и полную информацию по изучаемому объекту — региональной системе расселения.

Все варианты математического анализа можно условно подразделить на две группы: 1) методы статистической обработки, ориентированные на создание описательных количественных моделей расселения; 2) методы аналитического моделирования.

Наиболее широкое распространение в изучении систем расселения получила статистическая обработка данных¹³. Они давно и прочно вошли в географическую науку и активно используются при проведении историко-географических исследований. Самое общее представление о расселении дают показатели людности и плотности расселения (густоты), соотношение селений разной величины и распределение населения между ними. Расселение характеризуется соотношением постоянных и временных поселений, старых и новых, характером расположения (уровнем рассредоточенности). Все это отражает структуру расселения. Среди математико-статистических методов особую популярность приобрели такие приемы, как группировка, ранговая корреляция, средние показатели, а также методы анализа динамики.

Наиболее важным из обобщающих показателей расселения является плотность поселенческой сети, которая определяется как отношение числа сельских поселений к площади занимаемой ими территории:

$$P = \frac{N}{S},$$

где плотность расселения P — это степень насыщенности данной территории какими-либо объектами; N — число поселений, S — площадь.

При характеристике региональных систем часто вводится понятие емкости размещения (E), т. е. способности района осуществлять

¹³ См., например: Бочаров М. К. Методы математической статистики в географии. М., 1971; Архипов Ю. Р., Блажко Н. И. и др. Математические методы в географии. Казань, 1976; и др.

в своих пределах расширенное воспроизводство на основе имеющихся ресурсов. Емкость территории оценивается как отношение между фактической и предельной плотностью расселения. Теоретически этот показатель должен быть меньше единицы.

$$E = \frac{P}{P_{\max}},$$

где P_{\max} — это максимально возможная плотность какого-либо явления на изучаемой территории.

Желательно также учесть показатель критической плотности расселения. Он отражает такую степень насыщения территории изучаемыми объектами, при превышении которой в ландшафте происходят качественные изменения.

При равномерном расселении плотность явления на всем полигоне остается неизменной или меняется незначительно. При рассеянном (дисперсном) расселении размещение географических объектов происходит на таком расстоянии друг от друга, при котором затрудняется или полностью исключается взаимодействие между ними, отсутствуют или ограничены условия для проявления закона компактного взаимодействия.

Для определения характера размещения поселений можно использовать также показатель рассредоточенности, определяемый как отношение площади территории к числу объектов наблюдения.

$$R = \frac{S}{N},$$

Среднее расстояние между поселениями определяется по формуле

$$D = \sqrt{\frac{N}{S}},$$

где S — площадь территории; N — число населенных пунктов.

Показатель среднего расстояния между поселениями дает представление о характере заселенности. При среднем расстоянии до 4 км можно говорить о полной хозяйственной освоенности ре-

гиона. Если среднее расстояние более 8 км — сеть поселений редка, территория освоена недостаточно, межселенные связи развиты слабо, и поэтому основная часть сельских поселений достаточно автономна¹⁴.

В рамках изучения системных характеристик расселения был сформулирован закон контактного взаимодействия, в соответствии с которым интенсивность взаимодействия тел понижается с увеличением расстояния между ними, и когда эта разобщенность достигает определенного рубежа, интенсивность взаимодействия резко падает.

С учетом плотности расселения и плотности населения выделяются несколько уровней освоения территории¹⁵:

— первый уровень — районы, имеющие крайне низкую заселенность территории (менее 1 чел. на кв. км и 2—4 поселка на 1 тыс. кв. км). В этом случае поселения обычно расположены небольшими изолированными группами — *очагами*;

— второй уровень — очень редкое заселение, при котором плотность населения не превышает 3 чел. на кв. км. Поселения расположены изолированно, контакты между ними слабые, транспорт развит слабо;

— третий уровень — районы, характеризующиеся редкой поселенческой сетью с плотностью населения от 3 до 7 чел. на кв. км., среднее расстояние между населенными пунктами превышает 2-часовой путь пешехода, дорожная сеть плохая;

— четвертый уровень — плотное расселение, отличается более высокими показателями плотности населения (от 8 до 14 чел. на кв. км.), а среднее расстояние между поселениями соответствует 2-часовой доступности для пешехода; территория района обеспечена дорогами, в т. ч. имеются крупные региональные центры;

— пятый уровень — сплошное расселение, характеризуется высокой плотностью населения (более 15 чел. на кв. км.), густотой населенных пунктов, хорошей обеспеченностью дорогами, характерен для пригородных зон крупных центров.

¹⁴ См. об этом: *Крисанов Д. Ф.* Сельское расселение: социально-экономический аспект. Киев, 1988. С. 65.

¹⁵ См.: *Федосеев В. И.* Сельское население региона. М., 1986. С. 56.

Таким образом, разработанная система показателей расселения дает возможность оценить основные параметры региональной системы и провести ее статический анализ. Однако этого недостаточно для изучения динамики поселенческой сети на макро- и микроуровне, т. к. в этом случае необходимо учесть совокупное влияние множества факторов, в конечном итоге определяющих судьбу населенных пунктов, и привлечь методы многомерной статистики, позволяющие подняться на уровень системного анализа и моделирования.

Для решения подобных задач использовались математические теории расселения, предназначенные для анализа тенденций эволюции поселенческой сети. Они получили развитие в 1960—1970-е гг. и связаны с поиском путей регулирования расселения¹⁶. Их отличительной чертой стала абстрактность и ориентация на прогнозирование людности поселений и нахождение перспективных сел. Понятие «перспективного» поселения рассматривалось с точки зрения математической теории в двух направлениях.

1. Некоторые реально существующие поселения являются образцовыми, их людность оптимальна, а все остальные поселения данной системы должны приближаться по людности к этому эталону или самоликвидироваться. Плотность таких поселений растет быстрее, поэтому задача органов управления — нахождение и поддержание соответствующего закона перераспределения населения.

2. Перспективны те поселения, плотность которых растет быстрее прочих без воздействия специальных мер, спонтанно.

Выделение перспективных поселений возможно на основе формальных приемов. Пусть P_i — людность, $N(P)$ — функция распределения поселений по людности, а $n(P) = N'(P)$ — плотность распределения поселений по людности (операция дифференцирования выполняется не над дискретными функциями, а над их дифференцируемыми аналогами). Будем считать, что плотность распределения является функцией времени. Рассмотрим динамическую задачу: найти плотность распределения для известной плотности распределения

¹⁶ См.: Трус Л. С. К математической теории расселения // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 108—119.

в начальный момент времени $n(P, 0)$; вторая задача: найти производную по времени (т. е. скорость изменения) $n'(P, t)$ для известной на момент времени t функции; возможна также статическая задача: найти $n(P)$ при каком-то заданном условии.

Для решения этих задач должен быть задан закон перераспределения населения в изучаемых границах. Л. С. Трус рассматривает его в виде $P'_i = F(P_i)$, где P'_i — производная по времени людности i -го поселения. Поселения рассматриваются в совокупности, образующей систему расселения.

В 1980-е гг. возрастает популярность моделирования среди исследователей, это особенно коснулось изучения городского расселения¹⁷. В научный оборот начинают активно вводиться математические модели, уже давно известные в зарубежной науке. К ним, в частности, относятся ставшие классическими модели Кларка, Зипфа, Вильсона — Алонсо, Кристаллера.

• Модель Кларка описывает распределение населения в моноцентрическом городе. Здесь плотность населения $p(x) = ce^{-\alpha r}$, $p(x)$ — плотность населения около точки x , находящейся на расстоянии r от центра, c и α — некоторые постоянные, свои для каждого города. Модель Кларка отражает две тенденции в размещении населения: 1) приближение жителей к центру города; 2) рассредоточение населения и выравнивание плотности. Рассмотрим энтропию

$$H = - \int_D p(x) \ln p(x) dx, \text{ где } p(x) \text{ — плотность населения как функ-}$$

ция от точки x территории города. Энтропия достигает максимума при полностью равномерном населении в городе.

В задаче рассматривается минимум функции $F - \lambda H$ с $\lambda > 0$, т. е. ищем минимум F и максимум H . Можно рассматривать также и задачу минимизации F при фиксированной H или максимум H при фиксированном значении функции F . Но ограничения постоянства F или H не являются естественными хотя бы потому, что непонятно, какие значения принимают эти величины.

¹⁷ См., например: Гусейн-Заде С. М. Модели размещения населения и населенных пунктов. М., 1988; Важенин А. А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997; и др.

• Модель Зипфа описывает распределение городов в системах по размерам. В соответствии с ней в системе городов крупной страны размер (людность) N_i -го по численности населения города

обратно пропорционален его рангу i в некоторой степени: $N_i \approx \frac{C}{i} \alpha$.

Показатель α часто бывает близок к единице. Модель Зипфа является эмпирической закономерностью, не существует ее достаточно убедительного объяснения или вывода на основе каких-нибудь естественных предположений о процессах формирования или функционирования систем городских поселений.

Одно из таких объяснений основано на предположении, что городу с численностью населения x соответствует «энергия» $E(x)$ и что распределение городов по размерам складывается под воздействием тенденции к максимизации энтропии распределения городов по размерам:

$$H = - \int_0^{\infty} p(x) \ln p(x) dx$$

при фиксированном значении «общей энергии»

$$E = \int_0^{\infty} E(x) p(x) dx.$$

Если положить, что «энергия» $E(x)$ города с численностью населения x равна $\ln x$ (или $a \ln x + b$), то модель превращается в модель Зипфа.

Отказ в модели Кларка от постоянства энергии и требование только максимизации энтропии H при фиксированном количестве поселений n приводит к содержательной модели, отличной от модели Зипфа. В этой модели $N_i = C(\ln(n+1) - \ln i)$, т. е. линейно от логарифма ранга зависит сама численность населения, а не логарифм численности.

Наличие в моделях требования максимизации энтропии является проявлением существующей в системах расселения тенденции к максимизации разнообразия.

- **Модель Кристаллера** — Леша касается размещения центральных мест. Здесь имеет место принцип минимизации суммарных затрат на перемещение всех жителей территории (распределенных по предположению равномерно, т. е. с постоянной плотностью) до ближайших центров (при этом считается, что затраты на перемещение прямо пропорциональны расстоянию).

Рассмотренные выше модели расселения, несомненно, представляют интерес как попытки применения математики в географических и исторических исследованиях. Но в то же время их недостатком является неизбежное при переходе к математической модели огрубление данных, пришедших из реальной жизни. Как результат, непонятно, насколько эти модели отвечают реальной действительности.

В целом, математическая теория расселения, сложившаяся в рамках экономико-географических исследований, была ориентирована на решение следующих задач:

- **анализ статики системы** — изучение характера и величины связи между людностью поселения и набором выполняемых им функций по отношению к своей системе;

- **статистический синтез системы** — нахождение такого распределения функций, которое обеспечило бы некоторое заданное распределение поселений по людности;

- **анализ динамики системы** (составление уравнений динамики системы) — оценка характера связи между изменением распределения поселений по людности и законом перераспределения населения в системе;

- **синтез динамики системы** — разработка такого закона перераспределения населения в системе, который обеспечивал бы некоторый заданный вариант изменения распределений поселений по людности;

- **анализ управления системой** — нахождение характера распределения поселений по людности при тех или иных внешних воздействиях на них;

- **синтез управления системой** — оценка внешнего влияния на систему, обеспечивающего желаемое изменение распределения поселений по людности;

• идентификационный анализ — выявление признаков, позволяющих идентифицировать эмпирические совокупности поселений как системы расселения и разделять одну систему от другой в реальном географическом пространстве; выбор таких географических границ для системы расселения, которые обеспечивали бы заданные параметры распределения поселений по людностям.

Длительное время наука была ориентирована на решение практических проблем, связанных с попытками регулирования расселения, соответственно разработанные исследователями математические теории расселения применялись для прогнозирования и абстрактного моделирования расселения. Потенциал этих теорий для проведения историко-географических исследований резко падает, т. к. требует абстрагирования от того многообразия конкретных вариантов, которые реализовывались в исторической практике. Поэтому возникает потребность разработки собственных методических подходов к анализу развития сельского расселения с привлечением опыта аналогичных исследований.

Собственно говоря, при изучении конкретных вариантов систем сельского расселения исследователи неизбежно сталкиваются с проблемой определения своего пути. Так, например, при анализе сельского расселения Воронежской области А. Э. Крупко в качестве основного метода были использованы коэффициенты парной корреляции, которые позволили выделить ведущие факторы динамики расселения, провести зональную типологию расселения¹⁸.

Характеристика системы расселения Владимирской области, проведенная Н. В. Быковой, строится на использовании возможностей кластерного анализа¹⁹. В результате на основе данных 1979 и 1989 гг. удалось провести экономико-демографическую типологию городов, районов, сельских советов и сделать выводы о факторах влияния. Интересно, что по проведенным расчетам параметры людности поселений оказывают меньшее влияние на развитие системы сельского расселения, чем урбанизированность территории.

¹⁸ См.: *Крупко А. Э.* Территориальная организация сельского населения и расселения Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 1998.

¹⁹ См.: *Быкова Н. В.* Экономико-демографические проблемы расселения в областном регионе: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1990.

Таким образом, задачи исследования и характер анализируемой информации определяют выбор конкретных методов исследования, что произошло и в нашем случае. Наличие информационного ресурса, представленного динамическими рядами людности поселений, с самого начала предполагало использование методов динамического анализа, выявление и описание трендов поселений и оценку факторов влияния. Эти подходы были положены в основу используемого методического инструментария, вся проблема состояла в выборе наиболее корректных приемов математико-статистической обработки.

Динамический анализ сельских поселений

Исторический контекст исследования расселения неизбежно связан с задачей оценки динамики изменений поселенческой сети как на макро-, так и на микроуровне. При построении динамических моделей возникает целый ряд проблем теоретического и практического плана. В первую очередь это необходимость преобразования эмпирических данных в индикаторы (факторы), позволяющие выйти на уровень обобщения и выявления определенных закономерностей. Важнейшим индикатором развития сельских поселений выступают его демографические характеристики, в частности показатель людности (численности населения). Для выявления вариантов развития поселений необходимо оценить не только различия в уровне поселений по данному показателю (распределение по людности), но и выделить типы динамики.

Анализ таких сложных систем, как расселение, предполагает разработку определенной методики обработки данных, которая позволяет выявить модели (типы) развития поселений и анализ тех факторов, которые предопределяют направление эволюции отдельных населенных пунктов и региональных систем расселения в целом. Методика включает следующие направления: методы изучения и типологии региональных систем расселения (кластерный анализ); методы динамического моделирования отдельных типов региональных систем (регрессионный анализ); характеристика моделей развития населенных пунктов и их аналитическое описание (регрес-

сионный анализ); процедуры факторного анализа, позволяющие выявить и оценить наиболее значимые связи между параметрами.

Динамическую модель сельских поселений Свердловской области в XX в. удобно представить в виде временного ряда, т. е. последовательности числовых значений, характеризующих изменение некоторого признака во времени. В основе динамического моделирования лежат методы анализа временных рядов, использование которых ориентировано на достижение двух основных целей: 1) определение природы динамического ряда и 2) прогнозирование (предсказание недостающих значений временного ряда по настоящим и прошлым значениям). Анализ временных рядов предполагает, что рассматриваемые сведения содержат как систематическую составляющую, так и случайный шум (ошибку). Большинство методов исследования временных рядов включает различные способы подавления шума, мешающего выявить тенденцию (тренд). Трендом временного ряда называют плавно изменяющуюся нециклическую компоненту, описывающую влияние долговременных факторов, эффект которых сказывается постепенно. Например, к таким факторам можно отнести изменение демографических характеристик. Основную тенденцию можно представить либо аналитически — в виде уравнения (модели) тренда, либо графически, что повышает ее наглядность.

Наиболее часто для изучения социально-экономических явлений используется простая линейная модель тренда:

$$tr_t = b_0 + b_1 \cdot t.$$

Из нелинейных моделей тренда наиболее часто применяется полиномиальная модель:

$$tr_t = b_0 + b_1 t + b_2 t^2 + \dots + b_n t^n.$$

В практических задачах степень полинома редко превышает значение 5—6.

Первым шагом для выделения тренда является сглаживание. Оно всегда включает некоторый способ усреднения данных, при котором случайные колебания уровней ряда динамики взаимно погашают друг друга. Если отклонения уровней ряда значительны, как это наблюдается в нашем случае, колебания значений людности

сельских поселений на протяжении всего изучаемого периода могут быть весьма ощутимыми; чаще всего используется метод наименьших квадратов — тот же, что применяется для построения уравнения регрессии. Он позволяет снизить шум и преобразовать данные в относительно гладкую кривую. Говоря языком регрессионного анализа, значения временного ряда x_i рассматривают как отклик (зависимую переменную), а время t — как фактор, влияющий на отклик (независимую переменную):

$$x_{t_i} = f(t_i, \theta) + \varepsilon_i, \quad i = 1, \dots, n,$$

где f — функция тренда, θ — неизвестные нам параметры, а ε_i — независимые и одинаково распределенные случайные величины, распределение которых мы предполагаем нормальным. Суть метода наименьших квадратов состоит в том, что мы выбираем функцию тренда так, чтобы свести к минимуму последовательные разности между уровнями динамического ряда:

$$\sum_{i=1}^n (x_{t_i} - f(t_i, \theta))^2 \rightarrow \min.$$

При использовании этого метода исходят из предположения, что все разности между уровнями динамических рядов, начиная с первой, будут содержать только случайную компоненту. Причем первые разности содержат случайную компоненту в линейной форме, вторые — описываемую параболой второго порядка, третьи — показательной функцией.

При обработке методом наименьших квадратов последовательных разностей или отклонений от трендов исследователь имеет дело с чисто случайными величинами, взаимосвязь между которыми является часто весьма сомнительной. Для временных рядов вообще типично, что статистические предпосылки регрессионного анализа выполняются не полностью. В нашем случае переписи поселений проводились в 1909, 1928, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., следовательно, временной ряд небольшой. Это приводит к невысокой статистической значимости коэффициентов. Тем не менее полученные результаты отражают весьма четкую картину поведения объектов моделирования, что позволяет сделать вывод о возможности при-

менения данного метода для получения вполне верифицированных выводов.

Сглаживание рядов динамики позволяет выделить сходные варианты поведения поселенческих структур. Уже в ходе работы выяснилось, что динамические модели сельских поселений разделяются на 6 типов: линейный убывающий, линейный возрастающий, парабола ветвями вверх (2+), парабола ветвями вниз (2-) и два вида кубической параболы (3-+- и 3+--). Кроме того, была выделена группа поселений с непонятным поведением (не подходит никакая модель регрессии).

Первоначальная обработка данных о поселениях осуществлялась с использованием возможностей электронной таблицы Excel и статистического пакета StatGraphics. В StatGraphics проводился выбор лучшей модели регрессии, т. к. он позволяет это сделать легко путем сравнения различных вариантов регрессии (Comparison of Alternative Models). В пакете заложена возможность менять модели (линейная, экспоненциальная, обратная по x , обратная по y , двойная обратная, мультипликативная и др.). Поскольку временный ряд содержит незначительный набор данных и статистической значимости часто нет, то решено было рассматривать линейную модель и полиномиальную степени 2 или 3.

Следующий этап математической обработки был связан с определением интенсивности каждого из шести вариантов развития сельских поселений, насколько часто они встречаются в системе расселения региона. Для подсчета количества поселений, относящихся к той или иной модели, использовались возможности Excel, в частности автофильтр, с помощью которого выбирался нужный тип модели.

Заключительный этап исследования связан с изучением факторов, воздействующих на поведение (тип динамики) населенных пунктов. Для решения этих задач использовались методы построения таблиц сопряженности признаков, а также кластерный анализ. В результате было прослежено влияние на динамику поселений таких характеристик, как расположение населенного пункта относительно административных центров, отраслевая структура, национальный состав, выполнение административных функций, бли-

зость к транспортным магистралям. Было отмечено, что наиболее значимую роль играет принадлежность населенных пунктов к городским или сельским административным единицам. Так, например, сельские поселения, находившиеся в подчинении горсоветов, имели почти в 2 раза чаще положительную динамику (типы 2, 4, 6), чем поселения, расположенные в сельских районах. Другим важным фактором стал размер населенных пунктов (мелкие, крупные, средние) и выполняемые функции. Значительное влияние на устойчивость поселений оказывает национальный состав: так, нерусские поселения отличаются более стабильными характеристиками, здесь чаще встречается положительная динамика, чем в русских поселениях. Анализ распределения по признаку хозяйственной направленности сельских населенных пунктов, в рамках которого выделялись сельскохозяйственные, промышленные, транспортные, лесохозяйственные и другие категории поселений, позволил выделить и оценить влияние на развитие поселений их отраслевой структуры.

Полученные с помощью аналитических группировок выводы о значимости тех или иных факторов были уточнены методами кластерного анализа. Они позволяют разбить изучаемую совокупность на группы «схожих» объектов, называемых кластерами. Методы разбиения на кластеры довольно разнообразны, в них по-разному выбирается способ определения близости между кластерами, а также используются разные алгоритмы вычислений. Эффект кластеризации зависит от корректности использованного метода, поэтому результаты кластерного анализа могут быть дискуссионными и часто служат лишь подспорьем для содержательного анализа.

В рамках данной работы был использован метод Уорда. Он основан на предположении, что на первом шаге каждый кластер состоит из одного объекта. Первоначально объединяются два ближайших кластера. Для них определяются средние значения для каждого признака и рассчитывается сумма квадратов отклонений V_k :

$$V_k = \sum_{i=1}^{n_k} \sum_{j=1}^p (x_{ij} - \bar{x}_{jk})^2,$$

где k — номер кластера; i — номер объекта; j — номер признака;

p — количество признаков, характеризующих каждый объект; n_k — количество объектов в k -м кластере.

В дальнейшем на каждом шаге работы алгоритма объединяются те объекты или кластеры, которые дают наименьшее приращение величины V_k . Метод Уорда приводит к образованию кластеров приблизительно равных размеров с минимальной внутрикластерной вариацией.

Для проведения кластерного анализа было использовано распределение поселений по национальности, преобразованное в виде дендрограммы (рис. 4).

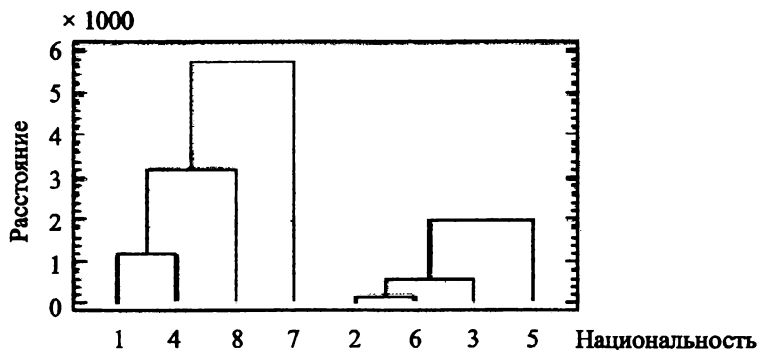

Рис. 4. Дендрограмма распределения сельских поселений по национальности:

1 — марийцы (Артинский); 2 — русские (Артинский); 3 — русские, марийцы (Артинский); 4 — татары (Артинский); 5 — марийцы (Ачитский); 6 — русские (Ачитский); 7 — татары (Ачитский); 8 — русские, татары (Ачитский)

Дендрограмма показывает, что по признаку «преобладающая национальность» поселения разбились на 2 группы: с преимущественно русским и преимущественно нерусским населением, что в целом подтверждает выводы, сделанные на основе аналитических группировок. Разбиение на более мелкие кластеры не добавило ничего принципиально нового.

Кроме кластерного анализа, для проверки однородности изучаемой совокупности поселений были использованы другие методы, в частности методы проверки однородности парных выборок. Среди них наиболее известным является критерий Стьюдента (t -критерий).

Но для его использования изучаемая совокупность должна иметь нормальное распределение, что в нашем случае, конечно же, не наблюдается. Поэтому был использован метод критериев знаков и критериев знаковых ранговых сумм. Оба критерия основаны на сравнении медианы. Медиана имеет существенное преимущество перед средним арифметическим показателем: она более устойчива к возмущениям. Следовательно, если имеются выбросы или грубые ошибки, их влияние на медиану будет невелико. Критерий знаков описан еще в 1710 г. Арбетнотом, который установил, превышает ли доля рождений мальчиков в Лондоне $1/2$. Суть критерия знаков состоит в том, что для каждой пары наблюдений ищется знак их разности $z_i = \text{sign}(y_i - x_i)$, можно записать нулевую гипотезу:

$$H_0 = P(x_i < y_i) = P(x_i > y_i) = 0,5 \text{ для всех } i = 1, \dots, n.$$

Единственное требование к z_i состоит в том, что они предполагаются независимыми. Затем определяется количество положительных знаков и сравнивается с табличным значением для данного объема выборки n . И хотя по результатам расчетов точность этого критерия невелика, все же он не отвергает основную гипотезу H_0 в пользу альтернативной $H_1 = P(x_i < y_i) \neq P(x_i > y_i)$. В качестве примера рассмотрим применение знакового критерия для поселений татар и русских Аргинского района:

```
sign test
-----
Null hypothesis: median = 0,0
Alternative: greater than

Number of values below hypothesized median: 4
Number of values above hypothesized median: 2

Large sample test statistic = 0,400240 (continuity correction applied)
P-value = 0,650456

Do not reject the null hypothesis for alpha = 0,05.
```

Несколько более точным является критерий знаковых ранговых сумм Уилкоксона, который состоит в том, что найденные z_i ранжируют по абсолютной величине, а затем вычисляют сумму положительных рангов и сравнивают с табличным значением. Для того же примера получаем следующий результат:

signed rank test

Null hypothesis: median = 0,0
Alternative: greater than

Average rank of values below hypothesized median: 3,0
Average rank of values above hypothesized median: 4,5

Large sample test statistic = -0,419314 (continuity correction applied)
P-Value = 0,662500

Do not reject the null hypothesis for alpha = 0,05.

Таким образом, из использованных выше методов определения однородности совокупности наиболее наглядный результат нам дает метод Уорда, другие методы оказались не столь информативными. Специфика исходной информации естественно накладывает отпечаток на возможности применения того или иного метода, в этом случае, помимо чисто логического обоснования возможности использования методов, необходима их практическая проверка. С этой же целью был апробирован в качестве одного из возможных оснований кластеризации такой признак, как тип поселения. Анализ таблиц сопряженности позволил сделать определенные выводы о значимости этой характеристики. Насколько эти выводы будут подтверждены в ходе кластерного анализа? В качестве исходных данных было использовано распределение поселений по типу динамики и типу населенного пункта. Развернутые в виде дендрограммы (рис. 5, 6), они позволяют уточнить первоначальную гипотезу. По рис. 5 видно, что при разбиении совокупности на два класса в отдельный кластер попадают села. Если мы попробуем выделить три кластера, то в этом случае в отдельные кластеры попадают села и выселки того же района. В целом проведенный анализ свидетельствует об однородности динамических моделей по типу поселения. Таким образом, признак «тип поселения» уступает признаку «национальность» по дифференцирующей способности и может рассматриваться как второстепенный.

Дальнейший анализ и уточнение влияния отдельных факторов на поведение сельских поселений связаны с использованием коэффициентов корреляции и однофакторного анализа.

Все изложенные методы количественного анализа являются вполне стандартными приемами статистической обработки данных,

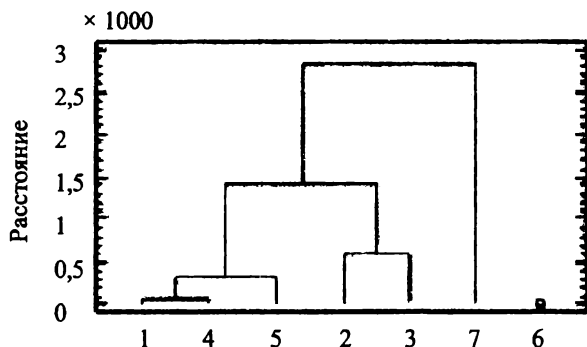

Рис. 5. Дендрограмма 1 распределения сельских поселений по типу:

1 — деревня (Артинский); 2 — село (Артинский); 3 — поселок (Артинский); 4 — деревня (Ачитский); 5 — поселок (Ачитский); 6 — село (Ачитский); 7 — выселки (Ачитский)

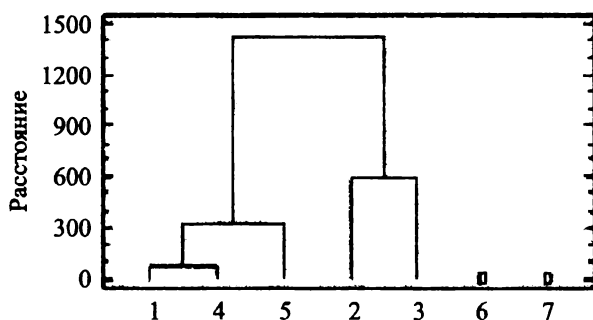

Рис. 6. Дендрограмма 2 распределения сельских поселений по типу:

1 — деревня (Артинский); 2 — село (Артинский); 3 — поселок (Артинский); 4 — деревня (Ачитский); 5 — поселок (Ачитский); 6 — выселки (Ачитский); 7 — село (Ачитский)

но это не умаляет значимости проведенной работы. Впервые при изучении сельской поселенческой сети была рассмотрена возможность использования методов динамического моделирования применительно к историческим данным. И уже первый опыт применения этих методов позволил существенно уточнить общую картину изменений, происходящих в региональной системе расселения.

В качестве одного из важных методологических аспектов изучаемой проблемы выступает выбор соответствующих задачам ана-

лиза программных средств, облегчающих статистические расчеты. В настоящее время спектр типовых программ, позволяющих осуществлять статистическую обработку, достаточно широк. К ним относятся электронные таблицы — один из наиболее простых и широко доступных инструментов обработки данных. Однако возможности его ограничены применением наиболее распространенных приемов обработки (средние, показатели вариации, корреляционные коэффициенты и др.) Более сложный вариант анализа первичных данных предлагают специализированные статистические пакеты, к числу которых относятся StatGraphics, Statistica, но и они имеют свои особенности. С целью выбора программного средства, наиболее соответствующего задачам исследования, был проведен сравнительный анализ имеющихся в нашем распоряжении типовых программных комплексов статистической обработки информации — Excel, StatGraphics, Statistica. В результате была предложена комбинированная схема использования программных продуктов. Сначала данные оформляются в Excel, затем копируются в StatGraphics. В нем проводился выбор наилучшей модели для изучения динамического ряда. Данный пакет был выбран потому, что позволяет сравнивать различные модели регрессий. Далее результаты снова переносились в Excel для подсчета количества поселений, относящихся к той или иной модели. Проведение корреляционного и кластерного анализа осуществляется с помощью ПК Statistica.

Такая комбинированная схема использования программных средств представляется вполне обоснованной и определяется спецификой задач исследования, характером первичных данных и возможностями программных средств.

ЧАСТЬ 2

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В XX в.

Глава 5

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Одним из центральных вопросов теории расселения был и остается вопрос о факторах формирования и развития поселенческой сети. Причем речь здесь идет не столько о перечне факторов, он достаточно четко определен, сколько о выделении наиболее значимых, оказывающих наибольшее влияние. Будучи формой пространственной организации жизнедеятельности общества, система расселения испытывает на себе влияние целого комплекса факторов — внешних и внутренних.

К внешним факторам принято относить природно-географические и климатические условия; производство и транспорт, а также демографические ресурсы. Именно под влиянием внешних условий складываются тип и форма расселения, определяются его качественные характеристики, они же формируют общую тенденцию развития.

К внутренним факторам обычно относят влияния, связанные с реализацией социально-экономической политики государства, правовыми аспектами, деятельностью государственных органов по вопросам расселения, а также этнокультурные характеристики населения.

Внешние факторы несут на себе базовую нагрузку, внутренние в некотором смысле вторичны, и чаще всего их влияние выражается

в сдерживании или, напротив, ускорении расселенческих процессов. Ситуация, однако, принципиально меняется в XX в. в условиях модернизации, когда роль внутренних факторов резко возрастает, и в ряде случаев мы сталкиваемся с ситуацией, когда именно они становятся определяющими, кардинально меня направленность социальных и политических процессов. Это непосредственно относится и к системе расселения, на которую все большее воздействие начинают оказывать политические аспекты. Примерами могут служить Столыпинская реформа, узаконившая хуторскую форму расселения, или политика ликвидации малых деревень, приведшая к ускоренному свертыванию поселенческой сети, что, в частности, послужило основанием для выводов о приоритетности политических факторов над другими. Так, например, С. Г. Смидович рассматривал сеть поселений как «результат всей социально-экономической политики»¹.

Если подходить историографически к этому вопросу, то складывается любопытная картина. Первоначально, на раннем этапе формирования науки о расселении, который был связан с именами известных географов конца XIX — начала XX в. — А. П. Щаповым, В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, А. И. Войсковым и др., природно-географический фактор считался наиболее значимым. В. П. Семенов-Тянь-Шанский подчеркивал, что в условиях наличия незанятых земель природные условия определяли выбор места для поселения. Первопоселенцы прежде всего обращали внимание на наличие достаточной для бытовых и хозяйственных нужд воды, удобных для сельскохозяйственной деятельности земель, сенокосов, пастбищ². Учитывалась также доступность других ресурсов, необходимых для строительных работ и жизнеобеспечения.

В результате при заселении территории в первую очередь осваиваются берега рек и озер, расселение приобретает ленточную форму, охватывая удобные для сельскохозяйственной деятельности земли. И только потом, когда будут разработаны речные долины, наступа-

¹ Смидович С. Г. Особенности политики расселения в СССР на современном этапе. Йошкар-Ола, 1987. С. 3.

² См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 9.

ет следующий этап — освоение водоразделов. В целом значение природно-географического фактора очевидно, причем как для сельскохозяйственного, так и для промышленного расселения. Но особую роль он играет на аграрной стадии, определяя рисунок и плотность поселенческой сети.

В 1920-е гг. меняется научная парадигма, и это непосредственно отражается на переоценке факторов развития расселения. В рамках марксистско-ленинской методологии базисными понятиями стали производительные силы и производственные отношения, которые определяли, по мнению классиков, все другие стороны жизни общества. И в исследовательской практике утвердилась новая схема «производство — расселение», в контексте которой проводился анализ поселенческой сети. Зависимость расселения от размещения производства длительное время считалась решающей. Более того, согласно сформулированному в отечественной науке основному закону, расселение должно соответствовать способу производства, уровню развития производительных сил и особенностям их размещения³. Приоритетность производственного фактора проявилась также при разработке Генеральной схемы расселения в СССР до 2000 г., которая опиралась на аналогичный документ — Генеральную схему размещения производства, долгосрочный прогноз экономического развития страны.

Выделение производства в качестве основного фактора развития поселенческой сети нередко вызывало критику, особенно в тех случаях, когда в поле зрения исследователей попадал исторический аспект расселения. Влияние природно-географических условий подчеркивали О. А. Кибальнич, В. В. Фаузер, Г. М. Лаппо, отмечая диалектическую связь между природными условиями и производством. По мнению С. А. Ковалева, «сеть сельских поселений несет на себе отпечаток воздействия природной среды»⁴. С другой сто-

³ См., например: *Давидович В. Г.* Расселение в промышленных узлах. М., 1960; *Покипишевский В. В.* Население и география: Теоретические очерки. М., 1978. С. 71; *Расселение: Вопросы теории и развития (на примере Украинской ССР)*. Киев, 1985. С. 11.

⁴ *Ковалев С. А.* Сельское расселение: (Географическое расследование). М., 1963. С. 99.

роны, нельзя не отметить объективную обусловленность внимания исследователей к производственному фактору, т. к. в условиях индустриализации и урбанизации он неизбежно выдвигается на первый план и начинает играть ведущую роль, особенно сильно влияя на развитие городской поселенческой сети и формирование урбанизированных районов. Это, собственно, и нашло отражение в выводах ученых в 1960—1970-е гг.

В 1980—1990-е гг. при изучении расселения акценты начинают смещаться в сторону еще одного немаловажного фактора — народонаселения. Этот подход нашел наиболее полное отражение в работах Ж. А. Зайончковской, отмечавшей, что «динамика численности населения — один из важнейших факторов, оказывающих влияние на основные параметры расселения»⁵, в т. ч. на заселенность территории, плотность сети населенных пунктов, темпы роста поселений. Одновременно в научной среде споры о приоритетности того или иного фактора отходят на второй план, знаменуя новый этап развития теории расселения, который был ориентирован в большей степени не на изучение и оценку факторов, а на выявление внутренних закономерностей развития расселения.

Таким образом, на разных этапах развития науки о расселении представления о параметрах влияния менялись, и это закономерно. Каждый этап изучения расселения был связан с определенной стадией развития поселенческой сети. В начале века расселение еще в целом оставалось традиционным, урбанизация только начинает набирать обороты, и приоритетность природно-географического фактора была очевидной. Середина и вторая половина XX в., напротив, отмечены форсированной перестройкой поселенческой сети и переходом ее в урбанизированную стадию, высвечивая влияние производственных процессов на концентрацию расселения. Конец XX в. связан с переходом к постиндустриальному обществу, когда возрастает роль внутренних факторов, в т. ч. политических, в развитии социальной, экономической сферы и, конечно, расселения.

Эти моменты необходимо учесть при анализе сельского расселения Среднего Урала. Рассматривая его формирование в истори-

⁵ Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991. С. 3.

ческом аспекте, нельзя обойти вниманием характеристику природно-географических и климатических особенностей территории, т. е. с их учетом складывался каркас поселенческой сети.

Природно-географические условия и климат Среднего Урала

Свердловская область — одна из крупнейших областей России. По общему числу жителей она находится на 4-м месте в Российской Федерации после Московской, Ленинградской областей и Краснодарского края, а по количеству городского населения она уступает только Московской⁶. В 1990 г. здесь проживало 23,2 % всего населения Урала и 27,1 % его городского населения⁷. Свердловская область охватывает основную часть Среднего Урала, а также восточные склоны Северного Урала, простираясь до 62 градуса северной широты. В природно-географическом плане в рамках области принято выделять горный Урал, Предуралье (Уфимское плато и Сылвинский кряж) на юго-западе и обширные территории Зауралья (Кондо-Сосьвинско-Лялинская и Зауральская подгорная равнины), которые охватывают восточную и северо-восточную периферию. Причем Зауралье составляет 2/3 территории области, а горный Урал — 1/8 часть.

Особенностью природного ландшафта является его сглаженный, равнинный характер. Высота возвышенностей Среднего Урала не превосходит 500—600 м. Наиболее высокая точка — гора Басеги — достигает 993 м. Благодаря доступности в этой части Уральского хребта издавна прокладывались гужевые дороги, а с 70-х гг. XIX в. стали строиться железные дороги, превращая его в транспортный узел.

Урал, как и прилегающие пространства Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин, лежит в области континентального климата умеренных широт. Однако территория области неоднородна по климатическим условиям: многоснежная суровая зима и короткое

⁶ См.: Численность населения Российской Федерации. М., 1994. С. 4—5.

⁷ Подсчитано по: Население Урала, XX в. Екатеринбург, 1996. С. 144.

лето северной тайги отличаются от более мягкого климата полосы смешанных лесов и лесостепи, расположенных на юге области. Для температурного режима свойственны низкие среднегодовые и зимние температуры, резкие колебания в пределах суток и от зимы к лету (абсолютные годовые амплитуды достигают 90 градусов). Так, например, на равнинах Зауралья средняя температура января повышается от -20° на севере, в верховьях Пелыма, до -16° на юге. Июльская средняя температура изменяется от $+16^{\circ}$ на севере до $+19^{\circ}$ на юге⁸.

Достаточно пеструю картину представляет распределение осадков. Западные склоны получают их больше, чем восточные, в среднем на 100—150 мм. Самые обильные осадки выпадают на Северном Урале, где отмечен максимум — 814 мм. Северные равнины Предуралья и Зауралья также получают больше осадков, эти территории переувлажнены. В верховьях Пелыма и Лозьвы годовые осадки достигают 500—450 мм, а южнее, в бассейне реки Пышмы, 350—380 мм, создавая более засушливые условия. В Предуралье летние и зимние температуры близки к температурам зауральских равнин, но количество осадков здесь выше — до 500—600 мм. Климат горной полосы менее континентальный, чем на равнинах⁹. В зависимости от климата на территории области выделяют:

— холодную зону, которая охватывает горную полосу Северного Урала и частично заходит на Средний Урал. Эта территория избыточно увлажнена и имеет скудные ресурсы тепла. Возможности полеводства практически сведены к минимуму;

— умеренно холодную зону — таежную полосу Среднего Урала, север таежного Зауралья. Для нее характерна высокая увлажненность, но температурные ресурсы выше. Это расширяет возможности ведения земледелия, в т. ч. выращивания зерновых (ячмень, овес, рожь), льна, овощей;

— умеренную зону, которая охватывает лесистые равнины Среднего Предуралья и значительную часть Зауралья. Зона благоприятна для выращивания картофеля, овощей, зерновых, в т. ч. ранних сортов пшеницы, льна;

⁸ См.: Камар И. В. География хозяйства Урала. М., 1964. С. 15.

⁹ См.: Там же.

— умеренно теплую зону — районы лесостепи Предуралья и Зауралья, которые характеризуются наиболее благоприятными условиями для развития земледелия.

Важную роль в формировании системы расселения играют водные ресурсы. Речная сеть Свердловской области принадлежит к бассейну Тобола и только на юго-западе — к бассейну Камы. Наиболее мощные водные артерии Среднего Урала — это главные притоки Тобола реки Исеть, Тура, Тавда. К бассейну Камы относится река Уфа, протекающая по территории области, однако она не имеет судоходного значения. Судоходны лишь Тавда, частично Тура, они используются как сплавные пути. Средний Урал по диагонали пересекает река Чусовая. Самые восточные горные гряды усеяны озерами, цепочка которых продолжается и на Южном Урале. Неравномерность распределения водных источников по территории области придает остроту проблемам водоснабжения отдельных районов, особенно восточных предгорий, где сосредоточены главные минеральные ресурсы области.

На территории области преобладают ландшафты лесной зоны. Только на юго-востоке Зауралья и на юго-западе области, в бассейне реки Уфы, их сменяет лесостепь. Особенно отчетливо смена природных зон прослеживается в Зауралье. На севере, в бассейне реки Тавды и отчасти Туры, преобладают сосновые леса, в речных долинах — еловые леса, отдельные массивы кедра, осинники и березовые леса. Чрезвычайно широко распространены болота. Здесь представлены болотные, подзолистые почвы. Наиболее плодородные и удобные для земледелия почвы приурочены к долинам рек.

Южнее Туры и на востоке Тавдинско-Туринского междуречья площадь болот уменьшается, а на водоразделах господствуют леса (сосновые боры и березняки). Развита подзолистая, дерново-подзолистая, серые почвы, местами луговые черноземы. Еще далее к югу распространение получают березовые леса. В бассейнах рек Исеть, Пышма, Ница они сменяются березовой лесостепью с пестрым почвенным покровом, включающим массивы черноземов.

В горной полосе преобладает темнохвойная тайга, почвы — горно-таежные подзолистые и кислые неоподзоленные. На сниженных частях Среднего Урала смена растительности проявляется

слабо. Здесь господствует пихтово-еловая тайга с примесью широколиственных пород, встречаются березняки.

Своеобразны ландшафты предуральских холмистых равнин, занимающих юго-запад области. Здесь распространены широколиственные и еловые леса с примесью пихты, серые и дерново-подзолистые почвы, а также лесостепь с березовыми колками и небольшими дубовыми рощицами на оподзоленных черноземах.

В целом, в почвенном покрове Свердловской области преобладают малоплодородные земли. Черноземами занято только 11,3 % территории, серыми лесными и дерново-луговыми почвами — 12,9 %, дерново-подзолистыми — 14,8 %, подзолистыми — 36,7 %, болотными и заболоченными — 18,2 % и прочими — 6,1 %¹⁰. Лесные массивы занимают более половины области.

Средний Урал отличается поразительным разнообразием природных ископаемых. Здесь представлено около половины минералов, известных в природе. На западных склонах обнаружены залежи бурых железняков, месторождения известняков, кварцитов и разных строительных материалов. На восточных склонах Уральского хребта имеются месторождения рудного и нерудного горного сырья — титано-магнетитов, магнитных железняков северной группы, медно-колчеданных руд красноуральской, кировградской и среднеуральской групп, залежи платины, на севере — бокситоносный бассейн, залежи бурых углей Богословского месторождения. Широко известны Березовские золотые рудники, Алапаевский и Каменск-Уральский железорудные районы, залежи некоторых редких металлов, самоцветных и драгоценных камней (особенно в верховьях рек Нейвы, Режа, Пышмы), Баженовское месторождение асбеста. В Зауралье промышленное значение имеют Егоршинское и Махневское месторождения антрацитов и каменного угля.

Разработка полезных ископаемых облегчается концентрацией их в крупных месторождениях с удобными условиями залегания. Примерами могут служить месторождения железных руд гор Высокой, Благодати, Качканара, залежи бурого угля Богословского, асбеста Баженовского месторождений и др., где сооружены крупнейшие карьеры и разрезы.

¹⁰ См.: Камар И. В. География хозяйства Урала. С. 18.

В целом Свердловская область занимает на Урале первое или одно из первых мест по запасам многих важнейших видов горного сырья — железа, меди бокситов, платины, асбеста, серы. Так, например, на нее приходится свыше 85 % всех разведанных ресурсов уральских железных руд¹¹. Природно-географические условия Свердловской области предопределили структуру ее экономики. В частности, приоритетное развитие промышленного, прежде всего горно-заводского, производства и второстепенную роль сельского хозяйства. В 1930—1940-е гг. в ходе индустриализации усиливается промышленная составляющая экономики области, здесь формируется многоотраслевой народно-хозяйственный комплекс, где, помимо горно-заводского производства, получили развитие машиностроение, химическая и лесная промышленность.

Отдельные районы Свердловской области имеют свои специфические особенности, которые нашли отражение в структуре экономики. На севере Свердловской области, включающем часть горного Урала с прилегающей территорией Зауральского пенепплена, представлены разнообразные горно-заводские производства, а также крупная лесная промышленность. Центры — Серов, Краснотурьинск, Североуральск, Карпинск. В северо-восточном Зауралье складывается лесопромышленный район, лежащий в бассейне рек Тавды и Туры. В центральной части Среднего Урала располагается старопромышленный район (центры — Екатеринбург, Нижний Тагил, Каменск-Уральский) с типичным для Урала разнообразием профилей производства. Здесь получили развитие металлургия, металлообработка, химия, горно-добывающая, лесная промышленность.

Для промышленности Среднего Урала характерно линейное расположение территориально-производственных узлов и центров. Огромная промышленная полоса, почти сплошная в центральной части района (Нижний Тагил — Екатеринбург) и прерывистая по окраинам, протягивается по восточным предгорьям Урала. Отдельные менее крупные полосы располагаются по западным склонам (Кизел — Чусовой).

¹¹ Комар И. В. География хозяйства Урала. С. 15.

На территорию области приходится около 1/3 железнодорожных линий всей общеуральской сети¹². Обеспеченность транспортными коммуникациями здесь несколько выше, чем в соседних областях, и это определяет роль Свердловской области в Уральском регионе в качестве транспортного узла.

Сельское хозяйство, напротив, играет несколько меньшую роль, чем в других областях Урала, и ориентировано на внутрирегиональные потребности. Сельскохозяйственные угодья занимают только 16 % площади¹³. Половина всех сельскохозяйственных земель приурочена к лесостепному Зауралью, где они занимают более 2/5 территории. Сильно распахана и лесостепь Предуралья. Значительно ниже сельскохозяйственная освоенность горного Среднего Урала, лесного Предуралья и Зауралья, где на пашни приходится 11—15 % всех земель. Менее всего освоен под земледелие Северный Урал и север таежного Зауралья.

В широтном плане наименее заселены северные районы Свердловской области, Северный Урал, причем тоже неравномерно. В горной зоне плотность населения несколько выше, чем в Зауралье. Здесь сосредоточено преимущественно промышленное население. Преобладает расселение отдельными очагами, образующими южнее более крупные группы городов и значительно более частую сеть поселений.

Таким образом, заселенность Среднего Урала увеличивается в широтном направлении от его окраинных частей к центральным. Это касается как плотности населения, так и густоты сельского расселения. В меридиональном направлении изменение плотности выражено менее отчетливо. Для значительной части Урала отмечается волнообразное нарастание общей плотности населения от Предуралья к области Зауральского пенепплена, а затем довольно резкое снижение густоты заселенности на окраинах Зауралья. Именно из-за слабой заселенности восточных окраин Зауралья последнее имеет в целом несколько меньшую плотность населения, чем Предуралье. По плотности же сельского населения первое место прочно

¹² См.: *Комар И. В.* География хозяйства Урала. С. 12.

¹³ Там же. С. 28.

занимает Предуралье, на втором — Зауралье и на последнем — горный Урал¹⁴.

На распределение плотности населения на Среднем Урале наряду с различиями между Предуральем и Зауральем, влияют также почвенно-климатические условия, которые сочетаются с воздействием экономических, исторических и прочих факторов.

Заселение территории в XV—XX вв.: исторический аспект

Первоначальное заселение Урала началось еще в каменном веке (предположительно 200 тыс. лет назад)¹⁵. Однако активное хозяйственное освоение края принято связывать с русской колонизацией. Первые упоминания такого рода содержатся в летописях XII в., где рассказывается о походах новгородских дружин для сбора дани с местных племен. С присоединением Новгорода к Московскому государству территории Верхнего и Среднего Прикамья также входят в его состав. С этого времени поток переселенцев на уральские земли возрастает, и здесь появляются первые русские поселения.

В истории заселения территории Среднего Урала русскими можно выделить несколько этапов. Начальный период (XV—XVII вв.) связан с сельскохозяйственным освоением территорий сначала Прикамья, а затем Зауралья. Основной формой заселения в этот период выступает стихийная колонизация отчасти беглых крестьян, охочих людей, но основную массу переселенцев составляли черносошные крестьяне. В это время оформляется и два основных потока переселения: 1) выходцы из северных поморских районов страны осваивают в основном Средний Урал; 2) выходцы из центральных и поволжских районов начиная со второй половины XVI в. переселяются на вятские земли и в южные районы Урала¹⁶.

¹⁴ См.: *Комар И. В.* Урал: Экономико-географическая характеристика. М., 1959. С. 153.

¹⁵ См. об этом: *Уральская историческая энциклопедия*. Екатеринбург, 2000. С. 543.

¹⁶ См.: *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 96.

Первые населенные пункты — крестьянские поселения (села и деревни), остроги и города — возникают вдоль речных путей. В начале XV в. на Верхней Каме строится первый русский укрепленный городок Анфаловский, в 1430 г. закладывается поселение, выросшее затем в город Усолье Камское. Таким образом, осваиваются в первую очередь северные районы Урала. Разгром Сибирского ханства дружинами Ермака (1581—1584) придал новый толчок переселенческим процессам. Этому способствовала и политика государства, поощрявшего все формы колонизации. Переселенцам предоставлялось временное освобождение от налогов, помощь в виде скота, орудий труда, денежных ссуд. Правительство было заинтересовано в укреплении восточных границ и создании здесь сети опорных центров — острогов и городов. Всего в Перми Великой в конце XVI в. насчитывалось 223 сельских населенных пункта, из которых 34,5 % составляли починки — небольшие сельскохозяйственные поселения, состоящие из 1—4 дворов¹⁷.

В XVI в. на территории Среднего Урала были образованы Чердынский и Соликамский уезды. К 1710 г. Соликамский уезд, по сведениям Г. Н. Чагина, включал 5 погостов, 7 слобод, 147 деревень, 80 починков с населением более 7 тыс. человек. В Чердынском уезде отмечены 23 погоста, 6 сел, 181 деревня, 44 починка. Активно заселялась и росла вотчина Строгановых. Точных данных о ее поселенческой сети нет, однако только на территории двух присудов — Орловского и Чусовского — к 1711 г. насчитывалось 3 городка, 4 острожка, 16 погостов, 25 сел, 4 сельца, 267 деревень, 210 починков¹⁸.

В основном поселения располагались по берегам рек, однако в XVII в. приречный тип заселения дополняется водораздельным. Характерной чертой расселения на Урале стало распространение пригородного редкоочагового типа. Так, в Чердынском и Соликамском уездах все поселения располагались в среднем в 10—20 км от городов. Данные типы расселения, сложившиеся в XVI—XVII вв., сохранились в последующий период.

¹⁷ См.: *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. С. 119.

¹⁸ См.: *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 33, 37, 39.

Особую роль в заселении территории Зауралья сыграл транзитный путь в Сибирь, который проходил через северные районы. Здесь возникают ямщицкие селения и опорные центры освоения края — Лозьва, Пелым, Верхотурье, Туринск. В Зауралье с конца XVI в. по реке Туре, а затем южнее — по рекам Тагилу, Нейве, Нице — появляются сначала небольшие крестьянские селения. В первой четверти XVII в. возникают и более крупные поселения — слободы, вокруг которых группировались деревни и починки. С 40—50-х гг. XVII в. стали заселяться бассейны рек Пышма, Исеть, Миасс, а также верховья Чусовой. Сложившийся здесь земледельческий район стал важной частью житницы Сибири XVII в. Это обуславливалось как удобным географическим положением, так и благоприятными природно-климатическими условиями.

В середине XVII в. были образованы Верхотурский и Кунгурский уезды. Территория Кунгурского уезда охватывала среднее и верхнее течение реки Сылвы. В 1624 г. здесь насчитывалось 67 юрт татар и остяков, 4 юрты марийцев, 1 юрта мордвы. Освоение и заселение Кунгурского уезда русскими начиналось с создания очагов вотчинно-монастырского землевладения, а также формирования поселений беглыми крестьянами. При этом существовала постоянная угроза нападения башкир, что вызвало необходимость возводить в первую очередь остроги. По данным 1719 г. численность русского населения Кунгурского уезда достигла более 20 тыс. человек, которые проживали в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках, 1 пустыни. В уезде сложился наиболее пестрый национальный состав — татары, марийцы, удмурты, чуваш. По переписи 1719 г. татары численностью 1 470 человек мужского пола проживали в 52 деревнях и имели 455 юрт, марийцы — в 11 деревнях, имели 208 юрт¹⁹.

В Верхотурском уезде до прихода русских проживали манси и татары. В 1624 г. русское население обосновалось в трех волостях — Подгорной, Тагильской и Невьянской. Всего в 1624 г. в Верхотурском уезде были 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки с 490 жителями мужского пола. В 1640-е гг. здесь насчитывается уже 19 слобод —

¹⁹ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. С. 45, 47.

Рудная, Киргинская, Ницинская, Краснослободский острог, Краснополюская, Мурзинская слободы, Арамашевская, Тагильская, Ирбитская и др. А к 1710 г. в Верхотурье и уезде проживали 33 тыс. человек. На его территории находились 2 завода (Алапаевский и Невьянский), 11 погостов, 14 слобод, 54 заимки, одно село, 262 деревни²⁰.

Таким образом, в XVI—XVII вв. формируется первичная поселенческая сеть, ориентированная на сельскохозяйственное освоение территорий Предуралья и Зауралья.

Следующий этап освоения территории Среднего Урала (XVIII — середина XIX в.) характеризуется тем, что аграрное расселение дополняется промышленным и приобретает специфические черты, связанные с созданием одного из горно-заводских центров Российской империи. Первоначально здесь были построены Невьянский, Каменский (1701), Уктусский (1702), Алапаевский (1703) заводы. А затем территория Среднего Урала буквально покрылась сетью заводов и приисков. Наибольшее число предприятий было построено в Верхотурском, Кунгурском, Пермском уездах. В результате формируется новый тип несельскохозяйственных поселений — заводских, приисковых, придавших особый колорит горно-заводскому Уралу.

Одновременно с промышленным освоением продолжает расширяться сеть сельскохозяйственных поселений. В XVIII в. на Среднем Урале появляется новое явление — приписная деревня, жители которой были обязаны принимать участие в строительстве заводов и заводском производстве. Рост горно-заводской промышленности и населения в свою очередь стимулировал развитие земледелия, главным образом по рекам Исети, Пышме, Нице.

Во второй половине XVIII в. завершилось формирование основной сети сухопутных дорог. С ними было связано распространение притрактовых поселений, которые в переписных материалах 1869 г. составили около 2 %. Больше всего сел и деревень располагалось по Сибирскому (115) и Чердынскому (45) тракту²¹.

²⁰ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. С. 65.

²¹ См.: Там же. С. 102.

В конце XVIII в. завершается административное устройство края. В 1797 г. на месте Пермского наместничества была образована Пермская губерния с 12 уездами, которая включала, помимо ранее созданных Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Верхотурского, новые — Пермский, Оханский, Осинский, Красноуфимский, Камышловский, Екатеринбургский, Ирбитский, Шадринский уезды. Это административное деление сохранилось до 1918 г.

К концу XVIII в. оформилась также сеть городов, сохранившаяся вплоть до начала XX в. В Пермской губернии насчитывалось 15 официально зарегистрированных городов, в т. ч. один губернский — Пермь (1781), 11 уездных — Верхотурье, Камышлов, Красноуфимск, Ирбит, Екатеринбург, Кунгур, Оса, Оханск, Соликамск, Чердынь, Шадринск, 3 заштатных — Алапаевск, Дедюхин, Далматов. Города формировались в первую очередь как административные центры, выполнявшие функции военной защиты и управления прилегающей сельскохозяйственной территорией. Наряду с официальными городами на Среднем Урале сложилась сеть крупных заводских поселений — Нижний Тагил, Невьянский, Каменский, Михайловский, Ревдинский, Полевской, Верхнесалдинский, Висимо-Уткинский и другие заводы, которые по своим параметрам не уступали полноценным городам. По мнению В. П. Семенова-Тян-Шанского, Средний Урал в конце XIX в. представлял собой «сгущение городской жизни»²².

Рост городов и заводских поселков способствовал оформлению каркаса системы расселения, т. е. тех административных, торговых и промышленных центров, вокруг которых продолжалось активное освоение земель. Итоги заселения Среднего Урала к концу XVIII в. можно проследить по материалам Пятой ревизии 1795 г. На территории Пермской губернии в этот период проживало 881 902 человека. Доля русских составила 87 %. Общая численность сельских поселений достигла 6 153, в т. ч. нерусское население проживало в 301 населенном пункте²³. К середине XIX в. общее коли-

²² Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. С. 167.

²³ См.: Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX—XX вв. Екатеринбург, 2002. С. 26.

чество сельских поселений Пермской губернии выросло по сравнению с 1795 г. в 1,3 раза и составило в 1857 г. 8 260²⁴. Продолжалось интенсивное заселение речных долин: в частности, по берегам рек и озер располагалось 83,5 % населенных пунктов, на водоразделах — 7,4 %²⁵.

С середины XIX в. начинается новый этап развития системы расселения, который связан с ее перестройкой в соответствии с новыми условиями начавшейся индустриализации. Промышленное развитие территории в этот период было связано с освоением ресурсов Северного Урала и строительством железных дорог. Последнее обстоятельство повлияло на появление нового азонального варианта расселения — железнодорожного, представленного совокупностью транспортных поселений — станций, железнодорожных переездов, казарм, будок, ориентированных на обслуживание железной дороги. Кроме того, железнодорожная сеть стала своеобразной сферой притяжения. В зоне ее влияния активно шел процесс дальнейшего освоения территории, способствуя росту уже существующих поселений и появлению новых.

В Пермской губернии железнодорожное строительство развернулось в 1870-е гг. Сначала была построена Уральская горно-заводская дорога Пермь — Екатеринбург (467 верст), затем линия от Чусовой до Березников. Дорога связала важнейшие горно-заводские центры Среднего Урала, соединила их с Кизеловским угольным бассейном и Камой. В 1883—1885 гг. была построена новая линия Екатеринбург — Тюмень с веткой к Каменскому заводу. В начале XX в. строятся дороги внутреннего значения: ветка Гороблагодатская — Надеждинский завод (1906), Екатеринбург — Тавда (1916), Нижний Тагил — Нижняя Салда — Алапаевск (1910—1912), Западно-Уральская дорога (1916).

К началу XX в. на Среднем Урале сформировалась уже достаточно развернутая сеть железных дорог. Промышленное и железнодорожное строительство придало ускорение процессам урбани-

²⁴ См.: Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73.

²⁵ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. С. 101—102.

зации, которые нашли отражение в росте городского населения, усилении сельской миграции, появлении новых и росте старых промышленных поселений. Во второй половине XIX в. все большую роль начинают играть заводские поселения, расположенные на периферии, в частности Надеждинский, Белорецкий, Миасский, Мотовилихинский заводы.

Новым явлением в системе расселения региона стало появление поселений, связанных с созданием курортной сети. Конечно, Урал в этом отношении уступал таким регионам, как Кавказские Минеральные воды, Крым. Но и здесь благодаря изысканиям ученых были обнаружены минеральные источники, ставшие базой для формирования местного курортного комплекса. Многие источники были известны еще с XV в.: Ключи, Нижние Серьги, Усть-Качка в районе Краснокамска. В XIX в. самыми известными на Урале были Обуховские серно-соляные и железистые воды, Сергинские серно-соляные, Ключевские сернисто-щелочные, Курьинские щелочно-железистые минеральные воды, вокруг которых складывается курортный тип расселения. Так, например, Сергинский минеральный источник, расположенный в Красноуфимском уезде близ Нижнесергинского завода, стал использоваться для лечения ревматизма с 1830 г.

Характерной особенностью этого периода стала возрастающая роль государства в развитии поселенческой сети. В частности, значительное влияние оказали реформы 1860—1870-х гг., особенно связанные с деятельностью земств. Земства проводили большую работу по землеустройству, перепланировке поселений, организации водоснабжения, строительству в сельской местности школ, библиотек, лечебных учреждений. Все это в совокупности способствовало трансформации традиционной деревни в новое качество. Так, например, к 1910 г. было распланировано 6 470 (45,8 %) сельских поселений²⁶. В них была упорядочена усадебная застройка, прошла перепланировка улиц, в селах начинают возводиться по-

²⁶ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908—1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 62—63.

стройки из кирпича, т. е. в структуру сельских поселений проникают элементы городской среды. Перемены затронули прежде всего крупные населенные пункты — волостные центры, где в первую очередь стали строить школы, библиотеки, медицинские учреждения. По данным учета населенных мест Пермской губернии на 1908 г. в уездах губернии насчитывалось 511 библиотек, 113 больниц, 227 фельдшерских пунктов, 80 ветеринарных пунктов, 1 279 министерских, 366 церковно-приходских школ и 382 школы грамоты²⁷. Появление новых элементов инфраструктуры в сельской местности стало отражением начального этапа урбанизации.

Однако несмотря на нововведения расселение в этот период продолжает сохранять свой традиционный вид. Более того, происходит экстенсивное расширение сети сельскохозяйственных поселений, рост их численности. Этому способствовали, в частности, столыпинские преобразования.

В целом, динамика сельского расселения на рубеже XIX—XX вв. характеризуется ростом численности сельских поселений, в результате чего заселение и освоение территории Пермской губернии, особенно ее центральных и южных уездов, приобретает достаточно равномерный характер. Этому способствует та демографическая и экономическая ситуация, которая сложилась в регионе, дополненная рядом политических решений. Всего в 1893 г. по данным земской статистики в Пермской губернии насчитывается 12 759 селений²⁸. К 1908 г. их число выросло до 14 137, а численность населения составила 3 109 178 человек. По-прежнему в структуре расселения преобладал приречный тип — более 88 % сельских поселений располагалось при реках, 4,1 % — около озер и только 7 % — около колодцев²⁹.

История заселения Среднего Урала во многом предопределила современную картину размещения народов: чересполосность их

²⁷ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 14.

²⁸ См.: Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73.

²⁹ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 21.

расселения, смешанный этнографический состав населения городов и значительной части сельских населенных пунктов. Русские составляют повсеместно самую многочисленную группу населения. Их численность особенно велика в городах и селах центральной части Среднего Урала, по восточным склонам Уральских гор. Отдельные очаги башкирских селений располагались по правым притокам Исети — среднему течению Миасса, по рекам Тече и Синаре и ряду других мест. Селения удмуртов встречаются в междуречье рек Буй и Быстрый Таныш, по среднему течению реки Белой и по реке Бисерти. Манси в пределах Уральского района живут в основном по реке Пелым и верхнему течению реки Лозьвы. Довольно сильно рассеяны по территории Урала татары. Татаро-башкирские поселения густо представлены к западу от реки Белой, по рекам Тулве, Сылве (Пермская область), Уфе, Нипе (Свердловская область), по Старой Казанской дороге (Оренбургская область) и в Челябинской области. В районе реки Уфы на юго-западе Свердловской области располагаются селения марийцев. В целом, наиболее однородный состав населения имеют Зауралье и горный Урал, Предуралье в этническом плане представляет собой более пеструю картину.

К началу XX в. система расселения на Среднем Урале входит в начальную стадию урбанизации, которая определяет направленность трансформации поселенческой сети. Однако изменения накапливаются постепенно, и базисные характеристики расселения сохраняются на традиционном уровне.

Демографическая ситуация и сельское расселение в XX в.

В комплексе факторов, влияющих на развитие поселенческой сети, большое значение имеет демографический ресурс. Народонаселение, будучи важнейшей составной частью расселения, определяет динамику поселенческой сети, направленность ее изменений — расширение или сжатие, укрупнение или измельчение. Причем каждая стадия эволюции расселения соотносится с определенным типом демографического поведения.

Для аграрного общества свойственна своя демографическая модель. В частности, для него характерна небольшая продолжительность жизни — в среднем 25—30 лет, высокий уровень смертности, особенно в детском возрасте, и высокий уровень рождаемости. Численность населения, которая выступает как итог трех составляющих — рождаемости, смертности и миграции, в прединдустриальную эпоху нестабильна и подвержена значительным колебаниям под влиянием различных внешних обстоятельств — войн, эпидемий, голода и пр.

Формирование индустриального общества накладывает свой отпечаток на демографическую ситуацию. Сначала наблюдается быстрый рост численности населения в результате процессов, получивших среди демографов название демографической революции. Для начальной стадии демографической революции характерно сохранение высокого уровня рождаемости, который начинает снижаться только в конце 1940-х гг. С другой стороны, происходит снижение смертности в результате усовершенствования родовспоможения, развития медицины и улучшения условий жизни. После Второй мировой войны показатели смертности продолжали падать, но по прошествии непродолжительного времени стабилизировались. Соотношение динамики смертности и рождаемости привело к резкому росту численности населения — демографическому взрыву. В большинстве стран Западной Европы он происходит в конце XIX в. В России этот этап оказался затянутым в связи с отставанием модернизационных процессов и последствиями демографических катастроф — войн и революций. По мнению ряда исследователей, демографический взрыв в России и на Урале так и не состоялся, он оказался сглаженным событиями первой половины XX в. Тем не менее переход к новой модели демографического поведения все же имел место и завершился к середине 1950-х гг.³⁰

Процесс, начинающийся снижением смертности и заканчивающийся падением рождаемости, обозначается термином демографического перехода. Продолжительность жизни на этой стадии возрастает до 70—78 лет. Если в прединдустриальном обществе

³⁰ См.: Население Урала, XX век. С. 13—14.

смертность была важнейшим фактором, определявшим демографическую картину (от нее зависели брачность, рождаемость, миграция), то в новых условиях вместе со снижением смертности начинает внедряться регулирование рождаемости, и на смену «естественной рождаемости» приходит практика ограничения числа детей.

Поворотным моментом в демографическом развитии стал 1965-й г. Показатели роста населения в западных странах в этот период начинают падать, а затем проявляется тенденция депопуляции, когда уровень смертности населения начинает превосходить рождаемость. В Западной Германии, например, с 1971 г. ежегодно умирало людей больше, чем рождалось³¹. В нашей стране такое соотношение фиксируется только в 1990-е гг., хотя в отдельных регионах тенденции депопуляции начинают проявляться раньше. Причем причины снижения численности населения на этой стадии отличны от аграрной: оно происходит главным образом за счет падения рождаемости при стабилизации показателей смертности.

Эти общие закономерности демографического развития нашли отражение в демографических процессах, протекающих на Урале. В 1897 г. на Урале насчитывалось 6 791,1 тыс. человек (в том числе в Пермской губернии 2 994,3 тыс.), к 1989 г. общая численность населения Урала составила 20 279,3 тыс. человек, т. е. выросла почти в 3 раза³². Причем городское население Урала за этот период увеличилось в 34,5 раза, а сельское, напротив, сократилось в 1,2 раза.

Общая тенденция роста численности населения, наблюдаемая на протяжении прошлого века, не всегда была однозначной. Достаточно стабильный рост населения в начале века сменился сокращением под влиянием событий Первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны. Эта ситуация прослеживается вплоть до 1923 г. Так, например, между переписями 1920 и 1923 гг. число жителей Урала, объединявших территорию современных пяти областей и двух республик, уменьшилось на 581 тыс. человек. Крайне низким был естественный прирост. Заводы были разрушены.

³¹ См.: От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 207.

³² См.: Население Урала, XX век. С. 136, 143.

Шахты затоплены, значительная часть рабочих переселилась в деревню, где было больше шансов выжить. В этот период основная часть населения Урала проживала в сельской местности (к началу 1926 г. — 83,1 %) ³³. Характерной чертой региона была низкая миграционная активность, свойственная доиндустриальному периоду. С 1923 г. ситуация сначала стабилизируется, а затем меняется в сторону положительного прироста.

Эти же тенденции были характерны для динамики и структуры населения территорий, вошедших в 1934 г. в состав Свердловской области. Общий рост населения с 1923 по 1989 г. составил 235,2 %, в том числе городское население выросло почти в 8 раз, а сельское сократилось в 2,4 раза (табл. 5.1). Высокие темпы и уровень урбанизации области без сомнения наложили отпечаток на динамику численности городского и сельского населения и их соотношение.

Таблица 5.1

*Численность населения Свердловской области в XX в. **

Годы	Население, тыс. чел.		
	Всего	В том числе	
		городское	сельское
1923	2 005,7	514,7	1 491,0
1926	1 716,0	557,0	1 159,0
1939	2 610,3	1 554,5	1 055,8
1941	2 596,5	1 579,9	1 016,6
1946	2 764,4	1 968,7	794,7
1956	3 727,0	2 749,0	978,0
1959	4 044,7	3 074,3	970,4
1960	4 057,8	3 117,4	940,4
1970	4 319,7	3 485,0	834,7
1980	4 472,5	3 809,1	663,4
1989	4 716,7	4 107,4	609,3

* Источник: Население Урала, XX век. С. 136—143.

³³ См.: Население Урала, XX век. С. 17.

В 1926 г. горожане составили 32,4 %, к 1939 г. их удельный вес вырос до 59,6 %, что свидетельствует о переходе к индустриальной стадии. К 1989 г. в Свердловской области в целом завершился модернизационный переход, связанный с формированием индустриального, урбанизированного общества. Удельный вес городского населения достиг 87,1 %.

При анализе динамики населения Свердловской области можно выделить два временных отрезка, когда изменения были наиболее заметными: 1) 1926—1939 гг.; 2) 1946—1956 гг. Первый период непосредственно связан с индустриализацией, строительством новых предприятий на территории области, сопровождавшимися массовыми миграциями населения. На стройки пятилеток приезжали и присылались сотни тысяч человек. За 1926—1939 гг. прирост населения на Урале в целом составил 24,5 %, в Свердловской области — 52,1 %. Причем городское население выросло соответственно на Урале в 2,6 раза, а в Свердловской области — в 2,9 раза. Указанные изменения происходили главным образом за счет миграции населения, которая в этот период в три раза превышала величину естественного прироста³⁴. Численность сельского населения в целом по Уралу сохраняется примерно на одном уровне (прирост сельского населения за 1926—1939 гг. составил 6,9 %), в Свердловской области, напротив, наблюдается его сокращение на 8,8 %³⁵. Таким образом, Свердловская область несколько опережает другие территории Уральского региона, вступая в 1930-е гг. в стадию урбанизационного перехода.

Значительную роль в увеличении численности жителей областей Урала сыграла политика государства, связанная с раскулачиванием, высылкой на Средний и Северный Урал тысяч спецпереселенцев, а также с созданием лагерных систем. Так, например, на 1.01.1941 г. численность ссыльных, размещенных на территории Урала, составила 225 928 человек, в том числе в Свердловской области было сосредоточено 39,8 %, или 89 919 чел.³⁶

³⁴ См.: Население Урала, XX век. С. 18.

³⁵ Рассчитано по: Там же. С. 136, 138.

³⁶ См.: Расчет проведен по данным: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 214—220; Д. 257. Л. 104; Д. 435. Л. 134.

Опережающие темпы роста населения Среднего Урала сохранялись в военные и послевоенные годы. За 1939—1959 гг. население СССР увеличилось на 9,5 %, РСФСР — на 8,4 %, а Уральского региона — на 37,5 %³⁷. В Свердловской области темп прироста составил 54,9 %³⁸. Одновременно происходит снижение численности сельского населения, в целом по Уралу — на 23,1 %, по Свердловской области — на 8,1 %.

Несмотря на тенденцию роста населения региона, по мнению ряда исследователей, в 1920—1930-е гг. и особенно в годы Великой Отечественной войны демографическому потенциалу Урала был нанесен большой урон³⁹. Положительная динамика формируется под влиянием внешнего фактора — миграции, по большей части принудительной, что влияет на структуру населения, его социально-культурный облик. Естественный прирост населения в этот период был незначительным и определялся неблагоприятными факторами, объективно влиявшими на рост показателей смертности при достаточно низком уровне рождаемости. Среди причин смертности выделялись события, связанные с голодом 1932—1933 гг., массовыми репрессиями, раскулачиванием, низким уровнем медицинского обслуживания. В 1930—1940-е гг. миграционный приток в регион компенсировал потери населения, связанные с естественным движением.

Демографическая ситуация меняется в послевоенный период. Рост населения Свердловской области в 1946—1956 гг. был связан в первую очередь с естественными факторами — ростом рождаемости, и уже во вторую — с миграцией. К концу 1950-х гг. механический приток населения сокращается, преобладающим фактором изменения численности населения становится естественный прирост. Одновременно усиливается миграционный отток населения в другие регионы страны.

В 1960—1970-е гг. по темпам роста населения Свердловская область начинает отставать от средних показателей по региону

³⁷ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX в. М., 2000. С. 188.

³⁸ Рассчитано по: Население Урала, XX век. С. 136, 138.

³⁹ См.: Там же. С. 34.

и России. За период с 1959 по 1970 г. население РСФСР увеличилось на 10,7 %, Урала — на 8,4 %, а в Свердловской области прирост составил всего 6,8 %. Городское население Урала выросло на 21,0 %, а численность сельчан снизилась на 8,9 %, в Свердловской области соответственно +13,4 %, –14,0 %, демонстрируя более низкие темпы прироста городских жителей, чем по Уральскому региону, и более высокие показатели сокращения численности сельского населения. И это не случайно: темпы роста горожан были наиболее высокими там, где был выше удельный вес сельских жителей, в частности в Башкирии, Удмуртии, Курганской и Оренбургской областях. Убыль сельского населения была напрямую связана с интенсивностью сельской миграции. Будучи наиболее урбанизированной территорией Урала и обладая развитой сетью городов, Свердловская область раньше других пережила соответствующую стадию урбанизации.

Высокие темпы сокращения сельского населения свойственны третьей стадии урбанизации (по Дж. Джиббсу). В нашей стране она приходится на 1960-е гг. В РСФСР только за 1963—1967 гг. в результате миграции отток населения из сельской местности составил 4,7 млн человек. А в связи с административными преобразованиями численность сельского населения уменьшилась еще на 1,4 млн человек. В 1963—1967 гг. в РСФСР было преобразовано в рабочие поселки 202 сельских населенных пункта⁴⁰. В целом отток из села в 2,5 раза превышал естественный прирост, приводя к кризису и деформации половозрастной структуры сельского населения.

Правительство обратило внимание на сельскую миграцию только в 1960-е гг., когда ее негативные последствия стали непосредственно отражаться на состоянии сельскохозяйственного производства. Проблема трудовых ресурсов и закрепления молодежи на селе в этот период выходит на первый план. Ситуация осложнялась тем, что сельскохозяйственная отрасль оставалась самой трудоемкой, а условия труда и жизни сельских жителей — наиболее тяжелыми.

Собственно говоря, сельская миграция становится заметным фактором уже в послевоенный период. Но наличие административ-

⁴⁰ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9709. Л. 74.

ных ограничений (отсутствие паспортов у колхозников) позволяло контролировать это явление, придать ему организованный характер. Распространенным вариантом среди колхозников было отходничество на промышленные предприятия. Значительная часть трудоспособных мужчин «уходила» от работы в колхозе через систему оргнаборов. В письме одного из жителей Костромской области, составленного в 1948 г., говорилось: «Почти из каждого хозяйства, оставшегося в колхозе, по 2—3 человека молодых парней проживают в городской местности»⁴¹. Имели место формы принудительной миграции, в частности разнарядка на работы в лесопромышленной и торфодобывающей отраслях. По сведениям О. М. Вербицкой, только в 1947 г. на временную работу в торфодобывающих организациях предполагалось направить более 1 млн трудоспособных работников сельского хозяйства⁴².

В 1950-е гг., кроме организованных потоков мигрантов, все более заметной становится стихийная миграция, удельный вес которой в общем потоке покинувших деревню в промышленных регионах страны достиг 35—63 %⁴³. И хотя был предпринят ряд шагов, направленных на смягчение ситуации, они не достигли желаемых результатов. В числе таких мероприятий была организация сельскохозяйственного переселения в трудодефицитные районы страны (частично захватывалось Зауралье, но прежде всего — Сибирь, Дальний Восток), направление на руководящую работу в колхозы специалистов с высшим и средним образованием, подъем целины. В конце 1950-х гг. были приняты решения, направленные на повышение доходов сельского населения, улучшение системы социального обеспечения. Несмотря на это поток мигрантов продолжал возрастать, достигнув в 1960-е гг. своего пика. Если в 1940—1950-е гг. основной причиной бегства из колхозов было недовольство колхозников системой оплаты труда и низким уровнем жизни по сравнению с городом, то в 1960—1970-е гг. мотивы миграции становятся

⁴¹ Цит. по: Горбачев О. В. На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. С. 96.

⁴² См.: Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939—1959 гг.: Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 192.

⁴³ См.: Там же. С. 194.

более разнообразными: от недовольства пенсией — до конфликтов с руководством.

Подчеркивая закономерность сельской миграции на определенной стадии развития урбанизации, вместе с тем хотелось бы отметить ее гипертрофированный характер, обусловленный низким уровнем социально-экономического развития сельской местности и непродуманной политикой государства. Разрыв между городом и деревней не только не сократился за предшествующие десятилетия, но, напротив, вырос, предоставляя горожанам более благоприятные условия жизни и социальные привилегии.

В целом по всем областям и республикам Уральского региона в 1963—1967 гг. миграционный отток в сельской местности превышал естественный прирост, а в Свердловской и Пермской областях этот разрыв был наиболее заметным. В Свердловской области потери населения за счет механического движения (миграции) превысили естественный прирост в 3,6 раза (табл. 5.2).

Не только миграция в города осложняла ситуацию, большое значение для формирования неблагоприятной демографической структуры на Урале в 1960-е гг. имела миграция в другие регионы СССР — на Северный Кавказ, в северо-западные районы, на Дальний Восток. Рост миграции во многом был связан с преобразованиями в промышленной сфере: реконструкция предприятий и внедрение новой техники объективно способствовали освобождению значительного количества рабочих рук из производства. С другой стороны, на формирование миграционных настроений населения оказывали непосредственное влияние такие факторы, как ухудшение экологической обстановки, слабое развитие социальной инфраструктуры, неудовлетворенность жильем и уровнем заработной платы.

Межрайонная миграция в этот период становится важнейшим фактором, выполняя уже не компенсаторную функцию, а, напротив, усиливая процессы депопуляции сельской местности и ухудшая демографическую ситуацию в целом в регионе. Абсолютная величина миграционного оттока из Уральского региона в 1959—1970 гг. составила 1 107,8 тыс. человек (без учета Башкирской АССР). Причем 4/5 миграционного оттока приходится на наиболее

Таблица 5.2

*Естественный и механический прирост сельского населения
Уральского региона в 1963—1967 гг., тыс. чел. **

Республика, область	Численность сельского населения в 1963 г.	Изменения в приросте			Численность населения на начало 1968 г.
		Естествен- ный прирост	Выбытие		
			в целом	за счет административ- ных преобразо- ваний	
РСФСР	53 394,0	2 490,6	7 432,0	1 345,6	49 798,2
Уральский экономический район**	5 114,9	272,6	668,9	35,8	4 754,4
Курганская	684,6	30,0	71,7	2,2	645,1
Оренбургская	1 026,9	75,3	119,3	7,8	990,7
Пермская	1 097,9	51,7	177,5	13,2	985,3
Свердловская	894,8	35,4	127,2	8,7	811,7
Челябинская	727,0	42,2	58,4	0,7	710,1
Удмуртская АССР	683,7	38,0	114,8	4,6	611,5
Башкирская АССР	2 097,0	186,9	304,5	39,2	2 018,6

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9709. Л. 87.

** Данные приведены без учета Башкирии, которая в этот период не включалась в состав Уральского региона.

развитые в промышленном отношении области Урала — Пермскую, Свердловскую, Челябинскую⁴⁴.

В 1960-е гг. для демографических процессов характерно снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. В 1963 г. рождаемость в РСФСР составила 21,4 ребенка на 1 тыс. человек населения, а в 1967 г. — 15,7. Снижение рождаемости было вызвано, с одной стороны, объективными факторами: фертильного возраста достигло относительно немногочисленное поколение женщин, родившихся в годы войны и послевоенный период, а с другой — формированием новой установки на создание малодетной семьи. Средняя продолжительность жизни населения РСФСР возросла с 43 лет в 1926—1927 гг. до 70 в 1965—1967 гг. В результате происходят

⁴⁴ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX в. С. 188.

сдвиги в возрастной структуре населения, получившие название постарения населения. Особенно заметна эта тенденция среди сельского населения, в структуре которого сокращается удельный вес молодежи и детей (с 37,5 % в 1963 г. до 35,5 % в 1967 г.), лиц в трудоспособном возрасте (соответственно с 47,8 до 47 %), а доля населения в возрасте старше трудоспособного возрастает с 14,8 до 17,5 %⁴⁵.

Неблагоприятная ситуация сохранялась в структуре населения по полу. В целом по РСФСР на 100 женщин, проживающих в сельской местности, приходилось 80 мужчин. Хотя удельный вес мужчин несколько увеличился, достигнув 44,5 % в 1967 г., но происходит абсолютное сокращение численности мужчин в сельской местности, хотя и не такое быстрое, как среди женщин. За 6 лет численность мужчин уменьшилась на 1,4 млн человек, а женщин — на 2,2 млн⁴⁶. В Свердловской области показатели половозрастной структуры сельского населения в целом соответствуют общероссийским, воспроизводя среднестатистическую картину (табл. 5.3).

Наименьший прирост населения Урала и Свердловской области приходится на 1970-е гг. В 1970—1979 гг. население региона выросло только на 2,2 %, а Свердловской области — на 3,1 %. В Курганской и Пермской областях наблюдается убыль населения. При этом относительно низкая динамика роста городского населения (соответственно на Урале 12,8 %, в Свердловской области — 8,6 %) сочетается с высокими темпами убыли сельского населения (16,1 и 20,1 %)⁴⁷.

Тенденция несколько меняется в 1980-е гг.: темпы роста городского населения в регионе составили в 1980—1989 гг. 109,1 %, сельского населения — 91,8 %. В Свердловской области соответственно 107,8 и 91,8 %. Рост городского населения по сравнению с предыдущими периодами замедляется, что свидетельствует о наступлении новой стадии урбанизации, когда воспроизводство демографических ресурсов города опирается на внутренние источники — есте-

⁴⁵ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9709. Л. 72—73.

⁴⁶ См.: Там же.

⁴⁷ Рассчитано по: Население Урала, XX век. С. 136, 138.

Таблица 5.3

*Половозрастная структура сельского населения
Уральского региона в 1963—1968 гг.**

Республика, область	Мужчин на 100 женщин			
	1963		1968	
	Всего	В том числе в трудоспособном возрасте	Всего	В том числе в трудоспособном возрасте
РСФСР	77	79	79	86
Уральский экономический район**	78	79	80	85
Курганская	77	80	78	86
Оренбургская	81	81	83	88
Пермская	77	78	78	85
Свердловская	79	81	80	86
Челябинская	82	81	83	87
Удмуртская АССР	74	72	75	79
Башкирская АССР	79	79	82	87

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 45. Д. 9709. Л. 81—83.

** Данные приведены без учета Башкирии, которая в этот период не включалась в состав Уральского региона.

ственный прирост, а не на миграционный приток. К этому времени утверждается новый тип демографического поведения, характерными чертами которого являются распространение модели малодетной семьи и снижение показателей рождаемости при сохранении относительно низких показателей смертности. В результате завершения демографического перехода устанавливается низкий естественный прирост населения, не обеспечивающий расширенное воспроизводство.

В сельской местности в 1980-е гг. продолжается сокращение численности населения, но не такими высокими темпами, как ранее. Отток сельских жителей в города замедляется, но показатели естественного прироста отрицательные: смертность превышает рождаемость, приводя к дальнейшему обезлюдению деревни и общему постарению населения.

Результаты негативных демографических тенденций, сложившихся во второй половине XX в., стали очевидны в 1990-е гг. Причем они были усилены социально-экономическим кризисом, переживаемым постсоветским обществом. По оценке специалистов, к концу XX в. почти 60 % ранее освоенной территории Европейской России опустело (плотность населения от 1 до 10 человек на кв. км), потеряв полностью или частично население. Сельские территории, где проживает более 10 человек на кв. км, — это в основном Юг России и пригороды. В целом заселенная и освоенная территория в России за прошлый век уменьшилась в 2 раза⁴⁸. Запустение сельской местности, забрасывание домов и целых деревень, сельскохозяйственных угодий наиболее характерны для Нечерноземья, куда относится и Свердловская область. Здесь заселенные ареалы с жизнеспособным сельским хозяйством сохранились лишь на 20 % территории, в пригородах крупных городов.

Таким образом, формирование и развитие поселенческой сети происходит под влиянием совокупности факторов. На начальной стадии освоения территории приоритетное влияние оказывает природно-географическая среда, которая определяет характер и тип заселения территории. На Среднем Урале складывается очаговая форма расселения с преобладанием приречного и приозерного типов заселения. Характерной чертой Среднего Урала стало сочетание и переплетение сельскохозяйственной и промышленной колонизации, придавшее своеобразие поселенческой сети. И в том и в другом случае природные ресурсы можно рассматривать как основной ориентир, который определял характер хозяйственного освоения территории.

Закономерности эволюции системы расселения на стадии ее становления (XVI—XIX вв.) в значительной степени связаны с особенностями демографических процессов, свойственных аграрному обществу. Ее расширение определяется двумя основными моментами — 1) интенсивностью колонизационных потоков и 2) естественным приростом. С переходом к индустриальному обществу меняется демографическое поведение, и роль демографического

⁴⁸ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 300.

фактора резко возрастает. От него в значительной степени зависит динамика и направленность развития поселенческой сети. Эффект демографического взрыва, свойственный ранней стадии демографического перехода, объективно способствует расширению системы расселения, росту числа сельских поселений, который мы можем наблюдать вплоть до конца 1930-х гг. Дальнейшее развитие процессов урбанизации и связанное с этим сокращение численности сельского населения закладывает предпосылки к сжатию, сокращению поселенческой сети. Село теряет население за счет миграции и снижения рождаемости, и это приводит к измельчанию значительной части населенных пунктов и исчезновению многих из них. В первую очередь тех, которые принято относить к малым (с численностью жителей до 200 человек). Наряду с сокращением и измельчением сельской поселенческой сети идет процесс концентрации и поляризации расселения — увеличение числа крупных и мелких поселений за счет размывания средних.

Эти тенденции, давно отмеченные в литературе и исследованные на примере многих стран и регионов, вместе с тем нуждаются в уточнении на основе анализа первичных данных — сведений о конкретных поселениях, их судьбах. Развитие каждого конкретного поселения, как и системы расселения в целом, находится под влиянием множества обстоятельств, основных и второстепенных. Оценить их воздействие можно лишь при условии выявления статистической закономерности на массовом материале.

Глава 6

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ СРЕДНЕГО УРАЛА

Расселение, несмотря на относительную устойчивость, подвержено изменениям как по количественным, так и по системным характеристикам. Динамика развития находится в тесной взаимосвязи с экономическими, социальными, политическими, демографическими аспектами развития общества. Двадцатый век с его много-

численными катаклизмами и грандиозными свершениями кардинально повлиял на перестройку поселенческой сети. Более того, по совокупности происшедших трансформаций можно с полной уверенностью говорить о переходе к новой стадии расселения, соответствующей параметрам индустриального и постиндустриального общества. Отличительными чертами этого этапа являются рост численности городов, концентрация сельского расселения в пригородных зонах, сокращение числа мелких и средних населенных пунктов.

Однако перестройка поселенческой сети происходит не сразу, она занимает достаточно продолжительное время. Вплоть до 1930-х гг. система расселения в России и на Урале сохраняет преимущественно аграрный характер и соответствует критериям традиционного общества. Те изменения, которые происходили в поселенческой сети во второй половине XIX — начале XX в., носили в целом количественный характер, отражая начальную стадию урбанизации. Качественные сдвиги становятся заметными в 1930-е гг., а в послевоенный период приобретают лавинообразный характер. Изменилась не только структура, но и рисунок расселения.

Стадия расширения

В первую очередь перемены охватывают городскую сеть. Уже в пореформенный период урбанизационные процессы достаточно ярко проявились на Урале, в частности за период 1860—1890-х гг. все население Пермской губернии увеличилось на 53,2 %, а городское население — на 123 %. Уральские города были сравнительно небольшими, их средний размер, по расчетам Е. Ю. Алферовой, к концу XIX в. составил в Пермской губернии 12,3 тыс. человек, в Уфимской — 20,3, Оренбургской — 25,3 тыс. человек¹. Перед Первой мировой войной города Урала насчитывали 631 тыс. человек, а в 1917 г. — 892 тыс., что составило 10,2 % всего населения².

¹ См.: Алферова Е. Ю. Уральский город пореформенного времени: Тенденции демографического развития // Проблемы социально-политической истории Урала. Челябинск, 1991. С. 68—79.

² См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX в. М., 2000. С. 217.

До 1917 г. на территории Пермской губернии только 15 поселений имели статус города. Однако помимо официальных городов на Среднем Урале было большое количество горно-заводских центров, которые юридически не являлись городами, но по уровню организации хозяйственной жизни и функциям фактически были таковыми.

В Уральской области, образованной в 1923 г. и охватившей территории Северного, Среднего и частично Южного Урала, насчитывалось уже 37 городов³. По переписи 1926 г. число городских поселений в Уралобласти (городов и поселений городского типа) выросло до 160, а численность горожан составила 20,7 % всей численности населения⁴. Такой резкий градостроительный взрыв в значительной мере связан с административными решениями, в частности с принятием 15 сентября 1924 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР, которое утвердило Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках⁵, и пересмотром списков городов в соответствии с новыми критериями. Наряду с городами в структуре расселения появляется новый тип городских поселений — рабочий поселок. Во многом их создание имело идеологическую подоплеку, но были и объективные предпосылки: они отличались от традиционных сельских поселений по составу населения, функциям и экономическому потенциалу.

Бурный рост городов, который мы можем наблюдать на Урале в 1920—1930-е гг., выступает как следствие реализации накопленного регионом городского потенциала, а также массового строительства промышленных предприятий, способствовавшего концентрации населения и стремительной урбанизации региона. Среди всех областей и республик Урала Свердловская область, образованная в результате очередной административно-территориальной реформы в 1934 г., лидировала по темпам градообразования. К 1939 г. на территории Свердловской области насчитывалось уже 77 поселений городского типа, в том числе 21 город и 56 рабочих поселков⁶.

³ См.: Население Урала, XX век. Екатеринбург, 1996. С. 32.

⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928. С. 98.

⁵ См.: СУ РСФСР, 1924, № 73.

⁶ Подсчитано по: Административно-территориальное деление Свердловской области на 1 апреля 1939 г. Свердловск, 1939.

В последующие годы рост числа городских образований продолжался. С 1939 по 1959 г. на территории области практически ежегодно появлялись новые города и рабочие поселки. В 1960—1970-е гг. темпы роста городских поселений снизились, но тем не менее к 1 января 1989 г. в Уральском регионе было зарегистрировано в общей сложности 140 городов и 276 поселков городского типа, а в Свердловской области — 44 города и 97 городских поселков — самый высокий показатель среди всех областей и республик региона⁷. По численности городских поселений и сегодня Свердловская область уступает только Московской.

Большинство городов Среднего Урала выросло из бывших заводских сел. Они располагаются по берегам запруженных небольших рек вдоль восточного склона Уральских гор и имеют достаточно характерный облик. Обязательным элементом ландшафта таких городов выступает заводской пруд, по берегам которого раскинулась историческая часть с одноэтажной деревянной застройкой. Однако административный центр и их окраины имеют вполне современную планировку. Таковы Екатеринбург (Свердловск), Ревда, Первоуральск, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Туринск и др.

Около 2/5 городских поселений в Свердловской области возникли в 1930—1950-е гг. на новых местах в связи с развитием топливно-энергетической промышленности, производством стройматериалов, освоением вновь разведанных месторождений сырья, расширением транспортной сети. Среди них такие города, как Тавда (центр деревообрабатывающей промышленности), Красноуральск (город медеплавильщиков и химиков), Волчанск (центр угледобычи), Качканар (железорудные месторождения) и др.

Формирование городской сети региона сопровождалось не только количественными изменениями, но и переходом к урбанизированным формам расселения, в частности агломерациям. Агломерирование — неизбежный процесс, в котором проявляются две противоположные тенденции: с одной стороны, рост концентрации производства и расселения, с другой — децентрализация их разме-

⁷ См.: Уральский экономический район: Основные итоги переписи населения 1989 г. Екатеринбург, 1991. С. 2.

щения. Агломерация выступает как качественно новая форма расселения, в рамках которой происходит интеграция городской и сельской поселенческой сети.

В Свердловской области в настоящее время выделяются три структурно оформленные территориальные системы (агломерации): екатеринбургская, тагильская и серовская. Их характерной чертой выступает наличие крупного центра и развитой транспортной сети. Наиболее значимой является екатеринбургская городская агломерация, включающая в свой состав Асбестовский, Березовский, Верхнепышминский, Первоуральский, Полевской, Ревдинский, Екатеринбургский муниципалитеты, Белоярский, Нижнесергинский и Сысертский районы. В центральной части области на территории Качканарского, Кировградского, Кушвинского, Нижнетуринского, Нижнетагильского, Верхнесалдинского, Невьянского муниципалитетов, Верхнесалдинского, Невьянского, Пригородного районов сформировалась Нижнетагильская система расселения с центром в г. Нижнем Тагиле. На севере области сложилась серовская система. Она объединяет Ивдельский, Карпинский, Краснотурьинский, Североуральский, Серовский муниципалитеты и Верхотурский, Новолялинский, Серовский районы общей площадью 58,5 тыс. кв. км, т. е. занимает практически 1/3 территории области.

Наряду с развитием городов кардинально меняется сельская местность. Вместе с тем эволюция сельского расселения происходит нелинейно, скорее можно говорить о цикличности ее развития. Начальный этап модернизации сельской поселенческой сети характеризуется тенденцией ее расширения, которая прослеживается вплоть до конца 1930-х гг. Вслед за этапом расширения поселенческой сети наступает стадия сжатия (1940—1980-е), вновь сменяемая тенденцией децентрализации (1990-е). Динамические колебания дополняются трансформациями в структуре расселения, связанными с появлением новых типов поселений и изменением их количественных параметров и облика.

Рассмотрим подробнее на материалах Среднего Урала то новое, что появляется в сельском расселении в XX в. Первая треть века характеризуется стабильным ростом численности поселений как сельскохозяйственной, так и несельскохозяйственной направ-

ленности, отражая начальную стадию модернизационного перехода. По сведениям Списков населенных мест Пермской губернии по состоянию на 1904 г. общая численность сельских поселений в Пермской губернии составила 14 113, из них 2 218 располагались на территории Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского, Камышловского и Красноуфимского уездов, позднее вошедших в состав Свердловской области (табл. 6.1).

С 1893 г. их численность выросла на 10,6 %. Столь значительный рост в определенной степени был связан с результатами переселенческой политики, ориентированной на заселение выходцами из центральных и северо-западных районов страны территорий Зауралья. Немаловажным фактором расширения поселенческой сети стало железнодорожное строительство и развитие добывающей промышленности.

Таблица 6.1

*Численность обществ и селений Пермской губернии
в конце XIX — начале XX в. **

Уезд	1893		1904		1908	
	Общества	Селения	Общества	Селения	Общества	Селения
Верхотурский	155	516	155	547	184	625
Екатеринбургский	239	325	245	344	244	340
Ирбитский	182	294	196	317	197	313
Камышловский	282	364	297	410	303	395
Красноуфимский	276	522	290	600	297	582
Кунгурский	217	1 177	220	1 280	225	1 269
Осинский	389	849	436	921	447	934
Оханский	382	2 925	373	3 275	383	3 277
Пермский	218	2 136	243	2 538	240	2 506
Соликамский	245	2 458	256	2 550	257	2 577
Чердынский	265	781	266	882	265	890
Шадринский	320	412	331	449	306	429
<i>Всего по губернии</i>	<i>3 171</i>	<i>12 759</i>	<i>3 308</i>	<i>14 113</i>	<i>3 348</i>	<i>14 137</i>

* Составлено по: Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73, 400—423; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908 гг., и другие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 14.

Однако в последующее пятилетие темпы роста замедляются. К 1908 г. численность сельских поселений увеличилась незначительно: с 14 113 до 14 137.

Соотношение долей сельских поселений разной степени людности называется рур а л и с т и ч е с к о й с т р у к т у р о й. При классификации поселений обычно используются следующие критерии: населенные пункты с числом жителей до 200 человек относятся к малым, от 200 до 1000 — к средним, свыше 1 000 человек — к крупным. Соответственно преобладание в структуре той или иной категории позволяет выделить мелкоселенные, средне- и крупноселенные региональные системы расселения. Однако эта классификация требует уточнения применительно к конкретным природно-климатическим условиям. Так, в условиях Среднего Урала удельный вес населенных пунктов с числом жителей свыше 1 тыс. человек был крайне незначительным. В начале века он составлял около 3 %, т. е. не нес существенной статистической нагрузки, что позволяет подкорректировать критерии: поселения с численностью населения до 200 человек мы будем рассматривать как м е л к и е, от 200 до 500 — как с р е д н и е, свыше 500 — как к р у п н ы е. Даже с учетом этих поправок Средний Урал можно охарактеризовать как мелкоселенный.

Особенности природно-географических условий Пермской губернии предопределили преобладание мелких поселений, насчитывающих до 30 дворов, их удельный вес в 1908 г. составил 72,8 % (табл. 6.2). Мелкоселенность особенно была характерна для северных территорий губернии. Так, например, в Верхотурском уезде более половины сельских поселений относилось к малым (60,8 %). Поселения, расположенные на юго-западе и юго-востоке губернии (в Камышловском, Красноуфимском, Ирбитском уездах), отличались более высокими показателями людности. В Красноуфимском уезде деревни с числом 100 и более дворов составили 18,2 %, в Камышловском — 54,4 %. В Ирбитском уезде в структуре расселения преобладали средние поселения (от 30 до 100 дворов), они составили 55,6 %, в Красноуфимском — мелкие (44,3 %) и средние (37,5 %).

Весьма показательна структура расселения по типу поселений. На территории Пермской губернии насчитывалось 118 заводов,

Таблица 6.2

*Распределение сельских поселений Пермской губернии
по численности населения в 1908 г.**

Количество дворов	Всего по губернии	В том числе по уездам				
		Верхотурский	Екатеринбургский	Ирбитский	Камышловский	Красноуфимский
1	425	13	—	—	1	8
2	615	11	1	1	—	6
3–4	1 442	26	2	—	—	25
5–10	3 045	69	7	6	6	49
10–20	3 279	153	15	13	5	109
20–30	1 486	108	18	30	14	61
30–50	1 340	76	45	64	38	86
50–100	1 277	73	72	110	116	132
100–200	755	57	88	58	139	61
200–300	245	15	37	22	51	17
300–400	84	4	18	5	13	11
400–500	33	2	10	1	6	2
500–1 000	69	9	12	3	5	8
1 000–1 500	23	6	7	—	1	2
1 500–2 000	10	1	4	—	—	3
2 000–3 000	7	1	4	—	—	2
Более 3 000	2	1	—	—	—	—
<i>Всего</i>	<i>14 137</i>	<i>625</i>	<i>340</i>	<i>313</i>	<i>395</i>	<i>582</i>

* Источник: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 16.

684 села, 10 581 деревня и 2 754 выселков и поселков⁸. В соответствии с особенностями аграрного расселения, преобладали традиционные типы сельскохозяйственных поселений (села, деревни), однако в начале XX в. увеличивается число поселков, выселков, впервые появляются хутора.

На Урале хуторское расселение складывается как результат реализации указа от 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского зем-

⁸ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 15.

левладения и землепользования», который в 1910 г. стал законом, предоставившим крестьянам право свободного выхода из общины с укреплением надела в личную собственность. Закон обратил особое внимание на вопросы землеустройства, при этом упор был сделан на образование хуторских и отрубных хозяйств.

Крестьянские хутора были достаточно давно известны в северо-западной России. Так, например, на территории Ковенской губернии еще в конце XVIII в. сложился район хуторского расселения, появившийся по инициативе князя И. Огинского. Крестьяне выселялись на хутора-односелья, которые выделялись при разделе общинной земли. Хуторское расселение в этих местах сохранилось в XIX в., но развития не получило. В середине XIX в. хутора появляются в Царстве Польском, прибалтийских губерниях, где эта форма землепользования утвердилась и стала активно использоваться в дальнейшем.

В центральных районах России становление хуторского расселения протекало сложнее. Первые попытки создания хуторов в Московской губернии относятся к концу XVIII в., когда один из звенигородских помещиков (Е. И. Бланкеннагель) стал селить своих крестьян «отделенно дом от дома»⁹. Попыты по созданию усадебных крестьянских хозяйств предпринимались Удельным ведомством в 1839—1861 гг. В середине 1870-х гг. при Московском обществе сельского хозяйства была даже создана специальная Комиссия по хуторскому вопросу. Однако все попытки создания хуторов в центральных районах России не имели положительного результата. Как правило, отселенные хозяйства рано или поздно возвращались обратно в деревню или прекращали существование.

В конце XIX в. хуторское движение набирает силу, охватывая прежде всего западные районы страны — Житомирский, Владимирский, Ковенский, Велижский, Витебско-Могилевский, Гродненский уезды. К 1904 г. здесь было расселено 942 селения и образовано 20 205 хуторов¹⁰. Вместе с тем для большинства гу-

⁹ См.: *Коффорд А. А.* Крестьянские хутора на надельной земле. СПб., 1905. Т. 1. С. 5.

¹⁰ См.: Там же. Т. 2. С. 694.

берний Российской империи они не были характерны и появились только в ходе реализации реформы П. Столыпина. К 1915 г. в целом по стране на наделных землях было образовано 300 тыс. хуторов и 1,3 млн отрубов¹¹. Основная масса поселений, основанных на участковом землепользовании, приходилась на северо-западные, южные и юго-восточные губернии.

На Урале итоги столыпинских преобразований были более скромными, чем по стране в целом. По четырем губерниям (Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской) вышли из общины и укрепили в свою собственность землю только около 10 % крестьянских дворов, в т. ч. в Пермской губернии — 4 %. На хутора в Пермской губернии выдано 2,3 % дворов, в Вятской — 0,9 %, в Уфимской — 5,9 %¹². Тем не менее опыт хуторского расселения оказался весьма интересным и получил дальнейшее развитие в 1920-е гг.

Дополнительным фактором, влияющим на динамику расселения восточных окраин страны, стала переселенческая политика, пик которой приходится также на Столыпинскую реформу. Общее число переселенцев в Российской империи за 1906—1914 гг. составило 3,8 млн человек, из которых было «водворено», т. е. устроено на переселенческих участках, 3,3 млн¹³. Переселение было ориентировано на освоение территорий Алтая, Сибири, Казахстана. Урал оказался в стороне от общего потока переселенцев, однако тоже испытал на себе влияние этого фактора. В целом за 1907—1914 гг. в Зауралье осело около 70 тыс. человек. Они на льготных условиях получали земельные участки и единовременные ссуды. В Пермской губернии переселенческие участки создавались в Ирбитском уезде, к 1908 г. многие из них уже были заселены. В последующие годы практика переселения крестьян из малоземельных губерний на восток — в Сибирь и на Урал — получила продолжение, способствуя дальнейшему освоению края.

¹¹ См. об этом: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 36.

¹² См.: Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 29—30.

¹³ См.: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 266.

Наиболее значимым показателем модернизации сельского расселения в начале XX в. выступает рост численности несельскохозяйственных поселений. Всего в Пермской губернии в 1908 г. насчитывалось 185 приисковых поселков, в т. ч. в Верхотурском уезде — 137, в Екатеринбургском — 26. В основном это были мелкие населенные пункты, где в подавляющем большинстве насчитывалось 5—10 жилых домов. Наиболее крупными были Усть-Косьинский платиновый прииск (Пермский уезд), Косьяновский 1-й и Косьяновский 2-й золотые прииски (Екатеринбургский уезд) и ряд других. Более крупные поселения складывались при рудниках, здесь число домов, как правило, превышало 10, а в некоторых случаях достигало 70 и более. К числу таких рудничных поселков относился Благодатский, Пышминско-Ключевской, Конюховский и др. В них нередко возводились больницы, школы, аптеки. Всего рудничных поселков в Пермской губернии отмечено 112, в т. ч. в Верхотурском уезде — 21, в Екатеринбургском — 68. Кроме того, выделяются еще 26 населенных пунктов при копиях, 13 — при каменоломнях, 6 поселений при торфяниках¹⁴.

Достаточно высокий удельный вес несельскохозяйственных поселений (3,25 %) является, с одной стороны, отражением специфики расселения Среднего Урала, где горно-заводская промышленность всегда играла значительную роль, а с другой — непосредственно связан с индустриализацией, охватившей Россию в конце XIX — начале XX в.

Первая мировая война, Октябрьский переворот и Гражданская война затормозили процессы модернизации поселенческой сети и в определенной степени способствовали реанимации традиционных черт расселения. В этот период прослеживаются следующие тенденции. Во-первых, происходит сокращение численности сельского населения в результате мобилизации в армию, потерь в годы мировой и гражданской войн, снижения рождаемости, что в целом ведет к сокращению людности поселений, хотя потери частично компенсировались перемещением части городского населения

¹⁴ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 64—82.

в сельскую местность. Во-вторых, в результате военных действий часть населенных пунктов пострадала. В целом, влияние этого сложного и насыщенного событиями периода на систему расселения пока мало исследовано, хотя на основе общих данных можно предположить незначительное сокращение сельских поселений. Вместе с тем имеются примеры формирования новых населенных пунктов. Так, например, пос. Калиново (Невьянский район) возник в 1914 г. в связи со строительством на берегу оз. Таватуй динамитного завода. Строительство поселка велось пленными австрийцами по специально разработанному плану. В поселковом музее сохранились чертежи жилых и служебных построек. Интересно, что поселок застраивался домами барачного типа с элементами благоустройства (печное отопление, теплые туалеты). Некоторые из них сохранились до сих пор.

В 1920-е гг. в условиях НЭПа ситуация в области расселения снова меняется — начинает преобладать тенденция к расширению поселенческой сети, связанная с восстановлением хозяйства и вторичным аграрным освоением территории. Об этом свидетельствуют списки населенных пунктов, подготовленные Статбюро Екатеринбургской губернии в 1923 г. На момент описания губерния включала 7 уездов: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Нижнетагильский, Шадринский. Всего в справочнике учтено 3 875 населенных пунктов¹⁵.

Анализ структуры поселенческой сети по типу отражает основные направления, по которым в 1920-е гг. и в последующий период пойдет перестройка сельского расселения. Помимо традиционных вариантов поселений: деревня, село, хутор, выселки, — в справочнике представлены новые: коммуны и трудовые артели — 41; совхозы — 5; больницы — 3; ж.-д. будки и казармы — 321; переселенческие участки — 180; номерные поселки — 21; детские колонии — 3; подсобное хозяйство — 1; дом социального обеспечения — 1¹⁶.

¹⁵ См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923. С. 6.

¹⁶ Выделение новых типов, указанных в приведенном перечне, опирается главным образом на названия населенных пунктов, в которых упоминается соответствующее слово или словосочетание: *переселенческий участок, ж.-д. будка, больница* и др.

Уезды имеют свои специфические черты расселения. Так, например, наибольшее число переселенческих участков отмечено в Верхотурском уезде, причем в ряде волостей они составляют около половины. В Дерябинской волости из отмеченных 38 населенных пунктов 10 — переселенческие участки; в Караульской волости из 18—7; в Лобвинской волости — из 18 поселений 15 переселенческих участков и т. д. Сельское расселение в Екатеринбургском уезде сохраняет в целом традиционный характер. В Ирбитском уезде чаще встречаются населенные пункты, связанные с формированием колхозной и совхозной систем. В Боровской волости был зарегистрирован пос. Ницынский совхоз с численностью населения 81 чел., в Волковской волости — пос. Ирбитский совхоз, в Нязе-Петровской волости — Чернореченская трудовая артель (49 человек, 1 хозяйство). Эти «новые» поселения стали первыми ласточками грядущей перестройки расселения.

Итоги восстановления поселенческой сети нашли отражение в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. (табл. 6.3).

Таблица 6.3

*Поселенческая сеть Уралобласти по переписи населения 1926 г.**

Округ	Число населенных мест	Население, чел.
Уральская область	30 080	5 378 599
В том числе:**		
Ирбитский	1 135	255 721
Кунгурский	2 512	438 696
Свердловский	1 614	272 245
Тагильский	1 764	229 769
Тюменский	1 320	437 640
Шадринский	1 167	643 939

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928. С. 95—98, 308.

** Указаны округа, территории которых позднее вошли в Свердловскую область.

Общее число сельских поселений по шести округам Уральской области, территории которых позднее вошли в Свердловскую область, хотя и не в полном составе, составило 9 512.

Хотя приведенные данные не вполне сопоставимы со сведениями начала века и 1923 г., тем не менее можно говорить о существенном расширении поселенческой сети. Однако уже во второй половине 1920-х гг. темпы роста падают и численность поселений начинает сокращаться. К 1928 г. по шести округам Уральской области насчитывается в общей сложности 9 346 селений¹⁷. Наблюдаемые колебания — то резкий рост, то снижение показателей численности поселенческой сети — отражают неустойчивую ситуацию, которая во многом была связана с наличием противоречивых тенденций. С одной стороны, это период, когда идет активное образование новых населенных пунктов, а с другой — происходит сокращение части поселений за счет административных решений, в результате чего часть сельских поселений переходит в разряд городских или поглощается городскими образованиями. Определенную роль в формировании неустойчивой динамики играет отсутствием единой системы учета, состояние которой оставляло желать лучшего.

Распределение сельских поселений по показателю людности (табл. 6.4) отражает преобладание мелких поселений с числом жителей до 200 человек, которые составили 77,5 %, удельный вес крупных поселений (свыше 500 человек) незначительный — всего 9,9 %. Таким образом, мелкоселенность по-прежнему сохранялась, а появление множества новых сельских населенных пунктов только усилило эту особенность.

1920—1930-е гг. остаются достаточно сложным периодом с точки зрения оценки динамики поселенческой сети. Здесь сталкиваются разнонаправленные тенденции и факторы, что приводит к неоднозначным результатам. В целом по РСФСР мы можем наблюдать рост сельской поселенческой сети. Если в 1926 г. в республике насчитывалось 404 808 сельских населенных пунктов, то в 1939 г. — 406 958¹⁸. Расширение системы сельского расселения было вполне закономерным и происходило под влиянием целого комплекса факторов как экономического, так и социального плана.

¹⁷ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ; Т. 6. Кунгурский округ; Т. 10. Свердловский округ; Т. 11. Тагильский округ; Т. 16. Шадринский округ; Т. 14. Тюменский округ. Свердловск, 1928.

¹⁸ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2.

Таблица 6.4

*Группировка сельских населенных мест Уралобласти
по людности в 1926 г. **

Численность населения, чел.	Количество сельских поселений	Удельный вес, % к итогу
до 10	5 107	17,0
10—19	3 306	11,0
20—49	5 879	19,5
50—99	4 948	16,5
100—199	4 084	13,6
200—499	3 773	12,5
500—999	1 962	6,5
1 000—1 999	839	2,8
2 000—4 999	177	0,6
5 000 и более	5	0,02
<i>Всего</i>	<i>30 080</i>	<i>100,0</i>

* Источник: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928. С. 98—99.

В первую очередь необходимо обратить внимание на проведение широкомасштабных работ по межселенному землеустройству, которые развернулись в 1920-е гг. В этот период началось расселение многодворных деревень, образование выселков, поселков, хуторов. В целом по РСФСР за 1922—1927 гг. было организовано свыше 4 тыс. новых поселений, в них было выселено около 132 тыс. крестьянских дворов¹⁹. В трех округах Уральской области — Свердловском, Ирбитском и Тагильском — в 1928 г. хутора и выселки составили 15,9 %²⁰.

И хотя в конце 1920-х гг. ситуация меняется — проводится политика «расхуторизации» и выдел на хутора приостанавливается, все же по переписи 1939 г. хутора в целом по РСФСР сохранили достаточно высокий удельный вес — 15,7 %, а на Урале их доля варьировалась от 11,8 (в Башкирии) до 20,7 % (в Челябинской об-

¹⁹ См.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 160.

²⁰ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3, 10, 11.

ласти). В Свердловской области в 1939 г. хутора составили 14,1 % общей численности сельских населенных пунктов (табл. 6.5).

Принципиально важным фактором, повлиявшим на расширение сельскохозяйственной поселенческой сети, стало формирование и развитие колхозной системы и МТС. Уже в 1920-е гг. начинают создаваться коммуны и артели, причем часть их располагалась на неосвоенных землях, выделенных из Госземфонда. В частности, в Списках населенных пунктов Екатеринбургской губернии 1923 г. неоднократно встречается упоминание селений, зарегистрированных как коммуна или артель. Например, в Нязе-Петровской волости Ирбитского уезда отмечены такие населенные пункты, как Железниковская коммуна, Чернореченская трудовая артель и др.²¹

В 1930-е гг., когда коллективизация становится важнейшим направлением реконструкции сельского хозяйства, в рамках колхозной системы появляются новые временные поселения, такие как полевые станы, колхозные бригады, участки, фермы и пр. По переписи 1939 г. подобные поселения были выделены в отдельную категорию и составляли около 3 % в структуре сельской поселенческой сети РСФСР.

Изменения в аграрной сфере этого периода связаны не только с коллективизацией, но и с созданием крупного совхозного производства, в результате чего в системе расселения появляется новый тип сельских населенных пунктов — совхозный поселок. Наиболее активно они возводятся в конце 1920-х гг., когда по всей стране на неосвоенных землях закладываются совхозы-гиганты. Так, например, на Урале в 1934 г. насчитывалось 164 советских хозяйства, а в 1940 г. — 330. В Свердловской области на 1.01.1940 г. было отмечено 79 совхозов²².

Все они представляли собой достаточно крупные сельскохозяйственные предприятия с большим земельным фондом, что неизбежно отражалось на их пространственной организации. Средняя площадь

²¹ См.: Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем.

²² См.: Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928—1941. М., 1982. С. 72.

зерновых совхозов в этот период составляла около 80 тыс. га, животноводческих — 100 тыс. га, на каждое зерновое хозяйство в среднем приходилось 100—103 трактора, 50 комбайнов, 20 машин, на животноводческое — 7—13 тракторов, т. е. это были крупные механизированные хозяйства, имеющие сложную организационную структуру²³.

Как правило, совхозы состояли из нескольких отделений, удаленных друг от друга на значительные расстояния. Для их обустройства разрабатывались генеральные планы, в соответствии с которыми велось строительство. В Уральской области в 1931 г. было заложено сразу несколько совхозов-гигантов. Один из них — Петропавловский совхоз, расположенный в Верхнеуральском районе, ныне Челябинская область, включал центральную усадьбу и 10 отделений. На центральной усадьбе за 1931 г. были построены 4 двухэтажных общежития, коровник, больница, детские ясли, клуб, зернохранилище, 2 барака, а в отделениях — барак, мастерская, баня, столовая²⁴. Здесь приведен типовой проект обустройства территории, который реализовывался повсеместно, порождая и новый вариант сельских поселений. Так, в частности, возник пос. Студенческий (Свердловская область) — отделение Чернобровского совхоза, созданного в 1931 г.

Основным видом жилья в совхозных поселениях были бараки и общежития. В перспективе предполагалось превратить их в благоустроенные населенные пункты городского типа, располагавшие капитальными производственными постройками, культурно-бытовыми учреждениями и жилыми зданиями. Однако этим планам не скоро суждено было воплотиться. Не хватало средств, рабочих рук, материалов, как следствие — строили наспех. Условия жизни в совхозах того времени были тяжелыми, что вызывало большую текучесть кадров.

Вот как описывается в материалах краеведческой экспедиции «Летопись уральских деревень» создание одного из совхозных поселков, принадлежащих Ревдинскому совхозу, — Старая Ледянка:

²³ См.: Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток... С. 22.

²⁴ См.: ГАСО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 227. Л. 34.

Лошадей 20 пригнали с Дона, дали плуги, бороны, мужиков с Иппи-ма. Провели митинг на Вороновской заимке, все это хозяйство отправили на место, где речка Ледянка. Там была каменная и деревянная избушки — и больше ничего. Начали устраиваться... Собирали избушки по покосам. С одной стороны реки 8 избушек, с другой — 6. Они плохонькие, но получилась улица... В 1932 г. осенью построили барак и дом, потом школу. Свои дома построили только две семьи. В 1938 г. построили еще 2 барака. Каждой семье давали по одной комнате, а семьи были большие, спали прямо на полу... Магазины не было. Кладовщик брал в конторе деньги, запрягал пару лошадей и ехал на Петровскую дачу, центральную усадьбу совхоза, там закупал продукты в магазине, а потом в поселке торговал²⁵.

Аналогичная картина характерна и для других совхозных поселков, благоустройству которых в это время не уделялось практически никакого внимания.

Тем не менее совхозные поселки имели существенное значение для перестройки поселенческой сети, т. к. здесь впервые реализовывалась модель сельского населенного пункта, отличного от традиционной деревни. Организация пространства и жилой среды в них осуществлялась по городским стандартам: вводилась регулярная поквартальная планировка, создавался административно-общественный центр, в поселенческой структуре появились новые, не свойственные сельской местности элементы: общественная баня, пекарня, клуб, столовая.

К той же категории сельскохозяйственных поселений, что и совхозные поселки, можно отнести усадьбы подсобных хозяйств промышленных предприятий, сотни которых появляются на карте Урала в 1930-е гг. Так, например, в 1928 г. в Сысертском районе Уралобласти был заложен пос. Колос — сначала как подсобное хозяйство Уралмашзавода. Уже через несколько лет здесь было большое зерновое и овощное хозяйство с парниками и фермами²⁶. Похожую историю имеет и другая деревня Сысертского района — Поляна, возникшая в 1931 г. как подсобное хозяйство Свердловского хлебозавода. Первой постройкой здесь был

²⁵ См.: Летопись уральских деревень: Ревдинский район. С. 166.

²⁶ См.: Там же. Вып. 2. Сысертский район. С. 226.

амбар, который привезли из соседней деревни, изъяв его у раскулаченных. В нем стали жить рабочие. Постепенно начали строить дома²⁷.

В структуре расселения в этот период нередко встречаются населенные пункты, обозначенные как МТС (машинно-тракторные станции). Они создавались в период сплошной коллективизации из расчета одна станция на сельский район. В ряде случаев МТС организовывались в районных центрах или наиболее крупных населенных пунктах, таких как села Ачит, Белоярское, Таборы и др., но нередко МТС выделялась в отдельный поселок. Удельный вес такого рода поселений в РСФСР по данным 1939 г. составлял 2,2 % (см. табл. 6.5).

Промышленное освоение территорий Урала стало одним из наиболее значимых факторов расширения сельской поселенческой сети несельскохозяйственного профиля. С развитием в 1920—1930-е гг. лесной и лесоперерабатывающей промышленности складывается своя система поселений, обслуживающих данную отрасль. Активное строительство лесных поселков относится к 1930-м гг. В ряде районов Среднего Урала (Тавдинском, Гаринском и др.) они начинают играть существенную роль. Так, например, в Тавдинском районе в 1930-е гг. строятся десятки таких поселений, среди них небольшой поселок Егорково (Егорова Пашня), жители которого занимались заготовкой смолы, живицы, древесины, огородничеством и рыболовством. В 1950-е гг. здесь была начальная школа, магазин. К середине 1960-х гг. окружающий лесной фонд обеднел, хозяйственная деятельность сократилась, поселок пришел в упадок²⁸. Десятки лесозаготовительных поселений появляются в 1930-е гг. в Новолялинском районе: пос. Жданка, Косолманка, Кушва, Черный Яр, Нясьма, Каменка, Маля Лата и др., позднее, в 1940—1950-е гг. — пос. Симоново Зимовье, Гараж, Позднякова и др.²⁹

Лесные поселки строились с расчетом на несколько лет, пока не истощатся производственные ресурсы, а затем переносились

²⁷ См.: *Летопись уральских деревень*. Вып. 2. Сысертский район. С. 337.

²⁸ См.: *Ермолаев В.* Тавдинское местописание. С. 169.

²⁹ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1673.

на новое место. Оставленные строения нередко вторично заселялись, но все же большинство из них были заброшены. Наиболее высокий удельный вес лесных поселков наблюдается в 1939 г. в Свердловской области (12,8 %), Челябинской (8,7 %), Удмуртской АССР (6,2 %), по РСФСР доля таких поселений составляла 4,3 % (см. табл. 6.5).

Увеличению численности промышленных и транспортных поселений способствовали политика индустриализации и развитие транспортной сети. Помимо стремительного роста городов, на Урале появляется множество приисковых, рудничных поселений, населенных пунктов, обслуживающих железную дорогу, водный и воздушный транспорт и имевших нередко недолгий век. Примером может служить шахтерский поселок Никитинка (Сысертский район), строительство которого началось в 1933 г. Он получил свое название по имени одного из руководителей открытого здесь золотого прииска — геолога Никитина. Первыми постройками на месторождении были землянки и два барака, где поселились рабочие. Впоследствии здесь была построена обогатительная фабрика, химическая лаборатория, контора, несколько домов³⁰. Другой пример — пос. Зубарево Ревдинского района, который возник в 1930-е гг. вместе со строительством железной дороги от шахт Дегтярска до Ревды, все жители поселка работали на железной дороге. В то время в деревне было несколько бараков, сейчас остались только фундаменты, заросшие травой³¹.

К 1939 г. удельный вес промышленных и транспортных поселков в структуре сельского расселения в РСФСР составил 6,7 %. В Свердловской области их доля достигла 12,9 %, в Челябинской — 12,1 % (табл. 6.5). Таким образом, промышленное освоение Урала, как стратегически важного экономического района, стимулировало строительство таких поселений.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в стране начинает складываться система санаторно-курортного обслуживания,

³⁰ См.: Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. С. 278.

³¹ См.: Там же. Ревдинский район. С. 179.

Таблица 6.5
Распределение численности сельских поселений по типам (по данным переписи 1939 г.)*

Тип поселения	РСФСР	Молотовская область	Удмуртская АССР	Башкирская АССР	Чкаловская область	Челябинская область	Свердловская область
Всего	406 958	15 160	5 161	9 147	4 783	6 504	5 282
Села	24 555	370	177	217	577	640	353
Поселки	38 577	275	46	1 822	1 344	737	455
Деревни	187 956	10 640	3 216	4 767	436	1 689	2 150
Хутора	63 961	2 870	676	1 078	756	1 348	743
Станицы	502	—	—	—	4	—	—
Колонии	104	—	—	—	21	—	—
Кншлакы	15	—	—	4	6	—	—
Аулы	2 605	—	—	9	185	29	—
Улусы	1 787	—	—	—	—	—	—
Юрты	9 867	—	—	—	—	—	—
Стойбища	3 282	—	—	—	3	—	—
Фермы, бригады колхозов	12 332	141	337	280	402	234	91
Поселки совхозов и МТС	8 858	16	38	151	442	338	65
Поселки промышл. предприятий	5 703	76	72	166	46	193	153
Поселки, водного и др. транспорта	21 526	301	177	291	324	592	527
Рыболовные поселки	775	—	—	—	5	55	—
Лесные поселки	17 337	462	318	278	151	565	679
Оздоровительные и культурно-бытовые поселки	3 185	8	20	19	29	64	67
Прочие	4 031	1	84	65	52	70	19

* Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

домов отдыха, детских оздоровительных лагерей. Развитие рекреационной сферы стало еще одним важным фактором расширения сельской поселенческой сети. По плану 1933 г. в Уралобласти предусматривалось строительство в сельской местности 18 домов отдыха и санаториев³². В начале 1930-х гг. недалеко от села Абрамово Сысертского района Свердловской области был построен дом отдыха для работников Свердловского хлебозавода, при нем — поселок для обслуживающего персонала, получивший позднее название Лечебного. В годы войны двухэтажное здание дома отдыха было переоборудовано под госпиталь, а после войны — в дом инвалидов. В 1967 г. абрамовская туберкулезная больница — так называлось тогда это учреждение — была закрыта, больные переведены, а персонал и сам поселок брошены на произвол судьбы³³. Значительная часть селений, возникших в 1930-е гг. как дома и базы отдыха, пионерлагеря, сегодня либо прекратили свое существование, либо не учитываются в качестве самостоятельных поселений.

Всего по данным 1939 г. в РСФСР удельный вес таких населенных пунктов составил 0,8 %. В Свердловской области было отмечено 67 поселков оздоровительного профиля, в т. ч. Огурдинский бальнеологический курорт, Сухоложский санаторий, курорт на оз. Медвежье и др. К 1987 г. число их сократилось, хотя удельный вес вырос. Так, например, к 1979 г. насчитывалось 33 поселения оздоровительного профиля (1,55 %), а в 1987 г. — 24 (1,25 %)³⁴.

Для освоения районов Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока немаловажное значение имело появление здесь системы спецпоселков и лагерей. Формирование спецпоселений непосредственно было связано с проведением коллективизации и раскулачиванием. Сотни тысяч человек были высланы на Урал, в Сибирь, на Север. И как память об этой трагической странице истории остались на карте поселения, которые появились благодаря труду

³² См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 92. Л. 20.

³³ См.: Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. С. 237.

³⁴ См., например: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6012; Текущий архив Госкомстата Свердловской области. Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1989 г.

и усилиям спецпереселенцев³⁵. Так возник пос. Октябрьский в Сысертском районе. В 1932 г. возле горы Шаманихи рядом с небольшим родничком первые спецпоселенцы начали рыть себе землянки. Октябрьский был похож на другие поселки спецпоселенцев, где за колючей проволокой под охраной жили раскулаченные, и состоял из землянок и бараков. Потом поселок стал пополняться «свободными», которые были завербованы для работы в совхозе, организованном на этих землях. В войну еще добавилась зона для военнопленных немцев, которые использовались для работы в поле. Только в 1950-е гг. в поселке началось строительство индивидуальных домов³⁶. Сегодня это крупный населенный пункт, где проживает более 2 тыс. человек, здесь построены добротные здания, школа, больница, детский сад. Десятки таких поселений возникли на севере области в Гаринском, Серовском, Новолялинском, Верхнетагдинском районах, вокруг г. Нижнего Тагила.

Всего на 1 июля 1938 г. на учете в отделе трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР числилось 997 329 трудпоселенцев, которые проживали в 1 741 трудпоселке. В Свердловской области, например, зарегистрировано 243 таких поселения (171 899 человек), в Челябинской — 40 (57 337 человек), в Оренбургской — 3 (2 532 человека)³⁷.

Во второй половине 1930-х—1940-е гг. наряду со спецпоселениями на Урале и в северных районах России складывается система лагерей. Только в Свердловской области насчитывалось семь лагерей: Ивдельлаг, Севураллаг, Тагиллаг, Тавдинлаг, Лобвинлаг, Богословлаг, Востураллаг, — которые в свою очередь делились на лагерные отделения, включавшие десятки лагерных пунктов, командировок, подкомандировок, тюрем и т. д. (в 1947 г. насчитывалось около 80 подразделений). Всего на Урале в 1940-е гг. было образовано 39 ИТЛ³⁸.

³⁵ См. подробнее: Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930—1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 176—208.

³⁶ См. об этом: Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. С. 302—304.

³⁷ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

³⁸ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справ. М., 1998.

Многие из созданных лагерных поселений существуют до сих пор. Так, например, в Тавдинском районе пос. Северная Чернушка возник как лагерьный пункт Азанковского отделения Востокураллага в 1940-е гг., население его состояло из семей обслуживающего персонала, эта специфика сохраняется и сегодня. Такие поселки, как Азанка, Карьер (или Песчаный), возникшие в начале века, с 1937 г. развивались как отделение Востокураллага³⁹. В Верхотурском районе поселки Вагран и Верхотурский были созданы в 1947 г. как лагерьный пункт п/я № 239/2⁴⁰.

Все приведенные выше факторы экономического и политического характера объективно содействовали расширению поселенческой сети, но одновременно с ними складываются предпосылки, тормозящие эти процессы. В результате индустриализации, оттока сельского населения на стройки пятилеток, раскулачивания и репрессий, роста смертности в связи с голодом и снижением уровня жизни сельского населения демографическая ситуация в деревне меняется. Закладываются объективные основы будущего свертывания поселенческой сети, обезлюдения деревни. Замедление темпов роста сельского населения в этот период дополняется рядом правительственных решений, ориентированных на укрупнение и концентрацию сельскохозяйственного производства.

Создание колхозно-совхозной системы придало определенный импульс развитию поселенческой сети и одновременно заложило основы ее дальнейшей коренной перестройки в соответствии с потребностями крупного производства. Уже в 1935—1937 гг. предпринимаются первые попытки укрупнения колхозов, хотя большинство хозяйств сохраняют относительно небольшие размеры. Важнейшим следствием укрупнения колхозов в предвоенные годы стала дифференциация сельских населенных пунктов в зависимости от их места в системе производства. Появляются центральные усадьбы, а также поселки бригад и отделений, имевшие более низкий статус. Административные, общественные, образовательные, медицин-

³⁹ См.: *Ермолаев В.* Тавдинское местописание. С. 133, 147.

⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1673.

ские и культурно-бытовые учреждения сосредоточиваются на центральных усадьбах, создавая тем самым наиболее благоприятные условия для их развития.

Одновременно с конца 1930-х гг. все более четко проявляется тенденция к концентрации населения на центральных усадьбах колхозов и совхозов. Уже в 1938 г. было сселено 18 131 хозяйство в Ленинградской, Смоленской, Калининской областях, где хуторская система была наиболее развитой⁴¹. Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г. предложил повсеместно ликвидировать хутора и переселить колхозников, проживающих там, в деревни, наделив их приусадебными участками по уставным нормам. В постановлении Пленума ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21—24 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» перед местными властями была поставлена задача провести сселение хуторов до 1 сентября 1940 г.⁴² По плану 1939 г. в РСФСР сселению подлежало 23 тыс. хуторских хозяйств, в том числе 8 тыс. дворов переселялись в новые поселки, а 15 тыс. — в уже существующие. Переселенцы получали ссуду на 5 лет в размере 500 рублей на двор и стройматериалы. На строительство и благоустройство новых поселений выделялось 45 110 тыс. рублей⁴³. К 1941 г. в СССР фактически было сселено 282,1 тыс. крестьянских хозяйств⁴⁴. В Свердловской области по данным за 1940 г. подлежало сселению 2 599 хуторов, в т. ч. 1 957 колхозных, 363 индивидуального землепользования. К концу года было фактически сселено 2 148 хуторов, т. е. 82,6 %⁴⁵.

Как видим, 1930-е гг. занимают особое место в развитии системы сельского расселения: коллективизация и индустриализация резко меняют и экономическую, и социальную структуру советского общества, эти изменения находят свое непосредственное отражение в поселенческой сети. Здесь появляются новые типы сельских поселений, формируется новый образ «социалистической» деревни.

⁴¹ См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 60.

⁴² См. об этом: КПСС в резолюциях и решениях пленумов и съездов. 8-е изд. Т. 5. С. 402.

⁴³ См.: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 211. Л. 24, 71.

⁴⁴ См.: История советского крестьянства. Т. 3. М., 1986. С. 28.

⁴⁵ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 151—152.

Несмотря на идеологический оттенок этих представлений, в целом они соответствовали требованиям индустриального общества.

Сельское расселение к этому времени еще не исчерпало своих внутренних ресурсов. Однако «естественные» процессы развития сельской местности испытывают на себе мощное влияние политических решений: с одной стороны, они преждевременно ускоряют процессы концентрации и укрупнения поселенческой сети, а с другой — замедляют развитие социально-бытовой сферы деревни и ее инфраструктуры. Такая политика в отношении деревни в будущем приведет к катастрофическим последствиям, усилив миграционные настроения сельского населения.

Таким образом, 1930-е гг. стали своеобразной точкой отсчета урбанизационной перестройки сельской местности. На Среднем Урале этот процесс шел ускоренно, опережая другие регионы страны. Это, в частности нашло отражение в динамике показателей численности поселенческой сети. Если в целом по РСФСР до конца 1930-х гг. сохраняется положительная динамика развития системы расселения, то в Свердловской области уже в конце 1920-х гг. отчетливо проявляется отрицательная тенденция, связанная с общим сокращением численности сельских поселений, несмотря на активное образование новых населенных пунктов.

К 1939 г. общая численность сельских поселений Свердловской области по сведениям статистического учета составила 5 282 поселения, по материалам административного учета, отраженного в БД, — 6 625. С учетом тех административно-территориальных изменений, которые произошли в начале 1930-х гг., на основе сравнения данных 1928 и 1939 гг. можно сделать вывод о начале этапа сжатия и концентрации поселенческой сети Свердловской области. И это непосредственно связано с уровнем урбанизации данной территории. Средний Урал ранее других регионов Урала вступает в эту стадию, а значит, здесь быстрее начинает проявляться отрицательная динамика развития сельского расселения.

Вместе с тем, несмотря на новообразования, система расселения еще во многом сохраняет традиционные черты. По-прежнему основными типами поселений остаются деревни и села, процессы концентрации населения не приобрели ярко выраженного характера. Структура сельских поселений по числу жителей в целом соот-

ветствует естественному («нормальному») распределению, отражая аграрную стадию развития расселенческих процессов с достаточно высоким удельным весом мелких поселений (деревни с числом жителей до 100 человек в РСФСР составляли в 1939 г. 62 %) и незначительным числом крупных (свыше 500 человек, 7,5 %). Средний Урал в условиях начальной стадии урбанизации сохранил черты мелкоселенности, присущие ему изначально, и даже усилил их. Удельный вес мельчайших поселений с числом жителей до 10 человек составлял в 1939 г. 22,3 % (Молотовская область) и 19,02 % (Свердловская область)⁴⁶. Именно эта категория поселений в дальнейшем подвергается наибольшему воздействию, теряя население. Значительная их часть в новых условиях прекращает свое существование, и только единицы получают шанс на дальнейшее развитие.

Стадия сжатия

Великая Отечественная война составляет особый период в истории сельского расселения. В западных и центральных районах страны тысячи деревень были уничтожены, сожжены, особенно те поселения, которые находились в стратегически значимых местах — рядом со станциями, мостами, транспортными узлами. Пострадали деревни, расположенные в местах действий партизанских отрядов. Были практически целиком уничтожены многие крупные населенные пункты, использовавшиеся как опорные пункты обороны или размещенные вблизи аэродромов и военных городков.

Сельская поселенческая сеть в тыловых районах подверглась меньшему влиянию, ее численность в годы войны в ряде регионов имеет даже тенденцию к росту, и прежде всего за счет появления новых промышленных, лесохозяйственных и транспортных поселений. Одновременно усиливаются процессы концентрации расселения — сосредоточения населения в крупных населенных пунктах. Небольшие поселения начинают ускоренно терять население за счет как мобилизации, так и миграции населения. Так закладываются предпосылки грядущего обезлюдения сельской местности,

⁴⁶ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 132. Л. 2; Д. 133. Л. 17.

которое проявится с наибольшей полнотой в 1970—1980-е гг. Структурная перестройка поселенческой сети дополняется разрушением ее социальной сферы: снижается уровень благоустройства поселений и обеспеченности сельских жителей культурно-бытовыми учреждениями.

Динамика расселения на Урале в военные годы определялась противоречивыми факторами. С одной стороны, происходит сокращение численности сельских поселений в связи с административными реорганизациями, в результате чего часть несельскохозяйственных поселений преобразуется в городские. С другой стороны, превращение Урала в один из крупнейших индустриальных регионов страны сказалось не только на расширении городской сети, но и на появлении новых промышленных, транспортных поселений, имеющих сельский статус.

В 1941—1943 гг. в Свердловской области было зарегистрировано 14 новых рабочих поселков, а до конца войны еще 5⁴⁷. Создаваемые в годы войны поселения городского типа вырастали, как правило, из населенных пунктов, ориентированных на добывающие и перерабатывающие отрасли промышленности, торфо- и лесоразработки. Многие из них возникли на волне индустриализации в 1930-е гг. Из небольших поселений они выросли в крупные населенные пункты, достигнув установленных нормативных критериев городских поселений. Нужно сказать, что в годы войны исполком Свердловского областного совета неоднократно направлял в Президиум Верховного Совета РСФСР ходатайства об отнесении крупных промышленных населенных пунктов к категории рабочих поселков, только в 1941—1943 гг. их было более 20. В апреле 1944 г. на рассмотрение были переданы материалы еще по 9 поселениям. Среди представленных вариантов были пос. Горбуново, с. Николо-Павловское (пригородная зона Нижнего Тагила), поселки Красноярка, Марсята, Филькино (Серовский район), Быньги, Шурала, Калиново, Новый Таватуй, Аять (Невьянский район) и другие⁴⁸.

⁴⁷ См.: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. С. 8—13.

⁴⁸ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 5.

По итогам рассмотрения ходатайств были приняты решения о преобразовании только части поселений, изменение статуса остальных было признано преждевременным. Среди причин отказа нередко указывалось на несоответствие государственным интересам: изменение статуса населенного пункта влекло за собой смену социально-правового положения населения, что не всегда было выгодно властям. Жители городских поселений освобождались от сельскохозяйственного налога и обязательных поставок продуктов — одного из источников формирования государственного продовольственного фонда. Кроме того, на них распространялась карточная система, гарантировавшая получение необходимого минимума продуктов питания. В годы войны это были достаточно серьезные мотивы, ограничивавшие масштабы градообразования.

Таким образом, в результате промышленного освоения сельской территории часть поселений за годы войны кардинально меняется, приобретая новые характеристики, позволяющие отнести их к категории городских населенных пунктов. После войны преобразование сельских поселений в городские продолжалось достаточно активно, став одной из причин сокращения численности сельских поселений.

Изменения происходят не только в городском, но и сельском расселении. Одним из последствий роста городов в годы войны стало изменение их границ, сопровождавшееся включением в городскую зону близлежащих сел и деревень. Так, например, в 1941 г. в городскую черту Тавды были включены три населенных пункта⁴⁹. Этот процесс активизировался в послевоенный период в связи с упорядочением вопросов землеустройства. Городам требовались новые пространства для дальнейшего развития, и в облизполкомы стали поступать ходатайства о расширении территорий таких городов и рабочих поселков, как Каменск-Уральский, Карпинск, Сухой Лог, Красноуфимск, Верхняя Тура, Бисерть, Верхняя Синячиха и др. В результате часть пригородных деревень прекращает свое существование.

⁴⁹ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 674.

Другое направление трансформации сельской поселенческой сети было связано с развитием промышленности и транспорта региона в соответствии с оборонными нуждами и формированием на этой основе новых поселений. Так, например, недалеко от пос. Динас Первоуральского горсовета (Свердловская область) в 1941 г. на базе разработок кварцитов для Калатинского медеплавильного завода возник пос. Калата. Первоначально здесь имелся только барак для рабочих, вокруг которого постепенно выросла деревенька⁵⁰. Эти факты не единичны, т. к. нужды фронта требовали увеличения объемов лесозаготовок и добычи минеральных ресурсов. В 1938—1943 гг. Уральским геологическим управлением в общей сложности были открыты четыре месторождения высококачественных железных руд, разведаны и утверждены запасы по девяти, пять месторождений были переданы промышленности для использования⁵¹. На Богословском, Егоршинском, Кизеловском, Челябинском и других угольных месторождениях за годы войны было построено и введено в эксплуатацию более 100 шахт и разрезов с общей годовой мощностью 16 250 тыс. т топлива⁵². Развивалась добыча нефти, торфа, природного газа. Разработка этих ресурсов сопровождалась созданием определенной инфраструктуры, в частности приисковых поселений.

В годы войны растет число транспортных населенных пунктов, обслуживающих железнодорожные магистрали. На уральских железных дорогах за годы войны были введены в эксплуатацию десятки новых станций, разъездов, остановочных площадок. В 1941 г. на железнодорожной ветке Егоршино — Тавда была построена железнодорожная станция Упор, получившая название от фамилии жителей ближайшего села Писанец⁵³.

Итог противоборства разных тенденций отражен в динамике численности сельских поселений Свердловской области, где

⁵⁰ См.: Дунаев Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска. Первоуральск, 1992. С. 32.

⁵¹ См.: Дементьев И. В. Вклад горнорудного Урала в великую победу // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.: Тез. докл. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20—21 апреля 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 74.

⁵² См.: Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 274.

⁵³ См.: Брылин А. И., Коверда П. Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998. С. 185.

по данным административного учета в 1939 г. насчитывалось 6 625, на 13.01.1943 г. — 6 792, на 1.04.1948 г. — 4 349 населенных пунктов⁵⁴. Приведенные сведения, не претендуя на абсолютную точность, позволяют проследить общую тенденцию развития сельского расселения. Незначительный рост численности сельских поселений наблюдается до 1943 г., а затем сменяется достаточно резким сокращением — на 34,3 % в сравнении с 1939 г.

Такая динамика в большей степени характерна для индустриально развитых регионов, где наиболее активно протекают процессы урбанизации. В сельскохозяйственных областях Урала, таких как Курганская, Оренбургская, Башкирская АССР, Удмуртия, динамика более ровная. И хотя количество населенных пунктов здесь также снижается, но не так резко. Темпы «сжатия» поселенческой сети в сельскохозяйственных областях были в несколько раз ниже, чем в промышленных. Если в Оренбуржье, Башкирии и Удмуртии число сельских поселений с 1939 по 1956 гг. сократилось на 4—6 %, то в Свердловской и Пермской областях — на 32—38 %. Промежуточное положение занимают Курганская и Челябинская области, где сокращение составило около 17 %⁵⁵.

Таким образом, намеченная в 1930-е гг. тенденция сокращения сельской поселенческой сети получила дальнейшее развитие в 1940-е, знаменуя ее переход в новое качественное состояние.

Война подтолкнула и ускорила процессы урбанизации на Урале. Расширение городской поселенческой сети происходило в основном за счет сельской местности. В первую очередь эти процессы охватывают промышленно развитые регионы, в сельскохозяйственных областях и республиках они развиваются медленнее, с некоторой задержкой, но это не свидетельствует об их отставании. Напротив, промышленные области в силу объективных обстоятельств

⁵⁴ Здесь приведены данные административного оперативного учета поселенческой сети. Списки населенных пунктов области создавались исполнительными органами по разным причинам. Например, в 1948 г. — с целью составления плана работы Областного лекционного бюро. Сведения административного и статистического учета различаются достаточно существенно, что связано с особенностями регистрации поселений (подсчитано по: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811, 5723, 6026).

⁵⁵ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 195. Л. 85—87; Оп. 336. Д. 133. Л. 175.

начинают форсировать естественные процессы урбанизации, что всегда приводит к неоправданным деформациям структурных и системных характеристик расселения.

После войны (вторая половина 1940-х — начало 1950-х) тенденция сжатия поселенческой сети, дополненная процессами концентрации и укрупнения сельскохозяйственного производства, становится ведущей. Причем необходимо подчеркнуть закономерность этих изменений. Концентрация, укрупнение сельской поселенческой сети опираются на такие объективные предпосылки, как изменение типа демографического воспроизводства, а также сокращение численности сельского населения в результате коллективизации, индустриализации и потерь в годы Великой Отечественной войны, а позднее — в связи с развитием миграционных процессов.

Одновременно в условиях модернизации существенно возрастает роль субъективных факторов, в том числе политики государства в области расселения. Если в 1930—1940-е гг. перемены в сельской местности происходили в целом стихийно и являлись побочным результатом аграрной политики, то в 1950-е гг. правительство непосредственно ставит вопрос о необходимости реконструкции советской деревни и пытается его решить административными методами.

Одним из наиболее значимых мероприятий этого периода, непосредственно отразившихся на структуре расселения, стала кампания по укрупнению колхозов, развернувшаяся в начале 1950-х гг. По своим масштабам и результатам она значительно превысила мероприятия конца 1930-х гг. В целом по СССР в начале 1950-х гг. было укрупнено 79,3 % сельхозартелей⁵⁶. В Свердловской области на 20 августа 1950 г. количество сельхозартелей уменьшилось с 2 124 до 957, а к 1953 г. — до 721 хозяйства⁵⁷. На Урале было объединено 60 % колхозов, причем наибольшего размаха этот процесс достиг в Курганской (55 %) и Свердловской (61 %) областях, а также в Башкирии (51 %). Для расселения такая перестройка имела

⁵⁶ См.: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 207.

⁵⁷ См.: Центр хранения документации общественных организаций Свердловской области (ЦХДОО СО). Ф. 4. Оп. 47. Д. 131. Л. 195; Оп. 50. Д. 211. Л. 4.

принципиальное значение, т. к. произошло перераспределение функций между сельскими населенными пунктами, и в результате сложилась новая внутрихозяйственная система расселения. Если раньше преобладала схема «колхоз — деревня», то в 1950-е гг. колхозы стали включать несколько поселений, иногда десятки деревень, не считая временных населенных пунктов, т. е. происходит переход к многоселенной организации колхозов и соответственно к новой внутрихозяйственной расселенческо-функциональной структуре, в рамках которой выделяются центральная усадьба, поселки отделений, вспомогательные поселения (фермы, станы). По данным ЦСУ РСФСР на начало 1963 г. в Российской Федерации насчитывалось 5 396 совхозов и 17 900 колхозов, имеющих в своем составе около 201 тыс. населенных пунктов. На одно хозяйство в среднем приходилось 8—9 поселений⁵⁸. Из них наиболее крупное и удачно расположенное поселение принимало на себя функции центральной усадьбы, в остальных располагались отделения и фермы укрупненного хозяйства. Возможности и перспективы развития этих периферийных поселений были существенно ниже, чем у центральных.

В 1950-е гг. одновременно с проведением укрупнения все более широко начинают обсуждаться идеи о необходимости кардинальной перестройки поселенческой сети, связанной с укрупнением и концентрацией сельского расселения.

Дополнительным толчком к развитию этих идей послужили решения правительства, направленные на повышение уровня жизни крестьян и благоустройство сельской местности с целью приостановить миграцию сельского населения. В результате в конце 1950-х гг. на уровне строительных министерств разрабатывается концепция реконструкции советской деревни, которая была положена в основу государственной политики в отношении деревни в 1960—1970-е гг. и сыграла решающую роль в дальнейшей трансформации сельской поселенческой сети.

Центральная идея преобразования сельского расселения в этот период состояла в планомерном укрупнении и перестройке суще-

⁵⁸ См.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1277. Л. 100.

ствующей системы населенных мест при одновременном сселении неперспективных малых деревень. В качестве перспективных рассматривались только крупные поселения — центральные усадьбы совхозов и колхозов и административные центры, в которых благоустройство и условия жизни планировалось поднять до уровня городской местности. Соответственно и капиталовложения и новое строительство сосредоточивались именно в них. Нельзя отрицать рационального зерна в этих планах, однако та категоричность и жесткость, с которой они стали внедряться в практику, сыграли негативную роль, ускорив и деформировав естественные процессы свертывания и укрупнения сельской поселенческой сети. Тысячи вполне жизнеспособных деревень попали в «черные» списки, утратив возможность и перспективы развития.

Численность населенных пунктов, требующих неотложных мер по их укрупнению или сселению, составляла по подсчетам специалистов того времени около 80 % общего числа сельских поселений⁵⁹. Только 8 % селений в середине 1960-х гг. насчитывали свыше 500 жителей, их и рассматривали как основу перспективной сети населенных пунктов.

Под влиянием этого фактора — политики реконструкции деревни — процессы концентрации и сокращения поселенческой сети приобретают гипертрофированный характер, приводя к прогрессирующему обезлюдению сельской местности.

В целом, с 1939 по 1989 г. сокращение сельской поселенческой сети по РСФСР составило 2,7 раза, по Уралу — 2,8 (табл. 6.6). Причем наиболее активный этап преобразования расселения приходится на период с 1959 по 1970 г. и следующий за ним промежуток времени. С 1939 по 1959 г. в РСФСР численность сельских поселений сократилась на 27,7 %, что во многом связано с разрушениями в ходе войны, на Урале — на 20,9 %. Учтем при анализе, что этот временной интервал охватывает 20 лет. С 1959 по 1970 г. убыль составила: по РСФСР — 26,7 %, по Уралу — 32,7 %, в последующие годы темпы сокращения несколько снижаются. В целом, уменьшение учетных данных за 1959—1989 гг. произошло почти в 1,5 раза

⁵⁹ См.: Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. М., 1966. С. 6.

Таблица 6.6

*Динамика численности сельских поселений
РСФСР и Уральского региона в 1939—1989 гг.**

Республика, регион, область	1939	1959	1970	1979	1989
РСФСР	406 958	294 100**	216 845	177 047	152 922
Уральский экономический район	46 037	36 424	24 493	19 675	16 706
Башкирская АССР	9 147	8 710	5 769	5 098	4 656
Удмуртская АССР	5 161	4 849	3 130	2 546	2 032
Области:					
Курганская	—	2 270	1 609	1 339	1 253
Оренбургская	4 783	4 576	2 595	2 042	1 768
Пермская	15 160	9 351	6 500	4 984	3 953
Свердловская	5 282	3 549	2 928	2 051	1 782
Челябинская	6 504	3 119	1 962	1 615	1 262

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2, 17; Д. 3996. Л. 50, 64—70; Д. 6121. Л. 68—114; Оп. 27. Д. 195. Л. 85—87; Сельские населенные пункты РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 2, 76—78. (Данные приведены в границах территорий соответствующих лет).

** Данные округлены.

(по РСФСР — 52,0 %, по Уралу — 45,9 %). Одновременно происходит рост средней численности жителей сельских поселений по Уральскому региону с 208 человек на одно селение в 1939 г. до 307 в 1989 г. Снижается численность мелких поселений, и соответственно возрастает удельный вес крупных⁶⁰.

Оценка приведенных в табл. 6.6 данных должна строиться с учетом того, что здесь имеет место несопоставимость сведений в связи с принятием указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР». В результате изменения методов учета из учетных данных были исключены приблизительно 25—30 % сельских поселений, прежде всего ведомственных⁶¹.

⁶⁰ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3996. Л. 7, 50, 64—70; Д. 6121. Л. 2, 23, 68, 79, 82—83, 89, 98, 102, 114; Сельские населенные пункты РСФСР: По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 66, 76—78.

⁶¹ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

Кроме того, при анализе динамики нужно учитывать, что сокращение численности поселений не всегда было связано с их физическим исчезновением. Часть их была объединена в более крупные поселения, другие вошли в состав рабочих поселков или городов или изменили свой статус. Но большинство из них действительно исчезли с карты — либо были заброшены жителями, либо сселены.

Политика сселения начинает проводиться с конца 1950-х гг., однако наибольшего наката достигает в конце 1960-х — первой половине 1970-х гг. В это время сотни малых деревень прекратили свое существование. Многие из них умирали объективно, теряя население, но не все. Под сселение нередко попадали вполне жизнеспособные деревни. Таким образом, процессы свертывания сельской поселенческой сети искусственно и необоснованно ускорялись, нанося удар сельскохозяйственному производству.

В 1980-е гг. с учетом предшествующего опыта задачи в области переустройства села были подкорректированы. Больше внимания стали уделять сохранению и развитию существующих сельских населенных пунктов. Но было уже поздно: число поселений без жителей продолжало расти, остановить процессы обезлюдения сельской местности было уже невозможно.

Сокращение сельской поселенческой сети, которое мы можем наблюдать во второй половине XX в., сопровождалось не только уменьшением численности сельского населения, но и изменением степени заселенности территории, трансформацией структуры и форм расселения. Наиболее заметные перемены были связаны с концентрацией и поляризацией сельского расселения, т. е. сосредоточением населения в относительно немногочисленных, как правило — крупных, поселениях и возвратом от вполне равномерного к очаговому характеру расселения.

Процессы концентрации сельского расселения получили отражение в динамике средних показателей людности, которая продолжает расти на протяжении всего прошлого века и особенно во второй его половине. Если в 1939 г. средняя численность жителей сельских поселений Свердловской области составляла 198,4 чел., в 1979 г. этот показатель достиг 311,5 чел. В последующие десять лет средняя людность сохранилась примерно на том же уровне, составив

в 1989 г. 310,7 человек. Однако рост средней людности является следствием не укрупнения поселенческой сети, а скорее ее поляризации — увеличения доли мельчайших и крупных поселений при одновременном сокращении числа мелких и средних. Эта тенденция хорошо прослеживается по табл. 6.7.

Таблица 6.7

*Динамика численности сельских населенных мест
Свердловской области в зависимости от численности жителей
в 1939—1989 гг. **

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет жителей	18	519	555	87	152
Менее 5	796	272	217	83	118
6–10	573	218	172	73	88
11–50	1 706	779	539	371	307
51–100	928	591	338	278	237
101–200	973	759	459	393	287
201–300	460	391	351	195	190
301–400	288	261	202	153	116
401–500	225	150	147	95	67
501–1 000	413	363	331	264	209
Более 1 000	245	142	153	142	154
Нет сведений	0	419	2	0	0
<i>Всего</i>	<i>6 625</i>	<i>4 864</i>	<i>3 466</i>	<i>2 134</i>	<i>1 925</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Прежде всего обращает на себя внимание достаточно высокий удельный вес поселений, где нет жителей: если в 1939 г. такие поселения составляли 0,3 %, то в 1956 г. — 10,7 %, а в 1970 г. — 16,0 %. В последующие годы в Свердловской области в абсолютном выражении численность таких поселений сокращается, однако их удельный вес остается по-прежнему высоким: в 1979 г. — 4,1 %, а в 1989 г. — 7,9 %. Опустевшие деревни являются наиболее ярким отражением процессов обезлюдения сельской местности. Это, как правило, небольшие поселения, расположенные в удале-

нии от городских и административных центров и транспортных линий. Они первыми начинают терять население в условиях модернизации и наиболее активно превращаются в пустоши.

Одновременно происходит сокращение удельного веса малых поселений с численностью населения до 200 человек: с 75,4 % в 1939 г. до 61,8 % в 1989 г. Доля крупных поселений (свыше 500 человек), напротив, увеличилась с 5,8 % в 1939 г. до 18,8 % в 1989 г. Причем в абсолютном выражении крупные поселения пострадали в наименьшей степени в сравнении с другими категориями населенных пунктов, их численность сократилась незначительно, средние и мелкие поселения — более чем в 5 раз.

Приведенная выше картина имеет региональную специфику. Средний Урал, где изначально преобладали мелкие поселения, демонстрирует наиболее агрессивную динамику. На Южном Урале, для которого характерна преимущественно средне- и крупнопоселенная структура, изменения были более спокойные. Сокращение поселенческой сети происходит и здесь, но не в таких масштабах. Если в Свердловской области численность поселений с 1939 по 1989 г. сократилась в 3 раза, то в Башкирии — в 2 раза, в Оренбуржье — в 2,7 раза. Интересно, что, несмотря на структурные сдвиги, стабильным остается модальное значение людности сельских поселений. В Свердловской области на протяжении практически всех лет наиболее часто встречаются мельчайшие поселения с числом жителей от 11 до 50 человек, что свидетельствует о детерминированности исторически сложившейся поселенческой сети внешними факторами, прежде всего природно-географическими.

Во второй половине XX в. существенно изменилось распределение сельских поселений по типу. Вплоть до 1930-х гг. в структуре преобладали варианты поселений, свойственные аграрному обществу: села, деревни, выселки (табл. 6.8). Они составляли в 1939 г. 45,8 %, а к 1989 г. их удельный вес вырос до 69,6 %. Увеличение доли традиционных вариантов поселений носит в определенной степени искусственный характер, связанный с унификацией поселенческой сети и приведением всего многообразия исторических типов поселений к упрощенной схеме: село, деревня, поселок. Эта тенденция, связанная с упрощением и унификацией структуры по-

селений, в целом понятна и в некотором смысле закономерна, но вместе с тем осложняет анализ расселения. Сведения 1939—1956 гг. в этом отношении гораздо богаче и интереснее и позволяют проследить основные варианты поселений и их динамику.

Таблица 6.8

*Динамика численности сельских населенных мест
Свердловской области в зависимости от типа в 1939—1989 гг. **

Тип поселения	1939	1956	1970	1979	1989
Аул	0	23	20	0	0
Барак	1 159	92	3	0	0
Будка	343	151	39	0	0
Выселок	447	160	5	0	0
Дачный поселок	7	1	0	0	0
Деревня	2 227	2 014	1 663	1 117	988
Займка	5	4	0	0	0
Зимовье	1	1	0	0	0
Казарма	5	1	42	0	0
Кордон	175	20	24	0	0
Мельница	0	8	0	0	0
Поселок	1 494	1 821	1 326	671	586
Село	360	344	333	346	351
Хутор	387	43	11	0	0
Юрта	15	0	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>6 625</i>	<i>4 864</i>	<i>3 466</i>	<i>2 134</i>	<i>1 925</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

В структуре расселения 1939 г. выделяются разновидности ведомственных поселений — транспортные (железнодорожные), лесные, а также бараки. Все они к 1989 г. исчезают из списков. Транспортные поселения различались своими функциями и размером и включали следующие варианты: станции, казармы, бараки, будки, разъезды. Применительно к рассматриваемому периоду (1939—1989) в списках встречается два типа поселений: будка и казарма, а станции и разъезды обозначались как поселок, что подчеркивало их более

высокий производственный и административный статус. Железнодорожные будки выступали структурными единицами путевой службы, в них проживали 1—2 семьи рабочих. Как правило, численность жителей таких населенных пунктов колебалась от 4 до 12 человек. А сами будки состояли из 1—2 домов с огородами. Казармы представляли собой более крупный вариант поселения с числом жителей до 50 и более человек. Здесь сосредоточивались ремонтные службы железной дороги. Застройка таких поселений носила типовой характер и включала производственные помещения, бараки для железнодорожников, иногда несколько индивидуальных домов. В 1960-е гг. эти поселения как ведомственные перестали учитываться и вскоре действительно исчезли, т. к. изменились технологии обслуживания транспортных путей и отпала необходимость их содержания. Та же судьба постигла лесные кордоны — необходимый элемент лесохозяйственной деятельности. До 1970 г. они еще фиксируются в справочниках, а потом теряют статус самостоятельного поселения, хотя продолжают существовать вплоть до настоящего времени согласно положенным в отрасли нормативам.

Встречающиеся в структуре расселения Свердловской области аулы и юрты стали отражением национальной специфики поселенческой сети. Ю р т о й в 1939 г. обозначались поселения манси, расположенные в Ивдельском районе. Позднее в результате проведения политики оседлости в отношении кочевого и полукочевого населения для них стали создаваться стационарные населенные пункты, которые в справочниках обозначались как поселки. Общая их численность, если судить по наименованиям и преобладающей национальности, во второй половине XX в. изменилась мало. Так, к 1970 г. в Свердловской области насчитывалось 13 поселений манси, а в 1989 г. — 662. Таким образом, сохраняя свой этнический колорит, эти поселения теряют историческое обозначение и регистрируются как «поселок».

Аналогичная ситуация складывается с такой разновидностью поселений как, а у л. Этот тип характерен для кочевых народов.

⁶² См. об этом подробнее: *Мазур Л. Н.* Села и деревни Среднего Урала в XX веке: Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург, 2003. С. 80.

На Урале — это казахи. Аулы встречаются во множестве в списках 1956 и 1970 гг. Нередко они так и назывались — *Аул казахов*, или в названии использовалась фамилия главы рода — *Аул Абишевых*, *Аул Жамбекова* и т. д. На самом деле численность казахских поселений была больше, т. к. не все они обозначались как аул, среди них были деревни, выселки, кордоны. Все зависело от того, как осуществлялось заселение. Если казахи занимали опустевшие деревни или кордоны, то в этом случае за населенным пунктом сохранялось старое название. Все поселения казахов имели сельскохозяйственную направленность и так или иначе были связаны с животноводством. В 1979 г. аулы в списках населенных мест не зафиксированы, и расселение казахов соотносится уже с таким типом, как деревня.

В структуре расселения особое место занимают бараки. Как тип поселения они впервые встречаются в 1920-е гг., а наиболее высокого удельного веса достигают к 1939 г. — до 17,5 %, затем наблюдается резкое сокращение их численности, и к 1979 г. бараки исчезают совсем. Судя по хозяйственной направленности и названиям этих населенных мест, они выполняли функции временных поселений для определенных категорий работников — лесорубов, строителей, дорожных рабочих, приисковых работников, т. е. были связаны с несельскохозяйственными видами деятельности. Потребность в таких временных пристанищах возникает в случаях удаленности мест приложения труда от места жительства работников. С развитием дорожной сети и транспорта появляются другие возможности кадрового обеспечения производственного процесса. В целом, бараки можно рассматривать как промежуточный вариант населенного пункта в условиях экстенсивного промышленного освоения территории, который не имеет перспектив развития в полноценное поселение.

К 1979 г. из всего многообразия сельских поселений, наблюдаемого в первой половине и середине XX в., сохраняются только три типа: посело^к, село, дерев^{ня}. Это деление не нашло отражения в нормативных документах, но использовалось административными органами на уровне рекомендаций.

• Селом по традиции обозначали крупные сельскохозяйственные поселения — центры хозяйств. Они на протяжении всего изучае-

мого периода оставались наиболее стабильной категорией поселений. В абсолютном выражении села сократились в Свердловской области с 1939 по 1989 г. всего на 9 единиц. Судя по всему, колебания численности сел стали следствием их статусной мобильности. Многие из них, например Гари, Байкалово и др., были преобразованы в городские поселения. В свою очередь, в разряд сел переместились некоторые крупные деревни, получившие функции центральных усадеб колхозов и совхозов.

- Деревни — как тип поселений — оказались в центре перемен. Их общая численность с 1939 по 1989 г. сократилась в 2,3 раза, хотя удельный вес в структуре расселения вырос с 33,6 до 51,3 %. Деревнями в 1970-е гг. в соответствии с традицией стали называть сельскохозяйственные поселения, связанные с колхозно-кооперативной формой собственности. Хотя в ряде случаев это обозначение сохранялось для поселений, вошедших в состав совхозов.

Таким образом, представления о деревне и селе во второй половине XX в. соотносились только с сельскохозяйственными населенными пунктами, и исторический контекст этих понятий в сравнении с более ранним период существенно сузился.

- В отличие от них поселок, как тип поселения, наполняется новыми и разными смыслами. Поселками называли такие поселения, где размещалось промышленное производство, транспортные предприятия, а также усадьбы и отделения совхозов, подсобные хозяйства промышленных предприятий, т. е. это преимущественно несельскохозяйственные населенные пункты. Исключение составляют совхозные поселки, но они изначально воспринимались и оценивались как принципиальное новое явление, качественно отличное от традиционной деревни. Численность поселков в структуре расселения сократилась в абсолютном выражении в 2,5 раза, что неудивительно, т. к. к этой категории относилось достаточно много ведомственных и временных поселений, снятых в 1960-е гг. с учета. Но удельный вес поселков вырос с 22,6 % в 1939 г. до 30,4 % в 1989 г. Подобные изменения структуры расселения по типу являются одним из характерных признаков урбанизации расселения.

Между типом поселения и людностью наблюдается достаточно тесная взаимосвязь (табл. 6.9). На протяжении изучаемого периода происходит сокращение средней людности деревень с 223,9 человек в 1939 г. до 146,7 человек в 1989 г., т. е. эта категория поселений соотносится преимущественно с мелкими. Села, напротив, представлены в большей степени крупными поселениями — свыше 500 человек, их средняя людность в 1930—1980-е гг. колеблется на уровне 800—946 человек. Такие населенные пункты, как поселки, демонстрируют наиболее неустойчивую динамику людности: от 145 человек в среднем на 1 поселение в 1956 г. — до 304,5 в 1979 гг., но это результат несопоставимости данных в связи с изменениями методов учета. Остальные типы поселений — бараки, будки, выселки, хутора и пр., представленные в табл. 6.9, по своим показателям людности относятся к категории мелких.

Весьма показательны в плане характеристики структуры поселенческой сети распределение населенных мест Свердловской области в 1939—1989 гг. в зависимости от экономической специализации поселений (табл. 6.10). Все сельские поселения принято

Таблица 6.9

*Средняя людность сельских поселений Свердловской области
в зависимости от типа, чел. **

Тип поселения	1939	1956	1970	1979	1989
Всего	198,4	191,7	243,4	311,5	310,7
Деревня	223,9	188,9	176,6	163,4	146,7
Село	946,9	800,6	910,1	803,3	800,7
Поселок	266,8	145,4	184,8	304,5	293,9
Барак	33,4	3,2	14,0	—	—
Будка	7,6	8,1	10,4	—	—
Выселок	44,2	40,8	12,2	—	—
Казарма	44,2	29,0	15,9	—	—
Кордон	18,4	8,6	8,1	—	—
Хутор	25,2	8,2	11,5	—	—

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

подразделять на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные, к последней категории относятся промышленные, транспортные, лесохозяйственные, рекреационные поселения, а также населенные пункты, связанные с образовательной сферой и другими видами деятельности: воинские части, лагерные поселения, обсерватории и т. п. Расширение экономической специализации — это показатель, отражающий качественную перестройку сельской местности. Она перестает быть только местом приложения сельскохозяйственного труда; усложнение экономической структуры индустриального общества непосредственно отражается и на отраслевой структуре сельской местности и ее пространственной организации.

Таблица 6.10

*Динамика численности сельских населенных мест
Свердловской области в зависимости от хозяйственной
направленности в 1939—1989 гг. **

Хозяйственный статус поселения	1939	1956	1970	1979	1989
Всего	6 625	4 864	3 466	2 134	1 925
Административный	19	16	7	5	2
Агропромышленный	0	0	6	Нет св.**	6
<i>Сельскохозяйственные поселения</i>					
Всего	3 836	2 732	2 030	1 527	1 330
В том числе:					
сельскохозяйственные	3 682	2 574	728	239	376
центральная усадьба МТС	1	0	0	0	0
центральная усадьба совхоза	32	17	159	158	221
правление колхоза	0	2	84	75	61
бригада колхоза	0	19	294	262	149
ферма колхоза	3	0	0	0	0
отделение совхоза	71	35	709	742	483
подсобное хозяйство	31	73	35	41	25
рыбное хозяйство	1	4	6	4	6
охотхозяйство	15	8	15	6	9
<i>Несельскохозяйственные поселения</i>					
Всего	2 716	1 621	980	521	446
В том числе:					
воинская часть	0	3	2	0	0
промышленные	583	225	252	131	177

Окончание табл. 6.10

Хозяйственный статус поселения	1939	1956	1970	1979	1989
геологоразведка	1	0	3	4	1
дачный поселок	0	0	0	0	3
транспортные	823	488	327	123	106
рекреационные (санатории, дома отдыха, пионерское лагерь и пр.)	84	53	64	33	24
лесное хозяйство	133	157	32	4	24
лесопромышленные	1 077	689	289	223	94
образование	4	1	2	3	1
обсерватория	0	1	0	0	0
радиостанция	1	1	0	0	0
спецпоселок, участок ОИТК, учреждение ***	10	3	9	Н. св.***	16
Нет жителей	0	493	315	73	131
Нет сведений	54	2	128	8	10

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** В списках не отмечены поселения, относящиеся к вариантам «агропромышленный» и «учреждение», в более ранний и более поздний период они фиксировались. Вероятно, это связано с недостатками учета.

*** Уточнить, что в статистическом учете понималось под вариантом «учреждение», не удалось, хотя, по общему мнению, это закрытые поселения, связанные с пенитенциарной системой.

Удельный вес сельскохозяйственных поселений в 1939 г. составил 57,9 %, сохраняясь примерно на этом же уровне вплоть до 1970-х гг. В 1979 г. их удельный вес возрастает до 71,6 %, а в 1989 — до 69,9 %. В абсолютных значениях численность сельскохозяйственных поселений сократилась почти в 2,9 раза. Такая динамика является отражением общих закономерностей эволюции сельскохозяйственного производства, особенно в условиях развития кооперации и агропромышленной интеграции, развернувшихся в 1970-е гг. Концентрация производства неизбежно сопровождалась концентрацией расселения, усиленной политикой реконструкции советской деревни. В результате происходит резкое сокращение общей численности сельскохозяйственных поселений.

Доказательством новых тенденций развития сельского хозяйства становится появление новой категории поселений — а г р о п р о -

мышленных. Они рассматривались специалистами 1970-х гг. как наиболее перспективный вариант развития сельского расселения, путь, по которому пойдет перестройка других сельскохозяйственных поселений. Однако создание многоотраслевых агропромышленных поселений было связано с наличием определенных внутренних и внешних предпосылок, среди которых немаловажную роль играли природно-географический и транспортный факторы. А таким требованиям отвечали единицы, и не случайно подобных поселений оказалось очень мало. В Свердловской области в 1970—1980-е гг. агропромышленных поселков насчитывалось всего 6, и на протяжении всего изучаемого периода преобладали только моноотраслевые поселения.

В табл. 6.10 нашли отражение не только расширение и усложнение отраслевой специализации сельских поселений, но и дифференциация сельскохозяйственных поселений в зависимости от выполняемых ими функций. В ходе укрупнения колхозов в 1930—1950-е гг. появляются центральные и периферийные поселения. В таблице они обозначены как «правление колхоза» и «бригада колхоза». Центральные поселения, сохраняя функции производственного и административного управления, рассматривались как основа перспективной поселенческой сети. Именно в них поддерживалась социальная инфраструктура — строились клубы, торговые и бытовые учреждения, велось жилищное строительство. Численность таких поселений остается достаточно стабильной, свидетельствуя об уровне их жизнеспособности. Иная картина наблюдается среди периферийных поселений: это деревни, где располагалась либо бригада колхоза, либо ферма, т. е. они имели статус подразделений. Перспективы их развития были весьма туманны. Долгое время они рассматривались как неперспективные, их предполагалось постепенно ликвидировать, а жителей переселить на центральную усадьбу. Капитального строительства здесь не велось, закрывались школы, магазины. Периферийные поселения наиболее быстро теряли население и становились нежилыми. Их численность за 1956—1989 г. сократилась почти в 2 раза, часть из них в ходе перевода колхозов в совхозы в 1960-е гг. получила статус отделений совхоза, другая часть была сселена.

Положительная динамика отмечается у поселений, обозначенных как «центральная усадьба совхоза». Их численность выросла с 1956 по 1989 г. в 13 раз. Причем наиболее интенсивно рост наблюдался в 1960-е гг., когда значительная часть колхозов региона и страны были преобразованы в совхозы; бывшие центры колхозов получили новый статус и новые возможности для развития. В 1970—1980-е гг. незначительный рост данной категории поселений продолжается в связи с практикой разукрупнения советских хозяйств.

Нелинейная динамика характерна и для «отделений совхозов». Появившись в 1930-е гг., эти поселения изначально формировались и развивались как периферийные населенные пункты с ограниченным набором функций, но нередко они достигали достаточно больших размеров. В 1960-е гг. их численность резко возрастает в результате преобразования сотен колхозных деревень в совхозные отделения. С 1979 по 1989 г. происходит сокращение числа подобных поселений почти в 1,5 раза.

Достаточно ровную динамику демонстрируют поселки подсобных хозяйств промышленных предприятий. Их появление связано либо с передачей слабых колхозов промышленным предприятиям для обеспечения их продуктами земледелия и животноводства (такой вариант достаточно часто встречается в годы войны и в послевоенный период), либо предприятиям выделялись земельные массивы, на которых они своими силами организовывали сельскохозяйственное производство: строили фермы, парники, занимались огородничеством и т. д. Второй вариант получает распространение в 1960—1980-е гг. Так, например, в 1984 г. в Свердловской области был зарегистрирован пос. Красноармейский, возникший в связи с созданием подсобного хозяйства пассажирского транспортного предприятия. В 1981 г. под строительство был отведен земельный участок, где был построен коровник на 400 мест. Одновременно началось строительство дороги, линии электропередач, котельной, жилых домов. В построенном рядом с комплексом поселке проживало 150 человек. Интересно, что поселок возник недалеко от поселения, снятого с учета в 1962 г. в связи с прекращением производственной деятельности предприятия п/я 2683, которое называлось

Красноармейским⁶³. На территории Нижнесергинского района в 1986 г. был зарегистрирован пос. Новая Ельня, появившийся в связи с созданием подсобного хозяйства курорта Нижние Серьги. Население поселка составило на момент регистрации 53 человека. Новый поселок возник в результате переноса подсобного хозяйства курорта на новое место, т. к. старое попало в санитарную зону водозабора г. Первоуральска. На новом месте помимо восьми двухквартирных домов были построены также магазин и детские ясли⁶⁴.

Очень интересна динамика изменения несельскохозяйственных поселений (см. табл. 6.10). В целом, с 1939 по 1989 г. происходит их значительное сокращение — почти в 6,1 раза. Удельный вес также сокращается с 41,0 % в 1939 г. до 23,2 % в 1989 г. Казалось бы, в условиях формирования индустриального общества доля и общая численность таких поселений должны возрастать. А мы наблюдаем противоположную картину, но это вполне объяснимо. Данные 1939 г. в этом отношении, пожалуй, наиболее наглядны: отсутствие устоявшейся практики учета привело к тому, что в это время фиксировались все населенные места — не только крупные постоянные поселения, но и мельчайшие, временные. В списках нашли отражение сторожевые избушки, бараки лесорубов и т. д. Итак, в определенном смысле картина расселения, воспроизведенная в списках 1939 г., является наиболее полной.

В дальнейшем, в связи с ужесточением правил учета, значительная часть поселений перестала учитываться, и это прежде всего коснулось несельскохозяйственных поселений: лесохозяйственных, железнодорожных, рекреационных и пр. Немаловажным фактором сокращения численности лесохозяйственных и железнодорожных поселений стало изменение технологий, продуцирующих новую, более разреженную систему внутрихозяйственного расселения. Это нашло отражение в сведениях таблицы, где отрицательную динамику демонстрируют в первую очередь транспортные и лесопромышленные поселения.

⁶³ См.: ГАРФ. Ф. 385. Оп. 17. Д. 4845. Л. 1.

⁶⁴ См.: Там же. Д. 4874. Л. 1.

Сокращается также число промышленных поселений, ориентированных на добывающую промышленность, производство строительных материалов (кирпичные заводы) и т. д. Часть их перерастают в городские поселения или входят в городскую черту, другие закрываются в связи с истощением ресурсной базы.

Таким образом, общее сокращение численности несельскохозяйственных поселений является отражением специфики расселения в условиях индустриализации и урбанизации сельской местности, связанной с созданием сети отраслевых, временных и мелких поселений. Многие из них имели действительно непродолжительный жизненный цикл. Другие во второй половине XX в. просто перестали рассматриваться как самостоятельные поселения. Хотя в целом роль таких населенных пунктов в сельском расселении возрастает, придавая самому расселению индустриальный оттенок.

Хозяйственный статус и людность поселений — взаимосвязанные параметры. Наиболее высокий показатель людности характерен для административных центров, его значение достигает в 1989 г. максимального размера — 4 047 человек — и имеет на протяжении изучаемого периода положительную динамику (табл. 6.11). Средняя людность железнодорожных поселений вырастает с 1939 по 1989 г. практически в 2 раза — с 77,1 до 144,8 человек. Еще более значительны темпы роста для лесохозяйственных и лесопромышленных поселений: их средняя людность выросла почти в 5 раз. Именно в этих категориях поселений наиболее отчетливо проявились процессы концентрации и укрупнения. Напротив, сельскохозяйственные поселения демонстрируют отрицательную динамику: в них средняя численность населения сокращается с 236,7 в 1939 г. до 128,6 человек в 1989 г., достигая минимального значения в 1979 г. — 81,5 человек. Среди сельскохозяйственных поселений тенденцию к росту отражают центральные усадьбы совхозов и правления колхозов, периферийные поселения — отделения совхозов и бригады колхозов — имеют достаточно ровную отрицательную динамику: соответственно в среднем 226 и 169 человек. Промышленные поселения весьма неустойчивы, их средняя людность колеблется от 142,8 до 376,8 человек в разные годы. Причем динамика нелинейная: в 1939—1959 гг. средняя людность промышленных поселений

сокращается почти в 2,5 раза, а затем этот показатель достаточно стабильно растет. Такая картина — результат как концентрации промышленного производства, так и ликвидации мелких промышленных поселений.

Таблица 6.11

*Средняя людность сельских поселений Свердловской области
в зависимости от хозяйственного статуса, чел. **

Хозяйственный статус	1939	1956	1970	1979	1989
Административный**	2 030,8	2 306,4	1 722,6	2 480,8	4 047,0
Железнодорожный	77,1	150,0	134,8	162,8	144,8
Лесное хозяйство	27,2	12,5	34,2	137,8	131,8
Лесопромышленное хозяйство	82,2	165,7	289,1	435,2	422,8
Промышленный	356,7	142,8	245,7	347,7	376,8
Сельскохозяйственный	236,7	253,1	219,0	81,5	128,6
Центральная усадьба совхоза	306,4	417,9	1 141,8	1 105,3	1 034,2
Отделение совхоза	Н. св.	214,3	238,7	247,2	204,0
Правление колхоза	—	Н. св.	682,9	702,9	851,1
Бригада колхоза	—	Н. св.	188,4	165,8	153,2
Подсобное хозяйство	55,7	76,1	159,9	287,5	165,2

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** К этой категории были отнесены районные центры.

Анализируя результаты развития сельской поселенческой сети в 1930—1980-е гг., приходится констатировать, что процессы модернизации захватили все уровни системы расселения, однако дать точную количественную оценку изменений затруднительно. Можно лишь предположить, что реальное сокращение сельской поселенческой сети по всем категориям поселений, а особенно мелких и несельскохозяйственных, было все же меньше, чем это отражено в учетных данных. А если учесть такие обстоятельства, как развитие коллективного садоводства, что не принималось во внимание системой учета и статистикой, то можно говорить о формировании уже в 1970-е гг. тенденции децентрализации сельского расселения, связанной с перераспределением функций между городской и сельской местностью. Последняя становится все более

привлекательной для жителей крупных городов, которые стремятся иметь в деревне свой домик, садовый участок. И здесь реализуются не столько экономические потребности, сколько стремление к смене обстановки, отдыху от городской суеты и шума. Сельская местность принимает на себя рекреационные функции. Отток городских жителей в деревню носит сезонный и временный характер, но вместе с тем формирует новую картину расселения, закладывая основы принципиальной перестройки сельской поселенческой сети и перехода ее в новое качество.

Наиболее существенным следствием всех структурных и пространственных изменений, произошедших в сельском расселении XX в., является то, что на значительной части России и Урала равномерное сельское расселение, характерное для аграрного общества, практически перестает существовать. Оно распалось на две части, резко отличающиеся друг от друга в демографическом, экономическом плане и по культурно-бытовым характеристикам.

Первая, наиболее жизнеспособная, часть поселений представлена населенными пунктами, сохранившими административные и производственные функции; это наиболее устойчивый элемент сельского расселения, его каркас.

Вторая, деградирующая, часть сельского расселения — периферийные, мелкие поселения, потерявшие или теряющие возможности демографического, социального, экономического воспроизводства и развития. В эту группу попадают в первую очередь отдаленные от городских центров и транспортных линий населенные пункты. В результате на окраинах локальных систем расселения появляется сеть действительно неперспективных поселений, которые постепенно умирают. Это приводит к обезлюдению обширных пространств, а система расселения из равномерной преобразуется в очаговую.

Сильнее и раньше всего депопуляционные и деструктивные процессы проявились в регионах с преобладанием мельчайших поселений и там, где привлекательность городов особенно велика — в зонах влияния бурно развивающихся промышленных центров (например, на Урале). Здесь средние поселения практически

исчезают, а на полюсах сосредоточивается два вида — крупные и множество мелких населенных пунктов. Первые играют роль опорных точек хозяйственного развития территории и составляют каркас расселения, вторые находятся на грани исчезновения, и если не будут предприняты со стороны государства какие-либо целенаправленные мероприятия по их поддержанию, то это приведет к деградации и разрушению сельской местности.

Несколько иная картина в регионах с преобладанием средних по числу жителей населенных пунктов. Здесь темпы сокращения поселенческой сети не так значительны, и пока рано говорить о массовом исчезновении поселений. Структура расселения более устойчива. Однако это не гарантирует, что деструктивные процессы не проявятся и здесь. Тенденция концентрации населения в крупных поселениях пока сохраняет свою силу, и постепенно она проявляется на этих территориях, в частности в Поволжье и Южном Зауралье.

Таким образом, в 1980—1990-е гг. в системе расселения урбанизированных регионов России, к которым относится Средний Урал, все более явно проявляются черты, соответствующие качественно новой стадии расселения — стадии д е к о н ц е н т р а ц и и. Особенно четко они прослеживаются в тех районах, которые тяготеют к крупным городам. Крупные поселения, расположенные в зоне влияния агломераций, все более плотно интегрируются в городскую среду, и хотя они сохраняют свою сельскохозяйственную направленность, однако образ жизни и элементы инфраструктуры этих поселений начинают приобретать урбанизированные черты. В пригородах крупных городов идет активный процесс формирования поселков-спален, в современных условиях он ускоряется в связи с коттеджным строительством. Небольшие поселения, расположенные в зоне 1—2-часовой доступности, становятся преимущественно местами отдыха горожан, что также меняет их функциональную направленность. Сельские территории, расположенные вдали от транспортных линий и городских центров, переживают не лучшие времена. Здесь продолжается депопуляция населения и деградация поселенческой сети. Деструктивные процессы затронули все типы поселений, — правда, в разной степени.

Глава 7

СУДЬБЫ УРАЛЬСКИХ ДЕРЕВЕНЬ
В XX в.: МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Динамические модели сельских поселений

Общие закономерности развития расселения проецируются и на более низкий уровень организации системы — конкретный населенный пункт. Судьба каждого поселения индивидуальна, различается и динамика их развития. Некоторые из них на протяжении всего изучаемого периода сохраняют положительный заряд и развиваются во всех отношениях — демографическом, экономическом, социальном — весьма активно. Другие, напротив, уже в первой половине XX в. начинают терять население, функции и перспективы развития. Эта идея о существовании перспективных и неперспективных деревень длительное время была краеугольным камнем государственной политики, обосновывающим дифференцированный подход к сельским поселениям, их развитию и преобразованию. Но ситуация намного сложнее этой схемы. На эволюцию поселений влияет целый ряд факторов, их взаимодействие обуславливает положение населенного пункта в системе и варианты его эволюции. В конечном итоге любая деревня, село, поселок переживают урбанизационный переход, но по-своему. Выявление этого своеобразия и определение моделей поведения поселений в условиях модернизационного перехода стало основной задачей данного исследования.

На территории Свердловской области в XX в. в общей сложности насчитывалось 3 164 постоянных населенных пункта¹. Это поселения, которые фиксировались в регистрационных списках на протяжении нескольких десятилетий. Жизненный путь абсолютного большинства постоянных поселений начался еще в XVI—XIX вв., в условиях традиционного общества. В XX в. часть из них прекратили свое существование, другие изменили статус, хозяйствен-

¹ Здесь и далее, если нет ссылок на источник, показатели определены по БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

ные функции. К 1989 г. общая численность постоянных поселений в области составила 1 925. Любопытно, что населенные пункты, появившиеся в XX в., как правило, существовали сравнительно недолго — несколько десятилетий. Поэтому многие из них — выселки, хутора, поселки, основанные в начале XX в. и в 1920—1930-е гг. и быстро исчезнувшие из регистрационных списков, — попали в категорию временных.

Анализ динамики постоянных поселений позволил выявить следующие типы (модели) эволюции:

- 1) линейный убывающий (60,12 % поселений);
- 2) линейный возрастающий (9,41 %);
- 3) полином 2 – (парабола ветвями вниз) (18,68 %);
- 4) полином 2 + (парабола ветвями вверх) (2,65 %);
- 5) полином 3 – + – (4,62 %);
- 6) полином 3 + – + (2,97 %).

Кроме того, ряд поселений (1,55 %), отличающихся нестандартным поведением, был выделен в отдельную группу — прочие.

В системе сельского расселения Среднего Урала наиболее часто встречаются модели 1-го и 3-го типов (рис. 7, 8), где преобладает отрицательная динамика (78,8 %). Именно они отражают «естественный», или «нормальный», вариант развития сельских поселений в условиях модернизационного перехода. Первый тип модели — «линейный убывающий» (60,12 %) — характерен для всех категорий поселений (табл. 7.1), но в первую очередь для средних (от 200 до 500 человек) и мелких (до 200 человек). Более 65 % этих населенных пунктов стабильно теряют население. Несколько иная картина свойственна крупным поселениям (свыше 500 человек). В этой категории меньше половины (46,1 %) имеют отрицательную линейную динамику.

Тенденция измельчания поселений была отмечена исследователями еще в 1960-е гг. как наиболее распространенный вариант развития. Однако причины сокращения сельского населения воспринимались как следствие непродуманной социально-экономической политики в деревне. Позднее, с осознанием особенностей функционирования переходных обществ, пришло понимание закономерности такой модели, которая стала результатом влияния как демографических, так и экономических факторов, связанных с концентрацией

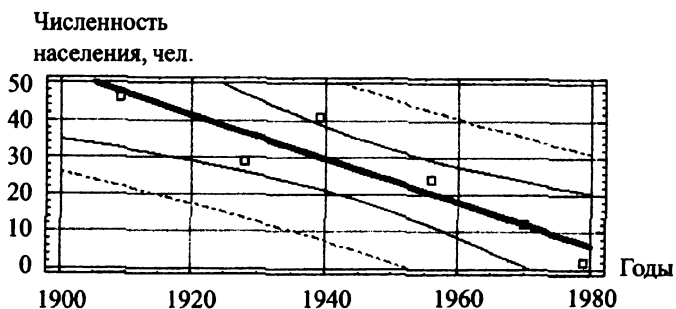

Рис. 7. Первый тип динамической модели:
линейная убывающая функция

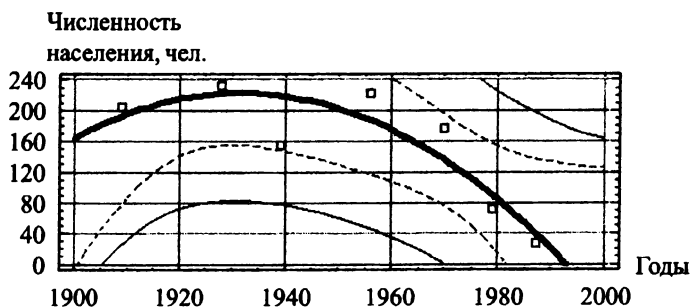

Рис. 8. Третий тип динамической модели:
квадратичная функция (парабола ветвями вниз)

производства и пространственным перераспределением демографических ресурсов в соответствии с новыми укрупненными формами хозяйствования.

Достаточно характерным примером такого типа динамики выступает старинное село Краснополье Пригородного района, образованное еще в XVII в. В начале XX в. в селе имелись церковь, двухклассное училище, волостное правление, семь торговых и одна винная лавка, земский фельдшерский пункт. В течение века (1909—1989) численность населения сократилась с 1 047 до 522 человек. Потеря населения способствовала близость такого крупного центра, как Нижний Тагил, на приисках и заводах которого население Краснополья подрабатывало в свободное от сельскохозяйственных занятий

Таблица 7.1

*Распределение сельских поселений по категории людности, %**

Тип динамики	Мелкие	Средние	Крупные
1-й (линейный –)	65,4	66,0	46,1
2-й (линейный +)	6,1	7,7	17,7
3-й (полином 2 –)	20,4	14,4	12,0
4-й (полином 2 +)	1,2	2,4	7,0
5-й (полином 3 – + –)	2,6	5,4	10,6
6-й (полином 3 + – +)	3,3	2,1	4,2
Прочие	1,0	2,0	2,4
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX в.»

время еще в XIX в. Свою роль сыграло создание в селе в 1970-е гг. отделения совхоза, в результате чего все основные финансовые потоки были направлены в центральную усадьбу, и социальная сфера села пришла в упадок. Такая модель развития поселения типична, особенно в горно-заводской зоне, где процессы урбанизации протекают наиболее активно.

Сходный вариант развития демонстрирует село Аверинское Сысертского района, образованное во второй половине XIX в. Плодородных земель здесь было мало, поэтому изначально для жителей деревни важную статью дохода составляли дополнительные заработки: они занимались извозом, углежжением пимокатным промыслом. Близость Екатеринбурга уже в начале XX в. стала причиной оттока населения. Село развивается по линейной убывающей модели, численность жителей сократилась в 3,5 раза: с 1 292 человек в 1909 г. до 371 в 1989 г. Свою роль в формировании этой тенденции сыграли коллективизация, репрессии и Великая Отечественная война. Десятки семей были раскулачены, в 1937 г. по обвинениям в антисоветской деятельности было расстреляно 50 аверинцев, 20 оказались в лагерях. В годы войны село потеряло 62 человека. Оправиться от этих потерь Аверинское уже не смогло. В 1950-е гг. изменился административный и хозяйственный статус села. В результате укрупнения сельсовет был перенесен в с. Щелкун, так же

как и хозяйственный центр. Все эти обстоятельства в совокупности привели к тому, что крупное многолюдное село к концу века стало небольшой деревней, где значительная часть населения представлена дачниками. Приведенные примеры иллюстрируют еще один момент: поселения, расположенные в зоне влияния крупных городов, раньше вступают в стадию урбанизации и начинают терять население.

Динамика поселений 3-го типа отличается тем, что до 1930-х гг. здесь наблюдается рост численности населения, в послевоенные годы сменившийся достаточно резким спадом. Такая картина свойственна не только крупным и средним поселениям сельскохозяйственного профиля, но и мелким, причем они имеют наибольший удельный вес (20,4 %) в структуре расселения (см. табл. 7.1). Данный вариант развития также можно отнести к «нормальным», и он, пожалуй, наиболее полно соответствует специфике переходного этапа, отражая в миниатюре те процессы, которые характерны для системы расселения в целом. Демографический переход, связанный с изменением типа воспроизводства, как раз приходится на послевоенный период. В это же время усиливается влияние и другого фактора, определяющего ситуацию в деревне, — миграции сельского населения в город. В результате численность сельчан на макро- и микроуровне падает, усиливаются половозрастные диспропорции. Начинается постарение и обезлюдение деревни.

Различие между 1-м и 3-м вариантами развития поселений связано с тем, что урбанизация неодновременно охватывает сельскую местность. В первую очередь терять население начинают мелкие и средние населенные пункты, расположенные в удалении от транспортных линий и городских центров либо находящиеся в непосредственной близости от активно развивающихся городских поселений. Позднее в этот процесс включаются крупные поселения. Так, например, в селе Покровском Каменского района в начале века проживало 1 845 человек, и вплоть до конца 1970-х гг. численность населения стабильно росла. Устойчивость поселения объяснялась тем, что в 1930—1950-х гг. в селе располагался районный центр, а затем сельсовет и центральная усадьба совхоза. Однако уже в 1980-х гг. население начинает сокращаться, достигнув в 1989 г.

2 216 человек. Несмотря на благоприятные внешние и внутренние условия, с. Покровское вступает в стадию сокращения численности населения и развивается в соответствии с 3-м типом динамики.

Типичным примером урбанизации по этому типу выступает история села Балакино Пригородного района, образованного в 1740-е гг. Население Балакино издавна помимо земледелия занималось добычей золота и выжиганием древесного угля, ориентируясь на горно-заводское производство. В начале XX в. село насчитывало 150 дворов, здесь были построены школа, церковь, магазин. В 1929 г. в селе создается сельскохозяйственная артель «Новый путь». Несмотря на перегибы коллективизации, хозяйство развивалось вполне успешно, особых достижений колхозники добились в животноводстве. Рост населения с. Балакино продолжался вплоть до конца 1950-х гг. В 1961 г. в трех километрах от села была открыта шахта «Чадар», на это же время приходится реорганизация колхоза в совхоз, центральная усадьба которого была размещена в с. Лая, и село постепенно начинает терять население. Кто-то уехал в город, другие переехали на центральную усадьбу. К 1989 г. численность жителей сократилась до 326 человек, т. е. почти в 3 раза в сравнении с 1959 г.

Таким образом, 3-й тип динамики формируется под влиянием тех процессов, которые характерны для второй половины XX в.: концентрация и укрупнение сельскохозяйственного производства, рост сельской миграции. На этом фоне даже крупные поселения теряют свой потенциал и переходят в категорию средних и малых.

К группе поселений с преобладанием отрицательной тенденции можно отнести и поселения 5-го типа (рис. 9). Волнообразное изменение численности населения таких поселений стало следствием демографических волн, а также влияния дополнительных внешних факторов, прежде всего политических. В марийской деревне Байбулда Артинского района в начале века насчитывалось 300 человек, к 1939 г. население сократилось до 222, в послевоенный период вновь наблюдается рост населения, которое составило в 1970 г. 274 человек. В последующий период численность жителей вновь снижается. В данном случае колебание показателей численности населения определялось собственно демографическими процесса-

ми. Хотя определенную роль сыграло изменение хозяйственного статуса. В частности, в деревне в 1970-е гг. было образовано отделение совхоза, и в результате некоторые функции (управленческие) были утрачены, а возможности развития ограничены.

В эту же категорию попадают те поселения, которые в 1960—1970-е гг. теряют функции хозяйственного центра, но сохраняют административные. В селе Мурзинка Пригородного района в начале века проживало 320 человек, в 1956 г. население достигло 851 человека, затем село преобразуется в отделение совхоза, начинается сокращение числа жителей, причем довольно существенное — более чем в 2 раза. Убыль населения усиливалась географическим фактором: Мурзинка расположена в зоне влияния крупных городов — Нижнего Тагила и Свердловска, что способствовало росту миграции и одновременно увеличению числа «дачников». Снижение численности населения не мог приостановить даже тот факт, что в селе по-прежнему сохранялся центр сельсовета.

Таким образом, 5-й тип динамики можно рассматривать как модель, которая формируется под влиянием взаимодействия демографических и экономических факторов, которые усиливают и дополняют друг друга. Такой вариант характерен чаще всего для средних и крупных поселений. Переломным моментом, влияющим на снижение численности населения, здесь следует считать такие мероприятия власти, как укрупнение колхозов и преобразование колхозов в совхозы, в результате чего повсеместно происходит формирование

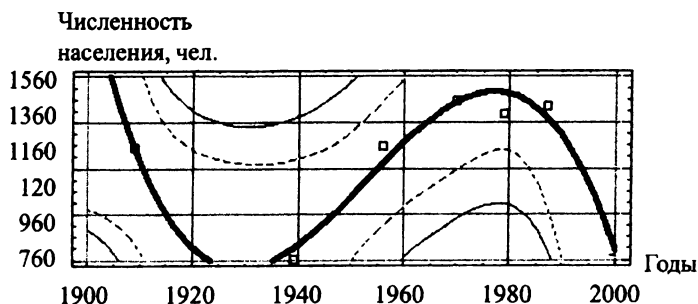

Рис. 9. Пятый тип динамической модели:
кубическая парабола (3- + -)

новых хозяйственных структур — крупных хозяйств, включающих несколько поселений. Если раньше, в 1930—1940-е гг., абсолютное большинство колхозов были односеленными, то в 1960-е гг. средние и многие крупные поселения теряют управленческие функции, становясь отделениями хозяйств. Все это неизбежно отражалось на динамике численности населения: в центральных населенных пунктах некоторое время еще продолжался рост населения, в периферийных, напротив, усиливается отток, в том числе за счет переселения работников на центральную усадьбу. Эта картина характерна и для других регионов. В частности, анализ сельского расселения Воронежской области в 1980—1990-е гг., проведенный А. Э. Крупко, подтверждает зависимость динамики населения от статуса населенного пункта: центральные поселения, как правило, отличаются большей устойчивостью, для периферийных, напротив, характерна деградация².

Особого внимания заслуживают поселения, относящиеся ко 2, 4, 6-му типам динамики (15,03 %), для которых в целом свойственна положительная тенденция изменения численности населения. К их числу принадлежат прежде всего крупные многоотраслевые населенные пункты, выступающие в качестве административных и хозяйственных центров сельскохозяйственной округи. Линейную положительную динамику (2-й тип; рис. 10) демонстрируют 17,7 % крупных поселений (см. табл. 7.1). Это самый высокий показатель. Примером такого населенного пункта может служить село Мостовское Артемовского района, в котором в 1909 г. проживало 365 человек, а в 1989 г. насчитывалось 1 065. Важнейшим фактором развития поселения стало создание в селе центральной усадьбы совхоза. Аналогичную динамику демонстрирует поселок Сосновый Бор того же района, который впервые был зафиксирован в 1970 г. как центральная усадьба совхоза, численность населения с 1970 по 1989 г. выросла с 799 до 1 748 чел., т. е. более чем в 2 раза. Всего по материалам базы данных отмечено 89 крупных селений, зарегистриро-

² См.: *Крупко А. Э. Территориальная организация сельского населения и расселения Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 1998. С. 10.*

ванных на территории Свердловской области, которые эволюционируют в соответствии с положительной линейной функцией.

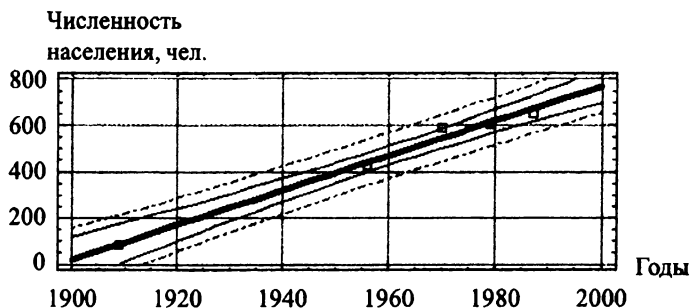

Рис. 10. Второй тип динамической модели: линейная возрастающая функция

Интересно, что в абсолютном выражении среди поселений 2-го типа преобладают малые населенные пункты — их насчитывается 96 (40,0 %). Однако это достаточно специфическая категория поселений. К ним относятся либо промышленные или лесохозяйственные поселки, либо сельскохозяйственные поселения, прекратившие свое существование во второй половине века. Так, например, деревня Юрты Новолялинского района в 1909 г. насчитывала 35 жителей. В 1970-е гг. здесь был открыт ЛПХ, соответственно население выросло к 1979 г. до 259 человек.

Значительная часть мелких поселений, несмотря на положительную динамику, была ликвидирована в 1930—1960-е гг., т. е. они не «дожили» до момента перелома тенденции с положительной на отрицательную, их жизненный цикл был насильственно прерван. К числу таковых можно отнести деревню Широкалова Алапаевского района, где в начале века проживало 62 человека, к 1939 г. число жителей выросло до 89. В 1956 г. этой деревни уже нет в списках. Выселок Боровое Зайковского района был зарегистрирован в 1920-е гг. и вплоть до 1956 г. развивался достаточно активно. С 15 человек численность населения выселка выросла к 1956 г. до 264 человек. Тем не менее выселок не миновала общая судьба, постигшая неперспективные деревни. В 1970-е гг. он был сселен.

Положительная линейная динамика характерна для небольших лесозаготовительных поселков. Примером может служить пос. Красный Яр Ирбитского района, возникший в 1920-е гг. и зарегистрированный как кордон. Численность населения с 7 человек в 1928 г. выросла до 206 человек в 1956 г. В дальнейшем работы, связанные с лесозаготовками, были приостановлены, а сам поселок ликвидирован. Подобная модель нередко встречается среди приисковых поселков. В частности, Михайловский прииск Верхотурского района, образованный также в 1920-е гг., рос вплоть до начала 1960-х гг., а затем в связи с закрытием прииска был исключен из списков. Таких примеров множество. Развитие промышленных поселений выступает как характерная черта новой стадии поселенческой системы — урбанизированного (индустриального) расселения. Правда, они относятся к наиболее неустойчивой категории населенных пунктов: либо быстро эволюционируют в городские поселения, либо, напротив, пополняют число населенных пунктов, ликвидированных в результате сокращения производства.

Удельный вес средних поселений, имеющих положительную линейную динамику, составляет 22,9 %, т. е. они встречаются реже, чем крупные или мелкие населенные пункты. Чаще всего это деревни, где располагались сельсоветы, т. е. они выполняли функции административного, культурного центра и социального обслуживания населения территории. К числу таких поселений относится, например, село Салтаново Новолялинского района, в котором с 1930-х гг. располагался сельсовет. В дальнейшем, в 1960-е гг., в селе было организовано отделение совхоза, но, несмотря на утрату управленческих функций, общая динамика развития поселения оставалась положительной. Численность населения в нем на протяжении XX в. выросла со 115 до 301 человека.

При анализе динамики таких поселений необходимо учитывать состояние хозяйства, в котором располагались населенные пункты. Экономически сильные колхозы и совхозы имели возможности для развития не только центральных, но и периферийных поселений. Это можно наблюдать на примере пос. Первомайский Сысертского района. Он был основан в 1930-е гг. и первоначально представлял собой маленькое поселение, в котором было всего два дома. Когда

был образован Бородулинский совхоз пос. Первомайский стал вторым отделением хозяйства и почти до 1970-х гг. оставался поселком, имеющим всего две улицы. Когда совхоз стал миллионером, строительство развернулось не только на центральной усадьбе, но и в отделениях. В Первомайском появилось несколько улиц с благоустроенными двухквартирными коттеджами, которые выделялись в первую очередь молодежи. За 1970—1980-е гг. население поселка выросло почти в 2 раза.

Многие средние поселения постигла судьба малых деревень, ликвидированных в 1960-е гг. В дер. Комарова Пригородного района в начале века проживало 219 человек. К 1939 г. население в ней выросло до 268 человек, но в конце 1950-х гг. она все же исчезает из списков.

Важным фактором, обеспечивающим положительную динамику, была отраслевая структура поселения. Около 1/5 многоотраслевых населенных пунктов (сочетание сельскохозяйственной и транспортной функций, лесопереработка, наличие промышленного производства и т. д.) относятся ко 2-му типу. Среди моноотраслевых поселений, где развивается только один из видов хозяйственной деятельности, положительная линейная динамика встречается только в 7,83 % случаев. Причем это чаще всего промышленные и лесопромышленные поселения. Если среди сельскохозяйственных моноотраслевых поселений положительную динамику имеют только 8,86 %, то среди промышленных — 33,33 %. Такое распределение наглядно подтверждает влияние хозяйственной практики на динамику людности поселений.

Следующий (4-й) тип динамики (парабола ветвями вверх) формируется в результате появления нового фактора, который меняет на некоторое время вектор развития поселения (рис. 11). Так, например, положительную динамику сельскому поселению, где происходит сокращение численности населения, может придать приобретение новых функций — административных или хозяйственных. Особенно часто это встречается в 1930—1950-е гг. Административно-территориальные преобразования, особенно ориентированные на разукрупнение административных единиц, способствовали увеличению числа деревень, ставших центрами сельсоветов. А это непосредственно воздействовало на развитие инфраструктуры

села — в таком поселении строились школы, открывались клубы и библиотеки, медицинские пункты и т. д., что повышало их привлекательность и перспективы развития.

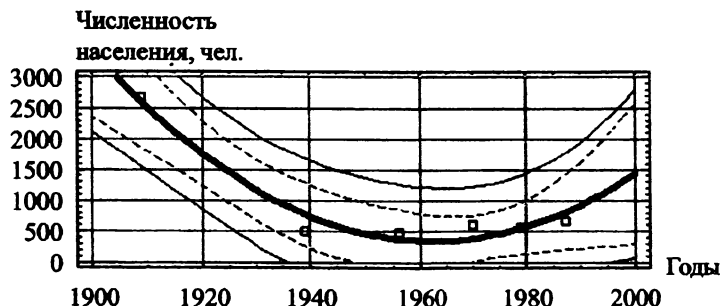

Рис. 11. Четвертый тип динамической модели: квадратичная функция (парабола ветвями вверх)

Данная динамическая модель встречается не часто, всего в 2,65 % случаев. Она характерна для крупных населенных пунктов, которые составляют 49,2 % всех поселений этого типа. И это не случайно: численность населения всегда была основным критерием при определении центра сельсовета или центральной усадьбы. В крупных поселениях по тем же причинам быстрее развивались социальная и культурно-бытовая сферы.

Несколько реже в данной категории встречаются средние населенные пункты с числом жителей от 200 до 500 человек (23,9 %). Примером таких поселений могут служить деревни Городище и Герасимовка Тавдинского района, где в первой половине XX в. шло сокращение численности населения, т. е. они вступили в стадию урбанизационного перехода. Но в 1950-е гг. они становятся центрами укрупненных колхозов и в дальнейшем развиваются как центральные усадьбы хозяйств. Кроме функций хозяйственных центров, на территории этих селений действуют сельсоветы, что придает им дополнительный потенциал. В результате в 1960—1980-е гг. численность населения этих деревень растет. Для Герасимовки позитивную роль сыграло создание музея Павлика Морозова — своеобразного культового центра коллективизации.

Сходный вариант демонстрирует также село Сосновское Каменского района. В начале века здесь насчитывалось 2 019 человек, к 1956 г., несмотря на наличие в селе сельсовета, число жителей сократилось до 619. В 1970-е гг. Сосновское становится центром крупнейшего в районе совхоза, в нем активно ведется жилое и культурно-бытовое строительство. Численность населения быстро растет и достигает к 1989 г. 1 259 человек.

Особый интерес с точки зрения факторного анализа вызывают мелкие поселения, относящиеся к 4-й модели, их удельный вес — 26,8 %, т. е. они встречаются достаточно часто. Однако лишь незначительная часть малых деревень развивается по общей схеме, связанной с появлением нового внешнего фактора. К их числу относится дер. Новое Шишкино Туринского района. Снижение численности населения, которое наблюдалось здесь в 1930—1960-е гг., было приостановлено созданием на базе поселения отделения совхоза. Несмотря на периферийный статус Новое Шишкино оказалось в достаточно благоприятной ситуации, что и отразилось на росте численности населения.

Абсолютное большинство малых поселений, относящихся к 4-й модели, — это населенные пункты, существовавшие относительно недолго. Они появляются в первой половине века, а к 1970-м гг. уже исчезают из регистрационных списков. К ним относятся сельскохозяйственные поселения — хутора и выселки, где колебания численности населения связаны с демографическими волнами, а также транспортные и лесопромышленные поселения, на развитие которых оказывала влияние специфика производственных процессов. Так, например, деревня Малюки Туринского района, впервые обозначенная в списках 1928 г., насчитывала в тот период 225 человек, после войны здесь фиксируется сокращение численности населения, сменившееся некоторым подъемом в 1960-е гг. в связи с общим ростом рождаемости и сокращением смертности населения. В 1970-е гг. деревня уже не фиксируется в регистрационных списках, т. е., скорее всего, была сселена. В том же районе выселок Захаровка демонстрирует следующую динамику: в 1928 г. — 97 человек, в 1939 г. — 51, в 1956 г. — 84. В Захаровке сокращение численнос-

ти населения приходится на 1930-е гг. и связано с коллективизацией, голодом, раскулачиванием, резко ударившими по демографической ситуации в деревне. Уже в 1960-е гг. выселок перестает регистрироваться в списках в качестве самостоятельного поселения. Та же модель свойственна хутору Мазанка Шалинского района, возникшему в начале XX в. и просуществовавшему до конца 1930-х гг. Здесь спад численности населения связан с событиями Гражданской войны и голода 1920-х гг.

Войны и революции вообще оставили очень заметный след на судьбах уральской деревни. Снижение численности населения в 1920-е и 1950-е гг. в сравнении с предшествующим периодом происходит повсеместно не только в малых, но в средних и крупных селах. Важно другое: насколько эти изменения повлияли на внутренний потенциал поселения? В одном случае это могут быть просто количественные колебания, а в другом — принципиальные изменения, кардинально менявшие судьбу деревни, перспективы ее развития. Как раз этот момент и позволяет высветить моделирование. В рамках рассматриваемой 4-й модели динамики поселения даже с потерей населения не утратили свой демографический потенциал и имели вполне благоприятные перспективы. Для крупных и средних поселений они были реализованы. А что касается малых населенных пунктов, то здесь чаще наблюдается насильственное прерывание их жизненного цикла.

Факторы, влияющие на эволюцию селений, весьма многообразны. Анализируя жизненный путь несельскохозяйственных поселений, можно увидеть свои варианты развития. Так, например, железнодорожный поселок Чупино Талицкого района впервые встречается в списках 1970 г. с населением 102 человека. На протяжении 1970-х гг. его численность сокращается почти в 2 раза, а в 1980-е гг. вновь растет, и это связано, видимо, с открытием здесь железнодорожной станции, требующей увеличения численности обслуживающего персонала. В этом случае демографические процессы отступают на второй план, а приоритет получают экономические факторы, связанные с укрупнением и концентрацией производства.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что даже в условиях урбанизационного перехода, в ситуации «свертывания» сельской

поселенческой сети и ее измельчания существуют определенные возможности и механизмы поддержания существующей системы расселения. А это в условиях слабой освоенности территории нередко имеет принципиальное значение.

В целом положительная динамика характерна и для 6-го типа модели, отражающей циклический характер развития поселений, формирующийся под влиянием разновекторных воздействий (рис. 12). К этому варианту относится всего 2,97 % поселений. В большинстве своем это крупные села — центральные усадьбы хозяйств (колхозов и совхозов). Таковы, например, деревни Басманова и Трехозерная Талицкого района, Большая Пустынь Тавдинского района, села Кузнецово, Оверино Таборинского района, деревни Пульникова, Трифонова Пышминского района, село Ключики Красноуфимского района и др. В эту же категорию поселений попадает и село Таборы — районный центр.

Для поселений этого типа динамика численности населения определяется прежде всего демографическими факторами. Вплоть до конца 1930-х гг. эти поселения переживают стадию роста. Затем в результате военных потерь и сельской миграции численность населения начинает падать, причем нижней точки достигает в 1970-е гг. В 1980-е гг. на волне проведения достаточно активной социально-экономической политики, связанной со строительством в сельской местности культурно-бытовых, образовательных, медицинских учреждений, жилищной программой, поддержкой сельской молодежи, численность населения начинает понемногу расти. Особую роль

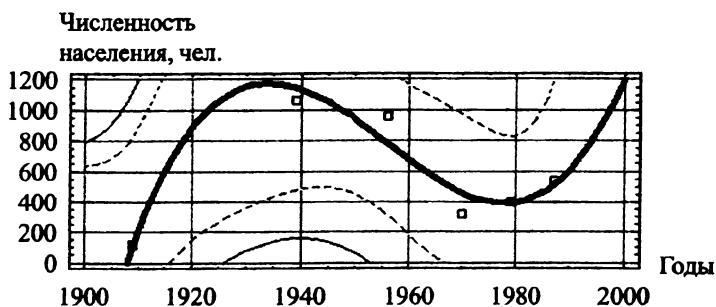

Рис. 12. Шестой тип динамической модели: кубическая парабола (3+ – +)

в эволюции этих поселений играет полифункционализм, т. е. сочетание производственной, административной, управленческой и социально-культурной функций. Сохранение статуса центра в локальной системе расселения придает им положительный заряд. Это наиболее типичные случаи, хотя есть примеры развития по данной схеме периферийных поселений. К их числу относится с. Большое Седельниково Сысертского района, где в начале века проживало 1 006 человек. Поворотными моментами в судьбе села стали: изменение транспортных путей (в частности, Шабровская дорога, на которой располагалось село, потеряла свое значение в связи со строительством Челябинского тракта), в 1940 г. был расформирован большеседельниковский сельсовет и его центр был перенесен в с. Патрушево, а кроме того, в результате укрупнения колхоза в 1958 г. село теряет функции хозяйственного центра, — и село попадает в категорию периферийных. Переломить ситуацию помогло активное жилищное и культурно-бытовое строительство, которое развернулось в 1970—1980-е гг. благодаря усилиям руководства колхоза³. В домах появилось центральное отопление, была построена хорошая дорога, заасфальтированы улицы, построен животноводческий комплекс, теплицы, и в результате село возрождается, начинает расти. Кроме того, нужно учесть географическое положение села, находящегося фактически в пригородной зоне Свердловска, что также повлияло на вторичное заселение Большого Седельниково.

Таким образом, 1-я и 3-я модели динамики можно рассматривать в качестве своеобразного эталона развития сельских поселений в условиях урбанизации. Эти варианты свойственны тем населенным пунктам, которые отличаются моноотраслевой структурой и расположены преимущественно на периферии локальных систем в удалении от городских центров и транспортных линий. Положительная линейная динамика (2-й тип) свойственна прежде всего крупным многоотраслевым полифункциональным поселениям,

³ См.: *Летопись уральских деревень*. Вып. 2. Сысертский район. Сысерть, 1995. С. 92—93.

выступающим в качестве центров локальных систем расселения и имеющим наиболее благоприятные условия для наращивания демографического и хозяйственного потенциала. Нельзя сбрасывать со счетов и личностный фактор. В некоторых случаях талант и организаторские способности руководителей хозяйств становились важнейшей предпосылкой роста поселений. Такова, например, история с. Патруши Сысертского района, которое вплоть до 1958 г. развивалось по вполне обычному сценарию, пока колхоз не возглавил новый председатель А. Куприенко, благодаря которому хозяйство вскоре стало одним из преуспевающих в районе. В селе — центральной усадьбе хозяйства — стали решать жилищный вопрос, построив новый поселок. Не обошлось без перегибов: сначала руководство было ориентировано на строительство многоквартирных домов, но уже в конце 1970-х гг. в селе начинают возводить полностью благоустроенные усадебные дома. Патруши украсил Дом культуры с залом на 400 мест, появились торговый центр, баня. С 1932 г. в селе работал детский санаторий «Патруши». В результате численность населения в 1950—1980-е гг. выросла в 3,6 раза⁴.

Модели 4, 5 и 6-го типов отражают воздействие на поведение населенных пунктов некоторых событий, меняющих их судьбу в том или ином направлении, будь то приобретение или утрата каких-то функций (административных, хозяйственных, транспортных и т. д.) или же влияние других значимых факторов. Как воздействует внешнее событие на последовательность наблюдений? Это один из интереснейших и сложнейших вопросов, возникающих при анализе временных рядов. В статистике принято различать три типа воздействия: устойчивое скачкообразное, устойчивое постепенное и скачкообразное. Судя по всему, в динамике расселения преобладает третий вариант, связанный с «откликом» системы на политические решения. Так, например, политика сселения малых деревень, проводимая в 1960—1970-е гг., привела к росту средней людности населенных пунктов. Соответственно многие из сельских поселений, попавшие в категорию перспектив-

⁴ См.: Летопись уральских деревень: Сысертский район. С. 324.

ных, в этот период переживают скачок в росте численности населения в результате переезда сюда жителей из неперспективных деревень. Но в большинстве случаев это «вливание» имело краткосрочное действие, сменяясь вновь отрицательной динамикой демографических процессов. Таким образом, влияние политических решений приводит к единовременным скачкообразным изменениям.

Кроме того, поселения 5-го и 6-го типов, демонстрирующие циклический характер развития, свидетельствуют о значимости и приоритетности для устойчивых микроструктур базисных процессов. Влияние демографических волн в этих моделях очевидно. В частности, все пики колебаний численности населения коррелируют с «демографическими катастрофами» XX в. — войнами, революцией, коллективизацией, что подтверждается устной историей. По воспоминаниям жителей с. Киргинского Ирбитского района, два события наиболее сильно отозвались в судьбе села — коллективизация и Великая Отечественная война. Во время раскулачивания 47 крестьянских хозяйств были выселены с территории сельсовета, а в годы войны село потеряло 232 человека⁵. Именно на эти годы в селе приходится спад численности населения, который сменяется в дальнейшем положительной динамикой. В целом же демографическое развитие с. Киргинского идет по 6-й модели.

Рассмотренные выше модели характеризуют многовариантность развития сельских поселений в условиях урбанизации, что, в свою очередь, предполагает дифференцированный подход к анализу факторов и условий их эволюции. При наличии и значимости общих тенденций, связанных с сокращением численности сельских жителей и поляризацией расселения, в каждом конкретном случае имеют место дополнительные влияния, способные в ряде случаев переломить негативную тенденцию. Это может и должно быть учтено при разработке системы мероприятий, ориентированных на поддержку и развитие сельской местности, — задача, которая в современных условиях приобретает принципиально важное значение.

⁵ См.: Герштейн Я. Л. Ирбит и его окрестности. Екатеринбург, 1995. С. 168—169.

Факторный анализ динамики сельских поселений

Использование методов кластерного анализа и анализ сопряженности признаков позволили выявить наиболее значимые факторы, влияющие на формирование того или иного типа динамики поселения. По характеру воздействия они подразделяются на внешние и внутренние. Внешние факторы определяются теми условиями, которые складываются вокруг населенного пункта: производственный комплекс, транспорт, природные ресурсы, уровень урбанизации территории. К факторам внутренним относятся демографические и этнокультурные аспекты населения: поведение, традиции, привычки, представления. Конечно, немаловажное значение имеет категория людности сельского поселения. Чем крупнее населенный пункт, тем он устойчивее к внешним влияниям и чаще демонстрирует положительную динамику. Этот фактор учитывался в свое время в рамках реализации политики реконструкции советской деревни: в зависимости от людности поселения определялись его статус и перспективы развития.

Исследование сельского расселения в 1960—1980-е гг. было ориентировано в первую очередь на анализ и ранжирование факторов воздействия на поселенческую сеть. Ученые стремились выделить те рычаги, с помощью которых можно было регулировать систему расселения, формировать «оптимальную» для индустриального общества структуру. Как следствие, факторный анализ нередко носил исключительно теоретический характер и опирался на имитационное моделирование. Это накладывало определенный отпечаток на ранжирование факторных нагрузок. В нашем случае меняется акцент исследования: факторный анализ строится на основе исторических реалий, а не теоретических предположений, что позволяет провести их переоценку.

Среди внешних условий, определяющих перспективы развития населенного пункта, принято выделять 1) его расположение по отношению к административным центрам, 2) степень включенности в агломерации и 3) отраслевую структуру. Именно эти моменты длительное время воспринимались как наиболее важные, определяющие направленность эволюции населенных пунктов.

Остановимся на характеристике динамики поселений в зависимости от их удаленности от городских и административных центров. Оценивая влияние этого фактора, исследователи неоднократно указывали, что в первую очередь в условиях урбанизации терять население начинают мелкие и средние деревни, расположенные за пределами двухчасовой доступности городских поселений, затем приходит черед крупных населенных пунктов. Одновременно выделяются пространственные точки концентрации сельского населения — это города и сельские населенные пункты, расположенные вблизи крупных городов и транспортных линий⁶. Эти выводы в целом подтверждаются сведениями табл. 7.2, однако нуждаются в некотором уточнении.

Распределение поселений отражает очевидную зависимость динамики численности населения от административной принадлежности и удаленности от городов. Хотя везде численно преобладают поселения, имеющие отрицательную тенденцию развития, и это в целом закономерно, однако в городской местности число поселений, имеющих отрицательную линейную динамику, существенно ниже, чем в сельской, и составляет 43,98 %. Картина меняется на противоположную относительно 3-го типа динамики. В городской местности удельный вес таких поселений выше и составляет 29,13 %, а в сельской — 17,35 %. Это показательно, т. к. сельские поселения, расположенные вокруг городов, в массе своей позднее начинают терять население, чем более отдаленные. На последующей (высшей) стадии урбанизации деревни, когда процессы поляризации и измельчания затрагивают всю систему сельского расселения независимо от удаленности от городских центров, ситуация начинает выравниваться. Данный фактор — расстояние до городских центров — в меньшей степени начинает влиять на динамику численности населения. Это, в частности, подтверждается результатами исследований, проведенных Н. В. Быковой на примере Владимирской области. Оценивая динамику развития сельских поселений в 1970—1980-е гг., она отмечает отсутствие сильной связи между

⁶ См. об этом: *Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение.* М., 1991.

Таблица 7.2

*Распределение сельских поселений Свердловской области
в зависимости от административной принадлежности**

Тип динамики	Сельская местность**		Городская местность***		Итого	
	Число поселений	% к общему числу	Число поселений	% к общему числу	Число поселений	% к общему числу
1-й (линейный –)	1 745	62,17	157	43,98	1 902	60,12
2-й (линейный +)	239	8,51	59	16,63	298	9,41
3-й (полином 2 –)	487	17,35	104	29,13	591	18,68
4-й (полином 2 +)	73	2,60	11	3,08	84	2,65
5-й (полином 3 – + –)	133	4,74	13	3,64	146	4,62
6-й (полином 3 + – +)	87	3,10	7	1,96	94	2,97
Прочие	43	1,53	6	1,68	49	1,55
<i>Всего</i>	<i>2 807</i>	<i>100,00</i>	<i>357</i>	<i>100,00</i>	<i>3 164</i>	<i>100,00</i>

* Здесь и далее (табл. 7.3—7.9) составлено по результатам статистической обработки БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

** В данную категорию входят поселения, административно относящиеся к сельским районам.

*** В данную категорию входят сельские поселения, находившиеся в административном подчинении горсоветов.

этими параметрами, коэффициент корреляции между которыми составил всего 0,02⁷. Таким образом, здесь имеет место историческая обусловленность факторной нагрузки. На ранней стадии урбанизации деревни удаленность сельских поселений от городов играет принципиально важную роль, влияя на динамику численности населения. На последующей стадии его значение падает, и на передний план выходят параметры, характеризующие уровень урбанизации территории в целом.

Этот вывод подтверждается сравнительным анализом сельских поселений, развивающихся по 2-му варианту динамики. Населенные пункты, находящиеся в административной подчиненности

⁷ См.: Быкова Н. В. Экономико-демографические проблемы расселения в областном регионе: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1990. С. 14.

горсоветов, значительно чаще имеют положительную линейную динамику, чем в сельской. В городской местности 16,63 % сельских поселений относятся ко 2-му типу, в сельской — только 8,51 %. Причем подавляющее большинство их входит в зону влияния агломераций, складывающихся на Среднем Урале во второй половине XX в., — свердловской, нижнетагильской и др.

Наряду с уровнем включенности поселений в урбанизированное пространство существенное значение имеет производственный фактор, который реализуется в отраслевой структуре населенного пункта и в сфере занятости населения. По данному признаку их можно подразделить на моноотраслевые и многоотраслевые. Чем сложнее отраслевая структура населенного пункта, тем шире набор производственных и хозяйственных функций, а значит, складываются более благоприятные условия развития.

Подавляющее большинство сельских поселений в изучаемый период остаются моноотраслевыми (91,18 %). Причем если в сельской местности их удельный вес составляет 94,2 %, то в городской — 67,23 %, т. е. чем ближе к городским центрам, тем сложнее отраслевая структура населенных пунктов (табл. 7.3). Но на динамике поселений это отражается по-разному. В городской местности только 11,1 % многоотраслевых поселений имеют положительную динамику (2, 4, 6-й типы). Напротив, в сельской местности многоотраслевые поселения демонстрируют более стабильное развитие: в частности, здесь 27,2 % поселений относятся к 2, 4 и 6-му типам и имеют позитивные перспективы.

Таким образом, для сельской местности усложнение структуры экономики поселения выступает в качестве более благоприятного фактора, чем для городской. Хотя многоотраслевая структура также не является панацеей от болезней урбанизации. В селе Малая Лая Пригородного района, основанном в 1684 г., жители издавна помимо сельскохозяйственного труда занимались старательством — добывали золото и платину. В 1935 г., когда обнаружили золото на реке Черная, в селе была создана крупная золотодобывающая артель. К 1956 г. численность жителей достигла 860 человек. Затем в 1950-е гг. работы на приисках по добыче золота и платины были прекращены. В 1954 г. колхоз был реорганизован в подсобное хо-

Таблица 7.3

*Численность сельских поселений Среднего Урала
в зависимости от отраслевой структуры*

Тип динамики	Моноотраслевые		Многоотраслевые *	
	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность
1-й (линейный –)	106	1 675	51	70
2-й (линейный +)	52	207	7	32
3-й (полином 2 –)	64	451	40	36
4-й (полином 2 +)	9	70	2	3
5-й (полином 3 – + –)	4	126	9	7
6-й (полином 3 + – +)	3	78	4	9
Прочие	2	38	4	5
<i>Всего</i>	<i>240</i>	<i>2 645</i>	<i>117</i>	<i>162</i>

* В эту категорию входят населенные пункты, в которых хозяйственная практика строится на сочетании двух или нескольких видов деятельности: сельскохозяйственная, лесопромышленная, транспортная, и т. п.

зайство Гороблагодатского рудника, а позднее, в 1963 г., хозяйство вошло в состав совхоза Лайский в качестве отделения. Несмотря на достаточно активное жилищное и культурно-бытовое строительство, открытие школы и строительство котельной, водопровода и прочих социальных объектов, село продолжало терять население, которое к 1989 г. сократилось до 386 человек.

Заслуживает внимания и то, какое влияние оказывает конкретный вид хозяйственной деятельности на развитие населенных пунктов (табл. 7.4, 7.5). На Среднем Урале в XX в. и в сельской, и в городской местности преобладает сельскохозяйственная направленность поселений. Их удельный вес составляет соответственно 82,65 и 42,92 %, и именно для них характерна преимущественно отрицательная динамика (преобладают модели 1-го и 3-го типов).

Стабильный рост населения (2-й тип) мы можем наблюдать только в 6,59 % моноотраслевых поселений в сельской местности и 25,24 % — в городской, что опять же типично для стадии урбанизированного расселения. Среди промышленных поселений и в го-

Таблица 7.4

*Распределение моноотраслевых сельских поселений в сельской местности
по отраслевой структуре*

Тип динамики	Сельскохозяйственные		Промышленные		Железнодорожные		Лесные*		Рекреационные**		Прочие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1-й (линейная -)	1532	66,03	19	45,24	39	37,14	75	49,67	7	38,89	3	33,30
2-й (линейная +)	153	6,59	12	28,57	17	16,19	20	13,25	5	27,78	0	0,00
3-й (полином 2 -)	360	15,52	7	16,67	37	35,24	39	25,83	3	16,67	5	55,56
4-й (полином 2 +)	63	2,72	2	4,76	2	1,90	1	0,66	2	11,11	0	0,00
5-й (полином 3 - + -)	113	4,87	0	0,00	8	7,62	4	2,56	0	0,00	1	11,11
6-й (полином 3 + - +)	69	2,97	1	2,38	1	0,95	7	4,64	0	0,00	0	0,00
Прочие	30	1,29	1	2,38	1	0,95	5	3,31	1	5,56	0	0,00
<i>Всего</i>	<i>2320</i>	<i>100,00</i>	<i>42</i>	<i>100,00</i>	<i>42</i>	<i>100,00</i>	<i>151</i>	<i>100,00</i>	<i>18</i>	<i>100,00</i>	<i>9</i>	<i>100,00</i>

* К лесным поселкам относятся лесохозяйственные поселения (кордоны), поселки леспромпхозов и химлесхозов.

** К рекреационным отнесены, кроме больниц, пансионаты, санатории, дома отдыха, дачные поселки и пр.

Таблица 7.5

*Распределение моноотраслевых сельских поселений в городской местности
по отраслевой структуре**

Тип динамики	Сельскохозяйственные		Промышленные		Железнодорожные		Лесные		Рекреационные		Прочие	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1-й (линейная -)	51	49,51	22	44,00	8	32,00	20	43,42	3	37,50	2	25,00
2-й (линейная +)	26	25,24	9	18,00	1	4,00	9	19,57	4	50,00	3	37,50
3-й (полином 2 -)	19	18,45	19	38,00	11	44,00	13	28,26	1	12,50	1	12,50
4-й (полином 2 +)	2	1,94	0	0,00	1	4,00	4	8,70	0	0,00	2	25,00
5-й (полином 3 - + -)	1	1,94	0	0,00	2	8,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
6-й (полином 3 + - +)	1	0,97	0	0,00	2	8,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
Прочие	2	1,94	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00	0	0,00
<i>Всего</i>	<i>103</i>	<i>100,00</i>	<i>50</i>	<i>100,00</i>	<i>25</i>	<i>100,00</i>	<i>46</i>	<i>100,00</i>	<i>8</i>	<i>100,00</i>	<i>8</i>	<i>100,00</i>

родской, и в сельской местности населенные пункты с положительной динамикой встречаются несколько чаще, т. к. экономическая база таких поселений обеспечивает им более высокий уровень стабильности. Причем даже в случае отрицательной динамики сокращение численности населения здесь не столь значительно, как, например, в сельскохозяйственных поселениях. Так, в пос. Асбест Сысертского района, в котором в 1940-е гг. открылся карьер и была построена обогатительная фабрика, численность населения сократилась незначительно — с 639 человек в 1970 г. до 468 — в 1989 г. Интересно, что сам поселок был построен на месте лесного кордона. Первые жители здесь появились в 1936 г., а с 1940 г. вовсю развернулось строительство. Первоначально население формировалось за счет приезжих разных национальностей, большая часть которых затем разъехалась, и в дальнейшем прирост населения шел за счет миграции жителей из окружающих деревень. Их привлекал более высокий уровень благоустройства: асфальтированные улицы, жилье со всеми удобствами, клуб, школа, бани, столовая. Промышленный поселок в этом плане выгодно отличался от окружающих деревень⁸.

Иная картина характерна для лесных поселков, развитие которых целиком и полностью зависит от состояния дел в отрасли. В большинстве своем лесопромышленные поселения относятся к категории временных, однако некоторые из них переходят в разряд постоянных. Этому способствовало как развитие технологий заготовки и обработки леса, так и приобретение поселениями некоторых дополнительных функций — культурной, административной и пр. Вместе с тем картина однозначна: подавляющее большинство постоянных лесопромышленных поселений, относящихся к городской и сельской местности, имеют отрицательную динамику (1-й и 3-й типы). И только 13,91 % в сельской местности и 28,27 % в городской характеризуются положительной динамикой, демонстрируя внутренний потенциал и перспективы развития.

Сходная тенденция свойственна железнодорожным (транспортным) поселениям. Вплоть до 1950-х гг. эта категория населенных

⁸ См.: Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. С. 59—60.

пунктов активно расширяется. Строительство железных дорог в довоенный и послевоенный период осуществлялось очень высокими темпами, а вместе с ними создавались новые железнодорожные будки, железнодорожные казармы, разъезды, станции. В 1960—1970-е гг. в железнодорожной отрасли происходят существенные перемены, связанные с введением новых технологий обслуживания железнодорожных путей. Наиболее мелкие поселения — будки и казармы — ликвидируются, трудовые и материальные ресурсы концентрируются на разъездах и станциях, число которых также имеет тенденцию к сокращению. Все эти перемены нашли отражение в динамике развития железнодорожных поселений: и в городской, и в сельской местности большая их часть (соответственно 76,0 и 72,38 %) имеют отрицательную тенденцию людности. Причем в сельской местности транспортные населенные пункты в целом обладали более благоприятными перспективами развития, чем в городской, т. к. крупные железнодорожные поселки, расположенные в сельской местности, используя транспортные преимущества, сосредоточивали административные функции, становились центрами культурно-бытового обслуживания. В городской местности эти возможности отсутствовали, и транспортное поселение, даже крупное, в основном выполняло только производственные функции.

Наиболее показательными с точки зрения перестройки системы расселения в соответствии с требованиями индустриального общества являются рекреационные поселения. Это населенные пункты, созданные при санаториях, домах отдыха, турбазах, пионерлагерях. Их появление и развитие связаны с постепенной переориентацией сельской местности с производственных функций на рекреационные. В этой категории удельный вес поселений, имеющих положительную динамику, достаточно высок. Он составляет 55,56 % в сельской местности и 50,00 % — в городской.

Таким образом, внешние факторы — географическое расположение и отраслевая структура — выступают как объективные предпосылки, влияющие на общую направленность развития. Причем между собой они тесно связаны: близость к городским центрам, уровень урбанизации территории непосредственно влияют на усложнение отраслевой структуры поселения и расширение его функций.

Эти выводы дополняет также анализ динамики поселений в зависимости от выполнения административных функций. Изучаемый признак не является вполне стабильным. В ходе многочисленных административно-территориальных реорганизаций сельские поселения то выполняли функции административного центра, то теряли их. При систематизации сведений по населенным пунктам наличие сельсоветов на территории поселений фиксировалось по состоянию на вторую половину прошлого века, т. к. именно в этот период в области складывается более или менее стабильная структура административно-территориального деления.

Выполнение административных функций было жизненно важно для выживания и развития сельских населенных пунктов. Наличие сельсовета автоматически влияло на развитие социальной инфраструктуры села. В административных центрах сельсоветов, как правило, имелись школы, клуб, библиотека, детские сады, службы быта, медицинские учреждения, что повышало привлекательность этих поселений для молодежи. Сельсоветы располагались преимущественно в тех селах и деревнях, которые объективно играли роль центра для локальной системы расселения и отличались более высокими показателями людности, но с выполнением административных функций поселение приобретало новые возможности, придававшие ему большую стабильность и перспективность.

Всего 15,68 % сельских поселений во второй половине XX в. выполняли функции административного центра. И именно среди них чаще встречаются селения с положительной динамикой, т. е. 21,77 % поселений относятся ко 2-му типу; 7,06 % — к 4-му и 9,7 % — к 6-му типу. Среди населенных пунктов, не имеющих административных органов, только 7,12 % относятся ко 2-му типу, 1,84 % — к 4-му, 2,89 % — к 6-му (табл. 7.6). Причем среди административных центров, расположенных в городской местности, 42,86 % имеют положительную динамику, т. е. относятся ко 2-му и 4-му типам динамики. В сельской местности удельный вес таких поселений ниже — 26,8 %, что вновь подтверждает тезис о значимости фактора близости к городу.

Вместе с тем наиболее благоприятным для перспектив развития населенного пункта было сочетание административных и хо-

зяйственно-управленческих функций. Особенности советской совхозно-колхозной системы, в рамках которой советские органы в финансовом и материальном отношении нередко зависели от поддержки хозяйственников, приводили к тому, что перспективы населенного пункта в большей степени зависели от той роли, которую он играл в рамках внутривоспроизводственной, а не административной системы расселения. Мы уже рассматривали примеры, когда в деревнях сохранялся сельсовет, но они теряли статус хозяйственного центра, что и определяло отрицательную динамику. Табл. 7.6 вновь подтверждает этот тезис. В сельской местности 42,06 % сельских поселений, являющихся центрами сельсоветов, демонстрируют отрицательную линейную динамику, т. е. стабильно теряют население, а в городской местности таких поселений только 24,49 %.

Таблица 7.6

*Распределение сельских поселений
по наличию/отсутствию сельсовета*

Тип динамики	Наличие сельсовета		Отсутствие сельсовета	
	Абс.	%	Абс.	%
1-й (линейный –)	200	40,32	1 702	63,79
2-й (линейный +)	108	21,77	190	7,12
3-й (полином 2 –)	61	12,30	530	19,87
4-й (полином 2 +)	35	7,06	49	1,84
5-й (полином 3 – + –)	59	11,90	87	3,26
6-й (полином 3 + – +)	17	3,43	77	2,89
Прочие	16	3,23	33	1,24
<i>Всего</i>	<i>496</i>	<i>100,00</i>	<i>2 668</i>	<i>100,00</i>

Итак, наличие сельсовета можно рассматривать как благоприятный фактор, способствующий развитию населенного пункта. Утрата или приобретение этой функции могло существенно переменить тенденцию, что прослеживается на примере полиномиальных моделей динамики (3—6-й типы). Однако по отношению к хозяйственному статусу административный занимает второстепенные позиции.

Достаточно интересную информацию дает распределение сельских поселений в зависимости от типа (табл. 7.7). Уже отмечалось, что отнесение к тому или иному типу в практике административного учета не имело четких критериев и чаще всего осуществлялось на основе традиции. Села, деревни, выселки, хутора являются традиционными разновидностями сельскохозяйственных населенных пунктов и опосредованно отражают их величину. Так, например, села чаще всего относятся к крупным поселениям. До 1917 г. селом называлось то поселение, где располагалась церковь. В последующие годы в селах, как правило, размещались центральные усадьбы совхозов или правления колхозов, сельсоветы, т. е. они выполняли функции хозяйственных и административных центров. Напротив, выселки, хутора — это малодворные и относительно молодые поселения. Деревни в этом смысле занимают промежуточное положение, как и поселки. Последние, будучи маргинальным вариантом поселения, не так однозначно были связаны с показателями плотности и имели более высокую вариативность, чем другие типы поселений.

Учитывая сложившиеся традиции обозначения поселений, можно проследить четкую взаимосвязь между динамической моделью

Таблица 7.7

Распределение сельских поселений по типу

Тип динамики	Деревни		Поселки		Села		Прочие*	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1-й (линейный —)	1 326	68,56	337	45,36	179	47,86	60	53,10
2-й (линейный +)	89	4,60	129	17,36	67	17,91	13	11,50
3-й (полином 2 —)	333	17,22	204	27,46	24	6,42	30	26,55
4-й (полином 2 +)	29	1,50	19	2,56	30	8,02	6	5,31
5-й (полином 3 — + —)	65	3,36	27	3,63	53	14,17	1	0,88
6-й (полином 3 + — +)	69	3,57	13	1,75	9	2,41	3	2,65
Прочие	23	1,19	14	1,88	12	3,21	0	0,00
<i>Всего</i>	<i>1 934</i>	<i>100,00</i>	<i>743</i>	<i>100,00</i>	<i>374</i>	<i>100,00</i>	<i>113</i>	<i>100,00</i>

* В категорию «прочие» были отнесены исторические типы поселений, которые сейчас практически не встречаются: хутора, выселки, кордоны, аулы, юрты, бараки и т. п.

поселений и их типом. Среди постоянных сельских населенных пунктов на Среднем Урале численно преобладали деревни и села преимущественно сельскохозяйственного профиля (72,95 %), поселки составляли 23,48 %. Из сельскохозяйственных селений наиболее проблемную группу представляли деревни, среди которых подавляющее большинство (85,78 %) имели отрицательную динамику и только 4,6 % относились ко 2-му типу. Напротив, поселки и села отличаются в массе своей более стабильным развитием: в частности, к 1-му типу динамики в этих категориях относится меньше половины поселений, а положительная динамика встречается значительно чаще — более чем в 17 % случаев. Кроме того, 8,02 % сел принадлежат к 4-му типу, где прослеживается также положительная тенденция. Таким образом, типология поселений, опосредованно отражая их качественные статусные характеристики, не могла не отразиться в динамике людности.

Некоторого уточнения требует анализ категории поселений «прочие», к которой принадлежат мелкие и мельчайшие населенные пункты с числом жителей до 200 человек. Не случайно среди них наблюдается очень высокий удельный вес поселений с отрицательной динамикой — 79,65 %. Но одновременно в этой категории встречаются развивающиеся населенные пункты, относящиеся ко 2, 4 и 6-му типам. Чтобы корректно проинтерпретировать эти данные, необходимо учесть временной фактор, т. к. большинство этих поселений фиксируется в первой половине XX в. Несмотря на положительную динамику, практически все они прекращают свое существование в 1950—1960-е гг.

Среди внутренних факторов, влияющих на эволюцию населенных пунктов, по своей значимости выделяется национальный состав жителей. Этот аспект не получил еще достаточно полного рассмотрения в литературе, тем не менее он, как показывает анализ сопряженности признаков, оказывает значительное влияние. Это подтверждают также результаты кластерного анализа, проведенного методом Уорда. Построение дендрограммы по признаку национальности позволило однозначно разделить сельские поселения на две группы: 1) с преимущественно русским и 2) нерусским населением, которые принципиально различаются по своей динамике и людности.

Средний Урал заселен преимущественно русскими, и в рассматриваемой совокупности русские поселения составляют 79,52 %. Однако исторически в процессе освоения Урала принимали участие и другие народы — татары, марийцы, удмурты. Они осели на территории Среднего Урала в XV—XVI вв., т. е. раньше, чем русские переселенцы, и компактно размещены в ряде районов — Нижне-сергинском, Красноуфимском, Ачитском, Артинском и др., расположенных в юго-западной части Свердловской области.

Распределение поселений по этническому признаку позволяет выделить наиболее значимые по численности и влиянию национальные группы, кроме русских: татаро-башкиры, марийцы, а также манси. Именно они формируют компактные зоны расселения, сохраняя и развивая национальную культуру. Другие народы — удмурты, чувашы, коми, украинцы, белорусы, немцы — не создают на территории Свердловской области своей системы сельскохозяйственных поселений и принципиального влияния на этнокультурную ситуацию в сельской местности не оказывают.

Этнические традиции достаточно сильно проявляются в расселении, отражаясь прежде всего в структуре селения, организации подворья и жилой среды. Ощутимое влияние этот фактор оказывает и на динамику людности. Замечено, что в марийских и татарских селах процессы миграции протекали не так активно, как в русских⁹. Здесь позднее начинается демографический переход и вплоть до настоящего времени сохраняются традиции многодетности. Это оказывает влияние на процессы естественного движения населения и величину поселений. Характерно, что средняя людность татарских и марийских деревень значительно выше, чем русских. По переписи 1989 г. средний состав сельских населенных пунктов с преимущественно русским населением составил 346,3, марийских — 480,0, татарских — 376,9 чел. Русские поселения в конце 1980-х гг. продолжают составлять подавляющее большинство —

⁹ См., в частности: *Смирнов И. Н.* Этнодемографическая характеристика структуры марийской сельской семьи // *Археология и этнография Марийского края. Вып. 18. Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Йошкар-Ола, 1991. С. 39, 42.*

83,3 %, вместе с тем в абсолютном выражении они сократились наиболее существенно — в 2,4 раза. Количество татарских, марийских, мансийских деревень на протяжении прошлого века меняется незначительно. Таким образом, сокращение сельской поселенческой сети на Среднем Урале происходит в основном за счет русских поселений.

Этнические особенности проявляются и в динамике развития населенных пунктов (табл. 7.8). Только 11,37 % русских поселений характеризуются положительной динамикой (2-й и 4-й типы). Среди марийских сел такой вариант встречается в 18,19 % случаев, а в татарских — в 13,89 %. Следует отметить и значительный удельный вес 6-го типа среди марийских и татарских поселений. Он составляет соответственно 18,18 и 41,67 %. Это, как правило, крупные поселения, выполняющие функции хозяйственных, административных, культурных центров.

Наиболее неблагоприятная ситуация наблюдается в русских поселениях, где 85,06 % относится к динамическим моделям 1, 3, 5-го типов, отражающим в целом отрицательную тенденцию, сре-

Таблица 7.8

*Распределение сельских поселений
по преобладающей национальности*

Тип динамики	Русские		Марийцы		Татары		Прочие*	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1-й (линейный –)	1 587	63,08	9	40,91	6	16,67	11	91,67
2-й (линейный +)	216	8,59	3	13,64	4	11,11	0	0,00
3-й (полином 2 –)	433	17,21	3	13,64	9	25,0	1	8,33
4-й (полином 2 +)	70	2,78	1	4,55	1	2,78	0	0,00
5-й (полином 3 – + –)	120	4,77	2	9,09	0	0,00	0	0,00
6-й (полином 3 + – +)	53	2,11	4	18,18	15	41,67	0	0,00
Прочие	37	1,47	0	0,00	1	2,78	0	0,00
<i>Всего</i>	<i>2 516</i>	<i>100,00</i>	<i>22</i>	<i>100,00</i>	<i>36</i>	<i>100,00</i>	<i>12</i>	<i>100,00</i>

* В эту категорию попали поселения со смешанным национальным составом, а также те, которые оказались статистически незначимыми, например поселения манси, казахов, чувашей, удмуртов, украинцев и др.

ди марийских деревень к ним принадлежат значительно меньше — 63,64 %, а среди татарских — 41,67 %. Влияние традиции и этнокультурных особенностей на демографические процессы здесь очевидно.

На территории Свердловской области, кроме татар и марийцев, компактное расселение имеют манси, поселения которых расположились на севере. Манси вошли в табл. 7.8 в категорию «прочие», однако на них следует остановиться особо.

Для манси характерна весьма специфическая поселенческая сеть, являющаяся отражением полукочевого образа жизни — очень неустойчивая и изменчивая. В Верхотурском уезде Пермской губернии в начале XX в. насчитывалось 24 населенных пункта вогулов (манси), в которых проживало около 2 тыс. человек¹⁰. В 1928 г. в Тагильском округе Уралобласти отмечено 7 мансийских селений. По-видимому, это неполный перечень. В архивных документах в 1930 г. отмечено 36 кочевых селений, в 1933 г. — 28¹¹. Административный центр вплоть до 1939 г. находился в пос. Тошемка.

Традиционная система поселений манси формировалась под влиянием хозяйственной практики. Их основные занятия — охота, рыболовство, оленеводство — обусловили специфику расселения, в котором выделялись основные поселения — юрты, состоящие обычно из 4—8 домов, в которых обычно жили с сентября по май. Кроме того, манси имели также сезонные поселения, которые располагались на местах промыслов.

В конце 1930-х гг. в стране разворачивается кампания по переводу кочевого и полукочевого населения на оседлый образ жизни. К 1940 г. это движение охватило и уральских манси. В юртах развернулась агитация за сселение в поселки. Весной 1941 г. начали строить три новых поселка — Лямья, Суеват, Вижай. В пос. Лямья до сселения манси существовала только фактория Заготпушнины — большой дом, в котором находились магазин, пекарня, красный уто-

¹⁰ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 85.

¹¹ См.: Серовский филиал Государственного архива Свердловской области (СФ ГАСО). Ф. 138. Оп. 1. Д. 366. Л. 42.

лок, здесь же была построена баня. Для переселившихся семей манси в Лямье была построена целая улица из юрт, открыта школа, врачебный участок.

В 1959 г. на территории Бурмантовского сельсовета (г. Ивдель) было зафиксировано 8 мансийских поселений. В 1970 г. их количество возрастает до 13, а в 1979 г. сокращается до 7. По переписи 1989 г. насчитывается 6 поселений манси. Всего на протяжении 1920—1980-х гг. на территории Свердловской области отмечено 27 поселений, из них 62,9 % относятся к охотопромысловым, 14,8 % — к лесопромышленным. Средняя людность мансийских селений составляла в 1956 г. — 27,7 человек, в 1970 г. — 11,7; в 1979 г. — 41,4; в 1989 г. — 15,8, что также отражает нестабильность поселенческой сети¹².

Большинство зарегистрированных населенных пунктов манси существовали непродолжительный срок — в течение одного-двух переписных периодов, т. е. попали в категорию временных. К традиционным постоянным поселениям можно отнести такие населенные пункты, как Суеват-Пауль, Хандыбина Юрта, Бахтиярова Юрта, Юрта Анямова, Юрта Курикова. Они фиксируются на всем протяжении второй половины XX в. Однако помимо них существовали незарегистрированные временные поселения, в большей степени соответствующие традиционному укладу, число которых точно определить затруднительно. В частности, по сведениям Ивдельского муниципалитета на 1 марта 2003 г. в 16 поселениях манси проживал 141 человек. Из них 5 поселений рассматривались как постоянные — это Бурмантово, Хорпия, Юрта Курикова, Юрта Пеликова, Анямова Юрта, остальные — как временные. Непосредственно в лесных поселках проживало 80 человек¹³.

Интересно, что только 16,7 % мансийских поселений относятся к 1-му типу и имеют отрицательную линейную динамику, столько же принадлежат к 3-му типу, и 66,6 % характеризуются положи-

¹² См.: Мазур Л. Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке: Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург, 2003. С. 79—80.

¹³ См.: Справка о социально-экономическом развитии муниципального образования г. Ивдель за 2002 г. (текущий архив администрации МО г. Ивдель).

тельной динамикой (2-й и 4-й типы). Такая нетипичная картина складывается под влиянием сохранения, с одной стороны, традиционного образа жизни, а с другой — сокращения смертности в результате улучшения медицинского обслуживания. Таким образом, если другие национальные группы, особенно русских, процессы урбанизации затронули глубоко, то манси остались в стороне. Их поселенческая сеть, претерпев некоторые изменения (появление стационарных поселков с социальной инфраструктурой), в целом сохранила свой традиционный характер.

Роль этнокультурного фактора в динамике сельского расселения очевидна и требует дальнейшего тщательного изучения. Национальный состав влияет на внутреннюю ситуацию, определяет скорость и направленность демографических процессов, обуславливает специфику расселения.

Одной из основных тенденций этнокультурного развития сельской местности Среднего Урала в XX в. стало увеличение числа поселений со смешанным национальным составом жителей. Для традиционного общества характерно преобладание моноэтнических поселений. Смешанный состав жителей сельских поселений в более ранний период фиксируется главным образом в зонах межэтнических контактов. Взаимодействие этносов усиливается в условиях модернизации, способствуя развитию дисперсности расселения, росту подвижности народов. Уже в 1926 г. для оценки национального состава поселений был введен специальный термин — преобладающая национальность, который отражал наличие в большинстве населенных пунктов, кроме основной национальности, представителей других этносов.

Однако, несмотря на все произошедшие в XX в. изменения, ввиду незавершенности процессов модернизации сельское расселение продолжает в значительной степени сохранять этнический характер (табл. 7.9). Только 8,12 % поселений фиксируются статистикой как многонациональные, т. е. в них состав населения включает представителей разных национальностей (двух, а иногда и более) в статистических значимых долях (не менее 20 %).

Причем в городской местности доля многонациональных поселений несколько выше и достигает 10,1 %, в сельской местности

Таблица 7.9

*Распределение сельских поселений Свердловской области
по национальности*

Тип динамики	Мононациональные		Многонациональные	
	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность
1-й (линейный –)	141	1 613	16	132
2-й (линейный +)	57	223	2	16
3-й (полином 2 –)	94	446	10	41
4-й (полином 2 +)	8	72	3	1
5-й (полином 3 – + –)	9	122	4	11
6-й (полином 3 + – +)	6	72	1	15
Прочие	6	38	0	5
<i>Всего</i>	<i>321</i>	<i>2 586</i>	<i>36</i>	<i>221</i>

они составляют 7,8 %. В целом динамика развития поселения в зависимости от этнического состава (мононациональные или многонациональные) различается несущественно. В обоих случаях преобладают поселения с отрицательной динамикой (1-й и 3-й типы), однако мононациональные поселения демонстрируют в 12,4 % случаев положительную динамику, а многонациональные — только в 8,5 %. Таким образом, усложнение этнического состава сельских поселений выступает как характерная черта урбанизации деревни и соотносится с «нормальными» моделями развития, т. е. 1-м и 3-м типами.

Оценивая факторное воздействие на динамику поселений, следует подчеркнуть, что только при совпадении нескольких благоприятных влияний складываются предпосылки для роста населенного пункта: уровень урбанизированности территории, близость и доступность городских центров, многоотраслевая структура экономики, полифункционализм и наличие достаточных демографических ресурсов. Все это придает устойчивость и динамизм сельским поселениям. Наличие одного или двух благоприятных условий не определяет ситуации: населенный пункт будет терять население, одновременно утрачивая и перспективы развития. Но это не значит,

что ситуация для них безнадежна. С расширением зоны урбанизации и повышением ее уровня происходит функциональная перестройка сельской местности. Она начинает принимать на себя новые миссии, прежде всего рекреационные. И это означает начало новой стадии урбанизации села, связанной с децентрализацией и вторичным заселением значительных территорий, а следовательно, возрождением части населенных пунктов.

Глава 8

ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕРЕВНИ: ДИНАМИКА И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СВЕРТЫВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СЕТИ

Причины и варианты исчезновения сельских населенных пунктов

Основными свойствами поселенческой сети являются системность, устойчивость и динамизм.

- **Системность** выступает как следствие формирования связей, объединяющих населенные пункты различного уровня иерархии в некоторую целостную территориальную общность. Ее первичной ячейкой выступает поселение, затем выделяются локальные группы населенных пунктов, во многом, но далеко не всегда соответствующие административно-территориальному делению региона и страны. Общность более высокого уровня представляет собой функционально взаимосвязанные системы более низкого уровня. Без учета этих иерархических и горизонтальных связей, складывающихся в системе расселения, невозможно оценить роль и место конкретного населенного пункта, перспективы его развития, а также тенденции изменения системы в целом.

- **Устойчивость** — другая важнейшая характеристика системы расселения. Она является результатом длительного исторически обусловленного процесса освоения территории и реализуется в виде материальных объектов — построек, инженерных сооруже-

ний, транспортных путей и др. В результате хозяйственной и социально-культурной деятельности населения формируется каркас системы расселения, включающий наиболее значимые в экономическом, культурно-историческом и административном плане населенные пункты. Именно эти поселения определяют устойчивость системы в целом, придают ей характерные черты и особенности.

• **Динамизм** системы расселения является отражением постоянных перемен, происходящих в поселенческой сети: возникают новые населенные пункты, исчезают старые, часть поселений меняет свой статус, между ними происходит перераспределение функций и т. д. Динамизм проявляется в изменении значений численности населенных пунктов, удельного веса малых, средних, крупных поселений, их людности и других показателей.

Общая направленность развития поселенческой сети задается соотношением параметров устойчивости и динамизма и зависит от доли новообразований, убыли населенных мест в системе расселения, а также стабильности каркаса. В зависимости от этих характеристик мы можем выделить следующие варианты функционирования систем расселения.

1. **Стабильная модель.** Предполагает сохранение существующей структуры расселения без видимых изменений, при этом низкие «естественные» темпы прироста новых поселений сочетаются с невысокими показателями ликвидации старых, компенсируя друг друга. Эта модель в большей степени характерна для традиционного общества и отражает закономерности аграрного освоения территории.

2. **Модель расширения.** В данном случае рост числа новых поселений значительно выше, чем показатели убыли, в результате имеется положительное сальдо изменения численности населенных пунктов. Подобный вариант развития можно наблюдать на ранней стадии урбанизации сельской местности, особенно в первой трети XX в., когда система расселения в большей степени испытывает на себе влияние факторов, инициирующих новообразования.

3. **Модель сжатия.** Численность ликвидированных поселений существенно превышает количество вновь возникших, в итоге происходит значительное сокращение («сжатие») поселенческой сети. В этом случае моделируется следующая, более поздняя ста-

для модернизации расселения, характерная для индустриального общества (1940—1980-е).

4. **Нестабильная модель.** Отличается высокими показателями прироста новых населенных пунктов и сокращения числа имеющих, образуя сложную неустойчивую картину динамических изменений. Такой вариант развития складывается либо в переходные моменты, связанные с кардинальной сменой типа динамики, либо определяется условиями, свойственными данной территории. В частности, такой вариант развития расселения наблюдается во многих районах Свердловской области, особенно северных, в 1930-е гг., где нестабильность была связана с формированием здесь лесопромышленного комплекса и системы спецпоселений и лагерей.

Характерно, что для каждой стадии развития системы расселения, для любой модели ее функционирования свойственны процессы, связанные с исчезновением определенной части поселений. Причем потери затрагивают и городскую, и сельскую среду. Сюжеты об «исчезнувших» городах стали предметом многих исследований, что нашло отражение в ряде работ¹. Но все же процессы обновления, связанные с отмиранием нежизнеспособных поселений и появлением новых, свойственны в большей степени сельскому расселению. Они более заметны, системны и статистически значимы, т. к. выражены не единичными, а массовыми примерами, что, в свою очередь, позволяет оценить, насколько случайны или закономерны эти события, выявить их причины и наиболее типичные варианты.

Обычно история деревень, прервавшаяся по каким-либо обстоятельствам, вызывает щемящие чувства: опустевшее место, на котором когда-то кипела жизнь и выросли поколения людей, не может не вызывать грустных раздумий о смысле бытия. Недаром трагические судьбы таких деревень неоднократно становились сюжетами литературных произведений. С другой стороны, жизненный цикл любого поселения неизбежно имеет какой-то конец, в результате

¹ См., в частности: Ланно Г. Е. Исчезнувшие города на территории России // Проблемы расселения: история и современность. Сер. «Россия 1990-х гг.: Проблемы регионального развития. Вып. 3. М., 1997. С. 15—19.

чего оно перестает быть тем, чем было. В одном случае это действительно полное исчезновение или «умирание», в другом — перерождение в нечто новое.

Каждая эпоха дает нам множество примеров такого рода, меняются только причины и варианты, определяющие ситуацию в целом. Для традиционного общества выделяют, как правило, следующие причины (обстоятельства) появления пустошей на месте населенных пунктов:

- 1) внешние: разрушение поселений в ходе войн, нашествий, стихийных бедствий, эпидемий;
- 2) природные факторы: истощение земель, отсутствие достаточных водных и прочих ресурсов, влияющих на сельскохозяйственную практику;
- 3) административные реорганизации: объединение, преобразование в городское поселение, сселение и пр.

Причем первая группа причин исчезновения населенных пунктов в рамках аграрного расселения будет, безусловно, преобладать, определяя ситуацию. Так, Н. В. Пиотух, характеризуя динамику расселения северо-западных территорий страны, в частности Пусторжевского уезда в XVI в., выделяет войну и моровое поветрие в качестве основных факторов, способствовавших появлению пустошей. По материалам Писцовой книги 1582—1583 гг. от подобного «поветрия»² исчезло 314 поселений, от войны «литовских людей» — 332, «сошли», т. е. были покинуты жителями по какой-то причине, — 147. Особую роль в разрушении сложившейся системы расселения в этот период играли войны. Применительно к анализируемой Н. В. Пиотух территории, 40 % поселений пострадали от войны, в т. ч. большая часть (90 %) из них были сожжены. Кроме того, военные действия выступали и как причина «схода» крестьян. Часть запустевших селений потом восстанавливалась, но далеко не все³. Те же тенденции характерны и для более позднего време-

² К этой категории были отнесены причины появления пустошей, связанные с мором в результате эпидемий или голода.

³ См. об этом: *Пиотух Н. В.* Писцовый наказ конца XVI в. и его реализация по материалам Псковской земли // Псков в российской и европейской истории: К 1100-летию летописного упоминания. Т. 1. М., 2003. С. 276—278.

ни, а список причин появления пустошей на примере Новоржевского уезда дополняется такими, как влияние хозяйственного кризиса конца XVI в. и Смуты⁴.

Преобладание внешних факторов в динамике поселенческой сети в рассматриваемый период обуславливало ее нестабильность и пульсирующий характер. Аграрное расселение, которое стремится к равномерному охвату территории, под ударами внешних обстоятельств, например нашествий или эпидемий, теряет завоеванные позиции. В результате образуется значительное число пустошей. Так, например, по материалам Деревенской пятины (конец XV — начало XVII в.) в ряде уездов удельный вес пустошей достигает более половины: в Вышневолоцком уезде — 50,2 %, а в Валдайском — 67,5 %⁵. Однако при стабилизации ситуации происходит возрождение и вторичное заселение покинутых мест. Таким образом, на стадии аграрного расселения господствуют свои факторы и закономерности, определяющие процессы, связанные с исчезновением сельских поселений.

Картина существенно меняется с переходом расселения в новую стадию развития. В условиях модернизации на первый план выходят обстоятельства, связанные с изменениями в хозяйственной деятельности (экономический фактор), а также с административными воздействиями и политикой.

Динамика появления пустошей на разных этапах урбанизации имеет свою специфику. В начале XX в. в рамках расширяющейся модели эволюции поселенческой сети количество исчезнувших поселений относительно невелико и определяется прежде всего жизнеспособностью новообразований. В Списках населенных мест Пермской губернии в начале века в Ирбитском уезде фиксируется большое количество переселенческих участков, которые выделялись под организацию поселков для выходцев из западных и центральных районов страны, страдающих от перенаселения. Многие

⁴ См.: *Пиотух Н. В.* Картографический метод в исторических исследованиях // Историческая география: теория и практика: Сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 30—37.

⁵ См.: *Пиотух Н. В., Фролов А. А.* Электронный историко-географический атлас Деревенской пятины // Круг идей: Электронные ресурсы исторической информатики. М.; Барнаул, 2003. С. 211.

из них в дальнейшем превратились в процветающие деревни. Но немало и таких, которые остались в проекте. В этом отношении показательна судьба пос. Боровской, основанного в верховьях р. Карабашки (Тавдинский район). Он был спроектирован в 1908 г., заселение началось в 1914 г., однако к осени 1917 г. здесь прижились только 3 семьи. Из-за бездорожья и отдаленности к 1926 г. поселок распался⁶. Таким образом, неудачный выбор места расположения послужил причиной свертывания поселения.

Анализируя причины появления пустошей в прошлом веке, следует обратить внимание на то, что меняется не столько перечень причин, сколько их роль. По-прежнему в качестве причин запустения могут выступать войны и мор (например, в результате голода), но это уже стрессовые ситуации, связанные с определенными экстраординарными событиями: Первая мировая, Гражданская, Великая Отечественная войны, коллективизация. Эти события отразилось, в частности, в истории поселка Денежный (Тавдинский район), возникшего около 1910 г. В 1920-е гг. численность его жителей сократилось до 10 человек, а в годы коллективизации поселение полностью распалось⁷.

Но все же не войны и не революции определяют ситуацию. В новых условиях наибольшую нагрузку на себя принимают внутренние факторы развития расселения. Это последствия административного подхода к формированию и развитию поселенческой сети, который начинает преобладать в XX в.

На более раннем этапе в традиционном обществе доминировал свободный («естественный») подход к выбору места поселения. Предпосылкой его реализации на Урале была захватная форма землепользования, которая преобладала в XVI—XVIII вв. Заселение осуществлялось в первую очередь исходя из соответствия выбранного места некоторому набору критериев, в том числе и эстетических, обеспечивающих стабильные условия развития поселения. Во многом это способствовало устойчивости сети поселений, сложившейся в данный период. В XIX в. на Урале получает распрос-

⁶ См.: *Ермолаев В.* Тавдинское местописание. Екатеринбург, 1999. С. 167.

⁷ См. об этом: Там же. С. 169.

транение регистрационная форма выделения земель. Однако и здесь право выбора наиболее удобного места, соответствовавшего всем необходимым условиям, все же оставалось за переселенцами.

Ситуация кардинально меняется в конце XIX — начале XX в., когда на Урале исчерпываются ресурсы свободных и удобных для заселения земель (в Центральной России аграрное переселение наступает намного раньше). В этих условиях государство становится основным регулятором расселения, существенно возрастает его управляющее воздействие и складывается новый механизм организации поселенческой сети, который можно обозначить как административно-экономический.

С точки зрения экономического подхода поселение прежде всего должно отвечать требованиям развития производства. Такая позиция стала преобладающей в эпоху формирования индустриального общества, и особенно в 1930—1980-е гг. Выбор места создания поселения определяется в этом случае административным решением и обосновывается производственной необходимостью. С позиций административного подхода создание и функционирование поселенческой сети должно в первую очередь соответствовать долгосрочным или сиюминутным целям государства: например, снижение земельного голода, характерного для Центрального и Черноземного районов страны, или освоение труднодоступных, с неблагоприятным климатом, но богатых природными ресурсами территорий (Север, Дальний Восток, Сибирь), или же выбор мест для ссылки всех неугодных правящему режиму. Административный подход к развитию системы расселения нашел отражение уже в Столыпинской реформе в 1906—1914 гг. при выделении участков для переселенцев, а затем проявился в таких кампаниях, как организация совхозов на свободных землях в конце 1920-х гг., освоение целины и др.

В практике управления, особенно в 1930—1980-е гг., административный и экономический подходы сливаются, реализуясь в правительственных решениях и программах преобразования деревни и деформируя естественные процессы развития расселения. Любопытно, что в этих условиях возрастает потребность в нормативных документах, регламентирующих принятие решения. В результате

появляется масса инструкций и правил по планировке сельских поселений, разрабатываемых в центре и на местах. Так, например, Наркомзем в 1932 г. подготовил Временную инструкцию по распланировке и застройке производственных центров социалистического сектора сельского хозяйства (совхозов, МТС и колхозов), в которой рассматривались вопросы выбора места под центр; общие принципы зонирования территории — выделения производственной, жилой части, общественного центра; организации культурно-бытового, лечебно-профилактического обслуживания, водоснабжения, электрификации, озеленения⁸. Выбранный под поселение участок должен был соответствовать следующим требованиям: располагаться в «здоровой и сухой местности, не затопляемой дождями и тальми водами», с учетом размещения земельных массивов; иметь хорошие пути сообщения с другими селениями; иметь хорошее водообеспечение, а также надежный грунт и «спокойный рельеф»⁹. Для выбора участка назначалась специальная комиссия, состоящая из представителей административных и хозяйственных органов, от их решения и зависела дальнейшая судьба поселка. Нередко выбор места проводился формально, в спешке, без надлежащего изучения условий, и это отражалось на их дальнейшей перспективе. К примеру, те же совхозные поселки, десятки которых были построены во время целинной эпопеи, как правило, страдали от недостатка питьевой воды¹⁰. Об этом все знали, однако, находясь под гипнозом идей о возможности кардинального преобразования природы, рассматривали эту проблему упрощенно, как технически разрешимую.

Все это свидетельствует о том облегченном подходе к расселению, который сложился в управленческих структурах и реализовывался на практике. В итоге поселенческая сеть, которая закладывается в XX в. с учетом административно-экономического подхода, была крайне неустойчивой. Многие поселения, возникшие как хутора и выселки, а позднее как фермы или отделения колхозов и со-

⁸ См.: РГАЭ. Ф. 8119. Оп. 1. Д. 151. Л. 88—101.

⁹ См.: Там же. Л. 88—89.

¹⁰ См.: Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 1014. Оп. 7. Д. 358. Л. 105—107.

входов, просуществовали недолго, пополнив список исчезнувших деревень.

Всего по материалам БД «Города и села Свердловской области в XX веке» из 2 807 постоянных поселений, расположенных в сельских районах, в 1930—1980-е гг. были закрыты по разным причинам 1 267 поселений, т. е. 45,1 %. В городской местности число исчезнувших населенных пунктов составило 132 (37,0 % всех постоянных поселений, подчиненных горсоветам). Таким образом, в зоне прямого влияния городов удельный вес поселений, снятых с учета, был несколько меньше, тем не менее оставался достаточно высоким, что в целом характерно для стадии сжатия поселенческой сети.

Динамика закрытия постоянных поселений, если опираться на материалы БД, выглядит следующим образом: в 1940—1950-е гг. исчезло 109 населенных пунктов, в 1960-е гг. — 349, в 1970-е гг. — 514, в 1980-е — 427, т. е. больше половины постоянных поселений (67,3 %) было закрыто в 1970—1980-е гг. — период наиболее жесткого административного вмешательства в расселенческие процессы.

В первую очередь из списков исчезают мелкие поселения, в которых средняя численность населения на протяжении XX в. не превышала 200 человек, их удельный вес составил 82,2 % (табл. 8.1). Именно они быстрее других деревень теряли население, и именно на них была ориентирована политика сселения, проводимая управленческими структурами.

Средние по величине поселения встречаются среди закрытых в 13,1 % случаев, часть их была укрупнена путем слияния, другие же потеряли население. Среди них нередко представлены поселки лесозаготовителей, закрытые в связи с завершением работ, но все же основную массу составляют сельскохозяйственные поселения. Так, например, среди 215 сельскохозяйственных поселений, закрытых в 1980-е гг. в сельской местности, 38 относились к категории средних и 9 — крупных. Если мелкие поселения — это та группа, которая объективно сокращается в условиях урбанизации, то судьба средних поселений, превратившихся в пустоши, более трагична. Их жизнеспособность была объективно выше, и при соответ-

Таблица 8.1

*Динамика численности закрытых поселений
Свердловской области в 1939—1989 гг. **

Категория поселений	1939—1955	1956—1969	1970—1978	1979—1988	1989	Итого
Мелкие (< 200 чел.)	86	280	437	242	105	1 150
Средние (201—500 чел.)	13	43	61	54	12	183
Крупные (> 501 чел.)	10	26	16	11	3	66
<i>Всего</i>	<i>109</i>	<i>349</i>	<i>514</i>	<i>307</i>	<i>120</i>	<i>1 399</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке». При построении динамического ряда за соответствующий год указано число поселений, которые упоминались в списках последний раз, а уже к следующей дате в списках не значатся. За 1989 г. приведены те поселения, где отсутствовали жители, т. е. фактически ставшие пустошами.

ствующей поддержке эти деревни можно было бы сохранить, тем более что они, наряду с крупными, составляют каркас сельского расселения.

Среди закрытых поселений во все периоды времени преобладали сельскохозяйственные, их удельный вес составил 80,2 %. Значительную группу составляют лесохозяйственные и лесопромышленные поселки — 10,9 %, далее по частоте встречаемости следуют транспортные и промышленные (табл. 8.2). Собственно говоря, приведенное выше распределение наиболее ярко характеризует, каким образом во второй половине XX в. происходит трансформация расселения: это сжатие поселенческой сети преимущественно за счет сельскохозяйственных населенных пунктов — сел, деревень, хуторов, выселков. С одной стороны, они оказались в группе риска по объективным причинам, теряя ускоренными темпами население. С другой стороны, они стали основным объектом, на который была направлена аграрная политика государства, а также мероприятия в области расселения, т. е. сельскохозяйственные поселения подверглись наиболее жесткому административному воздействию. Закрытие промышленных, лесохозяйственных, транспортных по-

Таблица 8.2

*Численность закрытых в 1930—1980-е гг. поселений
Свердловской области по хозяйственной направленности**

Хозяйственный статус поселения	1939–1955	1956–1969	1970–1978	1979–1988	1989	Итого
Железнодорожные	1	9	19	15	6	50
Промышленные	4	9	21	12	10	56
Сельскохозяйственные	103	309	416	224	70	1 122
Лесохозяйственные	1	18	56	49	29	153
Рекреационные	–	4	1	5	3	13
Рыбохозяйственные	–	–	–	2	2	2
Охотопромысловые	–	–	1	–	–	1
<i>Всего</i>	<i>109</i>	<i>349</i>	<i>514</i>	<i>307</i>	<i>120</i>	<i>1 399</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

селков в основном было связано с экономическими факторами и обуславливалось производственной необходимостью, а здесь действуют другие законы.

Рассмотрим основные варианты «исчезновения» сельских поселений, которые преобладают в XX в.

1. Исключение из учетных данных в связи с изменением статусных характеристик населенного пункта, в частности преобразованием их в поселки городского типа или включением в черту городских поселений.

2. Слияние с более крупными населенными пунктами, расположенными рядом.

3. Ликвидация поселений в связи с потерей населения, в т. ч. в результате выезда жителей, сселения или смертности.

Первый и второй варианты не означали ликвидации населенного пункта как такового, он продолжал существовать, но в другом качестве.

• Реорганизация сельских поселений в городские непосредственно связана с урбанизацией поселенческой среды и набирает размах уже в 1920-е гг. с принятием новой нормативной базы регистрации и упорядочения поселенческой сети. На Среднем Урале

эти процессы проявились особенно рельефно. Многие заводские поселения, которые по своим параметрам уже давно переросли сельские, в этот период преобразуются в рабочие поселки. Среди них Каменский, Полевской заводы, получившие позднее статус городов, а также Баранчинский, Нейво-Шайтанский заводы и др. Часть рабочих поселков возникает на месте сельскохозяйственных поселений. Так, например, в городские поселения в конце 1920-х гг. были преобразованы села Арти, Билимбай, Верхняя Синячиха: высокие показатели людности и выполнение ими административных функций районного центра обусловили необходимость подобной реорганизации.

Если в 1920-е гг. в эту группу попадали поселения, имевшие длительную историю и занимавшие соответствующее место в структуре расселения, т. е. игравшие роль центров локальных систем, то в 1930-е гг. вперед вырываются промышленные населенные пункты, которые появились относительно недавно, в конце XIX — начале XX в., и набрали обороты в период индустриализации. В этом отношении показательна судьба пос. Новоасбест Пригородного района, возникшего в 1902 г. как приискное поселение. Его первоначальное название — Куделька — было связано с месторождением хризотил-асбеста, добычей которого занималось местное население. К 1933 г. он преобразуется в городское поселение, и хотя в 1940-е гг. рудник был закрыт, пос. Новоасбест получил дополнительный шанс в связи с открытием и разработкой Анатольевского месторождения голубого асбеста.

В целом, наибольшее число преобразований сельских поселений в городские приходится на 1930—1940-е гг., когда бурный рост промышленности на Урале сопровождался появлением новых промышленных центров и их активным развитием. В этот период новый статус в Свердловской области получили более 40 поселений, в т. ч. поселки Висим, Зюзельский, Алтынай, Аять, Изумруд и др.

В послевоенный период практика реорганизации коснулась тех населенных пунктов — крупных сел, поселков, — которые выполняли функции районных центров и, несмотря на сохранение сельскохозяйственной направленности, постепенно наращивали промышленную базу. Всего по РСФСР в 1930—1960-е гг. свыше 2 тыс.

крупных сел получили статус поселков городского типа¹¹. Свердловская область не осталась в стороне. В 1950—1960-е гг. в разряд поселков городского типа попали села Ачит (1968), Байкалово (1972), Белоярский (1959), Гари (1968), бывшие административными центрами крупных районов. Кроме того, ряд промышленных поселений к 1950-м гг. достигли необходимых для повышения статуса параметров и были переведены в городские. К их числу относятся, например, поселок городского типа Верхняя Сысерть, который был образован в 1950 г. на базе бывшего завода. В 1909 г. здесь проживало только 661 чел., в 1930-е гг. поселок начинает бурно расти в связи с открытием рудника «Уралзолото». Интересно, что после закрытия рудника в 1959 г. в поселке в основном развивалась легкая промышленность, в частности здесь был размещен швейный цех, налажено ковровое производство, что позволило поселку сохранить свое положение. Кроме того, Верхняя Сысерть расположена в очень живописном месте, со временем поселок превратился в одно из наиболее популярных мест отдыха. В его окрестностях расположены десятки туристических баз, домов отдыха, детских лагерей.

Рассматривая процессы градообразования и их влияние на трансформацию сельского расселения, нужно иметь в виду, что в результате таких реорганизаций часто менялась судьба расположенных рядом деревень. При определении административной границы рабочих поселков и городов к ним, как правило, присоединялись близлежащие населенные пункты. Так, например, в 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 апреля были образованы рабочие поселки Покровский, Калья, Воронцовка, Волчанка, Черемухово, и каждый из них в свою черту включил один или несколько соседних населенных пунктов¹².

Поглощение поселений происходило и при расширении черты городов, в зону влияния которых попадали пригородные населенные пункты. Подобная ситуация сложилась, например, в 1941 г. при

¹¹ См.: Переустройство сельских населенных мест. М., 1969. С. 244.

¹² См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 274. Л. 39, 42, 45, 51, 54.

уточнении черты г. Камышлова, куда были включены село Закамышловское, деревни Бараба и Насонова¹³.

Административные преобразования, особенно в 1960—1980-е гг., становятся одной из причин сокращения численности сельских поселений. Этот процесс особенно заметен в условиях формирования агломераций. Примеров множество: деревня Заякино в 1972 г. была включена в состав рабочего поселка Верхняя Синячиха, в том же году дер. Костина вошла в состав рабочего поселка Махнево, а дер. Чечулина — в черту рабочего поселка Верхняя Салда; и т. д.¹⁴

Примерную картину динамики закрытия сельских поселений, расположенных в городской зоне, можно проследить по табл. 8.3.

Таблица 8.3

*Динамика численности закрытых поселений,
расположенных в городской местности Свердловской области,
в зависимости от их категории**

Категории поселений	1956–1969	1970–1978	1979–1988	1989	Итого
Мелкие (< 200 чел.)	11	43	23	26	103
Средние (201–500 чел.)	2	3	10	2	17
Крупные (> 501 чел.)	6	3	1	2	12
<i>Всего</i>	<i>19</i>	<i>49</i>	<i>34</i>	<i>30</i>	<i>132</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

Села и деревни, расположенные в зоне влияния городов, чаще других имели перспективу «поглощения» городом, хотя и не всегда. Наибольшее число закрытых поселений приходится на 1960—1980-е гг. — время активного роста городов Свердловской области и формирования агломераций. Среди них преобладают небольшие по своим размерам поселки промышленной, транспортной и сельскохозяйственной направленности.

В результате изменения статуса или включения в городскую черту городов из учетных списков Свердловской области исчезли

¹³ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5571.

¹⁴ См.: Там же. Оп. 2. Д. 1672.

во второй половине XX в. несколько десятков поселений (примерно 5—10 %). Этот вариант наименее массовый и связан с развитием городской сети.

• Объединение нескольких поселений в укрупненный населенный пункт также носит организационный характер. В целом это мероприятие не связано с исчезновением поселения: оно продолжало существовать в структуре укрупненного населенного пункта, что нередко отражалось в его внутренней топонимике. Так, например, западная часть села Покровского — одного из крупнейших поселений Артемовского района — до сих пор называется Соснята по имени деревни, которая была присоединена еще XIX в.¹⁵

Объединение могло быть формальным и неформальным. В первом случае оно существовало только на бумаге, а населенные пункты продолжали жить и функционировать по-прежнему раздельно. Неформальный вариант отражал объединение реально слившихся населенных пунктов.

Слияние как форма преобразования поселенческой сети имеет свои объективные предпосылки и связано с закономерностями сельскохозяйственного освоения территории. Особенно это характерно для Среднего Урала, где удобные для земледелия земли расположены достаточно компактно — в долинах рек, и расселение в результате приобретает очаговый характер. А если учесть влияние внешней угрозы, с которой сталкивались первопоселенцы, то становится понятно, почему в XVI—XVIII вв. сельские поселения строились кучно, нередко на расстоянии 1—3 км друг от друга. Разрастаясь, они в определенный момент времени вставали перед необходимостью слияния. Такие факты наблюдались достаточно часто. Так, например, дер. Лягушина Артемовского района (в 1960-е гг. переименована в Родники) появилась в конце XVII в. в результате слияния деревень Кляпининой и Одиной¹⁶.

Свой вклад в стихийную реорганизацию поселенческой сети вносили процессы, связанные с выделением выселков. В результате

¹⁵ См.: Брылин А. И., Коверда П. Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998. С. 167.

¹⁶ См.: Там же. С. 153.

тиражировалось название деревни, к которому добавлялось только прилагательное: *Большая, Малая, Нижняя, Верхняя* и т. д. В перспективе они также нередко объединялись. В частности, в 1939 г. в Верхотурском районе было зарегистрировано объединение деревень Шумкова 1-я и Шумкова 2-я, территории которых в результате застройки межселенного пространства действительно слились. В этом случае объединение носило закономерный характер. Причем чаще всего это было «поглощение», когда одно из поселений, более крупное и выполняющее функции центра, росло быстрее, неизбежно поглощая расположенные рядом мелкие поселения.

В основном случаи неформальных объединений преобладают в первой половине XX в., и не случайно: в условиях модернизационного перехода процессы объединения усиливаются, являясь своеобразным откликом на концентрацию производства.

Во второй половине XX в., особенно в 1950—1960-е гг., чаще встречается другой вариант. Факты объединения населенных пунктов нередко приобретают искусственный характер. В реальности поселения продолжали существовать вполне самостоятельно.

Причина слияний в этот период непосредственно связана с практикой распределения капиталовложений и нормами обслуживания поселенческой сети. Открытие школы, магазина, отделения связи, медицинского участка напрямую зависело от людности населенного пункта. В этом случае расположенные рядом деревни «объединялись», чтобы попасть в категорию «перспективных».

Если смотреть динамику снятия с учета населенных пунктов, то бросается в глаза, что в первой половине 1960-х гг. случаи слияния приобретают просто лавинообразный характер. В Серовском районе Свердловской области в 1962 г. было зарегистрировано слияние поселков Андриановский Кордон, Андриановский Табор и села Андриановичи. В 1965 г. зафиксированы массовые слияния деревень в Талицком и Шалинском районах области¹⁷. Подобная картина наблюдается не только на Среднем Урале, но и в других регионах страны. В частности, в Башкирии только за 1-е полугодие

¹⁷ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 37. Д. 2544. Л. 110.

1960 г. были исключены из учетных данных 311 сельских населенных пунктов, из них 220 в результате слияния¹⁸.

Подобный «кампанейский» характер реорганизации поселенческой сети вызывает ощущение искусственности. И в этом случае уже неважно, реально слились деревни или нет, важно соответствовать некоторым формальным критериям, допускающим возможность объединения.

Административный характер таких реорганизаций подчеркивает их неравномерность. В Свердловской области наибольшее число объединений фиксируется в 1962 г. и во второй половине 1965 г. Причем если в первом полугодии 1965 г. из учетных списков был исключен всего один населенный пункт, то во втором — 25, и все — в результате слияния¹⁹. В дальнейшем реорганизация поселенческой сети по этому пути приостановилась, и встречаются лишь единичные примеры.

- Наибольший интерес для нас представляет категория поселений, которые прекратили свое существование в связи с селением или выездом населения. Они и дают нам представление о реальном сокращении поселенческой сети, т. к. в этом случае населенный пункт действительно становится пустошью, нежилым местом. Численность покинутых и сселенных деревень существенно колеблется во времени. На их динамику в XX в. наибольшее влияние оказывают два основных фактора — естественный (демографический) и политический.

Естественный фактор связан с сокращением числа жителей в населенных пунктах. Те из них, которые оказались в неблагоприятных условиях, на протяжении изучаемого периода теряют население. Для многих такая потеря становится необратимой, приводя к полному обезлюдению деревни. Это в первую очередь касается малых монофункциональных деревень, развивающихся в соответствии с 1-й и 3-й моделями динамики («линейный убывающий тип» и «полином 2—»). Удельный вес закрытых поселений, относящихся к этим типам, составил 84,9 %.

¹⁸ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 982.

¹⁹ См.: Там же. Оп. 37. Д. 2543. Л. 120—121; Д. 2544. Л. 110.

Снятие с учета деградирующих в демографическом плане поселений нередко происходило уже после того, как последние жители покинули деревню. Причем их число возрастает от переписи к переписи. Однако проследить это на официальном уровне можно только по переписям 1979 и 1989 гг. В более ранний период такие поселения просто не учитывались органами статистики. В 1979 г. в Свердловской области насчитывается 74 населенных пункта без населения, а в 1989 г. — 100²⁰. По расчетам, основанным на сведениях БД, в 1939 г. отмечено 18 поселений, не имеющих жителей, в 1956 г. — 519, в 1970 г. — 555, в 1979 г. — 87, в 1989 г. — 152. Даже если учесть погрешность в подсчете, тем не менее тенденция очевидна и впечатляет.

Запустение деревень и поселков наиболее заметно в 1950—1960-е гг., когда численность подобных поселений достигает рекордной отметки, затем темпы прироста опустевших поселений снижаются, но ненадолго. Новый рост населенных пунктов без жителей приходится на 1980-е гг. Такая динамика вполне объяснима и в большинстве случаев связана с волнами оттока (миграции) населения из сельской местности, а также снижением естественного прироста. Эти деревни, обозначенные в списках как еще существующие, были первыми в очереди на снятие с учета.

Запустение обуславливалось не только демографическими, но и производственными факторами. В частности, в Свердловской области в 1950—1960-е гг. в разряд населенных пунктов, закрытых в связи с выездом жителей, как правило, попадали приисковые, лесопромышленные и транспортные поселения, где работы были прекращены, а население разъехалось. Так, например, в 1946 г. был ликвидирован пос. Смолянка (г. Нижняя Тура), возникший в 1932 г. и закрытый через 15 лет в связи с завершением работ. В 1957—1964 гг. в том же районе были закрыты сразу несколько железнодорожных разъездов: «60 км», «61 км», «63 км», а в 1970 г. — разъезды «40 км», «72 км» с интересной формулировкой: «по окончании

²⁰ См., например: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 6121. Л. 89; Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики (табл. 4. Группировка сельских населенных пунктов по типам и численности населения Свердловской области. 1989).

работ все население выехало, за ненадобностью казарма была снесена»²¹. Эти поселения появились в начале века, в 1905 г., в связи со строительством Кытлымской железной дороги, а после войны, в результате внедрения новых технологий обслуживания железнодорожных путей, надобность в них пропадает, поэтому и происходит массовое закрытие поселений такого рода.

И в дальнейшем несельскохозяйственные поселения продолжают составлять значительную долю среди ликвидированных. В Серовском районе в 1960—1962 гг. были сняты с учета несколько лесозаготовительных населенных пунктов, возникших еще в 1930-е гг.: Атюс, Березовый Падун, Кордон, Пельым²². На территории, подчиненной г. Нижняя Тура, в 1965 г. были исключены из списков рудничные поселки Боковое, Вогулка, Катаба. В 1974 г. в Пригородном районе был ликвидирован в связи закрытием рудника пос. Нововолковский, а его жители переселены в г. Красноуральск²³.

Таким образом, потери населения в этой категории населенных пунктов определяются состоянием производственной сферы. Приведенные примеры в большинстве случаев касаются центральных и северных горно-заводских районов области, имеющих горно-добывающую и лесопромышленную специализации. Наряду с ликвидацией в этих районах весьма активно велось строительство новых поселений, что отражает специфику приискового и лесного расселения, для которых свойственна неустойчивость, определяемая недолговечностью поселений и их зависимостью от природных ресурсов. В том же Нижнетуринском горсовете в 1973 г. были исключены из учетных данных три населенных пункта и один зарегистрирован²⁴. В 1960 г. на территории Алапаевского района были поставлены на учет 22 новых поселения, в Талицком районе — 14, в большинстве своем они имели отношение к лесопромышленному комплексу²⁵.

²¹ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1667.

²² См.: Там же. Д. 500.

²³ См.: Там же. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 703. Л. 67.

²⁴ См.: Там же. Д. 635.

²⁵ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 982. Л. 132.

В ином положении оказались сельскохозяйственные поселения, которые в наибольшей степени испытывали на себе трудности модернизационного перехода. Общее сокращение численности сельского населения и рост миграции объективно ставили их на грань выживания. В этом случае возрастает значение факторов, обеспечивающих жизнеспособность поселений: людность, статус в локальной системе расселения, функциональность и т. п. Причем в реальной практике все переплеталось настолько тесно, что сложно отделить те поселения, которые «естественным» образом потеряли население, и те, которые в конечном счете стали жертвой непродуманной социально-экономической политики.

Еще в конце 1930-х гг. была предпринята первая массовая попытка сселения малых поселений, которая коснулась тогда хуторов и выселков. В 1938—1939 гг. было проведено первое массовое переселение колхозников с хуторов на центральные усадьбы, сначала это коснулось северо-западных районов страны, а к 1940-м гг. приобрело всесоюзный масштаб. К 1941 г. в СССР фактически было сселено 282,1 тыс. крестьянских хозяйств, в Свердловской области к концу года — 2 148 хуторов (82,6 % общего числа)²⁶. В результате многие из поселений, возникших в начале века и в 1920-е гг., были ликвидированы и в дальнейшем в регистрационных списках не упоминаются. Это были первые жертвы «насильственной» концентрации расселения.

Вновь проблема сселения начинает обсуждаться после войны. В начале 1950-х гг. повсеместно проводится новое укрупнение колхозов. В один колхоз преимущественно объединялись 3—4 хозяйства, но были и исключения. Так, например, в Свердловской области в Тугулымском районе из 76 артелей было создано 16, самыми крупными оказались колхозы им. Ленина и «Путь к коммунизму». Первый включал 12 мелких артелей, расположенных на территории шести сельсоветов, второй — 10²⁷. Помимо объективных последствий, которые имело укрупнение, — системно-функциональной перестройки поселенческой сети, наблюдается и смена акцентов в социально-

²⁶ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 151—152.

²⁷ См.: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1040. Л. 46.

экономической политике по отношению к селу. Она приобретает дифференцированный характер: в качестве приоритетного направления выделяется развитие небольшой группы «перспективных населенных пунктов», а остальные подлежали ликвидации и сселению. Более того, недвусмысленно заявлялось, что «без сселения ликвидировать противоположность между городом и деревней нельзя. Водопровод, канализация, детсады, — разве может мелкий колхоз это сделать?!»²⁸. Единичные факты сселения малых деревень наблюдаются уже в 1950-е гг., а к началу 1960-х гг. приобретают массовый характер²⁹. К их числу относится, например, история хутора Борки Тавдинского района, который возник в 1921 г., в 1930-е гг. вошел в состав колхоза «Перелом старого быта» вместе с соседней деревней Майловкой. В начале 1950-х гг. население хутора было сселено на центральную усадьбу.

От укрупнения страдали не только мелкие, но и крупные поселения. Примером служит дер. Азанушка Тавдинского района, которая возникла в 1908 г. как переселенческий участок. Очень скоро она превратилась в достаточно крупный населенный пункт, в 1926 г. здесь насчитывалось 375 жителей. В дальнейшем в ней размещался центр сельсовета, в 1933 г. в деревне организуется колхоз, который просуществовал до 1962 г., когда все хозяйства Крутинского сельсовета были объединены в один колхоз «Мир». В 1960-е гг. деревня полностью опустела, жители разъехались.

Думается, что в 1950-е — начале 1960-х гг. подобным образом «исчезли» те поселения, которые уже действительно исчерпали свой ресурс развития. По приближенным подсчетам удельный вес сельскохозяйственных населенных пунктов, снятых с учета в связи с сселением, в этот период не превышал 30 % общего уровня сокращения. Причем подобная картина является типичной для других областей Урала. В Челябинской области из 1 157 поселений, снятых с учета в 1959—1970 гг., сселено было только 410, в Удмуртской АССР из 1 719 поселений — соответственно 284³⁰. В Сверд-

²⁸ ГАРФ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 369. Л. 27.

²⁹ См. об этом: ЦХДОО СО. Ф. 4. Оп. 47. Д. 245. Л. 115.

³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7251. Л. 71.

ловской области в эту категорию попадают небольшие поселения, покинутые жителями, — деревни Малая Уророва, Пупышева, Сутяга, Мочалка Туринского района, которые в 1962 г. были сняты с учета как «прекратившие существование в связи с выездом жителей». К их числу относится и тавдинская деревня Данилкина Вилка, основанная еще в 1908—1909 гг. переселенцами из Витебской губернии. После войны она попала в число неперспективных, жители разъехались, и в середине 1960-х гг. деревня прекратила свое существование³¹.

В Ревдинском районе в 1950—1960-е гг. исчезли с карты две Кислянки (Ревдинская и Дегтярская), Козыриха, Тараканиха, Цыбиха, Емелино, Гудок, Зубаревка, Макарово, Шумиха, Починок, Бережок. Как правило, это были населенные пункты, появившиеся в первой половине XX в. и не успевшие развиваться в многофункциональное, устойчивое поселение. Так, например, пос. Козыриха был образован как подсобное хозяйство Ревдинского завода в 1930-е гг., причем в не очень удачном месте: постоянно не хватало воды, и ее приходилось возить в бочках. В годы войны здесь имелись овцеферма, 200 га пахотной земли, конный двор. Как населенный пункт Козыриха просуществовала до 1965 г. Впоследствии здесь раскинулись поля совхоза.

Аналогична судьба Ревдинской Кислянки, образованной в 1930-е гг. как отделение совхоза Ревдинский. Здесь были построены телятник и птицефабрика. В поселке, кроме частных домов, были 2- и 4-квартирные дома, начальная школа, столовая. Общая численность жителей составила в 1939 г. 42 человека. В 1967 г. Ревдинскую Кислянку объединили с Дегтярской Кислянкой, а в дальнейшем они обе были разрушены³².

Следовательно, несмотря на развернувшееся в стране сселение малых деревень, в этот период оно еще не играет принципиально важной роли, усиливая естественные процессы свертывания поселенческой сети, но не форсируя их. Всего на территории России

³¹ См.: Ермолаев В. Тавдинское местописание. С. 169.

³² См.: Летопись уральских деревень: Ревдинский район. Ревда, 1997. С. 173—174.

с января 1959 по январь 1970 г. было объединено с более крупными или учтено в их составе, а также списано как «нежилые» более 70 тыс. сельских поселений. Около 3 тыс. поселений было преобразовано в городские или включено в городскую черту³³.

Качественный перелом в политике сселения наступает в конце 1960-х гг. Ликвидация малых деревень выдвигается на первый план и рассматривается как основной инструмент преобразования сельской местности. В 1968 г. на ведомственном и общероссийском уровне принимается целый ряд постановлений, которые послужили толчком к активизации процессов сселения³⁴. В РСФСР в 1968 г. из 245,1 тыс. к перспективным было отнесено 63,6 тыс., или 26 % поселений³⁵. Определение этих населенных пунктов проводилось в рамках районных планировок, которые разрабатывались проектными институтами и в целом носили очень формальный и умозрительный характер. Основным недостатком районных планировок этого времени была их нацеленность на сокращение поселенческой сети — на этом строились все прогнозы. Другие варианты развития поселенческой сети не рассматривались.

В первой половине 1970-х гг. был разработан базовый нормативный документ, отразивший концептуальные подходы к модернизации деревни и определивший основные направления политики в области расселения на период до 2000 г. Генеральная схема расселения СССР предусматривала формирование «оптимальной» с точки зрения решения производственных задач и условий жизни населения поселенческой сети. Будучи секретным документом, Генеральная схема оказалась недоступной для тщательного изучения, однако основные принципы перспективного планирования были опубликованы и обсуждались научной общественностью³⁶.

³³ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 260.

³⁴ Среди них постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 сентября 1968 г. № 728 «Об упорядочении строительства на селе» — см.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7250. Л. 3—4.

³⁵ См., в частности: Переустройство сельских населенных мест. М., 1969; Материалы совещания-семинара. Минск, 1968. С. 75.

³⁶ См.: Генеральная схема расселения на территории СССР: Доклад к выставке «Градостроительство в СССР». М., 1977.

В качестве основной задачи в области расселения в ближайшее десятилетие (1970-е гг.) выдвигалось «разрушение старой исторически сложившейся системы расселения и создание новой, основу которой должны создать укрупненные благоустроенные поселки совхозов и колхозов, создаваемые на основе рационального размещения производительных сил в сельскохозяйственной сфере. В этих поселениях, входящих в аграрно-промышленные комплексы и связанных с центрами современными коммуникациями, должны быть созданы современные условия для жизни, комфорт и благоустройство»³⁷.

В проекте, на который опиралось преобразование поселенческой сети, выделялись следующие этапы развития сельского расселения.

Первый этап (1970—1975) был ориентирован на ликвидацию неперспективных поселений. Кроме того, предусматривалось строительство комплексных экспериментально-показательных поселков в каждой области страны и создание на их базе эталонов строительства. В итоге к 1975 г. необходимо было завершить формирование опорной сети сельских населенных пунктов и системы культурно-бытового обслуживания. В качестве одной из задач выдвигалась застройка и благоустройство основных (перспективных) населенных пунктов.

Второй этап (1975—1980) предполагал утверждение новой системы расселения, где должны были исчезнуть различия между городом и деревней. На этом этапе планировалось завершить ликвидацию неперспективных поселений и преобразование сельских населенных пунктов в поселки городского типа, в т. ч. по уровню благоустройства.

Третий этап (до 2000 г.) рассматривался как завершающая стадия стирания грани между городом и деревней в характере труда, быта и отдыха населения³⁸.

Как видим, программа реконструкции сельской поселенческой сети была ориентирована на ее кардинальную перестройку, преоб-

³⁷ РГАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1109. Л. 166—167.

³⁸ См.: Там же.

разование в городскую, урбанизированную, а основными инструментами для этого служили финансирование социально-культурного и бытового развития перспективных поселений и уничтожение всех остальных. Последние, в свою очередь, подразделялись на три категории: 1) подлежащие немедленному сселению (с населением до 50 человек); 2) сселяемые во вторую очередь (50—200 чел.); 3) сохраняемые на срок до 1980 г. (с населением до 500 человек). Каждый населенный пункт при разработке районной планировки оценивался в соответствии с разработанными нормативами. Основное значение имел показатель людности, в соответствии с которым перспективное поселение должно было иметь не менее 500 жителей, а лучше — более тысячи³⁹.

Для каждого хозяйства разрабатывался план, в рамках которого указывалось, какие из поселений можно считать перспективными, а какие нет. В Свердловской области эти работы на всех уровнях разворачиваются в конце 1960-х — начале 1970-х гг. На 1.01.1973 г. в области было намечено развивать 849 поселений, причем 307 из них имели население менее 300 человек, а значит, тоже подлежали сселению в перспективе (табл. 8.4)⁴⁰.

Наступление на «неперспективные» деревни начиналось с закрытия школ, медицинских пунктов, магазинов, что приводило к усилению оттока трудоспособного населения, и особенно молодежи. Через несколько лет деревня действительно умирала. Такая судьба постигла сотни сельских поселений, в том числе Макаровку, Киселеву, Рыболову, Большую Койнову, Чигину, Манюшкину и другие поселения Байкаловского района; Подвысочную, Зыряны, Поникарову, Мостовую, Маслянку, Басаргину, Менухову, Межовку, Багрову, Путилову Пышкинского района и пр.

В ряде случаев в число неперспективных попадали вполне жизнеспособные населенные пункты. Но под административным нажимом, несмотря на сопротивление местных жителей, их переселяли на центральные усадьбы. Однако и здесь переселенцы задерживались

³⁹ См.: Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. М., 1966. С. 23.

⁴⁰ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7251. Л. 21.

Таблица 8.4

*Перспективные сельские населенные пункты
по данным районных плановок на 1.01.1973 г. **

Республика, регион	Кол-во населенных пунктов		Число жителей, чел.						
	существующих	перспективных	до 200	201-300	301-500	501-1000	1001-1500	1501-3000	3001 и более
РСФСР	215 318	56 621	2 994	6 947	13 881	19 423	7 614	4 243	1 519
Башкирская АССР	5 769	1 722	-	-	226	853	480	120	43
Курганская	1 609	1 177	75	21	380	430	221	31	19
Оренбургская	2 595	1 626	88	208	411	611	120	140	48
Пермская	6 500	1 679	132	201	795	428	76	32	15
Свердловская	2 928	849	142	165	251	123	87	65	16
Удмуртская АССР	3 190	998	43	135	380	341	39	13	47
Челябинская	1 962	802	36	6	84	344	185	119	28

* Источник: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7251. Л. 45.

ненадолго, перебираясь в города поближе к уехавшим ранее детям. Так, по результатам БД 10,1 % закрытых поселений имели к моменту снятия с учета положительную динамику, т. е. относились ко 2-й и 4-й динамическим моделям, более половины из них исчезает в 1960—1970-е гг.

На начало 1970-х гг. приходится новая волна снятия с учета. Причем «исчезают» села и деревни, имеющие давнюю историю. Так, например, в 1969 г. была сселена старейшая в Тавдинском районе деревня Лайма, известная с XVII в., в 1926 г. здесь проживало 387 человек. После войны деревня стала увядать и попала в число неперспективных.

Любопытно, что по отчетам административно-территориальных изменений, в которых фиксировались факты ликвидации поселений, прослеживается очень неравномерная динамика. В 1970 г. изменений в численности поселенческой сети не произошло, в 1971 г. число населенных пунктов в Свердловской области сократилось на 2 за счет присоединений их к городским поселениям⁴¹. Зато в 1972 г. из учетных списков было исключено только в Гаринском районе 38 поселений. Причем из всех населенных пунктов жители выехали на центральные усадьбы хозяйств еще в 1968—1969 гг., а снятие с учета относится к 1972 г.⁴² В Верхотурском районе в этом же году было исключено из списков 8 поселений. В частности, в начале 1970-х гг. была снесена деревня Шумиха, где еще в 1956 г. проживало 154 человека. Ее земли были отданы под летнее пастбище совхозу Кордюковский⁴³.

В 1973 г. из списков Свердловской области было исключено 157 населенных пунктов⁴⁴. Список исчезнувших поселений продолжает расти в 1974 г. Что это: результат неэффективности системы учета или лавинообразное нарастание изменений, ставших результатом реализации политики сселения? Характерно и то, что 1973-й год стал временем, когда вопросы ликвидации неперспек-

⁴¹ См.: ГАСО. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 600.

⁴² См.: Там же. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1672.

⁴³ См.: Там же. Д. 1674.

⁴⁴ См.: Там же. Ф. 1813. Оп. 11. Д. 635.

тивных деревень стали широко обсуждаться на правительственном уровне. Если раньше они находились в ведомственной компетенции и все решения принимались Госстроем СССР, то сейчас эта задача приобретает новый статус. А экспериментальной площадкой радикальной реконструкции поселенческой сети стало Нечерноземье. В 1974 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР»⁴⁵. Разработка программы подъема Нечерноземья стала реакцией на кризисное положение сельского хозяйства этого стратегически важного региона страны. Причем одной из причин отставания указывалась свойственная этой территории мелкоселенность. В 29 областях и автономных республиках Нечерноземья в 1970 г. имелось 142 тыс. сельских населенных пунктов, в которых проживало 17,7 млн человек. Причем более половины поселений относились к категории мелких с численностью населения менее 50 человек, а в половине деревень проживало менее чем по 10 человек. По мнению властей, это затрудняло концентрацию и механизацию сельскохозяйственного производства, правильную организацию труда, культурно-бытового и медицинского обслуживания. В зоне Нечерноземья только 8 % сельских поселений имели столовые, 7,8 % — общественные бани, 14 % — детские дошкольные учреждения, 20 % — клубы и красные уголки. Уровень бытовых услуг, оказываемых населению, почти в 3 раза был ниже, чем в городах. Все это, наряду с низкой оплатой труда, было причиной высокой текучести кадров.

В 1971—1975 гг. на развитие сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР было целенаправленно выделено 11,7 млрд рублей капиталовложений. В плане мероприятий предусматривался большой объем работ по сселению мелких населенных пунктов. Предварительные расчеты показывали, что в 1976—1980 гг. должно быть переселено в перспективные хозяйства около 350 тыс. семей, а общий объем затрат оценивался в 2 млрд руб.⁴⁶ Первоначальные

⁴⁵ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. С. 394—409.

⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 3945. Л. 34.

цифры сселения были очень завышенными. В 1974 г. задание было несколько снижено — до 170 тыс. дворов, соответственно были уменьшены плановые показатели по областям. Так, в Свердловской области планировалось к сселению в 1976—1980 гг. 5 075 хозяйств, в Пермской — 7 060, в Удмуртии — 7 700 дворов⁴⁷.

В 1975 г. была проведена работа по уточнению перечня перспективных поселений. По данным на 1.10.1975 г. число перспективных населенных пунктов в РСФСР было сокращено до 17 500, в т. ч. выделено 9 216 совхозных и 8 284 колхозных поселка. В Пермской области в качестве перспективных было оставлено 617 поселений, в Свердловской — 649, в Удмуртии — 946⁴⁸. Облисполкомы и Советы министров автономных республик довели задания по сселению до каждого района и хозяйства. Некоторые области (в частности, Брянская, Кировская, Орловская) выступили со встречным планом, взяв на себя повышенные обязательства. На областном уровне создавались комиссии, которые должны были осуществлять оперативное руководство работой и контроль выполнения утвержденных мероприятий⁴⁹.

Началось самое масштабное за весь изучаемый период разрушение сельской поселенческой сети. И дело здесь даже не в том, сколько поселений было ликвидировано (к счастью, меньше, чем запланировано). Трагизм заключался в другом — какие деревни исчезли. В 1970-е гг. под колеса урбанизации попали те поселения, которые оставались еще вполне жизнеспособными. Но их судьба была предрешена искаженными представлениями об оптимальной модели поселенческой сети, господствовавшими как в управленческой, так и в научной среде. Время требовало другого подхода, нужна была политика поддержки малых деревень, сохранения существующей сети. Не до конца осознавался и тот факт, что уничтожение малых поселений вело к исключению из оборота значительных земельных массивов и обострению земельной проблемы.

⁴⁷ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 3947. Л. 63.

⁴⁸ См.: Там же. Д. 3949. Л. 89.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 82.

На деле же огромные средства были вновь пущены не на созидание, а на разрушение.

Однако мероприятия по сселению не достигли желаемого результата. Масштабы задуманной перестройки были изначально труднодостижимыми. Для этого была необходима солидная финансовая поддержка, широкомасштабное строительство в пунктах, куда намечалось переселение. Работы по сселению проводились медленно. За 1975 г. в целом по Нечерноземной зоне было сселено 2 644 двора. По состоянию на 1.01.1976 г. была завершена разработка 14 комплексных схем районной планировки по 15 областям и АССР⁵⁰. К 1979 г. задание по сселению было выполнено на 42 %⁵¹. Эта цифра подтверждается выводами ряда исследователей: в частности, Г. Ф. Иоффе считает, что было ликвидировано в ходе этой кампании не более 25—40 % от запланированного числа поселений⁵². В целом, несмотря на декларируемые масштабы преобразований поселенческой сети, результаты как в области сселения деревень, так и в области благоустройства были незначительными.

К концу 1970-х гг. настроения в обществе начинают кардинально меняться, политика сселения деревень подвергается критике со стороны общественности. Значительную роль в этом сыграли «защитники деревни» — писатели, ученые, общественные деятели, которые рассматривали российскую деревню как элемент культурно-исторической среды и выступали против ее разрушения. Все более громко начинают звучать сомнения в правильности формального подхода к населенным пунктам, подчеркивается необходимость поиска других путей развития села⁵³. В 1980 г. по решению Росгражданстроя СССР было отменено деление сел на перспективные и неперспективные. Потребовалось еще несколько лет, чтобы признать, что «сельская система расселения, совпадающая с исторически

⁵⁰ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 46. Д. 3952. Л. 105.

⁵¹ См.: Там же. Д. 3957. Л. 31.

⁵² См.: *Иоффе Г. В.* Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 185.

⁵³ См.: Проблемы расселения в СССР: (Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). М., 1980. С. 220.

сложившейся, соответствует территориальной структуре агрокультурного ландшафта и не требует однозначной перестройки»⁵⁴.

Между тем мероприятия по преобразованию сельского расселения вызвали ускоренное сокращение сети сельских поселений, привели к усилению миграции в города, обострили проблему нехватки трудовых ресурсов и ухудшили экономические условия деятельности хозяйств. Трудно в полной мере оценить то морально-нравственное воздействие, которое ощущали на себе выселенцы, вынужденные покидать родные места и могилы своих предков. Одно из последствий сселения — ощущение неполноценности, связанное с разрушением привычной картины мира, и, как результат, формирование целого комплекса социально-нравственных проблем сельского образа жизни.

Таким образом, политика ликвидации малых деревень, наиболее активный этап которой приходится на 1970-е гг., имела не только прямые, но и отдаленные последствия. И именно они придали событиям этих лет трагическое звучание. Мероприятия по сселению послужили толчком к новому витку сжатия поселенческой сети, выбили опору у тех поселений, которые были вполне стабильными и жизнеспособными. В 1970-е гг. они начинают резко терять население, и в 1980-е гг. многие из них закрываются. Изменение позиции властей в начале 1980-х гг., попытка спасти эти деревни уже не имели успеха.

В этом отношении показательна история дер. Несенцева Пышминского района. Впервые она упоминается в 1680 г., а в начале XX в. здесь проживало 240 человек. Население занималось в основном земледелием, а позднее, в 1920-е гг., — лесозаготовками. В 1930-е гг. в деревне был создан колхоз имени Коминтерна, который в 1950-е гг. укрупнили, а позднее передали в состав подсобного хозяйства «Пышминское». В результате деревня попала в число не-

⁵⁴ *Иванов К. П.* Эколого-географическое исследование сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР // География и хозяйство: Роль географической науки в обеспечении ускорения социально-экономического развития страны. Л., 1987. С. 82.

перспективных, к 1979 г. в ней оставалось 12 жителей, а в 1982 г. она была снята с учета⁵⁵.

Не менее трагична судьба дер. Жиряково, возникшей еще в XVIII в. Расцвет поселения связан со строительством в 1890-е гг. судостроительной верфи с лесопилкой, которая в 1920-е гг. была перенесена на Тавдинскую судоверфь. Между тем в 1926 г. деревня оставалась крупным поселением, насчитывающим 433 человека. В 1931 г. здесь был создан колхоз, объединенный в 1950 г. наряду с шестью другими хозяйствами в укрупненный колхоз. После укрупнения достаточно сильное хозяйство пришло в упадок. Местные жители считают началом развала деревни 1959-й год, когда сгорела местная семилетняя школа. В 1986 г. деревня полностью исчезла с лица земли⁵⁶.

П о л и т и к а оказалась тем фактором, который привел к ускоренному свертыванию поселенческой сети и, фактически, кризису системы расселения. Нарастание деструктивных моментов к середине 1980-х гг. становится все более заметным. В дальнейшем они усугубляются системным социально-экономическим кризисом, охватившим всю страну. И в 1990-е гг., и в начале XXI в. сокращение численности сельских поселений продолжается, приводя в ряде регионов, в том числе в Свердловской области, к появлению обширных безлюдных пространств и частичному разрушению системы сельского расселения. По переписи 2002 г. в Свердловской области зафиксировано 119 поселений, не имеющих жителей, а общая численность их в Российской Федерации составила 1 795.

Немаловажной причиной свертывания сельской поселенческой сети в послевоенный период становится технологический ф а к т о р, который включал как техногенные катастрофы, так и мероприятия, связанные с перестройкой окружающей среды. К последним, в частности, относится строительство гидроэлектростанций, активно развернувшееся повсеместно в 1950—1960-е гг. И то и другое нашло отражение в системе расселения Среднего Урала.

⁵⁵ См.: Архивный отдел администрации МО «Пышминский район». Ф. 6. Оп. 1. Д. 328. Л. 150.

⁵⁶ См.: Ермолаев В. Тавдинское местописание. С. 170.

Территории Южного и Среднего Урала попали в перечень регионов, пострадавших от ядерных катастроф. В результате взрыва на ПО «Маяк» в 1957 г. и последовавшего радиационного заражения в зону отселения попали десятки деревень в Челябинской и Свердловской областях. Общая протяженность восточно-уральского радиоактивного следа (ВУРС) составила 105—110 км в длину и 4,5—6 км в ширину⁵⁷.

Влияние ВУРС на экономику и население этих территорий в настоящее время активно изучается. Но вплоть до 1990-х гг. эта информация была закрытой. Хотя свидетели катастрофы, население, вынужденное покинуть свои родные места, в полной мере осознавали трагизм и последствия ситуации.

Более всего пострадала от взрыва Челябинская область, где десятки деревень были снесены, а земли исключены из сельскохозяйственного оборота. В Свердловской области в современных границах в зоне ВУРСа находятся города Каменск-Уральский, Камышлов, Талица, а также значительная часть территорий Каменского, Богдановичского, Камышловского, Пышминского и Талицкого районов — в общей сложности 194,7 тыс. кв. км.

Сразу же после аварии была разработана и стала реализовываться программа мер по ликвидации последствий радиационного загрязнения. Она включала как срочные (экстренные), так и плановые мероприятия. Одной из наиболее важных мер стала эвакуация населения, оказавшегося на загрязненной территории. Первоначально было принято решение о выселении 1 100 человек из деревень Бердяниш, Сатлыково, Галикаево Челябинской области. Эвакуация проводилась на 7—14-е сутки после аварии. Население других деревень общей численностью 9 600 человек было выселено в течение последующих полутора лет после аварии. Другие экстренные меры включали дезактивацию территории, дорог, транспорта, производственных зданий.

Поселенческая сеть Свердловской области в зоне ВУРСа по состоянию на 15 января 1959 г. включала 612 населенных пунктов,

⁵⁷ См.: Толстиков В. Г. Ядерная катастрофа 1957 г. на Урале // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. История. 1999. № 1. С. 90.

в т. ч. 7 городских поселений⁵⁸. В наибольшей степени пострадали территории Покровского района и г. Каменска-Уральского, где радиационный фон вырос в 2—3 раза. В зону особо сильного загрязнения попали 14 поселений, из них 3 подлежали немедленной эвакуации: Тыгиш, Могильниковский торфяник и западная часть с. Рыбниковского. Однако отселение началось только в 1959 г. и охватило село Тыгиш и деревни Клюкину и Четыркину.

Для переселения жителей Тыгиша был построен новый пос. Лебязье, население других деревень (578 человек) было переселено в села Покровское и Большебруснянское. Часть жителей переехала в Сысертский район. Любопытно, что отголоски трагедии 1957 г. нередко звучат в названиях улиц тех населенных пунктов, куда переселились беженцы. Так, например, жители Татарской Караболки, расположенной в Челябинской области, были перевезены в пос. Октябрьский Сысертского района, пополнив ряды работников Бородинского совхоза. В результате один из концов поселка сегодня жители называют Караболкой⁵⁹.

Еще три населенных пункта в этой зоне перестали существовать стихийно: Могильниковский Торфяник, Поплыгина, Попова. Село Рыбниковское, первоначально намеченное к сселению, так и не было эвакуировано. Из большинства оставшихся деревень произошел отток населения, и к 1962 г. из списков Покровского района были исключены деревни Марчата, Хохлы, Четыркина, Кочнева, Бухарова.

Всего в зоне ВУРС Свердловской области в 1959—1981 г. в результате отселения и миграции подверглись запустению в общей сложности 94 населенных пункта. Наибольшее влияние радиационное заражение оказало на сельскохозяйственные поселения, где были введены ограничения по землепользованию, это также способствовало усилению миграции⁶⁰.

Радиационное заражение территории относится к исключительным ситуациям, хотя в результате развития атомной энергетики,

⁵⁸ См. об этом: Восточно-Уральский радиоактивный след: Проблемы реабилитации населения и территорий Свердловской области. Екатеринбург, 2000. С. 8.

⁵⁹ См.: Летопись уральских деревень: Сысертский район. С. 307.

⁶⁰ См.: Восточно-Уральский радиоактивный след... С. 106—107.

расширения сферы приложения ядерного производства вероятность таких происшествий возрастает, как и масштабы их влияния. Примером тому служит Чернобыль. Развитие техносферы в этом отношении чревато непрогнозируемыми последствиями, и это касается не только атомной промышленности.

К числу значимых факторов, влияющих на расселение ряда территорий, относится также новое гидротехническое строительство, в частности возведение гидроэлектростанций, обуславливающее коренную перестройку в сжатые сроки всей географии и планировки района. При создании водохранилищ происходит затопление обширных территорий, разрабатывается система мероприятий по переносу населенных мест, промышленных предприятий, инженерных сооружений на новые места. Вблизи ГЭС вырастают новые города. На Среднем Урале это, например, Нижнекамск, Чайковский, возникшие в связи со строительством Камской и Воткинской ГЭС. Формируется новая сельская поселенческая сеть.

На Урале широкомасштабное строительство ГЭС начинается в послевоенный период и сильнее всего захватывает Пермскую область, Башкирию, Удмуртию. К наиболее крупным проектам относится сооружение в 1947 г. Ириклинского водохранилища в Оренбуржье, а позднее ГЭС. В 1954 г. была пущена Камская гидроэлектростанция, параллельно велось строительство Воткинской ГЭС. В конце 1950-х гг. в Уфе началось строительство Павловской ГЭС. В 1963 г. развернулись работы по сооружению Нижнекамской ГЭС мощностью 1 080 тыс. кВт, предназначенной для обеспечения электроэнергией территорий Татарской АССР, Урала, центральной европейской части СССР. Таким образом, за относительно короткий срок на Урале был создан мощный энергетический комплекс, в котором значительную роль играли гидроэлектростанции.

Реализация каждого проекта сопровождалась перемещением части населения из затопляемых зон. Так, например, в Пермской области в связи со строительством Камской ГЭС в начале 1950-х гг. в зону затопления попали 273 населенных пункта и около 9 тыс. дворов⁶¹. В связи со строительством в Чкаловской (Оренбургской)

⁶¹ См.: ГАПО. Ф. 564. Оп. 3. Д. 3033. Л. 74.

области Ириклинского водохранилища из зоны затопления в 1955 г. было перенесено 19 населенных пунктов, в т. ч. 10 поселков и 9 совхозных ферм, а также одно подсобное хозяйство, 1 340 строений, принадлежащих населению, МТС, колхозам и совхозам, и переселено 1 192 семьи⁶². Для их размещения были построены 3 новых населенных пункта: села Вишневое, Тукай и поселок Терекла Новоросского района⁶³. При строительстве Павловской ГЭС в Башкирии в зону затопления вошло 5 административных районов, 15 колхозов, 58 населенных пунктов. Переселению подлежало 14 045 человек⁶⁴.

Водохранилище Нижнекамской ГЭС затопило 235 тыс. га земли, в том числе в Татарской АССР 157 тыс. га, в Башкирии — 47 тыс. га, Удмуртской АССР — 30 тыс. га, в Пермской области — 1 тыс. га⁶⁵. Всего в зону затопления попали 2 города, 1 рабочий поселок, 101 населенный пункт, из которых переселению подлежали 59⁶⁶.

В результате во всех охваченных гидротехническим строительством регионах наблюдаются значительные изменения в структуре расселения. Формируется новый рисунок поселенческой сети. Причем изменения, вносимые в природную и географическую среду строительством ГЭС, дают, как показывает практика, взрывной эффект. Предвидеть все последствия такого глобального вмешательства в природу нельзя: меняется климат, экология, условия хозяйствования; создание новой береговой линии сопровождается частыми обрушениями и нестабильностью грунта. Как результат, многие из вновь построенных поселений оказываются под угрозой и нередко подлежат новому переносу.

Таким образом, в зонах строительства крупных гидротехнических сооружений складываются стрессовые ситуации, оказывающие негативное воздействие на сельское расселение в целом. Нарушение устойчивости системы, разрушение каркаса расселения, в свою очередь, способствовали усилению оттока жителей из сельской

⁶² См.: ГАОО. Ф. 1014. Оп. 7. Д. 395. Л. 1—3.

⁶³ См.: ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 206. Л. 9—14.

⁶⁴ См.: Там же. Д. 201. Л. 2.

⁶⁵ См.: Там же. Ф. 259. Оп. 45. Д. 5722. Л. 1—2.

⁶⁶ См.: Там же. Л. 58.

местности и росту числа исчезнувших деревень, причем не только в связи с затоплением.

Свердловская область этими катаклизмами была затронута в меньшей степени. Отсутствие судоходных рек оказало охранительное воздействие. И хотя в определенном объеме строительство гидротехнических сооружений проводилось, в т. ч. в связи с обеспечением Свердловска питьевой водой, но оно не оказало существенного влияния на сельское расселение.

Двадцатый век в конечном итоге стал временем, когда перемены в расселении приобретают лавинообразный характер. Исторически сложившаяся система расселения трансформируется в нечто новое, соответствующее новым условиям индустриального общества. Изменения связаны с исчезновением значительной части сельских поселений, в общей сложности — около половины. Среди объективных предпосылок свертывания поселенческой сети следует выделить демографические и экономические процессы, определявшие общую направленность развития поселенческой сети — сокращение численности сельских поселений и их укрупнение. Однако в отечественной практике не менее значительную роль сыграл субъективный фактор — политика правительства, которая усугубила негативные тенденции, ускорила их, приведя к кризису сельского расселения и в ряде регионов к разрушению каркаса расселения. Эти последствия не ликвидированы до сих пор, и возрождение сельской местности, в основе которого лежат процессы децентрализации расселения, происходит также в деформированном виде.

Временные поселения: особенности функционирования и динамики

Нестабильность и динамизм сельской поселенческой сети определяются также наличием в структуре расселения временных поселений, которые отличаются непродолжительным существованием. К ним относятся как сельскохозяйственные, так и несельскохозяйственные населенные пункты. Это хутора и выселки, которые появляются в массовом порядке в начале века, а затем

в 1920—1930-е гг., но вскоре исчезают из списков. Кроме того, в условиях коллективизации возникают такие временные поселения, как полевые станы и летние фермы — новое явление, необходимое для обеспечения функционирования крупного сельскохозяйственного производства. В категорию временных поселений попали мелкие железнодорожные поселения — будки и казармы. Заметное место занимают лесохозяйственные и лесопромышленные поселки, промышленные и оздоровительные населенные пункты. Они достаточно часто встречаются в 1920—1930-е гг., но затем исчезают из регистрационных списков в связи с изменениями правил учета. С этих позиций и нужно анализировать факты, приведенные в перечнях за 1960—1980-е гг. Отсутствие временных поселений в списках совсем не означало, что их не было на самом деле: они стали учитываться в ведомственной статистике как производственные единицы.

В данной работе к временным поселениям были отнесены те, которые на протяжении изучаемого периода упоминаются в списках один или два раза. Сразу оговоримся, что в информационно-справочной системе «Города и села Свердловской области в XX в.» временные поселения отмечены полностью в погодных таблицах. Однако из эталонной таблицы их значительная часть выпала, это касается в первую очередь железнодорожных поселений — будок, казарм, а также лесоучастков, существовавших в 1920—1930-е гг. В результате при составлении динамических рядов людности поселений на основе эталонной таблицы БД были охвачены не все временные поселения. Это вносит погрешность в количественную оценку динамики. Особенно сильные искажения возникли в категории железнодорожных поселений.

Вместе с тем изучаемый массив временных поселений содержит 4 970 записей — объем, со статистической точки зрения вполне достаточный и представительный для получения определенных выводов, в т. ч. позволяющих охарактеризовать общие тенденции развития этой категории населенных пунктов. Абсолютное большинство временных поселений фиксируется в течение одного переписного периода. Но выделяется часть поселений, которые име-

ют две отметки о регистрации. Таких поселений в 1928—1939 гг. отмечено 327, в 1939—1956 гг. — 332, в 1956—1970 гг. — 156.

Само понятие «временное поселение» также требует уточнения. Как уже указывалось, они отбирались по формальным критериям. Объективно в эту категорию попали те населенные пункты, которые изначально создавались на ограниченный срок, как, например, те же лесопромышленные поселки. Помимо них в число временных поселений были включены также населенные пункты (хутора, выселки), которые основывались с расчетом на длительную перспективу, но в силу определенных обстоятельств прекратили свое существование.

В связи с особенностями учета наиболее полно временные поселения представлены в списках 1928, 1939 и 1956 гг. Их удельный вес в эти годы составлял соответственно в 1928 г. — 47,9 %, в 1939 г. — 50,2 %, в 1956 г. — 31,4 %⁶⁷. В последующие годы доля временных поселений в структуре расселения резко падает, т. к. они перестают регистрироваться. Так, в 1970 г. в Свердловской области удельный вес таких поселков составил 16,3 %, в 1979 г. — 1,5 %, в 1989 г. — 0,6 %. Таким образом, если судить о роли временных поселений в системе расселения, то нужно опираться в первую очередь на данные первой половины XX в. как наиболее представительные. Сведения 1979 и 1989 гг. мы исключим из анализа, поскольку они не отражают временное расселение.

Следовательно, в условиях модернизации расселения, особенно на стадии его расширения, доля временных поселений составляет около половины. В дальнейшем, при переходе к стадии сжатия, она падает и составляет, видимо, не более 20 %. И это объяснимо, т. к. процессы концентрации расселения в первую очередь охватывают эту категорию населенных пунктов.

Примерную динамику изменения численности временных поселений можно проследить по табл. 8.5. В данном случае для нас наиболее интересны сведения о соотношении количества поселений в городской и сельской местности, а также их средней плотности.

⁶⁷ Подсчитано по: БД «Города и села Среднего Урала в XX в.».

Таблица 8.5

*Динамика временных поселений на Среднем Урале
в 1920—1980-е гг.**

Показатель	1928**	1939	1956	1970	1979	1989
<i>Всего временных поселений</i>						
Число поселений	1 493	2 417	1 322	566	33	13
Населения, чел.	91 923	310 377	106 901	27 590	1 460	379
Средняя людность, чел.	61,6	128,4	80,9	48,7	44,2	29,2
<i>В сельской местности</i>						
Число поселений	1 433	1 908	1 012	390	33	13
Населения, чел.	88 208	140 151	89 665	19 882	1 460	379
Средняя людность, чел.	61,6	73,4	88,6	60,0	44,2	29,2
<i>В городской местности</i>						
Число поселений	60	509	310	176	—	—
Населения, чел.	3 715	170 226	17 236	7 708	—	—
Средняя людность, чел.	61,9	334,4	55,6	43,8	—	—

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке» (данные, участвовавшие в итоговой обработке, т. е. неполные).

** Сведения по трем округам Уралобласти — Тагильскому, Свердловскому, Ирбитскому.

Подавляющее большинство временных поселений было расположено в сельской местности, хотя удельный вес их имеет тенденцию к снижению. В 1928 г. в сельской местности размещалось 96,0 % всех временных поселений, в 1939 г. — 78,9 %, в 1956 г. — 76,5 %, в 1970 г. — 68,9 %. С одной стороны, такая динамика выступает как результат расширения границ городской местности, которая охватывает все более значительные территории. С другой стороны, очевидно, что в зону влияния городов входит подавляющее большинство промышленных, транспортных, рекреационных временных поселков, динамика которых, особенно во второй половине XX в., определяет общие показатели состояния сети временных поселений.

Анализ средней людности временных поселений позволяет отнести их к категории малых (до 200 чел.) и мельчайших (до 50 чел.), причем к концу века прослеживается тенденция их измельчания. Наиболее высокие показатели людности характерны для конца

1930-х гг., причем в городской местности он достигает 334,4 человека. В условиях форсированной индустриализации строительство промышленных предприятий сопровождалось массовым созданием поселков, которые через короткое время либо сливались с существующими городскими поселениями, либо сами перерастали в города. Так, например, в конце 1930 г. на территории Нижнего Тагила зафиксированы десятки поселков, появившихся в связи со строительством промышленных предприятий, которые в дальнейшем вписались в структуру города. К ним относятся Выйский городок, поселки Динамитный, Заводской, Коксострой, Новый, Первая площадка Тагилстроя, Прокатстрой и др. Всего в административном подчинении районных советов Нижнего Тагила в 1939 г. отмечено 125 населенных пунктов. Аналогичная картина наблюдается и по другим городам Свердловской области. В Первоуральске возникают поселки Динас, Хромпикового завода, Титано-магнетитового рудника; в Каменске-Уральском — поселки Синарстрой, Соцгород и др.

В послевоенный период ситуация с промышленным расселением стабилизируется, что отражается и на показателях средней плотности временных поселений: они возвращаются к прежнему уровню (40—50 человек). Причем если до войны средний показатель плотности поселений, расположенных в сельской местности, был несколько ниже, чем в городской, то в послевоенный период ситуация меняется на обратную. Временные поселения, относящиеся к сельской местности, становятся крупнее.

Анализ средней плотности временных поселений дополняет характеристика их распределения по числу жителей (табл. 8.6). Подавляющее большинство временных поселений относятся к мельчайшим, численность жителей не превышает в них 50 человек. В 1928 г. удельный вес таких поселений составляет 73 %, а к 1970 г. возрастает до 77,6 %. Из общей картины опять выпадает 1939 г., когда удельный вес мельчайших поселений снижается до 63 %. В этом отношении конец 1930-х гг. можно рассматривать как отклонение. Интенсивность градообразования и отсутствие четких критериев учета дают нам взрывной эффект и нетипичную картину распределения временных поселений.

Таблица 8.6

Динамика численности временных поселений в сельской и городской местности
в зависимости от числа жителей в 1920—1960-е гг., %*

Число жителей	1928		1939		1956		1970	
	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность	Сельская местность	Городская местность
Нет жителей	0,63	0,00	0,21	0,39	25,00	15,81	30,00	43,75
Менее 5	13,40	15,00	16,04	14,15	8,10	8,06	14,62	13,64
6-10	17,10	16,67	12,68	10,22	6,13	6,77	10,77	6,25
11-50	41,24	40,00	38,63	22,99	20,16	16,13	23,85	14,20
51-100	15,00	11,67	16,61	11,00	11,36	9,03	7,69	5,68
101-200	7,89	11,67	8,91	12,38	10,77	4,19	4,10	5,68
201-300	1,40	0,00	2,20	4,91	3,06	1,94	3,85	2,27
301-400	0,70	0,00	1,68	3,54	2,67	2,58	1,79	1,70
401-500	0,56	1,67	0,79	3,14	1,28	0,00	1,28	0,57
501-1000	0,70	0,00	1,05	7,27	1,98	0,65	1,54	0,57
Более 1000	0,63	1,67	0,89	7,66	1,09	0,97	0,00	0,57
Нет сведений	0,77	1,67	0,31	2,36	8,40	33,87	0,51	5,11
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

Характерно и то, что для всего рассматриваемого периода наиболее часто встречающееся (модальное) значение людности временных населенных пунктов составляет от 11 до 50 человек, что также подтверждает наш вывод о преобладании среди временных поселений мельчайших. Причем даже если мы учтем имеющиеся искажения, а выпали из анализа прежде всего малолюдные населенные пункты, то и в этом случае корректность выводов сохраняется.

Временные поселения преимущественно представлены поселками (табл. 8.7), причем удельный вес этого типа с течением времени возрастает и достигает к 1970 г. 77,6 %. Преобладание среди временных поселений поселков не случайно и является косвенным отражением уровня урбанизации сельской поселенческой сети: это чаще всего несельскохозяйственные населенные пункты, ориентированные на промышленное, лесопромышленное производство или транспортное обслуживание.

Таблица 8.7

*Динамика численности временных поселений
в зависимости от их типа в 1920—1960-е гг., %**

Тип поселения	1928	1939	1956	1970
Поселок	23,45	26,94	54,62	77,56
Хутор	16,77	8,79	2,16	1,59
Деревня	12,18	8,88	8,39	12,01
Займка	14,72	0,14	0,26	0,00
Выселок	10,74	9,18	6,95	1,41
Кордон	8,25	4,11	9,57	3,89
Будка	6,37	9,43	9,84	0,00
Казарма	4,26	0,00	0,07	0,00
Барак	0,91	31,95	6,03	0,00
Аул	0,00	0,06	1,38	3,36
Зимовье	0,00	0,06	0,07	0,00
Мельница	0,05	0,00	0,52	0,00
Юрта	0,00	0,33	0,07	0,00
Прочие	2,30	0,14	0,07	0,18
<i>Всего</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

К этой же категории поселений примыкает б а р а к — специфическое явление, впервые появившееся в списках 1928 г. и встречающееся вплоть до 1950-х гг. Особенно высокий удельный вес этот тип достигает к 1939 г. (31,95 %). В то время бараком называли населенное место, где фактически имелось только жилое здание барачного типа, предназначенное для размещения определенной группы людей (5—100 и более человек), занятых, например, на лесозаготовках, в строительстве, транспортном обслуживании и т. п. Барак можно рассматривать как упрощенный вариант населенного пункта, в нем отсутствовали элементарное благоустройство и инфраструктура. Характерной чертой этого типа поселений является ориентация на выполнение вспомогательных хозяйственных функций, а также связь с сезонными работами. Нередко так именовали места заготовок леса и смолы, полевые станы и фермы, склады, базы и пр. Соответственно и размещение людей в такого рода поселениях носило временный характер.

В большинстве случаев названия барачков имели указание на характер занятости населения. Так, например, в списках 1939 г. можно встретить такие названия барачков, как Заготзерно, Заготсено, Смолокурка, Достройстрест, Нефтебаза, Сосновский рудник. В некоторых случаях название включало указание на местоположение: Барак на Медвежке, Барак на Волчевке и т. д., — так чаще всего обозначали лесозаготовительные участки.

Больше половины временных поселений (54,4 %) в 1928 г. составляли хутора, выселки, деревни и заимки, т. е. сельскохозяйственные поселения. З а и м к и можно рассматривать как традиционный вариант вспомогательного сезонного поселения. В старину так называли места, занятые (откуда и название) по праву первого владения и расположенные вдали от других пахотных земель. На заимке обычно имелась изба и некоторые хозяйственные постройки. В условиях дальнего земледелия, характерного для Урала, заимки использовались для проживания во время проведения сезонных работ — земледельческих, охотничьих, рыболовных. Если в 1928 г. заимки встречаются достаточно часто и составляют 14,7 %, то в дальнейшем, уже в 1930—1950-е гг., как тип поселения они исчезают.

Хутора и выселки — населенные пункты, появившиеся в результате расселения крупных многодворных деревень. Их удельный вес возрастает в 1920-е гг. в связи с проведением работ по землеустройству. Хутор был связан с особой участковой формой землепользования. Эти поселения традиционно относятся к малодворным. Первоначально их основывают одна-две семьи. В дальнейшем при благоприятных условиях они могут развиваться в достаточно крупные, т. е. их формирование не связано с реализацией каких-то временных потребностей. В традиционном обществе выселок или починок — это первая стадия эволюции сельскохозяйственного населенного пункта. В условиях модернизации век таких поселений оказался непродолжительным, и уже к 1939 г. число хуторов сокращается почти вдвое, а к 1970 г. их удельный вес составляет всего 1,6 %. Более ровная динамика свойственна выселкам, хотя и для них характерно сокращение до 1,41 % к 1970 г. Такая картина — результат влияния как демографических, так и политических факторов. Некоторые из них были сселены, другие — покинуты населением. Одновременно прослеживается несоответствие данной формы новобразований новым условиям функционирования поселенческой сети. Вновь возникающие вспомогательные поселения, которые необходимы для деятельности крупных колхозов или совхозов, называются по-новому — поселками, бараками или же деревнями, но не хуторами и выселками.

Д е р е в н и в этой категории занимают особое место. Чаще всего это преобразованные переселенческие участки, которые создаются в начале века и в 1920-е гг. как многодворные поселения. Соответственно для их обозначения использовалось понятие «деревня». Однако, как свидетельствуют учетные данные, эти поселения оказались в большинстве своем нежизнеспособными по множеству причин, в том числе многое зависело от выбора места под поселение, наличия транспортных путей и пахотных земель. Учитывая, что все удобные земли на Среднем Урале к этому времени уже были обжиты, становится понятно, что новоселам доставались «худые» земли и приходилось сталкиваться со многими трудностями. В результате деревни очень быстро исчезали из списков. Интересно, что удельный вес деревень среди временных поселений достаточно стабильный и составляет примерно 12 %.

Заметную роль в структуре расселения играют **к о р д о н ы** — поселки лесничеств. На кордонах обычно размещались избушка, хозяйственные постройки, в которых проживал лесник со своей семьей. Жившие на кордоне лесники выполняли разную работу, в том числе защищали лес от пожаров и вырубки. В обязанности лесников входила также работа на подсечке — добыча живицы. В 1920—1930-е гг. кордоны нередко становятся базой для организации лесозаготовок, соответственно их людность возрастает. Так, например, на Каквинском кордоне (Надеждинский район) в 1928 г. проживало 153 человека, занятых на лесозаготовках.

Удельный вес кордонов на протяжении изучаемого периода не превышает 10 %. Кордоны попали в категорию временных поселений не совсем обоснованно. Они представляли собой достаточно устойчивый элемент лесохозяйственного расселения и могли функционировать на протяжении длительного времени. Так, например, Абросовский кордон, расположенный в 9 км от села Щелкун Сысертского района, впервые отмечен в списках 1928 г., последнее упоминание относится к 1956 г. Название он получил по фамилии первого лесника. Когда-то здесь были построены небольшой домик на три окошка и большой пятистенник, надворные строения. Позднее на Абросовском кордоне был выстроен двухквартирный дом. Число жителей — 5—8 человек⁶⁸.

Встречаются кордоны и сегодня, хотя в официальных списках населенных мест их не найти. Размещение кордонов и их частота тесно связаны со структурой лесного хозяйства и особенностями его эксплуатации. Этими же факторами определяется устойчивость сети этих поселений.

Будки и казармы обычно используются для обозначения железнодорожных поселений. Они возводятся при строительстве железнодорожных магистралей и составляют часть путевого хозяйства. Различия между ними связаны с исполняемыми функциями и людностью. Наиболее малочисленными по количеству жителей были будки, где проживало от 4 до 12 человек, т. е. 1—2 семьи обходчиков. В железнодорожных казармах и полуказармах распола-

⁶⁸ См.: Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. С. 403.

гались ремонтные мастерские, соответственно и население было больше — до 30—50 человек. Наиболее людными транспортными поселениями были разъезды и станции, численность жителей здесь могла достигать нескольких сотен человек. Таким образом, и размер, и отраслевая структура железнодорожных поселений целиком и полностью зависела от объема работ по обслуживанию транспортных магистралей. Их совокупный удельный вес в изучаемый период составил около 10 %.

В категорию временных поселений попали прежде всего будки и казармы. Переход на новые технологии обслуживания железных дорог и более упрощенную схему управления, строительство вторых путей, электрификация и внедрение тепловозов привели к резкому уменьшению количества транспортных поселений, то же произошло со служебными поселениями на реках. Таким образом, в 1950-е гг. потребность в мелких обслуживающих единицах исчезает и их начинают повсеместно ликвидировать.

Анализ типов временных поселений позволяет предположить, что объективно в эту категорию попадают либо ведомственные поселки, либо недавно возникшие малодворные сельскохозяйственные поселения. Жизненный цикл первых находился в прямой зависимости от специфики производственной деятельности, а судьба вторых предопределялась закономерностями модернизационного перехода. В результате на протяжении 1920—1960-х гг. мы можем наблюдать исчезновение подавляющего большинства перечисленных в табл. 8.7 типов (бараки, выселки, хутора, будки, казармы, зимки, зимовья, юрты, аулы и пр.) или преобразование их в скрытую форму расселения (кордоны).

В зависимости от хозяйственно-отраслевой структуры временные поселения можно подразделить на сельскохозяйственные и несельскохозяйственные, последние, в свою очередь, делаются на рекреационные (здравоохранение, образование, отдых), транспортные, лесные (лесопромышленные и лесохозяйственные), промышленные.

Если в 1920-е гг. сельскохозяйственные поселки, безусловно, преобладали и составляли 71,3 % (табл. 8.8), то в дальнейшем их удельный вес падает, и они составляют около 1/3. В 1920-е гг. про-

Таблица 8.8

*Динамика численности временных поселений
в зависимости от отраслевой структуры, %**

Вид хозяйственной деятельности	1928	1939	1956	1970
Сельскохозяйственные	71,33	54,35	35,93	31,80
Промышленные	15,34	16,27	10,97	13,43
Лесопромышленные и лесохозяйственные	8,77	21,22	36,99	29,86
Транспортные	4,16	4,30	5,37	7,77
Здравоохранение, образование	0,20	2,61	3,10	3,71
Прочие	0,20	0,50	0,45	0,53
Нет сведений	0,00	0,75	7,19	12,90
<i>Всего</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>	<i>100,00</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

цессы урбанизации сельского расселения, отразившиеся в том числе в системе временных поселений, только набирают обороты. К 1970-му г. в результате общей структурной перестройки временные сельскохозяйственные поселения меняют свое назначение и трансформируются в соответствии с организационной структурой крупного сельскохозяйственного производства, в рамках которого создается своя сеть временных поселений: при фермах, пастбищах, сенокосах, складах и хранилищах. Но благодаря развитию транспортных коммуникаций и интенсификации сельскохозяйственного производства их роль постепенно снижается.

В 1930-е гг. оформляются ареалы несельскохозяйственного расселения, особенно лесохозяйственного и лесопромышленного, со своей транспортной и поселенческой сетью. В основе размещения лесных поселков лежала территориальная структура леспромпхоза. Вся его площадь разбивалась на кварталы, и в соответствии с перспективным планом освоения лесных ресурсов осуществлялась закладка поселков. Рядом с транспортными узлами строились

постоянные поселения, в которых были сосредоточены основные административные и управленческие функции и социальная инфраструктура. Центры леспромхозов нередко размещались на базе уже сложившихся сел и деревень.

На лесоучастках возводились временные поселения с расчетом на 5—15 лет. С истощением ресурсов они переносились на новое место. Временные лесные поселки застраивались жилыми домами барачного типа и имели минимум благоустройства — хлебопекарню, баню, столовую, торговый ларек, клуб, школу, детский сад. В 1930-е гг. условия жизни в лесных поселках были очень тяжелыми. Недаром лесохозяйственная отрасль отличалась очень высокой текучестью кадров. Эту проблему попытались решить за счет использования труда спецпереселенцев, что надолго затормозило решение социально-бытовых проблем отрасли.

Определенная часть лесных поселков была связана с потребностями промышленного производства и городского хозяйства. Так, например, в 1930-е гг. в Ревдинском районе появилось сразу несколько Гусевок, расположенных в нескольких километрах одна от другой. Все они создавались как лесоучастки от разных предприятий г. Ревды — Дегтярского рудника, Гортопа и др. На участках располагались общежития, пилорама, клуб, здравпункт, баня, имелся магазин. В 1958 г. все лесоучастки были объединены⁶⁹.

Если в 1928 г. временные лесные поселки составляли в структуре временных поселений чуть больше 8 %, то в 1930-е гг. их удельный вес возрастает до 21,2 %, а в 1950-е гг. — до 37 %. Такая динамика непосредственно связана с темпами развития отрасли. В послевоенный период в лесопромышленном комплексе происходит расширение зон лесодобычи и, следовательно, увеличение количества лесопромышленных поселений. Это непосредственно затрагивает Средний Урал. Однако в 1960—1970-е гг. происходит снижение удельного веса этих поселений. Развитие автомобильного транспорта и дорог, с одной стороны, и укрупнение лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий, с другой, привели к сокращению мелких лесопромышленных поселений. Так,

⁶⁹ См.: Летопись уральских деревень: Ревдинский район. С. 175.

например, в 1971 г. в окрестностях г. Полевского было закрыто сразу несколько лесоучастков, образованных еще в 1946 г.: поселки Глинчевский, Омутинский, Рубцовский, Лавровский⁷⁰. Таким образом, появление и развитие лесных поселков было непосредственно связано с особенностями производства, уровнем технологий и определялось ими.

Временные промышленные поселения, возникавшие при присках, рудниках, карьерах, небольших промышленных предприятиях (например, кирпичных заводах), также тесно связаны с особенностями функционирования отрасли. В 1928 г. их удельный вес составлял 15,34 %, а к 1939 г. вырос до 16,3 %. Среди них встречаются и небольшие поселения (бараки), и довольно крупные поселки. Численность населения находилась в прямой зависимости от объема производства. Прекращение работ служило основной причиной закрытия таких поселений.

Во второй половине XX в. удельный вес промышленных поселков падает до 11—13 %. Одной из причин сокращения стало их укрупнение: многие поселения, в частности при рудниках, шахтах, заводах, стали объединять в единые жилые образования.

К промышленным поселкам относятся также и те, которые создавались в связи с т о р ф о р а з р а б о т к а м и. Развитие торфодобывающей отрасли стало одним из факторов развития сети несельскохозяйственных поселений на Среднем Урале. Торф является важным топливным ресурсом, основные его залежи размещаются в междуречьях и долинах северных рек — Тавды и Верхней Камы. В частности, на Северном и Среднем Урале сосредоточено 95 % запасов торфа всего региона. Торфопредприятия плотно группируются вокруг Свердловска, в верховьях таких рек, как Пышма, Исеть, Нейва, Реж, и к северо-востоку от Нижнего Тагила — в бассейне реки Салды. В этой зоне складывается сеть поселений, судьба которых оказалась тесно связанной с деятельностью торфопредприятий. Так, например в списках 1928 г. встречаются поселки Макеевского торфяника (Арамилский район), Казаринского торфяника (Сысертский район), Антоновского торфяника (Висимский район)

⁷⁰ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1672.

с числом жителей от 4 до 11 человек. Число таких поселений возрастает в 1930-е гг. После войны в Свердловской области появляется ряд новых поселений — поселки Лосиный 2-й, Лосиный 3-й, Лосиный 5-й, расположенные недалеко от рабочего поселка Лосиный Березовского горсовета⁷¹. Однако в дальнейшем, с развитием технологий торфодобычи и укрупнением производства, временные поселения, связанные с торфоразработками, практически исчезают.

Представленная в табл. 8.8 динамика удельного веса транспортных поселений не совсем корректна. На самом деле их удельный вес с учетом погрешности массива в 1920—1930-е гг. будет выше в 1,5—2 раза и больше, чем показатели последующего периода. Впрочем, судьба этих поселений аналогична судьбам промышленных и лесных поселков. Как уже указывалось выше, в послевоенный период идет сокращение численности временных транспортных поселений. И хотя в это время наблюдается расширение номенклатуры транспортных поселений, в частности возникают населенные пункты, связанные с нуждами авиации, аэродромы выносят за городскую черту. Тем не менее и в абсолютном, и в относительном выражении служебные транспортные поселки имеют тенденцию к свертыванию.

Обратную динамику демонстрируют рекреационные населенные пункты. Если по всем категориям поселений — сельскохозяйственных и несельскохозяйственных — мы можем наблюдать снижение их удельного веса в послевоенный период, то в этой группе, напротив, происходит увеличение. Уже в 1920—1930-е гг. строятся поселки при домах отдыха, пионерских лагерях, лесных школах, некоторых специализированных больницах. В 1928 г. их удельный вес составил 0,2 %, а к 1970 г. вырос до 3,7 %. Причем табл. 8.8 опять же не дает нам полной картины, т. к. здесь не учтены садоводческие кооперативы, которые начинают активно строиться вокруг городов уже в 1950—1960-е гг., а в последующий период приобретают колоссальные масштабы. Вокруг любого города в окружности до 100 км располагаются сотни садов, где горожане проводят значительную часть своего времени.

⁷¹ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 124.

Коллективный сад — как вариант сезонного поселения — отличается специфическими чертами: отсутствие необходимой инфраструктуры, минимум удобств и особый порядок землепользования. Рабочие и служащие получали садовые участки через предприятия. Обработка и обустройство их подчинялись определенным правилам. Все это придало коллективным садам особый статус, в советский период они не рассматривались как собственность граждан и в любой момент могли быть изъяты из пользования, а постройки снесены.

Начало садоводческому движению положило постановление СНК СССР от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального огородничества»⁷². В нем было предложено отвести для рабочих небольшие участки (до $\frac{1}{4}$ га) свободных земель под огороды. При отводе предусматривать возможность организации в будущем на этих участках дачных рабочих поселков.

Следующий шаг был сделан в послевоенный период. В 1949 г. появляется постановление Совета Министров СССР от 20 февраля «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих», дополненное затем постановлением Совета Министров РСФСР и ВЦПС от 18 марта 1966 г. «О коллективном садоводстве и огородничестве в РСФСР»⁷³.

В соответствии с принятыми постановлениями земельные участки под сады выделялись предприятиям и организациям, которые распределяли их между рабочими и служащими по шесть соток в черте города и двенадцать соток вне городов. Участки под сады закреплялись за рабочими и служащими в бессрочное пользование при условии работы на предприятии в течение пяти лет. Члены кооператива должны были в течение первых трех лет полностью освоить земельный участок, посадить фруктовые деревья и ягодные кустарники. В противном случае они лишались права пользования участком⁷⁴. На территории сада разрешалось строить панси-

⁷² См.: Постановление СНК СССР от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального огородничества» // Сб. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 490.

⁷³ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 4622. Л. 1.

⁷⁴ См.: ГАПО. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 3061. Л. 11.

онаты, овощехранилища и другие постройки общего пользования. Члены кооператива могли строить также садовые летние домики площадью от 12 до 25 кв. м.

Садоводческое движение очень быстро стало набирать обороты. В Свердловске в 1947 г. насчитывалось 12 садоводческих товариществ, первым из них стал коллективный сад, организованный на Уралмаше. В 1965 г. по приблизительным данным в РСФСР под сады и индивидуальные огороды использовалось около 500 тыс. га земли⁷⁵. Только в пригородах Москвы в 1966 г. под сады было отведено 10 тыс. га земли и построено около 1 тыс. поселков⁷⁶.

На протяжении последующих лет движение садоводов и огородников, несмотря на зигзаги политики, в целом расширялось, охватывая все новые слои города. К 1979 г. в РСФСР 3,6 млн семей рабочих и служащих имели сады общей площадью 230,2 тыс. га, коллективным огородничеством занималось 4,8 млн семей на площади 360 тыс. га⁷⁷. К 1990 г. садовые участки имели 8,5 млн семей, а огороды — 5,1 млн⁷⁸.

Строительство индивидуальных дач и коллективных садов в сельской местности стало показателем кардинального перераспределения функций между городской и сельской местностью, в рамках которого сельская местность все более принимает на себя рекреационные функции. Преимущества сельской местности — более благоприятная экология, близость к природе — заставляют горожан стремиться к улучшению своего качества жизни путем приобретения или строительства второго дома.

Наличие второго (летнего) жилища вполне традиционно для русской культуры. Одни считают, что дачи нужны для отдыха, другие — для получения фруктов и овощей, редко кто рассматривает их как дополнительный источник дохода. Вместе с тем тот путь, по которому в стране шло формирование дачной зоны, породил множество проблем. Как правило, сады и дачи располагаются доста-

⁷⁵ См.: ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 3131. Л. 12.

⁷⁶ См.: Там же. Д. 4622. Л. 41.

⁷⁷ См.: Там же. Оп. 46. Д. 7190. Л. 3.

⁷⁸ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 385.

точно далеко от города, нередко в труднодоступных местах. Садоводы в среднем тратят на эту дорогу от 2 до 4 часов в одну сторону. Автомобиль также не всегда облегчает ситуацию, т. к. значительная часть садов не имеет хороших дорог. По результатам опросов только одна четверть семей, имеющих сады на конец 1980-х гг., имела автомобили. Участки под дачи, как правило, выделяются на непригодных для сельскохозяйственной деятельности землях — торфяниках, в оврагах, полесьях, и для создания плодоносного слоя требуется завезти на участки хорошую землю, внести удобрения и неустанно поддерживать ее плодородие навозом, компостом и другими ухищрениями. Таким образом, трудозатраты и капиталовложения в этой сфере очень велики и с экономической точки зрения подчас не окупаются полученным урожаем.

Большие проблемы связаны и с дачным строительством: на это, как правило, уходили годы, причем по опросам до 70 % дачников строили дом сами, остальные частично или полностью использовали труд строительных рабочих. Соответственно строительство осуществлялось без проекта, непрофессионально, из тех материалов, которые удавалось достать, т. е. не всегда качественно. Все это отражалось на внешнем облике садовых домиков, в которых сохраняются некоторые традиционные элементы. Помимо самодельных домиков распространение получили типовые дома из щитовых панелей⁷⁹.

По мнению исследователей, второе жилье — русскую дачу — можно считать вариантом сезонной контрурбанизации⁸⁰. Однако она кардинально отличается от западного варианта, т. к. там перемещение в сельские пригороды было связано с переменной постоянной места жительства.

Таким образом, коллективные сады, которые до сих пор играют значимую роль в образе жизни горожан, следует добавить к списку временных поселений, и с их учетом удельный вес рекреационных поселений увеличится в несколько раз.

⁷⁹ См.: Жилище в России, XX век: Архитектура и социальная история. М., 2002. С. 175.

⁸⁰ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. С. 193.

Анализируя динамику и особенности функционирования временных поселений в XX в., следует отметить их влияние на всю систему расселения. С одной стороны, они усиливают неустойчивость и динамизм поселенческой сети, с другой — выступают как наиболее наглядное отражение урбанизации сельской местности. Именно в этой категории поселений наиболее динамично происходит структурная и функциональная перестройка. Они представляют собой тот сегмент расселения, который в наибольшей степени несет в себе новые черты, свойственные индустриальному, урбанизированному расселению.

Общая динамика временных поселений в целом согласуется со стадиями развития расселения в XX в. Как и вся поселенческая сеть, временные населенные пункты наиболее активно образуются и развиваются в первой половине XX в. В 1960—1980-е гг. происходит быстрое и неуклонное сокращение мелких лесопромышленных, транспортных и отчасти промышленных поселений при одновременном увеличении доли и абсолютного количества рекреационных поселений, особенно дачных.

ЧАСТЬ 3

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ СРЕДНЕГО УРАЛА: МОДЕЛИ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ

Глава 9

РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ РАССЕЛЕНИЯ: ОПЫТ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

Помимо анализа факторов и вариантов развития сельских поселений необходимо учитывать изменение системных характеристик локальных систем расселения в зависимости от региональной специфики и экономико-географических условий. Это тем более актуально, что Средний Урал представляет собой неоднородное явление: в его границах выделяются сельскохозяйственные, горно-промышленные, лесохозяйственные зоны, различающиеся как по типу заселения, так и по особенностям развития. Соответственно в каждой из зон складывается своя специфическая модель расселения, оказывающая влияние на динамику сельских поселений.

Для характеристики этих моделей нам первоначально необходимо их географически локализовать, т. е. провести районирование. Районирование как способ анализа пространственных экономико-географических объектов представляет собой достаточно сложную процедуру. Оно основано на комплексной типологии изучаемых явлений, которая строится с учетом таких характеристик, как природно-климатические условия, хозяйственная деятельность, характер использования земельных угодий, густота и людность селений. В результате разрабатываются критерии выделения ареалов распространения или преобладания тех или иных типов сельских населенных пунктов, расселения.

Одной из первых попыток районирования расселенческих структур с учетом комплекса экономико-географических параметров следует считать работу В. П. Семенова-Тян-Шанского, который выделил типы сельскохозяйственного (зонального) и несельскохозяйственного (азонального) расселения¹. Вместе с тем приведенная им типология носит общий характер и в целом отражает аграрную стадию развития расселения.

Дальнейшие разработки многомерных типологий расселения связаны с именем С. А. Ковалева, который попытался учесть не только параметры расселения (людность поселений, расстояние между ними, особенности их размещения на территории), но и характер производственной деятельности, природные условия. Он выделил восемь экономико-географических вариантов систем расселения².

1. Северное редкоочаговое расселение встречается в зоне тундры и северной тайги. Основные занятия населения — рыболовство, охота, оленеводство, звероводство. Для него характерно одиночное, обособленное расположение поселков, образующих очень редкую сеть очагов расселения. Постоянные селения чаще всего располагаются у рек, на берегах озер или морей, кроме того, здесь существует сеть временных, сезоннообитаемых поселений.

2. Редкоочаговое расселение складывается в северных частях лесной зоны, где получили развитие сельскохозяйственная, промысловая и местами лесопромышленная деятельность. Сельскохозяйственные угодья в этой зоне располагаются редкими участками среди леса, по долинам рек, где возникают сельскохозяйственные поселения. Сеть поселений довольно редкая и неравномерная. Населенные пункты преимущественно относятся к малым. Кроме постоянной поселенческой сети, здесь встречаются временные поселения — охотничьи избы, летние фермы, сенокосные станы и пр.

3. Крупноочаговое расселение характерно для юга лесной зоны, куда, в частности, входит Нечерноземье. Сеть поселений может различаться по своим характеристикам: от достаточно ред-

¹ Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 13—27.

² См. об этом: Ковалев С. А. Сельское расселение: (Географическое исследование). М., 1963. С. 154.

кой в лесных массивах — до густой на низменностях и вблизи крупных городов. Природные условия влияют на мелкоконтурность и раздробленность участков пашни, хотя общие площади пашни возрастают, что способствует преобладанию мелких поселений. Крупные населенные пункты формируются лишь на основе несельскохозяйственных видов деятельности.

4. Сплошное расселение характерно для черноземной полосы (лесостепная и степная зоны). Основная часть территории распахана, массивы пашни крупные, нет препятствий для возникновения крупных поселений. В результате формируется крупноселенная поселенческая сеть с людностью населенных пунктов более тысячи жителей. В отличие от лесной полосы, расселение в этой зоне исторически тяготеет к речным долинам и балкам, где образуются сплошные цепочки крупных селений.

5. Расселение, связанное с пастбищным животноводством и очаговым земледелием, встречается в сухих степях и полупустынях и отличается большой неравномерностью размещения, разреженностью сети довольно крупных постоянных населенных пунктов, дополняемых временными поселениями животноводов. Сгущение селений образуется в очагах земледельческого освоения.

6. Очаговое расселение в зоне пустынь связано с пастбищным животноводством. Для него характерна наиболее разреженная система постоянных поселений, которая дополняется сетью временных мелких поселений.

7. Расселение в крупных оазисах поливного земледелия сосредоточено в небольших по площади, но густозаселенных районах. Для него свойственна высокая плотность населения и густая сеть поселений.

8. Горное очаговое расселение характеризуется сосредоточенностью населения в горных долинах и использованием различных высотных поясов в организации поселенческой сети. Наиболее крупные селения располагаются в нижней части горных долин, к ним тяготеют размещенные выше мелкие населенные пункты, а еще выше находятся сезонные стоянки животноводов. Особенностью горного расселения выступает обособленность отдельных очагов, связь между которыми может быть весьма затруднительной.

Предложенная выше схема отражает варианты сельскохозяйственного расселения, встречавшиеся в нашей стране в 1950—1960-е гг., т. е. сложившиеся в условиях перехода от аграрной стадии расселения к индустриальной. Кроме того, стремление учесть все природно-климатические пояса и зоны, характерные для огромной территории Советского государства, неизбежно способствовали упрощенному воспроизведению типологических черт. Поэтому при проведении регионального исследования типология С. А. Ковалева может быть использована как первичный инструмент, на основе которого необходимо разработать прикладной вариант классификации с учетом разнообразия экономико-географических условий конкретной территории и динамики ее развития.

Во второй половине XX в. происходит неизбежное усложнение структуры расселения и параметров ее классификации, прежде всего за счет демографических характеристик территорий и оценки уровня ее урбанизации. В этом отношении наиболее показательным критерием, на наш взгляд, выступает плотность населения. Он отражает уровень заселенности территории и может рассматриваться как результат комплексного воздействия всех остальных факторов — экономических, географических, политических и др. Этот аспект опосредованно учитывается в типологии С. А. Ковалева, но не в полной мере. Введение его позволяет уточнить и более полно охватить и систематизировать все разнообразие вариантов расселения, с которым мы сталкиваемся в реальности.

Для территории Свердловской области изначально была свойственна неоднородность природно-географических условий, что непосредственно отразилось на расселении. Одной из характерных черт поселенческой сети региона вплоть до настоящего времени остается неравномерность заселения.

Самую высокую плотность населения имеет горно-заводской Урал. В 1989 г. она составила в среднем 34,1 чел/кв. км³.

³ Здесь и далее показатели плотности населения по экономико-географическим районам подсчитаны по: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики.

Причем показатель заселенности нарастает по направлению с севера на юг: наименьшая плотность наблюдается в Северном горно-заводском районе — 7,1 чел./кв. км, в Центральном горно-заводском районе она достигает 28,5 чел/кв. км, а в Южном горно-заводском, наиболее заселенном, — 107,9 чел/кв. км. Особенно высока плотность населения в зоне агломераций — свердловской, нижнетагильской, каменск-уральской.

Горно-заводской Урал — это наиболее урбанизированная зона, города и городские поселки группируются вдоль железных дорог, проложенных по восточному склону Урала от Свердловска и Каменска-Уральского. Они расположены очень неравномерно и сосредоточены преимущественно вокруг Свердловска, Нижнего Тагила и Серова. В результате здесь сложилось три основных очага расселения: свердловский (екатеринбургский), тагило-кушвинский, серово-карпинский. В них проживает свыше половины населения области. Таким образом, горный Урал концентрирует основную часть жителей (85,8 %) с абсолютным преобладанием промышленного населения, которое размещается очагами в местах расположения источников сырья, топлива, энергии, на транспортных магистралях. Сельское население составляет очень незначительную часть — всего 7,9 %.

В сельскохозяйственных юго-восточных и юго-западных районах области в 1989 г. проживало всего 11,7 % населения, плотность населения здесь составила 16,6 чел/кв. км. В отличие от горно-заводской зоны, удельный вес городского населения невелик, хотя и составляет более половины жителей — 57,3 %. Городов и рабочих поселков в сельскохозяйственной зоне немного, и они невелики. Города Зауралья и Предуралья, расположенные вне горно-заводской зоны, выросли, как правило, из старых торговых и административных центров. По внешнему виду они резко отличаются от горно-заводских. В них нет традиционных заводских прудов. В бывших торговых городах, таких как Ирбит и Камышлов, сохранились большие площади с корпусами торговых рядов и товарных складов.

Наиболее плотно заселена долина Пышмы, вдоль которой проходит знаменитый Сибирский тракт. Вытянувшись длинными лен-

тами, припышминские села располагаются настолько тесно, что нередко образуют сплошную цепочку домов вдоль тракта. Междуречья в равнинном Зауралье заселены слабо.

В северо-восточных лесопромышленных районах Свердловской области в 1960-е гг. было сосредоточено 4,6 % населения, а плотность населения составила всего 3,7 чел./кв. км. К 1989 г. доля снизилась до 2,4 %, а плотность населения — до 2,7 чел./кв. км. Неблагоприятные климатические условия и низкий уровень заселенности осложняют процессы хозяйственного освоения этих территорий. Обширные заболоченные пространства междуречий Туры, Тавды, бассейна Пелыма или совершенно не заселены, или заняты небольшими поселками охотников и лесозаготовителей. Это наименее урбанизированная территория Свердловской области, где насчитывается всего два города (Туринск и Тавда) и один рабочий поселок (Гари). Причем Туринск, один из старейших городов Среднего Урала, когда-то игравший большую роль, еще до революции оказался в стороне от экономически развитой полосы Урала и пришел в упадок. Сегодня и Тавда, и Туринск относятся к депрессивным городам⁴. Это наиболее проблемный регион Свердловской области, где наблюдаются активное свертывание и деградация поселенческой сети. Удельный вес сельского населения достаточно высок и составляет 36,7 %, но в основном оно не связано с сельскохозяйственной деятельностью.

Дополнительную информацию об особенностях расселения на Среднем Урале мы можем получить на основе более тщательного изучения динамики показателей плотности сельского населения по отдельным административным единицам с использованием методов регрессионного и кластерного анализа (табл. 9.1).

Регрессионный анализ динамики плотности населения по сельским районам Свердловской области за 1939—1989 гг. позволяет сделать вывод, что больше половины административных единиц характеризуются линейной отрицательной динамикой

⁴ См. об этом: *Баканов С. А.* Депрессивные города Урала в 1960—1980-е гг.: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск, 2005. С. 44—47.

Таблица 9.1

*Плотность населения сельских районов Свердловской области
в зависимости от типа динамики в 1939—1989 гг. **

Тип динамики	Сельские районы области в границах 1989 г.**
1-й (линейный отрицательный)	Артемовский (51 %), Алапаевский (97 %), Артинский (74 %), Байкаловский (86 %), Богдановичский (85 %), Верхнесалдинский (97 %), Ирбитский (61 %), Каменский (61 %), Камышловский (82 %), Красноуфимский (89 %), Невьянский (70 %), Новолялинский (70 %), Пригородный (40 %), Пышминский (83 %), Режевской (84 %), Серовский (89 %), Сухоложский (78 %), Таборинский (70 %), Тавдинский (51 %) — 19 районов
2-й (линейный положительный)	Белоярский (72 %), Сысертский (92 %) — 2 района
3-й (полином 2 –)	Верхотурский (99 %), Тугулымский (76 %), Шалинский (82 %) — 3 района
6-й (полином 3 + – +)	Ачитский (70 %), Гаринский (64 %), Нижнесергинский (20 %), Слободотуринский (91 %), Талицкий (48 %) — 5 районов
Прочие	Туринский — один район
<i>Всего</i>	<i>30</i>

* Расчеты проведены по: Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики; ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811.

** В скобках указан коэффициент регрессии (%)

(19 районов из 30). Причем большинство из них имеют высокий коэффициент регрессии, что обеспечивает надежность выводов. Дополнительная оценка регрессии по послевоенному периоду еще более однозначно подтверждает картину развития, соответствующую 1-му типу динамики. На этом временном отрезке уже 28 из 30 районов области характеризуются отрицательной линейной динамикой (за исключением Белоярского и Сысертского районов).

Ряд районов развиваются в соответствии с 3-м типом (парабола ветвями вниз) и 6-м типом (полином 3 + – +) динамики — всего 8 административных единиц. В них наблюдается всплеск плотности населения, приходящийся на 1956 г. Это могло быть результатом административных реорганизаций 1950-х гг., что затрудняет

сопоставимость показателей и вносит погрешность в вычисления. В частности, из пяти районов, относящихся к 6-му типу, три имеют очень низкий коэффициент регрессии, что снижает их статистическую значимость. Кроме того, как правило, это сельские районы, характеризующиеся низкими показателями урбанизации, где определенную роль мог сыграть послевоенный всплеск рождаемости.

Особое место в списке административных единиц занимают Сысертский и Белоярский районы, отличающиеся положительной линейной динамикой с высоким коэффициентом регрессии. Показательно, что эти районы расположены в зоне влияния свердловской агломерации, которая характеризуется наиболее высокими значениями плотности и общей положительной динамикой численности населения. Уровень урбанизации территории, с одной стороны, влияет на усиление оттока сельских жителей в города и соответственно формирует отрицательную тенденцию динамики численности сельского населения, но, с другой стороны, здесь закладываются основы перехода к следующей стадии урбанизации территории — интегрированному расселению, что придает новые возможности сельской местности. Эти процессы мы можем наблюдать в Сысертском и Белоярском районах. В частности, Сысертский район уже в 1930-е гг. приобретает функции пригородной зоны отдыха. Здесь создается сеть рекреационных поселений, а имеющиеся населенные пункты постепенно преобразуются в дачные поселки. Развитие Белоярского района в значительной степени связано с влиянием технологического фактора. В послевоенный период здесь строится первая в России атомная станция, развитие которой придало особый статус и перспективы Белоярскому району.

Туринский район был отнесен к категории «прочие»: плотность населения на протяжении всего изучаемого периода в нем остается стабильно низкой и составляет 5—6 чел./кв. км. В целом динамика плотности населения района соответствует 3-му типу, но с очень ненадежным показателем регрессии.

Таким образом, для сельской территории Свердловской области характерна тенденция сокращения плотности населения, которая с разной степенью интенсивности охватила все зоны — горно-заводскую, сельскохозяйственную, лесопромышленную.

Причем наиболее отчетливо эта тенденция проявляется на горно-заводском Урале, особенно в северной и центральной его части. При общей положительной динамике населения этого региона (оно выросло с 1939 по 1989 г. на 76,1 %) убыль сельчан особенно высока. В зоне влияния г. Свердловска ситуация более стабильная, здесь ряд районов (Сысертский, Белоярский, Нижнесергинский) демонстрируют положительную динамику плотности населения.

В сельскохозяйственных зонах Среднего Урала идет общее снижение плотности сельского населения, однако не так интенсивно, как на горно-заводском Урале. При этом снижение уровня заселенности территории происходит на фоне общей отрицательной динамики численности населения.

Наиболее сложная ситуация наблюдается в лесопромышленном регионе Среднего Урала: здесь абсолютное большинство административных единиц имеет отрицательную динамику. Причем в Гаринском районе плотность населения в сравнении с 1956 г. снизилась почти в 2 раза, а в Тавдинском — приблизительно в 6 раз, что непосредственно отражается на состоянии поселенческой сети. Данный регион характеризуется наиболее высокими темпами снижения общей численности населения, которое с 1939 по 1989 г. сократилось на 46,5 %.

По совокупности производственных, природных и демографических факторов развития в области можно выделить 6 экономических районов: Северный горно-заводской (Серовско-Ивдельский); Центральный горно-заводской (Тагильский); Южный горно-заводской (Свердловско-Каменско-Уральский); Юго-Западный сельскохозяйственный (Красноуфимский); Юго-Восточный сельскохозяйственный (Ирбитско-Камышловско-Талицкий); Северо-Восточный лесопромышленный (Тавдинско-Гаринский). Распределение административных единиц по экономико-географическим районам нашло отражение в табл. 9.2 и на карте области.

Особенности климатических условий, хозяйственной практики и динамики населения непосредственно отразились на генезисе и развитии поселенческой сети. В горно-заводских районах формирование системы расселения было непосредственно связано с созданием горно-заводского хозяйства. Особый отпечаток на разме-

Таблица 9.2

**Схема распределения административных единиц Свердловской области
в зависимости от демографических и экономико-географических условий***

Экономико-географический район	Горсовет	Административные единицы**	Район
Северный горно-заводской Центральный горно-заводской	Идельский, Карпинский, Красногурьевский, Свердловский Качканарский, Кировоградский, Кушвинский, Нижегурсинский, Алапаевский, Красноуральский (Нижнетагильский)	Серовский, Верхотурский, Новолялинский (Исовский) Верхнесалдинский, Невьянский, Шалинский, Пригородный, Алапаевский (Коптеловский, Петрокаменский, Висимский, Кушвинский, Нижнесалдинский, Синячихинский, Махневский)	
Южный горно-заводской	Асбестовский, Березовский, Верхнепышминский, Первоуральский, Полевской, Рединский, Свердловский, Каменск-Уральский (Артемовский) Красноуральский	Белоярский, Сысертьский, Каменск-Уральский, Артемовский, Режевский, Нижнесергинский (Арамилский, Бисертский, Билимбаевский, Егоршинский, Покровский, Полевской)	
Юго-Западный сельскохозяйственный Юго-Восточный сельскохозяйственный	(Ирбитский, Камышловский)	Ачитский, Артинский, Красноуральский (Сажинский, Манчажский) Ирбитский, Камышловский, Богдановичский, Суходоловский, Байкаловский, Пышминский, Талицкий, Слободо-Туринский, Тугулымский (Краснополюнский, Зайковский, Еланский, Знаменский, Буткинский)	
Северо-Восточный лесопромышленный	Нет	Таалинский, Таборинский, Гаринский, Туринский (Ленский, Верхнетаалинский)	

* Приведенная схема районирования была предложена Е. М. Уральской и уточнена с учетом демографических параметров применительно к административно-территориальному делению Свердловской области в 1980-е гг. — см.: *Уральская Е. М. Расселение Свердловской области и его районирование: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1968.*

❖ В **Слабова**х выделены горсоветы и районы, которые существовали на территории области в 1930—1960-е гг., а затем были реорганизованы.

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1	Северный горно-заводской	4	Юго-Западный сельскохозяйственный
2	Центральный горно-заводской	5	Юго-Восточный сельскохозяйственный
3	Южный горно-заводской	6	Северо-Восточный лесопромышленный

Масштаб 1 : 4 000 000

щение и отраслевую структуру населенных пунктов наложила окружающая система организации металлургического производства. В XX в. в условиях модернизации эта зона в наибольшей степени испытывает на себе воздействие урбанизационных факторов (табл. 9.3).

Таблица 9.3

*Распределение сельских поселений
в зависимости от природно-географических условий, %**

Тип динамики	Северный горно-заводской	Центральный горно-заводской	Южный горно-заводской	Юго-Западный сельскохозяй- ственный	Юго-Восточный сельскохозяй- ственный	Северо-Восто- чный лесопромыш- ленный
1-й (линейный –)	60,2	67,2	53,0	38,9	65,6	67,4
2-й (линейный +)	10,0	10,9	14,9	10,7	7,4	4,8
3-й (полином 2 –)	19,6	16,9	19,8	33,4	13,3	15,4
4-й (полином 2 +)	1,7	1,0	3,0	2,4	4,1	2,8
5-й (полином 3 – + –)	3,8	1,2	5,1	4,6	6,8	5,00
6-й (полином 3 + – +)	3,6	0,8	2,8	7,4	1,1	4,2
Прочие	1,1	2,0	1,4	2,6	1,7	0,4
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Северный и Центральный горно-заводские районы наряду с Северо-Восточным лесопромышленным отличаются самыми высоким удельным весом сельских поселений, имеющих общую отрицательную динамику (1-й и 3-й типы). Вместе с тем более 10 % поселений здесь имеют положительную линейную динамику (2-й тип), в основном это поселения, отличающиеся многоотраслевой структурой или промышленной направленностью.

• Северный горно-заводской район, обладая значительной площадью, отличается преобладанием мелких поселений и наличием большого числа транспортных, рудничных, промышленных поселений, связанных с горно-добывающими отраслями

и металлургическим производством. Хозяйственная специфика региона способствует тому, что здесь формируется поселенческая сеть редкоочагового типа, тяготеющего к городам и транспортным линиями.

- Центральный горно-заводской район, ядром которого выступает нижнетагильская агломерация, также демонстрирует вариант развития, характерный для территорий, включившихся в урбанизационный переход. Подавляющее большинство поселений в этой зоне теряют население, многие из них исчезают из регистрационных списков. Ситуацию с расселением в данном регионе определяет достаточно плотная сеть городов и городских поселков, которые выступают как центры притяжения населения, способствуя концентрации поселенческой сети. Для данной местности характерно наличие большого количества многоотраслевых сельских поселений, сочетающих сельскохозяйственные и промышленные функции. Поселенческая сеть здесь более плотная, чем на севере, но с четко выраженной центростремительной тенденцией — формированием очагов расселения вблизи заводских центров.

- Южный горно-заводской район, центром которого выступает свердловская агломерация, демонстрирует наиболее «мягкий» вариант развития поселенческой сети, здесь только 53,02 % населенных пунктов относятся к 1-му типу. Это меньше, чем в других районах горно-заводского Урала. Напротив, 14,88 % поселений характеризуются положительной тенденцией развития и принадлежат ко 2-му типу, что отличает ситуацию в лучшую сторону. Причем, чем ближе они расположены к областному центру, тем стабильнее. Сокращение численности населения в этой зоне не является столь заметным, как, например, в северных и центральном районах. На данной территории расположены Сысертский и Белоярский районы, имеющие положительную динамику плотности населения. Во многом такой вариант развития системы расселения связан с постепенным преобразованием доступных для жителей Свердловска мест в дачную зону. Численность жителей многих деревень поддерживается за счет горожан, приобретающих в радиусе до 100—150 км от города дома под летнее жилье. Благодаря наличию хорошо развитой транспортной сети, природным условиям (живописная

местность, наличие озер, лесов, минеральных и грязевых ресурсов и других бальнеологических факторов) в этом районе формируется пригородная рекреационная зона, где располагаются дома отдыха, санатории, туристические базы. Одним из стабилизирующих факторов является также и то, что в Южном горно-заводском районе наряду с промышленностью продолжает активно развиваться сельскохозяйственное производство, приводя к созданию агропромышленных поселений.

Таким образом, под влиянием агломерационных процессов в Южном горно-заводском районе происходит формирование интегрированной системы расселения, в рамках которой происходит диффузия сельской и городской системы, связи между ними приобретают более тесный и интенсивный характер.

• Северный лесопромышленный район отличается наиболее неблагоприятными тенденциями. Удельный вес поселений, имеющих отрицательную линейную динамику (1-й тип), составляет 67,47 % — это самый высокий показатель по области. Их дополняет достаточно представительная группа поселений 3-го типа — 15,37 %. И это понятно: суровый климат, болотистые почвы, — все это не благоприятствует сельскохозяйственной деятельности, и здесь в течение прошлого века идет интенсивное сокращение численности сельскохозяйственных поселений, а для сохранившихся населенных пунктов свойственна тенденция уменьшения численности населения. Положительную динамику имеет только 4,79 % поселений (2-й тип), это, как правило, центры леспромхозов. Специфику данному региону придает наличие значительного числа исправительно-трудовых учреждений строгого режима, которые имеют свои особенности развития, но с демографических позиций достаточно стабильны.

Интересные варианты развития локальных систем расселения дают нам сельскохозяйственные районы — Юго-Западный и Юго-Восточный. И в прошлом, и в настоящее время сельскохозяйственное производство остается важнейшей отраслью экономики этих районов. Тем не менее по показателям динамики они различаются достаточно существенно.

• Юго-Западный сельскохозяйственный район имеет самый низкий показатель удельного веса поселений, относящихся к 1-му типу (38,90 %) и самый высокий удельный вес поселений 3-го типа (33,41 %). Это свидетельствует о том, что данные территории достаточно поздно включаются в урбанизационный переход, около трети поселений растут вплоть до 1930—1940-х гг. и только в 1950—1960-е гг. начинают терять население. Здесь преобладают сельскохозяйственные поселения, размещенные достаточно равномерно. Поселенческая сеть по своим показателям относится к категории среднеселенных: преимущественно встречаются средние (200—500 человек) и крупные (более 500 человек) поселения, удельный вес мелких деревень (менее 200 человек) невысокий.

Другой особенностью данной территории выступает многонациональный состав населения, именно здесь сосредоточены в массе своей татарские и марийские поселения, которые существенно влияют на демографическую ситуацию. Эти поселения отличает стабильность: в большинстве случаев убыль населения незначительна, а по средним показателям людности они превышают русские деревни. Обращает на себя внимание и то, что почти 12 % населенных пунктов в этой зоне относятся к 5-му и 6-му типам, отражая существенное влияние на их судьбы внешних факторов, в т. ч. реорганизации колхозов и совхозов, преобразования сельсоветов и т. п. Эти события невольно меняли вектор развития поселения, то придавая им новые возможности и потенциал, то, напротив, лишая их жизненно важных функций.

• Юго-Восточный сельскохозяйственный район характеризуется более низким уровнем заселенности, чем на западе. Природные условия в целом способствуют развитию сельского хозяйства, но почвы менее плодородны. Сказывается и удаленность ряда районов от административного центра области. Соответственно наблюдается иная картина: 65,61 % поселений относятся к 1-му типу и 13,24 % к — 3-му, т. е. подавляющая часть сельских населенных пунктов теряет свое население. Сокращение поселенческой сети в этом регионе идет значительно быстрее, чем на юго-западе. Этот процесс усиливается в 1950—1970-е гг. в результате сселения неперспективных деревень. Существенно снижается и по-

казатель средней людности поселений. По этим характеристикам район уступает только наиболее проблемному — Северо-Восточному лесопромышленному. Положительную динамику демонстрируют всего 7,41 % (2-й тип), и 4,13 % (4-й тип) поселений — центральные усадьбы колхозов и совхозов, а также поселения агропромышленных комплексов.

Таким образом, на территории Среднего Урала реализуется сразу несколько моделей развития сельского расселения в условиях урбанизационного перехода, которые можно обозначить обобщенно как горно-заводская, сельскохозяйственная и лесопромышленная. Они зависят от уровня заселенности и освоенности территории, его хозяйственно-отраслевой специфики и природно-климатических условий и отражают в то же время определенную стадию урбанизации территории. Далее всего урбанизация сельской местности, сопровождающаяся переходом к интегрированной системе расселения, зашла в Южном горно-заводском районе, где можно наблюдать завершение фазы концентрации и переход к деконцентрации сельского расселения, связанный со вторичным освоением сельских территорий.

Завершающая ступень формирования урбанизированной системы расселения просматривается в поселенческой структуре Северного и Центрального горно-заводских районов, в рамках которой наиболее четко проявляются тенденции концентрации расселения и измельчания сельской поселенческой сети. Сельское расселение в целом сохраняет очаговую конфигурацию, причем эта особенность с течением времени усиливается.

К этому же варианту приближается Юго-Восточный сельскохозяйственный район. Вся разница между ними заключается в исторически сложившейся системе хозяйствования. Горно-промышленные районы складываются и развиваются под влиянием особенностей горно-заводского производства, т. е. по своей сути они представляют собой старопромышленные районы, где сельское хозяйство всегда выступало вспомогательной отраслью. Юго-Восточный сельскохозяйственный район развивается в соответствии со своей специализацией, и на его динамике в большей степени отражаются те процессы, которые связаны с сельским хозяйством и его модернизацией.

Но и в том и в другом случае в результате мы получаем урбанизированную модель расселения.

Несколько особняком стоит Северо-Восточный лесопромышленный район, отличающийся наиболее негативными тенденциями развития расселения. Будучи малоосвоенной территорией, он характеризуется редкой очаговой сетью постоянных поселений и достаточно большим количеством временных поселений, поддерживающих постоянную сеть. Но в целом это очень нестабильная модель, развитие которой в большей степени зависит от состояния дел в лесодобывающей и перерабатывающей отраслях.

Глава 10

ГОРНО-ЗАВОДСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ

Горно-заводское расселение впервые было выделено в качестве особого типа в начале XX в. В. П. Семеновым-Тян-Шанским. Оно складывается в регионах, где заселение и освоение территории было непосредственно связано с созданием и развитием горно-заводской промышленности. К ним относятся, в частности, Урал и Донбасс. Структура горно-заводского расселения формируется исходя из расположения месторождений полезных ископаемых и, следовательно, не зависит от почв, климата, растительности, как зональные типы¹. И хотя у В. П. Семенова-Тян-Шанского отсутствует детальная характеристика этого варианта поселенческой сети, но уже то, что он выделил, кроме земледельческого расселения, и несельскохозяйственные типы, очень ценно. Фактически ему удалось рассмотреть первые признаки стадийной перестройки расселения, связанной с модернизацией общества, и очевидную взаимосвязь процессов урбанизации с расселением. В частности, было отмечено, что для горно-заводского типа характерны необычайно высокий процент городского населения (32 %) и наличие в структуре

¹ См.: Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 27.

расселения значительного числа населенных пунктов, отвечающих критериям «истинного» города².

Более детальное изучение особенностей горно-заводского расселения связано с работами отечественных историков, опубликованными во второй половине XX в.³ Особое внимание было уделено проблемам взаимодействия горно-заводского производства и аграрной среды, что непосредственно отразилось в структуре поселенческой сети Уральского региона и планировке поселений⁴. Наиболее полно специфика заводских поселений рассмотрена в трудах С. В. Голиковой⁵.

Можно выделить следующие отличительные особенности горно-заводского расселения:

- влияние функционально-организационной структуры металлургического производства (окружной системы) на рисунок и структуру поселенческой сети;
- преобладание очагового расселения: размещение населенных пунктов определялось местами расположения водных ресурсов, а также сырья и топлива, соответственно природно-географический фактор играл основную роль в выборе места закладки заводов и заводских поселений;
- иерархичность поселенческой структуры, построенной на распределении производственных функций между населенными пунктами; в рамках локальной системы выделялись: 1) поселения при

² См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России... С. 168.

³ См., например: Гуськова Т. К. Некоторые этнографические особенности населения б. Нижнетагильского заводского округа в конце XIX — начале XX в. // Советская этнография, 1958. № 2; Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: Владельцы и владения. Н. Тагил, 2004; Он же. «Обозрение деревень Нижнетагильского округа» Я. Н. Горелова как источник по истории уральских заводских поселений и их населения // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2003. С. 285—313.

⁴ Подробнее см.: Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горно-заводские центры и аграрная среда России: Взаимодействия и противоречия. М., 2000.

⁵ См., в частности: Голикова С. В. Заводские поселки — особый тип уральских поселений XVIII — начала XX века // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. С. 66—88.

заводах (структурообразующий центр), 2) населенные пункты при пристанях и в местах добычи ресурсов, 3) заводские деревни и села.

Заводские поселки имели характерный облик, отличный от традиционных деревень. Построенные в соответствии с планом, заводы имели регулярную планировку, общественный центр, пруд, жилые кварталы.

Свои особенности имел процесс заселения территории горно-заводского Урала, он основан на закономерностях промышленного освоения географического пространства. Каждому заводу отводилась определенная территория, которая становилась его «дачей». Границы ее определялись условно: «на 50 верст вокруг»⁶. Заводской округ состоял из нескольких дач, располагавшихся на определенном расстоянии друг от друга. На выделенной территории первоначально строился завод и производственные объекты, а уже после или же параллельно с промышленным строительством возводились жилые поселки. По наблюдениям С. В. Голиковой, до 1767 г. в Нижнетагильском округе закладывались преимущественно заводы, а уже потом они обрастали сельскими поселениями⁷. Основное значение при выборе мест под строительство имели производственные факторы, но учитывались и природные условия. Все населенные пункты горно-заводской зоны традиционно располагались по берегам рек и озер. Дальнейшее развитие сложившегося вокруг завода очага расселения корректировалось в соответствии с характером развития производства.

Не стоит, однако, абсолютизировать эту схему. Освоение территорий Среднего Урала шло в двух основных направлениях: 1) путем крестьянской колонизации, в рамках которой воспроизводилась традиционная схема аграрного расселения; 2) путем промышленной, или горно-заводской, колонизации. Последний вариант стал преобладающим в зоне Уральского хребта (горно-заводской Урал), богатого природными минеральными ресурсами и лесом, но бед-

⁶ Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда России... С. 30.

⁷ См.: Голикова С. В. Заводские поселки — особый тип уральских поселений... С. 76.

ного плодородными почвами. Крестьянская колонизация охватила преимущественно Предуралье и Зауралье, лишь частично захватив горную часть.

Северный горно-заводской район

Северный горно-заводской район Свердловской области включил территории трех сельских районов (Серовский, Верхотурский, Новолялинский) и пяти городских (Ивдель, Карпинск, Краснотурьинск, Североуральск, Серов). Это один из наиболее крупных регионов, его площадь занимает 30,2 % всей территории области, а население — всего 8,9 %⁸. Плотность населения здесь одна из самых низких в среднеуральском регионе, на конец 1980-х гг. она составила 7,1 чел./кв. км. Отдаленность от областного центра (от Ивделя до Свердловска — 535 км), богатые природные ресурсы и суровый климат, характерный для Северного Урала, предопределили особенности заселения данной территории.

Самое северное положение занимают Серовский район и территории, подчиненные г. Ивделю. Для них характерна возвышенная, гористая поверхность, которая постепенно выравнивается и понижается в восточном направлении. К востоку от р. Лозьвы местность становится совершенно равнинной и покрыта болотами. Основные реки района — Лозьва и Сосьва — принимают ряд притоков, наиболее значительные из которых Ивдель, Лангур, Вагран, Турья, Каква. Почвы — каменистые и торфянисто-болотные, практически непригодны для возделывания. Территория покрыта елово-пихтовыми и кедровыми лесами.

Из полезных ископаемых на территории районов встречаются месторождения платины, золота и железных руд (Северные рудники). В Серовском районе обнаружены месторождения бурых и магнитных железняков, а также медных руд. Имеются Богословские буроугольные месторождения. Встречаются залежи огнеупорных глин, марганцевых руд.

⁸ Структура и показатели Северного горно-заводского района приведены по состоянию на 1989 г.

В центральной части Северного горно-заводского района находится Новолялинский район. Его природные условия типичны для Северного Урала: возвышенная и холмистая поверхность с бедными подзолисто-болотными почвами, прорезанная реками, текущими на восток. Основные реки — Ляля и ее левый приток Лобва. Вся территория покрыта лесами. Из полезных ископаемых встречаются небольшие месторождения золота.

Верхотурский район расположен в южной части Северного горно-заводского района. Здесь преобладает низменная сильно заболоченная равнина. Удобные для заселения места расположены исключительно по течению рек Тура и Салда. В районе распространены торфянисто-болотные и подзолисто-болотные почвы, покрытые лесами.

Климатические условия в Северном горно-заводском районе очень суровые и характеризуются недостатком тепла. Среднегодовая температура от -1° до 0° , количество осадков 400—500 мм. В сельскохозяйственном отношении все районы относятся к потребляющим, удовлетворяя собственные нужды на 10—25 %. Только в Верхотурском районе сельское хозяйство, особенно животноводство, получило некоторое развитие. Основные сельскохозяйственные культуры — овес, ячмень, пшеница, рожь⁹.

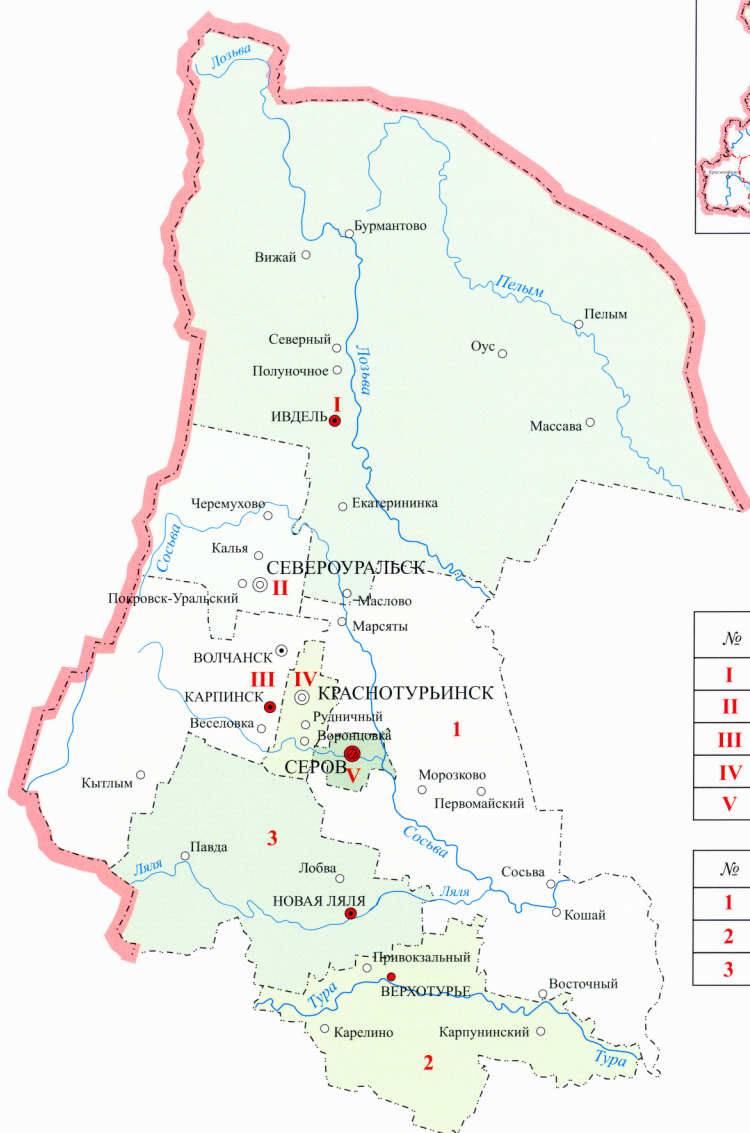
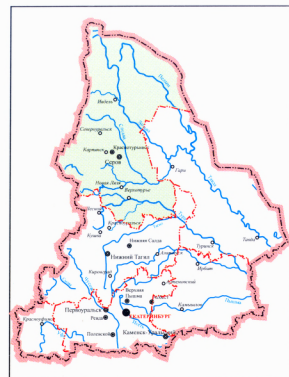
Рассматриваемые территории вплоть до 1918 г. входили в Верхотурский уезд Пермской губернии. Уезд, образованный на рубеже XVI—XVII вв., занимал обширные слабозаселенные земли Зауралья, где до прихода русских переселенцев проживали вогулы и татары. К 1710 г. в Верхотурье и уезде насчитывалось 33 тыс. человек. На его территории, по подсчетам Г. Н. Чагина, находилось 2 завода (Алапаевский и Невьянский), 11 погостов, 14 слобод, 54 заимки, одно село и 262 деревни¹⁰.

В XVIII в. аграрное освоение северных территорий дополняется промышленным, что придает специфические черты системе расселения. Здесь появляются заводские и приисковые поселки,

⁹ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. Свердловск, 1928. С. XV, XIX, XXIII, XXVII, XXXII.

¹⁰ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. Пермь, 1995. С. 64.

СЕВЕРНЫЙ ГОРНО-ЗАВОДСКОЙ РАЙОН

№	Горсоветы (муниципалитеты)
I	Ивдель
II	Североуральск
III	Карпинск
IV	Краснотурьинск
V	Серов

№	Районы
1	Серовский
2	Верхотурский
3	Новолялинский

Масштаб 1 : 2 500 000

ставшие опорными пунктами экономического развития. В промышленном освоении северных районов Свердловской области четко выделяются три основных этапа.

Первый этап (XVIII — конец XIX в.) связан с разработкой месторождений меди и созданием поселений на месте современных городов Краснотурьинска, Карпинска, Североуральска, Новой Ляли.

Второй этап (конец XIX — начало XX в.) характеризуется освоением железорудных месторождений и строительством Надеждинского металлургического завода, а также развитием железнодорожного транспорта.

Третий этап (1930—1940-е) приходится на индустриализацию, когда в промышленный оборот были вовлечены запасы бокситов, бурого угля, древесины.

В 1869 г. на территории Верхотурского уезда насчитывалось 419 сельских поселений, среди них деревни составляли 89,5 %, села — 7,6 %, юрты — 1,9 %¹¹. Прибрежно-речной тип заселения вплоть до начала XX в. оставался преобладающим.

По данным земской статистики в 1909 г. в Верхотурском уезде были зафиксированы 22 завода, 58 сел, 447 деревень, 98 выселков и поселков¹². Национальный состав крестьянского населения Верхотурского уезда был достаточно однородным и представлен в основном русским населением, численность которого к 1909 г. достигла 261 045 человек (98,7 %). Кроме русских, статистическими органами фиксируются пермяки — 1 945 чел. (0,7 %) и вогулы — 1 637 чел. (0,6 %)¹³. Достаточно характерным для северного редкочагового расселения было распределение сельских населенных пунктов по людности (численности жителей). Согласно статистическим данным за 1909 г. (табл. 10.1), в Верхотурском уезде преобладали мелкие поселения: 19 % составляли деревни, включавшие

¹¹ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX в. С. 153.

¹² См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908—1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 15.

¹³ См.: Там же. С. 22.

Таблица 10.1

*Численность сельских населенных мест Верхотурского уезда
в 1909 г. в зависимости от людности**

Число дворов на одно селение	Число селений
До 5	50
6–10	69
11–20	153
21–30	108
31–50	76
51–100	73
101–200	57
201–300	15
301–400	4
401–500	2
501 и выше	18
<i>Всего</i>	<i>625</i>

* Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 16.

до 10 дворов; 41,8 % — от 10 до 30 дворов. Крупные поселения составляли всего 3,8 %, в них насчитывалось свыше 300 дворов. Мелкоселенность и в начале века, и в последующий период оставалась характерной чертой сельской поселенческой сети северного и центрального горно-заводских районов.

При проведении районирования в 1923 г. земли бывшего Верхотурского уезда вошли в Тагильский округ, его территория составила 106,1 тыс. кв. км, а население — 438 176 человек. Всего в Тагильский округ, кроме Нижнего Тагила, было включено 16 районов: Алапаевский, Верхотурский, Висимский, Гаринский, Ивдельский, Кушвинский, Кыновский, Кытлымский, Лялинский, Махневский, Надеждинский, Нижнетуринский, Петрокаменский, Салдинский, Сосьвинский, Тагильский¹⁴. По площади округ занимал второе место по области после Тобольского, по плотности населения

¹⁴ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. С. X.

(4,1 чел. на кв. км) — предпоследнее место. В 1920-е гг. округ находился на одном из первых мест по выпуску промышленной продукции, уступая только Свердловскому. Сельское хозяйство, напротив, вследствие скудости и заболоченности почв носило подсобный характер. Характерной чертой инфраструктуры округа было то, что он имел значительно более развитую в сравнении с другими территориями железнодорожную сеть. Основными транспортными линиями выступали Богословская и Горно-заводская Пермская железные дороги. В дальнейшем железнодорожная сеть стала одним из системообразующих факторов, способствующих формированию и развитию серовской и нижнетагильской территориальных систем расселения.

В 1930—1980-е гг. развитие поселенческой сети на территории Северного горно-заводского района характеризуется следующими взаимосвязанными тенденциями: быстрым ростом числа городов и поселений городского типа и не менее интенсивным сокращением численности сельских населенных пунктов.

Индустриализация и активная разработка рудных месторождений стали важнейшими предпосылками, приведшими к формированию Серовской агломерации. К 1989 г. она включала 8 городов и 16 поселков городского типа (табл. 10.2). Все города, расположенные на севере Свердловской области, за исключением Верхотурья, были официально признаны в 1920—1940-е гг. Так, например, Серов получил статус города в 1926 г., Новая Ляля — в 1938 г.; Карпинск, Ивдель, Краснотурьинск, Североуральск — в 1941—1944 гг. Они и составили каркас территориальной системы расселения, дополненный рабочими поселками. Здесь сосредоточены основное население и производственный потенциал рассматриваемой территории.

Динамика формирования рабочих поселков в серовской агломерации выглядит следующим образом: в 1930-е гг. было зарегистрировано 3 поселка (Кытлым, Рудничный, Сосьва), в 1940-е гг. — 10 населенных пунктов (Веселовка, Воронцовский, Марсята, Калья, Покров-Уральский, Черемухово, Привокзальный, Павда, Маслово, Полуночное), в 1950—1960-е гг. — еще 4 (Восточный, Карпунин-

Таблица 10.2

*Основные статистические характеристики
Северного горно-заводского экономического района в XX в.**

Годы	Территория, кв. км	Численность населения, чел.	Число сельских населенных пунктов***	Число городов	Число рабочих поселков
1909 (Верхотурский уезд)	63519,6	264 627	625	2	—
1928**	46500,0	130 416	679	1	11
1939	55371,7	390 579	1050 (881)	5	13
1956	43596,0	506 090	624 (702)	8	13
1970	59150,5	448 434	478 (536)	8	19
1979	58279,0	415 789	263 (265)	8	19
1989	58518,2	416 652	217 (221)	8	16

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке»; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 3; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ.

** В сводку за этот год вошли статистические показатели Ивдельского, Верхотурского, Кытлымского, Лялинского, Сосьвинского, Надеждинского районов Тагильского округа Уральской области.

*** В скобках в этой графе приведена численность поселений по материалам БД, без скобок — данные административного учета по: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г. Свердловск, 1939; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г. Свердловск, 1956; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики.

ский, Оус, Северный). В результате в Северном горно-заводском районе по итогам переписи 1989 г. располагалось 16,5 % поселков городского типа и 18,2 % городов Свердловской области. Удельный вес городского населения составил 90,0 %¹⁵.

¹⁵ Рассчитано по: Уральский экономический район. Основные итоги переписи населения 1989 г. Екатеринбург, 1991. С. 2; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики.

Наличие очагов городского расселения является отличительной чертой поселенческой сети Северного горно-заводского района. Они неравномерно рассредоточены по территории и привязаны к транспортным линиям.

Динамика развития сельских поселений в 1930—1980-е гг. соотносится с общей схемой урбанизации расселения. Вплоть до конца 1930-х гг. сельская поселенческая сеть региона расширяется. Этому способствовал целый ряд факторов: коллективизация, создание МТС, подсобных хозяйств промышленных предприятий, интенсивная разработка рудных месторождений и лесных ресурсов, строительство промышленных предприятий и развитие транспорта. На расселение Северного района заметный отпечаток наложило использование его в качестве места ссылки и расположения лагерей. Это особенно характерно для территории г. Ивделя, где вплоть до настоящего времени исправительно-трудовые колонии занимают значительное место, и Серовского района.

В начале 1930-х гг. в Надеждинском (Серовском) районе были созданы десятки спецпоселков, в числе которых Ауэрбаховский рудник, Воронцовский рудник, Турьинский рудник, Самский рудник, Зеленая Украина, Заречный, Первый Пасынок, Северный Крым, Замайайка и др. По состоянию на 1 января 1941 г. в Серовском районе был отмечен 31 поселок спецпереселенцев, в Новолялинском — 10, Ивдельском — 5¹⁶. Часть из них впоследствии прекратила свое существование.

В 1940—1950-е гг. в развитии сельской поселенческой сети проявляется обратная тенденция — сокращение численности населенных пунктов и их концентрация. Причем в северных районах Свердловской области эти процессы происходят более интенсивно, чем в центральных или южных. Здесь число сельских населенных пунктов с 1939 по 1989 г. сократилось почти в 4 раза при одновременном увеличении средней людности на 72,9 %. Обращает на себя внимание и резкое снижение средней плотности расселения. Если в 1939 г. на 100 кв. км приходилось 1,9 поселений, то к концу 1980-х — 0,3, т. е. можно наблюдать усиление процессов концен-

¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89.

трации населения в центрах при одновременном обезлюдении значительных пространств.

Всего с 1939 по 1989 г. в сельской местности Северного горно-заводского района было закрыто 233 постоянных поселения из 364, т. е. 64 %. Если к 1956 г. были исключены из списков 35 населенных пунктов, в 1956—1970 гг. — 76, в 1970—1979 гг. — 87, а к 1989 г. — еще 35. Таким образом, наиболее активно сельские поселения «исчезают» в 1960—1970-е гг. В сельской местности среди закрытых абсолютное большинство составили мелкие сельскохозяйственные поселения — деревни, имевшие отрицательную тенденцию людности (1-й и 3-й типы динамики). Но были среди них и несельскохозяйственные населенные пункты — промышленные, лесные, транспортные, динамика развития которых нередко была положительной. Их закрытие и снятие с учета определялось экономическими факторами (как правило, это свертывание производства в связи с выработкой ресурсов).

Так, например, в 1960-е гг. среди исключенных из регистрационных списков 4 % составили промышленные поселки, в 1970-е гг. удельный вес промышленных вырос до 5,8 %, лесопромышленные поселения составили 11,6 %, железнодорожные — 9,3 %, в 1980-е гг. удельный вес лесных поселков увеличился до 14,3 %, а промышленных сократился до 2,9 %.

Следовательно, на начальной стадии урбанизации сельской территории, в первой половине XX в., сокращение поселенческой сети осуществлялось за счет сельскохозяйственных поселений, в дальнейшем с развитием процессов концентрации промышленного производства среди исчезнувших растет удельный вес несельскохозяйственных поселений (табл. 10.3).

В зоне влияния городов среди исчезнувших постоянных поселений преобладали мелкие промышленные поселки, а также железнодорожные и сельскохозяйственные поселения. В общей сложности их численность достигла за период 1939—1989 гг. 49, составив 46,2 % общего числа постоянных населенных пунктов, расположенных в городской местности.

Весьма характерным для стадии урбанизационного перехода является распределение сельских поселений региона по динами-

Таблица 10.3

*Динамика численности сельских поселений
в Северном горно-заводском экономическом районе
Свердловской области в 1939—1989 гг. **

Показатели	1939	1956	1970	1979	1989
<i>Всего</i>					
Сельские поселения	881	702	536	265	221
Сельское население, чел.	96 503	78 949	71 507	53 049	41 844
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	109,5	112,5	133,4	200,2	189,3
Средняя плотность расселения, число поселений на 100 кв. км	1,9	1,6	0,9	0,4	0,3
<i>На территории, подчиненной горсовету</i>					
Сельские поселения	131	170	175	78	67
Сельское население, чел.	16 644	13 685	30 689	26 247	20 061
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	127,1	80,5	175,4	336,5	299,4
<i>На территории сельских районов</i>					
Сельские поселения	750	532	361	187	154
Сельское население, чел.	94 839	65 264	40 818	26 802	21 783
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	126,4	122,7	113,1	143,3	141,4

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

ческому типу: 79,8 % населенных пунктов региона демонстрирует отрицательную динамику развития и относятся к 1-му и 3-му типам и только 11,7 % характеризуется положительной тенденцией (2-й и 4-й типы). Такое распределение в целом соответствует средним показателям по области, что позволяет рассматривать Северный горно-заводской район как вполне типичный вариант, характерный для промышленного региона. На его примере можно проследить закономерности урбанизации сельской территории, свойственные промышленно ориентированному редкоочаговому расселению. В частности, здесь наиболее заметны отличия в развитии поселенческой сети сельской и городской местности.

На территории, подчиненной городам, рост сельского населения и расширение сети сельских поселений прослеживается вплоть

до 1970 г., и только потом начинается их сокращение, причем достаточно резкое: наибольший темп снижения наблюдается в период с 1970 по 1979 г., когда численность поселений сократилась более чем в 2 (точнее, в 2,2) раза. В последующий период темпы сокращения поселенческой сети снижаются. В сельской местности сжатие поселенческой сети начинается уже в 1940-е гг., и к 1989 г. численность сельских поселений уменьшилась в 4,9 раза.

Различается и средняя людность поселений в городской и сельской местности. Причем если в 1939 г. эти различия незначительны, то в 1970—1980-е гг. они очень заметны: в городской местности поселения крупнее в среднем почти в 2 раза.

Таким образом, благодаря статистическим данным становится очевидно, что сельские районы и территории, подчиненные городским советам, довольно сильно различаются по своим системным характеристикам. Соответственно можно выделить две модели развития системы сельского расселения — сельскую и индустриальную. Обе модели представляют собой варианты модернизации расселения в зависимости от уровня урбанизации территории.

К сельской местности Северного горно-заводского Урала были отнесены территории Серовского, Верхотурского, Новолялинского районов. В статистические данные за 1939 г. включены также территории Ивдельского района, который в то время был причислен к категории сельских.

Сельская модель урбанизации. Для сельской модели урбанизации расселения, свойственной сельским административным районам севера Свердловской области, характерно преобладание на протяжении всего изучаемого периода мельчайших населенных пунктов с числом жителей не более 50 человек. Их удельный вес составил в 1939 г. 47,9 % (табл. 10.4), а к 1989 г. несколько снизился — до 38,3 %. Напротив, крупные поселения с числом жителей свыше 500 человек встречались достаточно редко, их удельный вес составил в 1939 г. 4,3 %, к 1989 г. он незначительно вырос — до 7,8 %. Таким образом, при общем сокращении поселенческой сети возрастает доля крупных поселений и снижается доля мелких. Это объективная тенденция, в основе которой лежат демографические изменения, происходящие в сельской местности в 1950—1970-е гг.:

Таблица 10.4

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Северного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от численности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	2	94	61	16	25
До 5	76	22	39	20	17
6–10	57	17	28	12	11
11–50	226	119	91	55	31
51–100	143	110	49	23	32
101–200	125	79	34	24	10
201–300	43	19	20	12	15
301–400	28	13	14	6	4
401–500	18	12	5	4	4
501–1 000	17	16	13	12	9
1 001 и более	15	8	6	3	3
Нет сведений	0	23	1	0	3
<i>Всего</i>	<i>750</i>	<i>532</i>	<i>361</i>	<i>187</i>	<i>154</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

миграция, снижение рождаемости. В итоге сельское население северных районов сократилось в 4,4 раза (см. табл. 10.3). Немаловажное значение для укрупнения поселенческой сети имели процессы, присущие сельскому хозяйству в 1970-е гг., — концентрация производства и формирование агропромышленных комплексов.

Свой вклад в разрушение поселенческой сети внесла политика сселения малых деревень. Накладываясь на объективные демографические тенденции, она усугубила ситуацию. Малоаселенным северным территориям требовалась политика, ориентированная на поддержку существующей поселенческой сети, ее благоустройство, развитие транспортных линий. На деле же все происходило иначе. К 1989 г. повсеместно возрастает число населенных пунктов, оставшихся без жителей, сокращается общая численность поселений с населением от 200 до 500 человек, сохраняется высокий удельный вес мелких поселений.

Уменьшению числа сельских поселения на севере Свердловской области в значительной степени способствовала структура экономики сельских районов. Лесозаготовки в большей степени, чем сельское хозяйство, определяли хозяйственную специфику изучаемой территории. Суровые природные условия неизбежно вели к повышению затратности сельскохозяйственного производства, а низкие доходы сельхозпредприятий влияли на уровень благосостояния населения. Ситуацию усугубляло отсутствие развитой транспортной сети.

Как видно из табл. 10.5, значительный удельный вес в структуре расселения сельских районов Северного горно-заводского района имели несельскохозяйственные населенные пункты, связанные с транспортом, лесозаготовительным производством и пр. На про-

Таблица 10.5

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Северного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	357	254	182	101	74
Охотопромысловые, рыболов- ные	0	0	0	0	0
Несельскохозяйственные	389	278	179	86	80
В том числе:					
административные	0	0	0	0	0
промышленные	84	15	29	5	12
транспортные	78	50	38	15	12
лесохозяйственные	224	121	62	49	27
рекреационные	3	4	5	1	2
образовательные	0	0	0	0	0
Другие**	0	0	1	0	1
Нет сведений	4	88	44	16	26
<i>Всего</i>	<i>750</i>	<i>532</i>	<i>361</i>	<i>187</i>	<i>154</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** Воинская часть, учреждение.

тяжении всего изучаемого периода их доля оставалась стабильной и составляла больше половины — 51,9 %. Причем применительно к 1970—1980-м гг. нужно учесть, что их значительная часть перестала регистрироваться, т. е. их реальный удельный вес был еще выше.

По учетным данным общая численность сельскохозяйственных и несельскохозяйственных поселений с 1939 по 1989 г. сократилась в 4,8 раза. Характерно, что в структуре несельскохозяйственных поселений региона преобладали промышленные, транспортные и лесные поселки. Особенно высока была доля лесных поселков: в 1939 г. она составила 57,6 %, а в 1989 г. — 33,8 %. По этим категориям наблюдаются и наиболее высокие темпы сокращения: численность промышленных и транспортных поселений (приисковых, рудничных) сократилась в 7 раз, а лесных — в 8,3 раза.

Для поселенческой структуры сельской местности севера Свердловской области прошлого века присуще сочетание традиционных и урбанизированных черт. Это прослеживается и в соотношении типов поселений (табл. 10.6).

Таблица 10.6

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Северного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от типа поселения**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	117	7	0	0	0
Будка	5	3	0	0	0
Выселок	2	0	0	0	0
Деревня	283	256	176	102	83
Займка, зимовье	2	0	0	0	0
Казарма	0	1	0	0	0
Кордон	9	13	2	0	0
Поселок	285	225	164	69	55
Село	22	19	18	16	16
Хутор	25	8	0	0	0
Другие	0	0	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>750</i>	<i>532</i>	<i>361</i>	<i>187</i>	<i>154</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Традиционные типы — деревня и села сельскохозяйственной направленности — составляют примерно половину поселений. Другая часть поселенческой сети представлена поселками, имеющими промышленную, лесохозяйственную или транспортную специализацию. Таким образом, налицо переходная стадия развития расселения, в которой нашла отражение отраслевая специализация региона, и незавершенность процессов урбанизации сельской местности в силу специфики промышленного освоения территории. В частности, лесные поселки, имеющие временный, моноотраслевой характер, как и приисковые, не способствовали развитию каркаса расселения.

Индустриальная модель урбанизации. Эту модель эволюции системы сельского расселения можно наблюдать на примере сельских территорий, подчиненных городским советам — Ивдельскому, Карпинскому, Краснотурьинскому, Серовскому и Североуральскому.

В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 9 августа 1930 г. «Об организации работы городских советов в связи с ликвидацией округов» города областного подчинения с населением свыше 50 тыс., имеющие крупное промышленное значение и являющиеся культурно-политическими центрами, стали выделяться в самостоятельные административно-территориальные единицы. К ним разрешено было присоединять сельскую территорию в размере одного района¹⁷. Так, в структуре административно-территориального деления страны формируется принципиально новое явление — территории, подчиненные горсоветам (сейчас — муниципальным образованиям). В Свердловской области в 1987 г. насчитывается 21 городской совет, включающий сельскую местность, а также 30 сельских районов, причем 7 из них не имели районных органов власти и управлялись городскими¹⁸.

На севере Свердловской области в течение 1930—1940-х гг. был образован ряд горсоветов, среди которых самым крупным по пло-

¹⁷ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 307. Л. 3.

¹⁸ См.: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987.

пшади стал Ивдельский. Во многом такой подход к вопросам административно-территориального деления был обусловлен спецификой развития данной территории, где города изначально были опорными центрами освоения региона.

Для сельской местности, подчиненной городским советам, в отличие от сельских районов, характерно увеличение численности населения с 16 644 человек в 1939 г. до 30 689 чел. — в 1970 г., а затем незначительное снижение до 20 061 чел. в 1989 г. (см. табл. 10.3). Одновременно с ростом населения вплоть до конца 1960-х гг. идет увеличение числа сельских поселений и только затем наступает стадия концентрации расселения, сопровождающаяся сокращением части населенных пунктов.

За 20 лет с 1970 по 1989 г. число сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности, уменьшилось в 2,6 раза (табл. 10.7).

Таблица 10.7

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Северного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от численности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	0	27	64	2	6
До 5	24	13	13	9	12
6–10	11	5	12	7	4
11–50	33	15	24	14	8
51–100	20	26	17	8	4
101–200	24	12	11	8	6
201–300	6	17	4	6	6
301–400	5	5	8	4	5
401–500	5	4	4	4	3
501–1 000	2	1	9	8	7
1 001 и более	1	5	9	8	5
Нет сведений	0	40	0	0	1
<i>Всего</i>	<i>131</i>	<i>170</i>	<i>175</i>	<i>78</i>	<i>67</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Сокращение было значительно ниже, чем в сельских районах, и в первую очередь затронуло небольшие поселения с населением до 200 человек. В 1939 г. их удельный вес составлял 85,5 %, а в 1989 г. — 50,7 %. Напротив, количество населенных мест с числом жителей более 500 человек существенно выросло, с 3 до 12 поселений, и составило в 1939 г. 2,3 %, а в 1989 г. — 17,9 %. Таким образом, процессы концентрации на этих территориях приобретают более выраженный характер и начинаются несколько позднее, чем в сельских районах. Почему так происходит? Ответ следует искать в особенностях экономики изучаемой территории, в структуре которой основное место занимала горная и металлургическая промышленность.

Промышленная ориентация нашла отражение в группировке сельских населенных мест по хозяйственной деятельности (табл. 10.8).

Сельскохозяйственные поселения занимают незначительное место и составляют в 1939 г. 21,4 %, к 1989 г. число поселений этого профиля сокращается до 3,0 %. Напротив, удельный вес поселений несельскохозяйственного профиля сохраняется очень высоким: в 1939 г. — 78,6 %, в 1989 г. — 73,1 %.

Если численность сельскохозяйственных поселений на протяжении всего изучаемого периода стабильно сокращается, то динамика абсолютных показателей несельскохозяйственных поселений более сложная: до 1950-х г. в целом наблюдается рост показателя, а затем уменьшение числа населенных мест в 2,4 раза. В первую очередь снизилась численность поселков лесхозов и леспромхозов, а также транспортных поселений. Количество промышленных поселений остается достаточно стабильным. В целом, принимая во внимание особенности учета в 1960—1980-х гг., можно сделать вывод, что несельскохозяйственная поселенческая сеть изменилась мало, а сокращение ее носит в значительной степени условный характер.

Сходная картина наблюдается при изучении типологической группировки сельских населенных пунктов, подчиненных горсоветам (табл. 10.9).

К 1970 г. из перечня исчезают железнодорожные бараки и будки, кордоны и казармы. К 1979 г. в числе сельских поселений остается только одна деревня и два села. Абсолютное большинство по-

Таблица 10.8

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Северного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	28	23	23	12	2
Охотопромысловые, рыболов- хозяйственные	Нет св.	8	15	6	10
Несельскохозяйственные	103	117	94	58	49
В том числе:					
административные	0	0	2	0	0
промышленные	26	26	29	7	28
транспортные	17	6	10	7	7
лесохозяйственные	57	83	48	42	7
рекреационные	2	0	2	1	0
образовательные	0	0	0	0	0
Другие**	1	2	3	1	7
Нет сведений	0	22	43	2	6
<i>Всего</i>	<i>131</i>	<i>170</i>	<i>175</i>	<i>78</i>	<i>67</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** В эту категорию вошли спецпоселения и лагерные поселки, поселки геологоразведки.

селений представлено поселками, это прежде всего промышленные, лесохозяйственные поселения и частично отделения совхозов и подсобных хозяйств предприятий. Таким образом, типологическая структура поселений, как и хозяйственная, отражает особенности, свойственные промышленному (индустриальному) расселению. Динамика и характер развития этих территорий непосредственно связаны с теми процессами, которые протекают в промышленности.

Если учесть пространственные характеристики расселения, то в основном все сельские поселения расположены вдоль железнодорожных линий, в непосредственной близости от городов и рабочих поселков, образуя территориально-производственные комплексы. Подобная «очаговая» картина расселения отражает специфику освоения территории и поддерживается центростремительными тенденциями, свойственными агломерационным структурам. В этой

Таблица 10.9

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Северного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от типа**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	34	2	0	0	0
Будка	2	0	0	0	0
Деревня	17	19	17	1	1
Казарма	0	0	1	0	0
Кордон	6	4	0	0	0
Поселок	69	142	153	75	64
Село	0	2	4	2	2
Хутор	3	1	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>131</i>	<i>170</i>	<i>175</i>	<i>78</i>	<i>67</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

модели большую роль играют города и поселки городского типа, которые выступают центрами территориальных образований. Из них формируется каркас локальной системы расселения. В этом случае сельская местность также начинает жить по законам городской среды. Индустриальное расселение отличается достаточно высокой плотностью населения, интеграцией городских и сельских поселений, что неизбежно приводит к постепенному стиранию различий между сельскохозяйственными и несельскохозяйственными поселениями.

Таким образом, в Северном горно-заводском районе Свердловской области мы можем наблюдать два варианта урбанизации сельского расселения — агропромышленный и индустриальный, которые развиваются достаточно изолированно под влиянием природно-климатических и хозяйственных факторов. Обширные территории, маленькая плотность населения, недостаточный уровень развития коммуникаций в значительной степени препятствуют интеграции городской и сельской поселенческой сети, как это можно наблюдать на примере екатеринбургской агломерации. Это катастрофически отражается на сельскохозяйственных поселениях, приводя

к обезлюдению значительных пространств и свертыванию поселенческой сети в сельской местности. Одновременно северные территории дают нам пример бурного развития городской поселенческой сети и формирования на базе городов и рабочих поселков очагов расселения, отвечающих принципам организации индустриального общества.

Центральный горно-заводской район

Центральный горно-заводской район, ядром которого выступает нижнетагильская агломерация, в отличие Северного, имеет более высокий уровень заселенности территории и является старопромышленным районом горно-заводского Урала. Именно отсюда начинается промышленная колонизация края. Как и северные районы, территории Центрального горно-заводского района в XVII — начале XX в. входили в состав Верхотурского уезда, а затем, в 1920-е гг., — в состав Тагильского округа Уральской области.

В соответствии со справочником административно-территориального деления в 1987 г. к Центральному горно-заводскому району были отнесены: Алапаевский, Верхнесалдинский, Невьянский, Пригородный, Шалинский районы и территории, подчиненные городам Алапаевск, Качканар, Кировград, Красноуральск, Кушва, Нижний Тагил, Нижняя Тура. Совокупная площадь Центрального района составила в конце 1980-х гг. 35 810,6 кв. км, т. е. 18,5 % территории области, а население — 1 020 603 человека (21,7 %). Плотность населения в регионе выше среднеобластной, в 1989 г. на 1 кв. км приходилось 28,5 человека.

Природно-климатические условия Центрального горно-заводского Урала чуть мягче, чем в северных районах, хотя в целом также достаточно суровые и неблагоприятные для сельскохозяйственной деятельности. Поверхность неровная, на западном склоне — гористая, сильно пересеченная, характеризуется чередованием кряжей, возвышенностей с выровненными площадками. К востоку рельеф сглаживается и переходит в заболоченную равнину. По западному склону и в центре преобладают каменистые почвы, в юго-восточной части района земли более плодородны: здесь встречаются не толь-

ко суглинки, но и черноземы. Основные реки: Тура с притоками Ис и Выя, Тагил с притоками Мугай и Кыртомка, Нейва, Салда, Тура, Сылта. По территории района протекает также р. Чусовая с притоками Сулем, М. Уткой, Серебрянкой, Сылвицей.

Климат влажный и характеризуется высоким уровнем осадков — 400—600 мм, средняя температура от -1° до $+1^{\circ}$. Все это осложняет развитие сельского хозяйства. В целом оно носит подсобный характер. В сельскохозяйственном отношении район можно отнести к потребляющим, не обеспечивающим свои нужды в полной мере. Наиболее благоприятные условия для развития земледелия имеются в Алапаевском районе, где эта отрасль приобрела серьезное значение. В целом для региона основное направление сельскохозяйственной деятельности связано со скотоводством¹⁹.

Большую роль в экономике района играют лесные богатства, представленные хвойными лесами, что обусловило развитие лесопромышленных отраслей. Но самое главное, что здесь сосредоточены важнейшие месторождения железных (гора Благодать, Алапаевские месторождения) и медных (Богомоловские, Тагильские и др.) руд, платины, каменного угля (Алапаевский район). Благодаря своим ресурсам Центральный горно-заводской регион формировался прежде всего как промышленный. Здесь получило развитие такое производство, как металлургия, машиностроение, золотоплатинодобывающая, деревообрабатывающая, горно-добывающая, целлюлозно-бумажная промышленность.

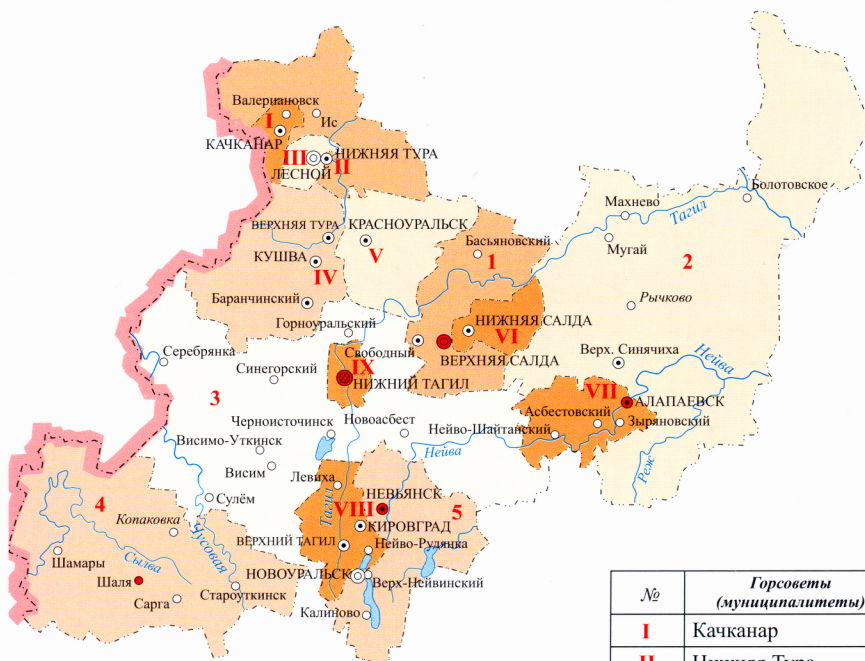
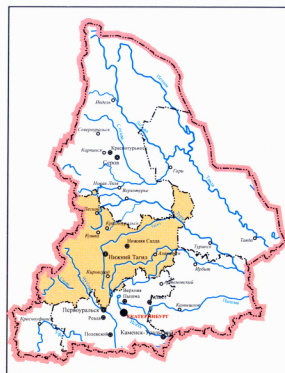
Территория района обеспечена транспортными линиями и имеет развитую сеть железнодорожных путей, связывающих все его крупные промышленные центры с областным городом, а также с европейской частью России и Сибирью.

Освоение этих земель началось еще в XVII в., когда в результате крестьянской колонизации появляются первые поселения — слободы Невьянская (1626), Арамашевская (1631), Мурзинская (1640), Краснопольская (1654), Аятская (1669). Дальнейшее развитие рас-

¹⁹ Описание природно-климатических условий составлено по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. Свердловск, 1928. С. XIV—XXXIII.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОРНО-ЗАВОДСКОЙ РАЙОН

№	Районы
1	Верхнесалдинский
2	Алапаевский
3	Пригородный
4	Шалинский
5	Невьянский

№	Горсоветы (муниципалитеты)
I	Качканар
II	Нижняя Тура
III	Лесной
IV	Кушва
V	Красноуральск
VI	Нижняя Салда
VII	Алапаевск
VIII	Кировград
IX	Нижний Тагил

Масштаб 1 : 2 500 000

селения Центрального горно-заводского района непосредственно связано со строительством в XVIII в. заводов. В 1701 г. дал чугуна первенец уральской металлургии Невьянский завод. С него началось промышленное освоение региона. Наиболее ранней формой пространственной организации промышленного производства было образование заводских кустов. Они сохранились местами и сейчас, обычно в составе сильно разросшегося промышленного узла. Большое распространение получили скопления производственных объектов в виде групп рудников и приисков, чаще всего представляющих собой части более сложного промышленного узла, но иногда — самостоятельные структуры, например Исовский и Тагило-Висимский золотоплатиновые приисковые районы.

Изначально в системе расселения Центрального района большую роль играли заводские центры — Нижнетагильский завод, который по своим масштабам и уровню не уступал городу, Висимо-Шайтанский завод, Алапаевский, Нейво-Шайтанский, Левихинский, Кушвинский металлургические заводы, Верхнетуринский, Верхнетагильский железодельательные заводы, Нижнетуринский, Верхнесалдинский, Нижнесалдинский заводы и др. Вокруг каждого из заводов складывалась система поселений, поддерживающих его деятельность. В районе Нижнего Тагила уже к концу XVIII в. концентрация производства была достаточно высокой. Нижнетагильский завод был не в состоянии обработать весь выплаваемый чугун. Поэтому вокруг него возникли «дочерние» железодельательные заводы. Между главным и дополнительными заводами наладились интенсивные производственные связи, в которых была задействована основная масса населения. Все сельские поселения, приписанные к заводам, были также в большей или меньшей степени ориентированы на производственный процесс. Горно-заводские крестьяне, кроме сельскохозяйственных работ, должны были еще отрабатывать на рудниках, в заводе либо выжигать уголь. Таким образом, уже в дореволюционный период в Центральном горно-заводском районе возникла система населенных пунктов, которая отличалась разветвленными производственными и межселенными связями.

К началу XX в. в регионе сложились объективные предпосылки для урбанизации расселения, в т. ч. наличие значительного числа

поселений, имеющих промышленную ориентацию и отвечающих критериям истинного города. Если в начале века на территории Верхотурского уезда насчитывалось всего два города — Верхотурье и Алапаевск, то уже в 1919 г. статус города получили крупнейшие поселения региона — Невьянск и Нижний Тагил, а в 1926 г. — Кушва. Всплеск градообразования в 1930—1940-е гг. непосредственно связан с активным промышленным строительством, в результате чего шесть бывших заводских центров стали городами (Верхняя Салда, Нижняя Салда, Кировград, Красноуральск, Нижняя Тура, Верхняя Тура). Следующий этап приходится на 1960-е гг., когда еще два поселения были отнесены к городским поселениям — Качканар и Верхний Тагил. В результате в Центральном горно-заводском районе сложилась развернутая сеть городских поселений, включающая девять городов и 30 рабочих поселков (27,7 % городских поселений области). В конце 1980-х гг. доля городского населения достигла 78,5 %, что свидетельствует о завершении урбанизационного перехода. По плотности городской поселенческой сети Центральный район уступает только Южному горно-заводскому району.

Уровень урбанизации территории отразился в создании агломераций, крупнейшей из которых является нижнетагильская, оформившаяся уже в 1950—1960-е гг. По состоянию на 1.01.1967 г. эта агломерация включала 11 городских и 120 сельских поселений, в т. ч. такие города, как Кушва, Красноуральск, Нижняя Салда, Верхняя Салда, рабочие поселки Черноисточинск, Висим, Уралец, Баранчинский, Басьяновский, Большая Лая, Синегорский, сельские поселения Николо-Павловское, Петрокаменское, Покровское и др.²⁰ Особенностью данной агломерации было то, что ее становление было сопряжено с развитием черной металлургии, предопределившей формирование вертикальных и горизонтальных экономических связей в пределах всей системы расселения.

Преобразование системы поселений в агломерацию характеризуется рядом параметров: значительным ростом городского населения,

²⁰ Демидова Г. П. Вопросы развития Нижнетагильской городской агломерации: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1971.

усилением концентрации населения в главном городе, изменением функциональной структуры пригородных населенных пунктов, в частности преобразованием их в агропромышленные поселки, ростом подвижности населения (маятниковая миграция), возникновением зоны загородного расселения, усилением культурно-бытовых связей между ядром агломерации — городом Н. Тагилом — и остальными поселениями. В конце 1960-х гг. все эти процессы дополнились центростремительной тенденцией, связанной с концентрацией населения и промышленности в ядре при замедлении развития периферийных городских поселений и ускорении свертывания сельской поселенческой сети.

Таким образом, применительно к 1930—1980-м гг. все развитие системы расселения в Центральном горно-заводском районе определялось генеральной линией, связанной с агломерированием изучаемой территории. Это нашло отражение в табл. 10.10.

В 1920—1980-е гг. в Центральном горно-заводском районе число городских поселений выросло с 2 до 39 при одновременном сокращении сельских населенных пунктов почти в 3 раза. Для динамики численности сельских поселений региона характерен также всплеск конца 1930-х гг., который тем заметнее, чем шире набор факторов, способствующих образованию новых поселений. В целом за 1930-е гг. поселенческая сеть увеличилась на 33 %. Расхождения в показаниях административного учета с информацией БД за 1939 г. стали отражением отсутствия единой методики учета, а также времени составления списков, но в основном они не противоречат общей тенденции. За последующие 20 лет (1940—1950-е) численность сельских поселений в регионе сократилась в 1,6 раза. Сжатие поселенческой сети продолжилось и в последующие годы, в среднем за 1960—1980-е гг. ежегодно численность сельских населенных пунктов сокращалась на 1,9 %. Этот показатель соответствует средним значениям по РСФСР: по расчетам ЦНИИПЭП-граждансельстроя число сельских населенных пунктов с 1960 по 1975 г. в среднем за год сокращалось на 1,5—2,0 %²¹. Одноре-

²¹ См.: *Беленький В. Р.* Проблема агроиндустриальных поселений: Расселение в районах размещения территориальных аграрно-промышленных комплексов. М., 1979. С. 39.

Таблица 10.10

*Основные статистические характеристики
Центрального горно-заводского экономического района**

Годы	Территория, кв. км	Численность населения, чел.	Число сельских населенных пунктов***	Число городов	Число рабочих поселков
1909 (Верхотурский уезд)	63 519,6	264 627	625	2	—
1928**	35 700,0	310 014	1 102	5	12
1939	35 686,0	586 046	1 327 (1 465)	7	23
1956	35 602,1	972 374	880 (892)	9	35
1970	37 614,9	987 219	618 (613)	9	31
1979	36 150,7	1 001 202	401 (404)	9	29
1989	35 810,6	1 020 603	372 (375)	9	30

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке»; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 3; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 6. Кунгурский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3. Курганский округ. Свердловск, 1928.

** В сводку вошли статистические показатели по Алапаевскому, Висимскому, Кушвинскому, Кыновскому, Махневскому, Нижнетуринскому, Петрокаменскому, Салдинскому, Тагильскому районам Тагильского округа, Шамарскому району Кунгурского округа, Костинскому, Благовещенскому районам Ирбитского округа Уральской области.

*** В скобках приведена численность поселений по материалам БД, без скобок — данные административного учета: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г. Свердловск, 1939; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г. Свердловск, 1956; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1979, 1979, 1989 гг. // Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики.

менно происходит рост средней людности сельских поселений с 187,8 в 1939 г. до 311,5 человек в 1979 г. (табл. 10.11).

В общей сложности в 1930—1980-е гг. в регионе было закрыто 254 постоянных поселения из 521, т. е. 48,7 %. В сельской местности их численность составила 209 (50 %), это преимущественно мелкие сельскохозяйственные поселения, которые стабильно теряли население. Наибольшее количество исчезнувших деревень при-

Таблица 10.11

*Динамика численности сельских поселений
Центрального горно-заводского района в 1939—1989 гг. **

Показатели	1939	1956	1970	1979	1989
<i>Всего</i>					
Сельские поселения	1 465	892	613	406	375
Сельское население, чел.	275 173	179 120	136 734	126 467	106 806
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	187,8	200,8	223,1	311,5	284,8
Средняя плотность расселения, число поселений на 100 кв. км	4,1	5,5	1,6	1,1	1,0
<i>На территории, подчиненной горсовету</i>					
Сельские поселения	317	328	158	74	65
Сельское население, чел.	92 689	59 155	19 314	14 488	11 382
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	292,4	180,4	122,2	195,8	175,1
<i>На территории сельских районов</i>					
Сельские поселения	1 148	564	455	332	310
Сельское население, чел.	182 484	119 965	117 420	111 978	95 424
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	158,9	212,7	258,1	337,3	307,8

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

ходится на 1960—1970-е гг., когда из списков были вычеркнуты 140 населенных пунктов. В течение всего изучаемого периода в перечень закрытых поселений наряду с мелкими попадали средние и крупные населенные пункты. Так, например, в 1970-е гг. их удельный вес составил 12,5 %, а в 1980-е — 21,6 %. Часть их относилась к категории несельскохозяйственных, но были и сельскохозяйственные поселения, угодившие под сселение. Любопытно, что среди закрытых поселений в 1950—1980-е гг. от 5 до 9 % составляли растущие населенные пункты, т. е. имеющие положительную динамику людности.

Городская местность также понесла определенные потери: здесь под закрытие попало 45 (43,7 %) постоянных сельских поселения из 103. В основном это мелкие промышленные и сельскохозяйственные поселки, большая часть которых относится к 1-му типу

динамики. Одни были поглощены городами, другие потеряли перспективы в связи с укрупнением и концентрацией промышленного производства.

Таким образом, анализ динамики свертывания сельской поселенческой сети Центрального горно-заводского района, дополненный характеристикой закрытых населенных пунктов, позволяет судить о достаточно активной перестройке поселенческой сети. Она затронула прежде всего сельскую местность и проявилась в росте концентрации расселения и создании урбанизированных территорий в зоне влияния крупных городов. Характерно, что Центральный район имеет один из наиболее высоких показателей удельного веса сельских поселений, развитие которых соответствует 1-му типу динамики (линейный отрицательный), — 67,2 %, это симптом урбанизационного перехода расселения в новую стадию. Доля населенных пунктов, демонстрирующих положительную динамику, невелика: всего 11,9 %. По данному параметру расселение Центрального района соотносится с Северным и значительно ниже, чем на южных сельскохозяйственных и горно-заводских территориях. Неблагоприятные природно-климатические условия региона ограничивают перспективы роста сельскохозяйственных поселений и способствуют более интенсивной интеграции сельской поселенческой сети в промышленное пространство, что на завершающей стадии урбанизационного перехода усиливает тенденции, связанные с сокращением и укрупнением поселенческой сети.

Интересную динамику имеет показатель численности населения региона. Вплоть до 1956 г. он растет, увеличившись почти в 3 раза в сравнении с 1928 г., а затем темпы роста населения начинают падать, причем достаточно резко. С 1956 по 1989 г. население выросло всего на 5 %. Снижение темпов роста численности жителей региона является признаком перехода в новую стадию урбанизации, связанную с развитием интегрированных форм расселения — агломераций. Происходит сокращение сельского населения в результате падения рождаемости и роста миграционного оттока. В общей сложности сельское население Центрального района с 1956 по 1989 г. сократилось в 1,7 раза (см. табл. 10.11). Причем значительную часть его оттягивали на себя города не только Центральной зоны, но и расположенной рядом более мощной свердловской

агломерации. Другим фактором снижения темпов роста становится стагнация и замедление развития малых городов региона, таких как Верхний Тагил, Верхняя Тура, Красноуральск, Кушва, Невьянск. Нижняя Салда. Они попадают в категорию депрессивных в эти годы и начинают терять население. В некоторых из них потери достигают значительного уровня. Так, например, в Верхней Туре за 1959—1989 гг. население сократилось на 32 %²². Основная причина снижения числа их жителей — это миграция в более крупные, благоустроенные и динамично развивающиеся центры Свердловской области — Свердловск, Нижний Тагил. Свою роль сыграла межобластная миграция. В частности, в этот период Свердловская область выполняет функции донора по отношению к северным территориям и центральным районам России.

Рассмотрим подробнее развитие сельского расселения в Центральном горно-заводском районе в 1930—1980-е гг. (см. табл. 10.11). Расхождение между городской и сельской местностью здесь не так заметно, как в Северной зоне, но тоже присутствует. В сельских районах численность сельских поселений в 1940—1980-е гг. стабильно уменьшается. Причем наибольшее сокращение приходится на 1940—1950-е гг. (в 2 раза). В последующие 30 лет в среднем ежегодно поселенческая сеть региона теряла 1,5 % поселений.

В городской местности рост численности сельских населенных мест продолжается до конца 1950-х гг., лишь затем набирают темпы процессы концентрации расселения, которые протекают более стремительно, чем в сельской местности. В зоне влияния городов численность сельских поселений сократилась в целом в 5 раз, т. е. в среднем уменьшалась на 2,6 % в год. Одной из причин такой убыли было снятие с учета поселений в связи с включением их в черту городов или рабочих поселков. Процедура вполне типичная в условиях расширения городских образований. Но более значимой причиной все же является изменение методов учета. Судя по количеству закрытых поселений, удельный вес которых составил 43,7 % от общего числа постоянных поселений, расположенных в городской

²² См.: Баканов С. А. Депрессивные города Урала в 1960—1980-е гг.: Анализ социально-экономических факторов. Челябинск, 2005. С. 44.

местности, основная нагрузка в общей картине сокращения падает на временные и ведомственные населенные пункты.

Для городской местности характерны более высокие темпы снижения численности сельского населения — почти в 8 раз по сравнению с 1939 г. Такие потери были связаны не только с сокращением числа сельских поселений, но и их измельчением: средняя людность уменьшилась в 1,7 раза. В сельской местности и убыль населения были меньше, и средняя людность выше, причем в изучаемый период она возрастает почти в 2 раза, что позволяет сделать вывод о внутренней перестройке сельской местности и переходе ее из преимущественно мелкоселенной в среднеселенную.

Более подробно структуру поселенческой сети сельской местности освещает табл. 10.12.

Если в 1939 г. деревни с населением до 100 человек составляли подавляющее большинство (65,4 %), причем чаще всего встречались

Таблица 10.12

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Центрального горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от численности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	0	128	82	10	23
До 5	177	20	30	9	23
6–10	109	12	16	10	16
11–50	313	74	60	49	49
51–100	152	66	39	53	41
101–200	146	99	62	63	42
201–300	90	38	49	37	34
301–400	46	41	24	20	15
401–500	29	21	22	11	11
501–1000	53	46	48	44	29
1001 и более	32	19	21	24	26
Нет сведений	1	64	2	2	1
<i>Всего</i>	<i>1148</i>	<i>564</i>	<i>455</i>	<i>332</i>	<i>310</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

населенные пункты с населением от 11 до 50 человек, то в 1989 г. удельный вес мелких поселений снизился до 41,6 %, средние по людности поселения (от 200 до 500 человек) составили почти 1/3, а доля крупных выросла до 17,7 %. Таким образом, происходит качественная перестройка поселенческой структуры сельской местности Центрального района и переход ее в более укрупненную категорию — среднеселенную. Укрупнение поселений осуществлялось разными путями, прежде всего за счет сселения малых деревень на центральные усадьбы совхозов в 1970-е гг. Этот вариант часто встречается в Алапаевском районе — наиболее сельском. Другой путь связан с развитием в эти годы агропромышленной интеграции — одного из направлений интенсификации сельского хозяйства. В 1970-е гг. в регионе идет строительство животноводческих комплексов: в частности, в совхозе Горноуральский Пригородного района был введен в эксплуатацию крупнейший в области свиноводческий комплекс, придавший новые перспективы развитию территории.

Как и в других горно-заводских районах области, значительный удельный вес в структуре расселения сельской местности имеют несельскохозяйственные поселения (в 1939 г. — 41,5 %, в 1989 г. — 30,6 %) — промышленные (рудничные и приисковые), транспортные и лесные поселения, так или иначе связанные с экономической специализацией региона (табл. 10.13).

Особенно заметны пульсирующие колебания численности промышленных поселений, функционирование которых зависит от объемов добычи ресурсов и их запаса. Так, например, поселки Снежное, Георгиевский, Боковое (г. Нижняя Тура) в 1965 г. были снесены в связи с тем, что поселения попали в полосу горного отвода. В 1963 г. там же был исключен из списков поселок Калутинский, в котором располагалась геологоразведка, а по окончании работ поселок был ликвидирован.

Причины сокращения численности лесных и транспортных поселений уже неоднократно рассматривались, и здесь мы наблюдаем подобную картину. Следует отметить, что лесопромышленная отрасль на протяжении всего изучаемого периода играла в хозяйственной структуре региона значительную роль, что отразилось на представительности этих поселений, удельный вес только по-

Таблица 10.13

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Центрального горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	672	332	263	223	191
Охотопромысловые, рыболов- хозяйственные	0	2	0	1	0
Несельскохозяйственные	476	169	125	98	95
В том числе:					
административные	4	3	0	0	0
агропромышленные	0	0	0	0	1
промышленные	74	18	37	17	35
транспортные	179	58	45	27	26
лесохозяйственные	209	86	32	49	29
рекреационные	9	4	10	5	4
образовательные	0	0	0	0	0
геологоразведочные	0	0	1	0	0
Другие**	1	0	0	0	0
Нет сведений	0	61	67	10	24
<i>Всего</i>	<i>1 148</i>	<i>564</i>	<i>455</i>	<i>332</i>	<i>310</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** Учреждения, спецпоселки.

стоянных поселков достигает в 1989 г. 9,4 %. В общей сложности численность несельскохозяйственных поселений сократилась за изучаемый период в 5 раз.

Больше половины поселений в сельской местности региона относятся к сельскохозяйственным. Они составили в 1939 г. 58,5 %, а в 1989 г. их удельный вес несколько увеличился — до 61,6 %. В послевоенный период число сельскохозяйственных поселений снизилось в 3,5 раза, т. е. темпы вроде бы и ниже, чем у несельскохозяйственных поселений, но в абсолютных величинах они пострадали больше, 481 поселение исчезло из списков за счет слияний, сселения или естественных причин потери населения. Особенно

сильно это отразилось на состоянии поселенческой сети Алапаевского района, где только в 1974 г. было исключено 14 поселений, в т. ч. деревня Калганова, известная с 1834 г., деревни Луговая, Мезень, Новосеверная, Норицына, Орехова, Подкорытова, Фексина, Юдина и др. Все они были сняты с учета «в связи с выбытием населения на центральную усадьбу», т. е. сселения²³.

Анализ типологической структуры поселенческой сети сельской местности региона свидетельствует о сохранении аграрного характера расселения (табл. 10.14). Чаще всего в перечне встречаются традиционные варианты наименований — деревни, села, хутора. В 1989 г. села и деревни составили 63,9 % поселений, причем обращает на себя внимание достаточно представительная группа сел, включающая 63 населенных пункта. Высокий удельный вес такой категории поселений в структуре расселения свидетельствует о ее качественных характеристиках.

Таблица 10.14

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Центрального горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от типа**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	214	8	0	0	0
Будка	99	13	7	0	0
Выселок	26	10	0	0	0
Деревня	390	267	207	149	135
Казарма	0	0	0	0	0
Кордон	21	15	0	0	0
Поселок	189	197	180	120	112
Село	56	47	57	63	63
Хутор	153	6	4	0	0
Другие	0	1	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>1148</i>	<i>564</i>	<i>455</i>	<i>332</i>	<i>310</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

²³ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1989.

Селами обозначали обычно наиболее крупные сельскохозяйственные поселения, выполняющие функции центра для окружающих поселений. Многие из них по числу жителей превышали 1 тыс. человек и более. Так, например, недалеко от г. Нижнего Тагила расположено крупнейшее село региона — Николо-Павловское, возникшее в 1833 г., численность его жителей в 1989 г. составила 5 674 человека. К крупным поселениям относится село Арамашево Алапаевского района, где в конце 1980-х гг. проживало более 900 человек. Интересна история села Серебрянка Пригородного района. Его возникновение было связано со строительством железодельательного завода в 1755 г. В начале XIX в. здесь открывается якорная фабрика, село быстро растет, принимая на себя функции административного центра округа. Однако к концу XIX в. завод начал хиреть, и в 1920-х гг. его окончательно закрыли. Началась сельская страница истории села. В годы коллективизации здесь был создан колхоз, позднее переданный в состав Чусовского совхоза. И так бы село потихоньку умирало, если бы не создание в 1957 г. леспромхоза, вошедшего в состав «Тагиллеса». В Серебрянке началось строительство, увеличилось число жителей. В 1989 г. здесь проживало 1 473 человека.

Села, как правило, относятся к устойчивым и динамично развивающимся вариантам поселений, но не все. Значительная часть сел в послевоенный период теряет население и только названием отличается от обычной деревни. Таковы села Кайгородское, Балакино, Елизаветинское и мн. др.

Таким образом, для сельской местности Центрального горно-заводского района свойственно заметное сокращение сельской поселенческой сети при одновременном ее укрупнении, что позволяет говорить о качественной перестройке структуры расселения в соответствии с критериями индустриального общества. Темпы сжатия не превышают среднереспубликанских показателей. В этих условиях сельское расселение сохраняет свой основной каркас.

Структура расселения в городской местности Центрального горно-заводского района в 1930-е гг. в целом не отличается от сельской территории. Здесь также велика доля мелких поселений: в 1939 г. населенные пункты с числом жителей до 100 человек составили

66,2 %, модальное значение тоже сходно — от 11 до 50 человек (табл. 10.15). Таким образом, и городская, и сельская территории имели одинаковые стартовые позиции, но их развитие в условиях урбанизации пошло в разных направлениях. В 1989 г. удельный вес мелких поселений немного падает — до 60 %. Одновременно происходит снижение удельного веса крупных поселений с числом жителей более 500 человек: в 1939 г. их удельный вес составил 13,9 %, а в 1989 г. снизился до 9,2 %. Следовательно, поселенческая сеть в городской местности, в отличие от сельской, сохраняет преимущественно мелкоселенный характер.

Населенные пункты, расположенные в зоне влияния городов и рабочих поселков, особенно в условиях усиления центростремительных тенденций, попадают в особенно тяжелую ситуацию, теряя население. Здесь плохо развивается инфраструктура, т. к. соседство с городом позволяет реализовать социальные и культурно-

Таблица 10.15

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Центрального горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от численности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	1	27	47	4	5
До 5	60	69	8	6	11
6–10	43	21	12	6	3
11–50	78	31	30	15	16
51–100	28	30	10	13	9
101–200	31	24	17	11	8
201–300	13	22	17	5	2
301–400	10	14	6	2	2
401–500	9	6	2	2	2
501–1 000	21	14	8	6	2
1 001 и более	23	11	1	4	4
Нет сведений	0	59	0	0	1
<i>Всего</i>	<i>317</i>	<i>328</i>	<i>158</i>	<i>74</i>	<i>65</i>

* Составлено по материалам БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

бытовые потребности населения. Далеко не всегда решены вопросы с обеспечением работой. Все это усиливает миграционные настроения, особенно среди молодежи.

Большая часть сельских поселений, расположенных в городской местности, относится к несельскохозяйственным (табл. 10.16). Их удельный вес составлял в 1939 г. 79,8 %, а к 1989 г. снизился до 58,5 %. Но это снижение нужно воспринимать условно, т. к. оно происходило в первую очередь за счет сокращения численности транспортных и лесных поселений, значительная часть которых перестает регистрироваться. С 1939 г. сильно уменьшилось число промышленных населенных пунктов, расположенных в зоне непосредственного влияния городов (со 104 до 17). Причем уже к 1956 г.

Таблица 10.16

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Центрального горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	64	119	43	32	27
Охотопромысловые, рыбохозяйственные	0	0	0	0	0
Несельскохозяйственные	253	209	115	42	38
В том числе:					
административные	0	0	0	0	0
промышленные	104	50	21	13	17
транспортные	71	67	40	13	7
лесохозяйственные	65	59	23	9	3
рекреационные	11	5	6	3	3
образовательные	0	0	0	0	0
геологоразведочные	0	0	0	0	1
Другие**	2	1	0	0	1
Нет сведений	0	27	25	4	6
<i>Всего</i>	<i>317</i>	<i>328</i>	<i>158</i>	<i>74</i>	<i>65</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** Учреждения, спецпоселки.

их численность сокращается почти в 2 раза. Как правило, это связано с включением в городскую черту тех поселков, которые в 1930-е гг. закладывались при строительстве новых предприятий и учитывались самостоятельно.

Все указанные выше моменты обусловили очень резкое сокращение численности несельскохозяйственных поселений в 1930—1980-е гг. — в 6,6 раза.

Сельскохозяйственные поселения, напротив, демонстрируют более мягкую нелинейную динамику. До 1956 г. их численность растет и начинает снижаться только в 1960—1980-е гг., по сравнению с 1939 г. в 1989 г. их число сократилось на 57,8 %, а в сравнении с 1956 г. — на 77,3 %. Таким образом, и в абсолютных, и в относительных величинах убыль сельскохозяйственных поселений меньше. Скорее всего это связано с созданием и развитием пригородного хозяйства. Практически все промышленные предприятия создают в военные и послевоенные годы вокруг городов свои подсобные хозяйства. В 1960-е гг. активно развивается направление, связанное с формированием системы специализированных пригородных совхозов: овощеводческие, картофелеводческие хозяйства, птицефабрики и пр. Так осуществляется интеграция сельскохозяйственных поселений в урбанизированную зону. В отличие от промышленных поселков, в сельскохозяйственных развивается инфраструктура, ведется жилищное и культурно-бытовое строительство. Роль пригородных совхозов особенно возрастает в 1970—1980-е гг., с принятием продовольственной программы. В этих условиях стимул к развитию получают не только центральные (усадыбы совхозов), но и периферийные (отделения) населенные пункты, что прослеживается в судьбе многих пригородных поселений.

Типологическая структура сельских поселений, расположенных в городской местности, также свидетельствует о формировании индустриального варианта расселения, где численно преобладают поселки. В 1939 г. их удельный вес составляет 53,0 %, а вместе с бараками, будками и казармами — 88 %. В 1989 г. их доля несколько снижается (до 80,0 %) (табл. 10.17). Вместе с тем именно эти типы поселений пострадали наиболее сильно в результате сжатия сельской поселенческой сети.

Таблица 10.17

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Центрального горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от типа поселений**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	73	1	0	0	0
Будка	36	29	5	0	0
Выселок	5	1	0	0	0
Деревня	12	57	16	13	12
Казарма	2	0	1	0	0
Кордон	11	13	0	0	0
Поселок	168	208	134	60	52
Село	6	17	2	1	1
Хутор	3	2	0	0	0
Другие	1	0	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>317</i>	<i>328</i>	<i>158</i>	<i>74</i>	<i>65</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX век».

В отличие от них деревни в целом сохранили свое представительство. Хотя наблюдается заметное колебание численности деревенских поселений. К 1956 г. их количество резко возрастает, а затем снова сокращается до уровня 1939 г. Села, напротив, практически исчезли из структуры расселения пригородных зон, к 1989 г. в городской местности региона зафиксировано только одно село. Некоторые из них были преобразованы в рабочие поселки. Как, например, село Махнево, получившее новый статус в 1968 г. Другие вошли в черту городов. Таким образом, на протяжении изучаемого периода идет упрощение типологической структуры поселений в городской местности, которая представлена в основном поселками и деревнями.

Анализируя развитие поселенческой сети в Центральном горно-заводском районе, следует отметить, что динамика и направление перестройки поселенческой сети определяются комплексом влияний. В некотором смысле данный регион можно рассматривать как эталон урбанизации сельского расселения, где сочетается

влияние аграрной и промышленной среды. Несмотря на то, что сельское хозяйство в этом регионе играет вспомогательную роль, тем не менее оно занимает определенное место в отраслевой структуре региона, и тенденции его развития сказываются на расселении. В сельской местности влияние факторов, связанных с эволюцией сельского хозяйства, заметнее, в городской вся динамика определяется в первую очередь развитием промышленности, особенно горно-добывающей, и уже во вторую очередь — сельскохозяйственной практикой. Дополнительную нагрузку на динамику расселения дает уровень урбанизации территории, переживающей стадию агломерирования.

В этих условиях прилегающие к городам территории в большей степени испытывают на себе центростремительные тенденции, вызывающие измельчание и сжатие поселенческой сети. В сельской местности, напротив, происходят стадийные подвижки, приведшие к заметной перестройке и укрупнению поселенческой сети с сохранением каркаса сельского расселения.

Влияние нижнетагильской агломерации на систему расселения связано не только с созданием новых промышленных узлов. Это не просто сумма промышленных и сельскохозяйственных поселений. Она представляет собой качественно новое территориально-функциональное образование городских и сельских поселений, в рамках которого населенные пункты становятся органической частью региональной структуры, придавая ей новое качество. Особенности урбанизации этой территории определяются еще одним моментом — влиянием соседней, свердловской, агломерации, более мощной и динамично развивающейся, оттягивающей на себя людские ресурсы региона.

Южный горно-заводской район

Наиболее урбанизированным и экономически мощным регионом Свердловской области выступает Южный горно-заводской район. По площади он уступает другим территориям области, но по плотности населения является наиболее заселенным. В 1987 г. совокупная площадь Южного района составила 24 124,5 кв. км, на-

селение — 2 825 572 человека, т. е. на 12,5 % территории области было сосредоточено 55,3 % жителей²⁴. В его состав вошли Артемовский, Белоярский, Каменский, Нижнесергинский, Режевской и Сысертский административные районы, а также территории, подчиненные городам Асбесту, Березовскому, Верхней Пышме, Первоуральску, Полевскому, Ревде, Свердловску, Каменску-Уральскому.

Территория Южного района расположилась по обоим склонам Уральского хребта в наиболее пониженной его части. На западе поверхность неровная, гористая с каменистыми почвами. Восточная часть — равнинная, с более плодородными подзолистыми землями и черноземами суглинистого и супесчаного характера. Климат более благоприятный, чем в окружающих районах — более холодных северных и засушливых юго-восточных. Среднегодовая температура достигает +2° при достаточном количестве атмосферных осадков (375—500 мм).

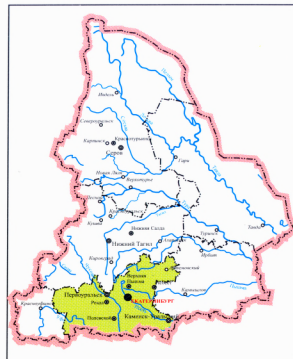
Территория района отличается исключительным разнообразием полезных ископаемых, основными из которых являются мощные залежи медных и сернистых руд, асбеста, хрома, поделочных и драгоценных камней. В регионе имеются месторождения золота, железной руды, угля, цинка и т. д. Большую роль в экономике играют торфяники и лесные ресурсы края. В целом, Южный горно-заводской район имеет ярко выраженный промышленный характер, сосредоточивая на своей территории не только добывающие, но и перерабатывающие отрасли: машиностроение, химическую промышленность, а также мощный энергетический комплекс. Немаловажное значение имеет легкая и пищевая промышленность. Развитие экономики региона обеспечивается не только наличием природных ресурсов, но и выгодным географическим положением, высоким уровнем заселенности территории, а также транспортными возможностями.

Помимо промышленности большую роль в экономике играет сельское хозяйство, в рамках которого получили развитие и земледелие, и животноводство. Хотя в целом они обеспечивают потреб-

²⁴ Подсчитано по: Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.

ЮЖНЫЙ ГОРНО-ЗАВОДСКОЙ РАЙОН

№	Районы
1	Артемовский
2	Режевской
3	Белоярский
4	Сысертский
5	Каменск-Уральский
6	Нижне-Сергинский

№	Горсоветы (муниципалитеты)
I	Артемовский
II	Асбест
III	Березовский
IV	Верхняя Пышма
V	Первоуральск
VI	Ревда
VII	Полевской
VIII	Екатеринбург
IX	Каменск-Уральский

Масштаб 1 : 2 500 000

ности населения только на 50—75 %, и в этом отношении район можно отнести к потребляющим²⁵.

До революции территории Южного района входили в состав Екатеринбургского уезда, образованного в структуре Пермской губернии в ходе губернской реформы 1797 г. К этому времени уже сложилась достаточно плотная поселенческая сеть. До начала русской колонизации эти земли были заселены башкирами. В XVII в. в междуречье Чусовой и Исети появляются русские переселенцы — выходцы из северо-восточных областей Европейской России и северных территорий Урала, колонизация которых началась раньше.

В 1675—1676 гг. выходцем из крестьян дер. Тарасовой на Каме Михайло Сарапульцевым была образована Арамильская слобода²⁶. В 1680 г. в 13,5 верстах от Арамили создается первое поселение на реке Чусовой — деревня Чусовская, а по реке Уктус — деревни Уктусская, Фомина, Зыкова. В 1686 г. на реке Пышме с согласия верхотурских воевод основывается Белоярская слобода. В ней в 1695—1699 гг. были построены острог-крепость и таможня²⁷. В 1689 г. к юго-востоку от Арамильской слободы появляется еще одна слобода — Багаряцкая, к югу — деревня Щелкун, которая становится крайним южным пунктом русских поселений. В 1695 г. на реке Сысерти возникают деревни Токарева, Ольховка, Кадникова, Усть-Каменка (позже названная Кашиной). На реке Арамилке — деревни Седельникова, Бородулина и др. Эти поселения стали форпостами российской государственности и опорными пунктами защиты от набегов башкир.

Одновременно здесь закладываются предпосылки для создания мощного промышленного центра, т. к. наряду с сельским хозяйством население занималось промыслами, металлургией, используя рудные ресурсы края. Уже в 1680 г. арамильцы торговали железом в Верхотурье и других местах²⁸.

²⁵ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ. Свердловск, 1928. С. XIII—XXXV.

²⁶ См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 26.

²⁷ См.: К истории Белоярского района. Белоярский, 1988. С. 3.

²⁸ См.: Чуманов А. и др. Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2001. С. 10.

Местные богатства не остались без внимания властей. В 1700 г. на р. Нейва и р. Каменка началось строительство первых казенных заводов — Невьянского и Каменского. В 1702—1705 гг. на р. Уктус возводится Уктусский завод, основной продукцией которого стали чугун, железо, а также железоделательное производство (котлы, инструменты, гвозди, ядра, картечь и т. п.)²⁹. С этих предприятий начинается индустриальное развитие региона.

Таким образом, в южных районах объединились два направления колонизации — крестьянское и промышленное. Они разворачиваются практически одновременно, взаимодействуя и дополняя друг друга. В результате поселенческая сеть Южного горно-заводского района формируются как агломерат, в рамках которого осуществляется тесное взаимодействие горно-заводских центров и аграрной среды. Причем аграрное расселение можно рассматривать как первооснову поселенческой сети, которая учитывалась при создании заводских центров, но впоследствии трансформация расселения происходит под влиянием уже промышленных факторов. Уральская промышленность «выросла» из крестьянской среды, а крестьянство, в свою очередь, было интегрировано в горно-металлургическое производство³⁰. Нужно учесть также, что заселение южных территорий проходило в условиях постоянной внешней опасности, что способствовало очаговому характеру расселения под прикрытием укрепленных мест.

Строительство заводов непосредственно повлияло на расширение сельской поселенческой сети. К 1707 г. Арамильская слобода уже насчитывает 24 населенных пункта. В 1718 г. начал разрабатываться знаменитый Гумешевский рудник, известный по сказам П. Бажова, и в округе строится ряд деревень — Курган, Косой Брод, Раскуиха, Красная Гора. Они были созданы по распоряжению В. Татищева как оборонные пункты для защиты Уктусского завода и других поселений. Впоследствии эти деревни неоднократно подвергались разорению от набегов башкир, и часть из них была перенесена на другое место.

²⁹ См.: Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 542.

³⁰ См.: Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда России: Взаимодействия и противоречия. М., 2000. С. 75.

К 1723 г. было завершено строительство оборонной линии — Екатеринбургской, Горнощитской, Кособродской и Полевской крепостей, которые обеспечили более стабильную и спокойную жизнь населения округа и условия для дальнейшего промышленного строительства.

В последующие годы на землях Арамилской слободы начинается промышленный бум, возводятся заводы, принесшие известность краю: Елизаветинский железоделательный, Верх-Исетский, Екатеринбургский, Сысертский, Северский³¹. В 1724—1727 гг. на берегу р. Полевой был построен Полевской медеплавильный завод. Так начинается формирование горно-заводских гнезд, определивших специфику дальнейшего заселения края. К 1730 г. на Урале действовало около трех десятков металлургических предприятий, из них примерно половина — частных. К 1750 г. количество казенных металлургических мануфактур выросло до 27³². Причем строились не только заводы, но и рудники, дороги, поселки, создавались дополнительные производства, т. е. вся необходимая для функционирования горно-промышленных предприятий инфраструктура. Крестьянские поселения были включены в эту систему, развиваясь в соответствии с ней. Любопытно, что под влиянием промышленного сектора происходит перестройка структуры сельского хозяйства: в частности, основной отраслью сельскохозяйственного производства в горно-заводских округах становится животноводство³³.

Так происходит формирование горно-заводского расселения, сложившегося на Урале в XVIII в. И хотя оно отличалось по своим параметрам от земледельческих типов расселения, но развивалось по законам, свойственным традиционной аграрной стадии. Это еще не вариант индустриального расселения: характер взаимодействия с городской сетью, демографические процессы и даже традиции закладки и обустройства поселений соответствуют условиям аграрного общества.

³¹ См.: Чуманов А. и др. Малахитовая провинция. С. 59.

³² См.: Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда России... С. 12, 15.

³³ См.: Там же. С. 87.

К 1795 г. в Екатеринбургском уезде проживало 52 342 человека, преимущественно русские. Башкиры, вторая по численности национальность, насчитывали 3 142 человека. В уезде в конце XVIII в. отмечено 348 поселений³⁴, а в 1857 г. — 313³⁵.

В 1908 г. Екатеринбургский уезд занимал площадь 24 078 кв. верст с населением 417 017 человек, среди которого по-прежнему преобладали русские, их удельный вес составил 96,9 %, башкир — 2,2 % (9 327 человек) и мещеряков — 0,8 % (3 544 человека)³⁶. В составе уезда насчитывалось 340 поселений. Отсутствие очевидной динамики расселения в Екатеринбургском уезде на протяжении XIX в. свидетельствует о создании равномерной и устойчивой поселенческой сети, характерной для региона, где заселение и освоение территорий завершено. В этих условиях дальнейшее развитие расселения будет определяться уже не законами аграрного заселения, а его индустриальной трансформацией.

Распределение сельских поселений по количеству дворов позволяет охарактеризовать поселенческую сеть уезда как преимущественно среднеселенную. Малые поселения с числом дворов до 30 составили 12,6 %, средние — от 30 до 300 дворов — 71,2 %, т. е. безусловно преобладают. Крупные населенные пункты (свыше 300 дворов) имеют также достаточно высокий удельный вес — 16,2 % (табл. 10.18). Характерна и типологическая структура расселения: на территории уезда отмечено 29 заводов (самый высокий показатель по всем уездам Пермской губернии), 75 сел, 223 деревни и всего 13 поселков и выселков³⁷, что также свидетельствует об устойчивости сложившейся поселенческой сети, где число новообразований (поселков и выселков) очень незначительно.

В 1918 г. на месте нескольких уездов Пермской губернии — Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Красноуфимского,

³⁴ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала... С. 74, 100, 102.

³⁵ См.: Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73.

³⁶ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 4, 22.

³⁷ См.: Там же С. 15.

Таблица 10.18

*Численности сельских населенных мест Екатеринбургского уезда
в 1909 г. в зависимости от людности**

Число дворов на одно селение	Число селений
До 5	3
6–10	7
11–20	15
21–30	18
31–50	45
51–100	72
101–200	88
201–300	37
301–400	18
401–500	10
501 и свыше	27
<i>Всего</i>	<i>340</i>

* Источник: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 16.

Камышловского, Шадринского — была образована Екатеринбургская губерния, просуществовавшая до 1923 г. А затем, после проведения реформы экономического районирования и создания Уральской области, земли бывшего Екатеринбургского уезда вошли в состав Свердловского округа, и он практически полностью, за некоторым исключением, соотносится с территорией Южного горно-заводского района.

В 1928 г. плотность населения на территории районов, относящихся к Южной горно-заводской зоне, вместе с г. Свердловском составила 17,1 чел./кв. км. А плотность расселения — 4,2 населенных пункта на 100 кв. км (табл. 10.19). Поселенческая сеть к этому времени насчитывала 1 088 поселений при средней людности 170 человек³⁸.

³⁸ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ. С. XII.

Таблица 10.19

*Основные статистические характеристики
Южного горно-заводского экономического района**

Годы	Территория, кв. км	Численность населения, чел.	Число сельских населенных пунктов****	Число городов	Число рабочих поселков
1909 (Екатеринбургский уезд)**	27 403,2	417 017	340	1	—
1928***	25 800,0	422 197	1 088	1	10
1939	23 963,0	1 037 337	1 239 (1 269)	8	23
1956	21 165,8	1 766 771	760 (801)	12	25
1970	24 109,7	2 134 387	487 (603)	14	32
1979	24 109,7	2 375 641	403 (404)	14	33
1989	24 124,5	2 603 372	370 (371)	14	33

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке»; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии». С. 4; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 16. Шадринский округ. Свердловск, 1928; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

** Сведения по Екатеринбургскому уезду приведены по: Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 73; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии». С. 14.

*** В сводку вошли статистические показатели следующих районов Уральской области: Свердловский округ — Арамилский, Баженовский, Березовский, Бисертский, Егоршинский, Михайловский, Первоуральский, Полевской, Режевской, Сергинский, Староуткинский, Сысертский районы; Шадринский округ — Каменский и Покровский районы.

**** В скобках приведена численность поселений по материалам БД, без скобок — данные административного учета: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.

При оценке динамики расселения за период 1909—1928 гг. следует иметь в виду территориальную несопоставимость приведенных показателей. Однако даже с учетом этого фактора очевидны значительные перемены, произошедшие в поселенческой сети. С одной стороны, мы наблюдаем значительный рост числа населенных мест — в несколько раз, а с другой стороны — их измельчение. Средний показатель людности отражает повышение удель-

ного веса мелких селений, что было несвойственно поселенческой сети Екатеринбургского уезда в начале века.

Наблюдаемые изменения стали результатом влияния целого комплекса факторов. Нельзя сбрасывать со счетов воздействие событий Гражданской войны, которая прокатилась по этим территориям, внося деструктивные перемены. Экономический кризис, охвативший старопромышленный Урал в начале XX в. и в 1920-е гг., также имел свои последствия, связанные с приостановкой и закрытием многих заводов и оттоком населения из заводских поселений в сельскую местность. Впоследствии промышленный спад сменился активным возрождением экономики региона. Открываются новые прииски, рудники, расширяются торфоразработки и лесозаготовки, что приводит к массовому появлению профильных поселений. Так, например, в Березовском районе в 1925—1926 гг. появляются Балтымский кордон, Барак «377-й квартал», Верхотурский кордон, колхоз «Латвия», колхоз «Пчеловод» и еще десятки аналогичных поселений³⁹. На территории Ревдинского поселкового совета (Первоуральский район) в 1920—1921 гг. зарегистрировано пять новых железнодорожных поселений — будок, казарм и полуказарм, в Новоуткинском сельсовете — лесной завод «Прогресс» и т. д.

В списках населенных мест Свердловского округа за 1928 г. повсеместно фиксируется появление большого количества заимок, хуторов, выселков, появившихся в 1920-е гг. в связи с проведением землеустройства крупных сел и организацией колхозов и совхозов. Так, например, в Режевском районе только в составе Арамашевского сельсовета в 1922—1926 гг. было зарегистрировано 4 выселка — Ивановка, Лами, Разлив, Свобода с населением от 10 до 26 человек. В Староуткинском районе вокруг с. Нижнее Село в 1919—1924 г. было основано 5 хуторов⁴⁰. Та же картина характерна и для Егоршинского, Сысертского и других районов округа.

Перечень новообразований обширен. Расширение поселенческой сети в Южном районе приобретает очень большой размах и проявляется в создании новых сельскохозяйственных и несель-

³⁹ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ. С. 9.

⁴⁰ См.: Там же. С. 40, 44.

скохозяйственных поселений. Одновременно в регионе происходит упорядочение городского расселения. В частности, на месте бывших заводов образуются рабочие поселки, фактически представляющие собой промежуточное звено между сельским поселением и полноценным городом, основу формирования городского расселения региона. В 1928 г. на территории Южного горно-заводского района были отмечены: один город (Свердловск с населением 131 669 человек) и 10 рабочих поселков: Нижнеисетский, Березовский, Артема, Билимбаевский, Ревда, Атиг, Верхние Серги, Нижние Серги, Каменск, Кузино.

На этой стадии Южный горно-заводской район еще уступает Центральному по количеству городских поселений, но ненадолго. Уже через 10 лет (к 1939-му) число городских поселений возрастает до 31, в т. ч. 8 городов и 23 рабочих поселка. Все новые города выросли из рабочих поселков, за исключением, пожалуй, Асбеста. Они составили основу свердловской агломерации, которая начинает складываться уже в конце 1930-х гг. Новые рабочие поселки, появившиеся в этот период, связаны с промышленным и транспортным строительством, развернувшимся в годы пятилеток. Так, в 1930-е гг. появляются Зюзельский (горно-добывающий), Дружинино (крупный железнодорожный узел), Изумруд, Ключевск, Красноговардейский, Новоуткинск и др.

В последующие годы развитие городской поселенческой сети протекает более спокойно. К 1989 г. в Южном горно-заводском районе насчитывается 14 городов и 33 поселка городского типа, т. е. здесь сосредоточены 1/3 всех городских поселений региона, в т. ч. и самый крупный город Уральского региона — Свердловск. Удельный вес городского населения к 1989 г. достиг 93,4 %. Благодаря большой концентрации городов плотность населения в этой зоне самая высокая на Среднем Урале — 107,9 чел./кв. км.

По плотности городской сети и уровню урбанизации Южный горно-заводской район опережает не только другие территории области, но и всего Урала в целом, а свердловская агломерация относится к крупнейшим и наиболее развитым агломерациям России.

Все эти моменты нашли отражение в сельской поселенческой сети изучаемой территории (табл. 10.20). В целом динамика сель-

Таблица 10.20

*Динамика численности сельских поселений
Южного горно-заводского района в 1939—1989 гг. **

Показатели	1939	1956	1970	1979	1989
<i>Всего</i>					
Сельские поселения	1 269	801	603	404	371
Сельское население, чел.	346 623	170 375	204 672	179 389	171 658
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	273,1	212,7	339,4	444,0	462,7
Средняя плотность расселения, число поселений на 100 кв. км	5,3	3,8	2,5	1,7	1,5
<i>На территории, подчиненной горсовету</i>					
Сельские поселения	319	319	241	131	121
Сельское население, чел.	117 191	46 933	65 750	59 145	56 019
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	367,3	147,1	272,8	451,5	463,0
<i>На территории сельских районов</i>					
Сельские поселения	950	482	362	273	250
Сельское население, чел.	229 432	123 442	138 922	120 244	115 639
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	241,5	256,1	383,8	440,5	462,6

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

ского расселения соответствует общей схеме развития сельской местности в условия урбанизации. В 1930-е гг. численность сельских населенных пунктов растет, причем достаточно быстро: за 10 лет, с 1928 по 1939 гг., она увеличивается на 32,9 %, чему в немалой степени способствовала форсированная индустриализация края и формирование колхозно-совхозной формы организации сельского хозяйства. Совпадение этих двух факторов привели к резонирующему эффекту и появлению новых сельских поселений разного типа. Однако уже в 1940—1950-е гг. мы можем наблюдать уменьшение общей численности поселений в 1,6 раза, в 1960—1980-е гг. сельское расселение в среднем ежегодно теряло 1,8 % поселений.

Сокращение сельской поселенческой сети во второй половине XX в. происходит на фоне снижения численности сельского населения и роста средней людности сельских поселений. В 1939—

1956 г. количество сельчан уменьшилось в 2 раза, хотя корректность приведенной оценки снижена ввиду того, что в 1956 г. в списках по 130 населенным пунктам региона отсутствует информация о численности населения, что отразилось на итоговых показателях. Соответственно темпы снижения численности сельских жителей были меньше. С 1970 г. оно убывает незначительно. Сельское население региона в послевоенный период сохраняется примерно на одном уровне. Разгадка таится во времени, когда регион вступил в стадию урбанизационного перехода. Это произошло раньше, чем в других районах области, — в 1930-е гг. В условиях формирования агломераций темпы падения численности сельского населения приостанавливаются. В результате складывается такое соотношение городского и сельского населения, которое обеспечивает возможность поддержания сельскохозяйственного производства.

Динамика сельского расселения в зонах влияния городов и в сельской местности Южного горно-заводского района имеет сходные черты, различия несущественны. Везде идет сокращение сельской поселенческой сети (в сельской местности более значительное) при увеличении средней людности поселений. Причем в 1989 г. сельские населенные пункты и в сельской, и в городской местности имеют практически одинаковый размер, который отражает преобладание средних и крупных поселений. Таким образом, измельчание поселенческой сети, которое наблюдается в 1930-е гг., к концу века преодолевается. Происходит возврат к среднеселенной структуре, изначально свойственной этому региону.

По количеству закрытых постоянных поселений Южный район уступает другим районам области. В общей сложности на этой территории было упразднено 150 населенных пунктов, что составило 34,9 % общей численности постоянных поселений региона. Причем среди них наблюдается достаточно высокий процент динамично развивающихся крупных поселений, изменивших свой статус в результате преобразования в городские или включения в черту городов.

Общая динамика численности закрытых поселений выглядит следующим образом: в 1939—1956 г. насчитывается 22 населенных пункта, в 1956—1970 г. — 57, в 1970—1979 г. — 37 и в 1979—1989 г. — 34.

Как и в других районах, сильнее всего пострадала сельская местность, где были исключены из списков 114 постоянных поселений. Любопытно, что в 1939—1956 гг. это были преимущественно крупные села и деревни сельскохозяйственной направленности, имевшие положительную динамику. Их дальнейшая судьба была связана с изменением статусных характеристик. В последующий период увеличивается удельный вес мелких сельскохозяйственных поселений, относящихся преимущественно к 1-му и 3-му типам динамики (82,6 %). Эта тенденция усиливается в 1970—1980-е гг., когда в списке исчезнувших поселений свыше 80 % составляли мелкие деревни и поселки, имеющие отрицательную тенденцию развития, — картина, характерная для завершающей стадии урбанизации сельского расселения.

В городской местности с 1939 по 1989 г. сеть постоянных поселений сократилась на 36. Причем в 1939—1956 гг. 80 % составляли средние и крупные сельскохозяйственные населенные пункты, относящиеся ко 2-му типу (положительная линейная динамика). В 1960—1970-е гг. перечень закрытых поселений растет преимущественно за счет мелких промышленных, железнодорожных, сельскохозяйственных поселений, среди которых увеличивается доля деградирующих. Динамика сокращения достаточно равномерная.

Следует отметить, что для Южного региона свойственны в большей степени «формальные» варианты снятия с учета в связи с включением в черту городских поселений или слиянием, что характерно, в частности, для Артемовского, Каменского, Сысертского районов. К примеру, рабочий поселок Бобровский Сысертского района был образован в 1958 г. из трех деревень: с. Бобровское (2003 чел.), дер. Вьюхина (1 262 чел.), пос. Красный Дунай, позднее была присоединена еще дер. Донок (418 чел.). В результате все эти поселения были исключены из учетных данных. Сам центр — село Бобровское — возник в начале XVIII в. и был приписан к Екатеринбургским казенным заводам, а затем (в XIX в.) — к Березовским золотым приискам. Земледелие было развито слабо, но большое распространение получили ремесла, извоз. Интересно, что население Бобровки было всегда многонациональным. В середине XIX в. в селе проживали, кроме русских, удмурты, татары, башкиры, мордва. Развитию

села поспособствовала Великая Отечественная война: здесь строятся промышленные предприятия, в частности изоляционный завод, а затем налаживается мебельное производство, что привело к преобразованию села в рабочий поселок⁴¹.

В Покровском районе в 1962 г. было зафиксировано сразу несколько слияний деревень: дер. Голодаево была объединена с дер. Тычки и с. Клевакинским; пос. Заготзерно, созданный в 1930-е гг., а также пос. РТС были присоединены к пос. Первомайскому; дер. Кобылина и дер. Кунщикова были объединены с селом Троицким. В Артемовском районе крупнейшее с. Егорпинское, основанное еще в 1665 г., в 1935 г. включается в состав рабочего поселка Артема, дер. Боярка в 1938 г. вошла в состав пос. Красногвардейский⁴². Список примеров можно продолжать, они в большинстве своем иллюстрируют процесс укрупнения поселенческой сети региона, связанный с ростом городских поселений.

Однако встречаются и факты сселения деревень, в большей степени они относятся к северо-восточным территориям региона. На территории Артемовского района в 1970-е гг. были сняты с учета как неперспективные десятки деревень — Кострома, известная с XVII в., Камыш, Брагина, а также пос. Елховский и др.⁴³ Исчезают прежде всего те деревни, демографический ресурс которых оказался недостаточным. Многие населенные пункты объективно теряли население, об этом свидетельствует достаточно высокий показатель численности поселений без жителей, что фиксируется в учетных данных в течение второй половины XX в. Особенно высок он в 1956 (13,9 %) и в 1970 гг. (12,7 %). — табл. 10.21.

Таким образом, для Южного горно-заводского района свойственна более благополучная ситуация с сельским расселением, чем в других районах области. Здесь самый высокий процент устойчиво развивающихся поселений, имеющих положительную динамику (14,9 % относится ко 2-му типу и 3,02 % — к 4-му). Соответственно и один

⁴¹ Летопись уральских деревень. Сысертский район. Вып. 2. Свердловская область, 1995. С. 71.

⁴² См. об этом: *Брылин А. И., Коверда П. Т.* Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998. С. 32, 59.

⁴³ См.: Там же. С. 33, 83, 95.

Таблица 10.21

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Южного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от численности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	0	67	46	10	9
До 5	137	21	14	3	8
6–10	109	17	8	6	7
11–50	279	65	36	37	36
51–100	86	38	34	34	32
101–200	98	53	44	43	30
201–300	35	51	33	17	27
301–400	31	20	22	20	19
401–500	28	19	23	21	9
501–1 000	78	58	69	46	33
1 001 и более	69	27	32	33	39
Нет сведений	0	46	1	3	1
<i>Всего</i>	<i>950</i>	<i>482</i>	<i>362</i>	<i>273</i>	<i>250</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

из самых низких показателей численности деградирующих населенных пунктов, доля поселений 1-го типа составила чуть больше половины (53,02 %), т. е. трансформация сельского расселения в южной горно-заводской зоне не сопровождалась деструктивными, разрушительными последствиями. Основу для поддержания и развития поселенческой сети региона составили благоприятные природно-климатические условия, поддерживающие сельскохозяйственную практику и высокий уровень урбанизации.

Несмотря на схожесть процессов трансформации расселения в сельской и городской местности, говорить об их полной идентичности все же не приходится. Общее сокращение поселенческой сети в сельских районах было выше, к 1989 г. она уменьшилась в сравнении с 1939 г. в 3,8 раза. Распределение населенных пунктов по числу жителей в 1930—1980-е гг. (см. табл. 10.21) отражает постепенную перестройку структуры расселения из мелко- и среднеселенной

в более укрупненную. В 1939 г. в сельской местности преобладали мелкие деревни с числом жителей до 100 человек. Они составляли 64,3 %, а в целом малые поселения (до 200 человек) — 74,6 %. Крупные поселения в этот период составляли 15,5 %. Наличие высокого удельного веса малых населенных пунктов отмечается вплоть до 1956 г., а затем постепенно он снижается. К 1989 г. их доля составляет 48,8 %, зато удельный вес крупных поселений возрастает до 28,8 %. Средние поселения в течение изучаемого периода выросли с 9,2 до 22,0 %.

Таким образом, происходит перестройка сельского расселения в сторону укрупнения, в результате к 1989 г. в сельской местности численно преобладают средние и крупные поселения, хотя говорить о стадийной трансформации расселения не приходится. Оно сохраняет свои региональные особенности.

За счет каких категорий поселений происходит сжатие региональной системы расселения? Если численность сельскохозяйственных населенных пунктов сократилась в 2,4 раза (табл. 10.22), то несельскохозяйственных гораздо сильнее — в 7,5, т. е. перестройка расселения происходит в результате снятия с учета и закрытия промышленных, транспортных, лесохозяйственных поселений при сохранении основной массы сельскохозяйственных. Причем среди сельхозпоселений пострадали в наибольшей степени хутора и выселки, которые появились в 1920-е гг. Только в результате сселения хуторов в 1939—1940 гг. в Егоршинском районе было ликвидировано 42 селения, в Краснополянском — 80, Нижнесергинском — 16⁴⁴. Таким образом, под закрытие в первую очередь попадали мелкие поселения. Все старые и крупные населенные пункты сохранились. Многие из них существенно выросли. Как уже отмечалось выше, именно среди поселений Южного района наблюдается наиболее высокая доля сельских поселений, развивающихся в соответствии со 2-м и 4-м типом динамических моделей.

Обращает на себя внимание наличие большого числа поселений, связанных с выполнением рекреационных функций. Особенно часто они встречаются в Сысертском районе, где отмечены, напри-

⁴⁴ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5150. Л. 151—152.

Таблица 10.22

*Распределение сельских населенных пунктов,
расположенных в сельской местности Южного горно-заводского
района, в 1939—1989 гг. в зависимости от хозяйственной
направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	430	273	223	191	181
Охотопромысловые, рыболо- вые	1	1	0	0	0
Несельскохозяйственные	519	208	139	82	69
В том числе:					
административные	2	1	0	0	0
агропромышленные	0	0	1	0	1
геологоразведочные	0	0	0	1	0
промышленные	109	21	23	20	19
транспортные	185	59	48	23	21
лесохозяйственные	188	51	16	16	14
рекреационные	29	9	9	9	6
образовательные	2	1	1	3	1
Другие**	4	2	0	0	0
Нет сведений	0	64	41	10	7
<i>Всего</i>	<i>950</i>	<i>482</i>	<i>362</i>	<i>273</i>	<i>250</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** Учреждения, организации связи.

мер, такие названия поселков, как Вьюхинский Санаторий, Чусовское Озеро, Школьный, Каменка, Донок. Причем первые три поселка развиваются на протяжении изучаемого периода по 2-му типу динамики. В Белоярском районе в этой категории относится пос. Баженовский Санаторий.

Для рекреационных поселений характерна та же ситуация, что и для лесохозяйственных и транспортных. В большинстве своем они перестали регистрироваться, и в списках отмечены только наиболее крупные — «министерские» — дома отдыха и санатории со значительным постоянным населением. Дома отдыха и санатории предприятий не учитывались административными органами,

хотя по всем параметрам соответствовали статусу самостоятельных поселений. Как, например, пос. санатория Селен, построенный пышминским комбинатом Уралэлектромедь в 1970-е гг., где и сейчас, кроме отдыхающих, постоянно проживают работники санатория-профилактория и базы отдыха.

Типологическая структура поселенческой сети соответствует уровню урбанизации региона. В 1939 г. традиционные сельскохозяйственные поселения — деревни, села, выселки, хутора составили всего 33,7 % (табл. 10.23). С одной стороны, это характеризует преимущественную промышленную ориентацию края, а с другой — отражает то мощное воздействие, которое испытала на себе поселенческая сеть региона. Поселки составили в 1939 г. 24,6 %, однако значительная их часть была связана с совхозным строительством, т. е. относится к сельскохозяйственным. Высокая плотность железнодорожных линий и дальнейшее развитие этого вида транспорта отразились на удельном весе транспортных поселений — будок,

Таблица 10.23

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в сельской местности Южного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от типа поселения**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Аул	0	3	2	0	0
Барак	288	11	0	0	0
Будка	74	9	7	0	0
Выселок	58	27	1	0	0
Деревня	161	139	126	102	91
Казарма	0	0	1	0	0
Кордон	34	28	2	0	0
Поселок	234	201	149	96	83
Село	76	61	73	75	76
Хутор	25	1	1	0	0
Другие	0	2	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>950</i>	<i>482</i>	<i>362</i>	<i>273</i>	<i>250</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

казарм: они составили 7,8 %. Кроме того, в структуре наблюдается большой удельный вес бараков — 30,3 %, которые являются наиболее примитивным вариантом поселений, характерным для начального периода форсированной индустриализации.

К 1989 г. удельный вес деревень и сел составил 66,8 %, что свидетельствует о сложившемся разделении функций в региональной системе расселения. В результате в сельской местности сосредотачивается преимущественно сельскохозяйственное производство. Обращает на себя внимание представительство в структуре расселения сел, общая численность которых практически не изменилась, т. е. все они сохранились, пережив без потерь стадию сжатия расселения. Это тем более важно, что села составляют каркас сельского расселения, с разрушением которого наступает деградация сельской местности. Южный горно-заводской район, к счастью, сумел ее избежать.

Поселенческая сеть региона в конце 1980-х гг. состоит на треть из поселков: это совхозные, рекреационные и промышленные поселения, которые возникли в XX в. и дополнили исторически сложившийся каркас в соответствии с новыми условиями функционирования общества.

В целом, рассмотренная выше картина развития сельского расселения характерна для территорий с высоким уровнем урбанизации и концентрации производственной деятельности. Охранительную роль играет высокая плотность населения и уровень освоенности территории. В этом случае все процессы, связанные с перестройкой поселенческой сети, приобретают ускоренный характер. Итак, стадия концентрации сельского расселения завершается уже в 1960—1970-е гг. и сменяется стадией деконцентрации, что особенно сильно проявляется на территориях, приближенных к ядру агломерации — Свердловску.

Близость к областному центру территорий сельских районов оказывает неоднозначное влияние: казалось бы, это фактор усиления миграции, но в условиях децентрализации расселения эти районы начинают вторично заселяться, что отражается, в частности, на динамике численности сельского населения, которая возрастает, особенно в летнее время, за счет горожан, освоивших пригороды. Примером может служить история деревни Космаково Сысерт-

ского района, насчитывающая более 200 лет. Деревня расположена в стороне от больших дорог, поэтому раньше не была особо большой и зажиточной. В 1909 г. здесь проживало 323 человек. В 1929 г. в деревне был образован колхоз «Страна Советов», ставший вполне доходным хозяйством. Однако жесткая политика в отношении колхозов, падение уровня жизни, репрессии повлияли на отток населения. Люди всеми правдами и неправдами стремились уйти в город. Сильный удар по Космаковой нанесла война, в результате которой деревня потеряла 42 человека. В 1950-е гг. колхоз «Страна Советов» присоединили к укрупненному хозяйству, в результате чего жителям приходилось за двенадцать километров ходить на работу. Вскоре в деревне закрылась школа, и народ стал разъезжаться. К 1987 г. в деревне осталось всего 98 человек. Однако она не опустела, т. к. постепенно стала преобразовываться в дачный поселок⁴⁵. Сходную судьбу имеет дер. Малое Седельниково Сысертского района, где до 1951 г. был колхоз им. Кирова. В это время в деревне было 120 дворов, детский сад, магазин. В 1990-е гг. коренных жителей осталось 9 человек, а все дома были заняты дачниками.

Приведенные выше истории деревень иллюстрируют ту функциональную перестройку, которая свойственна высокоурбанизированной территории. Здесь интенсивное сельское хозяйство постепенно сосредоточивается в пригородных зонах, а достоинства сельской местности воспринимаются уже не с экономических, а с эстетических и экологических позиций.

На рассматриваемой территории в целом сохраняется достаточно равномерное заселение и распределение поселений, хотя в рамках границ агломерации получили развитие центростремительные тенденции. В результате на окраинах района создаются зоны более разреженного, ближе к центру — более плотного расселения.

Все эти моменты свойственны также городской местности Южного горно-заводского округа, но проявляются ярче. В зоне влияния городов на протяжении 1930—1980-х гг. происходит сокращение сельских поселений, но оно меньше, чем в сельской местности, и составило 62 % (табл. 10.24).

⁴⁵ Летопись уральских деревень. Сысертский район. С. 232.

Таблица 10.24

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Южного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от численности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	11	27	47	2	5
До 5	37	39	26	3	8
6–10	27	27	15	7	9
11–50	82	47	42	27	22
51–100	37	26	21	14	13
101–200	31	18	21	20	9
201–300	12	12	14	5	13
301–400	13	7	6	10	11
401–500	16	4	8	8	5
501–1 000	25	17	20	18	11
1 001 и более	28	11	21	17	15
Нет сведений	0	84	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>319</i>	<i>319</i>	<i>241</i>	<i>131</i>	<i>121</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Сжатие сельской поселенческой сети протекает при сохранении поляризованной структуры расселения. В частности, в 1939 г. доля малых поселений (до 200 человек) составила 70,5 %, а крупных (свыше 500) — 16,6 %. Удельный вес средних населенных пунктов невысок, как и в сельской местности, и не превышает 12,9 %.

В последующие годы происходит увеличение доли средних и крупных населенных пунктов и снижение мелких. К 1989 г. крупные поселения составили 21,5 %, а средние 24 %, но все же больше половины поселений остались в категории мелких. Таким образом, трансформация поселенческой сети происходит за счет исчезновения значительной части мелких поселений и размывания крупных и средних, перемещения их в более низкую категорию: число крупных поселений сократилось с 1939 по 1989 г. почти в 2 раза.

Отраслевая структура выглядит также вполне типичной для урбанизированной зоны: в 1939 г. только 17,2 % поселений отно-

сятся к сельскохозяйственным, к 1989 г. их удельный вес возрастает до 33,9 %, но в абсолютном выражении численность сельскохозяйственных поселений достаточно стабильна. В 1950-е гг. происходит некоторый рост сельхозпоселений, но затем их численность возвращается к прежнему уровню, это касается той сельскохозяйственной зоны, которая сложилась вокруг городов и в связи с развитием пригородного хозяйства приобрела необходимую устойчивость. К числу таких поселений относится с. Горный Щит с пос. Полеводство и Верхне-Макарово — соответственно центральная усадьба и отделения крупнейшего в регионе совхоза.

Таблица 10.25

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Южного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	55	82	53	51	41
Охотопромысловые, рыбохозяйственные	0	1	1	0	2
Несельскохозяйственные	264	209	149	78	73
В том числе:					
административные	0	0	0	0	0
агропромышленные	0	0	4	4	4
геологоразведочные	0	0	1	2	0
промышленные	112	26	47	41	41
транспортные	40	62	48	10	9
лесохозяйственные	104	101	30	13	12
рекреационные	8	20	18	8	7
образовательные	0	0	0	0	0
Другие**	0	0	1	0	0
Нет жителей	0	27	15	2	5
Нет сведений	0	0	23	0	0
<i>Всего</i>	<i>319</i>	<i>319</i>	<i>241</i>	<i>131</i>	<i>121</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

** Учреждения, организации связи.

Если сельскохозяйственные поселения вполне стабильны, то промышленные, напротив, динамичны. С 1939 по 1989 г. их численность сократилась в общей сложности в 3,6 раза, а удельный вес снизился с 82,8 до 60,3 %.

В структуре расселения Южного горно-заводского района 4 поселка были отнесены к категории агропромышленных — новой разновидности поселений, появившейся в 1970-е гг. в связи с развитием агропромышленного комплекса и ставшей отражением процессов интеграции сельской и городской поселенческой сети: это поселки Ягодный, Садовый, Березит, Козловский, находящиеся в административном подчинении г. Свердловска.

Велика доля рекреационных поселений, связанных со здравоохранением: в 1939 г. их отмечено 9, в 1989 г. — 7. Высокие темпы убыли по промышленным, лесохозяйственным и транспортным поселениям связаны с общими тенденциями концентрации производства в рамках данных отраслей. Кроме того, они нередко попадали в черту расширения городов и рабочих поселков. Для сельского расселения пригородных территорий свойственны черты интегрированной стадии: основное место отводится несельскохозяйственным поселениям, а сельскохозяйственные постепенно трансформируются в агропромышленные.

Эти же тенденции прослеживаются в типологической структуре расселения, где на протяжении всего изучаемого периода преобладающим типом остается поселок: в 1939 г. доля поселков вместе с бараками составила 80,3 %, а в 1989 г. — 73,6 % (табл. 10.26). Удельный вес традиционных типов поселений невелик и составил в 1939 г. 8,5 %, а к 1989 г. вырос до 26,4 %. Однако в абсолютном выражении количество деревень меняется незначительно: с 15 до 19, а вот список сел становится шире и включает к 1989 г. 13 поселений вместо 5.

Типологическая структура, отраженная в табл. 10.26, является опосредованным отражением отраслевой специфики поселений и их людности и соотносится с теми выводами, которые были сделаны выше.

Итак, на протяжении второй половины XX в. происходит функционально-отраслевое упорядочение поселенческой сети, приведе-

Таблица 10.26

*Динамика численности сельских населенных пунктов, расположенных в городской местности Южного горно-заводского района, в 1939—1989 гг. в зависимости от типа поселения**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	105	33	0	0	0
Будка	24	25	7	0	0
Деревня	15	23	24	19	19
Казарма	1	0	8	0	0
Кордон	11	36	2	0	0
Поселок	151	185	185	98	89
Село	5	15	15	14	13
Хутор	7	2	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>319</i>	<i>319</i>	<i>241</i>	<i>131</i>	<i>121</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

ние ее к оптимальному размеру, что преимущественно характерно для систем с достаточно высоким уровнем организации — интегрированного расселения, в рамках которого каждый элемент находится в тесном взаимодействии с другими и функционирует согласованно, выполняя свою роль и предназначение. Чем выше уровень интеграции, тем сложнее и интенсивнее связи между поселениями — городскими и сельскими.

Характерной особенностью расселения в Южном горно-заводском районе выступает то, что система переживает эту трансформацию сравнительно рано, еще в 1940—1950-е гг. Сначала под действие интеграционных процессов попадает местность, находящаяся в зоне непосредственного влияния городов, а уже потом — сельские территории. Стадия сжатия поселенческой сети, свойственная индустриальному расселению, завершается в 1950—1960-е гг., затем начинают набирать скорость процессы децентрализации расселения, хотя официальные учетные данные не позволяют в полной мере судить об их масштабах.

В основном существенных отличий в развитии городской и сельской местности в Южной горно-заводской зоне нет, и этим она от-

личается от других горно-заводских территорий, где дифференциация городской и сельской местности более заметна.

Рассмотрев специфику сельского расселения в границах основной промышленной зоны Свердловской области — горно-заводского Урала, следует отметить те общие и отличительные черты, которые свойственны этим экономическим районам.

В первую очередь различаются время и форма первичного освоения регионов горно-заводского Урала. Первоначально осваиваются земли Центрального (XVI в), несколько позднее — Южного (XVII в.) и только потом уже Северного района. Это отразилось на уровне заселенности и характере освоения территорий.

Наиболее благоприятные природно-географические условия характерны для южных территорий, где сложились предпосылки для развития промышленности и сельского хозяйства. Тесное взаимодействие аграрной и промышленной среды стало основой для постепенной концентрации в этой зоне людских ресурсов и интеграции сельского и городского расселения.

Освоение территорий Центрального и Южного района шло первоначально путем крестьянской колонизации, дополненной на определенном этапе промышленной. Именно она в конечном итоге стала обуславливать направление развития расселения. Переплетение традиций аграрного и промышленного заселения нашло отражение в кустовой, или очаговой, форме поселенческой сети, характерной в большей степени для Центрального и Северного районов, в меньшей — для Южного. Интересно и то, что этот процесс был взаимным. Аграрное расселение, сложившееся на начальном этапе колонизации в XV—XVII вв., послужило основой для развития здесь промышленности, а строительство заводов и формирование округов, в свою очередь, достраивало, подгоняло под себя поселенческую сеть. На севере крестьянская колонизация не играла столь значимой роли, как на центральной и южной территориях, здесь изначально действовали законы промышленного освоения территории.

К началу XX в. регионы имели разные стартовые позиции, наиболее слабыми они были у северных территорий. Соответственно

в разном темпе и с разными результатами они переживают стадию урбанизации.

- В Северном горно-заводском районе урбанизированное расселение сохраняет редкочаговый характер. Перестройка сельского расселения в сельской и городской местности протекает достаточно изолированно и с разными результатами: в зоне скопления городов формируются зоны индустриального расселения при деградации и измельчании поселенческой сети в сельской местности.

- В Центральном горно-заводском районе на фоне формирования Нижнетагильской агломерации происходят образование урбанизированного расселения в ее ядре и перестройка сельской поселенческой сети на периферии. В результате концентрации расселения наблюдается общее значительное сокращение поселенческой сети и ее преобразование из мелкоселенной в средне- и крупноселенную с сохранением основного каркаса сельского расселения.

- В Южном горно-заводском районе, в пределах свердловской агломерации, складывается обширная зона интегрированного расселения, для которой характерна функционально-отраслевая перестройка поселенческой сети с сохранением исторически сложившегося каркаса. Она переживает стадию сжатия, которая захватывает в основном малые поселения и населенные пункты, возникшие в XX в. В целом, несмотря на снижение густоты поселенческой сети к концу века, здесь сохраняется равномерное расселение с преобладанием средних и крупных сельских поселений.

Глава 11

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ

Южные территории Среднего Урала, расположенные в Предуралье и Зауралье, обладая достаточно благоприятными природно-климатическими условиями, изначально осваивались крестьянством и стали сельскохозяйственной житницей региона. Формирование и развитие поселенческой сети в этих районах и в прошлом, и в на-

стоящем соответствуют модели сельскохозяйственного расселения со всеми вытекающими отсюда проблемами и закономерностями. В XVII—XIX вв. здесь сформировалась достаточно устойчивая поселенческая сеть, равномерно охватывающая пригодные для земледелия земли. Города в этой зоне выполняли преимущественно административные функции и выступали как центры местной промышленности, обеспечивая необходимыми изделиями сельскохозяйственную округу. Влияние горно-заводского Урала на развитие поселенческой сети сельскохозяйственной зоны имело место в прошлом и продолжает сказываться в настоящем, однако не изменило общий характер расселения.

Изучение развития сельскохозяйственных территорий позволяет судить о динамике и направленности процессов сельского расселения в условиях низкого уровня урбанизации. В этом случае факторы мегауровня — аграрная политика и закономерности эволюции сельскохозяйственного производства в условиях научно-технической революции — являются наиболее значимыми: они способствуют структурной перестройке сельского расселения, но не меняют его характера.

Юго-Западный сельскохозяйственный район

Юго-Западный сельскохозяйственный район располагается в Предуралье и включает в соответствии с административным делением конца 1980-х гг. территории Артинского, Ачитского, Красноуфимского районов, а также земли, находящиеся в административном подчинении г. Красноуфимска. Общая площадь района 8 311,5 кв. км (4,3 % территории области), население — 145 428 человек, из них горожане составляют 54,4 %. Таким образом, уровень урбанизации края невысокий. Здесь всего 6 городских поселений, в т. ч. Красноуфимск, основанный в 1736 г. и получивший статус города в 1781 г., и 5 рабочих поселков — Арти (1929), Ачит (1968), Натальинск (1943), Сарана (1933), Уфимский (1964). По плотности населения Юго-Западный сельскохозяйственный район занимает второе место в области, в 1989 г. она составила 17,5 чел./кв. км.

Юго-Западный район раскинулся по западному склону Урала, чем объясняется своеобразие поверхности и почвенного строения. Территория представляет собой возвышенную и гористую равнину, где наряду с подзолисто-каменистыми почвами и суглинками в излучине р. Уфы к северо-западу от Красноуфимска находятся высокоплодородные черноземы. По территории района протекают реки Сылва, Ирень, Шаква, Бисерть, Вогулка, Уфа. Из полезных ископаемых встречаются местами железные руды, глины, селенит, гипсы. Лесистость незначительна и составляет чуть выше 30 %. В районе имеется также ряд минеральных источников¹.

Климатические условия вполне благоприятны для сельскохозяйственной деятельности. Район относится к умеренному поясу со среднегодовой температурой $+1^{\circ}$ при достаточно большом количестве осадков от 450 до 550 мм. Регион является типично сельскохозяйственным, земледельческим и носит производящий характер, обеспечивая с избытком собственные потребности в сельскохозяйственной продукции. Основным занятием населения в прошлом было земледелие, здесь выращивали рожь, пшеницу, овес. И сегодня сельское хозяйство остается основной отраслью хозяйственного комплекса.

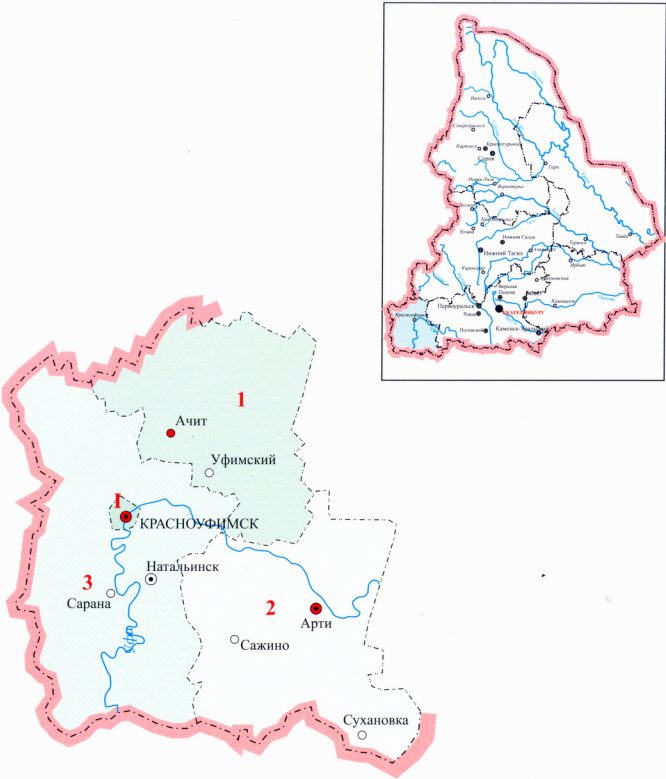
Район хорошо обеспечен транспортными линиями (в частности, по его территории проходят две магистральные железнодорожные линии: Свердловск — Пермь — Москва, Свердловск — Казань — Москва).

Характерной чертой края выступает многонациональный состав населения: здесь наряду с русскими проживают татары и марийцы, образуя зоны компактного расселения.

Богатые, плодородные земли Зауфимской долины стали осваиваться издавна: во второй половине XVI — начале XVII в. сюда переселяются казанские татары, луговые марийцы, северные башкиры, формируя локальные этнические группы. По сведениям Г. Н. Чагина, в 1624 г. по рекам Сылве и Ирени насчитывалось

¹ Список населенных пунктов Уральской области. Т. 6. Кунгурский округ. Свердловск, 1928. С. IX.

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАЙОН

№	Горсоветы (муниципалитеты)
1	Красноуфимск

№	Районы
1	Ачитский
2	Артинский
3	Красноуфимский

Масштаб 1 : 1 500 000

67 юрт татар и остяков, 4 — марийцев, 1 — мордвы². С 1630-х гг. разворачивается русская колонизация незанятых земель: первоначально создаются очаги вотчинно-монастырского землевладения, а затем, в результате захвата земель беглыми крестьянами, начинает складываться первичная поселенческая сеть. В 1648 г. на этой территории образуется Кунгурский уезд. К началу XVIII в. численность населения в уезде достигла 24 430 человек, из них 20 354 составляли русские, проживавшие в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках и одной пустыни. Татары были расселены в 52 деревнях, марийцы — в 11³. Вместе с земледелием в крае активно стало развиваться животноводство, осваивались сенокосы, пастбища, определенное распространение получают ремесла, в т. ч. мелкая металлургия. В середине XVIII в. через Кунгур прошел известный в истории Сибирский тракт, способствовавший складыванию системы притрактных поселений.

Значительную роль в дальнейшей судьбе края сыграло строительство в 1734—1736 гг. в урочище Красный Яр близ р. Уфы крепости. Первоначально она называлась Красноярской, но затем была переименована в Красноуфимскую.

В те же годы для защиты заводов и заводских поселков от набегов кочевников по линии Пермь — Оренбург возводятся и другие крепости (Ачитская, Бисертская, Кленовская, Гробовская)⁴, которые обеспечили более спокойные и безопасные условия жизни для местного населения. В результате во второй половине XVIII в. заселение края пошло более высокими темпами.

Указом от 27 января 1781 г. было образовано Пермское наместничество, которое делилось на две области — Пермскую и Екатеринбургскую. В состав первой вошел вновь созданный Красноуфимский уезд. Одновременно Красноуфимская крепость становится городом — уездным центром. К этому времени Красноуфимск ни-

² См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 41.

³ См.: Там же. С. 31, 45, 47.

⁴ См.: Смирных А. и др. Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002. С. 272—273.

чем особым не отличался от других укрепленных поселений: деревянные стены с башнями, с запада — бастионы с пушками, в центре срубленные служебные постройки, церковь, несколько десятков деревянных домов. С преобразованием крепости в город здесь разворачивается каменное строительство, возводятся здание уездного казначейства, присутственные места, торговые заведения. К 1803 г. общее число жителей Красноуфимска составило 1 670 человек⁵.

К 1795 г. в Красноуфимском уезде насчитывалось 250 сельских поселений, среди которых было 8 сел, остальные — деревни⁶. Указом от 12 декабря 1796 г. из наместничества была образована губерния, из 16 прежних уездов было сделано 12, которые сохранились вплоть до 1917 г.

Общая территория Красноуфимского уезда в 1857 г. составила 21 514 кв. верст, на ней располагалось 329 сельских поселений, а к концу XIX в. их численность выросла до 522⁷. Таким образом, на протяжении XIX в. происходит значительный рост поселенческой сети (более чем в 2 раза), отражая завершающую стадию аграрного освоения территории.

По спискам населенных мест 1909 г. в Красноуфимском уезде в 582 поселениях проживало 283 747 человек. Структура поселенческой сети включала 19 заводов, 40 сел, 416 деревень и 107 поселков и выселок. Последний факт характеризует наличие в системе расселения значительной доли новообразований: она составила 14,4 %. Между тем, несмотря на наличие несельскохозяйственных поселений, поселенческая сеть сохраняет в целом традиционные черты, в т. ч. преобладает приречный тип заселения. На водоразделах отмечено только 31 поселение⁸. Характерно и то, что населе-

⁵ См.: *Смирных А. и др.* Уездные столицы... С. 275.

⁶ См.: *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. С. 149.

⁷ См.: *Голубев П. А.* Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 72—73.

⁸ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изд. 1908—1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 7, 15, 21.

ние края по-прежнему оставалось многонациональным. Из всех уездов Пермской губернии Красноуфимский отличался наиболее сложным составом — процент населения составил: русские — 81,2, башкиры — 4,3, татары — 7,9, черемисы (марийцы) — 5,4, тептяри — 1,0, вогулы — 0,1⁹.

Распределение населенных мест по людности позволяет охарактеризовать систему расселения края как среднеселенную (табл. 11.1).

Таблица 11.1

*Распределение сельских населенных мест
Красноуфимского уезда в 1909 г. по людности**

Число дворов на одно селение	Число селений
До 5	39
6–10	49
11–20	109
21–30	61
31–50	86
51–100	132
101–200	61
201–300	17
301–400	11
401–500	2
501 и выше	15
<i>Всего</i>	<i>582</i>

* Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 16.

Малые населенные пункты (до 30 дворов) составляли 44,3 %, средние — 47,9 %, крупные (свыше 300 дворов) — 7,7 %. Вполне показательным является также модальное значение людности: чаще всего в этот период встречаются деревни, включающие от 50 до 100 дворов. Крупные поселения попадают достаточно редко и не определяют ситуацию. Высокий удельный вес малых деревень

⁹ См.: Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 22.

связан в значительной степени с появлением в структуре расселения выселков и хуторов как результата упорядочения землеустройства населенных мест и распространения участкового землеустройства.

В ходе административно-территориальных преобразований в начале 1920-х гг. территории Юго-Западного сельскохозяйственного района попали в состав Кунгурского округа. Учитывая территориальную несопоставимость данных за 1909 и 1928 гг., приведенных в табл. 11.2, сделать однозначные выводы о динамике населения и расселения за эти годы сложно. Можно лишь предположить, что к концу 1920-х гг. наблюдается определенный рост численности сельских поселений, вызванный теми же обстоятельствами, о которых мы говорили ранее: проведением межселенного землеустройства, активизировавшего выселение на хутора и выселки; появлением коммун, совхозов и т. д. Причем для развития изучаемых территорий наибольшее значение имели сельскохозяйственные, а не промышленные факторы расширения поселенческой сети. Так, например, в Артинском районе в 1918—1924 гг. появилось 19 выселков и хуторов, в Ачитском районе — 9, в Красноуфимском — 5¹⁰. Наряду с ними в Ачитском районе зафиксированы новые железнодорожные будки, разъезды и казармы. Встречаются также сельскохозяйственные коммуны: в Манчажском районе в 1920 г. было образовано поселение, получившее название сельхозкомбинат «Уральский боец» с населением 45 человек. Поселений, связанных с лесозаготовками или промышленной специализацией, практически нет.

Таким образом, в 1920-е гг. сохраняется сельскохозяйственная направленность Юго-Западного региона. В Артинском районе городское и фабрично-заводское население составило к 1928 г. всего 23,9 %, а в Красноуфимском — 35,1 %¹¹, остальные районы (Манчажский, Ачитский) имели только сельское население.

Появление в структуре расселения новообразований, представленных прежде всего малыми населенными пунктами, непосредственно отразилось на их удельном весе и уменьшении средней

¹⁰ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 6. Кунгурский округ. С. 10—22; 66—72.

¹¹ См.: Там же. С. XII.

Таблица 11.2

*Основные статистические характеристики
Юго-Западного сельскохозяйственного района**

Годы	Территория, кв. км	Численность населения, чел.	Число сельских населенных пунктов***	Число городов	Число рабочих поселков
1909 (Красноуфимский уезд)	24 485,1	283 747	582	1	0
1928**	9 200,0	139 272	408	1	0
1939	9 836,0	198 817	596 (491)	1	2
1956	8 261,5	163 853	347 (362)	1	3
1970	8 305,5	158 474	267 (284)	1	4
1979	8 305,5	142 047	192 (192)	1	4
1989	8 311,5	145 428	183 (183)	1	5

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке»; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии». С. 7; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 6. Кунгурский округ; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики.

** В сводку вошли статистические показатели Артинского, Ачитского, Красноуфимского, Манчажского районов Кунгурского округа Уральской области.

*** В скобках приведена численность поселений по материалам БД, без скобок — данные административного учета: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г. Свердловск, 1939; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г.; Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г.; Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

людности поселений. В частности, в Красноуфимском уезде среднее число жителей сел и деревень снизилось до 215 человек. В других районах оно было выше и составило в Артинском районе в 1928 г. 370 человек, в Ачитском — 249, в Манчажском — 377 чел¹². Хотя и здесь средний показатель отражает скорее поляризацию структуры поселенческой сети, в рамках которой начинают преобладать мелкие и крупные населенные пункты.

¹² См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 6. Кунгурский округ. С. XII.

В 1930-е гг. развитие сельского расселения региона идет по нарастающей, но уже в послевоенный период наступает перелом. Всего к 1939 г. количество сельских поселений выросло на 20,3 % — показатель невысокий в сравнении с горно-промышленными районами, и неудивительно: увеличение численности сельских населенных мест шло за счет появления новых хуторов и выселков, что приводит в конечном итоге к преобладанию в структуре расселения мелких поселений. В частности, в 1939 г. удельный вес деревень с населением до 200 человек составил в регионе 53,4 %, т. е. большинство, а средних — всего 16,1 % (табл. 11.3).

Развитие промышленности в регионе не получило большого размаха, хотя определенные шаги в этом направлении были сделаны. Это отразилось, в частности, в появлении ряда городских поселений, численность которых к концу 1920-х гг. выросла до 5. В 1928 г. статус поселка городского типа получило с. Арти — районный центр. Здесь с конца XVIII в. функционировал завод металлоизделий, реконструированный в 1930-е гг., а кроме того, еще несколько предприятий легкой и пищевой промышленности.

Таблица 11.3

*Динамика численности сельских поселений
Юго-Западного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг. **

Показатели	1939	1956	1970	1979	1989
<i>Всего</i>					
Сельские поселения	491	362	284	192	183
Сельское население, чел.	112 908	105 760	92 333	74 627	66 321
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	230,0	292,2	325,1	388,7	362,4
Средняя плотность расселения, число поселений на 100 кв. км	4,9	4,3	3,4	2,3	2,2
<i>На территории, подчиненной горсовету</i>					
Сельские поселения	5	—	5	4	4
Сельское население, чел.	1 132	—	2 750	1 321	946
<i>На территории сельских районов</i>					
Сельские поселения	486	362	279	188	179
Сельское население, чел.	111 776	105 760	89 583	73 306	65 375

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке»

В Ачитском районе городские поселения появились только в 1960-е гг., в т. ч. поселками городского типа стали с. Ачит (районный центр) и пос. Уфимский. Ачит в целом сохранил сельскохозяйственную направленность, а в пос. Уфимский был построен стекольный завод. Наиболее «городским» был Красноуфимский район, где помимо города, ставшего крупным железнодорожным узлом и центром местной промышленности, были образованы в 1930—1940-е гг. еще 2 рабочих поселка — Сарана и Натальинск. Развитие Сараны во многом определялось строительством здесь станкостроительного завода, выпускающего кузнечно-прессовое оборудование, а Натальинска — строительством стекольного завода. В целом в регионе промышленность играла второстепенную роль, сельское хозяйство было и остается до сих пор основной отраслью производства.

Перелом в сторону преобладания городского населения происходит в 1970-е гг., в предшествующий период доля сельского населения была значительно выше, чем городского. Рост городского населения в основном идет за счет г. Красноуфимска, население которого в 1989 г. достигло 45 551 человека. Однако влияние городской сети на систему расселения здесь сведено к минимуму, сельская поселенческая сеть эволюционировала под воздействием экономических и демографических факторов, свойственных сельскохозяйственной территории, а также аграрной политики.

Свертывание системы сельского расселения начинается в послевоенный период и было связано с ликвидацией хуторов, укрупнением колхозов и преобразованием их в совхозы. В общей сложности за 1939—1956 гг. численность сельских поселений сократилась на 26,3 % (см. табл. 11.3). Только в 1940 г. в Красноуфимском районе было сселено 80 хуторов, в Артинском — 85, в Ачитском — 158¹³. Эти цифры, сохранившиеся в отчетах, несколько расходятся с учетными данными, приведенными в табл. 11.3, являясь отражением несовершенства системы регистрации и учета. Вероятно, в число сселенных «хуторов» попали, кроме традиционных вариантов, так называемые колхозные хутора — полевые станы, фермы, которые нередко не указывались в регистрационных списках.

¹³ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5150. Л. 151—152.

Тем не менее тенденция очевидна. В результате сокращения мельчайших поселений происходит рост средней людности сельских населенных пунктов. С 1956 по 1989 г. численность сельских поселений в регионе уменьшилась почти в 2 раза, что отразилось на уровне заселенности территории. Если в 1939 г. на 100 кв. км приходилось 4,9 поселений — это один из наиболее высоких показателей в области (больше только в Южном горно-заводском районе), то в 1989 г. — 2,2 поселения.

Сжатие поселенческой сети в регионе происходило преимущественно за счет малых деревень (до 200 человек) в связи с объединением, потерей населения и сселением. Так, например, из 86 постоянных поселений, расположенных на территории Артинского района, 24 были исключены из списков, в т. ч. деревни Амерова, Бочкари, Камаи, Ежова. В Ачитском районе из 99 постоянных поселений исчезли 42 населенных пункта, в Красноуфимском из 110—37, в т. ч. деревни Чебак, Черкасова, Русская Рахмангулова, Поддубровка. Список достаточно обширен и характерен для сельской местности, в него попали преимущественно периферийные небольшие поселения, утратившие функции хозяйственных центров в результате укрупнения хозяйств. Но есть и исключения: например, деревня Соболи Красноуфимского района (центр сельсовета) стабильно росла до конца 1950-х гг., достигнув численности населения 1 993 человека, а затем она исчезла из списков в связи с включением в черту г. Красноуфимска.

Всего в 1930—1980-е гг. в Юго-Западном сельскохозяйственном районе было закрыто 101 постоянное поселение из 415, т. е. 24,3 %. Это самый низкий показатель по всем регионам Среднего Урала, который выступает отражением особенностей урбанизации расселения сельскохозяйственных территорий. Структурная перестройка поселенческой сети здесь шла под влиянием закономерностей развития сельскохозяйственного производства и определялась ими. В результате сокращение численности сельских поселений происходило в границах, не подрывающих основы аграрной экономики.

Анализ динамики «исчезнувших» поселений отражает их взаимосвязь с зигзагами аграрной политики. Так, наибольшее число закрытых деревень относится к периоду 1970-х гг. — времени активизации процессов сселения и реконструкции поселенческой сети.

При абсолютном преобладании среди исчезнувших поселений мелких сельскохозяйственных населенных пунктов на протяжении всего изучаемого периода встречаются деревни, относящиеся к категории крупных и средних и имеющие вполне благоприятные перспективы развития. Так, например, в 1959—1970 гг. среди 23 постоянных поселений, исключенных из регистрационных списков, 17,4 % относились ко 2-му типу динамики (линейный положительный), а к 1-му типу — всего 34,8 %. В последующие годы доля населенных пунктов, имеющих отрицательную линейную тенденцию, возрастает до 45,2 % в 1970—1979 гг. и 66,7 % — в 1979—1989 гг., однако всегда встречаются примеры поселков и деревень, неоправданно ставших жертвами сселения. Интересно и то, что подавляющее большинство закрытых поселков и деревень по составу населения относилось к русским. За весь период среди них зафиксировано только два марийских и одно татарское поселения. Это еще раз подтверждает роль этнокультурной традиции в развитии сельской поселенческой сети.

Среди других экономико-географических районов Среднего Урала Юго-Западный имеет самый сбалансированный состав населенных пунктов в зависимости от типа динамики. Удельный вес поселений, относящихся к 1-му и 3-му типам, составил в общей сложности 72,3 %, т. е. практически столько же, сколько и в наиболее «благополучном» Южном горно-заводском районе. Хотя между ними есть и различие: так, доля поселений 1-го типа в Предуралье почти в 1,4 раза меньше, чем в горно-заводском районе, а 3-го типа, напротив, в 1,7 раза выше. Если учесть, что Южный горно-заводской район относится к самым урбанизированным, а Юго-Западный, наоборот, к наиболее сельским, то очевиден вывод: направление и динамика эволюции этих территорий определяется уровнем их урбанизации и экономическими параметрами. Мы можем наблюдать два варианта развития расселения в условиях модернизационного перехода — сельскохозяйственную (аграрную) и индустриальную модели. Они отличаются не только по системным характеристикам, но и временем вступления в стадию урбанизационного перехода. Для аграрной модели переломным этапом стали 1960—1970-е гг., когда интенсификация сельского хозяйства

и развитие агропромышленных комплексов превращаются в важнейшие факторы трансформации сельской местности. Таким образом, Предуралье позднее переживает структурную перестройку системы расселения, и она идет здесь по своему пути, который можно охарактеризовать как «классический» вариант эволюции, свойственный сельскохозяйственным среднеселенным регионам.

Рассмотрим подробнее, какие изменения происходят в сельской поселенческой сети Юго-Западного сельскохозяйственного района. Распределение сельских поселений региона по людности (табл. 11.4) отражает их постепенный переход к укрупненной структуре. Если в 1939 г. малые населенные пункты преобладали, а средние (от 200 до 500 человек) составляли всего 16,1 %, то в 1989 г. их удельный вес возрастает до 24 %, а доля крупных поселений (свыше 500 человек) составила 28,4 %. Таким образом, расселение возвращается к показателям, свойственным крупно- и среднеселенному типу.

Таблица 11.4

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Юго-Западного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от людности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	0	51	35	4	6
До 5	37	7	11	2	3
6–10	39	38	10	8	8
11–50	115	41	29	22	24
51–100	71	65	26	27	14
101–200	75	37	34	24	32
201–300	31	25	36	22	18
301–400	22	15	17	14	14
401–500	26	55	17	25	12
501–1 000	53	19	49	34	38
1 001 и более	19	9	19	9	14
Нет сведений	0	0	1	1	0
<i>Всего</i>	<i>491</i>	<i>362</i>	<i>284</i>	<i>192</i>	<i>183</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Наблюдаемое укрупнение непосредственно связано с концентрацией расселения — характерной чертой стадии перехода к урбанизированным формам. Структурная перестройка происходит за счет исчезновения значительной части малых и роста численности остальных категорий населенных пунктов, т. е. происходит укрупнение каркаса расселения при измельчании и исчезновении периферийных сельскохозяйственных поселений.

Отраслевая структура расселения Юго-Западного района, отраженная в табл. 11.5, также характерна для аграрной модели расселения. Сельскохозяйственные населенные пункты составляют подавляющее большинство: в 1939 г. — 83,9 %, а в 1989 г. — 88,5 %. На протяжении изучаемого периода наблюдается их общее сокращение почти в 2,5 раза, т. е. примерно на том же уровне, что и в сельской местности Южного горно-заводского района. При таких темпах

Таблица 11.5

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Юго-Западного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	412	270	219	172	162
Охотопромысловые, рыболов- хозяйственные	0	0	0	0	0
Несельскохозяйственные	79	51	36	16	15
В том числе:					
административные	3	3	1	0	0
промышленные	6	7	17	5	4
транспортные	34	13	9	5	5
лесохозяйственные	34	26	8	5	4
рекреационные	1	1	1	1	1
образовательные	1	0	0	0	0
Другие	0	1	0	0	1
Нет сведений	0	41	29	4	6
<i>Всего</i>	<i>491</i>	<i>362</i>	<i>284</i>	<i>192</i>	<i>183</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

сжатия расселения сохраняется достаточно равномерная, но более разреженная по сравнению с первой половиной XX в. поселенческая сеть, обеспечивающая условия для стабильного развития аграрного производства.

Структура несельскохозяйственного расселения в целом типична для Уральского региона: в ней представлены промышленные, транспортные, лесохозяйственные поселки, а также населенные пункты, связанные с образованием и здравоохранением. Но в целом они не влияют на ситуацию. Для несельскохозяйственных поселков характерна отрицательная динамика, близкая к линейной функции: с 1939 по 1989 г. их число сократилось более чем в 5 раз, и прежде всего за счет снятия с учета железнодорожных и лесохозяйственных поселений.

Наиболее интересную динамику демонстрируют промышленные поселки: их число растет до 1970 г., а затем резко падает почти в 4 раза. Секрет такой неровной динамики кроется в специализации этих поселений, чаще всего связанной с производством строительных материалов, а также мебели, т. е. видами деятельности, ориентированными на промышленную переработку лесного сырья (например, в Ачитском районе в деревнях Волки, Лузенина в 1970-е гг. располагались цеха мебельной фабрики). Леспромхозы, образованные в регионе в 1930-е гг., к 1970-м вырабатывают свой потенциал и закрываются. Это непосредственно отражается на состоянии перерабатывающих предприятий и специализации населенных пунктов, которые теряют промышленную направленность.

Наблюдаемое на протяжении изучаемого периода сокращение численности административных поселений связано с переводом их в категорию рабочих поселков или утратой функций районного центра, как это произошло с селом Сажино.

Отраслевая структура расселения региона соотносится с распределением сельских поселений региона по типу (табл. 11.6). Традиционные варианты — деревни, села, выселки и хутора, — безусловно, преобладают, определяя общую картину расселения. В 1939 г. они составили 81,1 %, а к 1989 г. их доля выросла до 90,7 %. Поселки соответственно составили 9,8 и 9,3 % — это прежде всего железнодорожные станции и леспромхозы. Хотя среди них встречаются и сельскохозяйственные поселения, как, например, пос. Селекцион-

ной опытной станции, созданный в 1933 г. рядом с г. Красноуфимском, или пос. Госплемстанции того же района, и др.

Таблица 11.6

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Юго-Западного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от типа поселения**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	33	1	0	0	0
Будка	3	1	0	0	0
Выселок	57	7	0	0	0
Деревня	235	219	209	139	129
Казарма	0	0	4	0	0
Кордон	9	9	1	0	0
Поселок	48	79	40	18	17
Село	34	32	29	35	37
Хутор	72	12	1	0	0
Другие	0	2	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>491</i>	<i>362</i>	<i>284</i>	<i>192</i>	<i>183</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Таким образом, структура поселенческой сети и по типу, и по специализации отражает сельскохозяйственную направленность Юго-Западного региона и развивается в соответствии с закономерностями эволюции аграрного производства в условиях индустриализации (агроперехода). Эта модель эволюции расселения свойственна слабоурбанизированной территории, в рамках которой города и промышленное производство практически не оказывают влияния на динамику сельской поселенческой сети даже в плане миграции. Основные миграционные потоки сельчан ориентированы в большей степени на соседние агломерации, а не на местные городские центры.

К слову сказать, Красноуфимск на протяжении всего изучаемого периода имеет устойчивую положительную динамику и не относится к депрессивным городам. Будучи единственным городским

центром для крупного сельскохозяйственного района, он выполнял не только административные, экономические, но и важные социально-культурные функции. На протяжении прошлого века, как и в XVIII—XIX вв., Красноуфимск развивался по типу города — административного центра, а не как город-завод. Соответственно и его влияние на сельскохозяйственную округу определялось этими функциями. В результате не город преобразует сельскую местность, а скорее наоборот, сам он перестраивается в соответствии с потребностями развития села. Именно на этой основе происходит их интеграция в рамках аграрной модели расселения.

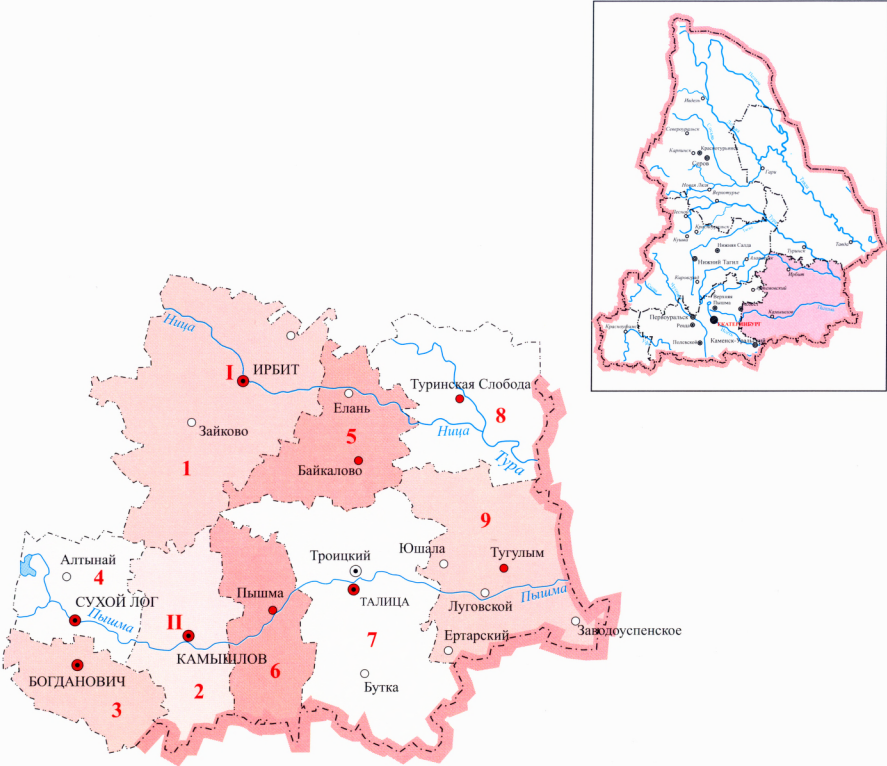
Стабильный, но замедленный в сравнении с горно-промышленной зоной рост горожан при одновременном снижении численности сельских жителей только в 1980-е гг. приводит к перестройке общей структуры населения. К концу 1980-х гг. городское население начинает преобладать, однако это не меняет ситуации в целом. Характер развития городской среды в Юго-Западном регионе позволяет говорить о сельском характере урбанизации, в том числе и потому, что она не противостоит сельской местности, а развивается в соответствии с ее потребностями.

В границах изучаемого региона наблюдается заметное сокращение поселенческой сети (в 2,7 раза в сравнении с 1939 г.), однако оно не затронуло каркас сельского расселения и не привело к созданию кризисной ситуации. В поселенческом плане этот регион можно рассматривать как вполне стабильный, но перспективы его развития неутешительны. Поселенческая сеть зависит от состояния сельскохозяйственной отрасли. В условиях общего кризиса аграрной сферы деструктивные влияния неизбежно будут затрагивать и систему расселения.

Юго-Восточный сельскохозяйственный район

В Зауралье, в южной части Свердловской области, раскинулись территории Юго-Восточного сельскохозяйственного региона, объединившего в конце 1980-х гг. Байкаловский, Богдановичский, Ирбитский, Камышловский, Пышминский, Сухоложский, Слободотуринский, Талицкий, Тугулымский районы. В 1930—1960-е гг.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РАЙОН

№	Горсоветы
I	Ирбит
II	Камышлов

№	Районы
1	Ирбитский
2	Камышловский
3	Богдановичский
4	Сухоложский
5	Байкаловский
6	Пышминский
7	Талицкий
8	Слободо-Туринский
9	Тугулымский

в ходе административно-территориальных реорганизаций в этих границах то появлялись, то вновь исчезали Краснополянский, Зайковский, Еланский, Знаменский, Буткинский районы, а в 1939 г. как административно-территориальные единицы были отмечены горсоветы Ирбита и Камышлова¹⁴.

Большая часть населения региона проживает в городской местности, она составила в 1989 г. 58,3 %. Здесь расположены старейшие города области — Ирбит, Камышлов, а также Богданович, Сухой Лог, Талица. Помимо них на территории региона в конце 1980-х гг. было зарегистрировано 10 поселков городского типа, в т. ч. 3 районных центра: Пышма (1943), Байкалово (1972), Тугулым (1962).

В отличие от горно-заводских районов, изучаемая территория менее заселена: по данным переписи 1989 г. плотность населения здесь составила 16,4 чел./кв. км. Этот показатель ненамного отличается от характеристик Юго-Западного района и почти не изменился в сравнении с 1920-ми гг., хотя произошли некоторые сдвиги в структуре народонаселения. Если раньше основная часть жителей проживала в сельской местности и они были достаточно равномерно распределены по территории, то в 1960—1980-е гг. растет доля городского населения при одновременном обезлюдении сельской округи, где плотность населения снижается вдвое.

Юго-Восточный район всегда имел большое значение в обеспечении населения Среднего Урала сельскохозяйственной продукцией. Занимая 12,8 % общей площади Свердловской области, он сосредоточивал более 40 % пахотных земель и производил около половины валового сбора зерновых культур. Недаром Зауралье всегда называли житницей края.

Природно-климатические условия края весьма разнообразны. Здесь встречается несколько природных зон. Северная часть (до р. Ницы) лежит в пределах зоны лесов. В этой местности преобладают подзолистые почвы, характерна сильная заболоченность. Большая часть территории региона относится к лесостепи, где представлены преимущественно серые, светло-серые и темно-серые почвы со значительным распространением черноземов, особенно

¹⁴ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811.

в бассейне р. Пышмы. Основными элементами рельефа являются плоские низменные равнины.

Геологические особенности формирования территории обусловили наличие различного строительного сырья — месторождений глин, кварцевого песка, известняка, которые являются базой для развития промышленности стройматериалов. Климат континентальный с более высокой, чем в соседних регионах Среднего Урала, средней температурой (до $+1,5^{\circ}$) и меньшим количеством осадков (380—400 мм).

В основном природные условия юго-восточных районов Свердловской области благоприятны не только для развития сельского хозяйства, но и для промышленности, что отразилось в отраслевой структуре региона. Здесь получили развитие производство строительных материалов, машиностроение и металлообработка, легкая и пищевая промышленность, лесопромышленный комплекс, однако основной удельный вес валового продукта всегда составляла сельскохозяйственная продукция.

Регион отличается достаточно благоприятными транспортными условиями, его пространство пересекают три железнодорожные линии. Наиболее крупными транспортными узлами выступают Ирбит, Богданович, Камышлов. Однако отдельные районы — Байкаловский и Слободо-Туринский — совсем не имеют железных дорог. Их отсутствие в определенной мере компенсируется наличием сети шоссейных и грунтовых дорог. Через южные земли проходит Сибирский тракт, который служит связующим звеном с Западной Сибирью и областным центром.

Заселение и освоение юго-восточного района относится к началу XVII в. Этот период отмечен усилением миграционных процессов в направлении с севера на юг. От г. Верхотурья колонизация шла сначала по р. Туре, позднее возникают населенные пункты и слободы по берегам р. Ницы, а еще позднее — на р. Пышме. Большую роль в заселении края сыграла знаменитая Бабиновская дорога. В 1597 г. Артемий Бабинов указал путь на р. Туру и по ее течению на Тюмень, вдоль которого возникают слободы и город Верхотурье (1598).

Первым русским поселением на территории края, по-видимому, является дер. Юшкова, названная по имени первопоселенца¹⁵. В целом заселение шло по схеме, характерной для северных территорий. Сначала возводились укрепленные поселения — слободы, которые затем начинали обрастать деревнями и починками. Они основывались по инициативе либо воеводской администрации, либо отдельных предпринимателей-слободчиков. Слободы становились центром округа, выполняя оборонные, административные и экономические функции. В них строились храм с острогом, государственные амбары, двор приказчика, торговые заведения. Слободские остроги представляли собой небольшие крепости, местный гарнизон которых формировался нередко из «охочих» людей. Таким образом, слободы становились опорными пунктами освоения Зауралья, обеспечивая защиту переселенцев от набегов кочевников.

В 1622 г. архиепископом Киприаном в устье реки Ницы была заложена Усть-Ницинская слобода. Немного позднее на берегах реки появился еще ряд поселений: в 1624 г. — Ницинская слобода, позднее названная Красной, в 1627 г. — Бобровская и др. Плодородные черноземы ницинской долины привлекали переселенцев, поэтому процесс освоения территории шел достаточно быстро, хотя новоселов подстерегало немало трудностей. Наибольшую опасность представляли набеги кочевников. Так, например, основанная в 1627 г. Верх-Ницинская слобода (Елань), уже через год была выжжена дотла, но вскоре восстановлена и обросла деревнями. Рядом появились деревни Лыжина, Макушина, Менщикова, Игнатьева, разросшиеся впоследствии в крупные населенные пункты. Внешняя угроза подталкивала к строительству новых укрепленных пунктов. Так появляются в 1630 г. слобода Байкалово, а в 1631 г. — Ирбеевская слобода.

Ирбеевская слобода, основанная слободчиком Иваном Шипицыным, вскоре заняла особое место в структуре расселения региона, превратившись в крупнейший торговый центр Урала. Причиной такого преобразования стало удачное географическое расположение

¹⁵ См.: *Новопашин М. и др.* Крестьянский сарафан малахитницы. Екатеринбург, 2003. С. 141—143.

селения: через него проходила Бабиновская дорога. Вскоре после основания в слободе начал складываться торжок, узаконенный в 1643 г. в ярмарку¹⁶, которая очень быстро переросла местные масштабы и приобрела не только всероссийскую, но и международную известность. Уже в XVII в. слобода занимала видное место во внешней торговле с Англией, Голландией, Швецией, Польшей. Здесь продавали пушнину, железо, холсты, пряности, чай и мн. др.

В 1662 г. Ирбеевская слобода была переименована в Ирбитскую, а спустя еще сто лет, в 1775 г., стала городом. В 1781 г. Ирбитский уезд вошел в состав Пермской губернии.

Практически одновременно с Ирбитской слободой в 1646 г. слободчик Давыд Андреев начал строительство Туринской слободы, расположенной на пересечении двух транспортных магистралей — реки Туры и Бабиновской дороги¹⁷.

Поселения по реке Пышме и ее притокам отмечены со второй половины XVII в. В частности, возникновение Ощепковско-Пышминской слободы относится к 1646 г. Ее основателями были братья Ощепковы — раскольники с Великого Устюга.

Несколько лет спустя был возведен Пышминский острог. В 1662 г. Пышминская слобода подверглась набегу татар, была разграблена и сожжена, но быстро восстановилась. К 1680 г. вокруг слободы уже раскинулось 9 деревень: Бродовская, Подволошная, Дернейская, Пылаева, Кочергина, Чусовская, Заборская, Кочевская, Катарач. В дальнейшем на Пышме появляется еще ряд острогов, строительство которых преследовало прежде всего оборонительные цели. В 1670 г. была построена Красноярская слобода, в 1677 г. — Юрмытская. Растет и число крестьянских поселений: в конце XVII в. возникают села Чупино, Четкарино, Черемыш¹⁸.

¹⁶ См. об этом: *Смирных А. и др.* Уездные столицы. С. 6—8.

¹⁷ См.: *Горбунов Ю. и др.* На государевой дороге. Екатеринбург, 2002. С. 261.

¹⁸ См.: *Новопашин М. и др.* Крестьянский сарафан малахитницы. С. 71. Приведенные даты основания Камышловской и Пышминской слободы расходятся с данными Г. Н. Чагина. По его свидетельству, Камышловская слобода была основана в 1664 г., Пышминская — в 1674 г. (подробнее см. об этом: *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. С. 140.)

Камышловская слобода, ставшая также одним из центров региона, была заложена в 1668 г. по приказу верхотурского воеводы приказчиком Пышминской слободы Семеном Будаковым. Первоначально она называлась Камышевская, а в 1687 г. была переименована в Камышловскую. К 1680 г. вокруг слободы было уже 6 населенных пунктов: деревни Темная, Корелина, Подволошная, Родионова, Обухова и деревня на речке Калиновке¹⁹. Немного позднее в округе было основано еще несколько селений — деревни Шипицына, Казакова, Колесникова, Погорелка, Чикунова, Ожгихинская, Захаровская, Насонова, село Скатинское и др. К началу XVII в. приречные долины края были уже достаточно плотно заселены.

Хотя в Камышловской слободе не было заводов, тем не менее ее жители были связаны с горно-заводским делом — слобода была приписана к Уктусскому и Каменскому заводам. В 1781 г. она получила статус уездного города и стала административным центром большой территории. Однако преобразование слободы в настоящий город происходит несколько позднее — только в XIX в., когда здесь разворачивается каменное строительство. Большую роль в развитии города сыграл Сибирский тракт, открытый в 1781 г., именно он и дороги, отходящие от него, способствовали развитию в Камышлове торговли и промышленности.

Во второй половине XVII в. началось заселение восточной части района, где земли не были так плодородны и привлекательны, как в долинах р. Пышмы и Ницы, но тем не менее были важны в стратегическом отношении. Освоение территории будущего Тугулымского района шло по нескольким направлениям: со стороны Тюмени сюда двигались посадские люди, крестьяне, казаки, осваивавшие пустующие земли. Так возникли дер. Кокшарова, Рябова, Мальцева, Гилева и др.; со стороны Усть-Ницинской слободы переселялись крестьяне, основавшие дер. Зубкова, Кайгародова, Двинка, Трошкова, Гурина и др.; с юго-запада и запада вдоль рек Пышмы и Беяковки также шел поток крестьян. В конце XVII в. впервые упоминается деревня Тугулым. С освоением восточных территорий завершается первый этап освоения края, и вдоль рек формиру-

¹⁹ См.: Смирных А. и др. Уездные столицы. С. 198.

ется достаточно обширная поселенческая сеть, основу которой составили слободы.

В XVIII в. процесс заселения региона продолжается, в том числе появляются новые слободы, вокруг которых идет освоение территорий. Так, например, Камышловская слобода в 1702 г. имела посад и 14 деревень. Население Ирбитской слободы и 13 окружающих деревнях в 1710 г. составило 1 821 человек²⁰.

К концу XVIII в. структура расселения приобретает более равномерный характер, охватывая уже не только речные долины, но и водоразделы. По данным Пятой ревизии в 1795 г. в трех уездах Пермской губернии — Ирбитском, Камышловском, Шадринском — проживало 158 142 человека, здесь отмечено 1 274 сельских поселения, в т. ч. 34 слободы, 57 сел и 1 180 деревень, 3 острожка²¹.

В дальнейшем развитие изучаемой территории определялось рядом таких факторов, как формирование регионального рынка и дальнейшая специализация территории на производстве сельскохозяйственной продукции, удобное географическое расположение и наличие транспортных условий. Большое значение для развития края имел Сибирский тракт, а позднее строительство Уральской железной дороги, связавшей Пермь с Екатеринбургом и Тюменью, благодаря которой в 1885 г. недалеко от Камышлова на месте деревеньки Аверино была построена железнодорожная станция, названная по имени инициатора строительства Сибирской магистрали — Е. В. Богдановича. Определенное значение для экономики края приобретает промышленность: здесь, в частности, получили развитие мукомольное, винокуренное производства, основанные на местном сырье, возникли бумажные и стекольные фабрики, расширились промыслы, связанные с обработкой древесины, минерального и сельскохозяйственного сырья, а также кожевенное и пимокатное производства. Важным условием развития региона в XVIII—XIX вв. стала Ирбитская ярмарка.

Все это способствовало развитию поселенческой сети Юго-Восточного района, придавая ей специфические черты. В 1857 г.

²⁰ См.: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. С. 141.

²¹ См.: Там же. С. 74, 149.

по Ирбитскому, Камышловскому и Шадринскому уездам численность населения составила 572 147 человек, а число поселений — 1 019²². Таким образом, в сравнении с 1795 г. при значительном росте населения (в 3,6 раза) происходит некоторое сокращение и укрупнение сельских поселений. В Пермской губернии наиболее многолюдные деревни располагались в Екатеринбургском (148 дворов на одно селение), а также в Камышловском (соответственно 93,6) и Шадринском (92,8) уездах²³.

Такая картина характерна для завершающего этапа аграрного освоения территории, в рамках которого заняты все удобные для сельскохозяйственной деятельности земли и развитие поселенческой сети происходит не за счет ее количественного расширения и появления новообразований, а с помощью структурной перестройки, укрупнения поселений, в т. ч. и за счет их слияний. В частности, село Тугулым было образовано путем объединения в 1782 г. двух деревень — Красноборской (появилась в 1684 г.) и Тугулымской (соответственно в 1670 г.), расположенных на противоположных берегах реки Тугулымки²⁴.

В начале XX в. система расселения Юго-Восточного района помимо трех уездных городов насчитывала 1 137 сельских населенных пунктов, представленных преимущественно средними по людности (от 30 до 300 дворов) поселениями (табл. 11.7).

В 1909 г. малые поселения составили в регионе 9,7 %, а средние — 83,6 %, т. е. они определяли структуру и характер расселения. В северном Ирбитском уезде удельный вес малых поселений был несколько выше и достиг 16,0 %. В Камышловском и Шадринском уездах поселенческая сеть была крупнее, что нашло отражение в средних показателях людности. В Ирбитском уезде он составил 502,7, в Камышловском — 684,4, в Шадринском — 1 156,7 человека.

На территории трех уездов насчитывалось 4 завода, 223 села, 864 деревни, 46 поселков и выселков. В дальнейшем последняя ка-

²² См.: Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. С. 73.

²³ См. об этом: Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XIX века. С. 155.

²⁴ См.: Новопашин М. и др. Крестьянский сарафан малахитницы. С. 147—149.

Таблица 11.7

*Распределение сельских населенных мест Ирбитского, Камышловского и Шадринского уездов Пермской губернии в 1909 г. по людности**

Число дворов на одно селение	Число селений по районам			
	Ирбитский	Камышловский	Шадринский	Итого
До 5	1	1	1	3
6–10	6	6	2	14
11–20	13	5	11	29
21–30	30	14	20	64
31–50	64	38	38	140
51–100	110	116	122	348
101–200	58	139	134	331
201–300	22	51	59	132
301–400	5	13	23	41
401–500	1	6	6	13
501 и более	3	6	13	22
<i>Всего</i>	<i>313</i>	<i>395</i>	<i>429</i>	<i>1 137</i>

* Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 16.

тегория сельских поселений расширяется за счет появления хуторов и организации переселенческих участков. В Слободо-Туринской волости в 1907—1912 гг. переселенцы из центральных губерний основывали в тайге деревни Ишкулка, Малиновка, Городище, Плясунова и др.²⁵ В Ирбитском уезде к 1917 г. в результате реализации Столыпинской реформы были выделены 283 хутора; правда, среди них 88 были «бумажные», т. е. реально не переехали на выделенные земли²⁶.

В 1920-е гг. Юго-Восточный район, как и другие регионы Среднего Урала, переживает стадию расширения (табл. 11.8). В 1923 г. в рамках Уралобласти территории района были распределены между

²⁵ См.: Горбунов Ю. и др. На государственной дороге. С. 261.

²⁶ См.: Еремин А. Ирбитская деревня в конце XIX — начале XX века. Екатеринбург, 1997. С. 17.

Таблица 11.8

*Основные статистические характеристики
Юго-Восточного сельскохозяйственного района**

Годы	Территория, кв. км	Численность населения, чел.	Число сельских населенных пунктов***	Число городов	Число рабочих поселков
1909 (Ирбитский, Камышловский, Шадринский уезды)	42 560,4	781 674	1 137	3	—
1928**	28 000,0	423 552	1 333	2	1
1939	24 800,0	383 023	1 466 (1 606)	2	3
1956	25 413,9	440 794	1 268 (1 301)	5	5
1970	24 823,7	426 489	762 (871)	5	8
1979	24 823,7	400 704	603 (600)	5	10
1989	24 835,9	406 440	549 (550)	5	10

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке»; Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии». С. 14; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ; Т. 14. Тюменский округ; Т. 16. Шадринский округ. Свердловск, 1928.

** В сводку вошли статистические показатели районов: Байкаловского, Еланского, Зайковского, Знаменского, Ирбитского, Заводоирбитского, Слободо-Туринского, Костинского Ирбитского округа Уральской области, а также Богдановичского, Курьинского, Буткинско-го, Камышловского, Пышминского, Четкаринского районов Шадринского округа, Липчинского, Талицкого, Тугулымского районов Тюменского округа.

*** В скобках приведена численность поселений по материалам БД, без скобок — данные административного учета: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г.; Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г.; Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Ирбитским, Шадринским и Тюменским округами, в составе которых просуществовали вплоть до 1934 г. — момента образования Свердловской области. Несмотря на несопоставимость сведений таблицы за 1909 и 1928 гг., мы все же можем констатировать значительный рост поселенческой сети региона, основной причиной которого можно считать проведение землеустроительных работ, связанных с разукрупнением поселений. В отличие от других округов Уралобласти, межселенное землеустройство в Зауралье к концу 1920-х гг. было

практически завершено, в результате чего появилось множество выселков и хуторов.

Так, например, в 1920-е гг. в Ирбитском округе появилось 147 выселков, в т. ч. в Знаменском районе — 52, в Байкаловском — 16, Зайковском — 17, Слободо-Туринском — 15²⁷. В Богдановичском районе Шадринского округа в 1921—1926 гг. было образовано 12 выселков. Аналогичная картина наблюдается и по другим административным районам.

Для юго-восточной зоны характерно появление значительного числа поселений, связанных с новыми формами организации сельскохозяйственного производства — колхозами, коммунами, совхозами. При проведении землеустройства в первую очередь решались вопросы с организацией коллективных хозяйств, которым выделялись лучшие земли. Такие поселения встречаются практически везде. К примеру, в Камышловском районе в 1920 г. была организована коммуна «Осуществленная мечта», в Курьинском районе — коммуны «Красный боец», «Красные орлы», «Восход солнца» и др. На территории Грязновского сельсовета был отмечен колхоз «Красный маяк», образованный еще в 1921 г.²⁸ Все они были немногочисленными и насчитывали 46—80 жителей.

В конце 1920-х гг. в регионе разворачиваются лесозаготовительные работы, особенно в Тугулымском, Слободо-Туринском районах, богатых лесами. В Тугулымском крае лесозаготовки начались на Ирюмском лесоучастке в 1927 г., затем они развернулись и в пос. Юшала, превратившемся в один из крупнейших леспромов. В связи с развитием этой отрасли в структуре расселения ширится число кордонов и лесоучастков. Появляются новые поселения, связанные с обслуживанием железных дорог, линий электропередач. В частности, в 1924 г. на территории Курьинского района отмечен поселок, который назывался сторожевым постом Егоршинско-Асбестовской электролинии, с населением 8 человек²⁹.

²⁷ См.: Еремин А. Ирбитская доколхозная деревня. Екатеринбург, 1998. С. 45.

²⁸ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 16. Шадринский округ. С. 14.

²⁹ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 16. Шадринский округ. С. 58.

В 1920-е гг. получает развитие городская сеть региона. Наряду с двумя городами — Ирбитом и Камышловом, статус которых был подтвержден новым Положением, был образован рабочий поселок Троицкий. Однако уже в 1930-е гг. число поселков городского типа увеличивается до трех, в т. ч. статус рабочего поселка получает Сухой Лог. В 1940-е гг. к категории городов были причислены Талица, Сухой Лог, Богданович. В дальнейшем этот список уже не пополнялся, городская сеть растет только за счет рабочих поселков. Большинство городских населенных пунктов, за редким исключением, были образованы на базе крупных заводских или сельских поселений, выполнявших административные функции.

Между тем влияние сложившейся городской сети на систему сельского расселения было незначительным, на протяжении всего изучаемого периода удельный вес горожан оставался достаточно низким. Только в 1960—1970-е гг. в структуре населения региона происходит сдвиг в пользу городских жителей, но это все же не свидетельствовало о качественных переменах: переход к индустриальной стадии остался незавершенным. Соответственно мы можем охарактеризовать изучаемый регион как индустриально-аграрный. Кроме того, города в Зауралье выросли из сельской среды и сохранили специфику центров сельской территории, что также отразилось на процессах урбанизации.

Наряду с развитием городской сети в 1930-е гг. происходит расширение сельского расселения, хотя общий прирост незначительный — 10—20 %. Он связан в первую очередь с появлением новых лесопромышленных и лесохозяйственных поселений. В 1930-е гг. начинают вырубать не только леса, расположенные на северо-востоке региона, но и в центральной его части — Пышминском, Камышловском, Талицком районах, где располагались реликтовые сосновые боры.

Развитие сельской поселенческой сети Юго-Восточного региона в 1940—1980-е гг. нашло отражение в табл. 11.9 и дает нам представление об основных стадиях сжатия системы расселения, связанных с укрупнением сельскохозяйственного производства и политикой реконструкции советской деревни.

Таблица 11.9

*Динамика численности сельских поселений
Юго-Восточного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг. **

Показатели	1939	1956	1970	1979	1989
<i>Всего</i>					
Сельские поселения	1 606	1 301	871	600	550
Сельское население, чел.	324 882	278 347	235 507	184 015	169 589
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	202,3	213,9	270,4	306,7	308,3
Средняя плотность расселения, число поселений на 100 кв. км	6,4	5,1	3,5	2,4	2,2
<i>На территории, подчиненной горсовету</i>					
Сельские поселения	19	—	—	—	—
Сельское население, чел.	1 140	—	—	—	—
<i>На территории сельских районов</i>					
Сельские поселения	1 587	1 301	871	600	550
Сельское население, чел.	323 742	278 347	235 507	184 015	169 589

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

При уменьшении численности сельского населения почти в 2 раза, убыль сельских населенных пунктов составила 2,9 раза. А плотность расселения с 6,4 поселений на 100 кв. км снизилась до 2,2, т. е. происходит кардинальная перестройка поселенческой сети, в результате которой формируется новый, более редкий рисунок расселения.

За 1939—1956 гг. число сельских населенных пунктов в регионе сократилось на 19,0 %, в основном это небольшие сельскохозяйственные поселения — хутора, выселки, образованные в 1920—1930-е гг. Именно они в первую очередь ощутили на себе последствия политики концентрации сельскохозяйственного производства.

Наиболее заметное сокращение приходится на 1960-е гг., когда сельское расселение начинает испытывать на себе давление демографических потерь, дополненных политикой сселения малых деревень. Все это в совокупности отражается в судьбе сельских поселений, которые начинают быстро терять населения, переходят в разряд неперспективных и исчезают из списков.

Всего за 1930—1980-е гг. с карты местности региона исчезло 291 постоянное поселение из 823, т. е. 35,4 %, меньше, чем в горно-заводской зоне, но больше, чем в Предуралье. Для сельскохозяйственной модели это достаточно высокий показатель. Причем динамика закрытых поселений развивается по нарастающей: в 1939—1956 гг. исключены из списков 17 постоянных поселений, в 1956—1970 гг. — 79, в 1970—1979 гг. — 81, в 1980-е гг. — 114.

Так, например, только в Пышминском районе, по подсчетам местного краеведа Н. Т. Плотнокова, были ликвидированы в 1939 г. 3 выселка — Орловка, Сосновка, Ключи, а также деревня Зыряны, в 1971 г. — 12 деревень (Мостовая, Поникарова, Заречная и др.), разъезд Юрмыч и 5 выселков; в 1974 г. — деревни Никулина и Меньухова, поселок ГЭС, поселок Куровка, 5 кордонов, более двух десятков лесных поселков. В среднем в 1956—1989 гг. убыль составила 1,7 % поселений в год.

К ним преимущественно относились мелкие деревни и поселки сельскохозяйственного и лесопромышленного профиля, стабильно теряющие население. Но эта вполне типичная картина дополняется наличием других категорий населенных пунктов, удельный вес которых был весьма значительным. Так, например, среди закрытых в 1960-е гг. населенных пунктов 17,7 % относились к средним и крупным, в 1970-е гг. их удельный вес вырос до 25,9 %, а в 1980-е гг. превысил 30 %. Это свидетельствует о масштабах трансформации расселения: исчезают не только малые деревни, что в целом закономерно для стадии урбанизации сельской местности, но и другие категории поселений. Это дает основание говорить о наличии деформаций в эволюции поселенческой сети, ставших следствием непродуманных административных решений.

Характерно и то, что в Юго-Восточном районе наблюдается высокий удельный вес закрытых поселений, которые на момент ликвидации имели положительную динамику. В 1960-е гг. 17,7 % исчезнувших населенных пунктов относились ко 2-му типу (линейный положительный), в 1970-е гг. их удельный вес составил 3,7 %, а в 1980-е гг. — 8,3 %, что в целом свидетельствует о неоправданно высоком уровне сжатия поселенческой сети. Часть этих поселений была связана с лесопромышленной отраслью, но отнюдь не все.

Под объединение и сселение в 1960—1970-е гг. попадали в первую очередь сельскохозяйственные населенные пункты.

Интересна и общая картина распределения постоянных сельских поселений по типу динамики. В Юго-Восточном районе на протяжении изучаемого периода преобладали селения, имеющие общую отрицательную динамику, в том числе к 1-му типу (линейный отрицательный) относилось 65,6 %. По этому показателю Юго-Восточный район уступал только Северо-Восточному лесопромышленному и Центральному горно-заводскому районам. Напротив, удельный вес поселений 3-го типа (полином 2-) оказался самым низким среди всех экономико-географических районов области (13,2 %), что свидетельствует о раннем переходе Зауралья к стадии сжатия. Негативную тенденцию дополняет рекордно высокий показатель поселений 5-го типа (полином 3 - + -) — 6,8 %, свидетельствующий о том, что даже наличие позитивных факторов не меняло для большинства поселений общей негативной направленности развития.

Таким образом, данная территория раньше, чем Приуралье, вступает в стадию урбанизационного перехода, начиная терять население. Этому способствовало измельчание поселенческой сети, произошедшее в 1920—1930-е гг. Так, например, в Ирбитском округе средний показатель людности составил 261,7 чел., в Шадринском несколько выше — 564,7 чел., но это все равно наполовину меньше того, что было в 1909 г. К концу 1930-х гг. в среднем на одно поселение приходилось уже 202,3 человека. На людность поселений, кроме высокого удельного веса мелких населенных пунктов, определенное влияние оказало ухудшение демографической ситуации в деревне, связанное с голодом 1932 г., раскулачиванием, оттоком населения и другими негативными факторами.

Во второй половине XX в. сокращение поселенческой сети на юго-востоке, как и в других районах Свердловской области, привело к увеличению средней людности поселений, но уровень начала века так и не был достигнут.

Уточнить средние показатели людности позволяет анализ распределения сельских населенных пунктов региона по численности населения (табл. 11.10).

Таблица 11.10

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Юго-Восточного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от людности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	0	117	64	14	29
До 5	194	94	36	15	20
6–10	144	69	32	10	17
11–50	402	177	123	81	73
51–100	203	119	74	74	74
101–200	206	222	143	137	115
201–300	111	157	136	79	64
301–400	89	108	82	60	35
401–500	69	63	57	25	18
501–1 000	133	106	100	76	64
1 001 и более	55	29	24	29	39
Нет сведений	0	40	0	0	2
<i>Всего</i>	<i>1606</i>	<i>1301</i>	<i>871</i>	<i>600</i>	<i>550</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

В 1939 г. мелкие поселения (до 200 чел.) составляли 71,6 %, в то время как удельный вес крупных поселений не превышал 11,7 %, а модальное значение показателя находится в интервале от 11 до 50 человек, указывая на типичность мельчайших поселений. В результате по состоянию на конец 1930-х гг. поселенческую сеть региона можно охарактеризовать как мелкоселенную, что не соотносится с исторически сложившимся вариантом расселения. К 1989 г. доля мелких поселений снизилась до 59,6 %, но они все же продолжают преобладать. Удельный вес крупных населенных пунктов (свыше 500 человек) поднялся до 18,7 %, однако это не изменило ситуации. В абсолютном выражении численность крупных поселений сократилась очень существенно — со 188 до 103.

В ходе перестройки поселенческой сети происходит исчезновение из списков сотен мелких поселений, которые превращаются в пустоши. Одновременно идет размывание и измельчание катего-

рий крупных и средних населенных пунктов. Этот процесс особенно заметен по данным 1956 г., когда фиксируется рекордное число поселений, не имеющих жителей, происходит резкое снижение численности крупных поселений и незначительный рост средней группы. В этот период наблюдается общее смещение в структуре расселения, дополненное впоследствии процессами поляризации: увеличивается число крупнейших поселений с числом жителей более 1 тыс. человек и мелких — за счет сокращения средних. Для данной территории, как и для других, свойственны разные варианты ликвидации поселений. В частности, определенная часть населенных пунктов попала в городскую черту городов, как, например, деревни Закамышловская, Насонова, Бутырки, ставшие частью г. Камышлова.

Но преобладают все же радикальные варианты. В 1970-е гг. в Зауралье сселение проводилось особенно активно. Только в Пышминском районе в 1971 г. были исключены из учетных в связи с сселением деревни Подвысочная, Зыряны, Поникарова, Мостовая, Маслянка, Басаргина, Менухова, Межовка, Багрова, Путилова³⁰. Аналогичная ситуация наблюдается в Талицком, Ирбитском и других районах.

Таким образом, если до конца 1950-х гг. на структуру расселения воздействовали прежде всего демографические факторы (именно они инициируют общее измельчание поселенческой сети), то в последующий период развитие поселений дифференцируется политическими решениями. Развитие единичных центральных поселений осуществляется за счет деградации абсолютного большинства периферийных.

Отраслевая структура расселения Юго-Восточного района типична для сельскохозяйственной территории (табл. 11.11). В ней на протяжении всего изучаемого периода преобладают сельскохозяйственные поселения, которые составили в 1939 г. 64,9 %, а к 1989 г. их удельный вес вырос до 87,8 %. В общей сложности сельскохозяйственные населенные пункты сократились в 2,2 раза.

³⁰ См.: *Новопашин М. и др. Крестьянский сарафан малахитницы*. С. 138.

Таблица 11.11

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Юго-Восточного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	1 042	845	686	539	483
Охотопромысловые, рыбохозяйственные	0	0	1	1	2
Несельскохозяйственные	564	344	127	47	35
В том числе:					
административные	6	6	2	4	1
агропромышленные	0	0	1	0	0
геологоразведочные	1	0	0	0	0
промышленные	69	34	21	4	11
транспортные	220	129	54	17	16
лесохозяйственные	251	166	39	20	6
рекреационные	16	8	9	2	1
образовательные	1	0	0	0	0
Другие	0	1	1	0	0
Нет сведений	0	112	57	13	30
<i>Всего</i>	<i>1 606</i>	<i>1301</i>	<i>871</i>	<i>600</i>	<i>550</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Несельскохозяйственные поселения, напротив, теряют свой удельный вес с 35,1 % в 1939 г. до 6,4 % в 1989 г. И в абсолютном, и в относительном выражении несельскохозяйственные поселения утрачивают свое влияние в системе расселения, за 1939—1989 гг. их численность сократилась в 16 раз. Это, пожалуй, рекорд среди других экономических районов области, и определяется он двумя моментами — исчезновением лесных поселений и сокращением транспортных. Относительно лесных поселений такая картина складывается не только в связи с изменением методов учета и развитием технологий лесозаготовок. В данном регионе, где лесные массивы не столь значительны, как на севере, в послевоенный период началось свертывание деятельности леспромхозов. В результате хищнических вырубок практически погибли уникальные припыш-

минские боры, что неудивительно: в 1930-е гг. Камышловский лес-промхоз заготавливал в среднем до 700 тыс. кубометров древесины в год. Сплошные вырубки привели к серьезным экологическим нарушениям: изменился ландшафт, началось заболачивание земель. Впоследствии предпринимались попытки восстановить лесной покров, но они были недостаточными. Только менее чем на половине (40 %) вырубок были возобновлены лесопосадки³¹. Таким образом, ресурсная база для развития лесопромышленного производства была исчерпана.

Характерной особенностью поселенческой структуры района выступает достаточно высокий показатель численности сельских поселений, выполняющих административные функции. Его динамика определяется двумя моментами: во-первых, преобразованием практически всех административных центров, за исключением с. Туринская Слобода, в городские и, во-вторых, постоянными административными реорганизациями, которые проводились в крае, в результате чего определенные поселения то приобретали административные функции центра района, то теряли их. К ним относятся, в частности, села Елань, Бутка, Краснополянское.

Промышленные поселения демонстрируют довольно неровную динамику. Если в 1939 г. их насчитывалось 69 — это поселки карьеров, кирпичных заводов, электростанций и т. д., то к 1979 г. их численность сократилась до 4, а в последующие десять лет выросла до 11. Динамика промышленных поселений в значительной мере зависит от отраслевой специфики и наличия необходимых ресурсов. По мере выработки одних источников производство перемещается на другие.

Природно-климатические условия региона способствовали развитию рекреационной сети. На его территории имеются уникальные минеральные источники, на которых были построены крупные санатории: Курьи, Обуховский и др. Здесь функционируют многочисленные дома отдыха, но в справочниках по административно-территориальному делению они, как правило, не отмечены. Только один населенный пункт выделен в списках 1989 г. как ре-

³¹ См.: *Новопашин М. и др.* Крестьянский сарафан малахитницы. С. 76.

креационный — это санаторий Глядены в Сухоложском районе, в остальных случаях поселки при домах отдыха или ведомственных профилакториях учитывались как подразделения предприятий и не выделялись в качестве самостоятельных населенных пунктов либо приписывались к рядом расположенным деревням и селам, как, например, Обуховский санаторий.

Наличие скрытой поселенческой сети, которая в наибольшей степени затрагивает лесохозяйственные и рекреационные поселения, затрудняет их изучение и оценку влияния на систему расселения.

Достаточно интересна типологическая структура сельских поселений региона (табл. 11.12).

Таблица 11.12

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Юго-Восточного сельскохозяйственного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от типа поселения**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Аул	0	20	18	0	0
Барак	305	4	3	0	0
Будка	101	64	13	0	0
Выселок	276	103	4	0	0
Деревня	483	580	521	407	365
Казарма	0	0	10	0	0
Кордон	52	61	11	0	0
Поселок	214	357	183	79	68
Село	121	106	106	114	117
Хутор	54	2	2	0	0
Другие	0	4	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>1606</i>	<i>1301</i>	<i>871</i>	<i>600</i>	<i>550</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Помимо традиционных типов — выселков, хуторов, деревень и сел, здесь встречаются аулы. Они имеют четкую этническую привязку и фиксируются как поселения казахов. Интересно, что аулы казахов отмечены только в материалах переписей 1959 и 1970 гг.,

в последующие годы они не фиксируются. Всего в 1959 г. на территории Свердловской области было зарегистрировано 44 казахских поселения (23 обозначены как аулы), в 1970 г. — 45. В 1979 и 1989 гг. населенные пункты с казахским населением сокращаются до 6 и обозначаются уже как деревни. Распространение казахских поселений можно достаточно четко локализовать: они размещались в Камышловском, Байкаловском, Ирбитском, Пышминском, Сухоложском районах, т. е. на юго-востоке области, а также в Каменском районе.

По своей хозяйственной направленности все зафиксированные казахские поселения были сельскохозяйственными, в переписных материалах они отмечены как бригады или фермы колхозов и совхозов. Характерно и то, что среднее число жителей в них колеблется от 35,5 в 1956 г. до 8,7 человек в 1989 г., т. е. они относятся к малодворным поселениям. Чаще всего жителями аула выступали члены одной семьи. Это нашло отражение в названиях селений. Например, в Камышловском районе в 1959—1970 гг. были отмечены аулы Абишева, Есмигамбетовых, Жамбекова, Жампетова, Жаркимбаевых, Жасуповых и др.

Следует отметить и еще одну особенность — временный характер поселений казахов. Подавляющее большинство аулов существовали недолго, в течение одного-двух переписных периодов, а затем исчезли из регистрационных списков. Возможно, в силу малолюдности значительная их часть перестала регистрироваться, а население причислялось к близлежащим крупным поселениям. Динамичность и временный характер поселений казахов могут быть связаны с полукочевым образом жизни, вследствие чего семья могла неоднократно менять место жительства, выполняя по подряду работы в колхозах и совхозах и создавая временные поселения. Не исключены варианты, когда казахи могли заселять опустевшие русские деревни. Как это произошло в деревнях Николаевка, Коновалова, Пристыкина Талицкого района. Здесь на протяжении всего прошлого века фиксируется преимущественно русский состав населения, численность которого стремительно падает, к 1989 г. эти деревни оказываются заселенными исключительно казахскими семьями из 3—7 человек.

Казахские поселения, расположенные на территории Свердловской области, пока не стали объектом этнографического описания, поэтому с полной уверенностью говорить об этнокультурной специфике этих поселений затруднительно.

В структуре расселения Юго-Восточного района в 1939 г. 20,5 % составляли выселки и хутора, 30,1 % — деревни, 7,5 % — села. Традиционные типы поселений преобладали на протяжении всего изучаемого периода. К 1989 г. удельный вес деревень составил 66,4 %, а сел — 21,3 %. Доля поселков в структуре расселения остается стабильно невысокой — 12—13 %. Типологическая структура поселенческой сети в целом отражает сельскохозяйственную специализацию региона, где урбанизационные влияния проявляются достаточно слабо.

Итак, структура расселения в Юго-Восточном районе сохранила в хозяйственно-типологическом отношении традиционные черты, кардинальным образом изменились количественные характеристики поселенческой сети: из среднеселенной она трансформировалась в мелкоселенную, что идет вразрез с исторически сложившейся системой.

Развитие поселенческой сети региона в целом можно рассматривать как характерное для сельскохозяйственного региона со средним уровнем заселенности и низким уровнем урбанизации. Основная часть сельских поселений региона в ходе модернизации теряет население, переходя в более низкую категорию. В результате можно говорить о формировании кризисной ситуации в расселении. Характерная для большинства (85,6 %) сельских поселений негативная тенденция развития свидетельствует о деградации системы сельского расселения, что неизбежно отражается на состоянии его каркаса. Уровень урбанизированного расселения в силу слабости и специфичности городской поселенческой сети, а также незавершенности агроперехода так и не был достигнут.

Для сельскохозяйственных регионов Свердловской области присуще много общих черт — от природно-климатических условий и хозяйственной специализации до плотности населения и примерно одинаково низкого уровня урбанизации территории. Это находит

свое отражение в динамике расселения, где направленность и интенсивность трансформации поселенческой сети происходит под влиянием совокупности факторов, связанных с особенностями демографического движения населения и процессов концентрации сельскохозяйственного производства. И в Приуралье, и в Зауралье, где исторически сложилась поселенческая сеть с преобладанием средних и крупных населенных пунктов, в 1920-е гг. происходит смещение руралистической структуры в сторону увеличения доли мелких поселений. Но возвратные процессы были реализованы на западных и восточных территориях по-разному. В Юго-Западном районе к концу 1980-х гг. произошло восстановление средненаселенных характеристик поселенческой сети, в Юго-Восточном это не случилось: она осталась мелкоселенной. Для восточных районов характерны более высокие темпы свертывания поселенческой сети в 1940—1980-е гг. и, как результат — более значительное снижение плотности расселения. Если в Юго-Западном районе мы наблюдаем более мягкий («естественный») вариант урбанизационной перестройки, в ходе которого был сохранен и даже получил дальнейшее развитие опорный каркас расселения, то в Юго-Восточном происходит его частичное разрушение и деградация.

С чем связаны эти нюансы развития? Здесь необходимо учитывать следующие основные моменты: 1) национальный состав населения и 2) влияние этнокультурной традиции на стабильность поселенческой сети, а кроме того, 3) уровень промышленного развития региона. В Юго-Восточных районах состав населения был более однородным и преимущественно русским, в Юго-Западных, напротив, сохранились локальные группы уральских марийцев и татар. Они в значительной степени определяют этнокультурную ситуацию в регионе. Как показал анализ факторов динамики, нерусские поселения обладают большей устойчивостью и демографическим потенциалом, что мы можем наблюдать на примере марийских и татарских деревень, расположенных в Ачитском и Красноуфимском районах.

Свою роль сыграла отраслевая структура региона. Для юго-восточных районов присуща более сложная отраслевая структура экономики, которая невольно отражается на состоянии и пер-

спективах сельской местности и влияет на динамику и структуру миграционных потоков. В Юго-Западном районе экономический потенциал, в т. ч. и промышленный, ориентирован на сельскохозяйственное производство, поддерживая его.

Для сельскохозяйственных районов перестройка поселенческой сети еще не завершена, и эволюция урбанизированной модели расселения имеет свои особенности, связанные со спецификой функционирования сельского хозяйства. Перспективы развития поселенческой сети этих районов находятся в непосредственной зависимости от решения комплекса социально-экономических проблем благоустройства и экономического подъема сельской местности.

Глава 12

ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОЕ РАССЕЛЕНИЕ

Эволюция и специфика лесопромышленного расселения

Лесопромышленное расселение, сложившееся в районах проведения лесозаготовок в XX в., можно отнести к а зональным типам. Как при сельскохозяйственном, горно-заводском или железнодорожном заселении, густота, структура и рисунок поселенческой сети в этом случае целиком и полностью определяются спецификой организации и функционирования лесопромышленной отрасли. Эволюционно лесопромышленное расселение накладывается на исторически сложившийся каркас поселенческой сети и при определенных обстоятельствах может превратиться в основной фактор трансформации системы расселения региона.

Можно выделить следующие признаки, характерные для лесопромышленного расселения.

- **Дисперсность расселения.** Определяется спецификой объекта производства — лесными ресурсами. Для реализации лесозаготовительной или лесоохранной деятельности необходимо создать сеть лесных поселков, расположенных на местности в со-

ответствии с размещением лесного массива и охватывающих равномерно его площадь. Местоположение поселений определяется в зависимости от наличия производственных условий — доступности лесных массивов, транспортных путей, перерабатывающих производств. Социально-бытовые факторы вторичны и часто не учитываются.

- **Многоуровневая структура населенных мест.** В рамках этой структуры выделяется производственный центр и участки, объединенные иерархическими хозяйственными и административными связями. В конечном итоге складываются локальные системы сетевого типа, территориально совпадающие с границами лесохозяйств и леспромхозов.

- **Производственные центры.** Представляют собой полифункциональные относительно крупные поселения, где сосредоточены процессы переработки леса и его дальнейшей транспортировки. Численность населения достаточно высока и может достигать от нескольких сотен до нескольких тысяч человек в зависимости от масштабов производства.

- **Производственные участки.** Это небольшие монофункциональные поселки, которые часто не имеют названий и обозначаются по номеру лесного квартала или просто как поселок лесозаготовителей. Они относятся к категории временных, т. к. продолжительность их существования зависит от объемов заготовок и истощения лесных ресурсов. Поселки лесозаготовителей характеризуются упрощенной структурой и состоят из жилых домов барачного типа, общежитий и минимального набора социальных объектов: столовая, баня, клуб, почта, магазин и т. п. На ранних этапах становления лесопромышленной отрасли эти поселения отличались очень тяжелыми, примитивными условиями жизни, что влияло на высокий уровень текучести кадров.

- **Подвижность и изменчивость сети лесопромышленных поселений.** Это связано с периодическим перемещением центров производства. Специфика лесопромышленного расселения определяется низкой плотностью населения, рассредоточенной редкой сетью небольших населенных пунктов. Все поселения связаны с определенными стадиями производственного

цикла, в соответствии с которыми они занимают свое место в структуре расселения.

- Дополнением к лесопромышленной сети выступают лесохозяйственные поселения, которые ориентированы на выполнение функций охраны и организации лесного хозяйства. Они включают лесохозяйственные центры — достаточно крупные селения, в которых расположены конторы лесничеств, а также кордоны с жилыми и хозяйственными постройками, предназначенными для лесничих. Кордоны разбросаны по лесным участкам в соответствии со схемой обслуживания территорий. Лесохозяйственные поселения образуют более устойчивую поселенческую сеть, чем лесопромышленные. Они отличаются меньшими размерами: обычно на кордонах проживает 4—10 человек. Центры лесничеств, напротив, более многочисленны, но все же уступают по размерам леспромхозам.

К концу 1980-х гг. лесохозяйственные и лесопромышленные поселения в России составляли примерно 20 % всех несельскохозяйственных населенных пунктов со средней людностью около 200 человек¹. Наибольшее распространение этот тип получил на Русском Севере, Урале, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. В Республике Коми, например, к 1995 г. насчитывалось 176 поселений лесопромышленного профиля, или 24 % всех сельских поселений². На Урале к числу лесопромышленных территорий относят Пермскую и Свердловскую области, особенно их северные и восточные районы. В Свердловской области это Ивдельский, Серовский, Гаринский, Ново-Лялинский, Тавдинский, Туринский, Ирбитский, Алапаевский, Тугулымский районы. В каждом районе организованы лесхозы, в рамках которых ведутся лесозаготовительные и лесохозяйственные работы.

Основы лесного хозяйства в России были заложены еще в XVIII в., а с появлением Лесного устава в 1802 г. произошло его окончательное организационное оформление. Устав был ориентирован в первую очередь на решение таких задач, как упорядочение

¹ См.: Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001. С. 276.

² См.: Фаузер В. В., Жиделева В. В., Загайнова Г. В. Расселение населения и его особенности в северных районах. Сыктывкар, 1996. С. 20.

управления лесным хозяйством, определение основных правил использования и восстановления лесных богатств. В соответствии с Указом 1828 г. в каждой губернии образовывались особые лесные отделения. Лесные массивы делились на лесничества, участки и дистанции. В дальнейшем эта система уточнялась и совершенствовалась в соответствии с новыми нормативными документами. На Урале она была ориентирована на централизацию и упорядочение использования лесных ресурсов горными заводами³. Сложившаяся в XVIII—XIX вв. система лесного хозяйства послужила организационной основой при реконструкции отрасли в советский период.

Развитие лесопромышленного расселения в XX в. было непосредственно связано с созданием крупных лесопромышленных комплексов и переходом лесозаготовительных предприятий на систему длительного пользования лесными ресурсами. Эта технологическая перестройка относится ко второй половине 1920-х гг. До этого времени лесозаготовительная деятельность развивалась в рамках горно-заводского производства как вспомогательная отрасль, масштабы ее целиком и полностью определялись потребностями заводского производства в угле и строительных материалах.

В условиях индустриализации резко растет спрос на древесину, и лесопромышленное производство выделяется в самостоятельную отрасль, оказывая все более заметное влияние на отраслевую структуру региона и его поселенческую сеть. В Свердловской области лесоустройство и формирование лесхозов началось в 1930-е гг. и в основном было завершено к концу 1950-х гг.⁴

Основной производственной единицей отрасли в 1930-е гг. становится л е с п р о м х о з — комплексное предприятие, осуществляющее заготовку, вывозку и частичную переработку древесины, сплав и подсочку леса, первичные работы по лесовозобновлению. Структура леспромхоза включала: 1) лесосырьевую базу, 2) лесо-

³ См. подробнее: *Шибает В. В.* Управление лесным хозяйством горно-заводского Урала в XVIII — первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 1. Екатеринбург, 2001. С. 88—111.

⁴ *Стариков В. Н.* Тавдинский лесопромышленный район. Свердловск, 1959. С. 24.

заготовительные пункты, 3) лесовозные дороги, 4) нижние склады с сооружениями и оборудованием, необходимым для производственной деятельности, 5) службы обслуживания производства. Пространственная структура леспромхоза была непосредственно связана с размещением на местности лесозаготовительных пунктов, дорог и других элементов производства. Выбор мест расположения осуществлялся на основе технико-экономических расчетов при проектировании предприятия.

Одной из проблем организации работы леспромхозов стало поселковое строительство. Существовало три схемы освоения лесных массивов и, следовательно, поселкового строительства.

1. Последовательное движение в глубь лесного массива. В этом случае возводились основной поселок в зоне расположения лесовозной дороги и дополнительные временные поселения в лесу. По мере выработки массива осуществлялся перенос поселка из одного сектора в другой.

2. При одновременной разработке нескольких соприкасающихся частей лесного массива предусматривалось строительство двух основных поселков — в пункте примыкания и примерно в центре лесного массива — и дополнительное временное строительство в лесу.

3. Единовременное освоение лесного массива на всей его территории или большей части с постройкой нескольких мелких поселков по числу производственных участков сроком действия от трех и более лет. Поселки располагались в центре лесного массива с тем расчетом, чтобы рабочим приходилось ходить на лесосеку на расстояние не более 5 км⁵.

В зависимости от срока службы выделялись следующие категории лесных поселков:

- основные — для постоянных работников со сроком службы до 5 лет, где персонал размещался в многоквартирных домах и общежитиях;

- основные — для постоянных работников со сроком службы более 5 лет, в которых разрешалось строительство индивидуальных жилых домов с усадьбами;

⁵ См.: Федермеер Л. А. Поселковое строительство на лесозаготовках. М.; Л., 1949. С. 6.

• вспомогательные — со сроком службы до 3 лет, возводившиеся преимущественно для сезонных рабочих.

Поселок, в котором находились управленческие службы с механизированным лесопунктом, ремонтные мастерские, культурно-просветительские, лечебные и прочие учреждения, назывался центральным, остальные поселения длительного действия — участковыми.

При выборе места под строительство поселка рекомендовалось учитывать определенные санитарно-технические требования, в т. ч. обеспеченность водой, незатопляемость и т. п., однако на практике они часто не соблюдались, что влияло на условия жизни их обитателей. В 1930-е гг. строительство лесных поселков проходило в основном по упрощенной схеме с крайне низким уровнем благоустройства. Вот как описывает один из леспромхозов Свердловской области журналист, побывавший там в 1932 г.:

...Создали ясли, детсады, выстроили лесной поселок; это, безусловно, улучшение материально-бытовых условий трудящихся. Зато в столовой грязь, нет освещения, чуть не месяц кормят одной кетой и кашей из сечки. Из соленой рыбы ухитряются сварить несоленый и малосъедобный суп. Вдобавок еще и соли на лесосеку не присылают⁶.

В 1939 г. в Уральском регионе число лесных поселков достигло 2 453 (5,3 % всей поселенческой сети), в т. ч. в Свердловской области их численность составила 679, в Челябинской — 565, в Молотовской — 462 единицы, т. е. они заняли достаточно заметное место в структуре расселения региона⁷. Наиболее крупные леспромхозы располагались в Ивдельском, Гаринском, Таборинском, Серовском, Туринском, Исовском, Верхнетавдинском районах Свердловской области. К этому времени почти все леса в регионе были уже закреплены за различными лесозаготовителями. Однако их освоение велось неравномерно: в первую очередь были охвачены территории, наиболее доступные с точки зрения транспортировки сырья, труднодоступные места оставались на перспективу.

⁶ Маленький А. Лес трещит. Свердловск; М., 1933. С. 20.

⁷ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21.

Отличительной чертой лесопромышленного комплекса 1930—1940-х гг. стало широкое использование труда репрессированных, что наложило свой отпечаток на лесное строительство. Причем эта «традиция» получила развитие уже с середины 1920-х гг., когда принимается ряд решений, направленных на расширение использования труда заключенных на лесозаготовках. Но вплоть до 1929 г. оно еще не носило массового характера за исключением лагерей ОГПУ. В мае 1929 г. выходит секретная депеша, в которой предлагалось для развития лесного хозяйства и лесной промышленности использовать труд заключенных с ориентировочными цифрами: по Карело-Мурманскому краю — 5 тыс., Северному краю — 5 тыс., Уралу — 5 тыс. человек⁸.

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 11 июля 1929 г. в целях колонизации отдаленных районов и эксплуатации природных богатств здесь стали создавать сеть исправительно-трудовых лагерей, куда направлялись все лица, осужденные к лишению свободы на сроки от 3 лет. По состоянию на 1.01.1929 г. число заключенных, размещенных в Уралобласти, достигло 11 382 чел., а к концу 1929 г. выросло на 63,3 %. На 1.01.1930 г. в Уралобласти в состав сети исправительно-трудовых поселений входило 13 исправительно-трудовых домов и 5 лесозаготовительных колоний⁹. Так закладывались основы лесопромышленной отрасли в регионе.

В дальнейшем ее пополнила спецссылка, организованная для содержания раскулаченных. Уже весной 1930 г. леспромхозы принимали первые партии раскулаченных. На 1 июля 1930 г. сюда было завезено 40 429 человек (8 981 семья). Расселение спецпереселенцев производилось в соответствии с трехлетним планом рубки леса.

Раскулаченных доставляли на лесные участки, где они размещались в домах для лесорубов, расположенных на некотором расстоянии друг от друга в радиусе от 1,5 до 35 км. Одновременно начиналось строительство поселков, куда постепенно переселялись

⁸ См.: Шубин С. И. Северный край в истории России. Архангельск, 2000. С. 321.

⁹ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 59. Л. 41—43.

прибывшие семьи. Естественно, что лесные бараки, ставшие на первых порах основным вариантом жилья для ссыльных, не могли обеспечить сколько-нибудь удовлетворительных условий существования. На одного человека нередко приходилось по 1,5 кв. м, при такой тесноте и скученности в первую очередь заболевали и гибли дети и старики, взрослые пытались спастись бегством. С 1 января по 1 марта 1932 г. только из Ашинского ЛПХ убежали 1 389 человек¹⁰.

По отчетным данным на октябрь 1930 г. из 18 779 семей, переданных Ураллесу, 6 702 семьи были расселены во вновь построенных поселках. Остальные проживали в летних бараках и в ближайших поселках на частных квартирах. Чтобы смягчить остроту жилищной проблемы, правительство стало выделять ссуды на постройку домов, однако величина кредита была несоизмеримо маленькой — 40 руб. на семью. Реальная стоимость жилищного строительства была выше примерно в 10 раз, поэтому переселенцы от кредита, как правило, отказывались¹¹.

Возводимые для спецпереселенцев поселки первоначально состояли из нескольких бараков, дома коменданта, складских помещений. Более поздний типовой план уже предусматривал строительство изб на две семьи (зырянского типа), бани, хлебопекарни. Стала создаваться сеть медицинских (один фельдшерско-акушерский пункт на два поселения) и культурно-просветительных учреждений, получило развитие дорожное строительство. Эта схема поселка была закреплена в инструктивных материалах и широко использовалась в последующие годы при возведении лесных поселков для вольнонаемных работников¹².

Многие из созданных в 1931—1932 гг. поселений просуществовали достаточно долго, вплоть до 1970-х гг., превратившись в крупные лесохозяйственные центры, как, например, пос. Лубянка, Новая Каква, Новая Кола, Атюс, Веселый (Серовский район) и др.

К 1933 г. стали заметны некоторые результаты обустройства лесных поселков. В Ашинском леспромхозе, например, было построено 4 поселка на 315 семей, в них имелись ясли, клуб, столо-

¹⁰ См.: ГАСО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 376. Л. 46—50.

¹¹ См.: Там же. Ф. 88. Оп. 21. Д. 51. Л. 188.

¹² ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 51. [Т. 2]. Л. 222.

вая, бани, в одном из них — хлебопекарня¹³. В Нижнепавдинском ЛПХ было возведено 16 поселков, в т. ч. Рудный, Нясьма, Парча, Лубянка, Восьмиверстка и др., в большинстве населенных пунктов были организованы фельдшерские пункты, построены бани, велось строительство культурно-бытовых учреждений. Обеспеченность жилплощадью составила 10—12 кв. м на семью¹⁴.

Развитие лесопромышленной отрасли продолжилось и в последующий период. К 1944 г. в Свердловской области общая площадь лесов составила 15 млн га, и на этой территории было организовано 45 лесхозов и около 200 лесничеств, особенно крупные хозяйства располагались на территории Ивдельского (2 070 тыс. га), Гаринского (1 984 тыс. га), Таборинского (771 тыс. га), Серовского (720 тыс. га), Туринского (719 тыс. га) районов¹⁵. Объемы заготовок леса продолжали возрастать в послевоенные годы, отражаясь на развитии сети лесопромышленных поселений. Средняя людность лесных поселков в этот период составляла 476,3 человека, а наиболее типичной была численность населения от 201 до 300 и от 501 до 1 тыс. человек¹⁶.

К 1957 г. ссылка прекращает свое существование, и лесозаготовительные предприятия были вынуждены по-новому решать вопросы, связанные с обеспечением рабочей силой. В частности, основным каналом привлечения рабочих в леспромхозы в 1950-е гг. стали оргнаборы, в ходе которых осуществлялось переселение завербованных в районы лесозаготовок рабочих. Ставка на вольнонаемный труд привела к изменению политики леспромхозов в вопросах благоустройства лесных поселков, хотя это произошло не сразу. Сохранившиеся в архивах отчеты о результатах проверки обустройства переселенцев содержат свидетельства о тяжелых условиях жизни¹⁷. Так, например, один из жителей пос. Сергиевский Кочевского леспромхоза Молотовской области писал:

Поселили в школу 4 семьи, через 2 недели дали квартиру, где не было окон и дверей, топили худой железной печкой, на трубу кир-

¹³ См.: ГАСО. Ф. 88. Оп. 21. Д. 63. Л. 45—49.

¹⁴ См.: Там же. Ф. 245. Оп. 3. Д. 378. Л. 3, 79.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5238. Л. 182.

¹⁶ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 89.

¹⁷ См. об этом: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 732.

пича не было. На заготовке леса работали по 8—10 и по 24 часа, как ни старались, оплачивались полцены¹⁸.

Предпринимаемые по результатам проверок меры носили достаточно формальный характер, однако по прошествии ряда лет ситуация все же понемногу улучшалась.

К 1960-м гг. по ряду показателей (например, по обеспечению работников дефицитными товарами и продуктами) лесные поселки стали заметно выделяться среди других сельских поселений. Высокие заработки и хорошее снабжение в определенной степени компенсировали суровые природно-климатические условия и недостаток удобств.

Система расселения в этот период приобретает более организованный и упорядоченный вид. Развитие сети лесовозных дорог, появление более совершенных транспортных средств, внедрение новых технологий заготовки и транспортировки леса привели к постепенному сокращению сети вспомогательных временных поселков, централизации лесопромышленного расселения.

На Среднем Урале лесопромышленная отрасль получила развитие практически везде, но в наибольшей степени оказала влияние на северо-восточные территории, отразившись в структуре и динамике их поселенческой сети.

Северо-Восточный лесопромышленный район

К Северо-Восточному лесопромышленному району относятся несколько сельских районов Свердловской области — Тавдинский, Таборинский, Гаринский, Туринский. Общность природных условий, исторического развития, транспортных связей, ведущая роль лесной промышленности позволяют объединить их в единый экономический район¹⁹. Совокупная площадь региона по состоянию

¹⁸ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 90. Л. 128.

¹⁹ По мнению В. Н. Старикова, лесопромышленный район Свердловской области объединяет Ивдельский, Гаринский, Таборинский и Тавдинский районы (см.: *Стариков В. Н.* Тавдинский лесопромышленный район. Свердловск, 1959). На наш взгляд, Ивдельский район в народно-хозяйственном отношении и по природным условиям более тяготеет к северному горно-заводскому району.

на конец 1980-х гг. составила 42 187,6 кв. км, т. е. 21,8 % территории области, население — 114 165 человек, преимущественно горожане. Их удельный вес достиг в 1989 г. 63,3 %, хотя говорить о высоком уровне урбанизации территории не приходится. Здесь расположено всего два города — Туринск, основанный в 1600 г., и Тавда. Тавду называют лесопромышленной столицей края. Город возник в начале XX в., в 1910 г., а свой современный статус получил уже в советский период — в 1936 г. Административным центром Гаринского района выступает рабочий поселок Гари, преобразованный из сельского поселения в 1968 г.

Таким образом, число городских поселений в крае незначительно, как и их влияние на общую ситуацию с расселением. И в этом также отражается специфика региона: лесопромышленная ориентация не содействует расширению сети городских поселений. Определенное влияние на эволюцию северо-восточных территорий оказывает удаленность от областного центра: расстояние до Свердловска составляет от пос. Гари — 415 км, Таборов — 359 км, Тавды — 360 км.

Плотность населения в регионе одна из самых низких в Свердловской области и составляет 2,7 чел. на кв. км. Наиболее густо заселен Тавдинский (8,7 чел./кв. км) и Туринский (5,4 чел./кв. км) районы, наименее — Гаринский и Таборинский, где плотность населения снижается до 0,6 чел. на кв. км.

Северо-Восточный район раскинулся в Зауралье вдоль реки Тавды, захватывая на севере низовья рек Пелыма и Лозьвы. Речная сеть принадлежит к западной части бассейна Карского моря. Основная водная артерия — река Тавда — образуется от слияния рек Сосьвы и Лозьвы, берущих начало в горах Северного Урала, и течет в юго-восточном направлении, впадая в Тобол. Длина Тавды 702 км, средняя ширина 200 м, глубина 4—6 м, что позволяет использовать ее для сплава леса и судоходства.

По геологическому строению лесопромышленный район принадлежит к Западно-Сибирской возвышенности. Почвы болотные и подзолистые, на юге к ним примешиваются песчаные и супесчаные. Расположенный в таежной зоне северо-восточный край покрыт хвойными лесами (сосна, ель, кедр, пихта). По направлению на юг все чаще встречаются береза, осина и другие лиственные

породы. Большие площади занимают болота, озера, естественные луга. Богатый животный мир способствует развитию охоты как одного из занятий населения. В бассейне Тавды сосредоточены большие запасы торфа — 58,1 % общих запасов торфа в Свердловской области.

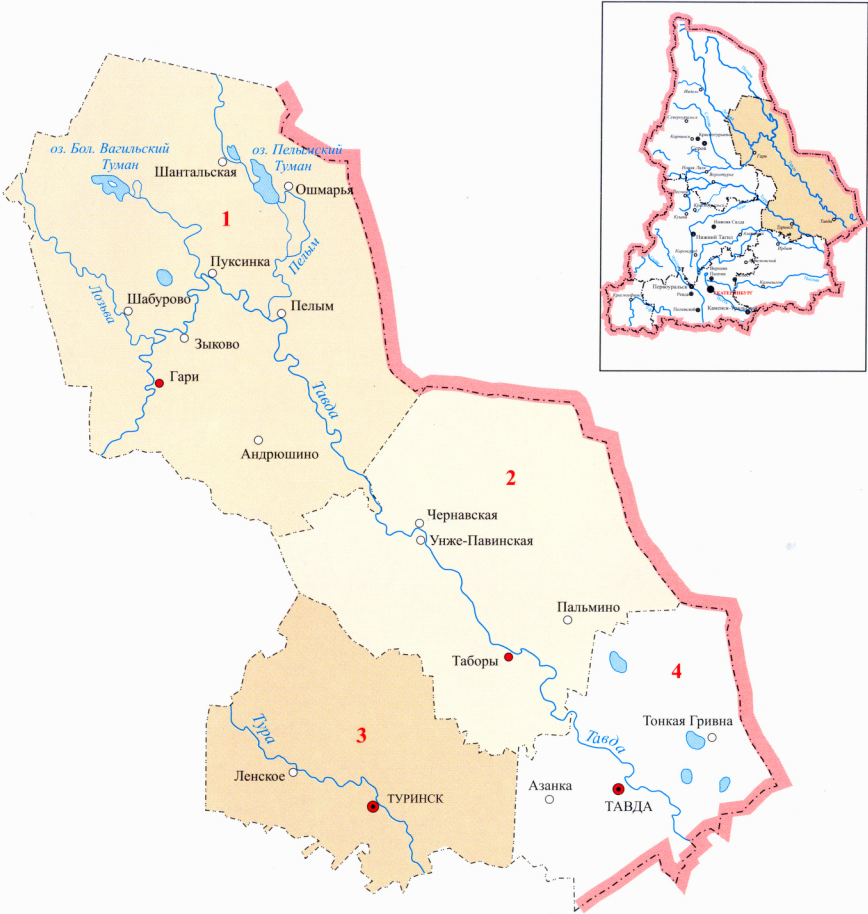
Климат резко континентальный: суровая продолжительная зима, жаркое лето, короткие весна и осень. Средняя годовая температура колеблется около 0 °С. Абсолютный минимум температуры составляет: –50° в Гарях, –47° в Тавде, максимум тепла: +35° в Гарях, +37° в Тавде. Сумма осадков составляет от 380 до 428 мм, причем примерно 80 % их выпадает в теплый период. Климатические условия в районе р. Тавды достаточны для созревания зерновых культур, картофеля и овощей. Таким образом, географическое положение северо-восточных районов Свердловской области и их природные условия благоприятны для развития лесного хозяйства, рыболовства, охоты и частично сельского хозяйства.

Туринский район примыкает с запада к Тавдинскому и может быть также причислен к Северо-восточному лесопромышленному региону благодаря сходству природных условий и хозяйственной структуры. Он расположен в долине р. Туры и относится к лесной зоне. Наличие подзолистых и торфяных почв резко сужает возможности развития сельского хозяйства, придавая ему потребляющий характер, но все же оно сильнее развито, чем в других районах северо-востока.

Весь лесопромышленный район Свердловской области отличается тяжелыми транспортными условиями. Железные дороги имеются только на юго-востоке, в Гаринском и Таборинском районе их нет. Автомобильные трассы в плохом состоянии, проезд по ним нередко возможен только в сухое лето и зимой. В весенний и осенний периоды большинство деревень и сел, расположенных на несудоходных реках, на долгое время оказываются отрезанными от районных центров. В хозяйственном отношении ведущую роль играет водный транспорт. Река Тавда и ее судоходные притоки являются основными магистралями, образуя единую транспортную сеть.

Экономика северо-восточных районов ориентирована преимущественно на заготовку и переработку лесных ресурсов. В 1950-е гг.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННЫЙ РАЙОН

№	Районы
1	Гаринский
2	Таборинский
3	Туринский
4	Тавдинский

Масштаб 1 : 2 500 000

Гаринский, Таборинский, Тавдинский и Туринский лесхозы относились к крупнейшим хозяйствам в области. Гаринский лесхоз включал 6 лесничеств, расположенных от конторы на расстоянии 50—100 км. Общая площадь лесов в лесхозе составила 1 890 823 га. На территории лесхоза разрабатывалось 15 лесосырьевых баз. В Таборинском лесхозе насчитывалось 4 лесничества, а площадь лесов составляла 1 031 079 га. На территории Таборинского лесхоза было закреплено 9 лесосырьевых баз. Тавдинский лесхоз включал 6 лесничеств с общей площадью лесов 512 809 га. К концу 1956 г. на территории лесхоза имелось 7 лесосырьевых баз²⁰.

В 1960-е гг. в регионе происходит некоторое снижение объемов лесозаготовок вследствие того, что лесные массивы, расположенные вблизи транспортных путей, были полностью освоены, а лесозаготовительные предприятия перебазированы на более отдаленные лесосырьевые базы.

Лесная промышленность в целом давала около 80 % валовой продукции. В бассейне р. Тавды была развернута круглогодичная заготовка леса. Большая часть его сплавлялась на лесозаводы г. Тавды, где были сосредоточены крупнейшие в Свердловской области предприятия по переработке леса, такие как лесокомбинат, фанерный комбинат, гидролизный и механический заводы (последний выпускал автоприцепы для лесозаготовителей).

Лесопромышленный комплекс региона включал ряд отраслей: лесозаготовительную, фанерную, лесопильно-деревообрабатывающую, лесохимическую, лесного машиностроения. В небольшом объеме развивалось судостроение. Производство стройматериалов (кирпичные заводы) было сосредоточено в Гарях, Таборах, Тавде. Небольшие предприятия пищевой промышленности расположены в районных центрах. Бассейн реки Тавды и сегодня остается основным рыбопромысловым районом Свердловской области. В 1930—1980-е гг. здесь функционировало три рыбозавода — гаринский, таборинский, тавдинский. Однако из-за молевого сплава леса, который засоряет реки, возможности ведения рыбного хозяйства резко сократились.

²⁰ См.: *Стариков В. Н.* Тавдинский лесопромышленный район. С. 24.

Заметную роль в экономике региона играла охота. Пушнина заготавливалась колхозниками, которые занимались охотопромысловой деятельностью в зимний период. Для этих целей в тавдинские леса был завезен баргузинский соболь, в Гаринский район — ондатра, которая расселилась по всему течению р. Тавды. Кроме того, велась добыча белки, зайца, горностая, куницы.

Суровые климатические условия, сравнительно короткий вегетационный период, бедные почвы — все это отрицательно сказывается на развитии полеводства. Пашня занимает всего 1,3 % земельной площади. В сельскохозяйственном обороте используется не более 3 % общей площади угодий²¹. Сельское хозяйство имеет преимущественно животноводческо-зерновое направление.

Освоение Зауралья начинается в конце XVI в., после похода Ермака. К этому времени относится создание ряда оборонительных пунктов и начало колонизации этих земель русским населением. В 1588 г. на территории Свердловской области возник первый городок — Лозьвинский, а несколькими годами позже — Пельмский²². В 1598 г. в верховьях Туры строится Верхотурье, куда переводится гарнизон Лозьвинского городка. Так формируются опорные пункты освоения территории региона.

Вслед за стрельцами и казаками в Зауралье хлынули потоки крестьян — переселенцев из северных и приуральских районов. До прихода русских эти земли были заселены коренным населением — вогулами. В частности, освоение территории Тавдинского района началось с создания сети вогульских (мансийских) поселений. Так, например, деревня Кошуки была известна еще до похода Ермака. Это было мансийское поселение, которое постепенно стало заселяться русскими. Кошуки быстро стали административным центром русской и «инородческой» волостей, этому способствовало и то, что через село проходил почтовый тракт из Пельма в Тюмень и Тобольск. К концу XVIII в. в Кошукской волости было 14 поселений: три русских, остальные — вогульские.

²¹ См.: *Стариков В. Н.* Тавдинский лесопромышленный район. С. 14.

²² См.: *Горбунов Ю. и др.* На государственной дороге: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2000. С. 14.

Вогульским поселением была деревня Чандыри, упоминаемая впервые в конце XVI в.²³ К старейшим селениям Тавдинской земли относится дер. Билькино, появившаяся на тракте Тюмень — Тавда неподалеку от села Кошуки. Бильгины Юрты упоминаются в документах XVII—XVIII вв. Исстари здесь также проживали вогулы.

Таким образом, формирование сети русских поселений первоначально было ориентировано на уже освоенные территории. Русские крестьяне селились рядом или непосредственно в вогульских паулах, где уже были распаханые земли. Но со временем они стали осваивать незанятые пространства, отвоевывая у тайги пахотные участки. В результате русской колонизации происходит постепенное вытеснение и обрусение коренного населения.

Формирование русской поселенческой сети в регионе было связано с созданием слобод-острогов, которые на начальном этапе выполняли исключительно оборонительные функции. В дальнейшем под их защитой идет сельскохозяйственное освоение округи и создание земледельческих поселений — заимок, починков, деревень. Нередко остроги возводились на местах расположения поселений аборигенов. Так, например, Туринский острог был построен в 1600 г. на территории Епанчин-юрты. Здесь были возведены крепость с церковью, дом воеводы и канцелярия, приказная и гостевая избы, амбары, погреба, караульная изба. Уже вскоре за стенами острога появляются ямская слобода и деревни Панаева, Ползунова, Шемелева²⁴.

По мере снижения военной опасности остроги постепенно трансформируются в земледельческо-административные центры — слободы. Их основная часть располагалась в Зауралье по течению рек Пышмы и Тавды. В сентябре 1622 г. по распоряжению туринского воеводы на реке Тавде была заложена Гаринская слобода, а через два года — Чубаровская. К 1710 г. на землях Верхотурского, Тобольского и Тюменского уездов было учтено 58 слобод²⁵. Вокруг

²³ См.: *Ермолаев В.* Тавдинское местописание. Екатеринбург, 1999. С. 151.

²⁴ См.: *Горбунов Ю. и др.* На государственной дороге. С. 151.

²⁵ См.: *Балюк Н. А.* Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX в. Тюмень, 2003. С. 20.

них множились деревни хлебопашцев. Так, рядом с Туринской слободой появились деревни Дымково, Чукреева, Леонтьево, Городище, Коркино, Липовка и др. На начальном этапе это были займки и займища — участки земли без крестьянских дворов, которые затем трансформируются в однодворки и многодворные поселения. Таким образом, расселение приобретает очаговый характер. По мнению Н. А. Балюк, такая схема заселения была преобладающей в Зауралье с конца XVI до первой четверти XVII в.²⁶ Во второй половине XVIII в. слободы теряют оборонительные функции и становятся исключительно сельскохозяйственными поселениями, а в результате административных преобразований конца XVIII в. получают статус сел, деревень или городов. В XIX в. слободы как тип поселений практически исчезают.

Большую роль в формировании поселенческой сети Зауралья в XVII—XVIII вв. сыграли такие типы населенных пунктов, как зимовья и ямы. *Зимовья* — простейшие укрепленные поселения — были центрами сбора дани (ясака) с коренного населения. Хотя помимо ясачных зимовий были еще и промысловые, они создавались артелями или семьями охотников для хранения провианта и добычи, а также служили сезонным жильем. По мере заселения края зимовья преобразуются в небольшие поселки. Этот тип поселений встречается вплоть до начала XX в.

Другой тип поселений — *ямы* — был связан с организацией почтового движения на трактах. С начала XVII в. вдоль Бабиновской дороги складывается сеть ямов и ямских слобод, жители которых (ямщики) обеспечивали транспортные нужды администрации. Так, например, на тракте по соседству с волостным селом Кошуки появилась деревня Десяткина, основанная ямщиками. Позднее она сменила свое название на Ваганово. Ямские поселения к XVIII в. перерастают в достаточно крупные селения. Их жители, кроме обслуживания тракта, занимались извозом, торговлей, хлебопашеством. Эти селения принимали на себя и административные функции: вокруг них шло активное формирование деревень, и трактовые села нередко становились волостными центрами. В середине XIX в.

²⁶ См. об этом: Балюк Н. А. Крестьянское хозяйство Зауралья... С. 18.

из 374 поселений Туринского округа 78 были расположены на почтовых и торговых трактах²⁷.

В конце XVIII в. на территории Тобольского наместничества было учтено 3 032 поселения²⁸. В последующие годы заселение края продолжается, однако поток переселенцев несколько снижается, меняются и направления колонизации. Более привлекательными для крестьян стали южные округа Тобольской губернии, северные оставались сравнительно малозаселенными: сказывалась отдаленность от городских и промышленных центров региона, скудость земель.

Если до XIX в. освоение Зауралья шло путем стихийной колонизации, то в дальнейшем начинают внедряться более организованные формы. Для заселения незанятых территорий требовались целенаправленные действия правительства. Первый закон о переселении, предоставивший государственным крестьянам возможность водворения на пустующих землях Тобольской губернии, был принят в 1806 г., но вскоре его действие было приостановлено. На широкую основу переселенческое движение было поставлено позднее, в 1837 г., в связи с образованием Министерства государственных имуществ. П. Д. Киселев обратил особое внимание на крестьянское переселение и ввел ряд льгот переселенцам. Одновременно в местах вселения начинается проведение работ по межеванию и выделению переселенческих участков. Это дало свои результаты: в 1852—1854 гг. в Западную Сибирь переселилось 38 235 человек²⁹.

После принятия Положения 1861 г. поток переселенцев за Урал несколько сократился, т. к. был введен ряд ограничений: переселение разрешалось только после уплаты всех недоимок и податей и с согласия принимающего общества. В 1866 г. были отменены все кредиты и пособия переселенцам. Однако обострение аграрного вопроса и рост малоземелья подталкивали крестьян к поиску лучшей доли. В 1880-е гг. тысячи крестьян вновь устремились на восток. Именно в это время правительство начинает обращать присталь-

²⁷ См.: Список населенных мест Российской империи: Тобольская губерния по сведениям 1868—1869 гг. М., 1871.

²⁸ См.: *Балюк Н. А.* Крестьянское хозяйство Зауралья... С. 27.

²⁹ См.: Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 16. Западная Сибирь. СПб., 1907. С. 179.

ное внимание на проблему организации переселения, и в 1889 г. был принят закон, регулирующий размеры переселения в зависимости от наличия участков земли, а также предоставивший новоселам льготы — освобождение на три года от повинностей, путевое пособие и др. В 1896 г. в Министерстве внутренних дел было образовано Переселенческое управление, которое непосредственно отвечало за организацию переселения и обустройство крестьян на новых местах.

Таким образом, вплоть до 1880-х гг. организованное переселение не играло значимой роли в заселении Зауралья и Сибири. Начиная с 1861 г. за Урал ежегодно перебиралось около 2 тыс. человек, которые оседали преимущественно в Тобольской губернии³⁰. Для них во второй половине XIX в. в северных районах губернии начинают отводить переселенческие участки для организации новых поселений. Этот процесс активизировался в связи со строительством Сибирской железнодорожной магистрали. В верхнем и среднем течении рек Тавды и Туры в этот период было образовано 180 переселенческих участков, где расселилось около 30 тыс. переселенцев³¹.

Немалую роль в освоении северо-восточных земель сыграла ссылка. Сибирская ссылка была определена в виде самостоятельного наказания с конца XVII в. В Тюмени был организован Приказ о ссыльных, откуда арестанты рассылались по сибирским уездам. Примерно треть из них оседала в Тобольской губернии³². Это способствовало росту числа ссыльных среди жителей. Причем если в XVII—XVIII вв. значение ссылки для пополнения численности населения края было невысоким, то в дальнейшем, особенно с середины XIX в., ситуация существенно меняется. Только в 1860—1869 гг. в пределах Тобольской губернии было размещено 39 913 человек. А всего в 1869 г. в губернии насчитывалось 68 053 ссыльнопоселен-

³⁰ См.: Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 16. С. 184.

³¹ См.: Горбунов Ю. и др. На государственной дороге. С. 49.

³² См.: Ермолаев В. Тавдинское местопоселение. С. 58.

³³ См.: Список населенных мест Российской империи. Тобольская губерния по сведениям 1868—1869 гг. С. CLXXIX.

ца, в том числе в Туринском округе — 3 568³³. В некоторых волостях доля ссыльных была особенно высокой: к примеру, в Кошукской волости по данным 1846 г. каждый пятый был ссыльным.

Таким образом, население Тобольской губернии росло достаточно быстро за счет ряда факторов, связанных как с естественным, так и с механическим движением населения. В 1869 г. в губернии проживало 971 988 человек, расселенных в 3 645 населенных пунктах. Туринский округ, территории которого позднее вошли в Свердловскую область, насчитывал в это время 374 поселения с населением 51 633 человека. Состав населения округа был достаточно однородным, русские составляли 93,2 %, вогулы — 6,4 %, поляки и татары — по 0,2 %. Сложившаяся к этому времени сельская поселенческая сеть региона отличалась мелкоселенностью: в более чем половине (62,0 %) поселений численность жителей не превышала 100 человек, а крупные населенные пункты с населением свыше 500 человек составляли очень небольшую долю — всего 3,5 %. В среднем на одно поселение приходилось 127,5 человек³⁴. Преобладали приречный и приозерный типы заселения, характерные для сельскохозяйственного расселения. Только 11,7 % населенных мест в округе располагались на болотах, ключах, при колодцах, что свидетельствует о непригодности и слабой освоенности водоразделов.

К началу XX в. общая численность сельских поселений губернии выросла до 4 021, т. е. на 10,3 %. В Туринском округе в 1904 г. располагалось 380 населенных пунктов. Структура поселенческой сети округа была представлена преимущественно деревнями (89,2 %) и селами (4,5 %). Помимо них встречались выселки (2,9 %) и поселки (3,4 %)³⁵. Типологическая структура сельского расселения Туринского округа свидетельствует о сохранении в целом традиционного характера поселенческой сети с включением новообразований, ставших результатом переселенческой политики.

Тобольская губерния характеризуется в целом преобладанием поселений с числом жителей от 100 до 500 человек, т. е. средних по своим размерам (табл. 12.1). Они составили в начале XX в. 51,6 %.

³⁴ См.: Список населенных мест Российской империи... С. СХХVII—СХХIX.

³⁵ См.: Список населенных мест Тобольской губернии за 1904 г. Тобольск, 1904.

Таблица 12.1

*Распределение сельских поселений Тобольской губернии
по людности в начале XX в. **

Число жителей, чел.	Количество поселений	Удельный вес, %
До 50	711	19,5
51–100	569	15,6
101–500	1 879	51,6
501–1 000	410	11,3
1 001–1 500	56	1,5
1 501 и более	17	0,5
<i>Всего</i>	<i>3 642</i>	<i>100,0</i>

* Источник: *Балюк Н. А.* Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX в. С. 30.

Значительный удельный вес имели малые населенные пункты (до 100 человек) — 35,1 %. Однако округа губернии существенно отличались между собой. На юге удельный вес крупных и средних поселений был выше, на севере — в Тобольском и Туринском округах — преобладали мелкие поселения.

Отличительной чертой расселения северных округов оставалось наличие в составе населения значительной доли коренных народов. Так, например, в начале XX в. жители Туринского округа, не считая Туринска, составляли около 70 тыс., из них вогулов насчитывалось 1 400 душ³⁶.

Новая волна переселения в северо-восточные районы Зауралья приходится на период проведения Столыпинской реформы. Крестьяне западных губерний — Витебской, Могилевской, Минской, а позднее Вятской, Пермской, Смоленской — хлынули широким потоком в Сибирь, но их определенная часть осела в Зауралье. На территории Тавдинского района в Кошукской волости в 1908 г. было образовано 15 участков, позднее к ним добавилось еще три. К 1917 г. Азанушенский, Владимировский, Дидлевский, Крутой, Герасимовский участки были уже полностью заселены, другие оставались еще наполовину свободными.

³⁶ См.: *Горбунов Ю. и др.* На государственной дороге. С. 48.

Процесс освоения новых земель был нелегким: у тайги отвоевывалась каждая пядь, жили бедно и трудно, ситуация осложнялась оторванностью новоселов от региональных центров. Многие деревни, возникшие в эпоху столыпинского переселения, так и не прижились, оставив память о себе в местных топонимах. Так, в Тавдинском районе на месте бывших переселенческих участков можно встретить названия: Оринино поле, Николкова пашня, Василисин покос. Но немало поселений укрепилось и разрослось, среди них известные в Тавдинском районе деревни Герасимовка, Крутое, Дятловка.

Значительную роль в развитии края сыграло строительство железнодорожной ветки Екатеринбург — Тавда, которое началось в 1913 г. и было завершено к 1917 г. Работы шли с большим трудом: болотистые почвы, ненадежный грунт и пр. К этому времени относится формирование сети железнодорожных поселений в регионе.

Тавдинская ветка привела к заметному промышленному подъему Зауралья. По берегам рек Туры и Тавды один за другим появляются лесозаводы, и богатые лесные ресурсы края становятся доступными горно-заводскому Уралу. Лесозаготовки в тавдинских лесах велись уже в начале XX в., но после того, как была построена железная дорога, они выросли многократно.

В годы Гражданской войны Северо-Восточный регион, как и другие территории области, переживает период разрухи. В 1920-е гг. начинается восстановление лесозаводов, а в 1929 г. создается Тавдинский леспромхоз, объемы заготовки древесины в котором достигли огромных масштабов — 1 млн кубометров в год³⁷. Тавда преобразуется в крупный региональный центр, где концентрируется деревообрабатывающее производство. Тавдинский лесокомбинат вступил в строй в 1932 г., объединив старые лесозаводы.

В 1920-е гг. территории Северо-Восточного экономического района вошли в состав Ирбитского и Тагильского округов Уральской области (табл. 12.2).

Поселенческая сеть региона сохранила в целом традиционный характер и включала в 1928 г. 569 сельских поселений и один город. Край по-прежнему оставался малонаселенным: плотность населе-

³⁷ См.: Ермолаев В. Тавдинское местописание. С. 84.

Таблица 12.2

*Основные статистические характеристики
Северо-Восточного лесопромышленного района**

Годы	Территория, кв. км	Численность населения, чел.	Число сельских населенных пунктов****	Число городов	Число рабочих поселков
1897 (Туринский округ)**	77 039,1	70 370	380	2	—
1928***	52 600,0	81 672	569	1	0
1939	57 000,0	128 200	708 (705)	2	0
1956	50 085,0	176 612	635 (689)	2	0
1970	47 586,6	139 622	444 (482)	2	1
1979	47 586,6	119 125	267 (267)	2	1
1989	42 187,6	114 165	223 (225)	2	1

* Таблица составлена по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке»; Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ. С. X; Т. 11. Тагильский округ. С. X.

** Сведения о площади и населении Туринского округа представлены за 1897 г. (см.: Россия: Полное географическое писание нашего Отечества. Т. 16. Западная Сибирь. С. 214). Численность населенных мест указана по справочнику: Список населенных мест Тобольской губернии за 1904 г. Тобольск, 1904.

*** В сводку вошли статистические показатели Тавдинского, Таборинского, Туринского районов Ирбитского округа Уральской области, а также Гаринского района Тагильского округа Уральской области.

**** В скобках приведена численность поселений по материалам БД, без скобок — данные административного учета: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811; Административно-территориальное деление Свердловской области на 1939 г.; Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г.; Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г.; Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г.; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

ния в Гаринском районе составила всего 0,5 чел./кв. км, в Таборинском — 1,2; в Тавдинском — 3,6; в Туринском (наиболее заселенном) — 10,5 чел./кв. км. Сложнее всего ситуация складывалась в Гаринском районе, который охватывал огромные пространства — 33,3 тыс. кв. км и отличался наиболее суровыми природными условиями. Здесь на один населенный пункт приходилось в среднем 136,5 кв. км, а средняя людность составляла всего 73 человека. Таким образом, в северной части региона сохранилась редкоочаго-

вая структура расселения, приуроченная к берегам рек³⁸. В Тавдинском районе в среднем на одно поселение приходилось 71,2 кв. км, т. е. поселенческая сеть была почти в 2 раза гуще и крупнее (средняя людность 199 чел.). Таборинский район отличался мелкой, но сравнительно плотной поселенческой сетью: здесь на одно поселение приходилось 10 кв. км, а средняя величина населенных пунктов составила 123 человека. Наиболее крупная поселенческая сеть фиксируется в Туринском районе: средняя плотность расселения — 21,9 кв. км на одно поселение при средней людности 200 человек. Следовательно, из всех территорий северо-востока наиболее высокими показателями расселения отличались Тавдинский и Туринский районы, но везде преобладали мелкие поселения, сосредоточенные в долинах рек и по берегам озер³⁹.

В структуре расселения Северо-Восточного района малые поселения с численностью населения до 100 человек составили 56,4 %. Это наиболее характерно для Гаринского района, где доля таких населенных пунктов достигла 72,5 % (табл. 12.3).

Для Таборинского, Тавдинского и Туринского районов модальным является значение от 101 до 200 человек, эти поселения имеют наибольший удельный вес в структуре среди всех групп. Крупные населенные пункты составили всего 3,7 %. Такая структура стала отражением особенностей заселения территории, а также тех процессов, которые явственно проявились во второй половине 1920-х гг.: в частности, это появление новых мелких населенных пунктов — выселков, хуторов, связанных с проведением межселенного землеустройства. В это время в Тавдинском районе, например, появляются дер. Киселева, Бугры, Михайловка, Борки. Выходцы из дер. Жиряковой основали дер. Забор и Увал, городищенцы — Сергино, Малое Сатыково, Красную Елань, Катыр и др.⁴⁰

Кроме того, с 1928 г. вновь организуется заселение пустующих земель Зауралья, в котором приняли участие и северо-восточные

³⁸ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. С. XII.

³⁹ См.: Там же. Т. 3. Ирбитский округ. С. XII.

⁴⁰ См. об этом: *Ермолаев В.* Тавдинское местописание. С. 132.

Таблица 12.3

*Структура поселенческой сети Северо-Восточного
лесопромышленного района по числу жителей в 1928 г.**

Число жителей, чел.	Гаринский район	Тавдинский район	Таборинский район	Туринский район	Итого
До 5	6	1	2	7	16
6–10	15	3	5	8	31
11–50	103	16	25	20	164
51–100	53	9	26	22	110
101–200	52	15	35	35	137
201–300	12	11	14	13	50
301–400	1	5	5	11	22
401–500	0	3	2	10	15
501–1 000	1	6	1	10	18
Более 1 000	0	0	0	3	3
Нет сведений	1	2	0	0	3
<i>Всего</i>	<i>244</i>	<i>71</i>	<i>115</i>	<i>139</i>	<i>569</i>

* Составлено по: БД «Города и села Среднего Урала в XX веке».

районы. Переселенцы селились либо на вновь организованных участках, либо приселялись к старым поселкам, образованным 10—15 лет назад. Среди переселенцев выделялись те, кто приехал в порядке планового переселения, — прибывшие из Ленинградской области для работы на лесозаготовках. Всего к 1929 г. на новые земли в плановом порядке было расселено 2 278 чел., прибывших самовольно — 1 019⁴¹.

Несмотря на сохранение традиционных черт, в системе расселения региона появляются новые явления, в частности растет число поселков. В Таборинском районе в 1928 г. поселки как тип поселений составили 61,7 %, некоторые были образованы в 1920-е гг., как, например, пос. Больше-Полный или пос. Вагин-Вал. В Тавдинском районе в этот период, кроме сельскохозяйственных поселений, появляются населенные пункты несельскохозяйственного типа.

⁴¹ См.: Еремин А. Ирбитская доколхозная деревня. С. 126.

Например, пос. Большая Индра появляется в конце 1920-х гг. в связи с организацией здесь участка от Тавдинского рыбзавода⁴².

Рост и развитие поселенческой сети региона в 1920—1930-е гг. шел параллельно с ростом численности населения. Причем этот процесс имел свои специфические черты. В частности, в Тавдинский район было переселено 11 тысяч раскулаченных. Половину ссыльных разместили в Тавде, используя их труд в Тавдинском леспромпхозе. Другие были заброшены в тайгу, где заложили новые поселения. На территории Тавдинского и Гаринского районов их десятки: поселки Земляное, Индра, Карьер, Мостовка, Васькин Бор, Красный Яр, Чернушка, Щучье и др. Один из жителей пос. Земляное вспоминает:

Мою семью сослали ранней весной 1931 г. из села Бреч Черниговской области. Везли в скотских вагонах до Тавды, откуда нас пешком пригнали на чистое место в тайге, на речку Земляную. Заселили в старые бараки, оставшиеся от лесозаготовок, но большинству пришлось рыть землянки прямо в береговом откосе. Одна землянка на 2—3 семьи, а семей-то было около полутысячи. Мужики рубили дома, но до морозов всем построить не смогли, и многие зимовали в землянках... Осенью начали гибнуть в незнакомом лесу, заблудившись, добывая грибы и ягоды, а зимой — от холода, голода, болезней⁴³.

Многие из поселков спецпереселенцев впоследствии выросли в достаточно большие населенные пункты, такие как деревня Мостовка, созданная спецпереселенцами из Краснодарского края и Украины. В последующие годы в Тавдинском районе разворачивается система лагерей, которая сохранилась в несколько измененном виде вплоть до настоящего времени, придавая специфические черты системе расселения.

Таким образом, если после революции население в бассейне р. Тавды росло в основном за счет естественного прироста, то в 1930-е гг. прирост идет за счет переселения раскулаченных, а также благодаря развитию промышленности и расширению лесозаготовок. В результате идет активное расширение сельской поселенчес-

⁴² См.: *Ермолаев В.* Тавдинское местописание. С. 136.

⁴³ Цит. по: Там же. С. 97.

кой сети, которое достигает своего пика к 1939 г. и сохраняет этот уровень до конца 1950-х гг. Стадия сжатия соответственно начинается здесь позже по сравнению с другими регионами Свердловской области, где уже в 1940—1950-е гг. начинается сокращение сельского населения и сельской поселенческой сети на 10—20 %. В северо-восточных районах в этот период численность населения растет, а поселенческая сеть уменьшилась всего на 2,3 % (табл. 12.4). Основным фактором, обеспечившим стабильность сельской местности Северо-Восточного района в 1940—1950-е гг., стало расширение лесозаготовительных работ.

В дальнейшем происходит резкая смена направленности демографических и расселенческих процессов. В 1960—1980-е гг. мы можем наблюдать существенное сокращение поселенческой сети, которая уменьшилась в 3,3 раза по сравнению с 1939 г. Это один из наиболее высоких показателей среди всех экономических районов Среднего Урала. В среднем ежегодно за 1956—1989 гг. поселенческая сеть северо-восточной зоны теряла более 2 % поселений. Характерно, что сокращение сельской поселенческой сети происходило параллельно с ее укрупнением. Но динамика средней плотности тоже не совсем типична. Если в 1939 г. на одно поселение в регионе приходилось 151,8 человек, то к 1956 г. этот показатель снижается до 136,0 и начинает расти только в 1960-е гг., превысив довоенный уровень в 1979 г. Здесь, по-видимому, также сказывает-

Таблица 12.4

*Динамика численности сельских поселений Северо-Восточного
лесопромышленного района в 1939—1989 гг. **

Показатели	1939	1956	1970	1979	1989
Сельские поселения	705	689	482	267	225
Сельское население, чел.	107 021	93 689	66 423	47 227	41 951
Средняя численность жителей сельских населенных пунктов	151,8	136,0	137,8	176,9	186,4
Средняя плотность расселения, число поселений на 100 кв. км	1,2	1,3	1,0	0,5	0,5

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

ся влияние особенностей пространственной организации лесопромышленной отрасли, для которой было характерно наличие сотен мелких производственных поселений. В связи с этим повышение среднего показателя людности в 1970—1989 гг. может быть частично связано с их укрупнением и снятием с учета временных поселений.

Слабость сельскохозяйственной отрасли привела к быстрому сокращению численности сельскохозяйственных поселений. Всего в 1956—1989 гг. в Северо-Восточном районе было закрыто 315 постоянных поселений из 501 (63,7 %) — это один из наиболее высоких показателей по Среднему Уралу; только в Северном горно-заводском районе можно наблюдать сходную картину: здесь удельный вес закрытых поселений составил 64 %. Одинаковая динамика территорий определяется общностью расселенческих характеристик — преобладанием редкоочаговой мелкоселенной системы. Отличие между ними состоит в сроках и темпах сокращения. В Северо-Восточном районе за период с 1939 по 1956 г. отмечено всего 4 постоянных поселения, исключенных из списков, в горно-заводской зоне — около 40. Таким образом, сжатие поселенческой сети в лесопромышленном районе начинается позднее и происходит интенсивнее.

Уже в 1956—1970 гг. из списков было вычеркнуто 46 населенных пунктов, в 1970—1979 гг. — 143, а в 1979—1989 гг. — 126. Это в основном мелкие населенные пункты (деревни и поселки) сельскохозяйственной и лесопромышленной направленности, относящиеся к 1-му типу динамики, т. е. стабильно теряющие население. Очень редко встречаются среди них средние по людности поселения (около 4—8 %). Есть примеры, когда закрывались населенные пункты, имевшие положительную динамику людности: к ним, как правило, относились лесопромышленные поселки, прекратившие существование по производственным причинам.

При анализе динамики исчезнувших населенных пунктов в регионе интерес вызывает еще один момент: в 1970-е гг. среди них возрастает удельный вес поселений, относящихся к 3-му типу (он составил 14,0 %), а в 1980-е гг. этот показатель еще выше — 31,2 %. Это поселения, которые росли вплоть до 1930-х гг. и начали терять население в послевоенный период. В целом в северо-восточном регионе удельный вес таких селений достаточно высок (15,4 %),

что позволяет подтвердить сделанный ранее вывод о позднем вступлении в стадию урбанизации расселения. Сокращенные сроки перестройки расселения и высокие темпы сжатия поселенческой сети не могли не отразиться на ее состоянии. Причем в наибольшей степени пострадали те районы, где уровень и плотность сельскохозяйственного расселения были выше, — Тавдинский и Туринский. Здесь происходят деградация и разрушение системы сельскохозяйственных поселений.

За изучаемый период с карты Тавдинского района исчезли около полусотни деревень, среди них Жиряково, Лайма, Тормоли Вторые, Янычково. Бросается в глаза и другой факт — наличие значительного количества поселений, не имеющих жителей. В 1956 г. они составляли 10,2 %, а в 1989 г. уже 15,6 % — один из наиболее очевидных признаков измелчания и обезлюдения сельской местности. Встречаются, конечно, и другие примеры, но они не являются определяющими. Так, например, село Городище появляется в 1950-е гг. в результате объединения двух деревень — Большое Городище и Малое Городище. Деревня Индра и Картунка в 1960-е гг. вошли в состав г. Тавды. Если в горно-заводских и сельскохозяйственных районах такой вариант «исчезновения» — частое явление, то в Тавдинском — это единичные случаи.

В Гаринском районе наряду с естественными процессами свертывания поселенческой сети большую роль сыграла активно проводившаяся местными властями политика сселения. В 1973 г. с учета было снято сразу 38 поселений, в том числе деревни Костюр, Нижняя Татька, Сотникова, Устина, Вотьпа, Еремина и др. Население выехало из них еще в 1968—1969 гг. в связи с сселением: жители дер. Костюр, Сионка, Нижняя Татька переехали в с. Андрюшино, население дер. Алпушонка — в с. Анеп и т. д. Среди ликвидированных поселений встречаются не только сельскохозяйственные, хотя их большинство, но и участки рыбозавода (д. Сотникова, Устина), леспромхозов (пос. Верхняя Евва, д. Кама, Рашкина) и др.⁴⁴

Процессы свертывания поселенческой сети Северо-Восточного района проявляются в моделях развития сельских поселений,

⁴⁴ См. об этом: ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1672.

из которых 67,5 % имеют отрицательную линейную динамику, что в целом характерно для мелкоселенных структур. Для изучаемого района присущ самый низкий удельный вес поселений, имеющих положительную линейную динамику, — 4,8 %. Эти группы и определяют ситуацию в регионе. В условиях низкого уровня урбанизации, слабой заселенности, труднодоступности территории и преобладания мелкоселенной структуры неизбежно происходит разрушение значительной части сельскохозяйственного расселения и его постепенная замена лесохозяйственным. Этот процесс вполне закономерен и связан с одним из вариантов развития индустриального общества. Влияние субъективных факторов на развитие поселенческой сети — политики сселения малых деревень — здесь скорее всего вторично: закрывались и селялись действительно опустевшие деревни.

Таким образом, к концу 1980-х гг. сельская поселенческая сеть региона претерпела существенные изменения: наряду с ее сокращением происходит дальнейшее измельчание и поляризация поселений (табл. 12.5). Если в 1939 г. мельчайшие поселения составляли 54,9 %, то к 1989 г. их доля выросла до 62,2 %. Одновременно растет удельный вес крупных поселений (свыше 500 человек) — с 2,8 до 11,1 %. Рост крайних групп идет за счет размывания категории средних поселений, что неизбежно приводит к разрушению каркаса расселения и изменению рисунка сельской местности. Развивается лишь небольшая часть поселений — административные и хозяйственные центры, остальные деградируют, теряя население.

Анализ отраслевой структуры сельской поселенческой сети дает представление о структурных сдвигах, произошедших во второй половине XX в. Сокращение поселенческой сети региона происходит исключительно за счет сельскохозяйственных поселений. Их численность с 1939 по 1989 г. уменьшилась в 4,1 раза. Достаточно стабильно представлены охотопромысловые и рыбохозяйственные поселения: колебания численности их незначительны и связаны, видимо, с организационными перестройками, а наличие соответствующих ресурсов способствовало поддержанию этой сети.

Достаточно интересную динамику демонстрируют несельскохозяйственные поселения: их удельный вес стабильно растет с 12,6 % в 1939 г. до 17,3 % в 1989 г., что свидетельствует о посте-

Таблица 12.5

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Северо-Восточного лесопромышленного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от людности населения**

Число жителей, чел.	1939	1956	1970	1979	1989
Нет	0	70	96	20	35
До 5	40	33	32	16	16
6–10	23	168	30	13	13
11–50	176	143	96	68	48
51–100	148	168	61	41	28
101–200	192	49	82	54	35
201–300	64	21	36	17	11
301–400	30	6	17	12	11
401–500	12	25	9	4	3
501–1 000	12	6	10	13	16
1 001 и более	8	0	13	9	9
Нет сведений	0	0	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>705</i>	<i>689</i>	<i>482</i>	<i>267</i>	<i>225</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

пенной переориентации территории с сельскохозяйственной деятельности на лесопромышленную. Это тем более очевидно, что в течение изучаемого периода доля лесных поселков остается наиболее представительной. В 1939 г. они составили 66,7 % всех не-сельскохозяйственных поселений, а в 1989 г. — 41,0 %. Учитывая особенности учета ведомственных поселений, можно предположить, что их реальный удельный вес будет выше. Кроме того, в Северо-Восточном районе наблюдается самый высокий показатель численности поселений, связанных с функционированием исправительно-трудовых колоний, — 17,9 % (табл. 12.6).

Таким образом, в хозяйственной структуре расселения региона четко отражается его отраслевая специализация. Хотя, учитывая особенности системы регистрации поселений в 1960—1970-е гг., полной картины мы все же не имеем. Ясно одно: здесь происходит разрушение сельскохозяйственной поселенческой сети и замена ее

Таблица 12.6

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Северо-Восточного лесопромышленного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от хозяйственной направленности**

Хозяйственная направленность	1939	1956	1970	1979	1989
Сельскохозяйственные	622	473	285	192	152
Охотопромысловые, рыбохозяй- ственные	2	0	4	2	3
Несельскохозяйственные	75	74	102	56	39
В том числе:					
административные	3	2	2	1	1
промышленные	5	6	18	19	9
транспортные	15	20	21	6	4
лесохозяйственные	50	145	50	27	16
рекреационные	0	0	4	3	2
образовательные	0	0	0	0	0
геологоразведочные	0	0	0	0	0
спецпоселки, поселения ОИТК	2	1	7	0	7
Нет сведений	6	42	91	17	31
<i>Всего</i>	<i>596</i>	<i>589</i>	<i>482</i>	<i>267</i>	<i>225</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

другой — лесопромышленной, транспортной, лагерной. Это можно рассматривать как один из вариантов урбанизации сельской местности, т. к. в целом ее перестройка соответствует закономерностям индустриального развития территории. Особенностью этой трансформации является то, что роль городов и городской среды здесь сведена к минимуму в силу малочисленности городских поселений и их депрессивности. Урбанизационным фактором в этих условиях становится не полифункциональный крупный город, а процессы отраслевой организации промышленного производства. Носителем тенденций урбанизации как на уровне системы расселения в целом, так и отдельных населенных пунктов становится лесопромышленный комплекс.

Эти выводы подтверждает анализ распределения сельских поселений региона по типу. Уже в 1920-е гг. в структуре расселения

Таборинского и Тавдинского районов начинают преобладать нетрадиционные типы селений, обозначаемые в справочниках как поселки, но на самом деле являющиеся переселенческими участками, поселками лесозаготовителей. Впоследствии вновь возникшие сельскохозяйственные населенные пункты стали обозначать как деревни или села, что в некотором смысле смазывает картину (табл. 12.7).

Тем не менее в 1939 г. в регионе традиционные поселения — выселки, деревни, зимовья, села, хутора, юрты — составляли 84,7 %. К 1989 г. их удельный вес снизился до 79,6 %. Мелкие железнодорожные поселения — будки и казармы — в 1950—1960-е гг. постепенно закрываются, а все обслуживающие железную дорогу функции концентрируются в пристанционных населенных пунктах. Исчезают из списков хутора, выселки и юрты, первыми принесенные в жертву процессам укрупнения колхозов в 1950-е гг. Достаточно заметно сократилось число сел, часть которых стали обозначаться как деревни, что более соответствовало их новым параметрам.

Таблица 12.7

*Динамика численности сельских населенных пунктов
Северо-Восточного лесопромышленного района в 1939—1989 гг.
в зависимости от типа поселения**

Тип населенного пункта	1939	1956	1970	1979	1989
Барак	39	25	0	0	0
Будка	4	0	0	0	0
Выселок	13	12	0	0	0
Деревня	516	430	331	185	153
Зимовье	1	1	0	0	0
Казарма	0	0	11	0	0
Кордон	3	16	6	0	0
Поселок	62	163	107	56	46
Село	38	33	25	26	26
Хутор	27	9	2	0	0
Юрта	2	0	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>705</i>	<i>689</i>	<i>482</i>	<i>267</i>	<i>225</i>

* Составлено по: БД «Города и села Свердловской области в XX веке».

Численность поселков на протяжении изучаемого периода меняется, достигая максимума к 1956 г., а затем сократившись почти в 3,5 раза. Но все же в абсолютном выражении уровень 1989 г. ненамного ниже показателя 1939 г.

Эволюция системы сельского расселения в Северо-Восточном лесопромышленном районе, которую мы наблюдали на протяжении всего прошлого века, весьма показательна. Региональная поселенческая сеть сложилась в ходе сельскохозяйственного освоения территории и с учетом природно-климатических условий имела свои особенности — преобладание мелких поселений и очаговый характер расселения. К началу XX в. система расселения сохраняет вполне традиционные характеристики: на ней практически не отразились процессы индустриализации, охватившие Среднеуральский регион во второй половине XIX в. Важнейшим фактором, подтолкнувшим к трансформации поселенческой сети, преобразованию ее из аграрной в индустриальную, стала лесопромышленная специализация данных территорий. Носителем урбанизационной тенденции в этом случае выступила не столько городская система, которая в силу неразвитости не могла стать основным звеном перестройки, а лесопромышленный комплекс. Он сформировался на территории районов северо-восточной зоны в 1920—1930-е гг. и в дальнейшем определял динамику и направленность перестройки поселенческой сети. Характерными особенностями системы расселения региона стали: 1) разрушение сети сельскохозяйственных поселений; 2) высокий удельный вес населенных пунктов, связанных с лесопромышленным производством, перспективы развития которых зависят от состояния дел в отрасли; 3) наличие значительной скрытой поселенческой сети, к которой относятся не только производственные участки лес-промхозов и лесохозяйств, но и населенные пункты, входящие в систему исправительно-трудовых лагерей.

Эта модель развития расселения (лесопромышленная) имеет те же особенности и закономерности, что и другие азональные типы, и отличается по своим внутренним механизмам от систем сельскохозяйственного расселения. По своим динамическим параметрам лесопромышленная модель расселения характеризуется нестабильностью и неустойчивостью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Двадцатый век стал временем серьезных перемен, затронувших все сферы жизни. Сформировалась принципиально новая среда, получившая в литературе название урбанизированного, или индустриального, общества. Эта перестройка закономерна и не зависит от политического режима или характера социально-экономических отношений. Ее переживают все страны — правда, неодновременно. Раньше эти процессы получили развитие в странах Запада, позднее — в России и на Востоке. Модернизация, как любой объективный и закономерный процесс, имеет общие черты и вместе с тем развивается по индивидуальному сценарию в каждой конкретной стране, отражая ее цивилизационные особенности. Важнейшей составной частью модернизации выступает урбанизация, сущность которой состоит в трансформации пространственной организации общества, а также образа жизни населения в соответствии с городскими принципами и стандартами. С точки зрения расселения происходит интенсивное развитие городской поселенческой сети, которая оказывает все более значимое влияние на сельскую местность, перестраивая ее. В конечном итоге на основе тесной интеграции городской и сельской поселенческой сети складывается принципиально новая форма — интегрированное расселение, т. е. такая система, в которой невозможно провести четкую грань между городом и деревней.

Обозначить ориентиры при проведении конкретных историко-географических исследований и дать возможность комплексно оценить те изменения, которые произошли в расселении, — задача нашей книги, которую мы и попытались решить, взяв в качестве объекта исследования поселенческую сеть Среднего Урала. Будучи крупным промышленным регионом с высоким уровнем урбанизации, Средний Урал позволяет проследить все основные стадии модернизации и посмотреть, насколько далеко продвинулись пере-

строечные процессы и каковы перспективы развития сельского расселения.

Результаты исследования, проведенного на примере Среднего Урала, можно рассматривать как вполне репрезентативные для других промышленно развитых территорий России — центральных, северо-западных регионов и др. Наличие в границах Среднего Урала различных экономико-географических зон позволяет решить еще более интересную задачу — проследить особенности урбанизации с учетом природно-климатических и экономических параметров, т. к. в каждом случае складывается своя урбанизированная модель расселения, отличающаяся системными характеристиками и перспективами дальнейшего развития.

Для комплексной оценки эволюции поселенческой сети региона и анализа особенностей ее развития необходимы следующие условия.

- Четкое понимание специфики объекта и предмета исследования, которое предполагает анализ понятийного аппарата и концепций расселения, сложившихся в различных областях науки, — географии, этнографии, истории, градостроительстве, демографии и т. д. Без освоения и систематизации всего комплекса методологических наработок в этом вопросе нельзя дать исчерпывающую оценку тем процессам, которые протекают в поселенческой сети.

- Создание источниковой базы, соответствующей задачам исследования, на основе которой появляется возможность проанализировать на протяжении достаточно длительного периода (около 100 лет) изменения, происходящие в поселенческой сети региона, как на макро-, так и на микроуровне. Причем последняя задача представляет наибольший интерес, т. к. изучение изменений на уровне поселенческих микроструктур — отдельных населенных пунктов — практически не проводится. Краеведческие исследования, посвященные истории сел и деревень, не ориентированы на анализ закономерностей и обобщение. Труды географов по проблемам расселения, напротив, нацелены на изучение региональных и локальных систем без акцента на конкретные поселения. Высокий уровень агрегирования проблем расселения зависит

в значительной степени от используемой информационной базы — это различные сводные статистические данные итогов развития поселенческой сети, привязанные к датам проведения переписей населения. Исключением в информационном отношении являются исследования социологического плана, но они не позволяют охватить достаточно большой период времени и дают статическую картину расселения.

• Исторический подход к изучению эволюции расселения основан на привлечении широкого круга источников, в которых представлены сведения о поселенческой сети: материалы статистического и административного учета; законодательно-нормативные документы, регламентирующие вопросы административно-территориального устройства и регулирования расселения; делопроизводственная документация органов власти и ведомств, где нашли отражение вопросы обустройства и развития населенных пунктов региона, описания историй конкретных сел и деревень. Такой комплексный подход к формированию источниковой базы исследования позволяет поставить и решить исследовательские задачи нового уровня, провести не только количественный анализ расселенческих процессов, но и их качественную характеристику, основанную на привлечении всего многообразия свидетельств и данных. Немаловажной задачей в этом случае выступает необходимость систематизации и упорядочения сведений о поселенческой сети на всех уровнях ее организации. Здесь невозможно обойтись без использования тех возможностей, которые представляют современные компьютерные технологии, в частности технология баз данных, системы статистической обработки информации и т. д.

• Проблематика исследования поселенческой сети и особенности источниковой базы влияют на методические приемы исследования. В данном случае основным был системный подход, включающий историко-генетический и историко-сравнительный методы и дополненный методами математического анализа первичной информации. Причем применение количественных методов было не только оправданно, но и необходимо, без них невозможно было бы систематизировать и обобщить тот конкретно-исторический материал, который был накоплен. Среди количественных методов наи-

более эффективным инструментом получения новой информации оказались приемы анализа временных рядов, включающие графическое описание тренда, методы группировки, кластерного анализа. С их помощью была реализована задача выявления типов динамики поселений (моделей), оценки веса факторов, влияющих на развитие населенных пунктов и системы расселения в целом, проведение сравнительного анализа. Таким образом, методическая база исследования носит комплексный характер, в ней сбалансированно представлены как традиционные методы исторического исследования, так и неформальные приемы, ориентированные на построение описательных количественных моделей изучаемого объекта. Особую сложность представляет интерпретация результатов математической обработки: она строилась целиком и полностью на понимании исторических ситуационных и причинно-следственных связей, которые определяли социально-экономическое развитие российского общества в XX в., т. е. исторический подход стал базисным при характеристике эволюции сельской поселенческой сети на Среднем Урале в XX в.

Формирование системы сельского расселения на Среднем Урале тесно связано с природно-географическими факторами, историческим контекстом заселения территории, характерной особенностью которого стало переплетение черт крестьянской и промышленной колонизации края, а также экономическими процессами. В результате к началу XX в. на Среднем Урале сложилась поселенческая сеть, где были исторически реализованы две модели — сельскохозяйственная (в южных уездах Пермской губернии) и горно-заводская (северные и центральные уезды). Но, несмотря на имеющиеся различия, они относятся к традиционному варианту расселения, свойственному доиндустриальному обществу.

Перемены в системе расселения, связанные с урбанизацией и индустриализацией, начинают проявляться в пореформенный период. Его можно считать начальным этапом модернизации (урбанизации) расселения, однако в этот период перемены носили чисто количественный характер, не затрагивая исторически сложившийся рисунок сельского расселения. Судить о начавшейся перестройке нам позволяют те новации, которые проникают в уральскую деревню:

1) появление новых типов населенных мест (промышленные, транспортные, рекреационные, лесные), которые в дальнейшем составят категорию несельскохозяйственных поселений; 2) формирование новых элементов инфраструктуры деревень (школа, больница, учреждения связи, развитие дорог и транспорта, проведение распланировки поселений, начало каменного строительства). В целом на этой стадии урбанизации расселения происходит расширение сельской поселенческой сети, характерное для большинства регионов Среднего Урала.

Социальные катаклизмы начала века — Первая мировая война, революции, Гражданская война — затормозили преобразование сельской местности и привели к реставрации некоторых традиционных черт. В частности, в ряде регионов происходит измельчание поселенческой сети, свертывание системы несельскохозяйственных поселений. В дальнейшем, в 1920-е гг., на фоне восстановления экономики происходит регенерация системы сельского расселения на традиционалистских началах.

Годы НЭПа чрезвычайно интересны с точки зрения эволюции расселения. В этот период, как и во второй половине XIX в., наблюдается формирование сразу нескольких тенденций развития поселенческой сети, которые, с одной стороны, связаны с восстановлением и развитием традиционной поселенческой сети, а с другой — с появлением новых вариантов и форм расселения. В частности, создаются колхозные и совхозные поселки, которые по своим параметрам отличались от традиционных поселений. Складывается сеть лесных, промышленных, транспортных и рекреационных населенных пунктов. Впервые ставится задача реконструкции, преобразования села в соответствии с новыми «социалистическими» условиями жизни.

В 1930—1980-е гг. урбанизация постепенно охватывает всю систему сельского расселения в целом, все уровни ее организации (поселенческая сеть — деревня — двор), приводя к необратимым изменениям и формируя новый облик сельской местности. В первую очередь меняются структурные характеристики сельского расселения, в частности идет общее уменьшение численности сельских населенных пунктов за счет исчезновения малых и части средних поселений.

Одной из господствующих тенденций, особенно в послевоенный период, становится концентрация населения в наиболее крупных поселениях, расположенных в зоне влияния городов и вдоль транспортных линий. Эти процессы выступают как обратная сторона урбанизации и наиболее активно протекают там, где идет промышленное строительство, возводятся города и поселки городского типа.

Сокращение сельской поселенческой сети, которое мы можем наблюдать во второй половине XX в., сопровождалось не только уменьшением численности сельского населения, но и изменением степени заселенности территории, трансформацией структуры и форм расселения. Произошло то, что специалисты называют поляризацией сельского расселения, т. е. сосредоточение населения в относительно немногочисленных, как правило — крупных, поселениях. Одновременно усиливается очаговость расселения.

Вместе с изменением структурных характеристик системы расселения проводится **п р е о б р а з о в а н и е** сельских поселений в соответствии с новыми стандартами жизни, приближенными к городским эталонам. Традиционная деревня, основанная на подворном принципе организации территории с максимальным использованием особенностей ландшафта, усадебной застройкой, постепенно меняется. Отличительной чертой новой деревни стала регулярная планировка (уличная или квартальная), возведение многоквартирных домов. Ее территория организуется в соответствии с четким делением на жилую, производственную и общественную зоны.

Меняется не только архитектурный облик сельских поселений, но и само представление о сельском населенном пункте. В новых условиях деревня — это поселение, которое имеет административную границу, охватывающую земли, занятые застройкой с приусадебным фондом, и постоянное население.

Новый образ сельского поселения получил опосредованное отражение в системе обозначений населенных пунктов. Хотя при проведении учета в 1930—1950-е гг. сохраняются традиционные варианты (село, деревня, выселок, хутор), однако они не имеют четких критериев и используются скорее по привычке. В 1960-е гг. эти обо-

значения постепенно вытесняются другим, более универсальным названием — поселок.

В условиях модернизационного перехода кардинально меняется крестьянское подворье, выступавшее в качестве первичной ячейки сельского поселения и материальной основы сельского образа жизни. Разрушение традиционного уклада и распространение на сельскую местность городских стандартов жизни, дополненные непродуманной государственной политикой в отношении крестьянства, неизбежно вели к тому, что крестьянский двор преобразуется в новое явление — приусадебное (приквартирное) хозяйство. Его отличительной чертой становится урезанная отраслевая структура, свертывание наиболее трудоемкой отрасли — животноводства, сокращение земельных наделов и переориентация сельскохозяйственного производства с хозяйственных нужд на личное потребление.

Таким образом, урбанизация сельской местности представляет собой сложный, но закономерный процесс кардинальной перестройки всей системы сельского расселения и внутрипоселенческого устройства, приведших к формированию нового образа сельской местности.

Динамика изменений поселенческой сети на Среднем Урале находится в тесной взаимосвязи с экономическими, социальными, демографическими аспектами развития общества. Неотъемлемым элементом модернизационного перехода стал политический фактор, реализованный в виде системы управленческих решений и непосредственно влиявший на направленность и интенсивность перестройки сельского расселения. В частности, в 1960—1970-е гг. решающую роль в модернизации сельской местности начинает играть политика реконструкции советской деревни, составной частью которой стала ликвидация «неперспективных» деревень.

По совокупности прошедших трансформаций можно сделать вывод о переходе в России и на Среднем Урале в 1970—1980-е гг. к новой стадии расселения, соответствующей параметрам индустриального и постиндустриального общества. Отличительными чертами этого этапа стали рост численности городов, концентрация сельского расселения вокруг городских центров, сокращение числа мелких и средних населенных пунктов.

Как показывает проведенный анализ, эволюция сельского расселения протекает нелинейно и имеет цикличную природу: начальный этап модернизации сельской поселенческой сети характеризуется тенденцией ее расширения, которая прослеживается вплоть до конца 1930-х гг. Вслед за этапом расширения поселенческой сети наступает стадия сжатия (1940—1980-е), вновь сменяемая тенденцией децентрализации (1990-е). Динамические колебания дополняются изменениями в структуре расселения, связанными с появлением новых типов поселений и изменением их облика.

Анализируя результаты развития сельской поселенческой сети в 1930—1980-е гг., приходится констатировать, что процессы модернизации захватили все уровни системы расселения, однако дать точную количественную оценку изменений затруднительно. Можно лишь предположить, что реальное сокращение сельской поселенческой сети по всем категориям поселений, а особенно мелким и несельскохозяйственным, было все же меньше, чем это отражено в учетных данных. Если принять во внимание обстоятельства, не отраженные в системе административного учета и статистике (например, развитие коллективного садоводства), то можно говорить о формировании уже в 1970-е гг. тенденции децентрализации сельского расселения, связанной с перераспределением функций между городской и сельской местностью и формированием новых потоков миграций (сезонных, маятниковых и т. д.).

Основной результат урбанизационной перестройки сельской местности — это изменение плотности расселения, переход от равномерного к очаговому расположению населенных пунктов, а также замена традиционного образа деревни на урбанизированный. Пока нельзя однозначно сказать, что модернизационный переход, связанный с преобразованием аграрной системы расселения в индустриальную и интегрированную, завершен. Скорее в силу как субъективных, так и объективных причин реконструкция деревни осталась незаконченной.

Наиболее существенным следствием всех структурных и пространственных изменений, произошедших в сельском расселении XX в., является то, что на значительной части России и Урала равномерное сельское расселение, характерное для аграрного обще-

ства, практически перестает существовать. Оно распалось на две части, резко отличающиеся друг от друга в демографическом и экономическом плане, а также по культурно-бытовым характеристикам. Первая — наибольшая часть поселений, имеющих общую положительную динамику (2, 4, 6-й типы), — представлена преимущественно средними и крупными населенными пунктами, выполняющими административные и производственные функции. Это наиболее устойчивый элемент сельского расселения. Вторая часть сельского расселения (1, 3, 5-й типы) — периферийные, мелкие поселения, удаленные от административных и городских центров, потерявшие или теряющие возможности демографического, социального, экономического воспроизводства и развития. Деградация и постепенное разрушение этой части расселения, которые мы можем наблюдать везде, но особенно в Северном и Центральном горно-заводских, Юго-Восточном сельскохозяйственном и Северо-Восточном лесопромышленном районах, ведет к обезлюдению обширных пространств и деформации сельскохозяйственного расселения. Одним из важнейших последствий перестройки расселения становится изменение характера хозяйственно-производственной направленности территорий. С одной стороны, образуются четко выраженные очаги сосредоточения людских и производственных ресурсов, с другой — снижается интенсивность использования межцентровых пространств. В них в лучшем случае идет изменение типа землепользования, в худшем — хозяйственная деградация.

Наиболее активная перестройка происходит в сельских районах, попадающих в зону влияния формирующихся и растущих агломераций. Здесь лишь часть наиболее крупных поселений продолжает сохранять производственные функции и сельскохозяйственную направленность. Остальные становятся местом отдыха горожан. Другие населенные пункты, которые не попали в эти категории, ждет печальная судьба — перспектива рано или поздно стать пустошью. Ситуацию может исправить только активная социально-экономическая политика правительства, ориентированная на поддержку поселенческой сети, развитие транспортных сетей и благоустройство сельской местности, жилищное и культурно-бытовое строительство.

Как показал анализ изменений системы расселения Среднего Урала, дифференциация населенных пунктов по их возможностям и потенциалу уже свершилась. Ранее всего депопуляционные и деструктивные тенденции проявились на территориях с преобладанием мельчайших поселений (северные и северо-восточные районы Свердловской области) и в регионах, где привлекательность городов особенно велика, в зонах влияния промышленных центров (Центральный горно-заводской район). В ареалах расселения с преобладанием средних по числу жителей населенных пунктов (южные районы Свердловской области) сохраняется общая устойчивость расселения. Однако тенденция такова, что возможна потеря их структурной стабильности. И эта опасность еще более возрастает вследствие затянувшегося экономического кризиса аграрной сферы и напряженной социально-экономической ситуации в обществе.

Комплексный анализ и сравнение моделей расселения в шести экономико-географических зонах Среднего Урала (Северный, Центральный, Южный горно-заводские, Юго-Западный и Юго-Восточный сельскохозяйственные, Северо-Восточный лесопромышленный районы) позволил выделить их специфические черты и рассмотреть варианты урбанизации сельской местности.

Для каждой из зон характерен свой рисунок и тип поселенческой сети. В Северном горно-заводском и Северо-Восточном лесопромышленном районах сохраняется редкоочаговое расселение, которое отличается преобладанием мелких населенных пунктов и повышенным удельным весом несельскохозяйственных поселений — лесохозяйственных, промышленных, транспортных и т. п. Для этих районов свойственна неустойчивая динамика. Здесь происходит наиболее сильное сокращение сети постоянных сельскохозяйственных поселений, которое в определенной степени компенсируется активным формированием системы временных населенных пунктов.

Наиболее плотно заселенными остаются южные сельскохозяйственные территории, которые отличаются преобладанием средних по размеру сельских поселений, достаточно равномерно распределенных на местности. Эти территории, особенно Приуралье,

оказались вполне устойчивыми к модернизационным переменам. Сокращение численности сельских поселений происходит и здесь, но не так активно, как на севере. Наибольший удельный вес в структуре расселения составляют сельскохозяйственные поселения.

Центральный и южный горно-заводской Урал наиболее интересен с точки зрения изучения проблем преобразования сельской местности в условиях становления агломераций. Здесь в развитии расселения большую роль играет влияние таких городских центров, как Екатеринбург, Нижний Тагил и др., вокруг которых формируются зоны повышенной плотности населения и расселения. Одновременно происходит сокращение значительного количества сельскохозяйственных поселений, расположенных в удалении от ядер агломерации.

На примере разных экономико-географических зон можно судить не только о моделях урбанизации сельской местности, но и о завершенности этих процессов. Только в Южном горно-заводском районе урбанизация и интеграция расселения зашли настолько далеко, что позволяют нам сделать вывод о переходе к интегрированной стадии. В других районах модернизация осталась незавершенной. Но эти выводы верны только применительно к ситуации конца 1980-х гг. В условиях кризиса и деградации, которые переживает сельская местность в конце XX — начале XXI в., есть опасность возвратных явлений либо необратимых деформаций. Пока рано окончательно судить о том, как новая эпоха повлияла на поселенческую сеть, результаты будут видны по прошествии десятилетий. В этом специфика объекта исследования: даже имея представление о тех перспективах, которые должны проявиться (если судить по опыту Европы и Америки) в недалеком будущем, однозначно судить о будущем невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные

**Законодательные и нормативные документы,
документы партии и правительства, материалы совещаний**

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 августа 1926 г. «О порядке регистрации и наименования вновь возникших поселений» // Сб. указов РСФСР. 1926 г. № 60.

Земельный Кодекс РСФСР 1922 г. // Сб. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 156—179.

Земельный Кодекс РСФСР. М., 1974.

Инструкция по внутрихозяйственному землеустройству колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий. М., 1973.

Обобщение опыта и рекомендации по наиболее рациональной планировке и застройке сельских населенных пунктов совхозов и колхозов РСФСР. М., 1966.

Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках // Сб. указов РСФСР. 1924 г. № 73.

Планировка и застройка сельских населенных мест: Рекомендации по проектированию М.: Стройиздат, 1971.

Постановление ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» // Сб. указов РСФСР. 1919. № 6 (ст. 46).

Постановление СНК СССР от 25 декабря 1933 г. «О развертывании индивидуального огородничества» // Сб. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954.

Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. С. 193—210.

Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5.

Постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 18 марта 1966 г. «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» // Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. Т. 7. М., 1967. С. 11—12.

Примерный Устав сельскохозяйственной артели, утвержденный Президиумом ЦИК СССР и СНК СССР 1.03.1930 г. // Сб. док. по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954. С. 467—468.

Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР, 1917—1954. М., 1954.

Сборник нормативных документов по планировке и застройке сельских населенных пунктов РСФСР. М., 1982.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 1.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1962 г. «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. № 22.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5.

Справочные издания

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. Пермь, 1896.

Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминолог. слов. М., 1983.

Административно-территориальное деление Свердловской области на 1 апреля 1939 г. Свердловск, 1939.

Весновский В. А. Минеральные источники в Пермской губернии. Пермь, 1913.

Доброхотов Ф. П. Урал Северный, Средний и Южный: Справ. кн. Пг., 1917.

Заиц Л. П. Курортный справочник Урал. области. Свердловск. М., 1951.

Курорты Уральского областного курортного управления: Путеводитель-справочник. Свердловск, 1929.

Матвеев А. К. Географические названия Свердловской области: Топоним. слов. Екатеринбург, 2000.

Переустройство сельских населенных пунктов: Справ. М., 1985.

Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914.

Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 16. Западная Сибирь. СПб., 1907.

РСФСР. Административно-территориальное деление на 1.07.45 г. М., 1945.

РСФСР. Административно-территориальное деление на 1.07.68 г. М., 1968.

Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 июля 1956 г. Свердловск, 1956.

Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 ноября 1968 г. Свердловск, 1968.

Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 г. Свердловск, 1978.

Свердловская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1987 г. Свердловск, 1987.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923—1960: Справ. М., 1998.

Списки населенных мест Российской империи. Т. 31. Пермская губерния. СПб., 1875.

Список населенных мест Российской империи. Тобольская губерния по сведениям 1868—1869 гг. М., 1871.

Список населенных мест Тобольской губернии за 1904 г. Тобольск, 1904.

Список населенных мест Пермской губернии. Пермь, 1904.

Список населенных мест Пермской губернии. Т. 1—12. Пермь, 1909.

Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.

Список населенных мест Свердловского округа. Свердловск, 1926.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. 3. Ирбитский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. 6. Кунгурский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. 10. Свердловский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных мест Уральской области. Т. 14. Тюменский округ. Свердловск, 1928.

Список населенных пунктов Уральской области. Т. 16. Шадринский округ. Свердловск, 1928.

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1.09.1935 г. М., 1935.

СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1.01.1951 г. М., 1951.

Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000.

Статистические издания

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. М., 1928.

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Стат. сб. материалов / Сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002.

Голубев П. А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904.

Городские поселения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.

Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. СССР: Сводный том. М., 1962.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1989.

Материалы для изучения Пермского края // Сб. Пермского земства. № 2. Пермь, 1904.

Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908—1909 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910.

Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.): Стат. сб. М., 1980.

Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): Стат. сб. М., 1991.

Уральский экономический район: Основные итоги переписи населения 1989 г.: Стат. сб. Екатеринбург, 1991.

Численность населения Российской Федерации: Стат. сб. М., 1994.

Труды по краеведению

Алентьев Ю. М., Дегтярева А. Г. Анненское: История и современность. Магнитогорск, 1994.

Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкирской АССР. Уфа, 1990.

Бирюков В. П. Природа и население Шадринского округа Уральской области. Шадринск, 1926.

Бирюков В. П. Краеведческий вопросник. Пермь, 1929.

Бирюков В. П. Записки уральского краеведа. Челябинск, 1964.

Бирюков В. П. Уральская копилка. Свердловск, 1969.

Брылин А. И., Коверда П. Т. Артемовский краеведческий словарь. Артемовский, 1998.

В нашем краю: Ст. и очерки о Свердловской области. Свердловск, 1953.

Гаев И. М. и др. Шадринские села. Шадринск, 1997.

Герштейн Я. Л. Ирбит и его окрестности. Екатеринбург, 1995.

Голубых М. Д. Казачья деревня. М.; Л., 1930.

Горбунов Ю. и др. На государственной дороге (Пелым, Верхотурье, Туринск, Туринская Слобода): Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2000.

Деревня Нелоба. Н. Тагил, 1928.

Дунаев Ю. Топонимы окрестностей Первоуральска. Первоуральск, 1992.

Ермолаев В. Тавдинское местописание. Екатеринбург, 1999.

Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краевед. сб. Вып. 1—6. Курган, 1989—1998.

Захаров Н. Село на старом тракте: Ист. очерк // Урал. 1962. № 12. С. 144—166.

Златоустовская энциклопедия: В 2 т. Златоуст, 1994—1997.

Календарь-справочник Свердловской области. 1968. Свердловск, 1968.

К истории Белоярского района. Белоярский, 1988.

Кожевников А. Н. О Полевском и полевчанах: Записки краеведа. Свердловск, 1991.

Коровин А. Ф. Энциклопедия Каменского района: (Словарь-справочник по истории сел и деревень). Каменск-Уральский, 1993.

Кривошецов И. Я. Материалы по истории села Кудымкара Соликамского уезда Пермской губернии. Пермь, 1894.

Кривошеков И. Я. Справка о прошлом Иньвенского района // Зап. Урал. о-ва любителей естествознания. Т. 15. Вып. 1. Екатеринбург, 1894.

Кривошеков И. Я. Материалы для изучения Пермского края // Сб. Пермского земства. 1904. № 2.

Кривошеков И. Я. Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с общим историко-географическим очерком и приложением карты уезда в границах по административному делению России в 1734 г. Пермь, 1910.

Кривошеков И. Я. Словарь географическо-статистический Чердынско-го уезда Пермской губернии с приложениями карты бассейна реки Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914.

Крылов П. Вишерский край: Исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Свердловск, 1926.

Летопись уральских деревень. Ревдинский район. Ревда, 1997.

Летопись уральских деревень. Вып. 1. Сысертский район. Сысерть, 1992.

Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район. Свердловская область, 1995.

Макарян А. Н. И дольше века длится... жизнь: История санатория «Обуховский». Екатеринбург, 2001.

Мы живем в глубине России: (История села Черемисского). Реж, 1997.

Новопашин М. и др. Крестьянский сарафан Малахитницы: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2003.

Осинский ежегодник: Краевед. сб. Оса, 1993—1996.

По Свердловской области. Свердловск, 1957.

Пермский край: Краевед. сб. Пермь, 1990.

Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге, 1901—1902. СПб.; М., 1902.

Сажин В. Ф. К истории основания Белоярской слободы: В помощь краеведу. Свердловск, 1966.

Свердловская область: Материалы к историко-географическому словарю. Свердловск, 1962.

Слукин В., Арапова Е., Кононова Т. Демидовские гнезда: Культурно-исторические очерки (Невьянский, Верхний Тагил, Нижний Тагил). Екатеринбург, 2001.

Смирных А. и др. Уездные столицы: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002.

Сухоложье. Сухой Лог, 1993.

Уральское краеведение: Историко-литературный альманах. Екатеринбург, 1996.

Человек пришел на Урал: Мифы и легенды, были и былички, записанные юными летописцами в уральских селах и деревнях. Екатеринбург, 1998.

- Чекан В. Г.* Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1902.
- Черданцев И. К.* На земле Талицкой: Записки краеведа. Екатеринбург, 1999.
- Чирков Ю.* Позвала Бабиновская дорога: Путевой очерк. Соликамск, 1997.
- Чуманов А. и др.* Малахитовая провинция: Культ.-ист. очерки. Екатеринбург, 2001.
- Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. Пермь, 1876.
- Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 2. Пермь, 1878.
- Чупин Н. К.* Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 6. Пермь, 1886.
- Шадринское научное хранилище. 1924. № 1.
- Шадринская старина: Краевед. альманах. Шадринск, 1993—1996.

Периодическая печать

- Гершев А.* Край природных даров: Путевые заметки [о пос. Сольва на севере Урала] // Правда Севера. 1962. 2 сент.
- Григорьев Г.* О поселке манси [Суеват-Пауль] // Урал. рабочий. 1958. 13 марта.
- Есть на Уфе поселок [о пос. Сарана] // Урал. рабочий. 1967. 16 апр.
- Касьянов А., Щербаков А.* Письма из Романовского [о поселке Романовском] // Урал. рабочий. 1972. 26, 27 дек.
- Крылов П.* Еще раз о наших здравницах // Урал. рабочий. 1960. 24 нояб.
- Маленький А.* Лес трещит. Свердловск; М., 1933.
- Плотников Н.* Деревенька моя Несенцева... // Пышминские вести. 1994. № 91.
- Смирных А.* Край сосновый, солнце встает... [о пос. Сарана] // Урал. рабочий. 1968. 1 авг.

Неопубликованные источники

АРХИВЫ

Государственный архив Пермской области (ГАПО)

Ф. 564 — Областной исполнительный комитет Пермского совета депутатов трудящихся.

Ф. 1090 — Пермское областное управление сельского хозяйства.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

Ф. 88 — Исполнительный комитет Свердловского областного совета депутатов трудящихся (Облисполком), 1920—1975 гг.

Ф. 232 — Фонд уполномоченного Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР при СНК РСФСР.

Ф. 239 — Земельное управление Исполнительного комитета Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ОблЗУ), 1921—1935 гг.

Ф. 245 — Уральская областная контрольная комиссия ВКП(б). Уральский областной отдел Рабоче-крестьянской инспекции (УралоблКК-РКИ), 1924—1934 гг.

Ф. 1813 — Статистическое управление Свердловской области ЦСУ СССР при Совете Министров СССР, 1934—1975 гг.

Ф. 1824 — Свердловское областное производственное управление сельского хозяйства Областного совета депутатов трудящихся, 1928—1976 гг.

Ф. 1939 — Управление уполномоченного Народного Комиссариата совхозов на Урале, 1932—1934 гг.

Ф. 2394 — Свердловский областной отдел по делам строительства и архитектуры, 1946—1975 гг.

Ф. 2757 — Коллекция документов, собранная уральским писателем-краеведом В. П. Бирюковым.

Серовский филиал Государственного архива Свердловской области

Ф. 138 — Ивдельский райисполком, 1920—1946 гг.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф. 1014 — Областной исполнительный комитет Оренбургского совета депутатов трудящихся.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 112 — Министерство городского и сельского строительства, 1944—1957.

Ф. 150 — Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам строительства и архитектуры.

Ф. 259 — Совет Министров РСФСР.

Ф. 311 — Управление по строительству в колхозах, 1945—1962 гг.

Ф. 327 — Главное переселенческое управление при Совете Министров РСФСР, 1942—1956.

Ф. 385 — Верховный Совет РСФСР.

Ф. 518 — Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР, 1956—1967.

Ф. 533 — Государственный комитет Совета Министров РСФСР по делам строительства.

Ф. 4042 — Главное управление местами заключения НКВД РСФСР.

Ф. 5446 — Совет Министров СССР, 1923—1991.

Ф. 7523 — Верховный Совет СССР, 1930—1989.

Ф. 9479 — Четвертый спецотдел Министерства внутренних дел СССР.

Ф. 9414 — Главное управление мест заключения МВД СССР.

Ф. 9423 — Хозяйственное управление МВД СССР.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 5 — Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР, 1954—1957.

Ф. 131 — Министерство сельского строительства СССР, 1967—1985.

Ф. 530 — Главное управление по проектированию сельских зданий и сооружений Минсельхоза СССР, 1958—1985.

Ф. 1562 — Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1918—1987.

Ф. 5675 — Учреждения по руководству переселением в СССР, 1925—1942; 1949—1954 гг.

Ф. 7486 — Министерство сельского хозяйства СССР, 1929—1985.

Ф. 7803 — Министерство совхозов СССР, 1932—1957.

Ф. 8119 — Учреждения по руководству строительством в колхозах и совхозах, 1930—1932 гг.

Ф. 8216 — Министерство городского и сельского строительства СССР, 1954—1957.

Ф. 9432 — Комитет по делам строительства и архитектуры при Совете Министров СССР, 1943—1949.

Ф. 9476 — Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР, 1946—1953.

Ф. 9510 — Министерство городского строительства СССР, 1949—1951.

Центр хранения документации общественных организаций Свердловской области (ЦХДОО СО)

Ф. 4 — Свердловский областной комитет КПСС.

ТЕКУЩИЕ АРХИВЫ

Архивный отдел администрации МО «Пышминский район». Ф. 6.

Текущий архив администрации МО г. Ивдель. Справка о социально-экономическом развитии муниципального образования г. Ивдель за 2002 г.

Текущий архив Свердловского областного комитета государственной статистики. Табл. 4. Группировка сельских населенных пунктов по типам и численности населения Свердловской области, 1989 г.; Численность наличного и постоянного населения Свердловской области по переписи 1989 г.; Динамические ряды итогов переписи 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Агаянц Л. М. и др. Сельские жилые дома и квартиры. М., 1975.

Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977.

Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминолог. слов. М., 1983.

Алексеев А. И. Преобразование сельского расселения // Итоги науки и техники. География СССР. Т. 16. М., 1982. С. 98—105.

Алексеев А. И. Сельское расселение как фактор образа жизни // Динамика расселения в СССР: Вопр. географии. Сб. 129. М., 1986.

Алексеев А. И. Проблемы управления сельской местностью // География и хозяйство: Роль географической науки в обеспечении ускорения социально-экономического развития страны. Л., 1987. С. 64—79.

Алексеев А. И. Сельское расселение: концепции и реальность // Вопр. географии. М., 1988. С. 144—182.

Алексеев А. И. Многоликая деревня (население, территория). М., 1990.

Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Урал. ист. вестн. № 5—6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 8—50.

Алексеева Е. В. Объяснение российской истории с помощью теории модернизации: *pro et contra* // Урал. ист. вестн. № 7 (Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: итоги и перспективы). Екатеринбург, 2001. С. 108—118.

Алфорова Е. Ю. Уральский город пореформенного времени: Тенденции демографического развития // Проблемы социально-политической истории Урала. Челябинск, 1991. С. 68—79.

Алферова Е. Ю. Города Урала второй половины XIX в. как центры торговли // Промышленность Урала в период капитализма: Социально-экономические и экологические проблемы. Екатеринбург, 1992. С. 168—191.

Анимица Е. Г. Города Среднего Урала: Прошлое, настоящее, будущее. Свердловск, 1983.

Анимица Е. Г., Бурьян А. П., Шарыгин М. Д. Территориальные системы расселения Урала. Свердловск, 1988.

Анимица Е. Г., Шарыгин М. Д. Об основных направлениях исследований региональных систем расселения (на примере Уральской системы) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1985. № 3. С. 274—278.

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

Артемов Е. Т., Беделъ А. Э. Укрощение Урана. Екатеринбург, 1999.

Архипов Ю. Р. и др. Математические методы в географии. Казань, 1976.

Баканов С. А. Депрессивные города Урала в 1960—1980-е гг.: Анализ социально-экономических и демографических факторов. Челябинск, 2005.

Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI—XX в. Тобольск, 1997.

Балюк Н. А. Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI — начале XX века. Тюмень, 2003.

Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930—1980-е гг.: Тез. науч. докл. Вологда, 2003.

Беленький В. Р. Проблема агроиндустриальных поселений: Расселение в районах размещения территориальных агропромышленных комплексов. М., 1979.

Беленький В. Р., Кранц Л. А. Сельские поселки в единой системе расселения. М., 1978.

Белоусов В. Н. и др. Единая система расселения: теория, методология, практическое использование в Генеральной схеме расселения на территории СССР и в проектных документах // Науч.-практ. задачи советской географии. Л., 1985.

Бельтран В. Х. Переселенческие аспекты раскулачивания на Ставрополье // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран: Тез. междунар. конф. Ставрополь, 2001. С. 77—80.

Борьба за победу Октябрьской Социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961.

Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР: Краткий очерк (1917—1975). М., 1976.

Бочаров М. К. Методы математической статистики в географии. М., 1971.

Браде И., Перцик Е. Н., Питерский А. С. Районная планировка и разработка схем расселения: опыт и перспективы. М., 2000.

Бродская Л. И., Мазур Л. Н. Информационно-справочная система «Села и города Среднего Урала в XX веке» // Информ. бюлл. ассоциации «История и компьютер». 2002. № 29 (июнь). С. 80—104.

Бродская Л. И., Мазур Л. Н. Развитие сельских поселений Среднего Урала в XX веке: методологические аспекты построения динамических моделей // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 4. Екатеринбург, 2004. С. 227—250.

Буркин С. К. Некоторые аспекты влияния урбанизации на сельское расселение // Вопр. географии Сибири. 1983. № 15. С. 108—120.

Быкова Н. В. Экономико-демографические проблемы расселения в областном регионе: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 1990.

Важенин А. А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург, 1997.

Важенин Г. Ф. Город и деревня: Новый этап сближения. Свердловск, 1976.

Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву: Середина 40-х — начало 60-х гг. М., 1992.

Вербицкая О. М. Население российской деревни в 1939—1959 гг.: Проблемы демографического развития. М., 2002.

Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв.: историко-социологическое исследование о типах внегородских поселений. М.; Л., 1936.

Витов М. В. О классификации поселений // Сов. этнография. 1953. № 3. С. 27—37.

Витов М. В. Гнездовой способ расселения на Русском Севере и его происхождение // Сов. этнография. 1959. № 2.

Вишневский А. Г. Экономические проблемы развития форм городского расселения // Проблемы современной урбанизации. М., 1972.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Владимиров В. В. О становлении и реализации отечественных теорий расселения // Проблемы расселения: История и современность. М., 1997. С. 126—129.

Владимиров В. В., Наймарк Н. И. Проблема развития теории расселения в России. М., 2002.

Воейков А. И. Людность селений Европейской России и Западной Сибири // Изв. Рос. геогр. о-ва. Т. 45, вып. 1—3. СПб., 1909.

Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.

- Вопросы развития сельских населенных мест за рубежом. М., 1975.
- Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.
- Восточно-уральский радиоактивный след: Проблемы реабилитации населения и территорий Свердловской области. Екатеринбург, 2000.
- География населения СССР в условиях НТР: Основные факторы и изменение расселения. М., 1988.
- Географические аспекты реконструкции населенных мест Нечерноземья. М., 1984.
- Генеральная схема расселения на территории СССР: Докл. к выставке «Градостроительство в СССР». М., 1977.
- Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М., 1984.
- Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2000.
- Гольц Г. А.* Урбанизация как феномен культуры: закономерности социально-информационного разнообразия // Изв. РАН. Сер. География. 1994. № 3. С. 24—37.
- Горбачев О. В.* На пути к городу: Сельская миграция в Центральной России (1946—1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.
- Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII — начале XX века. Екатеринбург, 2002.
- Гохберг М. Я., Соловьева Н. А.* Проблемы развития и размещения производительных сил Центрального района. М., 1975.
- Гусейн-Заде С. М.* Об использовании оптимизационного подхода в модели географии городов // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 120—130.
- Гусейн-Заде С. М.* Модели размещения населения и населенных пунктов. М., 1988.
- Гуськова Т. К.* Некоторые этнографические особенности населения б. Нижнетагильского заводского округа в конце XIX — начале XX в. // Сов. этнография. 1958. № 2. С. 30—44.
- Давидович В. Г.* Расселение в промышленных узлах. М., 1960.
- Давидович В. Г.* Планировка городов-районов. М., 1976.
- Давидович В. Г.* Об основах теории и практики расселения // Динамика систем расселения. М., 1977.
- Давидович В. Г., Ковалев С. А., Покишиевский В. В.* Об основах классификации населенных пунктов СССР (в связи с задачами экономической географии) // Изв. АН СССР. Сер. География. 1959. № 4.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.

Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV — XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

Дементьев И. В. Вклад горнорудного Урала в великую победу // Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 г.: Тез. докл. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20—21 апреля 1995 г. Екатеринбург, 1995.

Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е гг. М., 1996.

Денисова Л. Н. Российская нечерноземная деревня 1960—1980-х гг. // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 618—632.

Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986.

Деревня Центральной России: история и современность. М., 1993.

Дудырев Ф. Ф. Н. К. Чупин: фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1998.

Дулов А. В. Географическая среда и история России конца XI — середины XIX в. М., 1983.

Еремин А. Ирбитская деревня в конце XIX — начале XX века. Екатеринбург, 1997.

Еремин А. Ирбитская доколхозная деревня. Екатеринбург, 1998.

Жилище в России: век XX: Архитектура и социальная история. М., 2001.

Жиромская В. Б. Советский город в 1921—1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988.

Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.

Заславская Т. И., Горяченко Е. Е. Система сельского расселения: социальные проблемы и пути их решения. Новосибирск, 1986.

Зеленин И. Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти, 1917—1927. М., 1972.

Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток, 1928—1941. М., 1982.

Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

Землепользование и перспективы землеустройства на Урале. Свердловск, 1926.

Зубков К. И. Пространственно-географический фактор российских модернизаций // Урал. ист. вестн. № 5—6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 105—123.

Иванов К. П. Эколого-географическое исследование сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР // География и хозяйство: Роль геогра-

фической науки в обеспечении ускорения социально-экономического развития страны. Л., 1987. С. 79—94.

Иоффе Г. В. Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 181—195.

Исторические города и села в процессе урбанизации (по материалам международного совещания). М., 1993.

История народного хозяйства Урала: В 2 ч. Свердловск, 1990.

История советского крестьянства. Т. 3. М., 1986.

Казачинский В. П. Расселение и землепользование на Кубани. Краснодар, 2005.

Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Ильиных В. А. Сельское население в Западной Сибири в 1960—1980-е гг. Новосибирск, 2003.

Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920—1950-е гг.: В 2 ч. Н. Тагил, 1996.

Кирсанов В. А. Социально-экономические основы сельскохозяйственного расселения (на примере Украинской ССР): Дис. ... докт. эконом. наук. Киев, 1963.

Ковалев С. А. Типы сельских поселений СССР // Вопр. географии. М.; Л., 1956.

Ковалев С. А. Географическое изучение сельского расселения. М., 1960.

Ковалев С. А. Сельское расселение: (Географическое исследование). М., 1963.

Ковалев С. А. Географический анализ сельского расселения в СССР. Некоторые итоги и перспективы // Вопр. географии. М., 1988. С. 22—34.

Ковалев С. А., Мигачева Л. В., Степанова Л. В. Региональные различия современного сельского расселения в СССР // Динамика расселения в СССР: Вопр. географии. Сб. 129. М., 1986. С. 157—168.

Колесников П. Я. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.

Комар И. В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959.

Комар И. В. География хозяйства Урала: Порайонная экономико-географическая характеристика. М., 1964.

Коммель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 82—100.

Кондрашенков А. А. Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII — первой половине XIX в. Шадринск, 1997.

Корель Л. В. Сельские мигранты в городах Сибири // Миграция населения. М., 1992.

Корнилов Г. Е. Уральское село и война: (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993.

Коровин А. Ф. Старейшая нить краеведения на Урале (к истории церковного краеведения на Урале) // Урал. краевед. Вып. 3. Свердловск, 1990. С. 97—102.

Коффорд А. А. Крестьянские хутора на надельной земле. Т. 1—2. СПб., 1905.

Кочетков А. В., Листенгурт Ф. М. Системный подход к прогнозированию развития сети населенных мест. М., 1974.

Кочетков А. В., Листенгурт Ф. М. Расселение в СССР. М., 1981.

Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. Л., 1965.

Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). М., 1970.

Кривоногов В. Я. История Урала в историко-географических сочинениях Н. К. Чупина // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 1. Свердловск, 1974.

Кривоногов В. Я. Материалы по истории горнозаводского Урала в личном фонде Н. К. Чупина // Социально-экономическое положение и борьба горнозаводского населения Урала в XVIII—XIX вв. Пермь, 1981.

Крисанов Д. Ф. Сельское расселение: социально-экономический аспект. Киев, 1988.

Крупко А. Э. Территориальная организация сельского населения и расселения Воронежской области: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Воронеж, 1998.

Кузнецов А. Ф. Химико-лесной комплекс Урала: история и современность (XV—XX вв.). Екатеринбург, 1996.

Кузнецов В. Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала: Первое десятилетие. Екатеринбург, 2003.

Культура и быт горнозаводского населения Урала: Сб. материалов I—VI гор. краевед. конф. «Шайтанские чтения». Первоуральск, 2002.

Курорты Урала. Сб. ст. и бальнеол. работ. № 1. Свердловск, 1929.

Лабутин В., Югов Ю. Горизонты сельского района: Из опыта социально-экономического планирования. Пермь, 1980.

Ланно Г. М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978.

Ланно Г. М. Опорный каркас территориальной структуры народного хозяйства // Территориальная организация производительных сил СССР. М., 1978. С. 3—25.

Ланно Г. М. Становление и развитие исследований проблем городских агломераций в СССР // Динамика расселения в СССР: Вопр. географии. Сб. 129. М., 1986. С. 119—130.

Латпо Г. М. Исчезнувшие города на территории России // Проблемы расселения: история и современность. Сер. Россия 1990-х гг.: проблемы регионального развития. Вып. 3. М., 1997. С. 15—19.

Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь, 1993.

Лейбович О. Л. Реформы 1950—1960-х гг. в контексте отечественной модернизации // Урал. ист. вестн. № 5—6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 361—377.

Лейбович О. Л. Историко-методологические проблемы концепции модернизации // Урал. ист. вестн. № 7 (Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: итоги и перспективы). Екатеринбург, 2001. С. 131—143.

Лейзерович Е. Е. Локальные системы расселения и экономическое микрорайонирование // Динамика расселения в СССР: Вопр. географии. Сб. 129. М., 1986. С. 69—76.

Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997.

Лечебные воды и грязи Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1983.

Листенгурт Ф. М., Сипунова Е. В. Генеральная схема расселения на территории СССР. М., 1980.

Ломанов И. К. Закономерность динамики численности и размещения населения в Европейской части России. М., 1995.

Мазур Л. Н. Крестьянский двор на Среднем Урале в первой половине 60-х годов: (По материалам бюджетных обследований) // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., 1993. С. 139—165.

Мазур Л. Н. Сельское расселение и укрупнение колхозов на Урале в 50-е годы // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. С. 283—293.

Мазур Л. Н. Край ссылки: Особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930—1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 176—208.

Мазур Л. Н. Политика ликвидации неперспективных деревень в 1960—1970-е гг.: истоки, этапы, реализация, результаты (на материалах Урала) // Россия в XX в.: история и историография. Екатеринбург, 2002. С. 92—122.

Мазур Л. Н. Аграрная политика 1930-х гг. как фактор эволюции российской деревни (по материалам Урала) // Урал. ист. вестн. № 9. Проблемы экономической истории России: региональное измерение. Екатеринбург, 2003. С. 227—239.

Мазур Л. Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке.: Статист.-этногр. описание. Екатеринбург, 2003.

Мазур Л. Н. Уральская деревня в 1930—1980-е годы: основные тенденции развития системы расселения // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2003. № 4 (33). С. 14—30.

Мазур Л. Н. Российская деревня в 1930—1980-е гг. в контексте модернизации (по материалам Урала) // Ист. география: теория и практика: Сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 109—119.

Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х — 1980-е гг.) // Отечеств. история. 2005. № 3. С. 25—37.

Максимов В. А. География сельской местности: (Проблемы и методы исследования). Уфа, 1992.

Мангатаева Д. Д. Система расселения населения: Регион. аспект. Новосибирск, 1988.

Математические методы в географии. Казань, 1976.

Методика выбора перспективных поселков колхозов и совхозов. М., 1966.

Методика и опыт изучения сельских поселений Урала: Материалы науч. конф., г. Екатеринбург, 21 октября 1992 г. Екатеринбург, 1995.

Методологические основы разработки Генеральной схемы расселения на территории СССР. М., 1982.

Методологические проблемы систематического изучения деревни. Новосибирск, 1977.

Методы изучения расселения. М., 1987.

Мионов Б. Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.): В 2 т. СПб., 2000.

Мичурина Ф. З. Сельское расселение: теория и практика регионального анализа (на материалах Урала): Дис. ... докт. геогр. наук. М., 1998.

Мичурина Ф. З. Сельское расселение: Методология регионального анализа (на материалах Урала). Ч. 1. Пермь, 1997.

Мичурина Ф. З. Сельское расселение: Региональный анализ и политика регулирования. Ч. 2. Пермь, 1997.

Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. Свердловск, 1990.

Население Урала, XX век. Екатеринбург, 1996.

Наухацкий В. В. Аграрная политика в СССР в 1965—1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов н/Д, 1996.

Наухацкий В. В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня, 1965—2000 г. Ростов н/Д, 2003.

Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: Владельцы и владения. Н. Тагил, 2004.

Неклюдов Е. Г. «Обозрение деревень Нижнетагильского округа» Я. Н. Горелова как источник по истории уральских заводских поселений и их населения // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2. Екатеринбург, 2003. С. 285—313.

Никифоров А. В. Социально-экономическая интеграция города и села. М., 1988.

Новоселов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999.

Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995.

Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Атомный след на Урале. Челябинск, 1997.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990.

Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М., 2000.

От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния: Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998.

Первые Невьянские Демидовские чтения, г. Невьянск, 7—8 декабря 1999 г. Екатеринбург, 2000.

Первые Чупинские краеведческие чтения: Тез. докл. и сообщ., 7—8 февраля 2001 г. Екатеринбург, 2001.

Переустройство сельских населенных мест: Материалы совещания-семинара. Минск, 1968; М., 1969.

Петров Н. В. Пространственно-временной анализ систем расселения: методические аспекты (на примере Москвы) // Методы изучения расселения. М., 1987. С. 55—82.

Пивоваров Ю. Л. Современная урбанизация: Основные тенденции расселения. М., 1976.

Пивоваров Ю. Л. Основы геоурбанистики. М., 1999.

Пиотух Н. В. Писцовый наказ конца XVI в. и его реализация по материалам Псковской земли) // Псков в российской и европейской истории: К 1100-летию летописного упоминания. Т. 1. М., 2003.

Пиотух Н. В. Картографический метод в исторических исследованиях // Историческая география: теория и практика: Сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 30—37.

Пиотух Н. В., Фролов А. А. Электронный историко-географический атлас Деревенской пятины // Круг идей: Электронные ресурсы исторической информатики. М.; Барнаул, 2003. С. 198—234.

Планировка и застройка экспериментально-показательных сельских поселков. Киев, 1973.

Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. С. 217—247.

Побережников И. В. Модели индустриализации в контексте современной теории развития // Урал. ист. вестн. № 9. Проблемы экономической истории России: регион. измерение. Екатеринбург, 2003. С. 336—351.

Покшишевский В. В. Население и география: Теорет. очерки. М., 1978.

Полян П. М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. Ч. 1. М., 1988.

Попов В. П. Экономическая политика советского государства. 1946—1953. М.; Тамбов, 2000.

Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956.

Принципы формирования групповых систем населенных мест. М., 1978.

Проблемы расселения в СССР: (Социально-демогр. анализ сети поселений и задачи управления). М., 1980.

Проблемы расселения: история и современность. Сер. Россия 90-х: проблемы регион. развития. Вып. 3. М., 1997.

Провинциальный город: Культурные традиции, история и современность: Тез. докл. М., 2002.

Развитие сельских поселений: (Лингвист. метод типол. анализа социальных объектов). М., 1977.

Развитие сети опорных центров расселения РСФСР: (Вопросы методики). М., 1979.

Раскопин А. О. Сельское расселение и экология. Пермь, 1998.

Расселение: вопросы теории и развития (на примере Украинской ССР). Киев, 1985.

Расселение в Нечерноземной зоне РСФСР. М., 1975.

Региональные проблемы развития городских и сельских поселений СССР. М., 1988.

Родаман Б. Б. Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исследования методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докл. Таллин, 1987. С. 75—82.

Раманов Б. А. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н. Н. Воронина и С. Б. Веселовского) // Вопр. экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960.

Русина Ю. А. История и теория источниковедения: Курс лекций. Екатеринбург, 2001.

Русские: Заселение и хозяйственное освоение русскими Северного Приуралья (XVI—XX вв.). Сер. Народы и культуры. Вып. 6. М., 1992.

Рязанов В. Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX—XX вв. СПб., 1998.

Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века: (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

Рю М. Ю. Вопросы измерения процессов концентрации в системах расселения. М., 1978.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960.

Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Уфа, 1985.

Сельские поселения России: Исторический и социокультурный анализ. Сб. ст. М., 1995.

Сельское жилище. М., 1928.

Сельское расселение на Европейском Севере России: Сб. ст. Вологда, 1993.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910.

Сенявский А. С. Российский город в 1960—1980-е гг. М., 1995.

Сенявский А. С. Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов // Урал. ист. вестн. № 5—6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 139—152.

Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

Скаршевская Е. А. Сельское расселение Украины в историко-географической литературе XIX—XX вв. М., 1999.

Смидович С. Г. Особенности политики расселения в СССР на современном этапе. Йошкар-Ола, 1987.

Смирнов И. Н. Этнодемографическая характеристика структуры марийской сельской семьи // Археология и этнография Марийского края. Вып. 18. Современные этнокультурные процессы в марийском селе. Йошкар-Ола, 1991.

Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX в. // Общественные науки и современность. 1998. № 4.

Социально-территориальная структура города и села: (Опыт типол. анализа). Новосибирск, 1982.

Социально-экономические проблемы развития села: (Расселенч. аспект). Киев, 1988.

Спектор М. Д. Вопросы сельского расселения. М., 1977.

Стронгина М. Л. Социально развитие села: поселенческий аспект. М., 1986.

Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

Территориальные социально-экономические системы Урала: территориальная организация производства и расселения Урала. Пермь, 1977.

Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978.

Толстиков В. Г. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945—1998). Челябинск, 1998.

Толстиков В. Г. Ядерная катастрофа 1957 г. на Урале // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. История. 1999. № 1. С. 86—95.

Тойнби П., Ньюби П. Методы географических исследований // Эконом. география. Вып. 1. М., 1977.

Троцкий В. Я. Развитие села в условиях урбанизации на примере Западной Сибири. Новосибирск, 1985.

Трубицын А. А. История санаторно-курортного дела на Урале // Тез. докл. науч.-практ. конф. врачей санаторно-курортных учреждений профсоюзов. Свердловск, 1987.

Трубицын А. А., Оранский И. Е. Здравницы Свердловской и Тюменской областей. Свердловск, 1985.

Трус Л. С. К математической теории расселения // Методы изучения расселения. М., 1988. С. 108—120.

Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

Урал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Тез. докл. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20—21 апреля 1995. Екатеринбург, 1995.

Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.

Уральская Е. М. Сельское расселение и типология сельских населенных пунктов Свердловской области // Вопр. экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964.

Уральская Е. М. Сельские несельскохозяйственные поселения Свердловской области // Вестн. МГУ. Сер. 5, География. 1966. № 5.

Уральская Е. М. Расселение Свердловской области и его районирование: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1968.

Уральский город в XVIII — начале XX в.: проблемы социальной истории. Екатеринбург, 2004.

Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999.

Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987.

Уставщикова С. В., Уставщиков В. В. Демографическая ситуация и сельское расселение в Саратовской области на рубеже веков. Саратов, 2004.

Федосеев В. И. Сельское население региона. М., 1986.

Фаузер В. В., Жиделева В. В., Загайнова Г. В. Расселение населения и его особенности в северных районах. Сыктывкар, 1996.

Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907.

Ходжаев Е. Г. Система расселения в СССР: (Вопр. комплекс. планирования). М., 1977.

Хорев Б. С. Территориальная организация общества: Актуал. проблемы регион. управления и планирования в СССР. М., 1981.

Хорев Б. С. Планирование поселений: предпосылки и возможности. Йошкар-Ола, 1987.

Хореев Б. С. Политика расселения как основа развития сети поселений. Минск, 1989.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII — первой половине XVIII в. Пермь, 1995.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX—XX вв. Екатеринбург, 2002.

Шабрин Е., Ларионов А. Пути преобразования сельских населенных мест в поселок городского типа (на примере Пермской области) // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. 1966. № 128.

Этнодемографическое развитие Урала в XIX—XX вв. Екатеринбург, 2000.

Christaller W. Central place in Southern Germany: Englewood. Cliffs; N. Y., 1966.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
-----------------------	----------

Часть 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Глава 1. Теоретические аспекты анализа сельского расселения	13
Основные понятия теории расселения	13
Концептуальные подходы к изучению расселения	24
Глава 2. Эволюция расселения в контексте теории модернизаций	43
Методологический потенциал концепции модернизаций	49
Урбанизация расселения как составная часть модернизации	66
Сельское расселение в условиях урбанизационного перехода	81
Глава 3. История сельского расселения в XX в.: источниковая база	90
Документы административного и статистического учета поселенческой сети Среднего Урала	93
Краеведческие исследования как исторический источник	131
Глава 4. Методы изучения сельского расселения	166
Информационно-справочная система «Города и села Среднего Урала в XX веке»	168
Математический анализ сельского расселения	183
Динамический анализ сельских поселений	192

Часть 2

СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В XX в.

Глава 5. Географические и социально-экономические аспекты сельского расселения	202
Природно-географические условия и климат Среднего Урала	206
Заселение территории в XV—XX вв.: исторический аспект	212
Демографическая ситуация и сельское расселение в XX в.	220
Глава 6. Основные этапы модернизации сельской поселенческой сети Среднего Урала	233
Стадия расширения	234
Стадия сжатия	259
Глава 7. Судьбы уральских деревень в XX в.: модели развития	285
Динамические модели сельских поселений	285
Факторный анализ динамики сельских поселений	303

Глава 8. Исчезнувшие деревни: динамика и причинно-следственный анализ свертывания поселенческой сети	322
Причины и варианты исчезновения сельских населенных пунктов	322
Временные поселения: особенности функционирования и динамики	358

Часть 3

**ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАЙОНЫ СРЕДНЕГО УРАЛА:
МОДЕЛИ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ**

Глава 9. Региональные модели расселения: опыт экономико-географического районирования	377
Глава 10. Горно-заводское расселение	392
Северный горно-заводской район	395
Центральный горно-заводской район	413
Южный горно-заводской район	431
Глава 11. Сельскохозяйственное расселение	456
Юго-Западный сельскохозяйственный район	457
Юго-Восточный сельскохозяйственный район	472
Глава 12. Лесопромышленное расселение	495
Эволюция и специфика лесопромышленного расселения	495
Северо-Восточный лесопромышленный район	504
Заключение	528
Список использованных источников и литературы	539

Научное издание

Мазур Людмила Николаевна
Бродская Лариса Игоревна

ЭВОЛЮЦИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА В XX ВЕКЕ

Опыт динамического анализа

Редактор и корректор	Р. Н. Кислых
Компьютерная верстка	Н. В. Комардина

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательским отделом университета

План выпуска 2006 г., поз. 46. Подписано в печать 30.05.2006.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 31,82. Усл. печ. л. 32,78. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано на ризографе в лаборатории оргтехники отделения архивоведения,
документоведения и информационно-правового обеспечения управления
исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Переплетные работы выполнены в ООО «ИРА УТК».
620219, Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, 42.